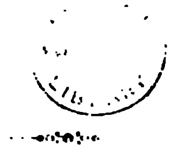
СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ ТРИДЦАТЫЙ.



САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Императорской Академіи Наукъ.
(Вас. Остр., 9-я лин., № 12.)
1882.

ИЗДАНІЯ

ВТОРАГО ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ,

продающіяся въ Комитетѣ Правленія и у коммиссіонеровъ Академіи.

СБОРНИКЪ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ВЫХОДИТЪ ВЪ НЕОПРЕДѢЛЕННЫЕ СРОКИ И СОДЕРЖИТЪ ВЪ СЕБѢ,

СВЕРХЪ ИЗВЛЕЧЕНІЙ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ И ОТЧЕТОВЪ ОТДѢЛЕНІЯ:

Томъ I. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. И. И. Срезневскаго. — **Характеристика Державина какъ поэта,** Я. К. Грота. — **Сношенія П. И. Рычкова съ Академіею Наукъ въ XVIII столѣтіи.** П. П. Пекарскаго — **Мнѣнія о Словарѣ славянскихъ нарѣчій,** А. Б. Шлейхера и И. И. Срезневскаго. — **Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина,** Я. К. Грота. — **О второмъ Отдѣленіи Академіи Наукъ,** его же.

Томъ II. Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, соч. П. П. Пекарскаго. — **Литовскія народныя пѣсни.** И. Юшкевича. — **Коренное значеніе родства у Славянъ,** П. А. Лавровскаго. — **Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755 -- 1764 годовъ,** П. П. Пекарскаго. — **Труды югославянской академіи наукъ и художествъ,** И. И. Срезневскаго. — **Литературные труды П. И. Кеппена,** А. А. Куника. — Къ тому этому приложены два портрета: 1) митрополита Филарета московскаго. 2) П. И. Рычкова.

Томъ III. Древніе Славянскіе памятники юсоваго письма, съ описаніемъ ихъ и съ замѣчаніями объ особенностяхъ ихъ правописанія и языка, И. И. Срезневскаго.

Томъ IV. Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время, И. А. Чистовича.

Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к.

Томъ V. вып. I. **Воспоминанія о научной дѣятельности митрополита Евгенія** И. И. Срезневскаго, съ прибавленіями гг. Полѣнова и Савваитова, съ письмами къ Городчанинову и Анастасевичу. — **Переписка Евгенія съ Державинымъ,** Я. К. Грота, съ письмами къ гр. Хвостову и къ К. К. Гирсу. — **О словаряхъ Евгенія,** А. Ѳ. Бычкова, съ перепискою между преосв. и Ермолаевымъ и съ др. приложеніями. — Цѣна 75 коп.

Томъ V. вып. II. **Переписка А. Х. Востокова въ повременномъ порядкѣ,** съ объяснительными примѣчаніями И. И. Срезневскаго. — Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ VI. Литературная жизнь Крылова, Я. К. Грота. — **Дополн. біогр. извѣстіе о Крыловѣ,** его же. — **О басняхъ Крылова въ худож. отношеніи,** А. В. Никитенко. — **О языкѣ Крылова,** И. И. Срезневскаго. — **О басняхъ Крылова въ переводахъ на иностр. языки,** А. Ѳ. Бычкова. — **Сатира Крылова и его Почта Духовъ,** Я. К. Грота. — **Слово въ день юбилея Крылова,** преосв. Макарія — **Пирогъ; Лѣнтяй; Кофейница,** драматич. сочин. Крылова. — **Пиръ** басня, его же — **Объясненіе Крылова. Письмо его къ В. А. Олениной. Замѣтка о нѣкот. басняхъ Крылова,** Я. К. Грота. — **О новомъ англ. переводѣ басенъ Крылова,** его же. — **Библіографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова,** сост. В. Ѳ. Кеневичемъ. — **Матеріалы для біографіи Крылова,** доставл. гг. Кеневичемъ, Княжевичемъ и Семевскимъ. — Къ книгѣ приложены снимки съ почерка Крылова. — Цѣна 2 р.

Томъ VII. О трудѣ Горскаго и Невоструева: «Описаніе славянскихъ рукописей Синодальной Библіотеки», записка И. И. Срезневскаго. — **Записка о томъ же,** А. Ѳ. Бычкова — **Дополненіе къ исторіи масонства въ Россіи XVIII столѣтія,** П. П. Пекарскаго. — **Толковый словарь В. И. Даля,** записка Я. К. Грота. — **О зоологическихъ названіяхъ въ словарѣ Даля,** записка Л. И. Шренка. — **О ботаническихъ названіяхъ въ словарѣ Даля,** замѣтка Ф. И. Рупрехта. — **Дополненія и замѣтки съ словарю Даля,** Я. К. Грота. — **Дополненіе къ областному словарю,** П. Я. Данилевскаго. — **Объясненіе темныхъ и испорченныхъ мѣстъ русской лѣтописи,** Я. К. Эрбена. — **Разсмотрѣніе рецензій «Описанія рукописей Синодальной Библіотеки»,** статья К. И. Невоструева. — **О греческомъ кондакарѣ XII — XIII**

вѣка, архим. Амфилохія.—**Итальянскіе архивы и матеріалы для славянской исторіи,** В. Макушева.—**Отчеты о дѣятельности Отдѣленія за 1868 и 1869 гг. и очеркъ біографіи А. С. Норова,** сост. А. В. Никитенко.—Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ VIII. Ломоносовъ какъ писатель. Сборникъ матеріаловъ для разсмотрѣнія авторской дѣятельности Ломоносова. Составилъ А. Будиловичъ. — **Матеріалы для библіографіи литературы о Ломоносовѣ,** С. И. Пономарева. — **Замѣчанія объ изученіи русскаго языка и словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ,** И. Срезневскаго. — **Итальянскіе архивы и хранящіеся въ нихъ матеріалы для славянской исторіи. — II. Неаполь и Палермо. III. Неаполь, Бари и Анкона,** В. Макушева.—Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ IX. Историческія бумаги, собранныя К. И. Арсеньевымъ. Приведены въ порядокъ и изданы П. П. Пекарскимъ съ біографіею и портретомъ Арсеньева.—Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ X. Воспоминаніе о Сперанскомъ, А. В. Никитенко. — **Петръ Великій, какъ просвѣтитель Россіи,** Я. К. Грота.—**Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ,** Д. А. Ровинскаго. — **Когда основаны Уфа и Самара,** П. П. Пекарскаго. — **Повѣсть о судѣ Шемяки,** М. И. Сухомлинова. — **Библіографическія находки во Львовѣ,** Я. Ѳ. Головацкаго. — **Дополненіе къ словарю Даля,** П. В. Шейна. — **Воспоминанія о Далѣ и Пекарскомъ,** Я. К. Грота.—Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XI. Исторія Россійской Академіи. Выпускъ первый. М. И. Сухомлинова. — **Записка о путешествіи въ Швецію и Норвегію,** Я. К. Грота. — **Русскій театръ въ Петербургѣ и Москвѣ (1749 — 1774),** М. Н. Лонгинова.—**Дополненіе къ очерку славяно-русской библіографіи В. М. Ундольскаго,** сост. Я. Ф. Головацкимъ. - **Дополненія и замѣтки** I. Ф. Паумова **къ Толковому словарю Даля.** Къ книгѣ приложенъ портретъ академика Пекарскаго.—Цѣна 2 р.

Томъ XII. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, И. И. Срезневскаго. — **Сборникъ Бѣлорусскихъ пословицъ.** И. И. Носовича.—Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XIII. Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлецера, имъ самимъ описанная. Пребываніе и служба въ Россіи, отъ 1761 до 1765 г. Извѣстія о тогдашней Русской литературѣ. Переводъ съ нѣмецкаго съ примѣчаніями и приложеніями В. Кеневича (съ портретомъ Шлецера). Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XIV. Исторія Россійской Академіи. Выпускъ второй. М. И. Сухомлинова.—Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XV. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, И. И. Срезневскаго.—**Палеографическія наблюденія по памятникамъ греческаго письма,** И. И. Срезневскаго. — **Отрывки греческаго текста каноническихъ отвѣтовъ русскаго митрополита Іоанна II,** А. С. Павлова. — **Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта,** Я. К. Грота.—Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XVI. Исторія Россійской Академіи. Выпускъ третій. М. Сухомлинова.—Цѣна 1 р 75 к.

Томъ XVII. Апокрифическія сказанія о Ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой библіотеки, И. Я. Порфирьева.—**Іерусалимъ и Палестина въ русской литературѣ, наукѣ, живописи и переводахъ (Матеріалы для библіографіи),** С. И. Пономарева. — **Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области великорусскаго нарѣчія,** М. А. Колосова. — Цѣна 1 р. 75 к.

Томъ XVIII. Екатерина II и Густавъ III, Я. К. Грота. — **Воспоминанія о четырехсотлѣтнемъ юбилеѣ Упсальскаго университета,** Я. К. Грота.—**Подлинники писемъ Гоголя къ Максимовичу и напечатанные отрывки изъ нихъ,** С. И. Пономарева. — **Библіографическія и историческія замѣтки. Орѣховецкій договоръ.—Происхожденіе Екатерины I,** Я. К. Грота.—**Рѣчь въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ по случаю Столѣтняго юбилея Александра I,** М. И. Сухомлинова.—**На память о Бодянскомъ, Григоровичѣ и Прейсѣ, первыхъ преподавателяхъ славянской филологіи,** И. И. Срезневскаго —**Отчетъ коммиссіи о присужденіи преміи графа Н. А. Кушелева-Безбородки за біографію канцлера князя А. А. Безбородки,** Я. К. Грота. — **Замѣтки о сущности нѣкоторыхъ звуковъ Рус-**

скаго языка, Я. К. Грота. — **Новые труды преосвященнаго Порфирія Успенскаго,** С. И. Пономарева. — Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XIX. Исторія Россійской Академіи. Выпускъ четвертый. М. И. Сухомлинова.—**Чешскія Глоссы въ Mater Verborum.** Разборъ А. О. Патеры и дополнительныя замѣчанія И. И. Срезневскаго.— Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XX. Некрологъ князя Вяземскаго, составленный акад. Я. К. Гротомъ. — **Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ.** Я. К. Грота. — **Слово о двѣнадцати снахъ Шаханши, по рукописямъ XV вѣка.** Академика А. Н. Веселовскаго. — **О славянскихъ редакціяхъ одного апполога Варлаама и Іоасафа.** А. Н. Веселовскаго. — **Свѣдѣнія и Замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ LXXXI—XC.** И. И. Срезневскій. — **Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1878 годъ,** составленный академикомъ М И. Сухомлиновымъ. — **Заботы Екатерины II о народномъ образованіи.** Я. К. Грота. — **Князь Вяземскій.** М. И. Сухомлинова. — **Памяти кн. Вяземскаго.** С. И. Пономарева. — **Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ.** Академика А. Н. Веселовскаго. Къ книгѣ приложены портреты кн. П. А. Вяземскаго и А. В. Никитенко. Цѣна 2 руб.

Томъ XXI. Записки объ ученыхъ трудахъ И. В. Ягича и А. Н. Веселовскаго, составленныя ак. Я. К. Гротомъ. — **Русско-пинскій словарь** Минской губерніи мѣстечка Семежова. — **Старообрядческій синодикъ.** А. Н. Пыпина. — **Разысканія въ области духовныхъ стиховъ.** А. Н. Веселовскаго. — **Диссидентскій вопросъ въ Польшѣ.** И. А. Чистовича. — **Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ.** Ст. II. Я. К. Грота. — **Фріульскіе Славяне.** И. И. Срезневскаго. — **Дополненіе къ Бѣлорусскому словарю.** И. И. Носовича. — **Отчетъ Отдѣленія р. яз. и слов. за 1879 г.,** составленный М. И. Сухомлиновымъ. — **Нѣсколько припоминаній о научной дѣятельности А. Е. Викторова.** И. И. Срезневскаго. Цѣна 2 руб.

Томъ XXII. Исторія Россійской Академіи. М. И. Сухомлинова. Выпускъ V.— **Южно-русскія былины.** А. Н. Веселовскаго. — **Croissans-crescens и Средневѣковыя легенды о половой метаморфозѣ.** А. Н. Веселовскаго.— **О Ксанфинѣ. Греческая Трапезунтская былина Византійской эпохи.** Г. С. Дестуниса. — **Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ** И. И. Срезневскаго — **Отчетъ Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1880 г.,** съ некрологомъ И. И. Срезневскаго, составленный А. Ѳ. Бычковымъ. Къ книгѣ приложенъ портретъ И. И. Срезневскаго. — Цѣна 2 руб.

Томы XXIII — XXVII. Русскія народныя картинки. Д. А. Ровинскаго. Книга I. **Сказки и забавные листы.** — Кн. II. **Листы историческіе, календари и буквари.** — Кн. III. **Притчи и листы духовные.** — Кн. IV. **Примѣчанія и дополненія.** — Кн V. **Заключеніе и алфавитный указатель именъ и предметовъ.** — Цѣна за всѣ 5 томовъ 10 руб.

Томъ XXVIII. Жизнь и дѣянія великаго Тамерлана. Сочиненія Клавихо. Дневникъ путешествія ко двору Тимура въ Самаркандъ. 1403—1416. Подлинный текстъ съ переводомъ и примѣчаніями, составленными подъ редакціею И. И. Срезневскаго. — **Разысканія въ области духовнаго стиха. III—V.** А. Н. Веселовскаго. — **Богатырское слово въ спискѣ начала XVII вѣка,** открытое Е. В. Барсовымъ. Цѣна 2 р.

Томъ XXIX. Эрикъ Лаксманъ. Я. К. Грота. — **Отчетъ II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1881 годъ.** А. Н. Веселовскаго. — **Новыя свѣдѣнія о Котошихинѣ по шведскимъ источникамъ.** Я. К. Грота. — **Библіологическій словарь и черновые къ нему матеріалы.** П. М. Строева. Изданъ подъ редакціею А. Ѳ. Бычкова съ составленнымъ имъ особымъ указателемъ. Цѣна 2 р. 25 к.

ДРУГІЯ ИЗДАНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ:

Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота:

Томъ I (съ портретомъ Державина и 1-й жены его, со снимками и многочисленными рисунками). Спб. 1864: 4 р.

Томъ II (съ рисунками), 1865: 3 р.

Томъ III (съ портретомъ 2-й жены Державина). 1866: 2 руб.

Томъ IV (съ алфавитнымъ указателемъ къ 4-мъ томамъ). 1867: 2 руб.

Томъ V (съ портретомъ Державина, снимками и указателемъ). 1869: 2 руб. 50 коп.

Томъ VI (съ портретомъ Державина и указателемъ) 1871: 2 руб 50 коп.
Томъ VII (съ указателемъ). 1872: 2 руб.
Томъ VIII (съ портретомъ, рисунками и снимкомъ). 1880: 5 руб.

Той же книги 2-е изданіе общедоступное, безъ рисунковъ:
Томъ I (съ портретомъ Державина). Спб. 1868: 1 руб — Томъ II. 1869: 1 руб. — Томъ III. 1870: 1 руб.—Томъ IV. 1874: 1 руб.—Томъ V. 1876: 1 руб — Томъ VI. 1876: 1 руб. — Томъ VII. 1878: 1 руб.

Жизнь Державина (съ портретомъ, рисунками и снимкомъ). Спб. 1880. Цѣна 5 р.

Матеріалы для біографіи Ломоносова, собранные П. П. Билярскимъ. Спб. 1865. Цѣна 1 р. 50 к.

Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова, П. Пекарскаго. Спб 1865. Цѣна 50 к.

Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта. Бумаги Кара и Бибикова (со снимкомъ). Я. Грота. Спб. 1862. Цѣна 30 к.

То же. Переписка Екатерины II съ графомъ П. И. Панинымъ, Я. Грота. Спб. 1862. Цѣна 25 к.

То же. Бумаги, относящіяся къ послѣднему періоду мятежа и къ поимкѣ Пугачева. Я. Грота. Спб. 1874. Цѣна 60 к.

Письма Ломоносова и Сумарокова къ Шувалову, Я. Грота. 1862: 30 к.

Очеркъ академической дѣятельности Ломоносова. Его же. 1865: 20 к.

Письма Карамзина къ Дмитріеву. Съ портретомъ и снимками. Издали съ примѣч. Я. Гротъ и П. Пекарскій. Спб. 1866: 2 р.

Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина. Я. Грота Спб. 1868: 25 к.

Литературная жизнь Крылова. Его же. Спб. 1868: 25 к.

Редакторъ, сотрудники и цензура въ Русскомъ журналѣ 1755 — 1764 годовъ, П. Пекарскаго. Спб. 1867: 35 к.

Путешествіе акад. Делиля въ Березовъ 1740 года. П. Пекарскаго. 50 к.

Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, изслѣдованіе П. Пекарскаго (съ портретомъ и снимкомъ). Спб. 1867: 75 к.

Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II. П. П. Пекарскаго. Спб. 1863: 25 к.

Извѣстія о Татищевѣ. Его же: 40 к.

Словарь Бѣлорусскаго нарѣчія, И. Носовича. Спб. 1870. 3 р.

Сербско-Русскій словарь, П. Лавровскаго. Спб. 1870: 1 р. 50 к

Отчетъ о четвертомъ присужденіи Ломоносовской преміи, Я. Грота (разборъ Толковаго Словаря Даля). Спб. 1870: 45 к.

Замѣчанія объ изученіи русскаго языка и словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, И. Срезневскаго. Спб. 1872: 30 к.

Петръ Великій, какъ просвѣтитель Россіи, Я. Грота. Спб. 1872: 40 к.

Воспоминанія о В. И. Далѣ и П. П. Пекарскомъ, Я. Грота. Спб. 1874: 20 к.

Сочиненія и письма Хемницера, съ примѣчаніями Я. Грота. Спб. 1873: 1 р. 50 к.

Исторія Императорской Академіи Наукъ, П. Пекарскаго. Т. I. Спб. 1870. Цѣна 3 р. Т. II. Спб. 1873. Цѣна 3 р. 50 к.

Записка о путешествіи въ Швецію и Норвегію, Я. Грота. Спб. 1873: 25 к.

Спорные вопросы русскаго правописанія. Я. Грота. Спб. 1876. 2-е изд. Цѣна 1 р. 25 коп.

Исторія Россійской Академіи. М. Сухомлинова. Выпускъ I. Цѣна 1 р. 50 к. Вып. II, цѣна 1 р. 50 к. Вып. III, цѣна 1 р. 75 коп. Вып. IV, цѣна 2 р. Вып. V, цѣна 2 р.

Екатерина II и Густавъ III. Я Грота. Спб. 1877: 50 коп.

Воспоминанія о четырехсотлѣтнемъ юбилеѣ Упсальскаго университета. Я. Грота. Спб. 1877: 30 коп.

Рѣчь по случаю столѣтняго юбилея Александра I. М. Сухомлинова. Спб. 1877: 45 коп.

Библіографическія и историческія замѣтки. Орѣховецкій договоръ. Происхожденіе Екатерины I (со снимкомъ рукописи договора). Я. Грота. Спб. 1877: 25 к.

Чешскія Глоссы въ Mater Verborum. Разборъ А. О. Патеры и дополнительныя замѣчанія И. И. Срезневскаго. Цѣна 60 к.

Иногородные адресуютъ свои требованія въ Комитетъ Правленія Академіи Наукъ и, прилагая деньги по выставленнымъ здѣсь цѣнамъ, получаютъ книги безъ платежа вѣсовыхъ.

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

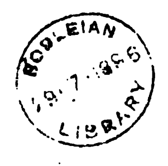
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ ТРИДЦАТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Императорской Академіи Наукъ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1882.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Іюнь. 1882 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*



ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

ЗАСѢДАНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

(Январь — Май 1882 г.)

Академикъ И. В. Ягичъ прочелъ слѣдующую записку: «Для успѣшныхъ изслѣдованій по исторіи русскаго языка прежде всего желательно имѣть полныя критическія изданія важнѣйшихъ и древнѣйшихъ памятниковъ. Всѣмъ занимающимся этимъ предметомъ стало теперь яснымъ, что господствовавшій до сихъ поръ пріемъ, по которому издавались только отрывки различныхъ текстовъ, хотя бы изъ древнѣйшихъ памятниковъ, для цѣли научной, филологической, не пригоденъ. — Онъ можетъ удовлетворять историка литературы, но филологъ, внимательно слѣдящій за развитіемъ языка, начиная съ древнѣйшихъ письменныхъ памятниковъ, желаетъ дѣлать свои обобщенія и выводы только на основаніи полнаго существующаго матеріала, и стало быть нуждается не въ отрывкахъ изъ многихъ текстовъ, а въ полныхъ, точныхъ изданіяхъ древнѣйшихъ памятниковъ. Иначе выходитъ, что по поводу явленій, замѣченныхъ въ текстахъ XIII или XIV столѣтій, строятся гипотезы объ отношеніи перваго развитія русскихъ говоровъ къ этимъ позднимъ столѣтіямъ, тогда какъ нѣсколькими неизданными страницами памятниковъ XI вѣка можно засвидѣтельствовать существованіе тѣхъ же чертъ народныхъ говоровъ уже въ то время. — И такъ, полное изданіе древнѣйшихъ памятниковъ для филологической науки сравнительно важнѣе, чѣмъ множество отрывочныхъ указаній или извлеченій изъ текстовъ различныхъ временъ. Только въ той эпохѣ литературы, когда она изобилуетъ большимъ числомъ памятниковъ, повторяющимъ иногда одно и тоже, позволительно довольствоваться отрывочными указаніями. — Про

XI и XII столѣтія древне-русской письменности этого сказать нельзя. Число памятниковъ этихъ двухъ вѣковъ, вообще довольно ограниченное, будетъ еще скуднѣе, если дать предпочтеніе памятникамъ съ точно опредѣленными годами передъ тѣми, о времени которыхъ мы въ состояніи судить только по палеографическимъ, пока еще не очень надежнымъ, соображеніямъ. По этому мнѣ кажется дѣломъ достойнымъ II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, *если оно возьметъ на себя полное изданіе древнѣйшихъ памятниковъ русской письменности, на первый случай памятниковъ XI и XII вѣка, съ точно опредѣленными годами ихъ написанія*, давая конечно до времени предпочтеніе *памятникамъ еще до сихъ поръ неизданнымъ*. — Укажу изъ XI вѣка на сборникъ 1076 года, на Минеи 1096 г., 1097 года, изъ XII-го — на Евангеліе Мстиславово и галицкое 1144 года, на Стихирарь 1157 года и т. д.

«Предлагая этотъ предметъ на обсужденіе II Отдѣленія, я позволяю себѣ указать на слѣдующія главныя начала, которыми могло бы руководствоваться Отдѣленіе при такомъ изданіи:

а) каждый памятникъ, изданіе котораго будетъ признано полезнымъ, печатать вполнѣ, т. е. все уцѣлѣвшее, съ соблюденіемъ всѣхъ палеографическихъ особенностей. Въ текстѣ не измѣнять ничего, обозначать даже строки отвѣсными чертами. — Подъ текстомъ, смотря по качеству памятниковъ, можно дѣлать критическія или объяснительныя примѣчанія;

b) къ каждому тексту прибавлять всегда словарь всѣхъ болѣе замѣчательныхъ выраженій, т. е. словъ съ фразами, и, гдѣ возможно, съ присоединеніемъ подлиннаго текста (если памятникъ переводный);

c) каждый томъ снабжать введеніемъ историко - литературнаго содержанія;

d) каждый памятникъ снабжать снимками для указанія его почерка;

e) желательно было бы, чтобъ такого рода предпріятіе носило какое либо общее заглавіе (напр. Древности русскаго языка, Древнерусская библіотека, Древнѣйшіе памятники русской письменности, или что либо другое въ этомъ родѣ);

f) сверхъ того было бы желательно, чтобы памятники издавались въ одномъ и томъ же форматѣ, однимъ шрифтомъ и т. п.

Отдѣленіе, вполнѣ одобривъ предположенія И. В. Ягича, опредѣлило предоставить ему, совмѣстно съ А. Ф. Бычковымъ, при-

ступить, когда онъ найдетъ возможнымъ, къ приготовительнымъ для означенной цѣли работамъ.

Академикъ Я. К. Гротъ доложилъ, что такъ какъ изданіе сочиненій Державина скоро будетъ окончено, то возникаетъ вопросъ о сдачѣ множества полученныхъ имъ въ разное время и отъ разныхъ лицъ для этого изданія рукописныхъ матеріаловъ. Многихъ изъ этихъ лицъ уже нѣтъ въ живыхъ, мѣстопребываніе другихъ неизвѣстно. и потому онъ полагалъ, что всего цѣлесообразнѣе было бы переплести важнѣйшія изъ этихъ рукописей вмѣстѣ по извѣстнымъ отдѣламъ, и передать ихъ частію въ собственность, частію на временное храненіе въ Императорскую Публичную Библіотеку, гдѣ онѣ могутъ быть всего доступнѣе для тѣхъ. кто пожелаетъ съ ними ознакомиться. По одобреніи этого предположенія Отдѣленіемъ, А. Ф. Бычковъ, заявивъ, что Публичная Библіотека съ благодарностію имъ воспользуется, добавилъ, что это учрежденіе охотно приметъ на себя издержки, какія потребуются на переплеты Державинскихъ рукописей.

Академикъ И. В. Ягичъ довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что занимающійся славянскою филологіею кандидатъ С.-Петербургскаго Университета Юрій Семеновичъ Анненковъ предлагаетъ напечатать въ *Сборникѣ* сдѣлавшееся крайне рѣдкимъ сочиненіе Петра Хельчицкаго «Git véry», напечатанное въ 1521 году въ Южной Чехіи, при чемъ г. Анненковъ принимаетъ на себя и снабженіе текста какъ надлежащимъ историко-литературнымъ введеніемъ, такъ и параллелями изъ другихъ трудовъ Хельчицкаго. Прочитавъ вмѣстѣ съ тѣмъ составленное г. Анненковымъ описаніе находящагося въ его рукахъ экземпляра этой книги съ изложеніемъ самаго содержанія ея, академикъ Ягичъ объяснилъ, что по его мнѣнію новое изданіе труда Хельчицкаго было бы дѣломъ достойнымъ Отдѣленія и представляется тѣмъ менѣе затруднительнымъ, что сочиненіе это въ *Сборникѣ* заняло бы сравнительно лишь незначительное мѣсто. Отдѣленіе, одобривъ это предположеніе, просило И. В. Ягича принять на себя наблюденіе за печатаніемъ памятника, а вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлило: записку г. Анненкова приложить къ протоколу.

Читано письмо г. Подвысоцкаго на имя академика Грота, въ которомъ, извѣщая о полученіи имъ обратно рукописи его словаря Архангельскаго нарѣчія, предлагаетъ представить проектъ собиранія на мѣстахъ матеріаловъ для составленія областныхъ словарей другихъ русскихъ нарѣчій. Положено просить г. Подвы-

соцкаго о доставленіи задуманнаго имъ проекта и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщить ему, что по приведеніи имъ въ окончательный видъ словаря Архангельскаго нарѣчія, Отдѣленіе готово напечатать оный на счетъ Академіи.

Читано прошеніе почетнаго корреспондента Императорской Публичной Библіотеки и коммиссіонера библіотеки Академіи Наукъ г. Каратаева, въ которомъ онъ, представляя изданное имъ въ 1878 году «Описаніе славянорусскихъ книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами», изъясняетъ, что намѣренъ приступить къ новому, значительно пополненному изданію означеннаго каталога. Въ этомъ изданіи имъ будутъ сообщены, по примѣру перваго выпуска, наиважнѣйшія предисловія и послѣсловія описанныхъ книгъ, нѣкоторыя выписки изъ текста, для сличенія книгъ одного и того же содержанія, а также мѣста нахожденія книгъ и ихъ библіографія. Въ концѣ «описанія» будутъ помѣщены алфавитные указатели: книгъ, именъ, городовъ, монастырей и другихъ мѣстъ, гдѣ производилось печатаніе книгъ. Изданіе это, по соображенію г. Каратаева, займетъ приблизительно до 45-ти печатныхъ листовъ. Предпринимая нынѣ путешествіе для осмотра нѣкоторыхъ библіотекъ, г. Каратаевъ проситъ о напечатаніи предполагаемаго новаго изданія на средства Отдѣленія.

Отдѣленіе, находя трудъ г. Каратаева весьма полезнымъ и заслуживающимъ поддержки, опредѣлило предложеніе его принять съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ, если при печатаніи каталога окажутся нужными какія либо измѣненія, оныя были бы сдѣланы по указаніямъ Отдѣленія.

Академикъ Гротъ передалъ на разсмотрѣніе сочленовъ доставленные г. Шейномъ 11 тетрадей вполнѣ обработанныхъ имъ результатовъ его бѣлорусской командировки. Чтобы удобнѣе обсудить этотъ трудъ, Отдѣленіе опредѣлило пригласить г. Шейна для личныхъ объясненій въ слѣдующее засѣданіе Отдѣленія. По просмотрѣ означенныхъ рукописей, при взаимномъ обмѣнѣ мыслей, положено предоставить г. Шейну на основаніи высказанныхъ членами Отдѣленія замѣчаній приготовить эти матеріалы къ печати, располагая пѣсни отдѣлами по родамъ ихъ (какъ напр. обрядныя, колядныя и т. п.), съ устраненіемъ тѣхъ, которыя уже были напечатаны и не представляютъ важныхъ отличій, и вообще съ возможнымъ соблюденіемъ правила: печатать только новое и дѣйствительно достойное вниманія.

Академикъ Гротъ прочелъ полученное имъ отъ Шведскаго ученаго г. Йэрне письмо съ нѣкоторыми поясненіями и дополненіями къ недавно напечатанной статьѣ: «Новыя свѣдѣнія о Котошихинѣ по шведскимъ источникамъ». Положено напечатать ихъ въ приложеніяхъ къ протоколу.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ПРОТОКОЛУ.

Авторъ шведской статьи о Котошихинѣ, получивъ отъ академика Грота нѣсколько оттисковъ русскаго текста ея, отозвался между прочимъ, что трудъ Ширрена объ источникахъ русской исторіи въ шведскихъ архивахъ былъ давно ему извѣстенъ и онъ имъ пользовался, но не упомянулъ о немъ потому, что хотѣлъ указать только на такія рукописи, которыя самъ видѣлъ. Ширренъ часто почерпалъ свои свѣдѣнія изъ старыхъ архивныхъ каталоговъ XVII вѣка, а въ пожарѣ 1697 г. многіе изъ упоминаемыхъ въ этихъ каталогахъ матеріаловъ погибли, такъ что ихъ уже нигдѣ нельзя отыскать.

Особенно любопытно для г. Йэрне было удостовѣриться, что прошенія Котошихина къ королю и его совѣтникамъ сохранились. Собирая матеріалы для своей статьи, онъ напрасно искалъ ихъ; теперь же ему стало вполнѣ ясно, какъ они исчезли. Покойный Готлундъ (лекторъ финскаго языка въ гельсингфорскомъ университетѣ) извѣстенъ въ шведскомъ государственномъ архивѣ своею недобросовѣстною привычкою присвоивать себѣ документы, когда за нимъ не довольно зорко наблюдали. Въ финляндскомъ архивѣ есть цѣлый отдѣлъ актовъ, носящій его имя и возникшій такимъ образомъ. Вѣроятно онъ и въ Петербургъ доставилъ не мало писанныхъ по русски бумагъ и что онѣ теперь въ какомъ нибудь общественномъ учрежденіи ограждены отъ дальнѣйшаго расхищенія.

Матеріалы для изслѣдованій по шведской исторіи, говоритъ г. Йэрне, такъ богаты въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, что еще долгое время трудно будетъ исчерпать ихъ. Далѣе онъ не можетъ нахвалиться внимательностью, съ какою ему облегчаемы были его занятія въ этомъ архивѣ какъ самимъ директоромъ, такъ и другими служащими тутъ лицами. Относительно Котошихина сообщаетъ онъ слѣдующія выписки.

Котошихинъ въ Нарвѣ.

Шведскія дѣла: 1665 г. № 6 (Арх. древн. снош. Россіи съ Швеціей. *Связка 105*). Отправленъ былъ въ Швецію гонцомъ *Казанскаго приказа подьячій Михайло Прокофьевъ*. Память ему отъ *Октября 27*. Пришелъ въ Нарву *Ноября 21*. Поѣхалъ изъ Нарвы *Ноября 27*, черезъ Ингерманландію, Финляндію и пр. въ Стокгольмъ.

Изъ письма его къ Государю, *Нарва*, *Ноября 23*: «.... Да мнѣ же, холопу твоему, вѣдомо учинилос подлинно, что измѣнникъ Гришка Каташихин пришед живет нынс в Ругодиве и ходит в немецком платье. И я, холопъ твой, посылал к Ругодивскому генералу толмача Пимина Иванова, и с приставом приказывал не по одно время, чтоб он, генерал, исполняя вашу великого государя дружбу и любовь с королевскимъ величеством, измѣнника Гришку Каташихина велѣлъ в Ругодиве поимат и сковав отослат к вамъ великому государю. И толмач Пимин и пристав мнѣ, холопу твоему, сказывали, что де они Ругодивскому генералу о измѣннике Гришке говорили, и генерал де имъ сказал, что он Гришка пришел в Ругодив тому недѣл с шесть, и сказался ему что он на вашей великого государя службе взят былъ в полон под Шкловымъ, и былъ в полону у Полского короля, а из Полши ушел через Немецкие земли и пришел в Ругодив, а сказался, что он идет к вам великому государю. И он де генерал, не вѣдая к вамъ великому государю ево Гришкины измѣны, велѣл ево принят, и кормъ дат, и для ево наготы здѣлат немецкое платье. А ныне, по ево Гришкину челобит'ю, он генерал отпущает ево изъ Ругодива к вамъ великому государю к Москве, и до рубежа посылает с ним провожатых. А если он Гришка вскоре из Ругодива к вамъ великому государю не поѣдетъ, и он де генерал велит ево Гришку, сковав, отослат в Великиі Новгород. . . »

Тоже самое въ статейномъ его спискѣ послѣ пріѣзда изъ Швеціи (*ibid.*).

Ни въ *отпискахъ Новгородскихъ воеводъ къ государю* (Шв. дѣла 1665—1667), ни въ *столбцѣ объ отправленіи жильца Іоны Леонтьева* (Швед. дѣла 1667, № 4 въ св. 107; статейный списокъ этого гонца вѣроятно потерянъ) нѣтъ ничего о Котошихинѣ.

Даніилъ Анастасіусъ.

Ib. Шведск. дѣла 1656 г., *№ 6*. (Арх. древн. *св. 77*): Письмо на шведскомъ языкѣ къ фактору Новгородскому Адольфу Эберсу, подписанное: *Narfwen den 13 Martii 1656*, *Daniel Anastasius*. Раз-

ныя военныя и политическія извѣстія. Изъ письма явствуетъ, что этотъ Даніилъ Анастасіусъ съ Нарвскимъ генералъ-губернаторомъ, вѣроятно въ качествѣ толмача, путешествовалъ въ Ингерманландіи и Кареліи. Проситъ о *книгахъ*, которыя онъ, Даніилъ Анастасіусъ, въ 1652 г. оставилъ въ Москвѣ у покойнаго ротмистра Елофа Гуннарсона (Ryttmästar Elof Gunnarsson; Шведъ въ царской службѣ?).

Росписка Котошихина въ архивѣ Каммеръ-Коллегіи въ Стокгольмѣ 21 мая 1666 года.

«Jahan Alexander Selickij *своею рукою подписалъ и сію отпись далъ*».

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XXX, № 1.

ПАМЯТНИКИ БОЛГАРСКАГО НАРОДНАГО ТВОРЧЕСТВА.

ВЫПУСКЪ I-й.

СБОРНИКЪ
ЗАПАДНО-БОЛГАРСКИХЪ ПѢСЕНЪ

СЪ СЛОВАРЕМЪ

(ОКРУГИ: ВЕЛЕСКІЙ, ОХРИДСКІЙ, ДЖУМАЛІЙСКІЙ, МЕЛЬНИКСКІЙ, САМОКОВСКІЙ, КЮСТЕНДИЛЬ-БАНСКІЙ, ДУПНИЧСКІЙ, СОФІЙСКІЙ, РАДОМІРСКІЙ, ТРЕНСКІЙ (СЪ М. БРЕЗНИКОМЪ), ВРАНСКІЙ, ЛЕСКОВСКІЙ, ПИРОТСКІЙ, БЕРКОВИЧСКІЙ, БѢЛГРАДЧИЦКІЙ И ВРАЧАНСКІЙ).

СОБРАЛЪ
ВЛАДИМІРЪ КАЧАНОВСКІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
(Вас. Остр., 9 лин., № 12).
1882.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ. Май 1882 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Пѣсни на дни другихъ праздниковъ.

Пѣсни изъ семейнаго быта.

Историческія—Юнацкія пѣсни и сказанія.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Употребленное собирателемъ въ заглавіи названіе «Западноболгарскихъ» не можетъ быть осуждаемо и недолжно быть понимаемо такъ, будто онъ желаетъ внести дробленіе въ единый Болгарскій народъ. Не можетъ быть оспариваемо положеніе, что разница между восточною и западною частью Болгаріи существуетъ. Западная часть должна обратить на себя вниманіе того, кто бы пожелалъ уяснить себѣ выдѣленіе Сербскаго нарѣчія изъ Старославянскаго языка. Вопросъ о выдѣленіи Сербскаго нарѣчія не новъ: извѣстны прекрасныя соображенія профессора Харьковскаго университета г. Потебни въ книгѣ: «Къ исторіи звуковъ Русскаго языка» и проф. Ягича въ статьѣ «Podmladjena vokalizacija», помѣщенной въ IX-ой книги Rad-a Югославянской академіи. Кромѣ того, терминъ «западная часть Болгарскаго народа» не новъ; онъ имѣетъ свое историческое основаніе. Составитель сказанія «о перенесеніи мощей св. Іоанна пустынножителя Рыльскаго изъ Тернова въ Рыльскій монастырь» Владиславъ грамматикъ (родомъ сербъ)[1], не смотря на то,

---

[1]) Владиславъ грамматикъ свое сказаніе прибавилъ къ житію сего святаго, составленному Терновскимъ патріархомъ Евѳиміемъ, какъ видно изъ заглавія: «житіе и жизнь преподобнаго ѡ҃ца нашего іѡанна рыл҆скаго. въ нем҆же и како прѣнесенъ бы҆ въ трьновъ. Съписано еуѳиміемъ патріархѡм трьновскыим.

что мѣстности западной Болгаріи, со времени сербскаго царя Степана Душана [1331—1355 г.], входили въ составъ сербскаго государства, въ своемъ выше поименованномъ трудѣ, писанномъ 1479 г. (=҂ѕ҃ц҃п҃з), когда и Болгаріей и Сербіей обладали Турки, выражается, между прочимъ, слѣдующимъ образомъ: «б҃оу и се҃ въсакостроннѣ нѣкако и съмотрителнѣ оубо̀ съдѣла́вшоу и бл҃гопроизволи́вшоу сі́е́ та́ко быти. ꙗко да и за́паднаа пакы̀ страны̀ блъгарскые то́го ѿчьствїа пришъствїемь его ост҃етсє, и на лоучьшаꙗ наздають». Это западная часть Болгарской страны отличается имъ и отъ смежной съ нею страны Загорской съ центромъ Терновомъ.

Правописаніе, принятое собирателемъ въ изданіи этого сборника Болгарскихъ пѣсенъ, отличающееся отъ принятаго въ новоболгарской литературѣ, не можетъ быть осуждаемо, какъ нововведеніе: филологическое изданіе народныхъ памятниковъ требуетъ вѣрной передачи всѣхъ оттѣнковъ говора, чему не удовлетворяетъ современное новоболгарское правописаніе; въ послѣднемъ, напр., принято начертаніе ѫ, какъ выраженіе а (носоваго соединенія), но въ дѣйствительности такое специфическое значеніе ѫ—а не оправдывается: въ разныхъ мѣстностяхъ ѫ различно произносится, то какъ а, то какъ о, ъ, ы, и у.

Но принимая въ этомъ изданіи филологическое правописаніе, собиратель и здѣсь не является нововводителемъ на болгарской почвѣ. Ему посчастливилось въ Болгаріи отыскать нѣсколько рукописей, писанныхъ на народномъ (западно-болгарскомъ) нарѣчіи въ правописаніи коихъ принятое имъ правописаніе находитъ историческое основаніе. Это правописаніе чисто звуковое. Болгарскіе писцы XVII и XVIII вв., потерявъ традицію среднеболгарскаго письма — и замѣтить нужно къ великому добру — начали вполнѣ

На конци же слова и о ѡбновлѥни ст҃ыѥ обитѣли его иже въ рылѣ. и како пакы прѣнесень бы҃ ѿ трънова въ тъжде славныи монастирь рыл'скыи. съписано послѣдныим въ діацѣх, владиславомь граммматікѡмь». Рукопись въ Рыльскомъ монастырѣ, №61.

вѣрно переводить звуки слова на письмо: какъ говорили, такъ и писали. Для образца приводимъ нѣсколько отрывковъ изъ двухъ рукописей: одна, XVIII в., принадлежитъ одному болгарину въ селѣ Рылѣ, которую будемъ обозначать № 1, а другая, XVII—XVII в., хранится въ библіотекѣ Рыльскаго монастыря подъ № 53. Избранные мною отрывки заслуживаютъ вниманія и какъ образчики болгарскихъ проповѣдей; въ нихъ находимъ изображеніе болгарскихъ нравовъ и обычаевъ. Первыя три проповѣди сборника № 1 направлены противъ вѣрованія въ «самовилы, бродницы, магесницы и обаяльницы». Въ первомъ, напр., словѣ читаемъ: «магесницы и баснарки и кои ходать на самовили, и на магесницы, и на баснаркы, ѡни нарицаютсє идолопоклонницы, които лаѫть ѡлово, и които вѣрѸѧть на бась на залагане, чародєѧние, които завезѸѧть звѣри, и мечки и вльцы, и гледать на звезди, и завезѸѧть младенцы. кои жены нарицаютсе лекарйцы. да давать билѧвища, които жены така творать, тиѧ нарицаютсе антихристови Ѹченицы, бесовски слѸги, прєлащаѫть незлобивы дш҃и чл҃вечески». Эти народныя суевѣрія были слишкомъ распространены въ Болгаріи [да и въ настоящее время не уменьшилась ихъ распространенность, какъ увидитъ читатель изъ прилагаемаго ниже краткаго очерка обычаевъ болгарина]; такъ что составитель поученій въ 3-ьемъ словѣ замѣтилъ: «и азь помногѸ земли ходихь, и нéсамь виделъ толико мнóгѸ магесницы, като оу таѧ наша землѧ бльгарска, и самовилы и бродницы».

Противъ страсти болгарскихъ женщинъ рядиться, румяниться, надѣвать гривны на руки, вплетать въ косы монеты направлено 6-ое слово.

«Слово ради немилостиваго петра» носитъ апокрифическій характеръ.

Изъ сборника № 53 приводимъ «Дамаскина инока, иподиакона и стѸдита слово на простом езиком. По плъти рождение г҃Ѹ нашемѸ іс҃Ѹ х҃Ѹ», въкоторомъ читаемъ своеобразное толкованіе всѣхъ событій, связанныхъ съ рожденіемъ Іисуса

Христа и 2) «мȣченіє великомȣченика геѡргиа»;[1]) послѣднее апокрифическаго характера.

При составленіи этого сборника болгарскихъ пѣсенъ, собиратель, главнымъ образомъ, имѣлъ въ виду его филологическое значеніе, какъ матеріала для ознакомленія съ языкомъ западной части Болгаръ, смежной съ Сербскимъ племенемъ, народныхъ памятниковъ коей до сего времени никто не собиралъ. Сколько позволяютъ рамки предисловія, отмѣчаемъ главнѣйшія особенности языка собранныхъ мною матеріаловъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ можно еще теперь слышать старо-славянское употребленіе глухихъ ъ и ь, какъ два совершенно отличныхъ звука; но въ тоже время существуютъ и примѣры смѣшенія ихъ.

ъ слышится передъ плавными и послѣ плавныхъ: слънце и сълнце.

ъ переходитъ въ о (въ концѣ слова), какъ въ древне-русскихъ памятникахъ, независимо отъ вліянія присоединяемаго члена тъ, та, то: огино (=огнь) и т. п.; примѣръ того же изъ болгарскихъ памятниковъ: стльпо (мȣч. Георгиа), живото (1 слово на магесницы), за живото (ibid.), хлѣбо (слово ради немилостиваго петра)».

ѫ, какъ выше замѣчено, произносится какъ а, о, ъ, и, у: са́бота (=сѫбота), мо́чити (=мѫчити), да бъде (=да бѫдетъ), мъшки (=мѫжьскъ), биде (=бѫдетъ), субота (=сѫбота).

ѧ какъ е: ягне.

ꙗ вм. а (въ союзѣ).

ё вм. е: ёшь=кште.

е вм. а, или вѣрнѣе ѣ вм. а (по старослав. правописанію ѣ послѣ р) въ словѣ «трѣва»; такъ это слово пишется и въ Зографскомъ евангеліи.

Есть мѣстности, гдѣ сохраняется старо-славянское жд, и въ

---

[1]) Одинъ такой болгарскій памятникъ, XVII в., хранящійся въ Люблянской библіотекѣ въ числѣ рукописей извѣстнаго слависта Копитара, описанъ В. В. Ламанскимъ въ статьѣ «Непорѣшенный вопросъ», помѣщенной въ Ж. М. Н. Просв. за 1868 г.

тоже время есть мѣстности, гдѣ жд=дж и дь (=дj): рождена, роджена и родьена.

старо-славянское шт=шт и щ: шта (хощѫ), щешь, штерка и щерка.

ч=ч=т и к: вече (больше), ветье и веке и т. п.

х переходитъ въ с въ словѣ: стели, нестели=хтѣли=хотѣли.

л послѣ губныхъ употребляется и неупотребляется; интересна замѣна его ь-ромъ, какъ и въ Супрасльской рукописи: земья, заробьенъ и т. п.

в вм. м: вного, вногу (=много, многу) и др.

Употребленіе члена тъ, та, то не повсюду въ одинаковой степени распространено. Паденіе формъ также не во всѣхъ посѣщенныхъ мною мѣстностяхъ одинаково полное.

Въ Вранскомъ округѣ, на границѣ Лесковскаго округа, въ такъ называемомъ Дервенѣ собиратель слышалъ случай употребленія достигательнаго наклоненія: стаде, стала бѣгатъ. (См. Сборн. № 142 стихи 86 и 89).

Система удареній различна въ разныхъ мѣстностяхъ и представляетъ довольно интересные факты. Собиратель отмѣчалъ удареніе; если гдѣ не отмѣчены ударенія, то это условлено было тѣмъ, что при скоромъ записываніи онъ не поставилъ ихъ, въ самый моментъ записанія народнаго памятника.

Для составленія болгарскаго словаря въ этомъ собраніи памятниковъ болгарскаго творчества, много матеріала, который можетъ быть пополненъ находящимся у него рукописнымъ собраніемъ словъ, въ которомъ по мѣрѣ возможности отмѣчены и провинціализмы.

Кромѣ филологическаго значенія, это собраніе можетъ имѣть и литературное значеніе. А. Н. Пыпинъ въ своей «исторіи славянскихъ литературъ» 1879 г. говоритъ между прочимъ, что «историческій періодъ болгарскаго царства, кажется, совершенно забытъ въ болгарскомъ эпосѣ. Самыя старыя пѣсни вспоминаютъ только о кралѣ Шишманѣ, послѣднемъ царѣ болгарскаго царства» (стр. 132). Подобное заявленіе основывалось на доселѣ извѣст-

ныхъ сборникахъ болгарскихъ пѣсенъ. Въ мой сборникъ вошло нѣсколько такихъ старыхъ пѣсенъ изъ древнѣйшаго періода исторіи болгарскаго народа: о царѣ Петрѣ (№ 106), о царѣ Асенѣ (№№ 107, 108), о Могленскомъ королѣ (№. 112), о Мисирскомъ королѣ (№ 119) и о царѣ Іоаннѣ Шишманѣ (№ 109). Юнаки, воспѣваемые въ собранныхъ мною пѣсняхъ, слѣдующіе: Марко Кралевичъ, братъ его Андрей, Полугунъ Спеченъ, Милошъ, Янко, Дойчинъ, Момчило, Груя, Секула, дитя Дукатинче, дитя семи мѣсяцевъ, Динче Арнауче. Это все личности времени покоренія Болгаріи и Сербіи Турками.

Послѣ этого, слѣдуетъ признать невѣрнымъ мнѣніе А. Н. Пыпина, что болгарскій эпосъ слилъ всѣ періоды своего развитія въ одинъ, и герои его всѣ почти гайдуки (ibid. стр. 133), которое заимствованоимъ изъ изслѣдованія г. Безсонова о болгарскомъ эпосѣ. Въ своемъ изслѣдованіи «Болгарскій эпосъ», предпосланномъ изданію болгарскихъ пѣсенъ, г. Безсоновъ говоритъ, что «не зная сербскаго эпоса, мы не поймемъ болгарскаго, ибо въ первомъ только мы встрѣчаемъ древнѣйшіе эпическіе мотивы, въ первомъ только встрѣчаемъ мы въ ясномъ свѣтѣ тѣхъ героевъ, о которыхъ у Болгаръ сохранилось большею частью только смутное и большею частью уже искаженное воспоминаніе.....» Нѣкоторые факты, опровергающіе это мнѣніе можно найти въ моемъ сборникѣ; а еще больше можно найти въ народной памяти: я встрѣчалъ пѣвцовъ-болгаръ, знавшихъ по 200—300 пѣсенъ, какъ напр. Жета Илковъ въ селѣ Суводолѣ, Соф. округа и другіе.

Наконецъ, считаю нужнымъ сказать слова два о распредѣленіи пѣсенъ въ моемъ собраніи. Я счелъ излишнимъ дѣлать мелкія подраздѣленія, которыми богатъ особенно «Сборникъ Болгарскихъ пѣсенъ братьевъ Миладиновыхъ», и ограничился лишь общимъ дѣленіемъ. (См. оглавл.).

Въ Загребѣ, 1 (13) Іюня 1880 г.

Владиміръ Качановскій.

I.

НАРОДНЫЕ ОБЫЧАИ.

«Сборнику» пѣсенъ предпошлемъ краткій очеркъ жизни болгарина съ колыбели и до могилы.

Въ настоящее время болгаринъ еще дитя природы, которую онъ почти что обожаетъ, такъ какъ вліяніямъ ея не можетъ ничего своего противуставить, съ цѣлью ли улучшить это доброе вліяніе природы, или напротивъ ослабить вредоносное. Еще до настоящаго времени видимъ у него патріархальные обычаи, которые своею патріархальностью заставляютъ обратить на нихъ вниманіе.

Прежде всего, слѣдуетъ отмѣтить твердое вѣрованіе болгарина въ Высшее Существо — Бога, на Котораго онъ всегда и во всякомъ случаѣ возлагаетъ свое упованіе: придетъ ли, напр., въ городъ продать, что Богъ послалъ, онъ ставитъ свой товаръ на рыночной площади и два раза осеняетъ себя крестнымъ знаменіемъ, приговаривая: «Богъ ми помози!»

Тоже твердое вѣрованіе въ Бога, подателя всего добраго человѣку проглядываетъ во всѣхъ праздникахъ, чтимыхъ болгариномъ съ замѣчательнымъ уваженіемъ. Подтвержденіе тому увидимъ въ перечнѣ этихъ праздниковъ, къ которому и переходимъ.

Слѣдуя естественному порядку развитія праздниковъ у первобытнаго человѣка, необходимо было бы начать съ весеннихъ; но такъ какъ у современныхъ Болгаръ въ эти праздники привнесено очень много христіанскаго элемента и эти праздники пріурочены къ христіанскому календарю, то будетъ удобнѣе слѣдовать новому порядку. Начнемъ съ «Коляды.»

Какъ понимается «Коляда» у Болгаръ? Одинъ слѣпецъ изъ Македоніи, Мельникскаго округа, села Влаи объяснялъ мнѣ возникновеніе «Коляды» и «Сурова»[1]) слѣдующимъ образомъ: «12,000 убитыхъ Иродомъ младенцевъ были воскрещены Божьей волею — Его ангеломъ; воскрешенные головы проговорили: «Стани Коледе, Коледе!» Съ того времени, въ воспоминанье объ этомъ событіи, православные христіяне творятъ «Коляду» и «Сурова».»

Совершенно противоположное объясненіе, съ нѣкоторымъ миѳическимъ оттѣнкомъ, представляетъ слѣдующее народное вѣрованіе, сообщенное мнѣ однимъ дряхлымъ болгарскимъ монахомъ въ Суковскомъ монастырѣ, что въ Пиротскомъ округѣ: «былъ царь, по имени Коледа, отъ котораго получилъ свое названіе праздникъ «Коляда».» Но какъ это произошло? мнѣ тотъ священникъ не могъ объяснить. Личность этого царя Коляды вообще темно представляется; народное преданіе говоритъ только — сказалъ монахъ —, если кто на «Коляду» играетъ «хоро» (хороводъ), тотъ не сѣчетъ этого царя Коляду, а кто неиграетъ, тотъ его сѣчетъ».

Въ мѣстностяхъ, прилежащихъ къ границѣ Сербскаго племени «Коляда» извѣстна подъ названіемъ «Бадняго вечера». И вотъ отъ чего произошло такое названіе. На «Бъдни вечеръ» (по болгарскому произношенію) очень важную роль играетъ баднякъ. — Баднякъ — это дерево. Дѣло такъ происходитъ: срубятъ въ лѣсу дерево и, не очистивъ отъ вѣтвей и сучьевъ, при-

---

[1]) Время съ 1-го дня Новаго года по 6 Января — праздникъ Богоявленія носитъ названіе «Сурова».

таскиваютъ въ хижину; здѣсь обрубываютъ вѣтви и сучья и пробуравливаютъ въ стволѣ дыру; затѣмъ кладутъ по срединѣ хижины, перпендикулярно по отношенію къ стоящему противъ него человѣку; въ отверстіе кладутъ кудель, которую каждый членъ семьи долженъ не множко попрясть: начинаетъ хозяинъ дома. Затѣмъ, бадняку даютъ положеніе нѣсколько косвенное, и въ дыру кладутъ медъ, масло и тѣсто. Послѣ того, отложивъ баднякъ въ сторону, принимаются за ужинъ. Ужинъ приготовляютъ съ нѣкоторыми непремѣнными приправами, имѣющими особенное значеніе. Кушанье, когда оно поставлено на столъ (тарпезу), имѣющій круглую форму, въ кругъ коего усядется вся семья, хозяйка дома прежде всего обсыпаетъ кукурузой и затѣмъ всякому участвующему въ трапезѣ даеть кусочекъ чесноку (бѣли лукъ-по болг). Всякій долженъ отвѣдать чесноку[1]) для того, чтобы быть здоровымъ; кукурузу (на другой день) даютъ ѣсть курицамъ съ тѣмъ, чтобы онѣ несли яйца. (Такъ въ с. Копривштицѣ, Пирот. окр.). Въ Радомірскомъ округѣ въ селахъ существуетъ обычай, что въ этотъ вечеръ за ужиномъ непремѣнно должны быть орѣхи, сливы, яблоки.[2]) Къ тому же «Баднему вечеру» пекутъ пироги съ разными знаками и изображеніями домашняго животнаго: коровы, лошади, свиньи, собаки и т. п. «на здравіе добитку».

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр., въ Пиротскомъ округѣ, постятся въ теченье цѣлаго дня до вечера[3]); но въ Радомірскомъ округѣ не находимъ этого обычая.

Сколько извѣстно изъ описанія, «бадній вечеръ» у Сербовъ представляетъ нѣкоторое отличіе, и самое главное, что у Сербовъ есть обычай таскать «баднякъ» по улицѣ села и издѣваться надъ нимъ.

Къ числу игръ, пріуроченныхъ къ Святкамъ, принадлежитъ переодѣванье въ медвѣдя и козу, которое, обыкновенно, на-

---

[1]) Болгаре большіе любители чесноку.
[2]) Этотъ обычай и у Русскихъ напр. въ Гродненской губерніи).
[3]) Тоже (тамъ же).

чинается съ «Новаго года». Цѣлой ватагой, съ пѣсней свѣтской и церковной молодежь ходитъ изъ дома въ домъ, съ цѣлью заполучить кой-что отъ щедрыхъ хозяевъ; а всякій хозяинъ считаетъ своимъ непремѣннымь долгомъ дать кой-что въ пользу посѣтившей его молодежи.[1]) Послѣ на собранное подаяніе участники устраиваютъ общую имъ пирушку—пьютъ и играютъ «оро» (хороводъ). (Такъ въ селѣ Невѣстинѣ, Кюстендиль Банскагоокруга).

При этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что не во всѣхъ мѣстностяхъ существуетъ переодѣванье въ медвѣдя и козу, но всѣ сплошь и рядомъ знаютъ «хожденіе по домамъ», которое имѣетъ свое мѣстное типичное названіе «Сурова».

Подаяніе, получаемое кочующею молодежью отъ хозяевъ, представляетъ собою ничто иное, какъ жертву, приносимую человѣкомъ въ благодарность Высшему Существу. Такое объясненіе вполнѣ оправдываетъ содержаніе колядскихъ пѣсенъ. Такъ, напр., въ одной пѣснѣ читаемъ:

«Стани Како, дай колако,
Стани Нино, дай крендиро.[2])
Добри сме ти гостье дошли,
Доберъ семъ ти даръ донели:
Тельчинка-те бѣлопахи,
Жребчинка-та патоноги,
Ягнешта-та ваклешаты,
Яришта-та пергороги». (№ 7 «сбор.»).

Въ другой:

«Стани Нине Господине!
Спишь ли, спишь ли, разбуждайсе!
Добри са ти гостье дошли,
Добре (sic) гостье коледжане;
Подобаръ гласъ ти донели:
Ягненца се изъягнили,
Ждребчинка се ождребили,

[1]) Тоже (тамъ же). [2]) Водка (ракія).

Пи́ленца се изва́ди́ли,
Крави се се истелили,
Со-съ млада тельчинка».

А дальнѣйшіе стихи этой пѣсни:

«Пай си стана Божья майтя,
Запрегнала свилни скуты,
И си тури млада Бога;
«Та си ойде возъ Ордана (sic)
Возъ Ордана, возъ Іордана.
Тамъ срѣтна светы Никола:
«Да си кърстишь млада Бога»!
Я светы Нико́ла му доказалъ:
«Ни то зна́емъ, ни умѣемъ;
Я си пойды по-на-горе,
Тамъ че срѣтнешь светъ Іована:
Онъ е кърстилъ небо — земля,
Онъ че кърсты Млада Бога».
Чуло си е на дно-море,
Чула си е една рыба,
Чула го е и станала;
И го чуло едно дерво,
Едно дерво трепетлика,
Оно чуло — не станало,
Па-й го прокле самски Господъ:
«Е ты-зе-ка едно дерво,
Едно дерво трепетлика!
Да изникнешь на зло мѣсто,
Де-ка слънце неизгрѣва,
Де-ка роса не опада,
Да си трептишь и со-съ вѣтеръ
И со-съ вѣтеръ и безъ вѣтеръ».

(№ 6 моего сборн.)

представляютъ нагляднымъ образомъ послѣдствія неуваженія къ Божеству, и производятъ подавляющее вліяніе на простодушнаго болгарина, который щедро одаряетъ посѣтившую его молодежь. Болѣе поздняго возникновенія слѣдующій обычай, общераспространенный у Болгаръ.

За три дня до «Коляды» ребята, посѣщающія школу ходятъ по домамъ съ пѣніемъ пѣсни канона: «Христосъ раждается славите»; за такое поздравленіе они получаютъ отъ хозяевъ орѣхи и маленькій пирожокъ, имѣющій форму птицы, а подъчасъ и нѣсколько мѣдныхъ грошей. Почти все собранное ребятами, за исключеніемъ ничтожной части, приходящейся на ихъ долю, идетъ въ пользу народнаго учителя (даскала). Можно предполагать, что подобный родъ поздравленія измыслили сами господа даскалы, матеріальное обезпеченіе коихъ и теперь, а тѣмъ болѣе во время турецкаго владычества было очень скудное.

Во все время праздниковъ болгаринъ не работаетъ.

На Богоявленіе (на Водице — по болг.) бываетъ въ Высоческомъ срезѣ (уѣздѣ), Пиротскаго округа слѣдующій интересный обычай. Собирается компанія изъ мущинъ и женщинъ; запрягаютъ лошадь въ телегу или сани и отправляются къ извѣстному человѣку, которому предлагаютъ сѣсть въ телегу или сани. Отказа быть не можетъ; въ противномъ случаѣ берутъ его силою и сажаютъ въ телегу. Въ слѣдъ затѣмъ, цѣлая компанія отправляется по направленію къ рѣкѣ или вообще водѣ и въѣзжаютъ въ воду, въ которой остаются до тѣхъ поръ, пока сѣвшій въ телегу не дастъ напр. 10 окъ вина. Получивъ гарантію на 10 окъ вина, дружина кидаетъ въ воду невѣсту. Понятно, она омочитъ лишь свои ноги. Затѣмъ возвращаются обратно и направляются прямо въ кабакъ (керчмарницу), гдѣ сообща распиваютъ вино.

Въ день св. Власія (11 Февр.) болгаринъ не желаетъ впрягать въ ярмо своихъ воловъ; онъ вѣруетъ, что если человѣкъ въ этотъ день впряжетъ волы, они могутъ вдругъ на пути околеть. Сообщая другому это вѣрованіе, у него не бываетъ недостатка въ примѣрахъ, которыми потвердитъ истинность своихъ словъ. По бол-

гарски этотъ праздникъ называется «на воловъ запоръ», т. е. запрещеніе. (с. Слатино, въ Загорьи, Берков. окр.).

Св. Трифонъ пользуется у Болгарина большимъ почитаніемъ; я во многихъ округахъ Болгаріи слышалъ объ этомъ почитаніи. Обыкновенно, ему бываютъ посвящены три дня: первый въ тѣхъ видахъ, чтобы родилось жито, второй — чтобы родился ячмень и третій — чтобы родились кукуруза и овесъ. Праздникъ этотъ приходится въ первыхъ числахъ Февраля мѣсяца, начиная со дня, опредѣленнаго этому святому въ святцахъ. Болгаре строго исполняютъ этотъ праздникъ: въ теченіи трехъ дней не впрягаютъ воловъ въ ярмо, и только въ крайнемъ случаѣ, если, напр., будетъ приказъ отъ начальства — дать подводу, болгаринъ впряжетъ волы въ ярмо. Въ эти дни крестьяне дѣлаютъ слѣдующія наблюденія: если будетъ пасмурно, туманъ, дождь, значитъ будетъ урожайный годъ; если же будетъ ясная погода — признакъ неурожайнаго года. Различаются, при этомъ, и самыя степени тумана.

Въ день 40 мучениковъ (9 Марта) существуетъ слѣдующій обычай: всякая семья должна испечь коровай (кравайци — по болг.), и при томъ число короваевъ должно соотвѣтствовать числу дѣтей въ домѣ; на короваяхъ этихъ, пока они не посажены въ печку, дѣлаютъ дырочки вѣткою отъ дерева «бъза» (бузины); а когда испекутся, обмазываютъ ихъ медомъ. Въ тотъ же день одинъ изъ членовъ семьи отправляется въ виноградникъ (лозье), выбираетъ одну пустившую ростокѣ вѣтку и приноситъ ее въ хижину; всякій членъ семьи долженъ на-тощакъ съѣсть кусочекъ виноградной лозы, приговаривая: «На млоге године, да е здравъ како дренъ!». Вѣтка эта называется «свéта вѣтка». Ясно, этотъ обычай исполняется съ вѣрованіемъ, что человѣкъ будетъ здоровъ.

Приближается масляница. На канунѣ ея болгаринъ «покладуе се одъ меса», и затѣмъ, въ теченіе всей недѣли не ѣстъ мяса, кромѣ масла, сыра, яицъ и рыбы. Масляница (сырница) у Болтаръ считается великимъ праздникомъ: въ понедѣльникъ и вторникъ

этой недѣли народъ не работаетъ; нѣкоторымъ днямъ дано особенное названіе: вторникъ носитъ названіе «усовторникъ»; четвергъ этой недѣли, какъ четвергъ Русальной недѣли носитъ названіе «вертолома» (въ Піротѣ); суббота — называется «бѣла субота».

Въ день заговинъ (=поклады), вечеромъ, бываетъ (напр. въ Піротѣ) особенное празднество. Собирается компанія мущинъ и женщинъ, которые, съ зажженнымъ факеломъ[1]), съ большимъ воодушевленіемъ, ходятъ по улицамъ, распѣвая подъ музыку пѣсни. На болгарскомъ языкѣ это носитъ названіе «оратница».[2]) При этомъ празднествѣ непремѣнно должно быть оро (хороводъ), отъ чего, по видимому, можно бы производить самое названіе «оратница»; но слѣдующаго содержанія пѣсни, которыя въ числѣ другихъ поются при этомъ случаѣ:

«Ората копата,
Дай ми, дедо, мома-та,
Да ти не запалимъ брада-та»[3])

или,

«Ората копата,
Дай ми, чичо, мома-та,
Да ю туримъ у ка́ца-та,
Да ми мути яйца-та»

заставляютъ дать нѣсколько иное значеніе этому обычаю.[4]) Но я не берусь здѣсь объяснять значеніе этого обычая.

---

[1]) Обыкновенно, факелъ этотъ имѣетъ слѣдующее устройство: на палку навертываютъ солому и за тѣмъ его зажигаютъ; во время шествія, факелъ этотъ несущій вертитъ вокругъ своей головы.

[2]) Въ бытность мою въ Піротѣ, я замѣтилъ, что этотъ обычай очень удивлялъ Сербовъ.

[3]) Сообщена однимъ болгариномъ — портнымъ (терзія), проживающимъ въ г. Піротѣ.

[4]) При этой процессіи, во время турецкаго владычества, распѣвали и революціонныя пѣсни, въ родѣ слѣдующей:

«Азъ зема пушка на рама,
Айдутинъ — бунтовникъ да стану,

Послѣ такой — если можно сказать — оргіи, для болгарина наступаетъ постъ.

1-ая недѣля Великаго поста носитъ названіе «Тудорица» и «еднонпца» (отъ понедѣльника до субботы); первое названіе отъ имени св. Θеодора, а второе отъ того, что многіе изъ болгаръ, въ теченіе этой недѣли, ѣдятъ одинъ разъ въ день, и то вечеромъ. Понедѣльникъ этой недѣли извѣстенъ подъ именемъ «чистаго понедѣльника»; срѣда этой недѣли называется «Луда срѣда».[1])

Въ день св. Θеодора (въ Субботу 1-ой недѣли В. Поста) бываютъ конскіе скачки: избираются два наѣздника, которые вступаютъ въ состязаніе; чей конь одержитъ верхъ, тому привѣшиваютъ красный значекъ; человѣкъ, имѣющій такую лошадь съ отличіемъ пользуется великою славою. (въ Пиротскомъ окр.).

Съ праздникомъ «Благовѣщенія» (25 Марта) также соединяются нѣкоторыя вѣрованія. Въ этотъ день зажигаютъ свѣчи на корытѣ, въ которомъ моютъ бѣлье (Пиротъ); змія убитая въ праздникъ Благовѣщенія считается лѣкарственною, имѣющею магическую силу: стоитъ, вѣритъ народъ, отсѣчь ея голову и закопать въ землю; посадить затѣмъ на ней василекъ (босилекъ), и этотъ цвѣтокъ пріобрѣтетъ цѣлебную силу; онъ помогаетъ отъ всякой болѣзни, какая только можетъ быть у животнаго. Цѣлеб-

---

И тергна вече вовъ Балканъ,
Отечество да забранемъ.
Не жали майко, не плакай,
Не могу да гледамъ вече —
Да душманинъ на огнище
На баштино-то огнище бѣснеятъ;
Сестри-те имъ вѣнци плетеха,
Юначки пѣсни пееха;
Майка сѣдѝ люто кълнеше:
Ако се живи ванете
И ви да се неспасéте».

(Сообщена тѣмъ же лицемъ).

[1]) Отчего произошло такое названіе, никто изъ болгаръ не могъ мнѣ объяснить.

ная сила такой зміи больше, по народному вѣрованію, цѣлебной силы убитой сороки (въ Загорьи, Берков. окр.).

Лазарева Суббота (Лазарица) также понята болгариномъ по своему и поставлено въ отношеніе къ жизни человѣческой. Изъ содержанія слѣдующей пѣсни, которая поется въ этотъ день на хороводѣ:

«Летея, ми, Лазаре, летея,
Деветъ реда галаби,
Десето жераби;
Пойдоа — ойдоа краличины двореве,
На кралица говоратъ:
«Эй, кралице, кралице!
Кугеи бисеръ сѣяше,
На галабье ферляше»
Оговори имъ кралица:
«Э вие-ка галаби
Зобете, ми, зобете,
У пролѣтъ, ми, дойдете:
Имамъ сина да женимъ,
Имамъ штерка Мара да давамъ».

(№ 30 моего собр.).

можно видѣть, какое значеніе болгаринъ соединялъ съ этимъ днемъ.

Пасха извѣстна подъ именемъ «Великъ-день». Съ этимъ праздникомъ не соединяется, сколько мнѣ извѣстно, никакого особеннаго обычая или вѣрованія. Отмѣчаемъ, между прочимъ, что въ этотъ праздникъ должны быть крашеныя яйца. Пятница этой недѣли носитъ названіе «благій петакъ» (Пирот. окр.).

Юрьевъ день пользуется у Болгаръ особеннымъ уваженіемъ. На канунѣ этого праздника — 22 Апр. молодцы и дѣвушки отправляются на лугъ, собираютъ траву «здравацъ», изъ которой вьютъ вѣнокъ; въ то же время на лугу обѣдаютъ и послѣ обѣда играютъ хороводъ. На другой день (23 Апр.) убиваютъ ягненка, изжаратъ его и несутъ «подъ записъ», т. е. крестъ

на возвышеніи, находящемся большею частью по среди села; кромѣ жаренаго ягненка кладутъ сыръ, масло, вино и др. Является попъ и святитъ эту жертву; послѣ освященія, присутствующіе принимаются за истребленіе всего предлежащаго. Затѣмъ играютъ оро (хороводъ); начинаютъ прежде всего дѣвушки: держа свитый на канунѣ вѣнокъ, онѣ поютъ слѣдующую пѣснь:

«Здравче вѣнче,
Цвѣте меришливче!
Вию ли те моме?
Вию, вию,
Та како не вию:
Откину ме, па ме померишу». (Пирот. окр.)

Спустя нѣсколько времени, въ хороводъ пускается и старый и молодой, почти всѣ присутствующіе, за исключеніемъ попа.[1])

На канунѣ дня св. Іереміи (1 Мая) существуетъ слѣдующій обычай: берутъ кочергу (ожегу) и желѣзо и ударяютъ желѣзомъ, приговаривая: «Іеремія у̍ поле, а змія у̍ море»; всего больше дѣти распѣваютъ это заклинаніе. Въ тотъ же день, какъ и у насъ въ Россіи, празднуется «мая̍»(=маёвка); сущность этого праздника здѣсь таже, что и у Русскихъ.

Недѣля передъ Сошествіемъ Св. Духа извѣстна подъ именемъ

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существуетъ обычай дѣлать крестный ходъ вокругъ полей въ день св. Георгія. Неисполненіе этого обычая бывало причиною переселенія цѣлаго села на другое мѣсто, какъ свидѣтельствуетъ слѣдующее преданіе. Близъ Дивлянскаго монастыря, что въ пяти верстахъ отъ города Бѣлой-Паланки (Пирот. окр.), вершины Сухой-Планины носятъ названіе «Велико и Мало Конско»; народное преданіе объясняетъ это названіе такимъ образомъ: въ старое время, деревня Клисура была близъ Дивлянскаго монастыря; жители ея пасли своихъ лошадей (кони) на этихъ вершинахъ, отъ чего эти послѣднія получили свое названіе; въ настоящее же время деревня Клисура находится на противоположной сторонѣ Сухой-Планины. Староклисурчане имѣли обычай въ день св. Георгія обходить свои поля съ крестнымъ ходомъ; но въ одинъ годъ они не исполнили этого обычая и перешли на настоящее свое мѣстожительство. Оставшееся послѣ нихъ мѣсто называется «клисурска корія», т. е. такое мѣсто, гдѣ не сѣютъ. (Архимандритъ Дивлянскаго монастыря указывалъ мнѣ ниву, носящую названіе «клисурска корія»).

«Русалницы» (Пирот. окр.). Въ старое время, въ теченье всей этой недѣли играли оро (хороводъ) въ честь Русаліи. Почитаніе Русаліи у Болгаръ пустило глубокіе корни: до настоящаго времени въ нѣсколькихъ селахъ, Кюстендильскаго округа, напр. Посевица, Койно празднуется «соборъ» (храмовой праздникъ) «Руса недѣля»;[1]) онъ приходится въ середу Русальной недѣли. Четвергъ Русальной недѣли извѣстенъ подъ именемъ «вьртоломы». Въ этотъ день женщины, имѣющія дѣтей, не работаютъ, въ то время какъ всѣ прочіе исполняютъ свою ежедневную работу.

Въ теченье этой недѣли существовалъ—четыре года тому назадъ[2]) въ окрестностяхъ Бѣлой-Паланки слѣдующій обычай. Собирается—говорилъ мнѣ одинъ попъ—восемь дѣвушекъ и отправляются по домамъ съ пѣніемъ пѣсенъ особаго содержанія. Обыкновенно, бывало такъ: приходятъ въ домъ и кого найдутъ въ домѣ, тому цѣлуютъ руку и поютъ ему пѣсню; поютъ попемѣнно четыре дѣвушки. Если въ домѣ есть молодецъ, которому пора жениться, поютъ слѣдующую пѣсню, не входя въ домъ:

«Овдѐ дво́ры не ме́тены,
Овдѐ момакъ за женидбу;
Жене́те га, не држте га:
Када буду зымни ночи,
Чини се му полгодина».

(С. Топольница, Бѣлопаланскаго среза, Пирот. окр.).

Затѣмъ входятъ въ домъ и поютъ самому хозяину:

«Играй кра́ле барактаре,
«Кралица те подиграше».

(С. Топольница, Пирот. окр.).

Затѣмъ:

«Свети Сава ло́зье сади
Лозье са́ди, сара́й гради,

---

[1]) Проф. Миклошичъ въ своемъ изслѣдованіи: «Ueber die Rusalien» (Wien 1864) полагаетъ, что слово «русалья», «русальна недѣля» заимствовано изъ средне-греческаго языка.

[2]) Т. е. во время турецкаго владычества, какъ мнѣ сообщалъ одинъ попъ.

Съ оне стра́не ли́чно мѣсто,
Да му лозье рано зрѣе;
Има сина да се жени,
Милу терку да одае —
Ой уба́ва мала мома! (Тамъ же.)

Какому-либо другому члену семьи изъ мущинъ поютъ слѣдующее:

«Царь Костадинъ сѣдеше,
На високи палаты,
У руке му канаты;
Туде мину невѣста,
Та му̀ уми зане́се,
Те му паде каната,
Те у́дари палаты,
Палаты му задзамнеше,
Ведро небо загърмѣло». (Тамъ же.)

Третьему поютъ:

«На юнака три е лѣка:
Едънъ златанъ, други сребренъ,
А трети-ти чиста чоа;
Сви дава за девойтю;
Мати си му одговара:
«Не дай, сине, мили сине;
Коя̀ ти е судженица,
Сама̀ че ти у дворъ дойде» (Тамъ же.)

Старому холостяку поютъ:

«О огня́не, Змѣй-огняне!
Змѣй, ми, лежѝ на планѝну,
Никой нѐсмѣ да га пѝта;
Упита га стара майтя:
«О огня́не, Змѣй-огняне!
Што, ми, лежѝшь на планѝну?
Ты, ми, лежѝшь па не вре́вишь?»
А онъ си отказу̀е:

«Да какò чу да говòримъ?
Сва се дружба иженѝла —
И постаро и помладо,
А ти менè не òжены».

Нѣтъ недостатка и въ другихъ пѣсняхъ подобнаго содержанія, пріуроченныхъ къ этому обычаю.

Основываясь на содержаніи этихъ пѣсенъ, можно полагать, что съ этимъ праздникомъ соединялось понятіе о необходимости сближенія половъ.

24 Іюня, св. Іованъ «билëберь». Ночью (на канунѣ) отправляются за цѣлебной травой;[1]) творятъ ворожбу(=вражелицу — по болг.), баютъ и т. п.

15 Августа, праздникъ Успѣнія Пресв. Богородицы носитъ названіе «Голема Богородица»; а 8 Сент. «Рождество Пресв. Богородицы — «Мала Богородица».

29 Авг. «Іованъ Главосѣкъ». (Усѣкновеніе Главы Іоанна Предтечи)[2]). Въ этотъ день не ѣдятъ краснаго винограда, не пьютъ краснаго вина; не ѣдятъ скоромнаго.

29 Октября, день св. Нестора носитъ названіе «праздника на поганци» (т. е. мышей), и «Мишлеци» (въ Радомірскомъ окр. с. Пештера); празднуется онъ болгариномъ въ тѣхъ видахъ, чтобы мыши не причиняли ему вреда (Пирот. окр. с. Темска, Радом. окр. с. Пештера).

Съ 11—13 Ноября праздникъ «Мратѝнци» (Пирот. окр.)= «Вучлеци» (въ Радом. окр.) празднуется болгариномъ въ тѣхъ видахъ, чтобы волки не причиняли вреда ихъ скоту (стокѣ).

30 Ноября, день св. Андрея первозваннаго посвященъ медвѣдю и съ тою же цѣлью, какъ и два предъидущихъ праздника. На канунѣ этого дня, въ честь медвѣдя варятъ кукурузу(=мурузу =мумурузу—по болг.), которую въ день праздника сами съѣда-

---

[1]) Такъ и у Русскихъ (напр. въ Гродн. губ.).
[2]) Головосікъ у Малороссовъ.

ютъ. Употребленіе кукурузы имѣетъ свое значеніе: медвѣдь страшно истребляетъ кукурузу на нивѣ, и этою жертвою болгаринъ желаетъ умилостивить своего нѐдруга. (Пирот., Трен. окр. и Загорье, Берков. окр.).

Въ день св. Патріарха Германа праздникъ «Джерманъ»; исполняеется онъ болгариномъ въ тѣхъ видахъ, чтобы его нивы не были побиты градомъ. (Радом. окр.).

Въ день свв. Кирика и Іулиты праздникъ «Горешляци»; исполняеется онъ болгариномъ съ цѣлью, чтобы не было пожара и сильныхъ жаровъ (Радом. округъ).

Всматриваясь въ эти праздники, нельзя не замѣтить въ нихъ слѣдовъ первобытной жертвы богамъ въ усовершенствованномъ фазисѣ ея развитія. Авторъ прекрасной монографіи «Очерки первобытной жизни и мысли» (см. журналъ «Дѣло» 1877 г. № 1), г. Шашковъ указалъ на естественную перемѣну въ жертвоприношеніяхъ первобытныхъ народовъ условленную умственнымъ ихъ развитіемъ; имъ указаны факты, что жертва была разорительна для приносившихъ, что эта разорительность привела ихъ къ мысли, что боги нуждаются не въ обильной и жирной пищѣ, а въ «чистотѣ жертвы»; послѣдствіемъ чего былъ обычай — жертвовать богамъ не весь предметъ, а только часть его. У жителей Мадагаскара есть обычай, что изъ жертвеннаго животнаго только голова приносится богу, а мясо съѣдается жертводателями; голова эта насаживается на шестъ (стр. 150—1). Нѣчто подобное мнѣ пришлось видѣть въ Загорьи, Берковскаго округа, въ селѣ Котеновци. Возлѣ дома каждаго хазяина воткнуты на частоколѣ головы зарѣзанныхъ животныхъ. На мой вопросъ — къ чему это? я получилъ отвѣтъ такого рода: «чтобы предотвратить вредъ, причиняемый медвѣдемъ и волкомъ». Вспомнимъ здѣсь и о «юрьевскомъ ягненкѣ», который истребляется приносителями (см. выше). Таже черта видна и въ жертвѣ медвѣдю 30 Ноября, въ день св. апостола Андрея Первозваннаго.

Въ представленномъ выше перечнѣ праздниковъ, свято чтимыхъ болгариномъ, мы видѣли много обрядовъ предшествую-

щихъ браку, или, вѣрнѣе будетъ, напоминающихъ бракъ, какъ необходимость соединенія половъ.

Наконецъ произойдетъ сговоръ: дѣвушка согласна выдти за мужъ за извѣстнаго молодца; родители тоже согласны. Впрочемъ бываютъ случаи, что дѣвушка, безъ вѣдома своихъ родителей, бѣжитъ съ своимъ возлюбленнымъ.

При сговорѣ должны быть покончены всѣ условія, относящіяся къ браку. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ напр. въ Загорьи, въ селахъ: Котеновци, Костенци, женихъ долженъ купить себѣ невѣсту за самую высокую цѣну 300 грошей, т. е. 15 рублей.[1])

Испрошенная дѣвушка называется «невѣста». Такая дѣвушка должна являть себя очень и очень покорною: все время до брака — бываетъ и полгода — она, кого бы ни видѣла — стараго или малаго, должна кланяться ему до ногъ и цѣловать руку,[2]) за что получаетъ благословеніе: «Богъ те поживи, дай ти Боже срѣчу»; за обѣдомъ или ужиномъ въ своей родительской семьѣ она не можетъ сѣсть, тогда какъ другіе члены сидятъ: она должна прислуживать; если желаетъ выпить за обѣдомъ вина, должна прежде всего поцѣловать всѣхъ присутствующихъ въ руку.

До брака невѣста въ родительскомъ домѣ получаетъ вѣнокъ (вѣнацъ). Форма этого вѣнка обращаетъ на себя вниманіе. Въ селахъ Пиротскаго округа, онъ въ огибаніи головы довольно тѣсноватъ, но чѣмъ дальше къ верху, тѣмъ все больше и больше разширяется, такъ что народъ преувеличенно говоритъ, что можно посадить тамъ цѣлаго человѣка; къ вѣнку по сторонамъ и сзади привѣшены ленты, густо унизанныя монетами и павлиными перьями. Въ городѣ вѣнокъ этотъ бываетъ поменьше: онъ

---

[1]) Въ настоящее время Болгаре сами осуждаютъ этотъ обычай и подсмѣиваются надъ нимъ, говоря, что жену легче добыть, нежели корову.

[2]) Маленькія ребята пользуются этимъ случаемъ и сильно надоѣдаютъ невѣстѣ подаваніемъ своихъ рукъ для цѣлованья; но невѣста никогда не отказывается.

не слишкомъ разширяется къ верху. Вѣнокъ этотъ невѣста надѣваетъ, когда отправляется въ церковь, на базаръ, и носитъ его до «послѣ вѣнчанія».

Наступитъ время свадьбы.

Въ домѣ невѣсты являются сваты. Еще они не пришли, но уже приближаются, дѣвушки поютъ слѣдующее двустишіе:

«На́трагъ, на́трагъ, сва́тови!
Нече ви, нече девойтя!
(С. Топольница, Пирот. окр. близъ Бѣлой-Паланки.)

Когда они войдутъ въ домъ, дѣвушки поютъ:

«Старый свате, во̀йводо!
Не пій вино помлого,
Не распу̀штай сва̀тове;
Синочь пойдо на̀ воду,
Срѣтоше ме тройца:
Еданъ ме залюбы,
А други ме пьрста носе,
А трети ме узе смильтичицу.[1]) (Тамъ же.)

Послѣ вѣнчанья, свадьба справляется сначала въ домѣ невѣсты, въ продолженіе двухъ дней; а затѣмъ въ домѣ жениха.

Передъ тѣмъ, какъ новобрачная собирается идти въ домъ своего мужа, она должна 24 часа поститься. Разставанье съ родительскимъ домомъ, какъ оно представлено въ пѣсняхъ, наводитъ печаль на новобрачную; она не желаетъ или неохотно желаетъ разстаться съ роднымъ кровомъ:

«Братъ сестра воды
Воды по рамны дворы;
Сестра се моли:
«Ой братко, братко,
Ой мили братко!
Кротко[2]) ме во̀ды

---

1) Цвѣтокъ на головѣ.
2) Потихоньку, медленно.

По баштины ми
Рамны дворы,
Да се наодымъ
По баштины ми
Рамны дворы,
Да се нанòсимъ
Мòмино рỳо»
(с. Жилинци, Кюстенд.-Банскаго окр.)

Или:

«Не оды, ми, младо деверь,
Не оды ми горе-доле:
Не набрали здра́вецъ китка,
Не увѝли снаи вѣнòкъ» (Тамъ же.)

Наконецъ все готово къ выѣзду невѣсты изъ родительскаго дома; цѣлымь караваномъ трогаются въ путь. Впереди «кумъ» съ древкомъ въ рукѣ, къ которому привѣшенъ платокъ, какъ знамя. На пути — пѣсни, музыка, пальба изъ ружей(=пушекъ).

Лишь только караванъ съ новобрачной приближается къ дому жениха, свекровь беретъ сито съ рожью и обсыпаетъ имъ сватовъ. Затѣмъ, когда караванъ остановится, невѣста и женихъ слѣзаютъ съ своихъ коней: женихъ снимаетъ съ лошади узду, надѣваетъ ее на свою жену и на ея голову бросаетъ нѣсколько зеренъ ржи. Лице жены закрыто. Въ такомъ нарядѣ она приближается къ дверямъ дома и дѣлаетъ на нихъ три знака креста медомъ; входитъ затѣмъ въ хижину и прямо направляется къ очагу (=огнищту — по болг.), на которомъ тоже дѣлаетъ три знака креста медомъ и смотритъ вверхъ, въ отверстіе, черезъ которое выходитъ дымъ. Послѣ всего этого, женихъ снимаетъ узду съ своей жены.

Выполнена эта церемонія и начинается пиръ горой. Пѣсни, музыка (на инструментахъ «гайда», «тупанъ» (=барабанъ) не умолкаютъ. Пѣсни поются разнаго содержанія, какъ, напр., невѣста должна была разставаться съ своимъ мужемъ вскорѣ послѣ брака на долгое время (см. пѣсни моего собранія №№ 66, 67,

68, 69, 70—73), или навсегда, вслѣдствіе скоропостижной смерти (№ 74), или вслѣдствіе вѣроломнаго убійства (№ 66); какъ невѣста, долго ждавшая возвращенія своего мужа и недождавшись, вступаетъ въ новый бракъ, но неожиданное возвращеніе его разстраиваетъ эту новую свадьбу (№ 83—84); какъ жена измѣнила своему мужу (№ 82); какъ счастлива семья, въ которой бываетъ согласіе между женами (см. № 76); запоютъ и про Марка Кралевича и другихъ юнаковъ. Но вотъ запоютъ:

«Прошетнасе Дилбердинка девойтя
Изъ кумова возъ кумова тарпеза,
Куму рака да целива
И се[1]) редомъ по тарпеза». (с. Жил. Кюст. окр.)

Въ этихъ стихахъ поется про обычай, непремѣнный на всякой свадьбѣ,[2]) который состоитъ въ слѣдующемъ. Невѣста встаетъ съ своего мѣста изъ-за свадебнаго стола, съ покрытымъ лицомъ и сопровождаемая своимъ братомъ подходитъ къ каждому изъ сидящихъ за столомъ гостей, кланяется до ногъ, цѣлуетъ руку и предлагаетъ вино; всякій долженъ отвѣдать вина и благословить невѣсту. Послѣ благословенія ея гостемъ, она вынимаетъ изъ кармана платокъ (обыкновенно, не домашняго производства въ настоящее время) и даетъ благословившему гостю, который въ свою очередь даетъ ей какую-нибудь мелочь денегъ — одинъ или два гроша, что составляетъ 6—12 коп., а то и того меньше.

Всякому гостю, явившемуся на свадебный пиръ, невѣста должна выполнить выше описанный обрядъ. Но для чего это все? Изъ самаго описанія обряда видна цѣль этихъ поклоновъ, — это полученіе благословенія, а конечно и предотвращеніе проклятія. Я, помню, попалъ было на одну такую свадьбу въ селѣ Сеславци, Софійскаго округа. Лишь только я, по общему единогласному приглашенію усѣлся за столъ, явилась предъ мною невѣста, для выполненія этого обряда; одна старая женщина шепнула ей на ухо: «поклонись добре, да не учини нешто зло»; слыша это, я ска-

1) Т. е. всѣхъ. 2) См. № 58 моего собранія.

залъ громогласное благословеніе невѣстѣ и ея мужу, и далъ ей денегъ больше обыкновеннаго, чѣмъ она осталась вполнѣ довольна.

Когда родится дитя, ему дается имя того святого, на канунѣ коего оно родилось. Обыкновенно, въ селахъ дитя тотчасъ послѣ рожденія не крестится священникомъ, а спустя 8—10 дней; но все же должно быть непремѣнно крещено освященною водою. Это послѣднее крещеніе исполняетъ старая женщина; она беретъ у священника освященную воду и сама креститъ новорожденное дитя, читая при этомъ наизусть молитву при рожденіи; этою же освященною водою обмывается родильница.

Къ родильницѣ приходятъ ея родственники и знакомые съ подарками: несутъ рисъ, яйца, пироги, молоко, вино, курицъ и лукъ. Обыкновенно все приносимое бываетъ завернуто въ платокъ, кромѣ луку, который кладется сверху. Родильница прежде всего нюхаетъ лукъ въ тѣхъ видахъ, чтобы ея молоко было здорово; пьетъ затѣмъ вино, чтобы ей быть здоровой. Приносителей родильница даритъ, чѣмъ можетъ. (Пирот. окр.).

По случаю рожденія, въ семьѣ бываетъ пиръ. Въ Загорьи существуетъ обычай звать гостей на этотъ пиръ — «на керстенье». Обычай этотъ состоитъ въ слѣдующемъ. Дѣвушка изъ того дома, гдѣ родится дитя, разодѣвшись[1]) ходитъ по домамъ своего села съ виномъ и предлагаетъ отвѣдать. Обыкновенно придя въ домъ, она цѣлуетъ руку тому, кого найдетъ въ домѣ, и даетъ свое вино; отвѣдаетъ человѣкъ вина, она тоже цѣлуетъ его руку, прикладывая затѣмъ свое чело къ рукѣ.

Послѣ такого приглашенія, принесшіе родильницѣ подарки собираются къ обѣду въ домѣ родильницы, который приготовляетъ женщина, крестившая дитя; за обѣдомъ родильница должна первая начинать всякое кушанье.

---

[1]) Уборъ такой дѣвушки у Турлаковъ (въ селахъ: Яловица, Чипоровци, Котеновци и др. — но не въ г. Берковицѣ) слѣдующій: въ волосы вплетены перья, бисеръ и монеты; на шеѣ герданъ (ожерелье) изъ монетъ; у пояса по обѣимъ сторонамъ спереди привязано по два шарфа.

Съ смертью человѣка болгаринъ соединяетъ нѣкоторыя очень интересныя вѣрованія, которыя, полагаю, обратять на себя вниманія знатоковъ погребальныхъ обычаевъ. Когда умретъ дитя, въ гробъ съ тѣломъ его кладутъ небольшой сосудъ (стовницу)— для чего? никто изъ болгаръ не могъ объяснить мнѣ (Пирот. окр.); у мертвеца богатаго (чорбаджіи) вынимаютъ часть костей изъ головы и рукъ (тамъ же), и ставятъ въ церкви на сорокъ дней, тогда какъ все тѣло бываетъ погребено. Въ теченье этихъ сорока дней совершается поминовеніе надъ костьми; начинается же оно со дня, слѣдующаго за погребеніемъ: послѣ погребенія, бываетъ «вече́ра», называемая «задуша», и на слѣдующій день женщины (исключительно) несутъ въ церковь «кутю», кадило и кости (отъ «чорбаджіи») и ставятъ на аналоѣ; кости кладутся рядомъ съ кутей, а послѣ 40 дней зарываются въ тотъ же гробъ, гдѣ и все тѣло лежитъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ лежалъ покойникъ, послѣ выноса его изъ дома кладутъ сѣкиру и немножко рубятъ по тому мѣсту, и это съ тою цѣлью, чтобы предотвратить смертность другихъ сочленовъ дома. (Пиротъ.)

Надъ мертвецомъ бываютъ, какъ и у насъ, заплачки, которыя исполняютъ женщины, родныя мертвеца. (Пирот. окр. и Загорье).

На мертвеца въ селахъ считаютъ необходимымъ всякому живущему въ томъ же селѣ взглянуть, чтобы мертвецъ не являлся ему во снѣ.

Въ годовщину смерти человѣка справляютъ «поминки», называемые въ Загорьи «помана»[1]).

---

[1]) Это слово въ томъ же значеніи извѣстно и Валахамъ.

II.

Изъ рукописи XVIII в., принадлежащей одному болгарину въ селѣ Рылѣ, Дупничкаго округа. № 1.

Слово ради самовилы, и бродницы, и магесницы, и ѡбаѧлницы.

Самовилы и бродницы, и ѡбаѧлницы. тїѧ са антихр҇тови оученицы, и които ходать на ныхъ на врага се покланѧѧ, и записѹе гы врагъ и онъ да са негови и не имать дрѹги грѣхъ погѹлемъ, и потежокъ ѿ вси грѣхове, ѿ тоѧ грѣхъ многѹ досадно есть бг҇ѹ, понеже аще кой сотворить блѹдь, паки каетсе и плачеть, и молисе бг҇ѹ да го просты, такожде и ѹбийца и вьси грѣшны, скорѹ акѹ можешь да се покаешь, понеже неси се ѿрекаль ѿ бг҇а; а които ходать на самовили и на бродницы, на магесницы, на залаганѣ, на баѧнѣ, тиѧ вси ѿречѹтсе ѿ хр҇та. и тогай пойдеть на самовили, тако ѹрекѹть: гд҇и ѿ тебе ни една помощь, и не можешь да помогнешь намь. ѡ велика хѹла на бг҇а! тако ѿрицаютсе ѿ бг҇а, и потапчѹть ч҇тнаго кр҇та и весь хр҇тїански законь; и тогда пойдать ѿ врага да ищать лекь; и ouслишите, да разѹмеете, колико есть досадно бг҇ѹ, които искать ѿ врага лекь. Пишеть вь стáри зáконь вь книга иже нарицаетсе цр҇твїѧ трéта кóнецъ глава ѕ: вь градь самарїѧ беше некой цр҇ь именемь ахавь синь замьврїовь; и по

смерти ахава цр҃а, взи́де сн҃ь егѡ на цр҃тво въ самарии, именемь беше хозиѧ, и ѡнь беше идолопоклоникь, ꙗкоже и ѡц҃ъ егѡ; и въ единь день ходеше по високо место, и па́дна ѿ висо́ко и оуби́се, и посла свои чл҃вецы, и рече имь: иде́те на кра́й гра́дь, та́мо и́мать една́ магесница бг҃ꙋ нашемꙋ ваалꙋ. и не́ѧ въпросите да ска́жеть ва́мъ, мо́га ли ѡздраве́ты, или́ бꙋдꙋ оумре́ти. ѿидо́ха ѡныѧ чл҃вецы, и посла̀ бг҃ь а́гг҃ла, и ре́че емꙋ: идѝ да речешь проро́кꙋ илїю̀ да иде̑ да рече́ть на ца́ровите чл҃ве́цы, да идать на маге́сница, да и́мь ска́же, да ли́ че ѡздраве́ цр҃ь, или хоще умрѐ; и нече́ше да ꙋмре; ама́ защо̀ ѡстави̇ созда́телѧ сво́егѡ бг҃а, и ѿиде ѿ вра́га да и́ска ле́кь, за това́ пресече мꙋ бг҃ь дни те́, и че да ꙋмре. тиѧ ре́чи сказа́а чл҃ци пророкꙋ илїю. проро́кь илїѧ ѿи́де ско́рꙋ и пресретма́ цр҃еви́те чл҃вецы, и ре́че имь: иде́те да рече́те цр҃ꙋ: та́ко гл҃го́леть гд҃ь въседержи́тель, та́мо где е легна́ль на ѡ́дарь, не́че да ѡста́не живь, защо́ непоиска́ ѿ созда́телѧ своего ле́кь, но поиска ѿ вра́га. ѿидо́ха чл҃ве́цы и сказа́ха цр҃ꙋ, и ѡн ги въпроси́: како́вь бе́ше чл҃ве́кь, що ви ре́че та́ѧ ре́чь? и ѡны́ мꙋ ре́коха: чл҃векь беше косма́ть, и ѡпа́сань бе́ше с реми́кь. ре́че цр҃ь: ѳезвитенинь илїѧ̀ есть; но ско́рꙋ призви́ педесе́тонача́лника, и педесе́то кре́пкы во́ины, и поручи́ и́мь: иде́те и где́то на́йдете, са̑ си́ла да го доведе́те; и ѡны ѿидо́ха и наидоха го на една́ висо́ка гора́, и ре́коха мꙋ: чл҃ве́че бж҃їй, цр҃ь зо́веть те, да и́дешь да́ го саста́нешь; и ре́че проро́кь илїѧ́: аще есамь чл҃ве́кь бж҃їй, да паднеть ѡ́гнь ѿ нб҃а да изгорить всехь вась, и падна ѡгнь, изгори ги и педесетоначалника. егда́ почꙋ цр҃ь ка́ко погоре́ха, па́ки посла́ педесе́тоначалника. и н҃ воины. Та́ка и ѡны́ погореха, ꙗкоже и прежни. па́ки цр҃ь посла́ тре́таго педесе́тонача́лника, и н҃ воины; тре́ти педесе́тоначалникь бе́ше бл҃гоговень и бг҃ꙋбоѧзливь: егда̀ дойде́ та́мо, где́ бе́ше пророкь илїѧ̀ и стана́ ѿдале́ко, и гологла́вь, и приклони коле́на своѧ и са сльзами, и ре́че: чл҃вече бж҃їй, молим ти се, да не изгори́шь нась, ꙗкоже и прежни наши дрꙋжина, но пожали́ нась, и аще самь хощешь да прїидешь до цр҃а; то́гда ре́че а́гг҃ль ѿ нб҃а проро́кꙋ: иди́ и небойсе. то́гда ѿи́де при цр҃а и та́ко бы́сть, ꙗкоже проре́че проро́кь илїѧ́. и по смерти̇ него́вь, възи́де на

црство дрЃги снь ахавовь. именемь иоромь. Оуслышахте ли бл̃гословены хр̃тиане, разЃмехте ли, колико зло есть, които ходать по самовили и по баснарки. црь хозіа беше идолопоклоникь, незнаваше истинаго бг̃а, и паки недаде мЃ бгь да иде на магесницы, и без време пресече мЃ живото. Что хощеть биты ѿ нась, како се нарицаеме православны хр̃тиане, како де сме познали истинаго бг̃а и кр̃щены, и ѡсвещены и миросаны и потомь да ѡставиме вьсесилнаго бг̃а, и да идеме ѿ врага да искаме помощъ, коа милость надеемсе да полЃчиме ѿ бг̃а? прежни елины неимаха законь, неимаха ни кой да имь скаже, а ние при толико книги, при толико поЃчение, и паки иако слепи идеме и покланамесе врагЃ: и вь прьва заповедь заповеда бгь пророкЃ моусею, да не верЃеть дрЃгомЃ бгЃ, защо познашь бгь, како чать многЃ льжи да се наречать богове; и хощеть врагь да прелащаеть малоЃмни чл̃веци, да неможать да познаеть истинаго бг̃а? но хощЃть вьсаки да се поклана бгЃ по своемЃ разЃмЃ на древо и на камене, на звери, на птицы: того ради порЃчи бгь, да познаваме кое есть бгь, иже сотвори нбо и землю, и море, и вьса созданіа, и чл̃века, и вьсака животна, томЃ бгЃ подобаеть кланатисе, и на негѡ вса надежда наша да имаме, и за живото и за смерть, и за дша, и за тело. и вьси кныги пишеть, како да се покланаме вь тройцЃ единомЃ бгЃ, и не тькмо повелеваеть да се покланаме на льжовны богове, ни мала некоа почесть да не сотворимь имь, тькмо на единаго и всесилнаго и всемогЃщаго бг̃а да мЃ се покланаме, и да го почитаме, ради чтно име егѡ много зло да претрьпиме, иакоже рече ап̃ль павель на коринѳомь рече: оумертвите Ѓди ваши ѿ всаки страсты, блЃдь и нечистоты, и злы въжделеніе, и сребролюбие, и обадение. и пианство, тиа нарицаютсе идолопоклоникь. Також и магесницы и баснарки и кои ходать на самовили, и на магесницы, и на баснарки. ѡни нарицаютсе идолопоклоницы, които лають ѡлово, и които верЃать на бась, на залагане, чародеание, които завезЃать звери, и мечки и вльцы, и гледать на звезди, и завезЃать младенцы. кои жены нарицаютсе

лекари́цы, да да́вать била́вища. които же́ны та́ка тво́рать, ти́а нарица́ютсе антихри́стови ѹчени́цы, бесовски слѹги, прелаща́ють незлоби́вы дш҃и чл҃вечески. Ѡ безѹмна и ѿ вра́га прелаще́но же́но, егда́ ты еси бг҃ъ, да имашь си́ла да лекѹеши младоже́нцы, невидиш ли́ се́бе, ка́ко ниеднодѣло неймашь да бг҃ѹ оуго́дно, та́кожде и ты́ никако́ неси́ оуго́дила бгѹ, и никако́ ненави́ди те бг҃ъ и мръзи́ть на те́бе; тъкмо вра́гове те ѡби́чала, ѿ где́ еси́ прия́ла то́а да́рь да лекѹешь. та се знаеть, ка́ко вра́чь ти е даль да лекѹешь, поне́же вра́чь да́еть сво́има оуго́дницы, а́ще що́ про́сать ѿ него. Ѡ го́ре те́бе, ѡкаана же́но: нарица́ешь се́бе, ка́ко да си́ хрт҃ïанка, а ты́ си се оуподобила врагѹ; рапи́ ми, коли́ко лѣта сатвори́ла еси́ вь пѹсти́ню, и пости́ла еси́, и дарова́ ти бг҃ъ то́а да́рь да лекѹешь? или́ претрьпе́ла еси́ не́кое мѹче́ние хрт҃а ра́ди, или сохрани́ла еси́ девство и чистота́ вси дны́ живота своего, или си била́ милости́вна, или́ странолюби́ва, или́ претрепе́ла еси́ оукоризна и доса́да на пра́вдѹ? скажи́ и ѿ кое́ добрѣдетель дарѹва́ тебе́ бг҃ъ тогѡ́ да́ра да лекѹешь. аще ли позна́ешь себе́, ка́ко си́ гре́шна, позна́й добре́, ка́ко ѿ врага ти есть, това́ лекѹванïе. Ре́че магесница: аще е́сть вра́шко дѣло баа́нïе, почто́ егда́ побаю и ѡздраве́еть бо́лни? ѽ прелаще́на же́но ѿ вра́га, вьси верны и неве́рны, и вси́ вра́гове исповеда́ють, ка́ко е́смь вь рѹце бж҃ïе чл҃ве́кь и живо́ть и смерт; егда́ есть и живо́ть и сме́рть вь рѹце бж҃ии, ка́ко мо́жешь ты проти́вѹ си́лѹ бж҃ии да излекѹешь бо́лнаго са́ твое́ лажо́вное баа́нïе? ѽ неразѹмна и ѿ вра́га прелаще́на же́но, егда́ повели́ть бг҃ъ и прïидеть а́ггль бж҃ии да ѹзметь дш҃а ѿ чл҃ве́ка, мо́жешъ ли ты никоквице сасъ твое баа́нïе да се проти́вишь повеле́ние бж҃ие, да не изидетъ оно́а дш҃а́ ѿ тело? коа́ по́мощь мо́жешь да сотвори́шь ма́ло ва́же и вьглень, и си́нѡ пла́тно, и черно чи́рень но́жъ, и бѹрань, и врьбо́во дре́во и дрѹги многѹ враговщи́на́ творя́ть, коа́ помо́щь можешь да сотво́ришь на болнаго? но лѹка́ви вра́гь ви́ди вашь ѹмь и ср҃це, ка́ко неймате наде́жда на всеси́лнаго и въсемогѹщаго бг҃а, но на вра́га и́мате наде́жда да ѡздравеете, и тако показѹетъ вра́гь, ка́ко де творать не́кое лекѹва́нïе надь бо́лнаго, да

прелащають ва́сь да вѣ́рѹете, ка́ко ѿ баа́ние исцеле́? Ре́че магесница: ѿ гда ба́ѧ, ко́е ѕло́ тво́ра, и азь и́ме хрто́во призиваѧ и престей бцы и стый безьсребре́ницы ко́змань и дамѧ́нь, и дрѹги стыи и́мена призиваѧ. Оуслиши прелащена жено ѿ врага: рибарь, егда хо́щеть да ѹлови́ть ри́би поставлѧеть на ва́дица мѹха, или́ чрьви́кь, да се изма́ми ри́ба та да погледнеть оу вади́ца та: аще не би риба́рь нищо поставиль на вади́ца та, оубоѧла би́ се ри́бата и побегна́ла би. Та́ка и ты́, же́но, твори́шь, и бае́шь и и́ме хрто́во призива́ешь, и престыи бцы и дрѹги стцы, да се небо́ѧть члвецы, и побе́гнать, егда́ имь ба́ешь: аще ли би ты́ призива́ла бесовски и́мена, егда баешь, ни́кой не би пришель при те́бе да си́ бае́шь. Вижь добре́, ѡкаѧ́нна жено, ка́ко еси ѿстѹпи́ла ѿ бга, и ѿ а́ггле бж҃їй, и ѿ всихь светци́, поне́же похѹли́ла еси́ на и́ме хртова и ре́кла еси̇: гди, ты не мо́жешь да излекѹешь, ꙗ́коже ме́не; азь по скорѹ мо́га да излекѹемь бо́лнаго, и та́ка преда́ла еси́ дѹшѹ свою́ врагѹ, ꙗ́коже ре́кохме. или́ самови́ли, или́ баснаркы, или́ бродни́цы, или́ биѧре, и които но́сать бѹрѧ́нь на себе́ и тиѧ нарица́ють неверни и ї́долопокло́ницы, ꙗ́коже ѡни́ѧ, които се покланѧ́ѧтъ на мно́го бо́гове, та́ка и които хо́дать на мно́го лека́ре и и́щать ле́кове; попь да ги непѹсща́ оу црква, да имь неда́вать ни на́фора, ни пречеще́ниѣ, и егда̀ оу́мрать да ги не опо́ѧть, ни помень да и́мь не тво́рать, ни бгь да про́стить да мѹ нереча́ть; аще ли не́кой попь таквиѧ прїима оу црква и дае́ть имь нафора и пречеще́нѣ и ѡпеваеть ги, и ѡнь подо́бень е́сть имь, безбожникь и ї́долопокло́никь; и а́ще ко́й дѹхо́вникь незапрещаеть, и не ѿлѹче́ть таки́ва ѿ црькви́ и ѿ пречеще́нѣ, тако́ви дѹхо́вникь подоба́еть да мѹ се речеть сле́пи сле́пца́ во́дить, и ѡ́ба въ ꙗма выпада́ть, ꙗкоже ре́че златоѹсть. и́мать обича́е лека́ре- ѿтво́рать дѹкѧ́нь, и наре́дать кѹты́и и собе́рать биѧ́вица и при́бера оученицы, и егда прийде не́кой болень, а ѡны незна́ѧ ко́е би́ѧѣ да го напо́ить, тъкмо про́сто би́ѧѣ напо́и го, и потеча́ть мѹ зе́лени пе́ни изь ѹста, и ѡтрови члве́ка, и ѹмре. Та́ка тво́риме и ни́е дѹхо́вницы: ѡбле́че се́бе вь ѹкраше́ние дѹховниче́ско, ка́пи и раси, и дльги ко́си разрешены и широки бради,

и патерицы дрьжиме вь рѹце свои и сь великою грьдинею стоиме посреде нарѡда, и егда пріиде некой и вопросить нась ради некое вещь, а ние незнаеме не кое билѣ да го напоиме, сіречь незнаеме кои грехь, со що можеть да се исцелить; ꙗкоже рекохме, неимать дрѹги грѣхь повеликь, тькмо коисе ѿречать, ѿ хрⷭ҇тіанска вѣра, и последи егда се покаеть и пріидеть паки на хрⷭ҇тіанска вера, имать запрещение .ꙁ҃. лѣта, да дрьжить канонь, и по ꙁ҃. леть да се пречестить. На това подобие и самовили, и бродницы, и магесницы, и кой то ходать на ныхь и ищать ѿ нихь лекь, они са се ѿрекли ѿ хрⷭ҇тіанска вера: с нихь никако да се несобираме, далеко да бегаме ѿ нихь, ꙗкоже ѿ врага, и никако да ги непѹщаме оу цр҃ква, и егда оумрать ни ѡпело, ни поменеть да имь нетвориме, понеже есѹ проклеты ѿ ст҃аго собора, ѿ р҃ и о҃ стыхь ѡц҃ы; аще ли прежде смерть покаютсе, да им се дали запрещение ꙁ҃. лѣта, и да прокленать магии, кой то сотворили, и ктомѹ нетворать, и по .ꙁ҃. лета да ги причестать. Така подобаеть намь дѹховническо и поповство (sic) велико вьнимание, и да испитѹеме такива вещи, понеже праведны сѹдиꙗ хощеть да испитать нась, ради ныхь; и да возможеме сь дерзновение ѿвещаты праведномѹ сѹдию, емѹ же слава во вѣки вѣкѡвь аминь.

Второ слово ради магесницы ѿ различныхь книги собрано.

Егда беше ап҃ль петарь по мирь, оучеше народа и крещаваше ги во име хрⷭ҇тово, и беше некой магесникь, именемь симонь; и каде петарь оучеше, а симонь идеше по петра, и говореше на чловецы те: неслѹшайте петра, що оучи вась; мене да вѣрѹете, азь есмь бг҃ъ, и твореше пре нихь магіи и прелащаваше народа; и далеко бегаше ѿ петра. и римскы кесарь клавдиꙗ разбра, како симонь прелащава нарѡда, и посла чл҃вецы: аще где найдете симона, да го ѡковать сось железо, и да го доводете. егда го доведоха пре царя, а ѡнь, лѹкави врагь, и цара прелести с негови магіи: до где хощеше да го погѹбит, а ѡнь поче и направи единь ідоль, и постави го междѹ два моста на тивериадскѹю река

и написá на ї́дола, и тáко рéче: сéй ѝдоль éсть симонꙋ бг҃ꙋ ст҃óмꙋ. и пéтарь оучéше вь антиѡхи́ю, и въ еднá нóщь ꙗви́ мꙋ се хрт҃óсь вь снé и рече мꙋ: востáни пéтре да и́дешь въ ри́мь, и тамо потрéбно есть твоé поꙋчéние. егдá ѿи́де пéтарь вь ри́мь, и почé да ꙋчи́й лю́дие, егдá видé си́монь, тáка и нехотé молчáти и да покриеть своѝ глóбꙋ, но хóдеше по градó и говóреше на лю́демь: почтó ѡстави́сте мéне и послꙋшахте пéтра; що лáже вась, мó-жеть ли пéтарь ꙗ́коже мéне да твори́ чꙋдесá? тóгдá станꙋваше змиѧ; иногдá ꙗко козá, и ꙗ́ко врáна, и ꙗко ѡрель, инóгда въхождáше вь ѡгнь и несагареше; и тàка прелащáше людие. пéтарь молéшесе бг҃ꙋ, да го погꙋби́ть такóваго прéлестника. видé си́монь, кáко не мóжать да прóйдать нéговите льжи́ при пéтра, оумисли́ да воздви́гнеть мльва вь грáдь, да ꙋби́ѧть пéтра. вь еди́нь дéнь, сатвори́ вéнець ѿ дафи́нь, и постави́ го на свóю глáвꙋ, и взи́де на éдно ѐлинско кáпище, и вели́ки глáсь рéче кь нарóда: ѽ мꙋжие ри́мскы, кáко прелasти́хтесе ѿ петра ри́бара и ѡставихте мéне и мóе и́стиное ꙋчéние, тогѡ́ рáди и азь данáсь да при́зовемь мой áгели да ме оузмáть, да ме занéсать на нéбо при ѿц҃а мóего, и тамо хóщемь вáсь мꙋчи́ти ꙗко пристꙋпницы; и непослушáхте моé прáво оучéни́е. тáка рéче и плеснá рꙋ́це свóй, и почé да воз-хóдить на нéбо, и бéсове держáхꙋ егѡ́. тóгда вси лю́ди́е возо-пи́ша: днесь ви́дохме, кáко вели́кь богь есть си́мѡ́нь. тóгда пéтарь станá на моли́тва и рéче: гд҃и ис҃е хрт҃е бж҃е мóй, недáждь да се саврьши́ть вóлѧ врáжиѧ, да не до кóнца прелasти́тсе незлоби́вии нáрѡдь; тáка рéче и погледнáха на гóре, кь си́мона, и рéче: вáмь гл҃ю, бесóвскы слꙋги, запрещáемь вáмь, въ и́ме гд҃а ис҃а хрт҃á, егó же азь пропове́дꙋéмь, ктóмꙋ да не дрьжи́те си́мѡна, но тóѧ чáсь да го ѡстáвите. тáка рéче пéтарь, и бéсове оубóѧшасе и ѡста-ви́ха си́мѡна и побéгнаха; тóгда ѡкаѧныи си́мóнь пáде дóле, и предаде лꙋкáвою свою́ дꙋшꙋ врáгꙋ и бéсомь, и пои́де вь вѣ́чнꙋю мꙋкꙋ.

И дрꙋги магéсникь бéше вь ѡстрóвь пáтмо, и́менемь кино́ѱъ, и мнóго маги́и творéше, и прелащáваше лю́ди́е, и покланѧха мꙋ се, ꙗко бóгꙋ. и ѿи́де при нéго ӏ́ѡаннь бг҃ослóвь, и рéче кино́ѱъ:

вид҆иш ли, ї҆ѡанне, ка́ква чꙋ́деса азь тво́римь, и ско́кналь оу море́то да премица́еть наро́да: и запрети ї҆ѡаннь на бесове́те и ѡставиха го, и кто́мꙋ неизиде ки́нофь ѿ море́то.

И дрꙋги магесникь бе́ше, именемь киприа́нь. и прийде при не́го единь ю́ноша и ре́че мꙋ: мо́лимтисе кипрїа́не, и да ти да́демь, що искашь: една́ мома́ возлюбихь, и искамь да ѧ зе́мемь, а ѡна́ не хоще да приста́не; ре́че емꙋ киприань: това́ е ле́сна ра́бота, негрижайсе за това́; посла́ киприань едно́го лю́таго бе́са да идеть да сотво́ри де́вица да приста́неть за ю́ноша. ѡтиде бе́сь и принесе ей гли помишле́ние, а ѡна́ стана на молитва, и поче́ да се кртить, и моле́ше се бгꙋ и та́ка наре́ждаше: гди іисе хрте бже мой, созда́телю мой, да ѿиде ѿ ме́не това́ гло помишле́ние, да не возрадꙋетсе вра́гь ѡ мне́; и побегна́ врагь, и до тре́ти пꙋть прї-хо́ждаше и приноси ей гли помишление; а ѡна́ са молитва́ ѿгна́ го́, и ѿиде вра́гь при киприа́на, и пожали мꙋ се и ре́че мꙋ: ѡ҆ киприа́не, а҆зь колико девицы сотворихь та се ѡжениха, колико жени разлꙋчихь ѿ мꙋжие, и колико сотво́рихь и стана́ха блꙋдны, колико сотворихь и бра́ть бра́та оуби, и бра́ть на сестра́ прїйде, а та́ѧ иꙋлиана девица никако неможе́хь да ѧ ѡбрьнемь оумь да помисли за женитьба. то́гда киприань оукори егѡ҆, ка́ко неможе́ да сотво́ри ни една́ ра́бота, и посла́ киприань и дрꙋгаго бе́са по́сил-наго: прийде и ѡ҆нь при двца́, и прине́се ей гло́ помишле́ние, а ѡна́ же са молитва и са чтнаго крта и не́го ѿгна́, и ѡ҆нь поиде́ при киприа́на; и изле́зе и тре́ты бесь и ре́че: киприане́, посли ме́не: а҆зь мо́га ѧ ѡбрана́ти; и ре́че мꙋ: иди. и претворисе вра́гь ꙗко ба́ба, и прийди при де́вица и ре́че иꙋлиана: ѿкꙋде́ идешь ба́бо? ѡна́ ре́че: ѿдале́ко идемь; и ре́че ей девица, почто́ толико трꙋдиласе старице? ре́че ба́ба: почꙋла самь, ка́ко имашь мно́гꙋ грижа и доидо́хь а дте разгово́римь; ре́че ї҆ꙋлиана́: добре́ си дошла́ ба́бе. ре́че ба́ба: чꙋла самь ка́ко неискашь да се оженишь, да ли е истина? ꙗ ѡстаре́хь, това́ ѡ҆ще не́самь чꙋла: мома́ да не иска да се ѡжени; бгь ѡ҆стави ѿ адама да се же́нать члве́цы, да се плодить све́ть; іꙋлиа́на ре́че: ба́бо ако́ си дошла́ ѿ бга, да ме оуте́шышь добре́, а҆ще ли си дошла́ да ме преластитъ, и прекрестисе и ре́че: гди іисе хрте сне

бжїй, помилꙋи ме! тóгда ꙗко димь исчезнꙋть бáба, и невидесе. и собрáхасе и трите врáзы и ѿидóха при киприáна, и сказáха емꙋ, елики пострадáха ѿ иꙋлиáна дéвица и рéкоха: ѽ киприáне, и тьí бы побегнáль ѿ тáковае дѣло стрáшно: егдá приближиме се при нéѧ, ѡна станꙋваше на молитва, и сатвáраше крт҃ь на сéбе, и ꙗко ѡгнь изхождáше ѿ оустá ей и ѡпалаше нáсь; и напáде на нáсь страˣ и трéпеть, и побéгнахме. егдá оуслыша таквaѧ словесá киприáнь мꙋдарь бéше, помꙋдарь ёще станá, и вь мнóгꙋ размишлéние прїиде, и помисли, кáква ни еднá сила неима врáгь противꙋ чт҃нáго крт҃а, и колико книгы имáше за магый, собрá гы и постави гы на ѡгнь и изгорéха, станá и поидé при епискꙋпа а҆нѳима, и вьсá сказá емꙋ, кáко дéвица іꙋлиáна победи всѧ сила врáжиѧ са҃ чт҃наго крт҃а. епископъ же мнóгꙋ поꙋчивь егѡ и ѿпꙋсти, и ѿиде и собра пепель, що бéха изгорéли книгите, и посипá свою глáвꙋ, и са҃ слѣзами ѡмиваше своé лице. заꙋтриѧ востáвь ѿиде вь цр҃ковь, беше великаѧ сꙋбота, и ꙋслиша прьво слóво: хрт҃ось искꙋпиль ны есть ѿ клéтвы закóна, бисть нáсь ради клéтва, и пророчéство оуслыша: виждь гд҃и и непремльчи, гд҃и не ѿстꙋпи ѿ мéне, и сé ѡтрокь егóже изьбрáхь. егдá тáка ꙋслыша киприáнь, бóлше оукреписе на вѣ҆ра и сподобисе ст҃ое крщ҃ение, по трéты дéнь и на дїáконство ѡст҃исе, по едино лѣто и сщ҃енство сподобисе, и толико чꙋдень и стрáшень бьсть на всѧ сила врáжиѧ, и послéди и епискꙋпь станá.

Гдé сꙋть ѡниѧ безꙋмны чл҃вéцы, които говоратъ: магыиѧ ми е сотвóрень и не рáждамь, а дрꙋги каже: магиѧ мне сотвóрена и ꙋмирáютˣ ми дéца, а дрꙋги кáже оу кáще имамь магыи, и нейде ми рáбота напрéдь, а дрꙋги каже ѿ магиѧ нетрáѧ ми добицы. ѡ безꙋмни чл҃вече! сотворáшь себé магый: видить врáгь вáшъ ꙋ҆мь прелащéны и кáко неимате надéжда на всесилнаго и всéмогꙋщаго бг҃а и прїидеть врáгь и рече ти, и наꙋчи те, кáко да имать магыи ꙋ кáщи. пóсле те да идешь на магéсница да те видитъ, и ѿидеть врáгь таинеѧ наꙋчить да ти скáже, кáко ѡ҆нь те прéжде наꙋчи, и рече ти магéсница: иди тáмо и тáмо ꙋ кáщи да копáть, магы имать, и ти и҆дешь, та найдешь нéщо и тогáй врáгь ѿмéть ты ѡчитета

ти се видить, како дѣкаси нашель магиа да те ꙋ҆верить, и пáка рече ти магéсница: ѡ҆нсица чл҃екь сотвори ты магыи, а ты́ вѣрꙋешь врáга, и почнеши да ненавидишь ѡ҆ногóва чл҃века; егдá те познáеть да го послꙋша҃ замáлкꙋ, и мнóгꙋ ти приноси: егда видить врáгь малоꙋменъ чл҃екь и вѣрꙋеть магии, велика рáдос҃ имать врагъ за тогова чл҃éка, аще ли когó чл҃éка познáва, кáко невѣрꙋеть магїи, на нéго не мóже да се фáне магиѧ; магиѧ прилеплѧетсе на грѣшнаго чл҃éка: аще хощешь да се побоишь ѿ магиѧ, бꙋди милостивь, щéдарь, крóтокь, не воздáй глó за глó, прощавáй кой ты нéщо досадить недрьжь пáметоглóбие на срⷣце своé, бꙋди стрáнолюбецъ, нищолюбецъ, сотвори въ дóмъ свой странопрїемлица, да прїбирáшь нищы и ꙋбóги, ꙗко же въ лóзе постáвить плашило, да се боѧть гвѣрии да не прихóдать, тáка и въ кой домь имать стрáноприемница, и често выходать и исходать нищи и ꙋбóги, тáмо врáгь бойсе да пристꙋпить, боитсе ѿ плашила, плашило нарицаетсе странопрїемница; бл҃жéнь чл҃éкь кóй сотвори такóва плашило вь дóмь свой: тóй чл҃éкь ѿ вси людїе бꙋдеть похвáлень, но и аггл҃é мꙋ се радꙋѧ такóвомꙋ члвéкꙋ, тáмо гдé се почитáеть хрⷭ҇тось, тáмо вси ст҃ы́ радꙋютсе; кóй чл҃éкь хрⷭ҇та почитáть, кóйто имать стрáно прїéмница ва дѡ́мь свóй, ꙗ҆коже рéче хрⷭ҇тось: стрáнень бехь и ваведóсте ме вь домь вашъ; бл҃жéнь чл҃éкь кóй взведе҃ хрⷭ҇та вь дóмь свóй; да ти скáжемь и дрꙋго ꙋтешéние: егдá познáешь, да ти е сотвóрена магиѧ, тóгда да непоставлѧешь тогѡ́ и ѡ҆ногѡ́, но да речéшь: бл҃годáримь бг҃а и речи: рáди мóй грéхь приид̾е ми тоѧ҆ глó на мéне, и смирисе, и покáйсе, и аще ты́ прїйде нéкое глó или ѿ видимо, или ѿ невидимо, за всé да бл҃годаришь бг҃а, да речéшь: блгодáримь бг҃а и за тóва. егдá тáка творишь, тóгда ꙋдаришь врáга сь цапеница по глáва, а егдá ти приидe нéкое глó, а ты́ плáчешь и тꙋжишь, тогдá се врагь радꙋе, егдá се радꙋешь вь скóрбы, тóгда плáчеть врáгь; егдá тáко бꙋдемь творить, и бг҃ꙋ бꙋдеме оугодити и цртⷭ҇во нбⷭ҇ное мóжеме полꙋчиты, ѽ хрⷭ҇те іис҃е гдⷭ҇нéмь нáшимь, емꙋ же слáва подобáе҃, чтⷭ҇ь п поклонéние ѡ҆цꙋ и сн҃ꙋ и ст҃óмꙋ дх҃ꙋ во вéки аминь.

Слóво г҃, рáди магéсницы, и самови́ли и баснáрки, и залагание и бродницы и баѧние.

Пи́шеть вь кни́га нарицáеме ламѱаикь, кáко бéше еди́нь чл҃вéкь бéсень, и приведóха го при еднá пѹсти́нѧ жителнаѧ, и помоли́се бг҃ѹ, и изгнá бесь ѿ чл҃вéка, и ст҃ы ѡц҃ь запрети́ бéсѹ и рéче мѹ: запрещáем ти, лѹкáви врáже, прáво да ми скáжешь, ѹ мѹката кóй дѹши помнóгѹ и́мать, дá ли мѹжїе, или́ жéны? рéче врáгь: помнóгѹ жéны и̂мать ѹ мѹката; и рéче ѡц҃ь: неверѹем те лѹкáви врáже: жéны нестрéжать пътища да ѹбиваѧть и да ѹбїрáть чл҃вéцы, или́ да хóдать са̑ барѧнь да крáднать; кáко да те вѣрѹемь, врáже, кáкó да и́мать по мнóгѹ жéны ѹ мѹкате; рéче врáгь да ти скáжемь, ѡч҃е, почтó рáди помнóгѹ е̂са жéны ѹ мѹката: не имь арéсова товá лицé, коéто имь бг҃ь даровá, но поставлѧть бели́ло и черви́ло, и пременѹѧтсе оу крáсни премéны, и поставлѧть на сéбе срéбро и злáто, и коли́ко ѡ́ни ѹкрашáютсе, толи́ко ни́е бéсове радѹемесе, понéже мнóгѹ чл҃вéцы прелáщають; и коѧ неимать да се премéни, а ти́ѧсе смеѧть на дрѹгите; а които е̂са бéзьчéдны, а тиѧ́ ги ѹкорѧють и ѡсѹждáють; егдá се двé скарать, еднá дрѹга до смéрть непрощаваѧть, егдá имь ѹмреть чéдо, или́ сорóдникь, хѹлать на бг҃а и тѹжать и плáчать до смéрты, и и̂скать лéкове да раждать мъшки децá. ıа́коже рéкох ти, ѡч҃е, вели́ка рáдость имаᵗ нáшь господáрь велзевѹль на магéсницы жéны: егдá ѹ̂мреть нéкоѧ магéсница женá и принесемь дѹшáта ей ѹ пеклóто, и почитáеть ѧ нáшь господáрь велзевѹль, и постáвить ѧ вь преиспóдна а̂дова и тáмо гдé са е̂лински бóгове и еретыци, тáмо гдé éсть и предáтель іюда; таквáѧ пóчесть твори́ть нáшь господáрь на самовилы и брóдницы, и магесни́цы, и ѡбаѧлницы, и поставлѧет гы гдé ѡгнь неѹгаснѹеть, и чéрвѣ неѹмираѧть, и толи́ко ѹгóдни са нáмь магéсницы, áще що имь речéме послѹшаѧть нась: егда имь покажéме нéкои лéкове и бѹрѧне, или́ дрѹгое нéкое зло да сотвóрать, ѡ́ни ѿ нáсь подобрé сотвóраѧть злóто—ни́е мáло и́мь покажéме, а ѡни́ на мнóгѹ разѹмевáють, и вели́ка пóмощь и̂маше ѿ ныхь, и вьси́ наши рáботы вели́ки ѡ́ни соврышáють, и мнóгѹ пó-

мощь имáме ѿ магéсници. ние рéкохме да ги наꙋчиме, а ѡни́ пóхитры станáха ѿ нáсь, и ни́е бéсове оубоѧхмесе ѿ магéсницы жéни, понéже ѡни многꙋ́ неглоби́ви дꙋши прелащáють и прïведать ги при нашего господи́на; коли́ко мꙋжие и́мать ꙋ мꙋката, повéке есá ѿ жены́ прелащéны, нéжели ѿ дрꙋги грéхь, тáка ни́е ꙋчиме жени́те. догдé са млáди да се наки́та' и да се променꙋвать да прé-лащáють неглоби́вы дꙋши, егдá се застареѧ́ть, ѡ́ни стáнать ма-гéсницы, и стáнать люты и сръди́ты, пóчнать да кльнáть и да се закли́нѧть, и да непрощáють ко(и) имь нéщо согреши́ть. Таквáѧ словесá рéче врáгь ѡномꙋва дꙋхóвникꙋ, и неви́димь би́сть. и азь помногꙋ́ зéмли ходи́хь, и нéсамь видéль толи́ко многꙋ́ ма-гéсницы, кáто оу тáѧ наша зéмлѧ бльгáрска, и самови́лы и брóдницы. по дрꙋги земли́ и́мать дрꙋги грѣхове, но лéсно при-хóдать на покаѧ́ние, понéже неимать потéшки грѣ́хь, егдá се ѿвержéть чл҃вéкь ѿ хр҃а; кои се ѿрицáють ѿ хрт҃а бога? самови́лы и бродни́цы и магесницы, и кои́то хóдать на ны́хь, и и́скать лé-кове ѿ ни́хь; ти́ѧ сá проти́вницы бж҃їй, и бéзьбóжницы и́доло поклóницы: такви́ѧ, егдá се покáють, такóва покаѧ́ние да покá-жать, да се ѿрéчать ѿ злы дéли и враговщи́ны, ꙗ́ко же ѿре-кóхасе во врéме кр҇щéние своé, и да прокленꙋть маги́й, и само-ви́лы, и бродни́цы, и баснáрки и вьсака билѧ́вища и васáка и́ние врáжко начинáнïе; егдá такóвае покаѧ́нïе сотвóрать, и до врѣ́ме да имать запрещéнïе, и тóгда да ги прïéметь попь оу црк҃ва, да и́мь даде нáфора и пречещéне.

Слово д҃ рáди ѕлы́ жéны.

Помислыхь да сéднемь да напи́шемь, коли́ко враговьщи́ны твóрать жени́ рáди чародеѧ́нïе, и воспоменахь премꙋдраго соло-мóна, понéже и ѡ́нь почé да исьпи́шетъ коли́ка враговьщи́ни и́мать жени и неможé да изпи́шеть, и рéче: áще кóй мóже да пре-пи́шетъ песóкь мóрскы, ѡ́нь мóжеть да препи́шеть и жéнски враговщи́ны; и азь помислы́хь, егдá премꙋдрыи соломѡнь оу-боѧ́се ѿ жéнскы враговщи́ны, и азь пристáнахь писáти, тъ́кмо хóщꙋ да рéкꙋ рáди ѕлы жéны; неимать дрꙋго ни́щь пóѕло ѿ ѕлá

жéна: ѕлá женá самѱωнѹ ѽчи извади; злá женá премѹдраго соломѡна преласты; злá женá прекраснаго іωсіфа на прáвда ωсѹди и вь темници затвори; злá женá лѹкáва іезáвель навѹѳéѧ на сомéрть предáде; ѿ злá женá пророкъ иліѧ кріéше се по гора; зла женá предитéча іωанна кр҃тителѧ ва темница посéче; злá женá цр҃ца еѵдоξіѧ ωбщаго вьселéнскаго ѹчителѧ нищьлюбиваго іωáнна златоѹста ѿ престóла изгнá, и на заточéніе послá. злá женá цр҃а не боитсе, сщ҃éника не срамлѧетсе; áще есть богáта, никого не боитсе; áще ѐсть сиромаси, вьсáкаго оукорѧе҄ и присмиваетсе. —

И имать нéкой ѿ ныхь и говóрать: пéть прьсти бг҃ѹ ωделéѧть. ѡ лѹкáво дерзновéние, ѡ ѹстá хѹлна и незаграждéна, ѡ ѩзикь сквéрнь, кáко возможé таквиѧ горки и хѹлни речи да изречé на создáтелѧ бг҃а? ѡ г҃ди, славимь твоé дóлготерпéние, како тóѧ чáсь непогѹби такóвого хѹлницѹ; ѡ землю, кáко терпéние и непоглетнá ѩкоже даѳáна и авирóна тáкваѧ хѹлница; ѡ н҃бо, кáко непѹщи ѽгнь савише, ѩкоже вь дны іліи пророкь, да изгóрить тáквиѧ хѹлница; ѡ кáмение, ѡ древе, ѡ истóчницы, ѡ езéра, ѡ мóре, ѡ вьсá здáние бж҃іе, кáко стрьпехте, да се рекѹть таквиѧ нестрьпéни хѹли на создáтелѧ вашегω; ѡ кр҃щени врáзи, ѡ бг҃омирскы досадителе, ѡ антихристови ѹченицы и áдови наследницы, пéть пéрсти рéче бг҃ѹ надвива҄. ѡ безѹмна и несмислéна жéно, кóй создáде тиѧ пéрсты, и какó возмогóша тиѧ пéть пéрсты да ωделéѧть создáтелю свóемѹ; ѡ безѹмни жéны и несмислéни, снижихте бж҃тво и похѹлихте на вьсемогѹщаго бг҃а, а врáга похвалихте: да не вменить бг҃ь вáше безѹміе; такóвимь велико покáѧние требѹеть да би се сподобили милости бж҃ію и чл҃веколюбие мнóгѹтерпеливомѹ бг҃ѹ нáшемѹ слава ч҃ть и поклонéние вь вѣки вѣкωвъ аминь.

Слово є҃ похвáлно, дóбры жéны.

Вчéра мнóгѹ оукорихме злите жени, понéже така есть прилично, злите да се оукорѧвать, да се неѹмножаваѧть, и добродѣтель въсéгда подобáеть похвалиты: неѹкорѧеть писаніе нарéдѹ

въси жены, но ȣкорѧеть който творать зло. ѿ жена бисть клетва и въсемȣ мирȣ ѡсȣжденіе, ѿ жена паки бисть въсемȣ мирȣ блгословеніе, оуслыша ева: въ печали родиши чеда, оуслыша дѣвица маріа: радȣйсе ѡбрадованаа гдь с тобою; и жени биша мѵроносицы, и стрежахȣ гроба хртова, и аггла сподобишасе видети и биша проповедницы въскрние хртово, и помногȣ жены просїаша въ постничество, преподобно и праведно поживеша и бгȣ ȣгодиша, и дрȣги многȣ жени мȣжествено подвизашесе и хрта ради кръвъ свой излїаша, и мȣченическы вѣнчани биша, и много жени блгоговены, и биша нищолюбны; и самь апостоль петарь похвалѧеть нищолюбивою заградȣ и нищолюбие ради воскресениѧ ѿ мертвихь, и рече ей: востани заркȣдо, тебе ради плачать сироты и вьдовицы, нищи и ȣбоги неѡставлѧютъ тебе да те гледать мертвȣ, но востани, ѡще да ймь послȣжишь, еще да творишь милостинѧ. такожде и превомȣченица ѳекла, ѿ еі. годины последȣва аплȣ павла, и до старосты аплтосьскы проповедȣваше име хртово; аплъ павель пишеть кь кориньѳеномь, ві глава вь первое послание, како последовахȣ емȣ акила и жена его прискила, и ѡны апостолскы проповедȣваха, и дрȣги многȣ жени благоговени и богати оугодиша бгȣ, ѩкоже и меланиѧ римлѧнина: ѡстана ей ѿ родителе свои. ві. хѵлѧдь жльтицы, и все раздаде ги на нищимь и ȣбогимь, на сироти и вьдовицы и по црквй, и самасе затвори вь една тесна келиѧ, и вь ѳ. чась ѧдеше хлебь и вода пиеше, и тамо предаде дшȣ свою вь рȣце бжїй. И дрȣги жены оудержаха цртво, ѩкоже ирина сась сна своегѡ констандина, и собраха ꙁ-ми соборъ тѯе. ѡцы и проклеха иконоборцы, а който поклѧнѧютсе на чтный иконы, тиѧ нарекоха православны хртиане; и по смерти цра аркадиѧ ѡстави. д. щерки: пȣлхерїѧ, халкиѧ, аркадиѧ, мариѧ и единаго сна на ѡсьмь лѣта, йменемь ѳеѡдосиѧ, но сестра ѳеѡдосиѡва пȣлхериѧ неѡженисе, но ȣдаржа цртво, донелиже прїиде ѳеѡдосиѧ на возрасть; беше пȣлхериѧ ѳі. лѣта, егда оустроеше цртво. такожде и црца ѳеѡдора оударжа цртво, и собра соборь патриарха меѳодиѧ, и проклеха коитосе непокланѧють на чтни ико-

ни, и та́ка оутвердиха права славие. видите ли, колико добрі жени и блгоч҃тивы бг҃ѹ оугодиша, тиѧ вь новемь блгодеты биша; а вь стари законь многѹ добри и бг҃ѹоугодны жени ималь, ıакоже авраамова жена сара и ісаакова жена ревека, анна мт҃ы бц҃ы и сѹсана и анна мати пророка самѹила, ıакоже рече хр҃тось ѿ лѹки ст҃ое ег҃лие глава д҃. поистина г҃лю вамь, ıако много вьдовицы биша вь дны илиины, егда заклѹчисе нб҃о на три лѣта и шесь месецы и бисть гладь по всей земли, и ни кь единь послань бысть илиѧ, тькмо ва сарефѳѹ сидонскѹю кь жени вьдовицы. Слишите, какви жени добри имало и вь старо време, ıакоже и прежде рекохме, и вь старь законь и вь новаго просиѧша и бг҃ѹ оугодиха, и вьсегда хоще^т имати добры и бгѹоугодны и блгоговени жены: ıакоже сребро и злато сокрьвено есть, така и добри раби хр҃тови многѹ имать покривени, тькмо единь бг҃ь знает ги, а глоба не може^т да се скриеть. тогѡ ради, да радиме, добро да твориме и бг҃ѹоугодно да живееме, да се сподобиме и вѣчни животь полѹчити; бг҃ѹ нашемѹ слава ч҃ть и поклонение во веки вѣкѡвь аминь.

Слово. г҃. ради жени и моми.

Мц҃а іѹлиѧ, к҃ѕ, поѹчение ради оукрашени жени и девицы, како да живеѧть.

Подобаеть, жени и девицы да гледать на ст҃ѹю бц҃ѹ, како поживе на тоѧ ст҃ь смирено, кротко и блгоговено, и не тькмо да си криѧть лицето ѿ мѹжие, да ги не гледать, така иска и да се срамѹва да не се смеѧть, и да не дѹмать смешны речи, и да си затиснать оушите, да не слѹшать зли дѹми; слишите вие, що се нарицаете девицы и имате телесна чистота! не тькмо които имать телесна чистота нарицають чисты, но които имать дѹшевнаѧ чистота, тиѧ нарицаютсе чисты; что хощеть да речеть чистота телесна и чистота дѹшевна? прьва чистота дш҃евна есть с мера ıастие и питие, втора чистота воздержание ıазика: неосуждай никого, неклеветати, неѡбитоваты, не прислѹшавати, не льгати, не празнословити, недрьжати пизма, не дрьжати зло на срц҃е, не давати зло за зло ни клевета за клевета; егда имать тиѧ добрыни,

щó сме рекли, тогá е почтéна, тогá е оукрашéна, тогá е премене́на.

Оуслы́шите ви́е мóми, услы́шите ви́е жéни, что говорить ап҇ль пáвелъ вь в҃ глава кь тимоѳéю пéрва послáние, тако рéче́: хóща оубо да моли́тва твóрать мѹжи на всáкомь мéсте, воздéате рѹце свои́ бéзь гнéва и размишлéние́, тéмже и жени́ вь ѹкрашéние лепóтомь са̑ стидениéмь да ѹкрашáюͭ себé, не вь плетение влась, не злато и сребро, или́ ри́за многоцéна, но ꙗкоже подобáеть женáмь обещаваю́щимсе бл҃гочестию дѣ́ли бл҃ги; жéни вь безьмльвие да ѹчáтсе сь васáкимь покорéниемь; женáмь неучи́ты повелѣвáю, ни владáти мѹжѹ своемѹ, но би́ты вь безмóлвие: адáмь прéжде создáнь би́сть, потóмь ева, женá преласти́се, и въ престѹпление выпáде; чѹхтели кáко оучи́ть ап҇ль: жéни и мóми да не украшаютсе са̑ злато и са̑ срéбро, и бисéромь и многоцéны одéжди, но дá сте честни и почтéни, и сь добри́ми дѣли оукрашéни; що хóщеть да се речéть, егдá поставлаете гри́вни на рѹце? егдá простираéшь рѹце свóй на милостина и дрѹги добри дéли твори́шь, тóгда носи́шь злáтны гривны; егда слѹшашь законь и бои́шьсе бг҃а, тóгда нóсишь злáтни ѡбецы; егдá неоѡсѹждáешь, неклеветáешь, ни кльнéшь, тьгда нóсишь злáтны гердáнь; егдá воздръжишь ѿ слáстолюбие, тóгда носи́шь позлáтень пóась.; егдá оустроаешь домь свóй бл҃гочéстно, тóгда носи́шь многѹцены премени; егдá совръши́шь зáповеди бж҃iй, тóгда да речéшь: товá бехь длъжна и товá твори́хь, дрѹго ни́що добрó нé са сотворила. егдá тáка сотвори́шь, тóгда покриваéшь главѹ твою́ са̑ сви́лено забрáда, тогдá те покривáетъ бл҃годáть бж҃iй, тогáй твóй мѹжь слàвень бѹдеть междѹ нарѡда с тóбою. Оусли́шите ви́е мáйки, кои́то и́мать моми́, кáко прили́че да ги оýчите, дá се оукрашáють са̑ дѹхóвно оукрашéние, сiрѣчь да и́мать на себé бл҃гоговéнство, вéра и надéжда на всéси́лнаго и всéмѹгѹщаго бг҃а, и да се смирáють, и да се срамлáють, и да есѹ оукрашéны и премене́ны са̑ добры́ дéли, и да не говóрите празнослóвие и смéшни рéчи, и да не кльнéте, и да се не заклинáйте и да не хóдите по самови́ли, или по баснáрки, или́ да залагáте, или́ да ѡтвáрате

книгы на попа, или на хоџа, или на бȣла, или на билѧре; кой штвара еѵ҃лие на попа три годиии да се непречесты, и тоѧ попь да не попова, ꙗкоже рече ст҃ый иwаннь златоȣсть. ꙗкоже рекохме, да не глѣдате, да се оучите ѿ wниѧ жени и моми, що wбичать на тоѧ свѣть да ходать пременети и измиени, ама на wнай свѣть хощать да са дрипави, и голи, и гнȣсны, и грозни; и wни който са често измивали, често оу банѧ ходилы, и тȣрали меризми на себе, тамо хоща[т] да смардать, и да са грозны, и що са носили сребро и злато на себе, тамо щать да станать змыи люты да ги ꙗдат, по рацете, да имь глождать прьстите, да им се оувиваѧть wколь шиѧта, да имь оулазать оуши́те, да имь ходать по wбразете, да им се завива[т] wколь снагата, като поѧсь; това тако че да имь бȣдеть, защо непогледнаха на прьвните жени и моми: не ли сара авраамова жена толика беше богата........ г҃ди, защо не рече писание, како носеше сара на себе злато и сребро, и да е ходила измивена и накитена, ама рече писание, како сама готвила и сама месила, и слȣгȣваше на гостие; ако би била пременета и накитена, како била слȣгȣвала; такожде и нойна снаха ревека, жена ісаакова, такожде и анна мати самоила пророка, а не с҃а червило и белило, и злато и сребро, и многоцени дрехи оукрашени. жена дрȣги грехь да не чинать, тькмо да носить злато и сребро и хȣбави дрехи, и да тȣрать червило и белило, това имь сосȣва да йдать оу пеклото. Ꙗкоже рекохме прежны жени неимаха сребро и злато, тыи да се оукрашаю[т] с него и да ѧдать, и да пиѧ[т], но даваха го на нищимь и оубоги. емȣже слава подобаеть ч҃ть и поклонение wц҃ȣ и сн҃ȣ и ст҃омȣ д҃хȣ и нынѣ и присно, и во вѣки вѣковь аминь.

Слово ѳ҃ ѿ книга іwвлѧ[1]).

Послȣшайте бл҃гословены хр҃тиане, что рече писаніе ради праведнаго и богатаго іwва, колико стока имаше, говеда и wвцы, и камиле, и коне, и дрȣга многȣ стока животна, вь мали дны погȣби

---

[1]) Изъ первой части той же рукописи.

вьсá, и неречe нékoѧ хꙋла на гда, нó рече: гдь дáде, гдь ꙋзé; колико богáтество погꙋби ıѡвъ, и нехꙋли, но и ѡще благодарй. Имать ѿ нáсь нéцы, мáло нékoѧ щéта прїиде имь и пóчнать да хꙋла^т на создáтелѧ бга своего: егда прїхóдить имь блáго, немогꙋ^т да познáють ѿдéка пришлó такóва блáго, но рéкꙋть ѿ свое радéние приде ми богатество, и немога да познать создáтелѧ свóегѡ; егда погꙋбать, тогдá пóчнать да раптꙋть на бга и да хꙋлать; и почнáть да се хвáлють, какó са сотворили нéкое добрó или сїромáхꙋ корá хлéбь подадóха, или оу црквы свéщь запалиха, или нéкое гдне пóмень сотвориха, и речеть: такóва добрó сотворихме, и ѿдека прїиде нáмь таквaѧ щéта? мáлое нéкое добрó да ꙋчинать, казꙋвать; а колико потáена гла и безаконїе твóрать-неказꙋвать. запалиль еси свещь оу црква, добрó сотвориль еси; но ѡскорбиль еси сїромáха, и вьниде сїромáхь оу цркbá и воздахнá на тéбе, и изгаси ты свещь; дáль еси хлéбь сїромáхꙋ, помени, кáко напльны бгъ твóй хамбáре пченица: мало си дáль, помногꙋ ти се дало; искаш ли да ти непрїиде некое гló, да не досадишь сїромáхꙋ, или на комшиѧ своего, на сироти и вьдовицы недосаждай; да не презиpáеши нищы и ꙋбóги, да не лꙋкавꙋешь на некоéго; стáрцы почитáй, млáди ꙗко брáкѧ имéй; родитеlе твóй неѡбесчествꙋй, ѿ церкви неѿлꙋчáйсе, на сребролюбие глꙋшáйсе, глóба ѿ срце твóе ѿжéнай, и любовь на срце твоé насаждáй, странолюбїе незабивáй, стежи братолюбїе, ѿ истина и правда не ѿстꙋпáй, ѿ клевéта и ѡсꙋжденїе далéко бéгай, ради смирéние и покорéние вѣлми желáй, ѿ крамóла и мльва ѿ таквиѧ далéко ѿстꙋпáй. сїѧ вьсѧ до кóнца животá твоéгѡ саблюдáй; аще сїѧ вьсá добрé съдрьжиши, неимать тебé гло прїиты ѿ сопротивника; аще нéкогда и прїидеть, а ты наꙋчисе да терпишь, а не хꙋли. сїѧ вьса сотвори іѡвь и слꙋга гднь, когá мꙋ прїидóха ѡнїѧ люти изкꙋшéни и непохꙋли и блгодари бга и рéче: бꙋди име гдне блгословень ѿ нынѣ и до вѣка. аще кóй хртыáнинь оупáднеть ꙋ нékoѧ напасть, или ꙋ бóлесть, или ꙋ нékoѧ досáда, или ѿ видимо и невидимѡ прїидеть нékомꙋ нéкое гло, на іѡва да взирáеть, да се ꙋтéшить. тогѡ рáди постави гдь іѡвь, ꙗко ѡгледáло пре^д нáши ѡчи: комꙋ прїи-

деть нѣкоѧ на́пасть и теснота́, на і͗ѡва да глѣдать и да се оуте́шить. аще та́ко́ бꙋдемь творити, бꙋди всемь и цр҃тво нбное сподобиты ѡ хр҃те іи҃се гд҃немь на́шимь, емꙋже подоба́еть слава чт҃ь и поклоненіе со ѡцемь и ст҃имь дхо҃мь нынѣ и присно и во вѣки вековь аминь.

Слово ра́ди немилостиваго пе́тра[1]).

Въ единь де́нь, седе́ха просїацы на ꙋ̆лице, и помина́ пе́тарь покра́й ныхь; и пита́ха си единь дрꙋгаго, ко́й ꙋзелъ милостинѧ ѿ не́го, и вси ре́коша, ка́ко несме́ ꙋзе́ли. единь ѿ ны́хь ре́че, аще азь днесь кемь да ꙋземемь ѿ него́ милостинѧ, віе що́ ми хо́щете да ми дадете? ѡныи ре́коша, що́ бꙋдемь дне́сь сабра́лы тебе́ кеме даты́; ѿи́де просїакь, и стана́ на врата́ пе́трова, и пе́тарь беше натовариль на едно́ мꙋле хлѣбь и дрꙋги ѩстіе, и носе́ше да се гощавать по градините са҃ дрꙋжи́на своѧ́. кога́ излѣзе из врата́ до́ма своего́, сре́тна го просїакь и поклони́ мꙋ се до земли́, и просе́ше мꙋ милости́нѧ, а ѡнь гоне́ше го; просїакь небе́гаше, но́ ра́ди и́ме бж҃іе просе́ше мꙋ; расрьдисе пе́тарь и потражи ка́микь да го ꙋда́ри, и неможе́ да на́йде поскꙋрꙋ ка́микь, но ꙋзе́ единь хлѣбь и фрьли́ да ꙋда́ри просїа́ка; просїакь узе́ хлѣбо и радꙋва́шесе пойде́ при дрꙋжи́на сво́й; ѡны́, кога́ видо́ха хлѣбо, прослави́ха бг҃а.

И помина́ха два́ дны, и разболе́се пе́тарь, и ꙋмре́. пріи̇де агг҃ль и држе́ше мерило, и постави́ на една стра́на книгы написаны не́гови грѣхове, на дрꙋга стра́на нема́ що́ да постави́ не́кое добро́, тькмо тогѡ́ хлѣбъ; егда́ го постави́, натегна́ мерило, и ре́че мꙋ агг҃ль: сїрома́ше пе́тре, иди́ и бл҃годари́ ѡногова́ сїрома́ха; и па́ки ре́че мꙋ агг҃ль: аще тоѧ́ хлѣбь, пе́тре, не би́ биль, че́ха да те оузмать црьны и немилостивы діа́воле, да те заведа́ть вь вѣчна мꙋка, и а́зь не би́ мо́галь нищо да ти помо́гнемь, тькмо помо́гна ти на то́ѧ сїромахь що си фарлиль с҃а хлѣбь да го ꙋдари́шь; то́гда вьни́де дꙋша́ вь тѣло, и оживе́ пе́тарь разда́де вьса́ свое́ име́ніе милости́нѧ, и ро́біе и роби́ни вьси прости́, и ре́че

[1]) Есть апокрифическіе черты.

единомꙋ рабꙋ вѣрнꙋ: що́ ти речемь да ме послꙋшашь, да ме ведѐшь вь іерꙋсали́мь, и та́мо да миречешь, како ти самь ро́бь, да ме продадѐшь, и пари́те да раздаѐшь на сіромаси; и сатвори́ ро́бь, ꙗкоже мꙋ рече пѐтарь: приѝде вь іерꙋсали́мь, и прода́де господи́на своѐго пѐтра еди́номꙋ болѐринꙋ и́менемь зо́иль, и асприте раздадѐ на сіромаси. Ѡстана́ пѐтарь та́мо, и вса́ка ра́бота рабо́таше, и мачѐше своѧ́ снага́; гдѐ бꙋдеть промишлѐніе бж҃іе ра́ди нѐго, ѿ африги́ю приидо́ха зо́илꙋ го́стіе, и пѐтарь поставлѧха тра́пеза; и призва́ зои́ль го́сти́е на трапѐза, и пѐтарь слꙋжѐше и приносѐше блю́да, и позна́ха го го́ске пѐтра, и потаи́но рѐкоха зо́илꙋ, то́й пѐта́рь пѐрви болѧ́ринь бѐше вь афригіа, — пѐтарь ви́де, ка́ко го позна́ха, и возхо́тѐ да побегнѐть, и бѐше врата́рь глꙋхь и нѐмь, затвараше и ѡтво́раше врата́; ѿи́де пѐтарь, и рѐче: вь и́ме гд҃а іи҃са хр҃та, бг҃а на́шего да ми ѡтво́ришь врата́, и рѐче глꙋхь да́ ти ѡтво́римь; изи́де пѐтарь, славѧ́ще и бл҃годарѐще бг҃а и побѐже. ѿи́де врата́рь, и рѐче зои́лꙋ: господи́не ѿи́де ѿ на́сь ра́бь бж҃ії пѐтарь; рѐче ми во и́ме ії҃са хр҃та́ ѡтвори ми врата́, и видо́хь пла́мень из ꙋсть егѡ́. и ѡ́нь зина пла́мень пріи́де до мо́й оуши и ꙗзи́кь, то́гда почꙋхь и проглаго-ла́хь; ѡ́нь изи́де и а́зь ско́ро по нѐго изидо́хь и ненаи́дох го. и прослави́ бг҃а, како́ прослави́ свои́ оуго́дницы; емꙋ же сла́ва подоба́еть, чт҃ь и поклоненіе ѡ҃цꙋ и сн҃ꙋ и ст҃омꙋ дх҃ꙋ и нынѣ и присно и во вѣки вѣкѡвь аминь.

Изъ рукописи, хранящейся въ библіотекѣ Рыльскаго монастыря подъ № 53, XVII — XVIII в.

мцъ декевриꙗ. ке. денъ.

Дамаскина инока, иподиакона и стꙋдита слово на просто^м^ езико^м^. По пꙗти рождение гꙋ нашемꙋ ісꙋ хꙋ.

Прилични есꙋ празници црковні ꙗко некоꙗ хꙋбава и велика градина. и ва онаа градина да имать многꙋ красни и различні цветове и ва онаꙗ градина да седитъ црь облечень ва црки одежди и да приꙁиваеть чловци и да беседꙋеть са нимь и колико чловци оулаꙁать ва онаꙗ градина, имꙋть велика радость, како оулеꙁоша оу таковою красною градинꙋ, како померисахꙋ такови красни мериꙁми, како видеха и црво лице, како почꙋха и црева беседа, такови есꙋ праꙁници стимь. и паметь праведни^м^ градина сась многꙋ и различно цветїє оукрашена ста наша црква нарицаетсе, цветие есъ праꙁници стимь, или мчнико^м^, или приподобни. или дрꙋги некои ѿ стимь. црь же ѥ гь нашь іс хртось оукрашень и початень спитель васемꙋ мирꙋ, врачь исцелитель васемь чловкомь и жиꙁнодавць на васа видима и невидима. на васи праꙁници стимь, имаме радость и веселие, ꙗкоже премоудри соломонь рече: егда се похвалꙗвать сти, радꙋютсе людие; на ва господски праꙁници, повелика радость имꙋть благочьстиви христиане, понеже црки праꙁникь празнꙋемо, црꙋ почесть твориме: ꙗкоже ѥ велики праꙁникь, тако и почьсть велика требꙋеть да твори^м^. васакомꙋ хри-

стианинꙋ прилично ѥ҇, да празнꙋеть и да трьжествꙋеть дх҇овное трьжество, и които са оугодни царꙋ христꙋ богꙋ нашемꙋ, таково трьжество трьжествꙋемь такови празникь пра́знꙋемь. и како се нарицаетъ тоꙗ праздникъ? нарицаетсе богоꙗвление понеже ꙗвисе бг҇ на землй, понеже дн҇ь видими на землй ꙗвисе родꙋ члв҇чскомꙋ; бь никое начело неимать, дн҇ь ва лето раждаетсе: кое дрꙋго почꙋдно, кое дрꙋго пославно. кое дрꙋги (sic) попофално, кои да почꙋеть и да се непочꙋдить, кой да се смислить и да се неоудивить, бг҇ да станеть члв҇екь? и да се речеть, страшоо ѥ҇ и да се оуслишить дивно ѥ҇, почто ради и за коꙗ вещь да станеть бг҇ члв҇екь: ради наше добро, ради наше спасение и да избавить нась ѿ работи вражие; понеже ѿ начела богь адамꙋ васака и многа добра сатвори мꙋ и дарꙋва мꙋ и десеть дꙋшевнi сили, иже ги имать и васакь члв҇кь. г҇. сили нарицаютсе єсат҇ьвна, понеже сас нихь биваеть и ра́стеть и живеть члв҇кь и зачинаетсе и раждаетсе. втора сила ѥ҇ питателна, си рѣ҇ питаетсе члв҇кь. трета сила ѥ҇, иже растеть члв҇кь ѿ мало и станеть големь. и тие сили и скоти имꙋть и питаютсе, и возьвращають. и дрꙋги д҇. сили нарицаютсе животни, понеже сас нихь можеть живь бити члв҇кь: и прьва ѥ҇, егда члв҇кь васегда радить и мiслить васегда за добро, и избираеть доброто ѿ злото и злото ѿ доброто, тогда онаꙗ сила нарицаетсе доброизволителна; и вавтора сила нарицаетсе животна и ради христа да речеме, како саветь имать, понеже нигогда (sic) невасхоте зло, васегда добро желаше и любꙗше. трета сила ѥ҇ ꙗрость, ꙗкоже рече григориꙗ богословь: даде намь богь гневь и ꙗрость, не на члв҇ка да се гневаеме, но на врага и на сꙋпостата нашего — на него да се гневаемь, него да ненавидимь, на него да мрьзиме, понеже онь намь многꙋ зло ѥ҇ сатвориль и извади нась ѿ раꙗ, тои нась приведе на таꙗ многопечалнаꙗ и многотрꙋднаꙗ землꙗ; ради него даде бг҇ намь ꙗрость, а не на члв҇ка да имаме гневь, и да се гневаме на брата нашего, иже ѥ҇ саздание божие и есме єдина вера едино крещение. четверьта сила ѥ҇ возьжделение: да желаемь васегда за добро за прьвое наше ѿтч҇тво, си речь за цр҇тво нбн҇ое. тие есꙋ четири животни сили. дрꙋги петь сили нари-

цаютсе раꙁ҇мни, и сас нихь можеть члвкь да раꙁ҇меѣть и да поꙁнаеть и добро и ꙁло: прьво ѥ҇ невидима вещь, второ ѥ҇ мнение, трето ѥ҇ слава, четврьто ѥ҇ сатворение, пето ѥ҇ ꙋмь. що нарицаетсе ꙁрение? егда видить члвкь некоꙗ вещь и поꙁнает го, какова вещь ѥ҇. слишание ѥ҇ егда невидить члвкь некоꙗ вещь, или ѿ дрꙋгаго члвка оуслишить, или ѿ ѡнаꙗ вещь гла҇ оуслишить и раꙁꙋмеѣть и поꙁнаеть какова вещь ѥ҇. мериꙁма нарицаетсе, єгда померише члвкь некоꙗ вещь и поꙁнаеть ꙗ, или на хꙋбаво мерише или на ꙁло. вакꙋшение нарицаетсе, єгда видить члвкь некоꙗ вещь и мислить, да ли е благо, или е кисало; егда го вакꙋсить, тога поꙁнаеть, горко ли е, благо ли е. осеꙁание нарицаетсе, егда члвкь фанеть сась рꙋка некоꙗ вещь и поꙁнаеть ꙗ или е жешко, или е стꙋдено, или е тешко, или е леко.

Истлькꙋвахме петь ꙁрителни вещи. мьчтателно нарицаетсе, єгда члвкь видить некоꙗ вещь и многꙋ дни мислить ꙁа него; и мете мꙋ се ꙋ паметь члвкꙋ, нарицаетсе єндиꙗтетось, понеже члвкь две речи имать: єдина речь ѥ҇ таꙗ, коꙗто беседꙋеме, и єдїнь дрꙋгаго слишимь, дрꙋга речь ѥ҇, егда члвкь самь ѿ себе раꙁꙋмеваетъ; аще и що речеть сась такова речь, видить и беседꙋеть члвкь на снь; аще и що видить, слава сꙋгꙋба ѥ҇, сиречь, некои оуслиша, како помрькна слнце, и паки неꙁнаеть, како помрькна; то нарїцаеть безьсловесни ѿвѣтъ: сась слово саврьшаетсе ѿветь; єгда ꙁнаетъ члвкь, ѿгде погина слнце, по неже лꙋна стоить подь слнца, и недаеть емꙋ свтити, слнце ѡдесною идеть, и лꙋна подоле ѥ҇ ѿ слнце; того ради неможеть слнце свтити. Деꙗние нарицаетсе, єгда некто ꙋслїшить ѿ дрꙋгаго члвка, како некои силни царь побеждень бисть ѿ дрꙋгаго цара с мала сила: стоить члвкь тогда и чꙋдитсе, да ли ѥ҇ истина, или ѥ҇ льжа; таковое помишление нарицаетсе деꙗниꙗ. єлїка деиствꙋють и садеваꙗть єдина тиꙗ десети сили, ради раꙁꙋмъ работаꙗть и помагаꙗть, и ѥ҇ ра́ꙁꙋмь. ꙗко царь на отрадꙋ тькмо ва ꙗвлени и сведетелствовани вещи хо́дить оумь, сиречь, како ѥ҇ богь благь, како слнце сиꙗеть, како члвци есꙋ сꙋетни. Тие .ві. сили даде богь адамꙋ да жалеетъ доброе, да лю́бить иꙁредное, да мислить ꙁа правда, да промишлꙗеть, коꙗ вещь ѥ҇

ҳа потреба, да биваеть ѿ небитие ва битие, да питаетсе дн҃евно и телесно, тело да питаеть сась ꙗстиꙗ, дш҃ꙋ да питаеть сась слово божие, да ваҳращаеть тело и добродетель да умножавать ва свою дш҃ꙋ, да раҳсꙋждаеть, кое ѥ҆ добро и кое ѥ҆ ҳло, да гневаетсе на врага, да желаеть ҳа цр҃тво нбн҃ое. Того ради дарꙋва бь адамꙋ .ві. сили. и рече мꙋ: адаме васа моꙗ ҳданиꙗ даю ти, да бꙋдꙋть подь твоꙗ воꙗ, да ҳаповедаеши и да истеҳꙋеши ҳа бж҃тво; ѿгде начинаетсе и како ѥ҆ това, никако да непомислишь, ниже да речеши; ѡнже непослꙋша тиꙗ божие ҳаповеди, и тамо где не беше мꙋ подобно и прилично, тамо поче да мислить и васкоре, ꙗко престꙋпника иҳгнать би҃ иҳ раꙗ.

Тако би҃ престꙋпление адамово; аще и инако бꙋдеши тлькꙋвати, не бꙋдеши сагрешити, понеже раи и древо раиско, поҳнати добро и ҳло, ꙗкоже чл҃вкь и видимь ѥ҆ и невидимь: имать тело и нарицаетсе и ѥ҆ видимь; имать дш҃а и нарицаетсе невидимь; такожде ѥ҆ и древо раиское, и видимо и невидимо, ꙗкоже григориꙗ богословь рече: вьҳревь на садовнии и виде ꙗко красно бе, и богь ненасади ҳло да бꙋдеть ва соблазнь, ꙗко же богомрски порфириꙗ рече, ниже ҳавиде богь адамꙋ и недаꙗше мꙋ да ꙗдеть ѿ раҳꙋмное древо, да не станеть ꙗко бг҃; на ҳаконь положи богь адамꙋ, да ҳнаеть, како имать надь себе господина и начелника на вьса ҳданиа своꙗ, сатвори го господина и начелника; тькмо едина мала ҳаповедь да сахранить. ѡнже непослꙋша ҳаповедь божии и оуслиша ѕмиꙗ и ҳломисльнаго врага, които мꙋ васегда мислить ҳло, него послꙋша, того ради иҳгнать бисть иҳраꙗ, сиречь егда испаде ес҃тво чл҃ское ѿ ҳаповеди божие и оуклонисе на грехь на беҳакониꙗ, и наоучи се чл҃вкь на зло, и ктомꙋ не ваҳьхоте добро творити, нь васегда телесна оугодиꙗ твораше: блюдь, прелюбодѣиство твораше, оубиство, крьвопролитие, крадение, ненависть, ҳависть, идолопоклонение; тие ҳли и беҳакони дели ва онаꙗ времена имаха ги ҳа почесть и ҳа похвала: кои повече ҳло твореше, немꙋ повелика почесть творахꙋ. никои непокланꙗшесе богꙋ, ни ти ҳнаеха, че има богъ.

Такова ҳла требꙋваша имь исцеление. никои не можа некꙋмꙋ

да помогнеть, да го избавить ѿ вечна мѹка, ни самь себе неможеше чл҃вкь да помогнеть последи големо зло, и лекѹвание искаше. Тогда виде богь салданае свое мѹчима ѿ диꙗвола, изволи сн҃ь и слово божіе и вазьхоте вапльтитисе ѿ чистіе васегда дв҃ици марию, стана сиромахь да обогатить нась сиромаси; и никое добро дело неимахме на себе; въ пещера родисе, да очисти дш҃и наши, иже бехме пещери, иже беха оу нась врагове и бесове и вьсака неправда и нечистота, землю ѡс҃ти, вьздѹхь прости: землꙗ беше скврьнена ѿ жрьтви, иже творехѹ чл҃вци идоломь, вьздѹхь беше потемнель ѿ дим и ѿ смрадь идолскиe жрьтви; вь ꙗсли положень бисть, да избавитъ нась ѿ бесловесние страсти. чюдо преславно! сьврьшень богь, несьврьшень младеньць видитсе, безначални начело приемлеть, невидими видитсе дн҃ь: того ради и вса тварь дари приношають рожденномѹ—небеса звезди дають, аггели хваление приносѹть, землꙗ пещерѹ-пѹстиню, ꙗсли пастирие, чѹдо! чл҃вци бц҃ѹ марию, понеже хотеꙗще богь всѹ землю простити, и на вьси езици да приведеть вь богоразѹмие; того ради и вльсви дари принесоше, того ради ѿ далеко идеꙗхѹ вльсви и на многи езици ꙗвихасе и проповедахѹ рожденаго х҃а, того ради и агг҃ли са чл҃вки трьжествѹють и хваление вьздають христѹ, и вльсви ѿ персиди дари приносѹть, понеже дьн҃ь пророкомь вьас проречениꙗ сьврьшишасе: дв҃а, иже рече пророкь исаїа, дн҃ь ем'маноила ѿ дх҃а ст҃а заче и раждаеть, ꙗкоже онь самь вьзьхоте; пророкь иеремиꙗ дн҃ьшни дн҃ь прорече: «сьи богь нашь, и не прикьснетсе инь кь немѹ, изьобрете всакь пѹть хѹдожества и дарова їаковѹ отрокѹ своемѹ ісрлю вьзлюбленномѹ своемѹ», и паки потом: «на земли чл҃комь ꙗвисе и са чл҃ки сачетасе, паки ради тоꙗ день». ісаіа пророкь пророчествѹеть: «изиде жьзль ѿ корене іесеова и цветь ѡ корене процьв'те, и ночи на немь дх҃ъ премѹдрости, и самисльство и разѹмь». жьзль іесеовъ бц҃ѹ нарицаеть, она беше ѿ корене іесеѡва; цветь ѿ корене процьф'те, г҃ь нашь іс҃ хс҃ испльни благооухание рода чл҃вчскаго. паки тои пророкь провиде и рече: «отроче родїсе намь, и синь дастьсе намь, емѹже власть бисть на раме его и мирѹ его несть предела, и наречетсе велика сьве-

та аггла, чꙋдень сьветникь, богь крепькъ; влка, кнеѕь мирꙋ, ѡтць бꙋдꙋщаго века». Ради днышни днь и пророкь михеꙗ прорече: «и ти виѳлеѣме, доме михеꙗтовь ничим мьнши еси вь влках йоудоваxь, не мьнши еси, еже бити еньхилиашинь іюда; ис тебе изидеть влка вождь бити кнеѕь ісрлю; изьходь его из начела. г҃. ті днь века»; ради таꙗ речь противлꙗютсе препорици юудеиски, и говорꙋть ради ѕоровавела тако рече пророкь. и по правдꙋ, ради то льжꙋть: понеже ѕоровавель не родисе въ виѳлеѣмь, нь оу вавилонь родисе; нь и пꙋти его не беха ѿ начела, ꙗкоже скаѕꙋеть пророкь. Ради ха, ради тоꙗ радостни днь, пророкь даниль царꙋ навьходоносорꙋ рече: «хощеть да се родить царь на всеми царие, да сакрꙋшить и да раѕрꙋшить пртвие члвчка, кои того непочитать и непокланꙗеть мꙋ се». вьсѣ пророци прорекоша ради дьньшнаго праѕника. Тькмо ниꙗ да непродльжаме слово, изьоставлꙗемо пророчества, да не проидеть многꙋ време скаѕꙋвати; пророчества праѕдникꙋ ѡставихме.

Ѿде хощꙋ начети скаѕꙋвати и нехощꙋ ни мало нещꙋ ѿ себе скаѕати, нь елика повелеваеть стое и бжтвное еѵглїе. тькмо изьоставлꙗю го; потом хощꙋ го скаѕати, и сега хощꙋ да скажꙋ, како препитана би бца въ стаа стимь, како сьтвори. ві. лѣта тамо, како аггль носеше тамо пищꙋ. Єгда се обрꙋчи іосифь оу девицꙋ марию, мало време минꙋвь, и видевь ю како ѥ непраѕна: и ꙗко правень иже беше іосїфь не вьѕьхоте да ю ꙗвить предь члвки, нь помисли криома да ꙗ ѿпꙋстить. Вь онаа нощь, егда помишлꙗше іосїфь да ꙗ испьдить, прииде ѿ бога архангель гавриль и рече мꙋ: «іосїфе сне давидовь, нищꙋ да е не оубоишъ; тькмо оуѕми девицꙋ марию, и добре и почесно чꙋваи ю, понеже она ѿ дха стго ѥ тешка и хощеть да родить сна, име емꙋ емманоиль; и ти да мꙋ наречеши име іс, понеже онь хощеть да спасеть рода члвчкаго ѿ прегрешенїе». Єгда сабꙋдисе іосїфь ѿ сьна, сатвори ꙗко же порꙋчи аггль.

И въ ониꙗ дни изиде повеление ѿ авгꙋста кесара, да се написꙋють вьси члци вь свое ѿтьчьство, и вьси члвци да напишꙋтсе подь повеление царево. И вьсаки идеꙗше ѿ свои градь и напи-

сȣвашесе. Ѿиде іосіфь ѿ галилеискаа страна, ѿ назареть вь витлеѣмь и ѡнь да се напишеть сась обрȣчницȣ свою девицȣ марию, иже беше ѿ рода давидова; егда се написаха, приїде време да роди девица мариа: и оулезе ȣ една пещера; таꙗ пещера беше широка и голема, и пȣтници оу нея кондисȣваха; тамо оу онаꙗ пещера госпожда и два бца роди гa нашего іса хрта и пови го и положи го вь ꙗсли, тамо где ꙗдеха безьсловеснии скоти; тамо близȣ беха овьчаре. и вь онаꙗ нощь бдехȣ и стрежаха овьци свои; и ꙗвисе аггль пред нихь и сть ѡблиста ихь, и они оубоꙗшасе страхом великим, и рече имь аггль: «не боитесе, рекох вамь — велика радость биваеть днь вьсемȣ мирȣ, понеже днь родисе хс всего града давидова, и се да имате и добро знамение: идете оу пещера да наидете негова мати и христа повита, ꙗко отроче; и тако сась оногова агглскаго гласа множество аггли оуслишахȣсе како поꙗхȣ и благословлꙗхȣ и славлꙗхȣ и глахȣ: «слава вь вишних богȣ и на земли мирь вь чловцех благоволение». егда оуслишаше пастирие таковаго глас, рекоша: «приидете, да идемь до виѳлеѣмь, да видимь да лї е истинȣ това, що ни се рече»; и ѿидоха и наидоха, ꙗкоже имь аггль рече.

Вь ониꙗ дни приїдоша троица магесници и звездоброици ѿ вьсточнаа земліꙗ вь иерȣсалимь и питахȣ: где е царь, иже се е родиль иȣдеом? видехме негова звезда на васточнаа страна и ѿтамо станахме, идеме да мȣ се поклонимь». егда оуслиша иродь царь оубоꙗсе и призива вьси архиереи и книжници и вьпроси ги: писаніе где глаголеть, како хощеть да се родить христось?» и рекоше мȣ: «пророкъ михеа рекаль е оу витлеѣмь хощеть да се родить». Тогда иродь криома призва ѡниа магесници и рече имь: «идете и поклоните мȣ се; егда се вьзвратите, приидете при мене, да ми скажете где е? и ꙗ да идȣ да мȣ се поклоню». тако рече лȣкави царь іродь: не искаше да мȣ се поклони, нь да пратить чловци да гѡ оубиють, да не станеть царь да мȣ оузметь царство то. магесници егда оуслишаха ѿ цара ирода таковие речи, вьскоре изидоха изь іерлмь, и ѿидоша до где стана звезда оу виѳлеѣм надь пещерȣ. Тогда ѿврьзоше скровища своꙗ и дадоха бцы злато

и ливань и іζмирнѹ. аг҃гль гн҃ь на сьнь имь рече, да не идѹть при ирода. и ѿидоша дрѹгимь пѹтемь, и ѿидоша ва свою ζемлю, и скаζѹваха елика видеха и слишаха.

И се сь божию помощию праζничьскою потребѹ вькратце скаζахѡмь. тькмо имаемо раζлична вапрошения: а҃., почто непородисе ѿц҃ь и ст҃и дх҃ь, нь синь? в҃. почто тогда приїде време да се написѹватъ? .г҃. кои мц҃ь и кое време беше? .д҃. ѿ где поζнаша магесници и приидоша и поклонишасе хѹ? .є҃. що покаζѹвахѹ ѡниа дари? ѕ҃. како се досетиха и принесоха такива дари? ζ҃. где наидоха вльсви христа — оу пещерѹ ли, или на дрѹго место? и҃. и ѕвеζда, иже беше са ꙗвила — естьствена ли беше, како и дрѹгите ѕвеζди? ѳ҃. или тѹгава ꙗвисе? і҃. таꙗ ѕвеζда колико леть преждь ꙗвисе предь рождество христово? аще би се ζаедно ꙗвила, егда се роди хс҃, како биха толико скорѹ пришле персидски царие да наидать христа оу пещера; и како попрежде непородисе хс҃, нь остави толико дш҃и, и погибоша тїа? .і҃. выпрошения имаемо дн҃ь тлькѹвати. аще и дрѹги бѹдѹть, иζьоставлю ихь, тькмо понарочитие да скажеме. нь молю ваша любовь, донелиже несьмь почель да скаζѹю, дрьще си оумь да неидеть на дрѹга страна, или да ζадремете, или да се раζлените слишати. и хощѹ да начнѹ прьвое выпрошение, и добре да слишите, понеже имаемо богословие скаζѹвати.

Ст҃а и нераζделна троица є҃ неиζречена, нескончаема, вьсегдашна, нетлена, невидима, и никоꙗ вещь иже є҃ на тоꙗ ст҃ь не можеть да се оуподобитъ, понеже нь васака вещь є҃ начетькь и творацъ. и тоꙗ ст҃ь непостоꙗнь є҃ и сѹетни и тварь є҃ ст҃еи троици; того ради нарицаетсе троица, понеже имать тры лица. тиꙗ три лица имѹть едино есьство, и да речеши тры чл҃вци да имѹть три лица, а едино есьствѡ. Нь то оуподоблꙗетсе а на дрѹга вещь ни мало, понеже тиꙗ три чл҃вци имѹть и три раζѹме, и три хотениа и три начинаниа. а ст҃а троица едино лице имѹть, едино начинание, едино хотение — начело, лето и коньць неимѹть; и едино лице ѿ дрѹго не раζьньствѹеть ни мало, тькмо ѿц҃ь раждаеть и пребиваеть, ѿц҃ь є҃ нерожденъ. ни ѿ кого раждаетсе, ꙗко же и

ѹмь члвчски ѿ дрѹго нераждаетсе; снь и слово рождень е҃, понеже ѿ ѿца родисе, ꙗко же слово члвкѹ ѿ оумь раждаетсе; а дхь сти ни рождень есть, ни нерождень, понеже аще би биль рождень, хотеꙗше да се наречеть снь, аще би билъ нерождень хотеꙗше да се наречеть ѿць. нь що е҃ и како нарицаетсе? исхождение нарицаетсе, понеже исходь ѿ нерождена ѿца и почиваеть на рожденнаго сна, ꙗкоже есьстьвнии дхь и вьѕдихание члвки. ѿць нарицаетсе и е҃ и две имена имать и нарицаетсе и пребиватель и иѕьхожденіе, понеже иѕиде ѿ него снь; син же нарицаетсе слово и синь. и дхь сти имать две имена: имать дхь сти и исхождение. ѿць премѹ сна нарицаетсе ѿць, понеже того ради кь исхождение нарицаетсе и исхождае сиречь посилаеть. снь премѹ ѿца нарицаетсе снь, понеже очевь снь е҃; премѹ дха нарицаетсе слово, понеже дхь е҃ слово; а дхь сти премѹ слово нарицаетсе дхь. а при иѕходи тела нарицаетсе исхождение. Тиꙗ тричесна лица, всако по две имена именѹетсе. неприлично беше да се вьпльтить ѡчево есьство ипостаꙗсь; аще би се вьпльтиль ѿць, не би се нарицали три имена ѿць и синь и исхождение; и пакй дхѹ ипостасне не беше подобно, да се вьпльтить. како би се нарекло три лица и три имена: дхь и синь и иѕьходнии? того ради ѿць иѕволи, и дхь сти садеиствѹва и вапльтисе снь божи, и очевь паки да имать две имена, ꙗко же и прежде вьпльщеніе снѹ и слово: тоижде беѕь матере родисе ѿ ѿца на нба, тои днь иѕволи и вьѕьхоте беѕь оца родитисе на ѕемли ѿ чистою девицѹ марию, и би намь подобань: и да спасеть нась, члвкь бисть да спасеть члвка; богь пребись, да оубожить нась, немощно и мрьтьвно тело члвчко приемь, да иѕбавить ѿ самрьти дши наши; беше снь божи, наречесе снь члвчски, да сатворить нась сни и наследници цртвѹ нбномѹ; того ради вьпльтисе синь и слово божие.

Това прьвое вьпрошение еще и помногѹ тлькование имеꙗше да се тлькѹеть: тькмо е҃ гльбоко богословие, того ради прекратихме го и не ꙗко не можеть на широко да се тлькѹеть: можеть да не тлькѹеть нашироко, нь не могѹть прости члвци да раѕбирать; егда многѹ богословие да почѹють, побрька

им се оумь на прости чл҃веци; помалкꙋ богословие да им се скаꙁꙋеть.

Да приидемь и вь второе вьпрошенїе да го истлькꙋеме: почто ради написꙋваха се людие, егда се роди хс҃? понеже тако беше иꙁволение божие, да спасеть адама и васе ꙁдание свое. того ради и таково време прилꙋчїсе, понеже егда авгꙋсть кесарь стана царь, тогда многꙋ цртвиа члвчка престанаха; такожде егда родисе хс҃, много бжтво престана ѿ тоꙗ сть, и ꙗвисе истини сть, и вьси члвци единомꙋ богꙋ да покланꙗютсе. градове и села и вьси написахꙋсе, подь кесарево повеление, и вьси еꙁици, които верꙋвахꙋ вь христа стадоша ва едино цртво, и подь единаго царꙋ христꙋ покоришесе; вьси члвци написаха вь цркою книгꙋ авгꙋста цесарова, и христїане написаха се вь цртво нбное, нарекохасе они члвци авгꙋстови, нарекохме се и ниꙗ, които верꙋвахме вь христа, христїане; и хс҃ написасе на повеление кесарово, ради две вещи: прьво да покажеть намь, да имаемо покорение господином нам и на царие; ради таꙗ вещь рече хс҃ оу стое еѵглїе: дадите кесарꙋ кесарово и богꙋ божие, понеже ѿ начела оставиль е҃ да се повинꙋеме на царие, — второ е҃, понеже бехме порабощени врагꙋ, повинꙋвсе хс҃, да иꙁбавить на ѿ повинꙋвение диаволское и да напишеть на вь книга, иже рече пророкь давидь вь книгꙋ свою: вьси напишꙋтсе; поработивсе да сатворить на да господьствꙋеме надь страсти; сь раби сачетав себе, да сатворить на свои раби ꙗкоже рече апостоль павль: «егда прииде кончина лето, посла богь сна своего рождени ѿ женꙋ, бившаго под ꙁакона искꙋпить, да вьсиновление вьꙁприиме». Того ради и таковое подобно време прилꙋчисе и родисе хртось.

Рекохме вьвторое вьпрошение; да речеме и третое: кое време беше и кои мць, егда се родисе хс҃? да речеме, една година четири времена имать; прьво време пролеть, второ жетва и врьшидба, трето есень, четврьта ꙁима. Пролеть нарицаетсе ѿ ꙁі. ферфара мца до маиꙗ ꙁі. ѿ маиꙗ ꙁі до авгꙋста мца еі. нарицаетсе жетва. ѿ еі. авгꙋста до ноеврна ді. нарицаетсе есень, ѿ ноеврна ді. до ферфарна. ꙁі. нарицаетсе ꙁимно време. гь нашь

ісУсь христось родисе декевриа м҃ца, иже е҃ ʒимно време, и велика ʒима беше онова време; того ради прииде х҃с, да пресечеть греховною ʒимУ и лютою и гор'кою помрьʒлицУ: вьса ʒемлѧ помрьʒнала и поледела беше, неимаше добродѣтелнаа теплота и да вьʒсиѧеть пролеть богораʒУмие, и да ижденеть ʒлое време, прельщение вражие хотеѧше да раʒорить, многУ брань и мльва и метежь, да приведеть мирь и тишина вьсемУ мирУ, да раʒрУшить средостение гневУ и да савакУпить н҃бна сь ʒемльнами, сиречь да савакУпить ʒаедно агг҃ли и ч҃лвци. ѧкоже рекох'м, како беше тогда велика ʒима, велика беше и гор'ка, понеже ч҃лвци тогда неможахУ да видать небо, ни ʒвеʒди, ни м҃ць, ни сльн'це, никако неможехУ да видать бит҃вни с҃ть и да поʒнають б҃жтво; того ради породивсе х҃с оу ʒимно време, да раʒрУшить ʒимУ и да приведеть пролеть. Нощь беше, егда родисе христось, ѧкоже с҃тое ев҃гліе рече: пастирие бдехУ и стрежахУ стадо свое, и тогда преʒь нощи ѿидоша и наидоша христа рождена»; нощь беше, понеже хотеѧше, да ʒамине т'ма, мракъ, гроʒота, срамота, гнУсота, гроʒота греховние вещи, и да прииде д҃нь спасение всемУ мирУ, и хотеѧше да приидеть с҃лнце праведное х҃с богь нашь, понеже помрачени ч҃лвци потребно имь беше да видУть божие просвещеніе; пророкь Ісаиѧ рече: «людие седещеи вь тме и сени сьмрьтни», сиречь людие седехУ вь нераʒУмие, видеха велики с҃ть, кои ходить вь д҃нь, да дрьжить с҃тило; такожде и помрачени еʒыци: потьмна дела нихна беше ѿ нощи, и потребно беше имь да видУть с҃ть богораʒУмие. того ради в нощи родисе х҃с и вь ʒимУ.

И се с помощию божию раʒрешихме и третое вьпрошеніе, и да приидемь и на четврьтое, тако да речеме, «ѿгде раʒУмеше и придоша вльсви и поклонихасе христУ», и ради то да речемь. Пророкь моиси егда хотеѧше да идеть въ обетУвною ʒемлю, сиречь вь іер҃лимь и ѿгде поминУваха, пленеха онова место, ѧко же попленише сиѡна цара амореиска, и града нарицаемаго ешевонь, поидоша и кь васточною ʒемлю, блиʒУ при іер҃лимь. тамо беше царь вьлакь, синь сем'форовь; егда ги виде, како идУть оубоѧсе и приʒва вьси свои магесници и рече имь: «видите ли

того евреискаго рода, вь малѸ дни и на бѸдѸть поплѣнити, нь да видиме како да се иꙁбавиме ѿ нихни рѸце, и тако в'си сьбор'но, кѸпно са цара сатвориша сьветь, да приꙁовѸть магесника валама сна веорова, иже беше вь онаа времена, аще кого прокльнеше, беше проклеть, аще кого благословеше, биваше благословень. того валама помисли царь да приꙁоветь, да прокльнеть евреето. и васкоре посла царь чловци и даде имь многѸ дари да идѸть скорѸ, да приведуть в'лама. егда отидоша ѡни чловци до валама и дадоша мѸ дари, и рекоша мѸ: «ꙁовет' те царь; и да сьтвориши любовь да идеши при него». рече имь валамь: «преноштѸваите таꙗ ношть ꙁде, и аꙁь таꙗ ношть да се помола богѸ моемѸ, и аще ми речеть богь да ида, аще ми речеть да не ида, непоидѸ»; и остадоша ониꙗ чловци. ꙁаутра рече валамь на царовите чловци: рече ми богь да неидѸ с' вами; вьꙁвратихасе чловци и рекоша царѸ како не хощеть да доидеть. паки пов'торо посла царь помногѸ чловци и помногѸ дари посла и ѿидоша при валама. и рече имь валамь: «аще би ми даль царь таꙗ кьща пльна сась жльтици, не могѸ да иꙁьлеꙁѸ ѿ повеление божие; нь паки преноштѸваите таꙗ ношть ꙁде, и да видимь, що ми бѸдеть скаꙁати богь нь [1]) таꙗ ношть и ꙁаутрѸ бѸдѸ ви скаꙁати». и рече мѸ—иди; нь аще що бѸдѸ тебе рек'ти, то да твориши. И ꙁаутра стана валамь и оуꙁе свое мѸле и поиде сась царевите чловци, и на пѸть ѿбисе мало ѿ дрѸжинѸ свою и аггль божи стана предь мѸлето и непѸщаше его да идеть понапреди; валамь неможеше да види аггла, нь поче и биеше мѸлето, и оно ѿ бисе ѿ пѸть и ходеше беꙁьпѸтыца; и ѡнь паки поче, та го биеше и ѡно оулеꙁе оу пѸт и мало поиде по пѸтемь, и на едно место беше тесно, и ѿ тѸва стена и ѿтѸва, и не беше прилегь да побегне мѸлето; и тамо оу тесно место стана аггль предь мѸлето, и неможаше понапредь да ꙁаминеть. ѿбисе мало да ꙁаминеть, и трьнь ꙁакачи нога валамова, и потече кровь. и онь поче ꙗко да го бисть; и ради чѸдеса да покажеть богь, ѡтвори богь на мѸлето оуста и рече: чловче, що искаши ѿ мене, та ме

[1]) Такъ въ рукописи.

толико биеши? рече валамь: «аще бихь ималь ножь, ȥаклаль бих те; почто неидеши правимь пѹте^м, ꙗко и дрѹги добици, нь идеши беȥьпѹтица? рече мѹ мѹлето: нели ме имаши мене ѿ мради (sic) години? чи̂них ли ти̂ дрѹги пѹть така? нь сега видимь аг҃гла божии, и стоить на пѹть и непѹща ме да ȥамина. тогда погледна валамь и виде аг҃гла и егда го виде, оубоꙗсе и ѿ страха падна и поклони мѹ се; и рече мѹ аг҃гль: почто неправина толико биль еси мѹлето? не беше ти нищѹ криво: аȥь го непѹщахь да мине, и мислехь и тебе да оубие; не беше ми оугодно, како си пошьль. тогда валамь рече: прощаваи, господине, не можихь да те вида, како ти стоꙗль еси предь мѹлето; нь сега что ми повелеваеши да сатворѹ, да ида при цара валака, или да се вьȥьвратимь? рече мѹ аг҃гль: иди, тькмо аще що бѹдѹ ти скаȥати, то да твориши. тогда аг҃гль невидимь бисть, и валамь ѿиде и стигна царовите чл҃вци. єгда валамь прииде при цара, иȥлеȥе царь, та го посрешна, и рече мѹ: почто прежде не си пришьль, егда те приȥва^х, или небихь достоꙗнь да те почетемь, како требѹеть? рече валамь: сега приидохь, и аще що ми повелить богь мои, то бѹдѹ творити. и онаꙗ нощь тамо нощѹва валамь. и ȥаоутра царь валакь вьȥведе валама на еднѹ високѹ горѹ, иже нарицашесе гора валѹ Богѹ. рече вала^м валакѹ царѹ: повели, царѹ, да поставать на. ȥ҃. места дрьва и да приведѹть. ȥ. тел'ци и ȥ. ѡвни. егда ги принесоше, ȥакла ги и сатвори валамь жрьтва богѹ; пото^м рече царѹ валакѹ: ти, царѹ, предстои ȥде жрьтвѹ мою, и аȥь да поидѹ потамь, и да попитамь бога моего, да видимь, що ми бѹдеть рек'ти, да творѹ. ѿиде, помолисе богѹ. и богь мѹ принесе на ср҃це негово, и рече царѹ валакѹ: приȥва ме ѿ месопотамиа да прокльнемь евреете, и да благословимь моавитене; како могѹ да прокльнѹ, които е богь благословиль, како могѹ да благословимь, които е богь прокleль: многѹ к҃ семе наково и клетва на него не фащатсе, понеже богъ го е благословиль. егда оуслиша царь валакь тиꙗ речи, рече вьламѹ: аȥь те приȥвахь, да ги прокльнеши, а ти ги благославꙗши. рече валамь: аȥь то ти рекохь и прежде, аще що ми повелить богь, то хощѹ творити, и то хощѹ да речемь; и тогда

ѿиде царь на дрꙋго место, и сатвори жрьтва, ꙗкоже и прежде; и паки богь отвори валамови оуста и рече: вьстани, царꙋ, да оуслишишь що повелеваеть г҃ь; привел ме еси да ги прокльнꙋ, и волꙗ божиꙗ несть: не ми е рекль, да ги прокльнемь, богь ги благослови, богь ги ваѕрасти, богь ги оумножи, богь ги расьпространи, и кои ч҃лвкь можеть да ги прокльнеть; и хощꙋть ꙗко львове да поꙗдꙋть телеса сꙋпротивникомь своимь. егда оуслиша царь валакь тиꙗ речи, оуꙗѕвисе и рече валамꙋ: аѕь те приѕвахь ѕа дрꙋго, а ти дрꙋго твориши. рекох' ти царꙋ и прежде, како не могꙋ да иѕлеѕемь ѿ повеление божие. паки ѿиде царь валакь на дрꙋго место, наречено форогь, и тамо сьтвори жрьтвꙋ. ѕ҃. телци и седьмь ѡв'ни.

И паки ѿврьѕе богь оуста валамова, и рече кь народомь: тако рече валамь с҃нь веоровь, ч҃лвкь, егда видишь сакрьвени таини божии, неприлично ѥ҃ да ги сакривешь, понеже многꙋ множество ѥ҃ родь іакововь, и богь ѥ҃ сас нихь и хощеть ѿ того рода да се родить ч҃лвкь, многꙋ множество хощеть да ѡбладаеть ѕемлю, и ꙗко львь хощеть да легнеть да спить, и кои смеѣть да приступить при него, да го сабꙋдить. които него бꙋдꙋть прославлꙗти, хощꙋть бити и они прославлени, и онна кои того хощꙋть проклинати, хощꙋть бити и они проклети; звеѕда хощеть да васиаеть и ч҃лвкь хощеть да се родить, и хощеть да погꙋбить царие, които му се непокланꙗть. егда оуслиша царь тиꙗ речи, раѕгневасе и рече валаму: многи дари мислехь да те дарꙋвамь, нь самь погꙋбиль еси свою почесть; сега скорꙋ бегаи, да не погꙋбиши свою животь. стана валамь и ѿиде вь ѕемлю свою. и наскоре евреи поплениша васꙋ ѕемлю царꙋ валакꙋ. и магесници ѿтꙋгава колико се родиха вь персидскои ѕемли, васегда надеꙗхꙋсе, когда да видать ѕвезда и да поѕнаюто, како родился ѥ҃ велики царь, когото цара прежде рече вльсва валамь, како хощеть да се родить велики царь. ѿтꙋгава поминꙋша а҃ ѡ҃ б҃, лета, догде се роди х҃с; и магесници, които беха ва онѡва време, егда видеха, како саврьшисе слово, коꙗ то бе рече рекль пророкь вльсва валамь, тогда оуѕеше дари и следꙋваша ѕвеѕдꙋ:

куде иде ѡна и они по нея, и доидоша до витлеемь оу пещера; ради таковою вещь принесоша вльсви дари христꙋ.

Нь благодарю рожденаго младенца христа, и поможе ми и изьтлькꙋва[x] и четврьтое вапрошеніе.

Сега хощеме да тлькꙋеме и петое. и слишите да разꙋмеете, що нарицахꙋ се ония дари? многꙋ злато тькмо царꙋ прилично ѥ; царь да имать многꙋ богатьство и злато; того ради и пророкь давидь пророчествꙋеть и тако рече: «тебе принесꙋть цари дари, царие ѳарсисти, и острови дари принесꙋть, царие арависти и савадари дари принесꙋть; и поклонетсе емꙋ вси царие земльсти». и паки рече подоле того ѱалма: «и живь бꙋдеть и дастьсе емꙋ ѿ злата аравитска». того ради принесоха злато хꙋ, дарь почетень злато, ливань принесоша яко богꙋ, понеже ливань нигде несть прилично, тькмо оу црква богꙋ. и пророкь давидь рече, да се исправить молитва моя, яко кадило предь тобою. и измирно принесоша, яко тридневномꙋ мрьтвцꙋ, понеже ха помазаша сась измирно, и положиша го ва гробе, яко же стое и бжтвное еѵглїе сведетельствꙋеть. това пророчествꙋвахꙋ дари, иже принесоше вльсви хꙋ. Исьтлькꙋвахме и петое вапрошение.

Ида приидеме и на шестое, ѿгде познаваша вльсви и принесоша дари хꙋ? и то явестьвно ѥ, како ѿ пророка вльсва валама разбраха, иже имь рече, како хощеть львь да легне да спавать. и познаха львь царꙋ подобань ѥ, понеже львь надь вси звери царь ѥ, бога познаха го, яко же рече: аще кои будет го благословяти, бꙋдеть благословень, аще кои го прокльнеть, бꙋдеть проклеть, сиречь, кои члвци почитать бога и творꙋть волю его и предь члвки познать го е; якоже рекохме темьянь, нигде негде не есть прилично, тькмо единомꙋ богꙋ: того ради принесоше го хꙋ, яко истиномꙋ богꙋ, мрьтваго разꙋмеша, егда почꙋша—хощеть да легнеть да спить, и принесоха мꙋ змирно. И шестое вопрошение протлькꙋвахме.

И да протлькꙋеме и седмое, вльсви где наидоша ха—оу пещерꙋ ли, или на дрꙋго место? Това вапрошение имать многь речи, понеже неци есꙋ рекле, како оу египта наидоха ха, егда

бе побегналь тамо сась матерь свою. сти ісидорь пилѹсийтски рекль е҇ тако. тькмо нию да поҙнаеме истинѹ, юкоже иоань ҙатсть повелеваеть, како оу пещера наидоше, понеже и самь ҙлатооусть рече, како бе пещера велика, и кондисѹваха трьговци, и вльсви сатвориша тамо неколико дни, понеже неимахѹ где да поминѹть ѿ многи народь, нь и аггль иже рече іосифѹ да бежить оу поустиню. поустиню нарицаетсе египьть, и не беше пѹсть ѿ члвци, нь ѿ благодетель божи; оу пещерѹ надоша го, іосифа и бцѹ. истина е҇, како оу пещера наидоша вльсви ха҇.

И да пріидемь и на ѡсмое вапрошение. да ли го помните, кое беше или го сте ҙабѹвариле? многѹ слово слишахте, и мнить ми се, како малцина да го сте ҙапомнили. тькмо да го речемь.

Вьпрашаю вась — ѕвеҙда, иже беше се ювила на оний магесници, тогава ли беше са ювила, или беше како и дрѹгите ѕвеҙди? аще би била како и дрѹгите ѕвеҙди, хотела би и понапреди ювитисе; нь не беше естествена ѕвеҙда, нь аггль божи беше, и тако им се видеше юко ѕвеҙда и показѹваше имь пѹть; и неможахѹ вльсви да видать аггла, нь ва место аггла юви им се ѕвеҙда, да се саврьшить слово, иже рече валамь. нь неҙнамь кое да тлькѹю и кое да нетлькѹю. понеже многѹ вараҙѹмление имать и ѿ многѹ вараҙѹмление оупадаю вь недоѹмение. нь слово ме принѹждаеть и праҙнична любовь да глаголю многѹ. тькмо вь кратце да рекѹ, и да приидѹ и на деветое вьпрошение.

И да речеме, таю ѕвеҙда колика лета напредь предь рождество хво ювисе, понеже аще би се ҙаедно ювила, како биха толико скорѹ пришле вльсви и да наидать ха҇ оу пещера. и да речеме речи ѿ црьковни наши оучителе. Рекоше, како повеле іродь царь да оубиють деца ѿ две години и помалки. тогда еще беше хс оу пещера, и наидохме, како тако е҇ истина, како две годинь понапрѣди ювисе ѕвеҙда и водеше вльсви ѿ персидь до виѳлеемь. можехѹ и поскорѹ ѿ две годинь да приидѹть, нь тако беше волю божю, да се ҙабавать и да обидать многѹ место; и питаха ги члвци: кѫде идете? и они речехѹ: «родилсе е҇ велики царь, и идемь да мѹ се поклонимь; и речеха имь, како можеше го наити, где са е ро-

диль? а они речехѹ: «гледаме на небо, и їма една звеȥда, и она кѹде идеть и нию по нею идемь». тако ѥ҃ истина, две лете прежде ювисе звеȥда, понеже егда ювисе аг҃гль на магесниците и рече имь, да нейдать при ïрода цара, нь на дрѹги пѹть да идать, оу пещера имь рече. И деветое вапрошение иȥьтлькѹвахме.

И да придемь и на десетое вапрошение, по что попрежде невапльтисе хс҃, нь на последнаа лета, и остави толики дш҃и, и ѿидоха оу мѹка? еще това да иȥьтлькѹемь, и пото҆ и дрѹга да речемь, и да саврьшиме слово, понеже многѹ словеса реко҆, и не беше подобно, и како не беше подобно, понеже праȥдника нашего чесние вещи несѹ просто и неиȥвещени, и вьси ȥнаете и мали и великї, како ѥ҃ дн҃ь рождество хв҃о, како спасение вьсемѹ мирѹ бисть. Аȥь да начнѹ ѿȥде да иȥьтлькѹю и десетое вапрошение. верѹемь и їȥьповедѹемь и васи ȥнаемь, како богь есаство ѥ҃ благь, милосрьдь, щьдрь, дльготрьпеливъ, никогда не мислить чл҃вкѹ ȥло, нь васéгда добро мѹ мислить, васегда ȥа дѹшѹ спасение негово радить. и ѿ многое благостиню свю прежде сатвори аг҃гли и они да есѹ причатени ѿ благодеть божию; и неугодно бѝ доȥде бѹ҃ да бѹдѹть аг҃гли, нь сатвори дрѹги ст҃ь ни мало некое подобїе не имать на бж҃тво. и ѿ тию две ȥданиа божїа — едно сась дрѹго неимахѹ прилнкѹ; последи хотеюше многѹ мѹдрость да покажеть, и ѿ тию две ȥданиа смеси и сатвори чл҃вка, и сатвори го и никогда да неоумираеть и да ѥ҃ видимь и невидимь: да есь видимь, понеже имать тело, а невидимь, понеже имать дш҃а да ȥаповедаеть на вьса ȥданиа божиа и да ѥ҃ подь ȥаповеди божие: ѡнь да се покланюеть богѹ, и васа ȥданию божиа да се покланюеть емѹ. саȥдаде богь адама и остави го на свою волю; тькмо едина ȥаповедь порѹчи мѹ да дрьжить и да ȥнаеть, како имать надь себе господина. имаше време, да речеть богь адамѹ, да юдеть ѿ онова древо, нь не почека адамь, догде да мѹ речеть богь да юдеть, нь беȥь волю божиа оуȥе и юде, и того ради иȥгнань бѝ иȥ раю, и прииде на тая проклетаю ȥемлю. и егда се наплодиха чл҃вци ѿ адама, юко ѿ преслѹшника и престѹпника, ȥаповедь божи рождени почеха ȥло да творать, блюдь, прелюбо-

деиство, ѕависть, ненависть, оубииство, идолопоклонство, и васа ѕла творахѹ. които са оугодни врагѹ. и богь хотеꙗшѣ да ваѕвратить чл҃вчскаго рода ѿ прельщение вражие; и вьсегда показѹваше ѕнамение и чюдеса, и потопь наведе по васѹ ѕемлю и градове потопи, а дрѹги сась ѡгнь иѕгори, и многа чѹдеса показѹваше имь богь, да но се биха оубоꙗле, и да поѕнаꙗть бога. коньчно, егда виде богъ, како никако чл҃вци необратихасе на добро, прїиде самь и ваплътисе ѿ пречистие девици марїи. како попрежде не прииде? понеже еще вьси пророци не бехѹ пророкле, и еще вьси члвци не бехѹ се иѕбрали, да се поѕнають, кои са доброоумни и ѕлиоумни; еще предитеча іѡань небеше рождень, пѹть показатель не беше се ꙗвиль, проповедникъ еще не бе проповедаль, како хощеть да приидеть хс҃, предь царa идеть проповедникь, и показѹеть како хощеть да приидеть царь нб҃ни хс҃; того ради на последнаꙗ лета прїиде хс҃, ꙗкоже и апостоль павель сведетелствѹеть и тако рече: «егда приидеть кончина лето, посла богь сн҃а своего раждающаго се ѿ жени, бивающаго подь ѕаконо", да подьѕакони искѹпить да васинение приемлеть».

И се с помощию божию иѕьтлькѹвахме и десето вапрошение. слава рожденомѹ млн҃цѹ христѹ. дньсь пророкь моиси пророчествѹеть, тако рече: «пророка хощеть богь да воѕдвигнеть ѿ братиꙗ наша ꙗкоже и мене; того по васе оуслишите. аще васака дш҃а непослѹшаеть того пророка, потребитсе ѿ лица ѕемли». по что ради нарицаеть хa҃ пророка? сиречь понеже вса помишления всакомѹ чл҃вкѹ ѕнаеть що мислить, и що имать на срд҃е или ѕло или добро, и ѕнаеть що хощеть да бѹдеть и напреди и последи, прорече о раѕьрѹшение иерлимово и ѕапѹстение храмѹ, и тако и саврьшисе. почто ради рече, ꙗкоже и мене? сиречь, ꙗкоже моиси чл҃вкь беше, тако и хс҃: члвкь хощеть бити, тькмо беѕ греха. како положи хс҃ ѕаконь. (Одного листа недостаетъ).

Мѹжие и жени, понеже ѕемлꙗ и пепель есме, да се не ваѕносиме са҃ телесное оукрашение, понеже самрьт ни чекать; да не творимь блюдь и прелюбодеиство, понеже вечна мѹка и огнь геѣнски ѕа тако творещимь оуготовань е҃; да не многѹ ꙗдеме и пиеме, и

ȥаоутрꙋ паки хощеме ꙗсти и пити—колико многꙋ ꙗдеме и пиеме, толико многꙋ искать ꙗсти и пити. наоука ѥ҃, коꙗ потреба ѥ ѿ многꙋ ꙗстїе и питїе: тькмо тело да гоиме, а на дш҃а ни една помощь неимать. колико чл҃вци тоꙗ дн҃ь раȥлично и красни премени носиха, и многꙋ ꙗдоха, и доволно пиха, и играха, и смеꙗхасе, а сега есꙋ стали прахь и пепель и кости имь почрьнели, и смрьдꙋть оу ȥемлю. нь блажени есꙋ ониꙗ, които ꙗдуть и пиють са страхо҃ божи. нь сиромаси да нахраниме, голи да облечеме, страни да введеме ва доми наши, болни да пригледаме, и които са вь тьмници, да идеме да имь дадеме телеснаꙗ потреба, ꙗкоже рече хс҃: аще кои мене любить и искать да ме наидеть и да ми сторить (sic) добро, да идеть оу темница—тамо да ме наидеть, да идеть при болного—тамо да ме наидеть; вь нищїи и ꙋбоги доми тамо да ме наидеть, да идеть где плачꙋть и ронать сльȥи правда ради, тамо да ме наидеть; да идать где плачꙋть сироти и сиромаси и аȥь тамо есьмь и оутешавам҆ ги ѿ печали и скрьби и отривамь имь очи ѿ сльȥи. Аще тако бꙋдеме творити, тогда праȥнꙋвати бꙋдемь вѣчн҃и праȥникь, тогда трьжествꙋвати бꙋдемь господьско трьжествѡ, тогда да ваȥрадꙋемсе и да речемь, како праȥнꙋвахме праȥникь рождество хв҃о. тогда радꙋютсе агг҃ли, тогда веселютсе праведни, тогда приемлеть наша приношениа, тогда посрамлꙗютсе врагове, тогда скрьблють и ждꙋть (конца недостаетъ).

(Изъ той же рукописи).

Мц҃а априлиа к҃г мꙋчение великомꙋченика геѡргиа.[1]) слово тлъкꙋвано ѿ дамаскина инока, иподиꙗкона и стꙋдита. ѡ҃че благослови прочести. (л. об ȥи҃—о҃г).

Праȥници и тръжаства ст҃имъ, почто ради поставлени биша? не ȥа дрꙋго, нъ тъкмо ради дш҃евное спасение поставлени биша,

---

[1]) Составитель этого слова пользовался апокрифическимъ житіемъ великомученика Георгія, но изложилъ всю исторію нѣсколько сокращенно; въ концѣ приложены чудеса св. Георгія послѣ его смерти.

и не да се ѹпраꙁниме ѿ работа и да работиме врагѹ и бесѹ, и немного да ꙗдеме, и да пиеме, и да играме, и да поеме, и да нетвориме телесна ѹгодиа: нъ да се ѹпраꙁнимъ ѿ работа, и да идеме въ цр҃ковъ да послѹшаме слово божие, и да раꙁбереме, како е҃с творилъ ст҃и, его же праꙁнѹеме—ꙗкоже и ст҃и геѡргиа, его же данъсъ праꙁнѹемъ. тои беше въ ц҃ртво диѡклитиꙗна и маѯимъꙗна. Въ ѡниа лета беше геѡргиа. к҃. летъ ѿ благочъстиви родителя рожденъ. г҃. лета беше, егда мѹ ѹмре ѡ҃ць и ѹзе го мати негова и ꙁанесе го въ свое ѡтъчъство: егда прииде ӣі. лета, поиде при диѡклитиꙗна цара, написасе воинъ. тогда ѹмре и мати негова: и онъ колико наиде богатаство раздаде ги нищимъ и ѹбогимъ, и почѹ, како се съвещаваютъ елине, да мѹчатъ христиꙗне ради вера. тогда и геѡргиа хоте да се ꙗвитъ, како естъ христианинъ. егда бехѹ се събрали да се зговоратъ, како да мѹчатъ христиꙗне, рече ст҃і: «и аꙁъ христиꙗнинъ есмъ»: егда ѹслиша царъ, како рече ст҃и и аꙁъ христиꙗнинъ есмъ, рече царъ магнеитїю да приꙁоветъ ст҃го наѡсобъ, да го въпроситъ. и рече мѹ: скажи ми, геѡргие, почто говориши такови речи? рече ст҃и: аꙁъ хрїстиꙗнинъ есмъ і имамъ на христа моего надежда: того ради скаꙁахъ вамъ, и х҃а исповедахъ пред вами за истинаго бога. и царъ рече: да млъкнѹтъ людїе. рече ст҃омѹ: аꙁъ хотеꙗхъ тебе понавелїко господъство да те поставимъ, но молю те, послѹшаи мене, да не погѹбиши свою младость: нъ прїиди и поклонисе великимъ нашимъ богомъ, да прїимеши велика почъстъ ѿ мене. тогда ст҃и геѡргиа рече: добро беше тебе царѹ, да поꙁнаешъ истинаго бога и да ти дадетъ ц҃ртво н҃бное, понеже това твое ц҃ртво скорѹ погибаетъ. такова глаголаше ст҃и. царъ же раꙁгневасе на ст҃го, повеле да го ꙁбодѹтъ с҃ъ копие по мишцѹ: и едино копие извиса, ꙗко ѡлово, и неможе да прободетъ ст҃го; потомъ поставиша ноги ст҃ому въ клади и на груди поставише мѹ велики камень, и въсѹ нощь лежаше ст҃и подъ камень и благодареше бога; егда д҃нь бистъ, повеле царь и иꙁвадиха ст҃го ѿ темница, и рече мѹ: да ли се еси покориль ѿ вечерьниꙗтъ ѹмь и ѿ дрьꙁновени колико ималь еси? тогда рече ст҃и: с таково ли мѹчение надеешисе да ме прельщиши,

да се ѿречемь ѿ истинаго бога: да видимь, да ли мене хощетсе досадити ѿ мѹчение, или тебе хощетсе досадити да ме мучиши. тогда повеле царь и принесоша велїко коло: имаше наѡколе наредени ѡстри ножеве въ дици: едни режехѹ, дрѹги порехѹ, дрѹги раздирахѹ; и принесоха голема даска: имаше нареденi ѡстри пироне—едни прави, едни крïви: и поставиха стго на ѡнаꙗ даска, и почеха да врътатъ ѡнова коло. и срезаха мѹ телото: сти потаино молеше се богѹ; нечъстиви же радѹвахѹ се, како мѹчеха стго, и присмевашесе и рече мѹ: где есть богь твои геѡргие, да ти помогнеть? тако рече царь, и ѿиде да се поклонить аполонѹ; егда тако рече царь, бисть велики громь, и ѿ небеса гласъ речесе: не боисе, геѡргïе, азь с тобою есмь; по того гласа стана ꙗсно: и прииде аггель ѿ небеса и ѿвеза стго: тогда воине поведоха при цара: егда виде царь, како неимаше ни мала рана на тело стомѹ, почѹдисе царь, и двои воиводи—анатолïа и протолïа верѹваха въ истинаго бога. и повеле царь да ги посечѹть. и дрѹго мѹчение измисли царь, да сътворить стому: повеле да го поставать вь варнïца негасима. егда го поставиша, сипаха вода, поче варь да кипить. три дни сътвори сти у варницѹ. повеле царь да идѹть воине да сакриють тело стомѹ да го ненаидѹть христиꙗне да го погребѹть; никако ненадеꙗшесе да го наидать живъ: многѹ члвци ѿидоша на варницѹ и наидоха стаго стоꙗше правь ѹ върницѹ; вьси единогласно рекоша: велики богь есть, его же геѡргии проповедѹеть; тогда царь вапроси стаго: скажи, скажи намь, геѡргие, како твориши тие магии? и повеле да принесѹть жилъни ѡбѹща; имахѹ вънѹтарь ѡстри пироне: и ѡбѹха стго и поведоха го и биеха го скорѹ да идеть, и затвориха го ва темницу. и ни едино врежденне ѿ ѡбѹщиꙗ не прииде мѹ. повеле царь да положѹть светаго на земли и да го биють по коремь и по плещи: и напоисе землꙗ ѿ кръви стомѹ и ѿ бои никое зло не прииде стмѹ. тогда диоклитиꙗнь рече предь престающимь: воистину магесникь есть геѡргиа; ѿвеща магнентиа и рече: имать единь добре знаеть магии, да направить, да ѹтровить геѡргиа. призва царь аѳанасиа магесника и порѹчи мѹ да сторить (sic) да ѹтровить

гоѡргіа. рече аѳанасиа: ꙋтре до ѡбеть да будеть волꙗ твоꙗ, царȣ. повеле царь да поставать с҃таго вь темницꙋ: и вьсꙋ нощь малꙗше се богꙋ. егда д҃нь бисть, седе царь на равно полꙗ; приидe и магеснікъ аѳанасиа. и ношаше две грънета магии и рече: повели, царꙋ, да приидеть геѡргиꙗ, да го сатворꙋ, да се покорить на твое повеление. егда го напоимь с҃ъ лева рꙋкȣ дрьжимь грънe, хощеть да се покорить, аще ли го напоимь с҃ъ десною рȣкȣ, дрьжимь хощеть да ꙋмре. егда прииде геѡргиꙗ, и с҃ъ дрьзновеніе приеть едино грънe, и прекръстиси и рече: гд҃и іс҃е х҃се, ꙗко же рекаль еси, егда испиете вьсака ꙋтрова, раби твои, ва име твое, невреждени бивають: и тако испи ѡнаꙗ ꙋтрова, и никакое зло мȣ не пріиде, на стоꙗше и присмевашесе прелащеномꙋ царȣ. егда виде царь, никое зло неприиде мꙋ, повеле магесникꙋ да го напоить, и ѿ дрꙋгата ꙋтрова, да го ȣморить. егда и неꙗ испи с҃ти никое зло мȣ непрїиде, тогда рече царь: скажи намь, геѡргие, како твориши тиꙗ магіи? рече и с҃ти: непомишлꙗи, ѽ царȣ, како де (sic) творꙋ магіи: нь богь егоже азь верꙋю ѡнь творить такова чꙋдеса, да познають людіе прелащени, какова сила имать истинї богь, и да го верȣеме: и тако наȣчи нась и рече ни: небоитесе никои не можеть вась ȣбити безь волꙗ моꙗ, не можеть ни едино влакно да ȣзметь ѿ глави ваши, догде азь да не повелимь, рече г҃дь; еще и дрꙋго можеть да творить богь нашь: болнимь здравие даваеть, хроми повелеваеть да ходать, слепимь ѡчи ѿвараеть и гледать и мрьтви вьскрьшаеть. тогда царь рече аѳанасию: что хощеши, да речеши, аѳанасие, ради тиꙗ речи? рече аѳанасиꙗ: и наши велики богове творать чꙋдеса, на доселе несме чȣле мрьтви да ѡживееть. тамо, близȣ имаше гробь; рече аѳанасиꙗ: повели, царꙋ, геѡргию, можели ѡживити того мрьтовца; тогда ц҃рски намесникь магнентиа извади с҃тго ѿ жилеза: сега да те видимь, гоѡргие: покажи чȣдеса богȣ своемȣ; рече с҃ти: господине магненьтие: богъ с҃ъ едина речь сътвори вьса видима и невидима; не может ли и сего мрьтваго ѡживити. тако рече с҃ти и преклони колена свои на земли и с҃ъ сльзами потаино помолисе богꙋ и рече: г҃ди, вьскрьси мрьтовца сего, да видать ненавидещеи те и да се

посрамать, ꙗко твоꙗ есть слава ва веки аминь; и по аминь бисть громь и мльние: и гробь отворисе и мрьтви изь гроба изиде и стана посреде народа: и васи людие рекоша: великаго бога геѡргиева верꙋемь: магесникь аѳанасиа прииде и паде на нозе стомꙋ. тогда рече царь: видите ли, людие, что сатвори проклети аѳанасиа! сатвори волꙗ магесникꙋ геѡргию: и рече-да ꙋморить го, а онь го напои позравь да бꙋдеть: и сатвориха некое привидение, како де вьскрьсиха мрьтовца! тако рече царь и повеле да посечꙋть аѳанасиа и вьскрьшаго члвка, и стаго да поставать вь темницу. царь поиде вь полати свои, да измислить что да сатворить. егда идеше сти вь темница, молꙗше се богꙋ и благодареше и глаголаше: «благодарꙋ те, гди боже мои, ꙗко неси мене посрамиль предь нечастиви». идехꙋ члвци вь темницꙋ, да ги поꙋчи сти: а дрꙋги болни искаху исцеление, дрꙋги на верꙋ се ꙋтврьждабаха; единь ѿ нихь, именемь гликериа беше ѡрачь. егда ѡреше, ꙋмре мꙋ единь воль, ѿиде при стго и сказа мꙋ ради вола: и сти мꙋ рече: иди на нивꙋ, хощеши да го наидеши живь. ѿиде кликериа и наиде вола жива. тогда великимь гласомь вазꙋпи: истинаго бога проповедꙋеть геѡргиа. егда почꙋ царь како верꙋва ха, повеле да го посечꙋть: вьне ѿ града посечень бисть кликериа. некои клирици рекоха царꙋ: геѡргиа вь темницꙋ непрестано идꙋть елине и твори ги христиꙗне: егда прииде царь ва капище аполоново, повеле да приведꙋть стго; егда прииде свети, рече царь: непознаваш ли, геѡргіе, колико члвколюбие показꙋю азь тебе, и жалимь твоꙗ младость? рече сти: «потребно беше царꙋ ѿ начела да покажеши такова любовь». егда почꙋ царь такови речи, помне мꙋ се, како хощеть да се поклонить на идола, и рече мꙋ царь: да те имамь, како своего сина; рече сти: «прииди, царꙋ, и азь да идꙋ да видꙋ ваши богове». тогда царь повеле вьси болꙗре да приидꙋть, и да видꙋть, како хощеть геѡргиа да се поклонить нашимь богомь: приидоха и вьнидоха ва капище, да видꙋть, что хощеть да сатворить сти: егда ваниде геѡргиа ва капище, простре десною свою рꙋкꙋ на аполонꙋ и рече: «хощеши ли, аполоне, да ти се поклонимь ꙗко богꙋ?» рекоша врагове които беха ꙋ аполона: «ниꙗ несме богове;

кого ти верѹеши, тои есть истини богъ»; егда тако рекоша, побегоше бесове. тогда идоль паде и сакрѹшисе. тогда приидоша людие и поимаша с҃таго, и ӡаведоша го предь цара, и рекоша мѹ: доколе дрьжиши сего магесника? хощеть и капище да ѡбвалить; тогда и алеѯандра царица изиде предь народа и рече: «боже геѡргиѡвъ, помози ми». тогда приӡва царь с҃тго и рече мѹ: «такова ли вздание ваздаде ти мене!» и с҃ти рече: «безьѹмни царѹ, тако се наѹчихъ, да ѹкореваю безчасни твои богове, тако они глаголахѹ. прииде и алеѯандра царица: егда виде с҃тго, паде на нозе его и целѹваше мѹ нозе: тогда повеле царь воиномь да ѹзмать геѡргиа и алеѯандра царица, да ги извадать вонь из града да гй посечѹть; егда приидоша до негое место, седе алеѯандра на единь камень, да си починеть, и тамо предаде чтнѹю сво дш҃ѹ вь рѹце божии. тогда с҃ти геѡргиа прослави бога и рече: «приими г҃ди и дш҃ѹ мою и даждь ми г҃ди дарь: кои прошѹть ѿ мене некое прошение да имь биваеть». тако молешесе с҃ти, и посекоше го воине; и неговь слѹга приеть чесни мощи и ӡанесе гї вь негово ѡтечество.

И хощѹ да скажѹ неколико чѹдеса, иже сатвори с҃ти.

Вь сириискою землю вьсхотехѹ христиѥне да сатворать красна ц҃рква ва име с҃томѹ геѡргию, и ва ѡнова место неимаше камение ради стлпове; поидоша по дрѹго место и наидоха многѹ красни камение: и ва единь градь беше некоѥ вдовица жена; и ѡна кѹпи красни стлпь, да го последъ, да го поставать вь ц҃рковь стомѹ геѡргию; вьпроси корабъначелника, и рече мѹ: кѹпихь стл҃пь, да го занесеши, да го поставать вь ц҃ркви; рече корабѹначелникь: не могѹ да го ѹзма, понеже напльнилъсе є҃ корабь, и не имамь где да го поставимь; и ѡстана стлпь на краї море. корабь ѿиде: тогда зажалисе ѡнаѥ жена и вьсѹ нощь жалеше и плакаше, како не можи да послеть стлпа. и ва ѡнаѥ нощь ѥвиисе с҃ти геѡргиа и рече и: «почто плачеши жено?» ѡна рече: «многѹ жалимь, како не ѹзеша стлпо». рече с҃ти: на коѥ страна хощеши да го поставать? рече жена: «ѡ десна страна да го поставать». рече с҃ти: «подигнї и ти, да го послеме да идеть». Тако се виде на сьнь та жена: и ѡна помогна и поставиха стлпо ва море. и неци

чл҃вци ѿ града приидоха на краи море, и наидоха стлпо на краи море: и беше написано на стлпо, да се поставить ѡ десною странѹ ѹ цр҃кві.

(Слѣдуетъ перечисленіе другихъ чудесъ святого).

И егда твориме празници ст҃омѹ, да не твориме ꙗкоже творехѹ елине: егда творихѹ празници на свои богове, пиѥха и ꙗдеха, и поꙗхѹ и играеха, и много безьчестиꙗ творахѹ; какови имь беха богове, такови и почести имь творахѹ; егда и ниꙗ тако сатворимь, ѡбезьчествѹемь наши ст҃и. ꙗкоже рече исаїа пророкь: «горе, които пиꙗть вино с҃ъ тьпане и с҃ъ свирки играють, и нерадѹть да саврьшѹть заповеди божи и ради свою д҃шѹ».

Егда тако бѹдемь творити, тогда бѹдемь ѿ бога имети милость и ѿ ст҃аго помощь, и бѹдем се сподобити и цр҃тво небесно полѹчити ѡ хс҃е їсе гд҃ѹ нашемѹ. томѹ подобаеть вьсака слава, часть и поклонение сь безначалнимь его ѿцемь и прест҃имь дѹхомь и ниꙗ и присно и ва веки вековь амїнь.

ПАМЯТНИКИ

НАРОДНАГО ТВОРЧЕСТВА.

СКАЗАНІЯ И ПѢСНИ АПОКРИФИЧЕСКАГО И МИѲИЧЕСКАГО ХАРАКТЕРА; ПѢСНИ КОЛЯДСКІЯ И ХОРОВОДНЫЯ.

№ 1.

Записано въ г. Пиротѣ со словъ одной старой женщины (5 ноября 1879 г.).

Какъ произошло различіе славянскихъ языковъ?

Кадá богорóдица Исýса породи́ла, бѣгáла отъ Евреe и Турци по грáдама и чувáла се да дю (sic) не найду. Де е би́ла, оставила различи-то езйци, рази́чи-то премѣну оставила. И такò Руси, Бъгарe, Серби.

№ 2.

Обрѣтеніе креста Господня.

Соф. Окр., село Бояна[1]); 30 янв. 1880 г. записано со словъ крестьянина той же деревни Стоянча Величкова.

Служба служи цара Костадина,
Та покани редомъ свето-оци;
Па ойдоа у чесна тарпеза;
Та ги служи това добро вино;
Межу себе дума продумаха:
«Се ни служба добра поканета,
Да си има наши чесни керсты,

---

[1]) Село Бояна находится у подошвы горы Витоши, близъ города Софіи; отъ жителей этого села и села Суводолъ я слышалъ, что на одномъ очень недоступномъ мѣстѣ горы Витоши, въ близи села Бояны видны прикрѣпы, за которыя привязывались судна — корабли.

*

Тогай би се вѣра увѣрило,
Тогай би се законъ запознáло».
Дочула ги царица Елена —
Говорила цару Костадину:
«Фала, цару, фала Костадине!
Ты поканилъ тія добры гостье,
Добры гостье си-те свето-оци;
Межу себе они дума продумаха:
«Какво нема наши чесни керсты»;
Фала, цару, фала, Костадине!
Я си ойды у Феруна града
И си фани царя Евреяша,
Та го мочи три дни и три нощи,
Да си каже наши чесны керсты».
Послуша а цара Костадина,
Та си ойде у Феруна града,
Та си фана царя Евреяша,
Та го мочи три дни и три нощи:
Смерть прїима, керсты не казува.
Проговори царица Елена:
«Фала, цару, фала, Костадине!
Я си фани царица еврейтя,
Та ю мочи три дни и три нощи,
Она че ти каза, де е наши керсты».
Послуша а цара Костадина,
Та си ойде у Феруна града,
Та си фана царица еврейтя,
Та ю мочи три дни и три ночи:
Смерть пріима, керсты не казува.
Проговори царица Елена:
«Фала тебѣ, фала, цару Костадине!
Я си фани на царица еврейтя
Това мышко дете,
Та го мочи три дни и три нощи —

А майтя за дете си не трае,
Я она те керсты да искáжи».
Послуша а цара Костадина,
Та си фана на царица дете:
Оште не го замочило,
Изговóри царица еврейтя:
«Фала, цару, фала, Костадине!
Я не мочи мое мышко дете,
Я ще кажемъ ваши чесны керсты:
«Рано рани, цару Костадине!
Рано рани у гола планина,
У Планина — у Сива Грамада,
Да си найдешь три стърка босилёкъ;
Камо найдешь три стърка босилёкъ,
Тамо найдешь ваши чесны керсты».
— Рано рани цара Костадина,
Рано рани у гола Планина,
У Планина — Сива Грамада,
Рано рани со-съ негови слуги,
Да си найдатъ три стърка босилёкъ,
Да си найдатъ плёча становница.
Отшили па и нашли:
Подигнаа плёча становница,
Та найдоа наши чесни керсты;
Занесе ги цара Костадина,
Занесе я на негова служба;
И па покани триста свето оци
И остави ги у чесна тарпеза.
Тогай се вѣра увѣрило,
Тогай се законъ запознало,
Тогай се царство укрѣпило.

№ 3.

Записано со словъ одной старушки въ селѣ Великій Вербовникъ (Кюст.-Бан. окр. 9 дек. 1879 г.).

Кога́ се вѣра развѣрила, кьрсы погинали, Евреи ги умерсна́ли. Собралисе семдесе попове при нова церква и сказали: каде́ си поденали: наши чесны керсы? Па старея сказалъ: «фанете Еврейского царa». Фанали го, но онъ не казалъ. Фана́ли Еврейска царица, но и она не каза́ла. Каде́ фана́ли негово машко дете́, оно каза́ло: «не мачете мое машко дете́; я че кажемъ ваши чесны керсты: керсты ваши надъ Фекира града, надъ Фекира высока моги́ла, надъ могила одъ мермеръ пло́ча; подъ плоча-та три страка босилёкъ. Рано ранатъ мерсны-те Евреи, та го бератъ, а не може да найдатъ; но вы рано раните у света босилёкъ, и найдете ваши чесны керсты». — Тогай нашли се чесны керсты; тогай сме покерстили; а до-тогай били сме безъ керста.

№ 4.

Крещеніе І. Христа.

Городъ Дупница; 11 дек. 1879 г. записано со словъ Стефана Станоева, бѣженца изъ Джумалійскаго округа.

Замачисе Божя майка
Одъ Игната[1]) до Божича,
Да си роды млада Бога,
Млада Бога и Божича.
И си роды́ млада Бога
И роды Божи́ча;

---

[1]) День св. Игнатія Богоносца считается великимъ праздникомъ; въ народѣ укоренено повѣрье слѣдующее: первый кто войдетъ въ этотъ день въ домъ изъ людей непринадлежащихъ къ семьѣ приноситъ съ собою счастье цѣлому дому: вошло въ обычай — въ этотъ день не давать ничего изъ своего дома (село Бобошево).

Понесе го да го кърсты;
И се шетна́ на-горъ, на-долъ,
На-горъ, на-долъ возъ Іордана;
На срѣшта светый Никола;
Говори́ светый Нико́ла:
«Доберъ денъ Божья мале»!
—«Далъ Богъ добро́, светый Николо»,
«Язека си до тебе идемъ,
Да ми кырстишь млада Бога,
Млада Бога и Божича».
— Изговори светый Нико́ла:
«Я не смѣемъ, неумѣемъ,
Да ти кырстимъ Млада Бога;
Оде Іована Кърсти́теля,
Што-то керсти небо — земля,
Што-то керсти гора́ — вода́,
Той ште ти керсти Млада Бога».
Па си шетна́ Божья́ майка
На-горъ, на-долъ, низъ Іордана.
На срѣшта и свети Іованъ:
«Доберъ денъ ти Божья́ майко»!
— Далъ Богъ добро́, свети Іоване!
И язе-ка си до тебе-ка идемъ,
Да ми керстышь Млада Бога,
Млада Бога и Божича».
— И си флезна во-фъ Іордана,
Завилъ се свилни полици,
Да си керсти Млада Бога;
Вси се дервья преклёниха,
Едно́ си дервье не преклёни,
И оно́ бѣше абленово[1]);

[1]) Сказатель не зналъ, какое это дерево.

Проклела го Божья́ майка:
«Е ты дерво абленово!
Цвѣтъ, да цавти́шь,
Ражба да не машь».

№ 5.

Дупническій округъ, село Рыло; доставлена мнѣ 20 янв. 1880 г. народнымъ учителемъ дьякономъ Христою (Христофоромъ) Димитріевымъ Куюнджискимъ.

(На Р. Хр.)

Пошла си Божя майка Марія
Низъ Іордана возъ Іордана на-го́ре;
Въ рацѣ носи млада Бога Господа;
На срѣща и светъ Никола убавы;
Гово́ри му Божя майка Марія:
«Э ты-зе-ка, светъ Никола у́бавы!
Тебе трасехъ, тебе найдохъ;
Да ми кьрстишь млада Бога и Господа́!
Гово́ри и светъ Никола убавы:
«Э ты-зе-ка Божя майко Маріе!
Я не смѣю ни во-ѳъ погледна,
А камо ли азъ Него да кьрстимъ;
Я си шетни още мало по-наго́ре,
Ще си стрѣтнешь Светъ Иванъ,
Що е кьрстилъ слънце — мѣсецъ на небо,
Що е кьрстилъ гора — вода на земя,
Онъ ще кьрсты Млада Бога и Господа!»
Послушала Божя майка Марія,
Та се шетна аще малко по-нагоре,
Та си срѣтна светъ Иванъ креститель.
Гово́ри му Божя майка:
«Э ты-зе-ка светъ Иване крестителю!

Тебе трьсихъ, тебе найдохъ;
Да ми кърстишь Млада Бога и Господа»;
Говори и светъ Иванъ Креститель:
«Э, ты-зе-ка, Божя майка Марія!
Постой малко, та почéкай,
Да си запремъ слънце — мѣсецъ на небо
И да запра гора — вода на земи»
Та си запре слънце — мѣсецъ на небо
И си запре гора — вода на земи,
И си кърстилъ Млада Бога и Господа.

№ 6.

Городъ Радоміръ; 29 ноября 1879 г. записано со словъ Таски Петрунова Моавійскаго.

Станинине господине!
Спишь ли, спишь ли разбуждайсе!
Добри са ти гостье дóшли,
Добре гостье коледжане;
Подобаръ гласъ ти донели:
Ягненца се изъягни́ли,
Ждребчинка се ождребили,
Пи́ленца се извади́ли,
Крави се се истелили,
Со-съ млады тельчинка.
Пай си стана Божья майтя,
Запрегнала свилни скуты,
И си тури млада Бога;
Та си ойдé возъ Ордана
Возъ Ордана, возъ Іордана.
Тамъ срѣтна светы Никола:
«Да си кърстишь Млада Бога!»
Я светы Никóла му доказалъ:
«Ни то знáемъ, ни умѣемъ;
Я си пойды по-на-горе,
Тамъ че срѣтнешь светъ Іована:
Онъ е кърстиль небо — земля,
Онъ че кърсты Млада Бога».
Чуло си е на дно-море,
Чула си е една рыба,
Чула го е и станáла;
И го чуло едно дéрво,
Едно дерво трепетли́ка,
Оно чуло не станáло,
Пай го прокле самски Господъ:

«Е ты-зе-ка едно дéрво,
Едно дерво трепетлика!
Да изникнешь на зло мѣсто,
Дека слънце неизгрѣва,
Дека роса неопада,
Да си трептишь и со-съ вѣтеръ,
И со-съ вѣтеръ и безъ вѣтеръ[1]).

№ 7.

Село Великій Вербовникъ, Дупнич. округа; 9 дек. 1879 г. записано со словъ одной старой женщины.

Стани Како, дай колако,
Стани Нино, дай крендиро[2]):
Добри сме ти гостье дошли,
Доберъ семъ ти даръ донéли:
Тельчинка-те бѣлопахи,
Ждребчина-та патонохи,
Ягнешта-та ваклешаты,
Яришта-та пергороги.

№ 8.

Соф. окр., с. Опій-цвѣтъ; 6 февр. 1880 г. записана со словъ Стояна Мильчова Лагарина.

(Колядская «Станянине господине!»).

(КОЛÉДЖАНСКА).

Станянине господине!
Пьянъ ли си? разбуждайсе;
Добро сме ти гостье дошли́,
Добро гостье-коледжане,

---

[1]) По другому варіанту, записанному тамъ же, пѣсня эта имѣетъ слѣдующій конецъ:

«Што е чудо, се станало;
Едно дерво трепетлюга
И е чу̂до — не стана́ло;
Тогай его Господъ проклелъ:
Да излезнешь у зло мѣсто,
Дека слънце неогрѣва,
Дека слана неопада».

[2]) Ракія (водка).

Доберъ сме ти гласъ донели:
«Од-оз-горе Влашка страна
Кобильки се иждребили —
Се кобильки лѣвогривки,
И конёвци патонóги».
Стани, стани станянине,
Станянине господине!
Добро сме ти гостье дошли
Доберъ сме ти гласъ донели:
«Од-оз-горе низъ Загоре
Кравице се истелили,
Све кравици млекомълзи,
И воловци потеглóвци».
Стани, стани станянине!
Добро сме ти гостье дошли,
Доберъ сме ти гласъ донели:
«Од-оз-доле Овчé-поле,
Овчице си изъягнили —
Се овчицы ваклушаты
И овновци витороги.

№ 9.

Село Влаи, Мельникскаго округа (въ Македоніи); 16 дек. 1879 г. записана въ селѣ Бобошевѣ со словъ одного слѣпца.

Станянине господине,
Стани, гóре погледъ Нине,
Какви ти сме госте дошли,
Подоберъ сме гласъ донели:
[(повторяется стихъ)
Овце ти се изъягни́ли,
Се овчички ваклошатки
[(2 раза);
Коне ти се иждребили (2 раза),
Се кобилки патоножки;
Крави ти се истелили
Се кравички бѣлопаки.
Станянине господине,
Стани, гóре погледъ Нине,
Какви ти сме госте дошли,
Подоберъ сме гласъ донéли:
Пчели ти се изрои́ли,
Се пчелички златнокрилца.
Тебе пеемъ Стане господине
Тебе пеемъ, Бога славимъ
[(2 раза),
Да се цавтишь, да се ки́тишь,
Ка-то ружа у градина,
Сиви соколъ у выси́на (2 раза),
Мрена рыба у длы́бина,
Бѣлъ трендафилъ у градина.

№ 10.

Соф. окр. село Суводолъ; 31 янв. 1880 г. записано со словъ крестьянина Жоты Илкова.

Станинине господине!
Добро ютро, доматине!
Заспалъ ли си? разбуждайсе;
Пьянъ ли си? растрезнуйся:
Добри́ сме ти го́стье дошли,
Добаръ сме ти гласъ донели
Од-оз-доле — Овче поле:
«Овчицы ти изъимили,
Изъимили, изъягнили —
Се овчицы ваклушаты,
А овновци виторожки;
Ошь по-доберъ гласъ донели:
Кравицы ти се истелили,
Се кравицы бѣлобойки,
А воловци потегли́вци»;
Ошь по-доберъ гласъ донели:
«Кобилки се иждребили,
Се кобилки лѣвогривки,
А конёвци патоножки;
Ошь по-доберъ гласъ донели:
Козицы се изкозили,
Се козицы вранушаты»;
Ошь по-доберъ гласъ донели:
«Кошарци се изроили,
Се пчелици леватинки —
Леко лета, тежко носа:
На главица по паница,
На ножица по ложица,
На гербина кавтерина».
Стани нине господине!

№ 11.

Станинине господине!
Джелепъ Нeё вино піe
Одъ недѣля до недѣля,
Одъ мѣсеца до мѣсеца,
Слуга му е света Петка,
Света Петка и Недѣля,
Слуга служи сълзи рони,
Рони до х̑убава церна земня;
Сегледа ю Джелепъ Нéё,
Па ю тио говораше:
«Фала тебѣ, света Петко,
Света Петко и Недѣлё!
Ка'-то служишь добро вино́,
Зашто ронишь дробни сълзи
Дробни сълзи до х̑убава церна земня?
Да ли ти се досадило,
Добро вино служа́яче

И на нодзе стояяче?»
— Света Петка говóраше:
«Фала тебѣ, Джелепъ Нео̆!
Ни то ми се досадило,
Добро вино служаяче,
Ни на нодзе стояяче;
Верло ми се нажалило:
Ка' піеме и ру́чаме,
За добрó се не сѣштаме;
Хайде церкви да градиме —
Се одъ злато и одъ сребро,
Безцанъ каминъ прѣстолъ да е,
Да е вѣкомъ и до вѣка».
— Джелепъ Неё говораше:
«Фала тебѣ, света Петко,
Света Петко и Недѣлё!
Да градиме златны церквы!?
Че настане турско царство:
Се чатъ церквы да растура,
Безцанъ камикъ че подметна,
Со-съ насъ шега[1]) че си бія,
Одъ злато че узды ляты,
Одъ сребра сѣдла че кова;
Нело, хайде, да градиме
Одъ варъ камикъ и одъ тугла[2]),
Мермеръ камикъ прѣстолъ да е,
Да е вѣкомъ и до вѣка!

№ 12.

Станинине господине!
Дане бане, Данъ войвóдо!
Имашь сина Михаила,
Злато косо, длъго умо;
Молиме те, да го пишешь,
Да го пишешь — царь да быде
На своя земня и крайнина.
— А онъ си имъ одговáра:
«Имамъ, имамъ, не че лыжемъ,
Аме ми е вѣрно младо,
Вѣрно младо аджамія —
Не че може царство держи́,
Ни че може крайни реди,
Не че може войска реди».
— Дане бане, Данъ войводо!
Молиме те, ты го пиши:
Царо има три крáлёве —
Еды́нъ че му войска реди,
Едынъ че му царство держи,
Едынъ че му кóнё сѣдли,
Салъ да си се царь назива,
Царь назива — банъ назива
На сва земня и крайнина.

---

[1]) Тур. слово, знач. смѣясь.
[2]) Кирпичъ.

№ 13.

Село Скрино, Дупнич. округа; 17 дек. 1879 г. записано со словъ Ангела (Янгелъ) Рыбаря.

Станинине доматине!
Добри́ сме тѣ гости дошли́
Добаръ сме тѣ гласъ доне́ли:
Кобили се ождреби́ли,
Се ждребчинка патоножки;
Кравице се отели́ли,
Се тельчинка бѣлопах́и;
Овцы ти се изъягни́ли,
Се овчицы ваклашаты;
Козы ти се окози́ли,
Се яренца виёрожки;
Пчелици се изрои́ли,
Се пчелици левиканки.

№ 14.

Старая-Планина; Соф. окр. с. Зимевецъ; 12 февр. 1880 г. записано въ селѣ Аджиска-маала (Берк. окр.) со словъ той же крестьянки.

Станине господине!
Тебе пое́мъ, тебе сла́вимъ:
Одъ Бога ти много здравье!
Да си идешь горе́-доле
Доле-горе по-загоре,
Да си карашь се овновци,
Се овновци патоножки,
Се кобилки патоножки.

№ 15.

Соф. поле, с. Кремиковци; 2 февр. 1880 г. записано со словъ Стефана Милчёва Крачуна.

(Матерь Божія входитъ въ церковь, построенную Джелетъ Неною).

(колядская).

Собралисе си селяне
На мех́ана меранджиска:
Вино піятъ, дума думатъ —
Кой да гради новы церкви?

Судна се редна се,
Одсудна, да и гради
Да и гради Джелепъ Нено;
Започелъ ги одъ Дердевъ денъ;
Викна́лъ си е два майстора
Со-съ три-те чегерте[1]),
Да си прави новы церкви;
Та ги гради́ малу-многу
Малу-многу сва-то лѣто,
Одъ Дердевъ денъ до Митровъ денъ;
Та му мало нестигнало
Мало злато и то сребро́;
Оно́ облече церно руфо
Церно руфо калудерско,
Та си слезне доле въ поле
Покрай моря — по селчины,
Та написа милостывня,
Та натовари деветъ коне́
Деветъ коне чисто сребро,
А десето суво злато,
Та догради новы церкви.
Тече-идс Божья майтя —
Одъ милосты не продума,
Одъ убосты не погледна,
Та си влезна въ новы церкви:
Та си сапаса кованъ коланъ,
Та го тури на престоло,
Де-то четатъ млады дьяци
Млады дьяци и попове,
А старыі попове служатъ лытургія.

№ 16.

Село Жилинци, Кюстенд. округа; 6 дек. 1879 г. записано со словъ Стойны Стояновой Чекеренда.

Эй Коледе, Коледе!
Ушто се крыешь, Коледе,
Задъ майке-те?
Ни есме ти, Коледе, добри́ гости;
Навези ми, Коледе, десно крыльце,
Да прелети́мъ презъ Морава,
Да наберемъ вито прутье,
Да заградимъ вита Струга,
Да накарамъ сиво стадо,
Да намуземъ ведро млеко,
Да обанямъ Млада Бога,
Млада Бо́га и Божича.
Богъ се роды у Коледе во вечеръ.

---

[1]) Подмастерье.

№ 17.

Село Скрино, Дупнич. округа; 17 дек. 1879 г. записано со словъ Ангела Рыбаря.

Сестро Петро, Коледе!
Везарія, Коледе!
Навежи ми, Коледе,
Десно крыло, Коледе,
Да прилитамъ, Коледе,
Презъ Дунава, Коледе;
Да наберемъ, Коледе,
Вито праке[1]), Коледе,
Да направимъ вита страга, Коледе,
Че навертимъ, Коледе,
Сиво стадо, Коледе,
Да намуза, Коледе,
Прѣсно млеко, Коледе,
За Божичь млеко, Коледе!

№ 18.

Соф. окр. (поле), село Враждебно; 1 февр. 1880 г. записана со словъ крестьянина Донки Гёлева.

(Турки наслѣдуютъ царство царя Константина).

(НА Р. ХР. = НА БОЖИЧЬ).

Станянине господине!
Извило се сиво пиле
На цареви равни дворы;
Та се вило мало-млогу,
Мало-млогу, такмо три дни,
Такмо три дни и три нощи;
Никой пиле не согледа,
Согледа го царь Костадинъ.
Проговори царь Костадинъ:
«Слава Богу, цару слуги,
Цару слуги-дугонджіи[2])!
Изнесете танко мрѣдже,
Премрѣжете синё небо,
Да ѳане́мо сиво́ пиле».
Послушаа цару слуги,
Изнесоа тенко мрѣдже,

---

[1]) е-мегкое = пракје.
[2]) Слуги.

Премрѣжиа синё небо;
Бо'ме, каде виде сиво пиле,
Сиво пиле и двашь и трышь,
И двашь и трышь надъ мрѣдже-то.
Проговори царь Костадинъ:
«Слава Богу, цару слуги!
Я влезнете нови церкви,
Изнесете столъ позлатенъ,
И турете среде дворы.
Подъ ябука петровкина».
Послушаа цару слуги,
Та влезнаа нови церкви,
Изнесоа столъ позлатенъ,
И турнаа среде дворы
Подъ ябука петровкина;
Та си сѣдна царъ Костадинъ,
Та помами сиво пиле:
Ка' го виде сиво пиле,
Та му падне на колѣно,
Та растраси десно крыло,
Та истраси бѣло книже,
Бѣло книже — церно́ слово.
Проговори царь Костадинъ:
«Слава Богу, цару слуги!
Я влезнете у яѓаре,
Наях̑айте добры́ коне́,
На керзъ поле калешете,
Калешете си попове,
Си попове и дья́кове».
Послушаа цару слуги,
И влезнаа у яѓаре,
Наях̑аа добры́ коне́,
На керзъ поле калесаа
Си попове и дьякове,
Да си четатъ литургіе;
Си попове книже четатъ,
Книже четатъ, пѣсень пеятъ;
Попъ Никола книже чети,
Книже чети — сълзи рони.
Проговори царь Костадинъ:
«Слава Богу, попъ Никола!
Какво́ ли е твое чудо?
Си попове книже четатъ,
Книже четатъ, пѣсень пеятъ,
А ты-зе-ка книже́ четы́шь,
Книже́ четышь — сълзи ронишь?»
Попъ Никола одговара:
«Слава Богу, царь Костадинъ!
Нали питашь, да ти кажемъ: [(2 раза)
«Наше царство достанало,
Турско царство настанало».

№ 19.

(Заг.) Берков. окр. с. Вершецъ; 10 февр. 1880 г. записана со словъ Елисаветы Іованчиной.

(КОЛЯДСКАЯ).

Зависе сиви соколю
На царевы равны дворы;
Висе два дни, висе три дни
Коледе! Коледе!
Висе такмо три недѣли;
Царь испраты свѣтны слуги:
Коледе! Коледе!
«Я идете вѣрны слуги,
Та прекиньте ситно мрѣже
Коледе!
Юловете сивы соколъ,,
Донесете го ми на колѣно;
Коледе!
Да го поятъ съ руйно вино,
Да го ранатъ съ бѣло месо».
Коледе!
Злезнали вѣрны слуги,
Фергали со-съ ситно мрѣже,
Коледе!
Сиви соколъ ту подлаталъ
Ту подлаталъ, ту надлаталъ,
Коледе!
У мрѣжа тако улата.
Излезналъ е царо Костадине,
Коледе!
Па си сѣдне у дворове,
Па си сѣдне у дворове,
Коледе!
У дворове на столове;
Па почука на коленце;
Коледе!
Емъ почукалъ, емъ повикалъ:
Ела, ела, сиви соколъ,
Коледе!
Та ми сѣдни на колѣно,
Та ми падни на колѣно,
Коледе!
Да те ранимъ съ бѣло месо,
[(повторяется)
Коледе!
Да те поимъ съ руйно вино».
Свисе соколъ, та падналъ —
Коледе!
Падна цару на колѣно,
И простралъ си десно крыло,
Коледе!
Та истраси десно книжне,
Дребна книга, ситна слова.
Коледе!
Царь Костадинъ одговори:
«Леле, варай, вѣрны слуги!
Коледе!
Я идете по сви села
По сви села и градове,
Коледе!
Соберете сви попове

Сви попове и дякове,
Коледе!
Да пречетатъ дребно книжне,
Дребно книжне, ситно слово».
Коледе!
И учели[1] вѣрны слуги
По сви села и градове;
Коледе!
Собрали са сви попове,
Сви попове и дякове:
Коледе!
Чели два дни, чели три дни,
Не могоха да пречетатъ,
Коледе!
Кой-то знае — не казува»
[(повторяется)
Коледе!
Продума царь Костадинъ:
«Я идете на Прокопе,
Коледе!
Да викнете попъ Никола
Коледе!
Попъ Никола одъ Прокопе;
Онъ ште книжне да прочете,
Коледе!
Онъ ште мене право каже».
И учели[1] на Прокопе,
Коледе!
И викнали попъ Никола.
Коледе!
И погледналъ попъ Никола
И погледналъ книжле-то
Коледе!
И поронилъ дребни сьлзи;
[(повторяется)
Коледе!
Па си дума одговори:
«Леле, варай, цару Костадине!
Коледе!
Е-те глава, е-те и сабья —
Земи сабья, посѣчи ме:
Коледе!
Царсто ни е достаяло» (повторяется)
Коледе!
Расерди се царь Костадинъ,
И трегна сабья, да го посѣче;
Коледе!
Попъ Никола одговара:
«Леле, варай, царе Костадине!
Коледе!
Не сѣчи мене, не губи мене,
Но ме запри у тевница,
Коледе!
И ме тури у тумруци,
Да посѣда таманъ два дни и пладнина,
Ако нема иня вѣра,
Коледе!
Иня вѣра — клеты Турци,
Изведи ме, посѣчи ме».
Коледе!

---

[1] Сказительница объяснила это слово черезъ «отшели», т. е. отошли.

И запрелъ го царь Костадинъ
[(повторяется)
Коледе!
У тевницы, у тумруци;
И сѣделъ е, таманъ, два дни
Коледе!
Таманъ два дни и пладнина
У тевницы, у тумруци.
Коледе!
Изведе го, да го сѣче;
Алъ погледна на-нагоре
Коледе!
На-нагоре, па надоле:
Колко на гора листье
Коледе!
Колко на земня трѣва-та,
Толко иде иня вѣра,
Коледе!
Иня вѣра — клетви Турци.
Царь Костадинъ договарья:
Коледе!
«Леле, варай, вѣрны слуги!
Ях̑айте, та бѣгаме;
Коледе!
Кой ште съ мене да бѣгаме».
Вѣрны слуги одговарятъ:
Коледе!
«Леле, варай, царь Костадинъ!
Я се надах̑ъ, да полетимъ —
Коледе!
Ясно небо съ ясны дзвѣзды
Ние съ тебе да повернемъ,
Коледе!
А то нели ѓиня вѣра, (повторяется)
Коледе!
Иня вѣра — клетви Турци».
Царь Костадинъ одговори:
Коледе!
«Леле, варай, вѣрны слуги!
И я мога и конь може,
Коледе!
Коги́ Господь поможе».
Бутна конё — конь не верви,
Коледе!
Тергна сабья — невадисе,
Но се преби до крестеве,
До крестеве позлатены;
Коледе!
Проговори царь Костадинъ:
«Леле, варай, вѣрны слуги!
Кой ште съ мене да бѣгаме?»
Коледе!
Сви са слуги остапали,
Само пошелъ единъ слуга;
Коледе!
Преминали деветъ нах̑іи,
Царь Костадинъ вода посака,
Коледе!
На патё студенъ кладенце;
Царь Костадинъ одговори:
Коледе!
«Леле, варай, вѣрно слуго!
Я поземи златно тенче,
Коледе!
Загреби ми студна вода»;

Вѣрна слуга одговори:
Коледе!
«Леле, варай, царь Костадинъ!
Сеги свекій себѣ слуга —
Коледе!
Наведи се, загреби си»;
Онъ си беркна у бисаги
Коледе!
И извади златно тенче,
И загреба студна вода —
Коледе!
И посѣкна вѣрна слуга,
Одсѣче му десна рака
Коледе!
Десна рака и глава-та.
И преминалъ царь Костадинъ
Коледе!
Преминалъ е деветъ села
И безъ рака и безъ глава.
Коледе!
У десето малки моми
И сѣднах́а, та шіех́а;
Коледе!
Една мома казала:
«Та станете, мили дружки!
Коледе!
Да видите, какво х́аро
Какво х́аро по друми
Коледе!
И безъ рака, и безъ глава»;
И станах́а вѣрны дружки,
И видѣх́а царь Костадинъ.
Коледе!
И тогива падналъ царь Костадинъ;
Тамо е неговъ трупо.
Коледе, Коледе!

№ 20.

Соф. окр. (поле), село Челопечино; 1 февр. 1880 г. записано со словъ крестьянина Бунила Тодорова.

(Царь Стефанъ строитъ церкви).

Станинине господине!
Царь ми Стефанъ церкви гради;
Заградилъ е на Дюрдевъ день,
Доградилъ е на Великъ день.
Не стигнало му малу — многу
Суво злато за алтарь,
Безцанъ камикъ за престолъ;

Па се чуди царь ми Стефанъ,
Па се чуди, што да чини?
Што да чини, какъ доправи?
Стефаница одговара:
«Слава Богу, царь ны Стефанъ!
Се те уче и това́ ли?
Я си влезни въ танка шайтя[1]),
Та си нишни низъ бѣлъ Дунавъ,
Та премини оданаде,
Оданаде градъ Солуна,
Та улови дру́га вѣра,
Друга вѣра Евреина,
У́вержи го, у́кови го,
Удари му вечь на макъ,
Онъ ште каже, што ти трѣбе».
Послуша ю царь Стефанъ,
Та си верзна въ танка шайтя,
Та си нишна низъ бѣлъ Дунавъ,
Та премина оданаде,
Оданаде градъ Солуна,
Та улови друга вѣра,
Друга вѣра Ереина;
Уве́за го, уко́ва го,
Удари му вечь на макъ;
Евреинъ се милно моли:
«Слава Богу, царь Стефанъ!
Я погледни доле — горе,
Доле — горе на дно море,
Ка́ играе мрена рыба,
Мрена рыба съ безцанъ камикъ:
Я си ферли танка мрѣжа,
Та си фаны мрена́ рыба —

[1]) Лодка.

Мрена́ рыба яко требе:
На Никулъ день за дулгере[1]),
За дулгере на курбанъ, —
Безцанъ камикъ за престолъ.

№ 21.

(Загорье) Берков. окр., близъ Бѣлградчикскаго округа, село Котеновци; 16 февр. 1880 г. записано со словъ Стояна Мурги.

(Царь съ золотыми волосами).

(колядская).

Собрали́се три кралёве,
И се моли́ли на едынъ човѣкъ:
«Имашь момче-златна коса,
Ты пушти намъ го — царь да намъ баде,
И пушти го — миръ да чини».
— «Имамъ, имамъ, багме имамъ,
А я младо аджамія —
Не умѣе ни кральство да варди,
Не умѣе войско да си стега».
— «Ты го пушти саде, —
Мы имаме три кралёве;
Еденъ ште му войска реди,
Еденъ ште му стеги стега,
Еденъ ште му на стулъ сѣды
На стулъ сѣды, да му реди».
— И пуштилъ го — царь станало.

---

[1]) Мастеръ.

№ 22.

(Загорье) Берков. окр., с. Гушанци; 13 февр. 1880 г.

(Зачатіе дитяти, у котораго въ одной рукѣ письмо, въ другой три золотыхъ яблока; на груди мѣсяцъ и на рамени солнце).

Ималъ Миланъ млада Петкана —
Одъ деветъ годинъ се узелъ;
Узели се одъ деветъ годинъ,
И рожба немали ни́какваа.
Даде имъ Господъ иманье и стока,
А рожба си нематъ.
Продумалъ Миланъ:
«Петкано, Петкано!
Ште оставимъ тебе,
Оставимъ млада удовица».
— «Болеглава ме загуби!
Да не стане млада удови́ца,
Да се смѣе сельски селяне».
Миланъ заврати аберъ,
Аберъ при Лило Касапинъ:
«Че има права ялова
Ялова деветъ годинь,
Одъ деветъ годинъ нестелна».
Па си Миланъ до деветъ фурни леба упече,
Деветъ бачви вино нато́чи,
Деветъ бачви ракія наточи,
Заколелъ тлъста пауна,
Зифетъ да чини Лило Касапинъ,
Да губи Лило млада Петкана.
Дойде́ Лило Касапинъ,
Дойде́ съ деведесе́ юнаци,
Съ деведесе́ гонаци и осемдесе джалаци.

Па си думалъ Миланъ на Лило Касапинъ:
«Додай се крава ялова!
Деца́ — то ра́бота иматъ;
Да зако́леме крава ялова!»
— «Чекай, Милане; да вечераме,
Па тогива че ко́лиме».
Вечераю са дружина:
Дотерчаа млады юнаци,
Та фанаа млада Петкана,
Млада Петкана диванъ да ги чини;
Млада Петкана диванъ ги чини:
Емъ ги служи чаша вино,
Емъ дробни сьлзи рони.
Додумали млады юнаци,
Та фанаа ю и заклали;
Заклали млада Петкана,
А у серцѣ́-то му нешто біе;
Продумалъ Миланъ:
«Распорете ми млада Петкана!»
Распоре млада Петкана,
И намѣри машко дете:
Ошь у майти баштинъ занаятъ научилъ;
Со-съ писмо у една рака-та,
Со-съ три златни ябълки у друга,
Да и ме́сецъ му у гърди-те,
Слънце-то му на́ рамо.
И се дете́ одъедныѓъ загинало.
Продума тогива Миланъ:
«Лило Касапине!
Додай ми влашко ножле́нце,
Да порѣжнемъ ябълка-те,
Чста се да одква́симъ».
Онъ не ште да рѣже ябълка,
Алъ удари себе у серце́,

И продума:
«Просто да ти е деветъ верви жьлтице,
Да закопашь троицине въ единъ гробъ».
Закопаа ги троица въ единъ гробъ.

—

Да не бѣше истина,
Не би пѣсма запѣлъ.

№ 23.

Г. Радомірь; 29 ноября 1879 г. записано со словъ Таски Петрунова.

(Конь Вирогонъ опережаетъ солнце).

Съ-ношти дойде́ Миялъ на сѣдентье;
Повали се при малки́-те моми́,
«Де-ка ималъ ко́ня Вирогона,
Што претича али́ и вѣтрове,
Што минуе това ясно слънце;
Ако мине Міялъ това ясно слънце,
Да му даде́ това ясно слънце,
Да му даде́ сестра Перусія;
А ако мине това ясно слънце,
Ако мине Мияла юнака,
Да му зе́ме коня Вирого́на».
И си сѣды Миялъ вреденъ юнакъ.
Слънце стана, вече, гулемъ руче́къ,
Миялъ сѣды́ у ладны меаны,
Та си піе това́ руйно ви́но
И си піе люти́ца ракія.
Дума дума слънчева-та майтя:
«Э, Мияле, э, вреденъ юначе!

Ка незнаешь, облокъ да си держишь?
Што се вашташь со-съ ясно-то слънце?
Слънце стана, вече, гулемъ ручéкъ,
Я ты піешь у ладны меаны,
Та си піешь товá руйно вúно,
И си піешь лютица ракія!»
Миялъ стана, та коня изведе,
И си тури нога у зенгія,
Дуръ да тури, Богме, и оная,
И достигнá това ясно слънце,
И го стигнá, и го замина:
«Добра стиджа, мое ясно слънце!»
— «Далъ Богъ добро, Мияле юначе!
Кадé си коня уберзúло?
Чекай мене, заедно да идемо».
Я Миялъ му дума продумуе:
«Чуеть мене, мое ясно слънце!
Я че ойдемъ на твои пладништа,
Че да ойдемъ, мало да си преспимъ;
Когá мúнешь, ты-зи да ме окнешь».
Заминало това ясно слънце,
Заминало, а го не окнáло.
Дума дума Мияловн коня:
«Э, Мияле, вреденъ юначе!
Што семъ тебе язе надельело,
Та ме давашь на ясно-то слънце».
И Мияле (лъ + е) тогай собудúло;
Па-й си янá коня Вирогóна,
И го яна, и го си пребутна,
И си стигнá товá ясно слънце,
Па-й го стигнá, па-й го замина.
Дума дума това ясно слънце:
«Э Мияле, э, вреденъ юначе!
Просто тебе да е, моя мила сестра!

Я очемъ тебе коня да ти зе́мемъ:
Я коня ты кого вредна било —
Достигне ме и ме, бре, зами́не.

№ 24.

Берков. окр., с. Котеновци; 16 февр. 1880 г. записано со словъ того же крестьянина.

(БОГОСЛОВКА).

Повалисе Милке майтя
Съ-ношка на кла́денецъ:
«Ко́ уземе моя Милка,
Да прокопа двѣ планины
Двѣ планины — двѣ рудины,
Да искати морска́ во́да,
Да извіе виты́ чешмы —
Онъ да земе моя Милка».
Раструдисе малко дунге́рче —
Прокопа́ двѣ планины — двѣ руднины,
Пуштило морска́ во́да
И довело една вода Милки майти,
Милки майти у дво́ры;
Изви́ло виты́ чешмы́ —
И потекли виты́ чешмы́ —
Виты чешмы — три шипорки.
Тогива викнало младо дунге́рче;
«Излезъ, излезъ, Милки майтя,
Да си видишь морска́ во́да,
Како́ тече́ изъ виты чешмы,
Изъ виты́ чешмы́ у твои́ дворы».
Излезнала Милки майтя,

Излезнала, та па-й погледнала, —
Потекла морска́ во́да три шипорки —
И казвала:
«Язе така́ не се́мъ ре́кла;
Кой наса́де по бѣлъ Дунавъ бѣ́ло лозье
И па побрежли́ньки жылти ду́ньки,
Онъ да земе моя Милка,
Моя Милка найубава».
Раструдисе малко дунгерче —
Па насади па бѣлъ Дунавъ бѣло лозье
И насади жылти ду́ньки,
Па си викналъ Милки майти:
«Излезъ, излезъ, Милки майтя́,
Да си видишь по бѣлъ Дунавъ бѣло лозье,
Да си видишь побрежлиньки жылти дуньки».
Излезнала Милки майтя,
Излезнала та па-й погледнала —
Та па-й рекла:
«Я така не семъ рекла;
Кой устрѣли грѣйно слънце,
Онъ да земе моя Милка,
Моя Милка найубава».
И рече тоги́ва младо дунге́рче:
«Излезъ, излезъ Милки майтя —
Я да стрѣлямъ грѣйно слънце,
Я да стрѣлямъ, ты да гле́дашь».
Не устрѣля грѣйно слънце,
Та устрѣля Милки майтя;
Та си умре Милки майтя,
Онъ си узе Милка найубава.

№ 25.

(Заг.) Берков. окр., с. Котеновци; 16 февр. 1880 г. записана со словъ Стояна Мурги.

БОГОСЛОВКА (благословеніе) ВЪ Р. ХР. НА «ПОВѢСМА».

Колко тука влакно
На́-преко, на́-длъго,
Толко му далъ Господъ
На купништа кунупишта:
Били тенки, ка́-то игла́,
Били высоки, ка́-то ела́,
Били гысты, ка́-то магла́,
Моми́ ги работыли,
Момче ги носили;
Покумство́ и побра́тимство
По сълнце и по вѣтеръ ги носили,
Носили, та ги кинали;
Ты си со-съ ни фали́лъ,
А кои носили, се фалили со-съ рызи-те.

№ 26.

Берков. окр., с. Котеновци; 16 февр. 1880 г. записана со словъ того же лица.

БОГОСЛОВКА НА ЗЕРНО.

Какво-то е зерниче,
Што-то ни дари нашъ побратимъ?
Ако буде злато,
Злато му се ляло и ковало
По синове и дащерки;
Ако буде сребро,
Сребро му се ляло и ковало
И прекъ краи прелявало;
Около Ивановы-те дни,
Што е околъ воденицы скова́ло —
Колко се зернца премѣтни
Презъ това ситно сито,
Толко му далъ Господъ
На големиниви купни,
На мали ниви кладни —
Ка́-то жеравина презъ лѣбъ
преревало.

№ 27.

Соф. поле, с. Кремиковци; 2 февр. 1880 г. записана со словъ Стефана Милчёва Крачуна.

(Св. Іоаннъ Креститель пьетъ вино; ему прислуживаютъ свв. Пятница и Недѣля).

Светый Іованъ винó піе,
Вино піе одъ неделя до неделя,
Одъ мѣсеца до мѣсеца;
Слуга му е света Петка и Неделя.
Никой не я не сегледа,
Сегледа я светы Іованъ —
Съ вино чаша не долива,
Со-съ сьлзи и прелива.
Светы Іованъ одговори:
«Што ти се е нажалило?
Съ вино чаша не долúвашь,
Со сьлзи и преливашь?
Одговáра света Петка:
«Слава Богу, за светого Іована!
Че не надпихме за светого Арандела
И за братъ му Михаила».
— «Тая ли са грыжа грыжешь?
Язе имамъ три пивници
Три пивници добрó винó
И четверта, башь, ракія.

№ 28.

Г. Радомірь; 29 ноября 1879 г. записана со словъ крестьянина Таски Петрунова.

(Св. Недѣля устроила пиръ).

Слуга служи пресвета Неделя,
И си кани ора и грáдове,
И си кани до-деветъ краины,
И поканú до-деветъ кралици,
И поканú до-деветъ крáлёве,
Не покани пресветы Никола;
Дума дума пресвета Недéля:
«Што ни е грозна трьпеза?
Де нема старца светы Никóла?
Скоро-то бржете, ангеле!
Точéте златна здрáвица,
Канéте светы Никола!»

Ангеле послушаа пресвета Неделя:
Точили златна здра́вица,
Канили светы Никола:
«Пошло си е светы Никола,
Пошло со златна здравица,
На света Неделя на́ гостье!»
Отишелъ светы Нико́ла;
И света Неделя него́ срѣтна́ла:
«Бѣше ми грозна тьрпеза
Безъ светы старца Никола».

№ 29.

Тренскій окр., с. Бабица; 25 ноября 1879 г. записана со словъ 10-тилѣтней дѣвченки Христины Стоянчиной.

(Св. Іоаннъ Креститель затворяетъ небо).

Одъ-како́ се земля размѣри́ло,
Одъ-тага се срамы загубили:
Синъ си башту за башту не знае,
Черка майтю за майтю не знае,
Сна зелву за зълву не знае.
Проговори светы Іованъ Креститель:
«Дай ми, Боже, ключе одъ небеса́,
Да закло́пимъ това́ ясно небо —
Деветъ годинъ слънце да не грѣе,
Деветъ годинъ роса́ да не ро́си,
Да се пу́кне зе́мля деветъ педы,
Да упадне краль Миланъ Будимски,
Да упа́дне до а́лови поясъ —
Сълга народъ, на нишанъ біяше;
Нему душа на муку испадне».
Далъ му Господъ ключе одъ небеса,
Та закло́пи това ясно небо:
Деветъ годинъ роса не росила,
Деветъ годинъ слънце не грѣяло,

Та се пуче земя деветъ педы,
Та упаде краль Миланъ Будимски —
Сълга народъ, на нишанъ біяше;
Тамо душа на муку испаде.

ПѢСНИ НА ДНИ ДРУГИХЪ ПРАЗДНИКОВЪ.

№ 30.

Кюстенд.-Бан. окр., с. Жилинци; 5 дек. 1879 г. записано со словъ дѣвицы Анны Карадановой.

(ВЪ СУББОТУ ЛАЗАРЕВУ).

Летея, ми, Лазаре, летея
Деветъ реда галаби,
Десето жераби;
Пойдоа-ойдоа крали́чины дво́реве,
На кралица говоратъ:
«Эй, крали́це, крали́це!
Кутеи бисеръ сѣяше,
На галабье ферляше»·
Оговори имъ крали́ца:
Э, вие-ка галаби!
Зобете, ми, зобете;
У пролѣтъ ми дойдете:
Имамъ сина да женимъ,
Имамъ штерка Мара да давамъ».

№ 31.

Село Скрино, Дуnнич. округа; 18 дек. 1879 г. записано со словъ Ангела Рыбаря.

(НА ПАСХУ — ВЕЛИКЪ ДЕНЬ).

Нено, хубави Нено!
Пратила му абаръ тета:
«Дойди Нено на Великъ-день,
Наше-то сѣло големо;

Дойди, Нено́, на́ гостье,
Големъ се соборъ соби́ра —
Отъ три села е соборо,
Загледа моми ху̑бави».
И Нено крена да иде;
Майтя му премѣна да́ваше,
И градомъ сълзи роняше;
Снаи му колачи мѣсѣха̑
И оны сълзи рониха̑;
Башта му пари да́ваше
И онъ сълзи ро́няше;
Братья му ко́ня справляха̑
И оны сълзи роняха̑.
И майтя му говореше:
«Сѣди, сине, не иды,
Хубавъ ми си, сине!
Че паднешь тамъ одъ уро́ци»
Не слуша́ — ойде Нено.
Одвела го тета на оро́-то;
Кметове вино піятъ,
И забора вино да піятъ,
У Нено погледнаха̑;
Кметици-те ду̑ма ду̑маха̑
И дума-та забориа,
И оны̑ у Нено́-то погледнаха̑;
Момчета-та камень ферляха̑,
И оны̑ ка́микъ забориха̑;
Моми пѣсень поѣха̑,
Пѣсень-та забориха̑,
И оны-те погледнаха̑
Погледнаха̑ у Нено-те.
И си-те уроци фанаа Нено:
Умре Нено одъ уроци.

№ 32.

Кюстенд.-Бан. окр., с. Жилинци; 5 дек. 1879 г. записано со словъ дѣвицы Анны Карадановой.

(ПРИ НАСТУПЛЕНІИ ВЕСНЫ).

Гороле, гора зелена!
Водоле, вода студена!
Не ми е гора зелена,
Не ми е во́да студе́на,
Туку е мома румена;
Шетала поле Дреново,
Видѣла момче́ убаво,
Па на башта си говори:
«Тателе, мили татице!
Я шетахъ поле Дреново,
Я видоху̑ момче убаво;
Давай ме тате, за него:
Сама че д'идемъ по него».
Башта му вели-говори:
«Штерко румено, румено:
Я те недавамъ за него».
— Кърши́ла врата по него.

№ 33.

Г. Радомiръ; 1 декабря 1879 г. записано со словъ Таски Моавiйскаго.

(тоже).

Зуравче-вѣнче, цвѣте меришливче!
Берáли те момѝ и невѣсты!
Я здравче му дума продумýе:
Не ме бера моми и невѣсты —
Корень ми е подъ Соканоенъ-камикъ;
Ка ми дóйде пролѣтъ на Дюрдёвъ денъ,
Тогай си се язе развѝвамъ:
Умеришемъ горица зелена,
И кой мине, и се ми одкиҙе,
То ме тура оно у пазуке,
И ме нóси оно у пазýке,
Да си вiе тiя виты вѣнци.

№ 34.

Соф. поле, с. Кремиковци; 2 февр. 1880 г. записано со словъ Стефана Милчёва Крачуна.

(на юрьевъ день).

Рано рани светы Дёрде,
Да, ми, иде, да обиде
Да обиде синурето,
Синурето по полето;
Веселъ ойде, скербенъ дойдé;
Никой него не сеглeда.
Посрѣшнá го Божья майтя,
Па му тио одговора:
«Слава Богу, светы Дёрде!
Веселъ ойдешь, скербенъ дойдёшь!
Какво ти синурето
Синурето по полето?»
— «Слава Богу, Божья мале!
Нали пiташь, да ти кажемъ:
Есенина церна угарь,

Пролѣтнина не никнала».
Божья майтя одговара:
«Слава Богу, светъ Дёргіе!
Тая ли се грыжа грыжешь?
Да ми доде денъ Спасовъ-денъ,
Даште Господъ ситна роса;
Па да идешь, да оби́дешь.
Дошелъ денъ Спасовъ-денъ.
Та е ранилъ светъ Дёргіе,
Та отшелъ да обиде,
Да обиде синурето,
Синурето по поле-то;
Подковалъ е добрá коня,
Та я отшелъ, да я обишéлъ,
Обишелъ синорето по поле-то;
Скорбенъ ойде, веселъ дойдé.
Посрѣшна го Божья майтя,
Посрѣшна го, попита го:
«Слава Богу, светъ Дёргіе!
Какво ти е синорето,
Синорето по поле-то?»
Нали питашь, Божья майтя,
Нали питашь, да ти, кажемъ:
«Есенина — конъ потá(не),
Пролѣтнина до зенгіи».

№ 35.

Село Невѣстино, Кюстендильскаго округа, близъ Кадіина моста; записано 8 дек. 1879 г. со словъ Стоицы Лазарева.

(тоже).

Светыи Гёрги коня яхнá.
Когá яхнá, веселъ яхнá;
Та си пойдé по полé-то,
Да обиде орачé-то,
Орачé-то, овчарьé-то,
Овчарьé-то, конярьé-то.
Когá ойде светый Гёрги,
Когá ойде, веселъ ойдé.
Орачьé-то сѣдатъ-плачатъ,
Овчарьé-то сѣдатъ-плачатъ,
Конярьé-то сѣдатъ плачатъ;
Светый Гёрги веселъ ойде,
Оттудъ веселъ, оттамъ иленъ.
На срѣшта му стара майтя
Каже: светый Гёрги, мили сину!
Зашто толко веселъ ойде,
А сегá ми тóлко иленъ идешь?
И онъ скаже на майтя:
«Како да не самъ иленъ?
Орачьé-то сѣдатъ-плачатъ,
Овчарьé-то сѣдатъ-плачатъ,
Конярьé-то сѣдатъ-плачатъ:
Све-то поле погорéло».
— Каже:
«Светый Гёргю, мили сину!

И товá ли те майтя да учи?
Я си ойды на нова-та церква,
Та зáпали семдесе жълты свѣшты,
И се моли на милна-та Бога,
Да зароси тая ситна росá,
Та прерóси товá свéто поле;
Тога яни́, светый Гёргю, мили си́ну,
Тога яни коню дорушáна;
Та си ойдешь по полé-то,
Да обидешь орачьé-то».
— Кога ойдé светый Гёрги:
Орачьé-то оратъ-поятъ,
Овчарьé-то пасатъ-поятъ,
Конярьé-то пасатъ-поятъ.
— Светый Гёрги веселъ ойде.
На срѣшта му стара майтя
И скажуе на него:
«О ты тако иленъ ойде,
А сегá тако веселъ идешь?»
— Какó да не самъ веселъ?
Орачьé-то оратъ-поятъ,
Овчарьé-то пасатъ-поятъ,
Конярьé-то пасатъ-поятъ;
Овцы-те се изъегниле,
Кобиле се иждреби́ле—
Не се знае, мáмо,
Кое е гулемо, кое е малено,—
И мóе коне Дорушано
Не може да изгори трава дѣтелина.

№ 36.

Соф. окр., с. Опій-цвѣтъ; 6 февр. 1880 г. записана со словъ крестьянина Стояна Мильчова Лагарнина.

(тоже).

Светы Дёрджа коня́ ковé,
Па си коня́ лэпо оружало,
И си верли коню на рамена,
Да обиде сичко поле.
Оды Дёрги, оды и па види:
«Пролѣтнины не никнали,
Есеницы изгинали»,
И си дойде светы Дёрги
И си дойде иленъ, а отиде веселъ.
Стара майтя го питуе:
«Леле синко, светы Гёрги!
Веселъ си ойдé, а ухи́ленъ ми дойдé?
А онъ си и одговора:
«Леле майко, мила майка!

Како да не самъ уиленъ?
Пролѣтнины не никнали,
Есеницы изгинали».
Кога́ биде денъ Спасовъ-денъ,
Па си ойде светы Гёрги,
Да обиде сичко поле:
«Есеницы у вретенце,
Пролѣтнины класъ вързили.
И си дойде светы Дёрги,
И си дойде веселъ.
Стара майтя го питуе:
«Леле, синко, светы Дёрги!
Саде ты-си веселъ дошелъ?
Одговара светы Дёрги:
«Есеницы у вретенце,
Пролѣтнины класъ вързили—
Та за това семъ веселъ!»

№ 37.

Кюстенд.-Бан. окр., с. Жилинци; 5 дек. 1879 г. записана со словъ дѣвицы Анны Караданової.

(тоже).

Ой, мили светы Дёрдё!
Светы Дёрдё церкве мете,
Церкве мете, книга чати,
И си рони дробни сьлзи.
Согледа го стара майтя
И говори на светый Дёрдё:
«Зашто синко, церква метешь,
И си чатишь бѣла книга
Бѣла книга — церно писмо,
И си ро́нишь бѣлы сьлзи?»
Светый Дёрдё говорише:
«Малеле, мила майчице!
По лѣто берететъ нема»,
Майтя му вели-говори:
«Ой, мили светы Дёрдё!
И това ль да те учимъ,
Да те уче-да науче:
Ноштемъ роси ситна роса,
Денемъ грѣе ясно сълнце,
Туре поле на распара;
Па си чекай една недѣля,
Па си яны Врана поня,
Та си ойды у поле́-то,
Да си ви́дишь равно поле,
Да си видишь беритето».
Послуша си Дёрдё стара майтя:
Ношкемъ роси ситна роса,
Денемъ грѣе ясно сълнце,
Тури поле на распара».
Па си я́хна Врана коня,
Па си ойде́ у поле́-то,
Та си виде́ берите́то:

Пролѣтни-те никнали
Есени-те му класи́ли;
Раду́есе светы Дёрдё;
Настоясе на поле-то,
Па си дойде́ светы Дёрдё
Дойде́ при него́ва стара майтя,
Та на майтя си казуе:
«Малеле, мила майчице!
Есени-те ми класи́ле,
Пролѣтни-те ми никнале
Поле́-то ми е ве́село.

№ 38.

(Загорье) Берков. окр., с. Гушанци; 13 февр. 1880 г. записана со словъ Герасима Русинова.

(тоже).

Очудилсе Стояно
Очудилсе, че нема,
Че нема ваклошина да зако́ли,
Да зако́ли на Дюрдевъ денъ.
Дигналъ ми се заранъ-та,
Та ми преодылъ деведесе́ кошары,
Не можелъ да си намѣри ваклошина.
И си верналъ на-до́ми.
И майтя си него заклала,
И мила му черевца,
И надѣла го на раженъ;
Занела водица одъ черевца,
Та плиснала на прадиште-то.
И тамо е на Бога се свидело;
Та проникнали два ваклени ягенци.

№ 39.

Берков. окр., село Котеновци; 16 февр. 1880 г. записана со словъ Стояна Мурги.

(НА СПАСОВЪ-ДЕНЬ — ВОЗНЕСЕНІЕ).

Дошло е доберъ день
День Спасовъ-день.
Сбралисе чорбаджіи по меаны —
По меаны, по кафене-те,
И свекъ си канаше,
Кой де-ка нá гостье идé:
Едынъ у братъ нá гостье идé,
Едынъ у сестра нá гостье идé;
Едынъ човѣкъ немаше нигде никого,
Дé-ка нá гостье иде,
И си заверна, та жалба дожалѣ —
Нема, де-ка на гостье д'иде;
Па си отидé, да си пита,
Да си пита своя стара майтя:
«Малеле, Малеле, старо майтё!
Салъ мене ли родило?
Та не си ли родило
Ошь едны брато, или сестрица»?
—«Родило семъ, сине, родило
Родило семъ ти сестра,
Ама Турци занесоа твоя мила сестрица;
Я самъ чула, че войвóда воды;
Ама не дѣй д'идешь:
Да се уплаши отъ тебе —
Че си ты много юначенъ».
—«Ты ми мила майко кажи;
Я нышто нештéмъ напрáвимъ».

— «Да идешь, сине, у óня градъ,
Да идешь нá гостье на войвода,
На войвода — при сестра си».
И онъ си стега коня, да си иде,
И стéгне и отидé.
Задалъ се отъ широко поле —
Сестра му отъ пéнджеръ глéда
И си реди измитярки:
«Ела, да глéдате, кóя-та делія?
Да ли е наша войвóда,
Да ли е друга войвода?»
— «Не е наша войвода,
Но е друга делія,
Делія много юначна».
И долѣте онъ на порты
И рече:
«Отворете ми врата, сестро!»
Рече сестра:
«Затворете врата, мои слуги,
Ударете деветъ ключеве на порты»;
Онъ се помоли ошь еденъ путъ;
И па у́дари со-съ топузъ у врата
Та си строши тія врата:
У́лезна при сестрá си;
И сестра му го срѣшна,
Срѣшна го со-съ кюпава ракія,
И метанія му чини:
«Прости, брате, че ти грѣшила!»
— «Да ти е просто!»
Наредила сестра измитярки —
Та измѣшаа вино — ракія —
И го опоúла, и го у сенъ оборила.
Зáспа младъ юнакъ;
А го сестра верза наопако,

И го ферли у тевни тевници.
Ка́ дойде́ войво́да,
И виде́, че му е по́рты стро́шены,
Пита:
«Зашто ми е по́рты строшены?»
—«Дошелъ ми е брато ми,
Па че тебе да погу́би,
Мене да си воды;
Я го верзала наопако
И ферлила у тевни тевници:
Да изведешь го на срѣдъ дворы,
На срѣдъ дворы да посѣчешь».
И войвода извади го на срѣдъ дворы,
Па си тергна сабля да го сѣче;
По́моли се му младъ юнакъ:
«Не мой мене сѣчи у тесны-те дворы,
Но изве́ды мене на широко поле,
Да ти дворы не окервавимъ —
Зашто много семъ юначенъ,
Мно́го ке́рви и́мамъ».
Изведе го на широко поле,
Па си тергна сабля, да го сѣче;
По́моли се нему младъ юнакъ:
«Поведи ме оште подалекъ,
По́далекъ отъ твои-те дворы».
Поведе по́далекъ одъ дворы,
И си тергна сабля да го сѣче;
—«Че ти са молимъ нешто:
Да отвержешь ми отъ сабля
Самъ маличекъ перстъ».
Послушало луда войвода,
И си о́тверза му самъ маличекъ перстъ.
И тогива узе онъ отъ маличекъ перстъ,
Отъ маличекъ перстъ сабля,

Та посѣче́ войвода;
Пай отиде́ при сестра́ си на дворы.
Рекла негова-та сестра:
Излезте, та излезте измитярки,
Да видите, каква е делія иде —
Млого е юначно, па сердито;
Да ли е верла измама?
Или е наша войвода?»
И въеднага онъ долѣте —
Та си бутна-о́творе порты;
И срѣшнаа го и му се преклониа:
«Просты́ ме, брате, много прегрѣшия!»
— «Че ти простымъ!
Измѣша катранъ у ведри́ца,
Па узе катранъ, та я облі,
И запали я одъ глава-та до доле,
Да си нему свѣти;
Па-й нареди робини-те,
Да му правя ракія —
Да му служа го́стье,
А сестра му свѣти свѣтія.

№ 40.

Соф. поле, с. Кремиковци; 2 февр. 1880 г. записана со словъ Стефана Мильчева Крачуна.

(НА ТРОИЦУ — ДУХОВЪ ДЕНЬ).

Кирле ресле — Господи помилуй!
Света Тройца слезни оз-горе,
Та си влезни въ село,
Та искарай кмете, кметице!

Куни да носимъ, Бога да молимъ:
«Я дай ми Боже ситна росица—
Пó горѣ руйно, пó полѣ ситно,
Трѣва да расте, паунъ да пасе,
Паунъ да пасе, перья да рони,
Перья да рони, моми да бератъ,
Моми да бератъ, китки да віятъ,
Китки да віятъ, момци да зиматъ.

№ 41.

Г. Радоміръ; 29 ноября 1879 г. записана со словъ крестьянина **Таски Петрунова**.

(Объ Авраамѣ и Исаакѣ).

Слуга служи Аврамъ гостолюбевъ.
И е собралъ педесé дружйна:
«Яжьте, пійте, братья и дружина!
Да ми даде Гóсподъ óдно мушко дете!
Очемъ него на Бога курбанъ да давамъ».
Породисе това мало дете
И рекло на майтя-на башта:
«Леле мале, леле моя стара башта!»
И се дошли два бърза а̊нгеле,
Два а̊нгеле — три Божй пóстоле.
Дума дума Аврамъ гостолюбенъ:
«Слушате ли ви два бърза а̊нгеле,
Два а̊нгеле — три Божй пóстоле!
Очемъ него курбанъ да си давамъ».
Та си дума Аврамъ гостолюбенъ,
Та си дума на дете Исакче:
«Я си ойды у суво — то лозье,
Та набери три огнёве дьрва,
И приготви три казана вода,

Я че дойдемъ, курбанъ да се колимъ».
И дете́ башта послушало:
Приготвило три огнёве дьрва,
Приготвило три казана вода;
И тогай се башта продумало,
Продумало на дете Исакче:
«Леле сине, леле мили сине!
Я што чемъ курбанъ да си давамъ?
Очемъ тебе на Бога курбанъ да се давамъ».
— А дете му дума продума́ло:
Чуешь мене, тате, Аврамъ гостолюбенъ!
Оты ты мене до́ма не каза́лъ?
Да се проста одъ моя майтя,
И одъ моя брайтя и дружина.
А башта му дума продума:
«Слушай мене, дете Исакче!
Язъ бѣ тебе на Бога курбанъ обрекло;
И кадъ ты се породи́,
И, ми, рече: «татко и пай мамко!»
Я въеднагъ курбанъ на Бога те обре́кло».
Послѣ това дете дума продумало:
«Я ми вержи раце и па-й нодзе,
Да не рипнемъ, да те не убіемъ».
И Аврамъ му верзало раце па-й и нодзе,
Па-й си мах̔на со сабля димиція,
Та си мах̔на на лѣва-та страна.
И тогай си дума продумаа,
Продумах̔а два Божи а̔нгели,
Два а̔нгели — три Божи́ постоле:
«Слушай мене, Аврамъ гостолюбенъ!
Я си мани на десна-та страна:
Што закачишь, то оно твое».
Закачиль е деветъ вакли овнове.
Това си е на Бога курбанъ!

№ 42.

Кюстенд.-Бан. окр., с. Жилинци; 3 дек. 1879 г. записана со словъ Стоймена Атанасова.

(Тоже).

Излезна Аврамъ, бре, богатый,
Излезна на равны друмове,
И повервея тія добры госты,
Повервея, на монастырь да одатъ.
Та говори Аврамъ, бре, богатый:
«Пійте, яште, мои добры госты,
Пійте, яште и на Бога се молете,
Да васъ Господъ молба че пріима:
Эве, стана деведесе година,
Како смо ми земали се
Со-съ стара баба Исака,
Одъ свое сердце чедо немаме;
Пакъ се молиме на Господа,
Да ны даде чедо одъ серце-то, —
И не сакамъ ногу да живѣе,
Да живѣе само три годины.
Колко одъ серца чедо да познавамъ,
Пакъ на Бога курбанъ че го давамъ.
И мина време, време три годины,
И даде Господъ чедо одъ серце-то;
И живѣало, таманъ, три годины.
И слезна Гаврилъ Божій рангелъ
На Аврама по тія разговора:
«Э, Авраме, Авраме, бре, богатый!
Што си на Бога, курбанъ обрекелъ,
Оты го, Авраме, недавашь?»
И проговори Аврамъ, бре, богатый:
«Э, Гавриле, Божій, бре, рангеле!
Я што семъ на Бога обрекелъ,

Я се назадъ неповраштамъ,
Амо сакамъ, на Господа да се помолимъ,
Да го арыжи Господъ оште до три годинъ —
Да стáне дете шесъ годины,
Да го дадемъ на големо училиште,
Да изучи кни́га вангеліе;
Тогава ше стане поголемъ курбанъ.
И аризá го Господъ оште три годинъ,
И станá детé-то шесъ годинъ.
Пакъ слезнá Гаврилъ Божій рангелъ:
Хайда, Авраме, Авраме богатый!
Штe да давашь на Господа курбано».
И зема Аврамъ, бре, богатый,
Зема сребрены ножеве,
Да закóле негово-то машко дете;
Тури́ го на десно колѣно
И фанá да остри сребрены ножеве;
Я дете му тія разговора:
«Авраме, Авраме, башто, бре богатый!
Дали чешь, Авраме, пѣтелъ да закóлешь,
Ели чешь на Господа курбанъ да колешь».
Но Аврамъ тога си фана,
Фана машко детé,
Да го коле курбанъ на Бога.
И продумá Гаврилъ Божій рангелъ:
«Стой Авраме, Авраме, бре, богатый!
Това на Бóга курбанъ неште да буде;
Само земи една прачка дренова,
Та удари на черна-та земня,
Че излезнатъ три черна овнове —
Они четъ на Бога големъ курбанъ да бидатъ».
Земá Аврамъ, бре, богатый,
Земá прачка дренова,
Та удари на черна-та земня —

Излезнали три черна овнове.
И тогай земá Аврамъ богатый,
Зема сребрены ножéве,
Закла три черны овнове:
Овнове курбанъ бидóа
И на Аврама дете остана.
И детé му славно, бре, биде —
Ученъ биде мъжь (sic)
И рани башта-та.

№ 43.

Село Невѣстино, Кюстендильскаго округа; записана 8 дек. 1879 г. со словъ крестьянина Стоицы Лазарева.

(О св. Іоаннѣ Рыльскомъ).

(СВЕТЫЙ ІОВАНЪ КОГА СЕ ПОКАЖА, ДА Е СВЕТЕЦЪ).

Бѣше то едно дѣте сироче.
Послѣ се уцанилъ еденъ човѣкъ,
Уцанилъ се еденъ говедарь;
Одкара говеда, да ги пасе,
Загуби́ крава со-съ теле;
Когá дойдé домоска,
Чорбаджія почна да го біе,
Да го біе за крава-та;
Товá бѣше карáло
Презъ една водá голема:
Соблечé дрея отъ негó,
Та тури на вода-та,
Да пройде презъ вода-та,
Да тражи крáва-та;

Ойде, найде́ кра́ва-та,
Па зема́ теле́-то,
Па тури дрея на вода,
Па пройде презъ вода со-съ теле.
Чорбаджія го пази.
Кога пройде́ презъ вода-та, дома дойде;
Чорбаджія донесе арижаго теле-то:
И теле-то бѣше шаре́но,
И теле-то бѣше машко;
Чува го три годинъ време.
И кога́ си пойде́ на три годинъ време,
И отиде на Скри́но,
Монастырь да прави на Скрино-то; [1]
Това Скринци сакаа, да го погубатъ.
Па той побѣгна́ со-съ волъ.
Гони́а го до Мердиште [2]
И ванаа го, земаа вола,
Та заклаха и него посѣкоа.
И това створисе орелъ Таликна [3].
Отта́мока ойде на Рыла,
Па тамока започне монастырь.
Сѣде́ орелъ три годинъ врѣме,
И тамо монастырь прави;
Оттамо го погнаа Рыльчане.

---

1) Село Скрино находится близь монастыря св. Димитрія, что у рѣки Струмы, между мѣстечкомъ Бобошевомъ и селомъ Скрино. По распространенному въ народѣ преданію, этотъ св. Іоаннъ Рыльскій постриженикъ Бобошевскаго монастыря. Въ с. Скрино до сего времени указываютъ пещеру, гдѣ обиталъ святой. Жители этого села говорятъ о св. Іоаннѣ, какъ своемъ, но опровергаютъ преданіе, будто ихъ предки преслѣдовали святаго; они, когда заводится рѣчь объ этомъ, обыкновенно замѣчаютъ: «кой знае, што е било?»

2) Село Мердиште находится въ Дупничскомъ округѣ, недалеко отъ Скрино.

3) Сказитель не понималъ этого слова; на мой вопросъ не могъ дать отвѣта.

Тога отиде у една пустылія,
Де е сега светый Іованъ.
И затекоа го тамъ ощь еднашь:
Одсѣкли му десница и однесли у Росія.

№ 44.

Село Жилинци, Кюстенд. окр.; 6 дек. 1879 г. записана со словъ Миты Славеевой.

(Св. Недѣля съ Архангеломъ Михаиломъ строятъ изъ св. дерева мостъ и входятъ въ рай).

(хороводная).

Заспала Света Недѣля.
Светы Рангелъ на скуты,
Светыя светцы буды,
Та и буди светая Недѣля:
«Стани ми, света Недѣля,
Да идеме света Гора,
Да снемо свето дерво».
Станала света Недѣля;
Та ойдоа света Гора,
Одсѣкоа свето дерво,
Та превили у рай мостъ;
У рай мостъ има стевы,
Да минуатъ мертвы души.
Си душици заминали,
Три се души останале —
Они биле яко грѣшни,
Та у рай ги не пушта:
Една душа много грѣшна —
Дечице е керштевала,
Повои имъ не давала;
Друга душа ёшь погрѣшна —
Чуждо прела, чуждо ткала,
Отъ чуждо-то остаяла
И нойна-то притурала,
За това е ногу грѣшна,
Та у рай я не пушта;
Третя душа ёшь погрѣшна —
На мома покудила,
Монастырье растурила, —
За това е ногу грѣшна,
Та у рай я не пушта.

№ 45.

Кюстенд.-Бан. окр., с. Жилинци; 5 дек. 1879 г. записана со словъ дѣвицы Анны Караданової.

(«Прошетна се Огняна Марія»).

(хороводная).

Прошетна́се Огняна Марія,
Прошетнасе изъ Легенско поле;
На срѣшта ю братъ света Илія,
И по него братъ светы Гёргіе:
«Добра срѣшта, пресвета Маріе!»
— «Далъ Богъ добро́, братъ, светы Иліе».
— «Каде ч' идешь Огняна Марія?»
Проговори Огняна Марія:
«Э, ты-зе-ка, братъ, светы Иліе!
Че си идемъ при милного Бога,
Да ми даде́ клю́чи и ката́нци,
Да заклю́чимъ небо и па земня —
Деветъ годинъ капка до́жда нема,
Да си пукнетъ земня деветъ латы,
Да пропадне конё со-съ юнакъ,
Да пропадне рало со-съ воло́ве:
Синъ си башта за башта незнае,
Но го знае — момо́къ да му биде, —
Штерка майтя за майтя не знае,
Но знае момкина да биде,—
Братъ си сестра́ за сестра́ незнае,
Но е знае — любне да му биде».
Отиде́ си Огняна Марія,
Отиде́ си при милного Бога.
Далъ и Господъ ключи и катанци;
Заклюйла небо и па земня:
Деветъ годинъ капка дождъ немало,

Пукнала се земня деветъ латы,
Пропаднало рало со-съ волове,
Пропаднало юнакъ со-съ врана коня.

№ 46.

Г. Радоміръ; 1 дек. 1879 г. записана со словъ Таски Моавійскаго.

(Св. Ангелы возвращаютъ душу умершему единственному у матери сыну).

Развйласе чума Руселія,
Развиласе, на два нова града:
На денъ біе двѣсте и дваесе,
На ношь біе триста и тріесе,
Па-й не се е на градъ запознáло;
Ка удари́ едéнъ синъ у майтя,
И тогай се на градъ запознало:
А майтя му плаче и говóри:
«Леле, сине, леле мили сине!»
Когá са си дете однели,
Та са го погребли,
И па-й майтя му плаче и говóри:
«Леле сине, леле мили сине!
Мека ли е земняна постеля,
Мека ли е камена зглавница,
Мека ли е земпяна завивка?»
Прати Господъ два берза ангела
Два ангела, три Божи постола:
«Я слезнéте доле на земня́-та,
Аку да е одъ милосъ, скоро-бърже
Скоро душа да вадите,
Аку да е одъ жалба, скоро-бърже
Скоро душа да дáвате!»
Слезнали са два бърза ангела,

Слезнали са три Божи пóстоли;
И вишли се, де-ка е одъ жалба,
И они са въеднакъ душа дали́ —
И си станá еденъ синъ у майтя,
И продумá на негова майтя:
«Леле мале, леле моя стара мале!
Зашто мале, ты-зи толко плачешь?»
Какó дете на майтя продума,
И онá се съ душа раставила.

№ 47.

Врачанскій окр., с. Дупни-верхъ (Турлаки), въ Старой-Планинѣ; 12 февр. 1880 г. записана со словъ Петканы Дулиной.

(Чума «Дергина»).

Загради Господъ монастырь —
Ни ти на небо, ни ти на земи —
Между двѣ-те планине,
Между темни облаци —
Одъ лудье ги заградилъ;
Па нема Господъ монастырь да догради:
Кламбале да се натуратъ,
Стары-те лудье — подвале,
Маниньки децá — прагове,
Млады ергенье — колове,
Млады девойки — преплите;
Запраты Господъ запраты
До деветъ чума да моратъ,
Десета чума Дергина:
Одыла са, што одыла,
Морила са, што морила;
Си-те са чуми ойдóа:
Гóсподъ тофтерé прегледва;
Си-то тефтере реситены —
Те си чума Дергина.
Господъ си чума садеше:
«Чумо Дергино, Дергино!
Тебе ли вика зла болѣсъ?
Ты не си била зла болѣсъ;
Кадé те праты, не идé,
Што те наредихъ — не сверши».
Господъ си чума садаше,
А она му са мóляше:
«Божеле немилостивенъ!
Што ты си Боже не смилостишь?
Терные ми дреи сдраа,
Кремици нодзе срѣзаа;
Не мога, Боже, дá влеза,

Да влеза у Стоянове дворове,
Че има тамо кучка на синджиръ,
Кучка со-съ дванáесе кýчета,
Кучета са ботничета».
Господъ си чума учаше:
«Чумо Дергино, Дергино!
Сторисе мечка стервница,
Та му при стадо отиды,
Та му то стадо порини,
Ега се псета одмами,
Тогай да се е влезнешь,
Да влезнешь у Стояновы дворове
Со-съ метла да ги изметешь,
Керезъ те да ги искарашь».
И чума се назадъ пóверна:
Сторише се мечка стервница,
Та при стадо Стояново отидé,
И му то стадо порина,
И онъ си псета одмами:
Тогай чума улезнá,
У Стояновы дворы улéзна.
Стоянъ па снаи прóдума:
«Я дарýвайте циганка,
Па да си излази».
Прóдума му дума чума Дергина:
«Я несамъ церна цíганка,
Я самъ чума Дергина;
Самъ-си ме Господъ дóпрати,
Со-съ метла да вы изметне,
Керезъ те да вы закарамъ»;
А Стоянъ се моли:
«Чумице, мила сестрице!
Млады да ми оставишь,
Борчове да ми извадышь».
Туку си товá издума,
Детенце писна у люльтя;
Та ги со-съ метла измела,
Та ги керезъ те искáра.

№ 48.

(Загорье). Берков. окр., с. Боровци; 13 февраля 1880 г. записана со словъ Тодора N.

(Хожденіе мертвеца по бѣлому свѣту).

Чувала мала — мача[1]), гледала
Доръ деветъ сйна рóдьены
На гурка[2]) и на махалко[3]);
И така ги учувáла;
Станáли мáжи работны.

---

[1]) Мать.
[2]) Прялка.
[3]) Колесо въ прядильной ручной машинѣ.

Лазарь майти говори:
«Малеле, мома, родьена!
Назе чува мома́ учува́,
Стана́ле маже работны;
Напълни, мома́, деветъ баклеци,
Узимай деветъ гривна чифтета
И деветъ китки низаны,
На деветъ се́ла мома́ да идешь,
Деветъ мо́ми да го́дишь,
Та назе да си оженишь».
Майка Лезаря дочу́ла,
На деветъ села отиде́,
Деветы-ты моми довела
Деветъ синове у жены.
Дойде́ ми чума безредна,
Умори деветъ синове,
Умори деветъ жени;
Останали деветъ люльчета
И една стара баба неяка.
Деветъ-ти баба люльки люля́ла,
И люто Лазаря, кълнеше:
«Сине Лазаре, Лазаре!
Господъ ти душу не прибра!
Низъ гла́ва трѣва изни́кне,
Косты ти земня изфе́рли!
Я си дащерка не давамъ
На това́ село Меново;
А ти я сине че да́де:
Нема во́да кой ми донесе́
И лѣбъ да ми умесе́,
И о́гинь да ми накладе́».
Плакала, та па кукала.
Я Богъ са жалба дожалилъ,
И Лазаря подплатилъ[1]),
И, ми, Лазарь изъ гроба́ излезналъ,
Да иде село Меново,
Сестра Іована да си доведе́,
Та майтя да си послу́ша.
Отиде́ Лазарь село Меново:
Край село оро играя;
Сестра Іована братко заглела
Хоро, ми, прекина,
И братко Лазаря фана́ла́:
«Браткуле, братку, Лазаре!
Деветъ годинъ, ка' ме да́дохъ ты,
Мене не сте ми дошли́;
Зашто, сеги́ че идешь?
Ели е мама умрела,
Ели е нѣкой милой снашици,
Или мили братя ро́дьены?»
— «Мло́гу ти здравье одъ ма́ма!
Дв идешь, мома́, со-съ мене:
Ма́ма си жени преу́нукъ;
Да дойдешь, мома, сестрица,
Да идеме со-съ тебе».
Сестра Іована и братко пошли
Настана́ли гора́ зеле́на;
Низъ гора́ сла́вія че пее:

[1]) Т. е. оплотилъ (воскресилъ).

«Де-къ се чуло, видело,
Живъ човѣкъ съ мертавъ да хо́ди!»
Дочула сестра Іована:
«Браткуле, братку Лазаре!
Яле, ми, славія ка' пее:
«Какъ се чуло, видело,
Живъ човѣкъ съ мертавъ да ходы».
Лазарь сестри си говори:
«Тайсе, сестра тайсе!
Ты имашь славій лажо́вны».
Вервели, што са ходыли,
Іована братку испитува:
«Браткуле, братко Лазаре!
Зашто ты, братку, душа смерды
Душа смерды на базе[1]),
Я ты парцелякъ на попарена мирише?»
Вервели, што са вервели—
Яла край село че дошли,
Яла си братко гово́ри:
Сестро-ле мома́ Іовано!
Я земи тоа патъ,
Да идешь, мома, дома;
Я ше останемъ гробишта,
Ранена коня да си напасе́мъ,
Па ше те, мома́, пристигнемъ».
Сестра му дома ошела́,
Лазарь се у гробиште отшло.
Ку'-ту ми до́ма ошела́,
Майка и плака и виче,
Сина Лазаря кълнеше:
«Сине-ле, сине Лазаре!
Господъ душа да ти не прибере!
Изъ глава трѣва изникне,
Косты-ты зе́мня исфе́рли!
Че я дащерка неда́вамъ
На това́ село Меново —
Меново село далечино
Не може да си дойде,
Та майтя да си послуша».
Іована на врата дошла́,
И на майтя гово́ри:
«Малеле, мома ро́дьена!
Отвори, мома! што плачешь?»
Майка и врата отворила.
Ку'-то у кышта увлезнала,
Жива се съ майка здравили—
Мертвы се пуштили.
Остана слано и благо
За тія верли душмане.

—

Това се тамо сторило
Та се у пѣсень турна́ло.
За ваше здравье — за наше,
За млого годинъ.

---

[1]) Особенная вонючая трава.

№ 49.

(Загорье) Берков. окр., с. Боровци; 13 февраля 1880 г. записано со словъ Тодора N.

(Вѣрованіе въ предсказанія календаря (оракула).

Рано, ми, рани младъ Тудоръ
У светá млáда нéделя.
Заметна кожувъ лисиченъ,
Узелъ, ми, тежекъ календарь,
Отважда церква шарена,
Та да се Богомъ помоли
У светá младая неделя.
Ку'-то, ми, отшелъ у церква,
Зяпалилъ дéветъ кандилé,
Та се Богомъ помóли:
«Божеле, мили Господи!
У календарь ми се пáдаше,
Че ште да гиня,
Да гиня одъ своя майтя родьена».
«Тудоръ надалеко ше бѣгне
У големъ градъ у Влашка,
Ага се годинъ поминатъ —
Деветъ годи́ны да сѣди,
Да сѣди у Влашка земня Богданска».
И такá Тудоръ побѣгнá
У Влашка земня Богданска;
Деветъ години посѣделъ,
Тежко иманье спечалилъ;
Агá си годинъ поми́натъ,
Тудору майка да умре,
Тудоръ дома да се враштa.
И така Тудоръ спечáлилъ,
Спечалилъ тежко иманье,
И се назáде повернáлъ.
Прику́пилъ Тудоръ овчаре,
Овчаре и говедаре,
Стока-та да му закаратъ
На село-то Борованъ [1]).
Деветъ години поминали
И десята му подбрала,
И такá Тудоръ кóня стегнáло,
Настанá Баштино росно ливадье.
Цено Тудуру говóри:
«Враштайсе, батё, назаде!
Това ти́ не е на добрó»
Тудуръ три паты коня припушты́,
Три паты калпакъ паднáло.
Настанали село Борованъ.
Край село-чешма шарена
Либе му Петкана стояше;
Тудуръ Петкана заглéдá,
Тудуръ си при нея дойде,
И, ми, Петкáна пи́таше:

[1]) Село въ Врачанскомъ округѣ.

«Либеле, либе Петкано!
Петкана, младо невѣсто!
Има ли това́ село конакъ,
Конакъ да лежимъ —
Сто гроша давамъ за оборъ [1])
Двѣ иляды давамъ, у васъ да спимъ».
Постой, почекай либе Тудоре,
До дома да се посве́рнемъ,
Да питамъ стара майка родьена —
Че ние сме двѣ жени́
Двѣ жени́ — довици».
И така шарены поди [2]) дигнала,
Ка-мъ-то, ми, до́ма те́чаше,
Стара свеке́рва питаше;
И си Петкана майка пи́таше:
«Малеле, мила родьена!
Терговче мало пи́таше,
У назе моли да дойде —
Сто гроша дае за оборъ,
Иляду дае, у насъ да си спи».
Петкани свекерва гово́ри:
«Иды терговче, мома, излажи —
Ага она-зе да дойде,
Тежко иманье да земеме».
И така она терговче викна́ла;
Тудуръ на свайга домъ отиде.
Яле се пили ношь-та.
И Петкана свеке́рви гово́ри:
«Малеле, мила родьена!
Яло, мале, терговче, ипило;
Оче мало да поспи;
Иды, ми, мама́, постели:
Шарены озглавницы натурай».
Она му озглавницы натурало
Озглавницы шарены;
Двама са Петкана и Тудоръ легнали,
Легнали, та се заспали.
Ношта́ се дигнала стара баба:
Узе́ла влашно ножленце,
Само при Тудоръ очела,
И така врата отво́рила
И Тудору гла́ва узе́ла.
Петкана се собу́дила —
Викна́ла, та заплака́ла:
«Малеле, мома, старице!
Какво́ се чудо сторило!
На́ли е, мамо, нашъ Тудоръ,
Де-ка у Влашка побѣгна́
У тая земня Богданска?
Деветъ годинъ го не мало,
Десета година че дойде́.
Мале, мома, родьена!
На ли е то нашъ Тудоръ?»
Свекерва Петкани говори:
«Дигнисе, мома, дигнисе!
Тудору да си спастриме [3]),

[1]) Сарай, малорус. обо́ра.
[2]) Исподница.

Тежко иманье ни остане;
Комшіи да ни не чуять,
Иманье да не уземать».
Тудору нопітась спастрили,
У бунище го турна́ли.
Остана́ тежко иманье
За тія верли душманье.

№ 50.

Кюстенд.-Бан. окр., село Жилинци; 5 дек. 1879 г. записана со словъ дѣвицы Анны Карадановой.

(Будетъ болгарскій царь изъ болгаръ [1]).

Бугаринъ че царь да биде —
Бугарска войска че бере.
Кой има сина че праты,
Кой сина, кой ми́ли брата;
Сиракъ Стояна нема сина,
Нема сина, ни брата:
Та си оды по дворове
И си рони дробни сузи,
И си тро́ши бѣли рацѣ;
Онъ си има деветъ штерки,
Десета-та Радули́нка;
Радулинка наймаленка,
Наймаленка, найубенька
Согледа го одъ високи те ча́рдаци,
Па на башта си гово́ри:
Аво тато, мили тато!
Зашто, тате, по дворъ шеташь,
По дворъ шеташь дробни сьлзи ронишь,
И си трошишь бѣли рацѣ»?
— А башта му говоряше:
«Радули́нко, мило штерко!
Та не чу ли — не разбра ли,
Съ ношти вечеръ на чешма-та
Каковъ си е ферманъ дошелъ,
Ферманъ дошелъ, аберъ донелъ:
«Бугаринъ че царь да биде —
Бугарска войска че берать»;
И язъ сирома ни мамъ сина,
Нимамъ сина, нимамъ брата,
Салъ си имамъ деветъ штерки,
Десета-то Радулинка,
Радулинка наймаленька,
Наймаленька, найу́бава».
Проговори Радулинка:
«Не бой, ми, се, мили тате!
О́тиди си на Новъ-Пазаръ на панагиръ,
Та ми купи машко руо и оруже,
И ми купи остра сабля,
Остра сабля — посѣкліе,

---

[1]) Пѣснь эта поется на хороводахъ.

И ми купи тенка пушка,
Тенка пушка нишанлія,
И ми купи Врана коня,
Врана коня — игралія,
И ми купи буйно копье,
И ми купи шаренъ калпакъ;
Подсѣчи ми руса коса,
Остави ми руси перчикъ';
Я че идемъ силне войске
Со чи́чины сынове —
Напредъ предъ войске че одымъ
И зеленъ байракъ че нóсимъ».
Тамъ седѣла деветъ годинъ.
Кога́ дошло́ «Лазарица»,
Улезна́ло у яéро при коньé-то,
Улезнало — запояло «Лазарица».
Дочула е цари́ца — та,
И говори:
«Тако м' Бога, честитъ царь!
Имашь мома́ у войске-те».
Я царо не вѣруе.
Па сидѣла ошь три годинъ време.
Де сидѣла дружина,
Се трава-та весела,
Де седѣла Радулинка,
Тамъ трава-та повенала:
Радулинка у уста вода носи́ла,
Та трава-та насипала,
Та и тамъ трава весела била.

№ 51.

Село Жилинци, Кюст. окр.; 6 дек. 1879 г. записана со словъ Стойны Стояновой Чекеренды.

(Бѣгство влюбленныхъ [1]).

Извикна́ла е Янинка:
«Бре варай Боже! до Бога
Одъ таа кашта богата,
Одъ тія люде джелéпи:
Весъ день перемъ и мѣсимъ,
Са ноштъ свила преприда́мъ
Золви за танки да́рове;
Да имамъ негдѣ нѣкого,
Бре, ако би не бѣгало».
Дочуе Петрé тергóвецъ:
«Айде, Янинко да бѣгамо!»
А Янинка му говóраше:
«Чекай, Петре, до година,
До година на Великъ-день, —
Свекорь, свекрова на церква,
До двѣ ми золви на óро,
До два девера на каменъ,

[1]) Пѣснь эта поется на хороводахъ.

Младо войно на прошетъ;
Докарай кони, кочіи,
Дотовари имъ иманье».
Чека́лъ Петре до година,
До година на Великъ-день;
Докаралъ кони, кочія,
Натоварилъ имъ иманье:
Една кочія тонки да́рове,
Друга кочія Яни́нка. —
И се бѣгало на друга каштa.

№ 52.

Кюстенд.-Бан. окр., с. Жилинци; 5 дек. 1879 г. записана со словъ дѣвицы Анны Карадановой.

(Жестокость гайдука [1]).

Билъ Богданъ, билъ арамлія
До седемъ — осемъ годины арамлія.
Войвода му говори:
«А Богдане, Богдане!
По тая гора зелена —
Богъ да не кара —
Колко си годинъ айдукъ билъ?»
Богданъ му вели-говори:
«Войводо, мори, войводо!
Деветъ семъ годинъ айдукъ билъ,
Деветъ семъ керви учинилъ,
Десето дете́ Стояно,
Живью го на раженъ пекохъ:
Накара башта да верти́,
Накара сестры да поятъ,
Накара братя да свиратъ,
Накара сна́и да поятъ,
Накара майтя да яде;
Башта му верти и плаче,
Майтя му яде и плаче,
Братя му свиратъ и плачатъ,
Сестры му игратъ и плачатъ,
Снаи му поятъ и плачатъ.
Дете одъ раженъ гово́ри:
«Тателе, мили татице!
Потерни, мили тате, огино,
Изгорѣятъ церни очи,
Я ми додай студна вода,
Да растопа клето серце.

---

[1]) Пѣснь эта поется на хороводахъ.

№ 53.

(Заг.) г. Берковица; 13 февр. 1880 г. записана со словъ вожатаго медвѣдя.

(ПОДЪ ПЛЯСКУ МЕДВѢДЯ).

Димитра малка мома!
Да ми дойдешь ютре нá вечеръ:
Да ми носишь руса коса,
Руса коса до пояса;
Премѣнисе, накитисе,
А верже се гердадже-то
Гердадженче су маниста.
Ште ти земемъ китка цвѣтя,
Китка цвѣтя одъ глава,
Китка цвѣтя ралебуша.

ПѢСНИ ИЗЪ СЕМЕЙНАГО БЫТА.

№ 54.

Село Струга (въ Македоніи); 2 дек. 1879 г. записана со словъ г. Лазаря Хаджіева.

(Раннее развитіе половыхъ стремленій).

Жены ме, майко, жены ме!
Дури су мало-мaлено
(повторяется стихъ)
Дури е жито ефтино, (bis)
Дури е вино ефтино,
Килныца вретя сто пары,
Ведрица [1]) вино золота [2]).
— «Не женамъ, синко, не женамъ,
Уште си мало-мáлено
О(д) дванаесе годины,
Одъ тринаесе пролéти»;
— «Ако ме, майко, не женышь,
Младъ харамія ке бидамъ
Со двaесъ и петъ дружина,
Кой нема майка, ни татко,
Кой носи кервава кошула»;
— «Ако идешь харамія,
Луто ке, ми, те прóкьлнамъ:
Тамо да, ми, се рáзболишь,
Да нема, кой да ти дойде до тебе;
Ты да си ýмрешь на-сáмо,
Гаврaнй-те да те закопаятъ.

[1]) Сосудъ въ 12 окъ.
[2]) 30-ть паръ.

№ 55.

Г. Радомiръ; 1 дек 1879 г. записана со словъ Таски Моавискаго.

(Споръ двухъ братьевъ изъ-за дѣвушки и выборъ послѣднею младшаго).

Два се брата за мамá караятъ;
Пóмладiё на старiё вели:
«Немой, брате, да се некáраме,
Свѣтъ со-съ насъ да се несмѣе;
Ты ýдари гóра бершлянова,
А я че удримъ гóра чешмирóва;
Кой претечé на мóмины дворы,
Онъ че земе текмена девойтя».
Пóстарiё удрú гора бершлянова,
Пóмладiё удрú гора чемширова,
И два-та се на дворъ достигная.
Излезнáла токмена девойтя—
Што че она дарба да даруе?
Пóстарiё свилена кошуля,
Пóмладiё дуня стогодкина;
Не се чуда свилена кошуля
Алъ се чуда дуня стогодкина;
Де-ка си е дуня лѣтувала?
А де-ка си е дуня зимувала?
Лѣтувала момины дарове,
Зимувала мóмины пазуки.
И па-й се братья за мома карая;
И тога имъ мома продумуе:
«Кому дáдо свилена кошуля,
Онъ да биде мóи стари деверъ,
Кому дáдо дуня стогодкина,
Очемъ него за любе да ми е.

№ 56.

Трен. округа, с. Бабица; 22 ноября 1879 г. записана со словъ Стоянчи Божилова.

(Дѣвушку беретъ въ жену юнакъ, принесшій изъ-за Дуная яблоко «мерджанку»).

Собрали́ се шеесе́тъ юна́ци,
Собрали се на ладне меане,
Та си пили то́ва руйно вино;
Слуга имъ е Руселенъ девойтя;
Ре́дома е чашу дава́ла—
Сви юна́ци чашу приванали.
Проговóри Дюра Скенделія:
«Бога тебе, моме Руселено!
Како можешь, слуга да ми бу́дешь,
Дали можешь, да ми любе будешь»?
Оговóри Руселенъ девойтя:
«Кой се може юнакъ наванаты,
Да преплива презъ бѣ́ли Дунавье,
Тому-ва чемъ люба да си бу́демъ:
Тамо има мерджанка ябука,
Да донесе́ одъ ябука ниша́нъ».
Навара се Дюра Скенделія,
Да преплива презъ бѣ́ли Дунавье,
Да донесе́ ябука мерджа́нка,
Да си узме мому Дюрь-Елену:
Постегнале [1]) конче-то троегóдче,
Постегнале [1]) до деветъ коланы,
Те препливалъ бѣ́ли Дунавье,
И дóне́лъ я́бука мерджанка,
Та узелъ мома́ Дюрь-Елена.

---

[1]) Т. е. постегналъ+е.

№ 57.

Г. Пиротъ (въ Сербск. Княжествѣ); записана 5 ноября 1879 г.

(Невѣста зоветъ своего милаго).

Дуни, ми, дуни ладя́не,
Дойди, ми, дойди Драга́не,
Иль та́е вечеръ, иль друга
У моя́ бащá зеленá,
Куде́ везе́ Милка да́рове;
Да видишь Милки да́рове;
Вържи си коня за ружу:
Конь ру́жу да мери́ше,
А онъ у́ серцу да узди́ше
За свое́-то драго на́йболе.

№ 58.

Соф. округъ, с. Кремиковци; 2 февр. 1880 г. записана со словъ крестьянина Степана Крачуна.

(Невѣста цѣлуетъ руки свадебнымъ гостямъ).

(СВАДЕБНАЯ).

Огрея дзвѣзда деница
Низъ тая чесна тарпеза;
Не ми е било дзвѣзда деница,
Но ми е млада невѣста:
Редома рака целива
На кума и на старойтя:
Кумове аризватъ,
Аризватъ пара грошеве,
А девере керстаты полаци [1]).

№ 59.

Охридскій окр.; 2 дек. 1879 г. записана со словъ г. Лазаря Хаджіева.

(Злобное отношеніе матери жениха къ невѣстѣ).

По патъ растелъ трендафилъ,
Растелъ червенъ трендафилъ,
По патъ цвѣтилъ, на патъ падялъ;
Тукъ поминуватъ Янкови сватови:

---

[1]) Тур. слово-платокъ.

Си-те сватоџе трендафилъ брале;
А небере Янко младо момче,
Но онъ ходи близу при девойка,—
Янко думатъ на млада невѣста:
«Ой Меріе, моя сужденице!
Ты си ми сега девета девойка;
Си-ти ми ги отрула стара майка;
Ке дойдеме до бѣли дворови,
Предъ дворови коло ке играе,
Коло води стара-та ми майка,
И у коло мили-те ми сестры;
Отъ хоро-то майка ке се пусты,
Ке си влезе во бѣли дворови,
Ке си земе отъ злато машица,
Ке си фаны змія присойница,
И ке земе бáрданъ отъ булюра
У чаша та зехеръ не нацеди,
Ке пóмѣша вода и шекеръ,
Ке ти дава шербетъ да си піешь;
Не се лажи, мило мое серце;
Па ты земи, подай си на деверо-тъ».
Ми дойдова до бѣли двóрови,
Се фанаха коло да и́граятъ:
Коло вóди Янкова-та майка;
Си дóнесе шербетъ на невѣста-та:
«Земи, Маро, моя снахо мила!
Напи, ми́, се шекеренъ шербетъ».
Мара зеде[1]), на деверо-тъ си даде,
Па го непи—жалосна му майка!
Како га испи, на земля си падна—
Наймаліо-тъ синъ билъ деверъ.

---

[1]) Sic.

№ 60.

Тренскій окр., с. Бабица; 24 ноября 1879 г. записана со словъ крестьянина Юрія N.

(тоже).

Иванъ сака Петкану девойтю,
Иванъ сака, майтя му недава:
«Не мой, синко, Петкану да зе́мешь —
Петкана си е многа больняива
Больняива и па айнаджія:
Зимѣ(е) глава, лѣтѣ половина».
Иванъ си майтю неслуша́лъ,
Та земало Петкану девойтю.
Ка' е било ско́ро по вѣнчанье,
И ню е скоро глава заболѣла;
А майтя́ му по ті́я огово́ри:
«Кой ты дума, синко, Петкану да не земашь?»
Па е отишла Иванова майтя,
Отишла на нови пазаръ,
Да тражи то вьрле маджіе;
Опази ю Иванъ до́баръ юнакъ,
Па-й си говори на Петкану любе:
«Те, си иде тая наша стара майтя
И носи той вьрле маджіе;
Када биде вечеръ на лаганье,
Ты да легнешь на мое постельте,
А я легнемъ на твое постельте;
Ега́ би се тоя вьрле маджіе растуриле,
Станалъ се Иванъ Змія — Осовница;
Ка' си биде рано одъ зарана
Я си стана́ Змія́ — Осовница,
Да запрегнешь той бѣли скутеве,
Да ме туришь у бѣле скутеве,

Да ме носишь презъ росне ливадье,
Да ме туришь у ка́мено громадье;
Ты си млада не чешь да отсѣдишь;
Ка' биде, да се тебе воде,
Да дойдешь, да ме туришь
Да ме туришь у бѣле скуто́ве,
Да ме туришь у мое дува́рове».

Дальше сказатель не могъ въ порядкѣ все досказать, но въ заключеніе сказалъ:

Станало е Петкана Змія́-Осовница,
Та испила на негову стару майтю очи,

И говори:

«Мале! да одышь по равни дворо́ве —
Емъ да одышь, тёрева да одышь».
Мои си дворы запустѣли.

№ 61.

Г. Дупница; 11 дек. 1879 г. записана со словъ Стефана Станоева.

(ТОЖЕ).

Сѣдна́лъ е Стефанъ сиромахъ
Вечера да си вече́ра
Со-съ булка си Еле́нка
И съ двѣ-те мышки ражби́цы;
Яли са, вечера́ли,
Я вино́ имъ се сверши́ло;
Стана́ла булна-та Еленка
Въ дольни земници да иде
Вино да си нато́чи,
И се на прага запре́ла,
Да шлуша майка свекырва,
Што ште да дума за неа.
Майка Стефану ду́маше:
«Синку, Стефане, Стефане!
Я одсудимъ булка-та,
Че ми се вече не срамья:
И вечеръ хо́ды по дукяне,
Та со-съ терзіи играе».
Влезна́ла бу́лка-та Еле́нка;
Стефанъ Еленки думаше:
«Еленко первнолюбне!
Я и́звади ми вѣнчална премѣна,
Ютре ште идемъ на че́рква
Премѣни Петра и Па́вла;

Одúха и дойдоха.
Стефано Еленки думаше:
«Еленко перволюбне!
Чулъ самъ азъ дýма за тéбе,
Че се на майка несрамяшь;
Я ѝзвади, ми, сабля френгія
Руса и главица одсѣче;
Олавица таи ёште скачаше
И со-съ языкъ думаше:
«Стефано, перволюбне!
Што ти на срѣшта путъ преминáхъ,
Што ти лоше продумáхъ?
Та послушá майка ти —
Тая ми е големъ душманъ».
Стефану жалбу дожалѣ,
И се прободе клéто серце,
И на майка си дýмаше:
«Сѣды ми майка самѝчка,
Сѣды ми, ёште лескувай».

№ 62.

Городъ Пиротъ (5 ноября 1879 г.).

Девóйче цвѣтье брало.
Куд га брало,
Там заспáло:
У горице
Подъ елѝце
Подъ елý
Зеленý;
Бѣлó лице прекрѝло
Са алево кавраче.
— Ýпази га младо момчé
Момчé изъ нова сада,
Та говóри на девойче:
«Дигсе, дигсе девойчице!
Шта си се оспало?
Ясно сълнце изгреяло,
Оче да пригори;
Алевъ кавравъ побелѣлъ,
Побѣлелъ отъ люте росе.
И китка цвѣтя повенýла,
Што си набрала».
— «Нека вене, нека сене,
Другчо че бере».
— И момчé-то се оженѝло,
Што си избрáла.
— «Нек се жени, нек се доми,
Просто да му е:
Ý мен(е) му златан пърстенъ,
Што че се мени;
(Каже) Кадъ буде у церквице
У церкви насредъ вѣнчаня,
Громъ да громе и тресъ да тресне
Да тресне изъ ведро небо
И ни да убѝе.

№ 63.

Городъ Пиротъ (5 ноября 1879 г.).

(Девойче стои́ на порте, а момче́ шета по сока́къ).

Момче́ девойки гово́ри:
«Кажи́ ми, лудо, и пока́жи,
Куде има гора́ зелена́-та,
Де идем да се обѣсим;
У друштво личенъ да несем,
И на свето́ да не доса́джа»?
— Каже девойка:
«И то́ва ли да нау́чем?
Обѣси се, луде, у моя-та бащá
У башá зеленá,
На тія бели трендари».
— Момче́ девойки говори:
Кажѝ, покажѝ, ми, лудо,
Куде има земля́ ровита,
Да се тамо закопамъ»?
— Каже девойка:
И товá ли да научем?
Зако́пайсе, лудо, у моя-та бащá
У бащá зеленá,
У тыя бечки карафиль.
— Момче́ девойки говори:
«Кажи́, покажи́ девойче,
Куде има вода големá?
Идем да се удавим».
— Удависе, лудо, удависе
У моя-та бащá, у бунаръ.

№ 64.

Село Нова-Мала (Пирот. округъ); 7 ноября 1879 г. записана со словъ Софіи Кирины.

(Интимная связь дѣвушки съ холостякомъ).

Прошетавсе младъ бетяръ
Прошетавсе у серай — Бѣлградъ.
Угледа га Елена отъ високе чардака:
«И ела! дойди ерделъ младъ
И донеси кавале, мало да посвиримо!»
Проговори ерделъ младъ:
Не смѣмъ, не смѣмъ, Елено,
Ту е Іерко́въ краль,
Па се дойде на вечеръ
Па-й донесе кавала».

Су[1]) ночь ѣше и пише
И предъ зоре заспаше.
—Причукали[2]) Іерковъ краль
Причукалъ на негове капие:
«Ела, отвори Елена!»
— «Почекъ почекъ, Іеркокъ краль»!
— Па се дойде Іéрковъ краль,
Па говори І̆ерковъ краль:
«Елена, Елена! мѣсила ли таина,
«Да си дойдемъ на войску»?
— «Не семъ мѣсила, не готвила».
— Проговори Іерковъ краль:
«Што си косе мьрсене»?
Приговори Елена:
«Дошла сестра-та,
Та довéла децá-тá,—
Да се съ мене играше,
Да на то косе мьрсене».
— Изговара Іерковъ краль:
«Ей, Елено, Елено!
Іа, ми, додай ключéве,
Да отворимъ сандáци (2 раза),
Да узмемъ дукáци,
Да си купимъ тайну»
— Изговара Елена:
«Тако м' Бога, Іерковъ краль,
Си-ночь да де-си стрáтилъ,
Да се играше са децá-та
Ключеве изгубѝше».
Излéтесе Іерковъ краль,
Та, ти рáзби сандаци:
У сандаци младъ бетяръ.

---

[1]) Т. е. всу.

[2]) Sic.

№ 65.

Трент. окр., с. Божица, на границѣ Вран. окр.; 4 марта 1880 г. записана со словъ Павла Лазарева.

(Разспросы сестры у брата, любящаго поповскую дочь).

Пролія, ми, ято голубато
Па, ми, паде лозье на дутяне.
Лазарь рѣже крыла паунова,
Порѣза се на рука десницá
На рука десница.
Па го пита сестра Елица:
«Брале Лазо! боли ли те рука?»
— «Селе Еле? не боли ме рука
Не боли ме рука;
Но ме боли серце за девойка
Серце за девойка».
Па га пита сестра Елица:
«Брале Лазо, коя девойка тешь,
Коя девойна тешь?»
—«Селе Еле! найближня комшійка
Найближня комшійка
Поповá е чѐрка»
— «Брале Лазо! шій мордоламо
Шій мордоламо;
Турай дугме до дугмеета,
(*повторяется стихъ*)
Да не пройде ни златнá ябу́ка,
А камо ли ту́дя рука».

№ 66.

Соф. окр., село Сливница; 6 февр. 1880 г. записана со словъ крестьянина Тита Николова Адамова.

(Кумъ и староста убиваютъ жениха).

(ЗА СВАДЕБНОЙ ТРАПЕЗОЙ).

Зажени ми се младъ Младенъ:
Далеко момá затекми
У Влашка града голема;
Чинило законъ, што било,
Та па се назáдъ пòверна;
Та позва триста сватове,
Триста сватове и дванаесе дѐвере,
Новога кума и старойтю.
И си пойдоха свáтове.
Минаше поле широко
И насташе гора зелѐна;

Тамо ги мракъ преотелъ,
Та са легнали и заспали.
И додума кумъкъ и старойтя:
Погубиха млада Младена;
Турише Бранка деверче,
Турише младъ младоженя,
И отидоше у Влашка града голема.
Недѣля свадба правиха,
И нече имъ момá излезне;
Брайтя Тодори думая:
«Сестро Тодоро, Тодоро!
Кагá улезнешь тарпеза,
Не дидзай глава высокó,
Не турай вѣнци пó-горѣ
И не разгледай тарнеза;
Не мой срамъ посрамишь,
Не мой укоръ изнесешь;
Ние сме людье чуены».
И Тодора тарпеза улезе:
И диже глава высокó,
И тури вѣнци пó-горѣ,
По сва тарпеза пóгледа —
Нема си Младенъ, та нема го.
И си пойдоше отуде;
Пре свая гора гледала,
Гледала млада Тодора,
Де-ка че види млада Младена?
Та я видѣла млада Младена
Утáя горá зелéна видѣла:
Башкá[1]) съ главá трупина,
Лежи на тенка риза-кошуля,
На чисъ червенъ подкапникъ.
Па си ойдóше на дворы;
И майтя ги срѣтнала,
Предала куму и старойтю
Товá вино червено
И на девойтя превѣсъ подига —
Та ли е млогу хубава?
А девойтя ю казуе:
«Хубава, мамо, та яко хубава,
Амо семъ млада удóвна».
Недѣля свадба правише:
Се си я майтя питуе,
И се ю момá казуе;
А па майтя вѣра не лови.
Кагá си бидé нáйпослѣ,
И майтя вѣра фанала:
«А кудé е си Младенъ прилика?
Кой ти е младъ младоженя?»
— «А Бранко е, мамо, дéверче!
Оно е младъ младоженя».
— «Э, кудé е Младенъ прилика?»
— «Мале! Младенъ е млады загинáлъ,
Загиналъ у тая гора зелена,
При товá дерво керстато,
На тонка рыза-кошуля,
На чишъ[2]) червенъ подкапникъ».

---

[1]) Отдѣльно. [2]) Sic.

Тагай е деветъ сестры цвилба тергнáли,
Десета майтя нáйвече;
А цвилба се дóчу небесѝ;
И говóри Господъ:
«Ангеле мои рáтае!
Слезнете долѣ, на земи!
Што ми е цвилба дочуе».
И са ангеле слезнáли;
Та са нá земи видѣли,
Та па си при Бога отоше;
Та па ги Господъ питуе:
Ангели мои ратае!
Што си видохте нá земи?»
А онѝ тагай говóра:
«Божеле, мили Божице!
Младенъ си е младъ заженилъ,
Далеко затекмилъ момá
У Влашка града големи,
И си се назáдъ пóверна
Со-съ триста сватове и дванаесе девере;
И минаха поле ширóко,
Настая гóра зелéна,
И тамо ги е мракъ преотелъ,
Та си легнали-заспали;
И додума кумъ и старойтя,
Та погубиха Младена,
Туриха Бранка деверче,
Туриха младъ младоженя;
Кагá отоше у Влашка,
Нéдѣля свадба правѝше —
Не че имъ мома излезне;
Брайтя Тодори дýмая:
«Сестро-ле Тодоро, Тодоро!
Кагá улезнешь тарпезе,
Не дигай глава высокó,
Не турай вѣнци пó-горѣ,
Не мой да гледашь тарпезе,
Не мой ни срамъ посрамишь,
Не мой укоръ изнесешь;
Ние смо людье чуены».
И се верная свáтове
Презъ тая гóра зелена,
Тамо е видѣла,
Видѣла млада Тодора,
Де-ка е Младенъ загиналъ:
У тая гóра зелена,
При товá дерво керстато,
Керстато и столовато[1]).
Па си ойдóше на дворы;
Майтя ги срѣтнала,
Предала вино-ракія,
На девойтя превѣсъ подигла,
Да види, да гледа,
Да ли е млогу хубава?
А девойтя ю казуе:
«Хубава, мале, хубава!
Хубава, мале, та млого,
Ама семъ млáда удовна».

[1]) Развѣсистый.

Тутъ сказитель нѣсколько опустилъ, сравнительно съ изложеніемъ въ первой части этой пѣсни.

— «О ти си, синку (sic) удовна?»
— «Младенъ е млады погиналъ,
Погиналъ у тáя гора зелена».
Тагай се деветъ сестры́ цвилба тергнали,
Десéта майтя нáйвече.
Цвилба си дóчу до тебе»
— «Фала вама, мои ангеле!
Узнете сабья ерджава
И той маздракъ желѣзенъ,
Слезнете долѣ нá земи,
Ставéте глава трупи́на,
Та па му душа съодайте;
И дайте му сабья éрджава.
И тоя маздракъ желѣзенъ,
Та да оти́де на свадба.
Што нáйде, се да посѣчé,
Да сѣчé и да убодé.

№ 67.

Г. Радоміръ; 2 дек. 1879 г. записана со словъ Таски Моавискаго.

(Разлука новобрачныхъ вскорѣ послѣ вѣнчанья).

(СВАДЕБНАЯ).

Войници́ се пишатъ
На войска да идатъ.
Горо-ломъ зелéна,
Ты вóдо студéна,
Ты стара пладнино!
Кой си нема коня,
Коня че му дадéмъ.
Горо-ломъ зелéна,
Ты водо студена,
Ты стара пладнино!
Кой си нема пушка,
Пушка те му дадéмъ.
Горо-ломъ зелена,
Ты водо студена,
Ты стара пладнино!
Кой си нема сабля,
Сабля че му дадемъ.
Горо-ломъ зелена,
Ты водо студена,
Ты стара пладнино!
Собралисе се млады войници
Си-те млады, си-те неженены,
И си-те, мале, коня играяха;
Я едно войниче коня не игрáе,
Ни коня играе, ни ми пѣсень поé;

Окна си го, мале, срьбски князь Стевана:
«Зашто ты-зи ни коня играешь,
Ни ми пѣсень поёшь?»
Продума малко войниче:
«Слушай мене сербски краль Стéване!
Я играемъ и ногу обичамъ;
Мене ми е писмо достигнáло,
Достигнало одъ моя-та дома,
Де-ка били ногу на грыжове»
Продумá си сербски краль Стеване:
«Ты разыграй коня патонóга!»
И разыгрá коня́ патонóга,
Разыгрá го низъ поле широко.
Продумá си сербски краль Стеване,
Продумá си на младо войниче:
«Ты разыгрá твоя́ добра коня
Разыгра го низъ поле широко»!
И войникъ му дума продумуе:
«Слушай мене, сербски краль Стеване!
Я не бѣгамъ одъ царска-та служба
И не бѣгамъ одъ нашіё народъ —
Ногу сакамъ и ногу обичамъ;
Богъ да біе мои-те комшійте!
Они са си верли, бре, душманти:
То пратия това бѣло книже
У книже-то товá церно писмо,
Не го знаемъ, де е одъ комшіи,
Я го знаемъ одъ моя-та дома;
Научѝсе де-ка не е одъ моя-та дома,
Салъ одъ верли комшіи
Одъ комшіи, одъ верли душмане:
Очемъ сега коня да игра́емъ,
Очемъ тебе пѣсень да попóемъ,
Очемъ д'идемъ на равно Косово

Да пропъдимъ Турска силна войска,
Да погубимъ цара, бре, Мурата,
Да со-съ Божій заповѣдъ
Ослободимъ наша мила вѣра,
Мила вѣра, мила православна».
Богъ да біе Турци клеты псета!....
Да живеа наши мили брати,
Дека стана царство православно!

№ 68.

Село Скрино, Дупн. окр.; 17 дек. 1879 г. записана со словъ Ангела Рыбаря.

(тоже)

Стояне, море, Стояне!
Стояну кни́га дофтасала:
Премладъ на́ войсте че иде;
Оставя млада невѣста,
Армосана, невѣнчана.
И она го пра́шаше:
Стояне, любне, Стояне!
Кадъ-то чешь, любне, да идешь?
Ногу ли чешь да се забавишь?
Дали два дни, дали три дни?
— «Ни два, ни три дни,
Алъ деветъ годинъ царски измитяръ».
Па си легна, та си заспа.,
Чукнала на порты дружина:
«Стояне, море, Стояне, станувай!
Ай станувай, да хо̑дыме!»
И онъ ошелъ, она го неусѣти́ла:
Кога́ се разбудила, ега́ ли го не́ма;
Станала́ на дворъ излезна́ла,
Викна́ла та заплакала:
«Стояне, море, Стояне!
Даль ойде у гора́
Еленъ да утепашь,
Или ойде́ у поле-то,
Рыба да уловишь».
Земала двѣ стовни шарены,
Та ойде на́ вода-на Дунаева,
На Ду̑нава говбреше:
«Дунаве, тія водице!

Одка(д) са петли пояли,
Колко вгемія минало?
— Триста вгеміи минаа,
Надъ-предъ Стоянъ и́деше
И со-съ пи̇̀санъ кафалъ свираше
И за тебе жаляше.

№ 69.

Джумалійскій окр., с. Селиште; 10 дек. 1879 г. записана въ г. Дупницѣ со словъ Николы Іованова.

(тоже).

Углави́ се Павле́ у неделя,
До неделя-та свадба че буде.
Поканилъ си отъ три града гостье:
И си кани́ кумо́ и старейко;
На свадба му дойдоа три Татара
Три Татара — три чадара,
На Павле́-те велятъ-говоратъ:
«Айде, Павле, цару, ми, ти те́ра,
Да ты идешь на силна война»;
А Павле си вели — гово́ри:
«Постойте малко, почекайте,
Да испратамъ до три млады де́веры»;
А они́ му велятъ — говоратъ:
«Не те оставамо ни денъ до пладнина,
А то не да испратишь три де́вера».
Та стануа Павле́, да иде,
Да иде на силна война:
Башта му азна броише,
Братъ му коня кове и сѣдла,
Я майтя му дреи избӣраше,
Любне му ки́тка уви́ваше
Увиваше и му нарачаше:
«Да гледашь, Павле, да гледашь,

Кой ти китка повене,
Я те се у́глава».
Па ойде Павле́ на силна война —
Деветъ годины сѣде Павле
Сѣде на силна война —
Се му китка била весела;
Когá десета година-та би́ла,
Китка му повенала-сехнала, —
Павле́ си уилилъ, угрыжилъ;
Доглеладa го царица Марія,
Та на Павле-те вели-говóри:
«Што си се, Павле, уилило
Уилило, угрыжило?»
Я Павле и вели-говори:
«Когá крену́ на силна война,
Башта ми азна брояше,
Братъ ми коня ковалъ и сѣдлалъ,
Майтя ми дреи збираше,
Любне ми китка уви́ваше
Уви́ваше и нарачаше:
«Да гледашь, Павле, да гледашь —
Когá ти китка повене,
Я те се углава;
Ка' се титка усехне,
Я те се ожéне»;
Те сегá деветъ годины —
Титка ми бидé се весела,
Са'ми титка повена-посехна́».
— «Проклетъ да си, Павле!
Што не ми си ты кажалъ?
Я улезни, Павле, у яхере,
Та извади коня шестокры́ла,
Та си яни низъ поле широко,
Егá би нешта затéкалъ».

Та си влезна́ Пивле у яхеры,
Та извади коня шестокрыла,
Та яхна́ низъ поле широко;
На срѣшта му стара майтя,
Де-ка бѣли това́ платно́ у неделя;
Павле на майтя си вели-говори:
«Помози Богъ, стара бабо!
Зашто бѣлишь това бѣло платно,
Зашто бѣлишь у света неделя?
Да ли го бѣлишь, да бѣлѣе,
Или го бѣлишь, да цернѣе»?
— «Имахъ сина, како тебе;
Ойде́ онъ на силна война,
Любне остави подъ бѣла прекрова;
Са'му се любне жени:
Одъ мака семъ дошла да бѣля»;
Па си яхна Павле коня на нагоре,
Та си найде стара башта,
Де-ка крои лозье́ у неделя:
«Помози Богъ, стары дедо!
Зашто кроишь лози у неделя?
Да ли кроишь, да роды,
Или кроишь, да исахне»?
— «Не го кроимъ, да родитъ,
Но го кроимъ, да исахне:
Имахъ сима, ка'-то тебе;
Отиде онъ на силна война,
Любне остави подъ бѣла прекровка;
Са'му се любне жени,
Та одъ мака самъ се бѣгалъ, —
Та го кроамъ, да исахне»,
— «Да ли те я затеча до́ма»?
— «Карай кона поберже, те затечешь».
И Павле́ си бутна кона,

Та си ойде дóма:
Сватове на търпезе сѣдеа;
До кумъ му мѣсто чиня.
Павлé вели-говори:
«Не самъ дошелъ, да сѣдамъ;
А извадéте млада невѣста,
Да ми целива рака».
И изведóа млада невѣста,
Та му целнáла рáка;
Павлé даде и перстенъ мѣновникъ:
Тога она на сватове вели-говори:
«Айдете со здравье, китени сватове!
На мéне дойде Павле добаръ юнакъ.

№ 70.

Берков. окр., с. Аджиска Маала; 12 февр. 1880 г. записана со бловъ Найдена Андрова.

(тоже.)

Яла и Стоянъ заженилъ.
Доде му свадба стояше,
Ситенъ му ферманъ дофтаса:
Да иде Стоянъ, да иде,
Да дигне вълна бѣгличка»;
Излезналъ младъ Стоянъ,
Та на кметове се мóли
На кметове и попове:
Ко'-то писахте кола
Кола петъ стотинъ,
Да дигатъ вълна бѣгличка,
Оти писахте и мéне,
Ко'-то самъ свадба правилъ?»

Они му тогива казували:
«Тебе сме писа́ли
Че ти са би́воле я́ки,
И ти са кола новы,
И ти са жегли [1]) желѣзны,
Да ште ты, Стояне, карване [2]) да водишь».
И Стоянъ си тергналъ, та пошéлъ.
И ко'-то пошелъ Стоянъ,
Миналъ покрай гóденица:
И она на вертни́ко [3]) стояла
И у́ рака торба держала,
И у една ра́ка китка держала,
И му казала:
«Доде-ка е китка вéсела,
И ты да ме знаешь,
Че самъ тебе чекала;
Одкадъ китка стане нехела,
Да знаешь, Стояне, да знаешь,
Че самъ се годи́ла, Стояне!»
И Стоянъ отшелъ.
Деветъ годинъ стана́ло,
Доде вълна теслимилъ
Теслимилилъ на кралица-та.
Свекоа заранъ китка бѣше вéсела;
Коги́ една́ заранъ, китка померкнала;
Невеселъ craналъ младъ Стоянъ.
И кралица го викнала:
Оти, Стояне, ка́то заранъ веселъ,
А тая заранъ не ми е веселъ?»
И Стоянъ е казалъ: Оти невеселъ?
Не самъ веселъ, че има, царице,

---

[1]) Дышло.
[2]) Скоро.
[3]) Воротца.

Че има презъ врата двѣ ябълки,
Двѣ ябълки петровки;
Ката година раждатъ
Раждатъ една златна ябълка,
И тая година родили;
Ко'-то родили, дошли айдуци,
Та украднали ябълки».
— Сетило се царица. —
«Товá не са айдуци дошли,
Но ми са любовница жены».
Рекла тогива царица,
Рекла на нойны рыджале: [1])
«Изведéте кóня ранена,
Ранена, крылата;
Да иде Стоянъ, да иде
Да иде на негóви дóмове;
Че оде мене прошка има
Да иде на негóви дóмове».
И пошелъ Стоянъ, пошелъ:
Доде у зенгіа постапи на конь,
Настаналъ баштино лозье;
Башта му лозье копа у нéделя;
Рекелъ младъ Стоянъ:
«Помогай Богъ, копачко!
Оти кóпашь лозье у нéделя?
Да ли го кóпашь, да ражда,
Или го кóпашь, да сахне?»
— «Я го не кóпамъ да ражда,
На го копамъ да сане,
Одъ мой синове маки».
Заминалъ него, заминалъ,
Отшелъ на баштины домове, —

[1]) Слуги.

И сестрá му таче платно;
— «Да што го тачешь у нéделя?
Да ли тачешь, да нóсишь,
Или го тачешь са покровъ?»
— «Не го тачемъ да носимъ,
На го тачемъ за покровъ
Одъ братови па маки».
И одвéрналъ се Стоянъ;
Она му одказува:
«Че има единъ братецъ Стоянъ,
И него бѣгликъзакараа,
И негова либе женисе;
Та одъ мака голема тачéмъ».
И тогива си Стоянъ отшелъ на свадба.
И ко’-то отшелъ на свадба-та,
Го викнали тогúва унетра,
Викнали го слáдка тарпéза;
На сладка тарпеза пресѣдналъ;
И невѣста вино предава:
И ко’-то предала нему вино,
И онъ си далъ рака да цалýва —
И ко’-то цалýва рака,
Она си познае перстенё;
Тогúва невѣста млада
Отпушти чаша отъ своя рака
И пригерна млада Стояна:
«О Стояне, Стояне!
До сеги ли се сети за мене?»
И послѣ Стоянъ голема веселба дигнáлъ.

№ 71.

Стар. Планина, Соф. окр., с. Зимевицъ (Турлаки); 12 февр. 1880 г. записана въ селѣ Аджійска Маала со словъ Невены Цвѣтковой.

(тоже).

Билá е Дола джелепка,
Джелепка млада безъ детка;
У гора коренье преяла,
Дунавъ е вода препила,
Доде е Стоянъ добила.
Крышома го чувало,
А тама го и женила,
До Турци да се не чуе,
Младъ войни́къ да го некáра,
Младъ войнинъ, млада войвода;
Нéделя свадба правила;
Туку се свадба растури,
У село фéрманъ достаса,
Да иде Стоянъ младъ войникъ,
Младъ войникъ, млада войвóда;
Оставя млада невѣста
Вѣнчана я непростена
Одъ кýма и одъ старойтя
И одъ два млады деверы;
Майтя му дреи тражаше,
Баштa му коня стéгаше,
Невѣста му китка вiеше,
Стопана на Стоянъ говóри:
«Весела, китко, весела,
Весела деветъ годинъ;
Когá десета настанешь,
Ты да ми, китко, повѣйнешь;
Че либе ше ти ожени».
Сѣдела, што е посѣдела;
Често си китка погледвá,
И весела му китка деветъ годинъ;
Когá дéсета настана,
И китка му повейнáла.
Заиграло хоро големо —
Се му дружина весели,
Стоянъ стои́ и плáче.
И царица го видла,
Та на Стоянъ говори:
Море, Стояне, Стояне!
Ты-зи, ми, бѣше найвéселъ,
Сега, ми, найускорбенъ?»
—«Царице, млада кметище?
Оженила ми е се невѣста»;
— Она му тихо говори:
«Море, Стояне, Стояне!
Улезни у ладны землицы,
Избери́ коня найдоберъ
Со-съ дванаесе пóпраци,
И съ тринаесъ постедзи,
Та да си стигнешь дó дома
Да идешь за день до дóма».
И онъ си улезна у земници,
Извелъ е коня́ нáйдобра
Со-съ дванаесе попраци,
Со-съ тринаесъ постедзи;
Доде е турилъ нóга зенгія,
Онъ с три села заминáлъ,

Тай на свадба затекалъ;
И либе му са женило;
Па си отѝде на свадба,
Та па на лудье говòри:
«Изведете ми тая невѣста,
Аризмó да áриже»;
Извели са невѣста,
Онъ си е дае перстень мѣновникъ;
Кá-то е зела мѣновникъ,
Она со-съ Стояно отидé.

№ 72.

Г. Радомірь; 3 дек. 1879 г. записана со словъ Таски Моавійскаго.

(тоже).

Стояне, морé, Стояне!
Стоянъ си баштá зажени̇ —
Неська га, море, зажени̇,
Ютре го въеднекъ прáти̇
На доле съ вакли̇ овнóве;
Любе му титка віяше,
Я сестра космы̇ чешяше,
Я брата конче спрáвяше;
На Стояна ли̇бе продýма:
«Стояне, море, Стояне!
Чéсто у титка погледýй:
Когá ти ти̇тка повене,
Тогай я че се зажéнимъ.
Станáло деветъ годинъ време,
Тогай му титка повена,
И Стаянъ уи̇ленъ паднá;
Съопази го негови чичо —
Чичá му дýма продума:
Стояне, море, Стояне!
Што си хуильно паднáло»?
— Стоянъ му дума продумá:

Чичоле, чичо Радуле!
За што ме пра́шашь,
Ты мене, чи́чо Ра́дуле?
Кога́ си пойдо́ на до́ле —
На доле съ вакли́ овно́ве,
Сестра ми косма че́шляше,
Я брата конь справляше,
Я любе титка віяше,
И любе ми ду́ма проду́ма:
Стояне, море́ Стояне!
Често у титка погледу́й:
Кога́ ми титка повене
Тогай я че се заженимъ»;
И тогай сказалъ Стоянъ
На неговъ чича Радулъ:
«Чичоле, чичо Радуле!
Не ми е ста́до больня́во,
Нель кога́ си пойдо́ на доле,
На доле съ вакли́ овно́ве,
А любе титка віяше,
А брата конче спра́вяше,
Сестра ми космы че́шляше,
И тогай ми любе продума́:
«Стояне, море, Стояне!
Често у ти́тка погледу́й!»
И чича́ му тогай продума́:
Стояне, море, Стояне!
Я́зди сиво конченце,
Преплывай вода Арданска
Ойды си твой дворе́ве».
И Стоянъ чича́ послуша,
И яна́лъ сиво конченце,
Преплывалъ вода Арданска,
И пошелъ него́ви дво́ры,

Настигналъ нино-то поле —
И вишелъ Стоянъ башта си:
«Помá Богъ старче!
Зашто орéшь у Света недѣ́ля»?
Язе има сина, како тебе,
Та незнáемъ, де Светá недѣ́ля;
Эвé станá деветъ гóдинъ време,
Сегá му се любе заженúло,
Та не знáемъ, де Светá недѣ́ля».
Бутнá кóня млады Стояне,
Та си ойдé негови дворóве,
И си чука на порты желѣзны;
Излезнала Стоянова майтя;
— «Пома Богъ ти, Стоянова майко!
Зашто сѣдúшь у Света неделя
Та си предешь то церна кадѣ́ля»?
И майтя му дума продумáла:
«Я не знáемъ, де Светá недѣ́ля
Язе имамъ сúна, кáко тебе;
А сегá му се любе заженúло».
Дума дума Стоя́ново любе,
Дума дума на Стоянова майтя:
«Зашто очешь сѣкира до го гу́бишь»?
— «Прилúча како Стоя́на»! —
И тогай продума Стоянова майтя:
Продума на Стояново любе:
«Ты-зи си ного проклéта»!
И Стоянъ легна, та заспа.
А любе го си припознá.
Прóклета била майтя-му!
Онá си зема сѣкúра и уби млады Стояна
И погреба го у дюбре; [1])
Како си него погрéба —

[1]) Гной.

Ни си е малко, ни много —
Дойдé си овенъ караджа[1])
Што си носи звонци
До деветъ медни звонци носи;
По него ильядо брави вакли óвнове
Я деветъ стóтинъ руды́ руди́ци,
Со-съ малки ягнéнци;
Право ги води овенъ караджа
Право ги води Стоя́нови дворы,
И чу́ка порты желѣзны;
Излезнá стáра бáбица:
«Бáбице стара бáбице!
Има ми Стоя́не чорбаджи»?
Баба му ду́ма продумá:
«Нема си Стояне чорбаджи!».
Продумá овенъ караджá:
«Бабице, стара бабице!
Отвори пóрты желѣзны;
Я че намѣримъ млады Стояна,
Онъ че ми устá позлáти,
И алаци че ми посрéбри:
Оти му водимъ стáдо-то,
Ильядо вакли овнóве,
Деветъ стотины руды руди́цы
И дéветъ стóтинъ ягненца».
Я бáба двóры не отвара.
И казá овенъ караджá:
«Отвори стара бабице»!
И баба му дума продумá:
«Зашто да ти отвóримъ»?
И продумá се овенъ караджá:
Бáбице, стара бабице!

[1]) Черпаго цвѣта.

«Имашь ли сина Стойна»?
И баба му ду́ма проду́ма:
Имамъ си сина Стояна,
Онó е ошлó на доле,
На доле съ вакли овнове»;
Продума овенъ караджá:
«Бабице, стара бабице!
Тука е твой синъ Стойно»!
И баба е тога отвори́ла,
Отвори́ла порты желѣ́зны;
Улезнá овенъ караджá,
У уведé ильядо вакли́ овновé,
Деветъ стотинъ руды руди́цы,
И дéветъ стотинъ ягненца;
Тогова казá овенъ караджá:
Да рите товá дю́брище,
Тува е млады Стояне чорбаджія,
Него е майтя утепáла,
Любе си егó познало:
Майтя се по иманье повардила,
А любе си его познáло....

№ 73.

Село Лешко, Джумалійскаго окр.; записана въ селѣ Скрино со словъ старушки Авдотьи Николицы 17 дек. 1879 г.

Углавилъ се Павелъ доберъ юнакъ,
Углави се Павле у сáбота,
У недѣля Павле свадба бѣше,
Понедѣльникъ Павле áберъ дойде —
Два татара и три чохадара;
Проговоратъ до два татара:
«Э ты, Павле, э ты, доберъ юнакъ!
Айде, Павле, айде со-съ насъ да идешь,

Да си идешь цару на индата:
Те се біе Турчинъ и кауринъ».
А Павле́ имъ вели́ и говори:
«Два татара и три чох̆адара!
Почекайте салъ те тая вечеръ,
Да испратамъ куму и старейко,
Да испратамъ мои дибри госте,
Да прелеза три млада невѣсты».
Проговоратъ два татара и три чох̆адара:
Х̆айде, х̆айде, Павелъ, доберъ юнакъ,
Та погледни, каковъ ферманъ,
Зашто д' идемъ и да дойдемъ».
Одкарали го.

№ 74.

Г. Радоміръ; 1 дек. 1879 г. записана со словъ Таски Моавійскаго.

(Мать одного дня женитъ сына, а другого хоронитъ его).

Съ ношти майтя сина зажени̇ла,
Каде́ ручо́къ сина закопа́ла,
Каде́ пладне снах̆а испратило:
«Чуешь мене, моя мила снах̆о!
Я си яны тоя́ добра коня,
Та изви коли-колко можешь, —
«Леле Боже, леле мили Боже!
Ка ли бидо́ мома и оевѣста
И остана млада удовица?»
Пушти коня косы до капита».
И си плаче коли-колко може,
И я дочу Господъ одъ небеса,
И си прати зелена трѣви́ца,
И си прати шарена зміица,
И прати шарена боклица:

Скоро бърже да нóсите шарена боклúца,
Да нáйдете млады младоженя,
Да сипете товá руйно вино,
Дека си е онó погрéбено».
Однели са шарена бóклица,
Пресипáли негово-то тэло —
Даде Господъ и въеднага станá,
И си ойдé дóма на дворéве,—
И го виде негова-та майтя,
Де е станалъ млады младоженя,
И въеднага съ душа се растави.

№ 75.

Соф. округъ, с. Сливница; 6 февр. 1880 г. записана со словъ крестьянина Ангелка Тончина.

(Сестра влюблена въ молодца, а братья противъ этой ея любви).

Димитрій, сине Димитре!
Не ли те, майтя учаше:
Нейды, синте на сѣдентю,
При Милку, синку, девойтю,
Не носи мѣдны кавалчета?
Димитеръ майтю не слуша;
Отиде при Милку на сѣдентю:
И вечерали и сѣдели;
Тагай реклá Милка девойтя:
«Засвири со-съ мене кавалчета»;
И запеяла Милка девойтя;
Дочули нёны петина брайтя —
Двамина кеседжіи, троица арамліи
И Мильци на двореве чукали;
Тагай се Милка уплашила:

«Димитріе, де-ка те сокріемъ?»
Сетисе Милка девойтя:
«Вала тебѣ, Димитріе!
Я семъ по-юнакъ одъ си петина брайтя».
И станала Милка девойтя,
Та отворила порты демирове;
И влезнаше нёны брайтя:
«Вала тебѣ, Милко, наша мило сестро!
Вала тебѣ Димитріе, наша мило зетленце!
Донеси, Милко, млого руйно вино».
Испише това руйно вино;
И тогай окали нёны брайтя —
Двамина кеседжіи, троица арамліи:
«Пусто! се вино довершило!
Улезни, Милко, девойтё,
Улезни у тевни зевници,
Та наточи товá руйно вино»;
Милка се вила и повила —
Не смѣ да остави Димитріе;
И Никола, наймлади братéкъ рекелъ:
Не бойсе, Милко, сестро наша,
Нечемъ погубимо наши зеть,
Наши зетъ Димитріё».
Тагай се верлила Милка,
Верлила у тевни зевници.
И говора петина брайтя:
«Не бойсе, зето Димитріё!
Стури капа, да те бріемо.
Излезнала Милка изъ тевни зевници
И рекла на свои-те брайтя:
«Што видосте у мене — завидосте?»
— «У одаѣ се кервь оперскано».
— «Камъ Димитріе, мой первнелюбе?»
И тогай Милка проговарала:

«Ваши домове на мезá[1]) прóдаме
И васъ млады че обѣсу —
Какво? де-ка че се кріе Димитріе?»
Па ги Милка научи́ла:
«Можете, закарайте го,
Закарайте у негови дворове,
Положете него у негове одае».
Учинили тако нёны брайтя.
И тогай негова майтя говорила:
«Милко девойтё, девойтё!
Млого си играли съ ношти на сѣдентё —
Димитріе млого е заспало».
Милка ништо не думала.
Отишла си Димитрина майтя,
Отишла си на свой домъ
И окала сина Димитріе:
«Димитріе, сине, Димитріе!
Не ли те учимъ-нейды на сѣдентье,
Да не идешь при Милку девойтю;
Млого си се, сино, оспало —
Се дружина твоѝ на ораньe отишлѝ».
Ока майтя, Димитріе не стае;
И тогай беркну она у десна пазука
И рекла:
«Ситна те роса изби́ла!
Млого си, сине, играло на сѣдентѣ,
Та си морно, сине, заспáло»;
Кадъ си терже рука десни́ца,
Она у кервь утанала;
Тагай си майтя би у двѣ страна ý глава
И каже:
«Димитріе, сине Димитріе:
Не ли ти учила сине —

[1]) Турецое слово — съ молотка.

Да не идешь Милки на сѣдентю:
Оти су Милки многи душмане».
Тагай се окну́ли люде,
Окнули да погребу Димитрія;
По нега дошла Милка девойтя:
«Вала вис пстина майсторе!
Да направите ковчегъ за двамина».
Искарали Димитрію на гро́биште;
Излезе и Милка девойтя:
«Вала вне, чорбаджіе!
Избѣсите мои́ брайтя
И нашъ домъ на-меза́ да про́дате;
Саде, оступсте се чорбаджіе!
Я да придемъ при Димитра,
При Димитра, мое младо любе;
Беркна Милка у свилни джепове,
Та извади ноже-та влашки
И си беркну у клето-то се́рце:
«Легай, войно, оба да лежимо—
Да не жали моя майтя,
Моя майтя а твоя.

№ 76.

Г. Радоміръ; 2 дек. 1879 г. записана со словъ Таски Моавискаго.

(Счастье матери).

(*Свадебная*).

Роды́ майтя деветъ ми́ла сына
Да ги роды у гладна година
Съ игла ши́ла, та ги е ранила
Съ вурка преда, да ги облачи́ла.
Дошло време старія да жени—
Си-те деветъ за́едно че жени;
Па обиде ора и градове,

Та си тражи деветъ снаи ми́ли,
Си-те деветъ една лика да са,
Една́ лика и една прили́ка,
И у кышты слога, бре, роднина.
Па си ойде́ ора и градове
Пай не море, да си нигде найде;
Па си ойде́ у Лендера града,
Та́мо найде́ деветъ снаи ми́ли
Едноликн и едноприли́ки;
И собра́ триста и три свата
И собра свирки и тупанье,
И пойдоа китени сватове;
Настанаа презъ гора зеле́на;
А майтя му дума проду́муе:
«Ка ста́нете презъ гора зеле́на,
Заставе́те свирки и тупанье:
Тамо има вила-самови́ла,
Претвара́се той млада невѣста,
И износи шарена бокли́ца,
Та си изно́си това́ ру́йно вино:
«Да піе́те ки́тени сватове,
Вече ми се душа умериса́».
И тогай сватове дума продумуе:
«Умериса́ одъ това́ вино церве́но».
И си окпа ку́ма и старойтя:
«Я запрете свирки и тупанье,
И запре́те, ките́ни сватове,
Да ви́дпме, каква си е дзвѣрка?»
Излезна́ си дете́ Андреяше:
«Назадъ, назадъ, ките́ны сватове!»
И поверна́ ките́ны сватове.
— Продума си Андреёва коня:
«Слушай мене дете́ Андреяше!
«Това́ не е той млада невѣста,

Нела си вила-самовила;
Погьлтна ме-мене до копита;
Я извади лека воздогáна,
Та ме удри мене доле у копито».
Извадило дете Андреяше,
Извадило лека воздогана,
Удри коня доле у копито,
И се смаза вила-самовила;
Тогáй окнá свирки и тупанье,
И си окнá китéны сватове,
И си каза кума и старойтя:
Нека свира свирки и тупанье,
Нека поя́ ки́тени свáтове;
Што се прави премлада невѣста?
Онó не е премлада невѣста,
Онó си е вила-самови́ла».
И я ванá дете Андреяше,
И си ея на кóня вергáло;
Па си ойдé у Ленгера града;
Доведоа деветъ мили снаи;
Па удрия презъ гора зелéна,
И застави́я свирки и тупанье,
Запрéя се китени сватове.
Продума имъ детé Андреяше:
«Пóйте, братя, и не се пай бойте!
Я семъ смазáлъ алá-гуштерина!»
Пай удрия свирки и тупанье
И запояа китени сватове,
И ойдóа дома на дворéве;
Одведоа деветъ снаи ми́ли,
Си-те деветъ едноли́ки били́
Едноликн и еднопри́лики били.
У кышты слога роднина.

№ 77.

Трен. окр., с. Бабица; 23 ноября 1879 г. записана со словъ крестьянина Дёши.

(Недовольство невѣсты своимъ молодцомъ).

Вéсело Стойно, весéло!
Што си садъ не весéла,
Какво́-то пьрвня годи́на?
Онá си му говóраше:
«Какó да семъ си весéла?
Са ночь билá на свадьба:
Вѣнеръ борина держала,
Редомъ се редомъ гледáла—
Мое-то х̑аро найгрозно!»
А чиче ё говоре:
«Весело, весело, Стойно, весело!
Грозно е, Стойно, грозно е,
Ама си има иманье!»
А óна си му говóре:
«Иманье, чичё, иманье
Иманье гнило бунеште!»
— Чичё ё по ти говóре:
«Мое-то х̑аро найгрозно!
Весела Стойна, весела,
Не буди уильна, Стойно!

№ 78.

Село Скрино, Дупнич. округа; 16 дек. 1879 г. запи́сана со словъ того же крестьянина.

(Смерть молодца отъ уроковъ).

Нено, хубави Нено!
Пратила му абаръ тета:
«Да дойде Нено на Великъ-день:
Наше-то село големо,
Да дойде Нено́ нá гостье —
Големъ се соборъ собира—
Отъ три села е соборъ —
Да гледа моми х̑убави».
Нено крена да иде:
Майтя му премѣна даваше
И градомъ съзи роняше;
Снаи му колачи месех̑а
И оны съзи роних̑а;
Сестры-те му перчи крешаа
И оны съзи роних̑а;
Башта му пари дáваше
И онъ съзи рóняше;
Братья му кóня справлях̑а
И оны съзи ронях̑а.
И майтя му говорéше:
«Сѣди, сине, не иды,

Хубавъ ми си, сине!
Че паднешь тамъ одъ уро́ци».
Неслуша Нено — ойде́,
Одвела го тета на оро́-то:
Кметове-то вино піяха,
И забора вино да піятъ,
У него погледнаха;
Кметици-те ду́ма ду́маха,
И дума-та заборна —
И оны у Нено́-то погледнаха;
Момчета-та камень ферляха,
И оны́ ка́микъ заборяха;
Моми-те пѣсень поѣха
Пѣсень-та заборяха —
И оны-те погледнаха у Нено.
И си-те уроци фанаа Нено:
Умре Нено́ одъ уроци.

№ 79.

Село Жилинци, Кюстендильскаго округа; 6 дек. 1879 г. записана со словъ Яни (Іоанны) Големинской.

(тоже).

Хубави Нено, гиздави!
Нарачало него́ва-та ми́ла тетка:
«Да дойды, Нено, дойды
На хубави денокъ Великъ-день;
Ногу че соборъ да има —
Одъ де́веть селъ моми́-ты
Десе́та се́ло-то наше-то,
Да ти мома избере́мо».
Кога дойде день Великъ-день,
Справи се Нено да иде;
Два му брата коня справя(тъ);
Баштa му порты отворя;
Двѣ му сестры китки справятъ;
Майтя му премѣна справя,
Премѣна справя и учи:
«Убави Нено, гиздави!
Кога́ придешь при соборо,
Немой си коня разигра,
Немой си тенко провикна,
Немой си коня пушки приферля;
Ты ми се Нено угледенъ:
Хочатъ те о́чи пресѣчатъ.
Оно́ си майтя неслуша:
Кога́ при́де при соборо,
Врана си коня разъигра,
И си тенко прови́куе,
И си ферли́ тенки пушки.
Момчета каменъ метаа,
Каменъ си погрѣшиа,
У Нено то гледаюти;
Моми-те о́ро играятъ,
Оро-то си погрѣшія,

У Нено-то гледаюти;
Нено-то очи пресѣкли.
На тетка си Нено говбраше:
«Аво тетко, мило тетко!
Айде, дóма да идеме;
Нешто ме серце пресѣ́че!
Не слушалъ Нено майтя,
Не слушалъ та и умрелъ.

№ 80.

Село Жилинци, Кюстенд. округа; 6 дек. 1879 г. записана со словъ дѣвоч Гюргены Чекерендовой.

(Сговоръ дѣвушки съ молодцомъ, безъ согласія ея родныхъ).

Іоване, Іоване юначе!
Заспали Іоване гора зелена,
Я девойтя край студенъ кладенецъ;
Кой замине — све девойте буде,
Я Ивана никой неразбужда.
Долетѣло пиле соколенце
И паднало на Ивана на рамъ:
Се крыла трепчи — Ивана разбужда,
Со-съ уста го прашуе:
«Эй Иване, Иване юначе!
Такменъ ли, море, иль не си?
Жененъ ли, море, иль не си»?
Я Иванче пó-ти оговóри:
«Ни семъ такменъ,
Ни чу да си такмемъ,
Ни семъ жененъ,
Ни чу да се женемъ;
Че си чекамъ Бильтя мала мома».
Дочулъ е бильтинъ брате:
Соградил кула одъ блова,
И затвори Бильтя мала мома;
Седѣла е Бильтя деветъ годинe,

Па е Бога помоли́ла:
«Дай ми, Боже, есени дождеве,
Дай ми, Боже, пролѣтни гърмо́ве;
Дождеве кула-та да расто́патъ,
Гърмове-те вра́та' да растро́шатъ,
Да излеземъ на бѣло-то видѣло,
Да си видимъ юнака Ивана,
Да ми оды, ка́ко што одаше,
Да ми яха тая Врана коня,
Што му семъ я кришума купи́ла;
Ни ме знае ни ма́ма, ни тата,
Ни ме знае ни чичо, ни стринка,
Салъ ме знае наймала стрина,
И нея семъ даро́къ даровала:
На Великъ-день свилена кошуля,
На Дюрдевъ-день алови чарапи,
На Спасовъ-день пребрана марама.

№ 81.

Кюстенд.-Бан. окр., с. Жилинци; 27 дек. 1879 г. записана со словъ Екатерины Миловановой и Маріи Павлёвой.

(Бѣгство жены съ своимъ любовникомъ).

Янинка Пазарджичанка.
Провикнала Янинка:
«Бре варай Боже да Бога!
Тая кашта богата,
Ветье ми се досадило,
Досади́ло, додеяло
Одъ тая кашта богата,
Ди да имамъ негдѣ не́кого,
Та ако би не би бѣгала».
Дочу́ Петре рата́йче,
Па на Яни́нка гово́ри:
«Янинко Пазарджичанко!
Дали, мори, бѣгамо»?
Янинка му гово́ри:
«Петреле, Петре рата́йче!
Бѣгатю, море́, бѣга́тю:
Нека дойде Великъ-день,
Великъ-день—Свѣтла недѣля—

Стари́ у церква те идать,
Золви́, етерви на оро,
А девери каменъ те метатъ;
Павелъ на ловъ те иде,
Ние съ тебе те бѣгаме
Та си дошѣлъ Вели́къ-день,
Великъ-день — Свѣтла недѣля:
Стари у церква ойдоа,
Золви, ете́рви на оро ойдо́а,
А девери камикъ метаа,
А Павелъ на ловъ отишелъ;
Они съ Петре-те бѣгаа.
Кога́ бѣ срѣдъ поле́-то,
Срѣтналъ е Павелъ юнакъ,
Па на Петре те говори:
«Петреле, Петре ратайче!
Э позапри кочія,
Да ти видимъ невѣста-та:
Бѣла ли е, червена ли,
Танка ли е, висока ли,
Мошно ли церноо́ка?»
Послуша го Петре юнакъ,
Та подзапри кочія;
Те му виде виде невѣста-та,
Та на Петре-те гово́ри:
«Петреле, Петре ратайче!
Та каква ти невѣста!?
Се си е ли́ка и прилика
На мое любне-те Янинка»?
Петре́ му вели—говори:
«Я мини, измини Па́веле
Зарадъ те млада че (в)ишешь,
Я гла́ва и ты гла́ва».
Мина́ — измина́ младъ Павелъ,
Та си я́хна Врана коня,
Та си ойде дурь до́ма;
Оддалекъ иде и ви́ка:
«Любне Янинко, Янинко!
Отвори ми но́ви порты,
Зеръ ти иде млады Па́велъ;
Па излезна́ ста́ра майтя,
Та отворѝ новы порты,
Па на Павле́ гово́ри;
«Тува нема Янинка,
Измами я млады Петре».
Одъ конь, бари, не е слезна́лъ,
Бутна ко́не наназа́де,
И извади́ остра са́бля,
Та си стигна́ млады Петре́,
Одсѣче му руса гла́ва,
Па я даде на Янинка,
Па на Янинка гово́ри:
«Любнеле Янинка, Янинка!
Чу̌вай ты-зи млады Пе́тре.

№ 82.

Г. Радомiръ; 1 дек. 1879 г. записана со словъ Таски Моавискаго.

(Измѣна жены мужу).

Дойдо́ двѣсте воштáне,
Да вани млады Бого́я
Дека недава на цара данокъ;
Я Петкана[1]) имъ говори:
«Додайте свилни гайтáне,
Он се е у сънокъ занéлъ,
До си го-него оковéмъ».
Дали са сви́лни гайтане;
И Петкáна го оковá,
И отвори́ порѓы желѐзны.
Улезная двѣсте воштане,
И дѣтé си ги съопази:
«Тателе, тателе Богóё!
Я стáни, тате, Богóё!
Да видишь двѣсте воштане»,
И башта му се съобуди́:
Глава си диза, не му се диза,
Рáцѣ си диза, не му се дигатъ
Нозѣ си диза, не му се дизатъ
Ванае си го двѣсте воштане,
И въеднага го на конь качiя;
И забрáа си млада Петкáна,
И забрáа си товá мáшко дете,
И ойдоя гора зелена;
На детé се вечé досади́:
«Тателе, тате, Богоё!
Эвé, станá три дни и три но-шти,
Какó не самъ ни лэбъ я́ло,
Не самъ ни вода пи́ло,
Ни сънокъ земало.
Продумá баштá Богóя:
«Дете-ле, дете, малечне!
Иды при майтя Петкáна,
Егá те на конь качеше».
Дете си ойдé при мáйтя;
Петкана ѓидра—опака:
Одтýка детé малечно!
Ты-зе си ѓидро—опако!»
Пай си верне детенце;
Ойдé при башта Богóя.
—Башта му дума говори»:
«Ногу си дѣте одыло,
И оште малко поóды,
Че слезне двѣсте воштане,
Че слезне росно ливадье,
Че слезне конé да пасáтъ;
И тогай ты-зи че прéспишь,
И тогай вода че пiешь
И тогáй лэбецъ че рýчашь».
— Слезнали росно ливадье,
Тамо са конé пуштили;
Какó са конé пуштили,
Заспáли двѣсте воштане,
Заспáла млада Петкана.
— Продума млады Богóя;

[1]) Жена Богоя.

«Дѣте-ле, дѣте́ мале́нько!
Я бъркни свилны джепове,
Извади воже́ потайно,
Та сѣчи свилны гайтанье».
И дѣте башта послуша́,
И бъркна свилны дже́пове,
Изва́ди́ ноже́ потайно
Одсѣ́че свилны гайтанье.
Опушти́ башта Бого́я;
И стана́ло е башта Богоя,
И беркна у десна чи́жма,
Изва́ди́ сабля на згла́бове,
Развертесе на лѣво, на де́сно,
Погуби́ двѣсте воштане,
И зема́ млада Петка́на:
Ископа дупка до по́ясъ,
И намаза́ млада Петка́на
Намаза лой и катранъ,
Запали́ млада Петка́на;
Бого́я съ малко дѣте́нце
Пія́ си това́ руйно ви́но
И тая люта ракія, —
И Петкана му гово́ри:
«Бого́ё, млады Бого́ё!
Ако не ти е за мене жалъ,
Не ели ти жалъ за това́ мышко дѣте́,
Што е ме́не у коре́му?»
И оно зема̀ ноже́ потайно,
Та распра́ млада Петка́на,
Изва́ди́ мышко дѣтенце,
И него са въеднакъ погребло
Погребло га у церна та земня.

№ 83.

Г. Радоміръ; 1 дек. 1879 г. записана со словъ Іордана Лазарева.

(Выходъ замужъ жены, мужъ которой въ долгой отлучкѣ, считается великимъ несчастьемъ его рода).

Затворанъ Тодоръ е забоваренъ.
Та си лежи деветъ годинъ време.
Ка пока́ра десе́та годи́на,
Пишти́ Тодоръ, ка-то люта змія;
Та го дочу крали́ца-кмети́ца.
Па слезна́ кралица кмети́ца
Па си слезна́ више од дивана́,
Та си слезна́ при тевни зъндаңы,
Та прашуе То́дора юнака:
«Э ты-зе-ка Тодоре юначе!
Эве стана́ деветъ годинъ време,
Како́ лежишь у тевны зъндани,
Не пишгеше, ка-то люта змія;
Садъ покара́ десета годи́на»

И ты пшитишь ка-то люта змія
— И Тодоръ си дума продумуе:
«Э ты-зе-ка кралице-кметице!
Я се моли цару Костадина,
Да ме пушти, дома да се ойдемъ».
Неська ми се любне затекмило».
И се моли кралúца-кметúца,
Та се моли цару Костадине:
«Э ты-зе-ка цару Костадине!
Да си пуштишь Тодора юнака,
Да го пуштишь, дома да си ойде;
Неська му се любне затекмúло».
И си пушта цару Костадúна
И си пушта Тодора юнака.
Ка привéде Тодоръ-добаръ юнака,
Та привéде коня Дорушана,
Приведе га на бинекъ-камико
Та си турú нога у зенгія:
Дуръ да тури лѣпо и онáя,
Онъ се ойде на Будино село;
Пушты́ коня, самъ да му се шéта;
И си приде при негови порты:
И си сѣды негова—та майтя
Та си сѣды́ у Света неделя,
Та си пряде, бре, церна каделя.

И Тодоръ си дума продумýе:
«Э ты зе-ке, Тодорова майтё!
Зашто предешь у Света неделя?».
И тá си дума продýмуе:
«Э ты-зе-ка, непознанъ юначе!
Язъ си имамъ сина, како тéбе, —
И эве станá деветъ годинъ време,
Какó си е онó затвóрено,
Неська му е любне затекмúло се;
Та незнаемо, дека си е Прéсвета неделя».
И се качи Тодоръ добаръ юнакъ,
Та се качи више на чáрдаци,
Та улезнá у ладны одаú:
У одаи—той чесны тьрпезы
И си сѣды́ кýма и старóйтя;
И улезнá Тодоръ добаръ юнакъ:
«Добре ютро, куме и старойтё!»
И онú му тогай продумáли:
«Далъ Богъ добро, церно колуджере».
Продумалъ си церна калуджера:
«Э ты-зе-ка куме и старойтё!
Я óкни Тодорица млáда,
Да ю кажемъ, дека умре Тодоръ добаръ юнакъ».

И окипа́ли Тодори́ца мла́да;
Казу́е ю церна калуджера:
«Э ты-зе-ка, Тодорице млада!
Де си умре Тодоръ добаръ юнакъ!»
И она́ си дума продуму́е:
«Э ты-зе-ка, церна калу́джера!
Ако ми, ле, ты-зе право кажешь,
Де се смаза́ Арватско колѣно,
Я зе тебе дарба че дару́емъ,
Че даруемъ одъ ериле кошуле».
Ка се виде Тодорица млада,
Ка се виде Тодорови перстень,
И она́ си дума продуму́е.
«Э ты-зе-ка церна калу́джера!
Дека найде То́дорови перстень?»
«И продума́ церна калуджера:
«Э ты-зе-ка Тодорище млада!
Ка си умре Тодоръ добаръ юнакъ,
Нема кой да си го погребе́;
Я погребо́ Тодора юна́ка,
Та му зема́ бесцаны перстень».
И улезна́ Тодорица мла́да,
Та улезна́ у ладны зевницы́,
Тай отвори́ той сельви сандаци,
Та извади од ериль кошуля,
И него е дарба дарува́ла.
И си сѣдна́ церна калуджера,
Та си сѣдна́ у чесны търпезы,
И тогай си дума продумуе:
«Просты мене, куме и старойтё!
Да играемъ оро калуджерско».
И му про́сты кума и старойтя
Да играетъ оро калу́джерско.
Развертесе церна калу́джера;
Развертесе на́лѣво, на́десно,
Та съосѣче китены сватове,
Останале кума и старойтя,
И останалъ млады младоженя,
И при ни Тодорища млада.
Продумалъ си церна калуджера:
«Э ты-зе-ка Тодорице млада!
Та я не сам церна калуджера,
Нело семь си Тодоръ добаръ юнакъ:
И тогай се Тодоръ продуму́е:
«Э ты-зе-ка млады младеженё!
Да докарашь до три кола иманя,
Да те пуштимъ живо да се ойдешь».
И онъ си дума продуму́е:
«Э ты-зе-ка Тодоре юначе!
Я ме пушти до́ма да си ойдемъ,
Че докарамъ три кола иманье».

И несмѣе Тодоръ, да го пушти:
И му везá рáцѣ наóпако,
И му турѝ пéры у зубѝ-те,
И му тури книже на колѣно,
Та си пише млады младежене,
Та си пише товá ситно пѝсмо,
Та го пращта на негови башта,
Да допрáти три кóла иманье,
Ега него живо опуштѝль.
И докарá неговиё башта,
Та докарá три кóла иманье,
Та си пуштѝ Тодоръ, добаръ юнакъ,
Та го пуштѝ, дóма да си ойдé.
Останáла Тодорѝца млáда.
И Тодоръ си дума продумýе:
«Э ты-зе-ка, Тодорице младо!
Да ли очешь, да си млада свѣтарія,
Или очешь, да си млада слугарія?»
И онá си дума продумýе:
«Нечемъ язе слуга да си слýжимъ
А очемъ да семъ млада свѣтарія.
Намаза я Тодоръ, добаръ юнакъ,
Намаза я тоя церни катрáнъ,
Закопá я, Богме, до колѣна
Запали я, Богме, од недéля,
Та му свѣты, богме, до другá-та:
И си сѣды Тодоръ добаръ юнакъ,
Та си піе съ брайтя и дружина;
И си вѝка Тодоръ, добаръ юнакъ:
«Э вие—ка, бре, вѣрна дружѝнá
И рýчайте и кажете.
«Богъ да біе Тодорѝца млáда!»

№ 84.

Г. Паланка, въ 4-хъ часахъ разстоянія отъ Кюстендильской Бани, въ Македоніи; 5 дек. 1879 г. записана со словъ Стаменка Алексова.

(тоже).

(*Пересказъ пѣсни*).

Талакинъ Тодора затворили деветъ кралёве и затворили го за-ради деветъ азна; а сами сѣдеа на меана, та пія. Деветъ годинъ лежá таламинъ Тодора. Негóва жена заженисе. Имаше оно пиле сокóлово; дойдоше пиле на зенданы и пишти, та си глава кине.

Скочи Таламинъ Тодоръ, та го замами; пиле нему каже: твоя жена раненика си земало. Ка' дочулъ това таламинъ Тодоръ, заронилъ сьлзи у абсена: о, ты моя любне! зашто не зимашь другого, тукъ узимашь мога раненика. Заплака таламинъ Тодоръ у абсана, дочули го деветъ кралёве. И тега речеа на абсанджія: «за што пишти Тодоръ? Што зоръ му е»?—И те га праша: «што неволя ти»?— «Што ли имамъ зоръ? Моя стопаница зима мой раненикъ; оти не земе другого, по раненика земе»! Тагай извикнаа го при деветъ кралёви. Речеа кралёве: «таляминъ Тодоре! Што ти е зоръ, Да пиштишь у зенданы? Дали ти е додеяло, што лежишь одъ деветъ годинъ?—«Не ми това додеяло; оно, ми, се любе заженило: не си зима другого мужа, оно зима мого раненика; а да зима другого, жалъ немамъ». Речеа кралёве: «Седъ, ка те пуштимъ, едали се можешь, да повернешь»? — «И да пуштите, че повернемъ, и вашё азно донесемъ». И тогай пуштія го.

Отидé Тодоръ на свои двóрови: станала церна калудера; у врата на негова майтя чука: «Добро ютро! бабо!»—«Далъ ти Господъ добро!» Оти плачешь, церно калудере? о-де-къ идешь?» — «Я идемъ одъ деветъ кралèве, што бѣ затвóренъ». — «Имамъ и я тамо едного сина таляминъ Тодора».—«Сви е погубія, салъ мене пуштія». «Тега баба бакшишь му даде».—Пита негова люба: одкудъ идешь, церно Калудеро? *(не досказано)*.

№ 85.

Село Рыло (Дупн. окр.); 27 дек. 1879 г. записана со словъ Екатерины Миловановой.

(Разговоръ дѣвушки Вардарки съ соколомъ).

Соколъ піе по Вардара вода:
Нодзе му у сребро укованы,
Криле му у злато позлáтены,
На глáва му бѣлъ трендафиль цавти,

На гърло му дробенъ бисеръ трепти́;
Па не смѣе нико да го пита.
Пита го Вардарка девойка:
«Э ты зека пиле соколенце!
Кой ты сребри нодзе до колѣна,
Кой ты златы крилá до рáмена,
Кóй ты сади́ трендáфиль на глава,
Кóй ты низа бисеръ на герло»?
А сокóле му пó-ти оговори:
«Э ты-зе-ка Вардарка дéвойко!
Ель ме пи́ташь, прáво ште ти кажа:
Зетé имамъ златáринъ,
Да ми сребри нодзе до колѣна,
Да ми златы кры́ла до рáменя;
Сестра имамъ, та ми сади́ трендафиль на главá
Та ми нижа бисеръ на гéрло.

№ 86.

Соф. окр., село Сливница; 7 февр. 1880 г. записана со словъ крестьянина Ильи Григорьева Стамбуліи.

(Одна сестра у девяти братьевъ).

Деветъ брата една сестра иматъ;
Сви-те деветъ са я обичáли;
Одъ милосъ я на пазаръ одвели,
Што видѣли, се се ней купили:
Видѣли се сребрени ножница,
На ножница три струка вериги,
На вериги ясно огледало,
И купили, да се Нейтя често огледуе;
О́тишли у ладна меана,

Та си сѣдли да си ядатъ и да піятъ;
Она била итра-дьяволита:
Прошетнасе низъ тевна чаршія,
И усрѣта Митеръ Кустурлію:
«Добра срѣ́ча, гиздава девойте!»
— Далъ Богъ добро, Митеръ Кустурліе!
Очешь, Митре, мене да залюбишь?
— «Не ти смѣемъ, тебе да полюбимъ:
Да ты имашь деветъ мили брата —
Сви-ти деветъ си юнаци;
Очу мене ѳны да погу́батъ».
Она́ му пó ти оговóри:
«Я чемъ братя лысно да изда́демъ:
Собери се тристе душъ юнаци,
Па оти́де на старе езéре
На езере, на стара пбишта;
Я чемъ братя у ловъ да допра́тимъ».
Кога́ било ютре одъ-заранъ,
А она́ си братя поокнало:
«Айте, брало, у ловъ да и́дете!
Сви юна́ци тука проминали —
Проминаше и васъ пот'окнаше
Пот'окнаше и порты почукнаше»;
Я они и пó ти огова́ра:
«Иды, сестро, кони́-те ни справи».
— Пошла сестра,
И со-съ венеръ[1]) крыла оперлило,
Што остало подъ кола верзало,
Я сабля имъ съ калай[2]) зопоило;
Па дооды и говóри:
«Я кони справила и при камикъ ги привела!
Айте! качитесе на свои кони́».

---

[1]) Фенеръ—фонаръ. [2]) Олово.

И они́ се лѣпо накачили,
Па отишли на езере,
На езере, на поишта стара;
Согледалъ и Митра Кустурлія;
И проговори́ наймлады братéкъ:
«Бѣжьте, брало! сегá да бѣгаме!
Оче Митеръ назе да погу́би»;
Проговори́ найстаріё братéкъ:
«Да я немамъ саблю да кервавимъ,
Я камо ли вие да сѣчете?»
Приблизилъ се Митеръ Кустурлія.
Сабли тергнатъ братя, сабле не излазатъ,
Кони рижатъ, кони се не мердатъ;
Проговори найстаріё братéкъ:
«Бѣжьте, кой на-куде види!»
Алъ ги Митра сви-те деветъ погуби́лъ.
Па отишелъ Митра Нейти на дворове,
И излезе на куле високе
И говори Нейти:
«Сѣди, сега да сѣдимо —
Сви-те деветъ я семъ погубилъ»;
А она му по ти одговóри:
«Съ-ношка, вечеръ дете се добило,
И оно одъ юначко колѣно;
Оче оно насъ да ны́ погуби».
Отиде Митеръ Кустурлія,
Да погуби детé у пелéне;
Излезе се деветъ миле стрине —
Сви-те се Митру помолиле,
Помолиле и па поклони́ле:
«Тако м' Бога, Митеръ, наши зéту!
Остави ны това мушко дете —
Кой че, Митеръ, насъ да ны дорани?»
И нему се верло нажалило,

Та-си оставилъ товá мушко дете.
Минало се текмо двѣ недѣли,
А дете си на майтю говори:
«Вала, мале, моя стара мале!
Сва децá бащеве держатъ,
Оти нема мене кой да держи?»
Я она му по ти оговóри:
«Богъ да біе лелю Нетю!
Да ты имашь осемъ мили чиче
И деветы твой стары башта,
Амо леля ги издала».
А оно си майци одговáра:
«Я ми справи бащина коня,
Че си идемъ башта да си тражимъ»;
Я майтя му пó ти одговáра:
«Сѣды, дете, сѣды у пелене,
Оче тебе Митеръ да погубе».
А оно си майтю не послуша,
Нело отидé на ладны яхыры —
Съ нога ритнá, та си врата строши,
Та улезне у ладны яхыры
И си тражи бащиного коня;
И си найде бащиного коня,
Па си тури бащино оруже;
Приведе га при бащинъ си камикъ,
Де-ка се му бащá качило;
Та уяну бащиного коня
И отиде Митру на дворóве:
«Тако м' Бога Митре Кустурліе!
Я излезни мене на белѣго»;
Одговара Митеръ Кустурлія:
«Богъ те убилъ, дете у пелéне!
Да я немамъ сабля на тебе,
Немамъ сабля да кервáвимъ,

Я камó ли на белѣгъ излезнемъ»;
Я дете му нó ти одговóри:
«Я излази! яли че те съ душо
И съ кожера тергнемъ!»
Митеръ е тагай на белѣго излези:
Одсѣче му дете той русу глáву;
Па излезе на куле высоке,
Та си вана леля си Нейтя
И одсѣкалъ ю ноге до колѣна,
И одсѣкалъ ю руке до рамена,
Извертелъ ю тія церни очи,
Па завелъ на камены тюпрія:
«Сѣды тука, лелю, да си сѣдышь —
Кой проми́не, дарба да ти дари;
Ка' проминемъ, дукатъ че ти давамъ.

№ 87.

Г. Радомірѣ; 29 ноября 1879 г. записана со словъ Таски Петрунова.

(Сестра любима девятью братьями, но ненавидима женою одного изъ нихъ).

Една Яна между деветъ брата;
Кадé ида, и Яна си вода.
Отишли са на нови пазáре
И Яна са тамо, бре, одвели
Одвели я на нове пазаре.
Што са вишли, се се укупили:
Вишли са си среберны вериги
На вери́ги среберно поженце.
Богъ да біе Павла-то любе!
Не свидесе Павла ку́чковица,
Та улезна у ладне яхéры,
Та убоде до два сиви юнца
И убоде до деветъ конѐве,
Си-те деветъ, богме, подпаявáне;
И си ойде Павла ку́чковица,
Та си ойде у ладне одáй:
«Дигъсе, дигъсе, Павеле юначе!
Каква ти е штéта учинето?
Убодени до два сива юнца
И деветъ конé подпайване,
Учини и сестри́ца Янинка».

— Я братокъ му дума продумума;
«Просто да е, Яни за свадбина»!
Богъ да біе Павла кучкови́ца!
Улезнала у ладны зевницы,
Опушти́ла деветъ бочви вино
И десета той люта ракія,
Пай си ойде́ при Павле-то юнака:
«Дигъсе, дигъсе, Павеле юначе,
Дигъсе, дигъсе, да би се не диголъ
Каква ти штета учинето?
Учини е сестри́ца Янинка:
Опуштила деветъ бочви вино
«И десета той люта ракія».
И тогай си Павелъ продумуе:
«Просто да е, Яни за свадбина»!
Богъ да біе Павлово-то любе!
Ка улезна у ладне одаи
И си зема Янино ноже́нце,
Убоде си това́ машко дете,
И тогай ойде у ладне одаи:
«Дигъсе, дигъсе, Павеле, юначе!
Каква ти е штета учинето?
Учини е сестрица Янинка:
Убоде ти това машко дете».
Тогай Павелъ дума продумало:
Што ми прави, се се ми прости́ло,
Што убоде това́ машко дете»?
И тогай окне Павелъ вреденъ юнакъ:
Елъ овамо, сестри́цо Янинко!
Ты убоде до два сиве юнца,
Деветъ коне, богме, подпайване,
И опушти деветъ бочви вино
И десета-та люта ракія;
Што убоде това машко дете»?
— Дума дума сестра му Янинка:
«Ако семъ братко, това́ я направило,
Изведы ме у гора зеле́на:
Де-ка падна мои бѣли рацѣ,
Тамъ да никна двѣ бѣли тополи,
Де-ка падна мои церны о́чи
Тамъ да извратъ два бистры кла́денца;
Де-ка падне това́ мое те́ло,
«Да се згради церква Маріица» [1]).
И кога́ лежи кучка Павлевица—
Лежала е деветъ годинъ време—
Пай се присни Павла кучковица,
Да я вода церква Маріица;
Одвели я церква Маріица,
И тогай се съ душа раставило.

[1]) Тутъ пропущено то, что братъ все такъ сдѣлалъ, какъ говорила сестра Янинка.

№ 88.

Кюстенд.-Бан. окр., с. Жилинци; 5 дек. 1879 г. записана со **словъ Маріи** Тупаковица.

(Сестра любима двумя братьями, но ненавидима женою одного изъ нихъ).

Два, ми, брата верно живовали,
Между ни сестра́ милува́ли;
Одъ милосъ е на пазаръ водили,
Што са вишли, све са укупи́ли:
Ножи вишле́, ножи церноцрены
И нія укупи́ли;
Па си дошле́ вечере до вечеръ
Дошле́ на свои́—те дво́ры.
Не свиде се кучка Павлевици:
Улезна́ла у ладны земници,
Испуштила деветъ бочви вино
Десета—то люта ракія;
Па си ойде у ладны меаны,
На Павле́ по тія говори:
«Дигъ се, Павле, да бихъ се не ди́гналъ!
Што ти се штета учини́ла!»
А Павле му по ти огово́ри:
«А оттука кучка Павлевица!
Два сме живи два — та со-съ брата,
Да е жи́ва наша мила сестра́».
Не свидесе кучка Павлевици:
Па улезна у ладны ярье,
Та убо́ды коня упайвана;
Па отиде́ у ладны меаны,
На Павле-те по ти огово́ри:
Дигъ се Павле, да би се недигналъ!
Што ти се штета учинила?

Убо́дена коня упайвана!»
А Павле по ти огово́ри:
«А отува, кучко Павлевице!
Да сме живи два-та со-съ брата,
Да е живе наша ми́ла сестра!»
Не свиде се кучка Павлевица;
Та отиде у ладны ляпици́
Та сосипа до-деветъ кошара —
Потекоа меды изъ ляници́;
Па оти́де кучка Павле́вица
На Павле-те по ти оговори:
«Дигъ се, Павле, да би се недигалъ!
Што ти се штета учинила!
Сосипаны деветъ коша —
Потеко́а меды изъ ляници́!»
Я Павле му по ти огово́ри:
«А отува, кучка Павлевица!
Да сме живи два-та со-съ брата,
Да е жива наша мила сестра!»
Па не свидесе кучка Павле́вица:
Искачи се горе на чардаци,
Та убо́де това машко дете́
Убо́де го у свилны пе́лены
У пе́лены, у клѐто-то серце —
Потекли са керви изъ чардаци;
Па отиде кучка Павлевица
Отиде у ладны меаны.
На Павле-те по ти огово́ри:
«Дигъ се, Павле, да би се недигалъ!
Што ти се е ште́та учини́ла!
Убодено наше машко дете́
Убо́дено у свилны пелены
Убо́дено у клето-то серце,
Потекли со керви изъ чардаци».

Тогай рипна Павле добаръ юнакъ:
«Да глéдаме редомъ по ножéве —
Чіи ножи у керви утахнали,
Това си е штета учинилъ».
Та гледаа редомъ по ножеве —
Сестры Мары ножи у керви утахнали.
Проговóри Мара церноóка:
«Аво, братко, аво мили братко!
Ако семъ ти штета учинúла,
Изнеси ме на висока елá,
Расѣчи ме на четири дѣла:
Де че падне моя руса коса,
Тамъ че никне тая гаста гора;
Де че падатъ мои церни óчи,
Тамъ че извратъ два студна кладенца;
Де че паднатъ бѣли рацѣ,
Тамъ че никнатъ двѣ танки топóле;
Де че паднатъ мои танки вѣжди,
Тамъ че извратъ морски пья́вици;
Де че падне моя рамна снага,
Тамъ че стане церква Маріица».
Изнесеа на висока елá,
Расѣчеа на четире дѣла:
Де-ка падне нойна руса коса,
Тамъ никнáла тая гаста гора;
Де паднале нойны церни очи,
Тамъ изврéле два студна кладенца;
Де паднáле нойны танки вѣжди,
Тамъ изврéле морске пья́вици;
Пе паднáле нойне бѣли рацѣ,
Дамъ никнáле двѣ танке тополе;
Те паднáла нойна рамна снага,
Дамъ створúласе церква Маріица.
Поболѣ се кучка Павлéвица:

Обидоа орье и загорье,
Немогоа лѣкове да найдатъ, —
Изъ кости му трава пропикнáла!
Изъ очию муи пролитаятъ,
У уши-те погáнци матúле.
Проговóри кýчка Павлéвица:
«Аво Павле, аво добаръ юнакъ!
Да ме носишь церкве Маріице».
Па усобра косты у рѣшéто,
Однесе я церкве Маріице:
Оддалекъ е церква согледáло,
Одблизу се церква затворúло —
Попóве-то онемѣле,
Дякове-то ослѣпѣле;
Проговорú церква Маріица:
«А отува кучко Павлевице»!

№ 89.

Село Бабица (Трен. окр.); 26 ноября 1879 г. въ мѣстечкѣ Брѣзникѣ запи-
сана со словъ Дёши Тодорова.

(тоже).

Два брата много добре живовали,
Сестру Нейтю много миловали:
Одъ милосты на пазаръ одвели —
Што видѣли се и окупили:
Видѣли су ножи у ножница,
На ножеве три струкеве вериче,
На вериге педесе прáпорца,
На прапорци златно огледало —
Да се Нейтя често огледуе,
Да ли е бѣла, иль е червена. —
Несвиде се на кучку Павловицу,

Та се дпже ночи п средъ ночи,
Та украде Нейтины ножеве,
Та убоде два вола на адрѣ(?),
И убоде конекъ на пойвани,
И убоде товá мужко дете,
И расипа до двѣ бъчве вино
А третя-та люта-та ракія;
И с'окала кучка Павловица,
И с'окала стопаница Павла:
«Дигъ се Павле, да би се не дúгалъ!
Каквъ се пакость направúло:
Убодены два вола на одри,
Убоденъ конёкъ на пайвана,
Убодено товá мужко детé,
Распано до двѣ бочве вино,
А третя-та да та люта ракія»;
Рипа Павелъ на тънке кошуле,
Па се чуди Павелъ, што да чини;
Учило га негово-то любе:
«И това ли да те учимъ?
Редомъ реди по града, по Солунь,
Редомъ реди, да ножеве гледай,
Чии ножи у кьрвь потонули,
Тіе са тоя работили».
Редомъ реди, та ножеве гледа,
Нигде нема ноже у кьрвь потонуле;
Кадъ погледа Нейтине ножеве —
Онп су у кьрвь потонули:
Сестро Нейтё! моя сестро!
Оты си пакость направила?
— «Не семъ, брате, ко ми живи віе;
Я брале, много се вѣрно кълнемъ».

(Конецъ не досказанъ).

№ 90.

Трен. окр., с. Бабица; 25 ноября 1879 г. записана со словъ 10-тилѣтней дѣвушки Христины Стоянчиной.

(Предотвращеніе любовной связи брата съ сестрою).

Пишти́ пиле подъ небесе,
Пишти́, пишти́, та си главу кине:
Чуйте стары, млады паметуйте!
Не е било, не че па-й да буде—
Братъ и сестра́ на ча́рдаци сѣду́,
Те играю со-зъ златну ябуку,
Емъ играю, емъ че се залю́бу.
Не дочула ги гиздава девойтя,
Нель си до́чу турче Саратличе;
Па казуе Турче Саратличе;
«Казуй си-отъ коя́ си рода́?»
—Че да кажемъ, Турче Сарадличе
Че да кажемъ, да грыжа не ме е:
«Я си имамъ и ма́йтю и башту́,
Я си имамъ и брата и сестру́;
Ка' су били первне размирице,
Тагай-си го Турци заробúше,
А я-си на сису оста́ла».
—«Казуй, како́ е име?»
—Че да кажемъ-грыжа не ме е:
«На ма́йтю-Мару меанджійтю,
На башту-Пауна войводо,
На брата ми-Николо войводо,
24 А мене Паунтя девойтё.

(*не кончена*).

№ 91.

(Загорье) Берков. окр. с. Вершецъ; 11 февр. 1880 г. записана со словъ Дамьяна Тодорова Пецынъ.

(Распредѣленіе подати (порѣза) въ деревнѣ).

Кехіяты[1]) ви́ка пó село:
«Коги́ ште баде зарана,
Свичко-то село да се саби́ра,
Да рѣжатъ царска миріяͅ».
Коги́ било е зарана-та,
Свичко-то село собрало се —
И стары кметове и млады
И рѣзали царска миріяͅ.
Чорбаджи Лазаръ продума:
«Селяне и кметски синове!
Редомъ вергія рѣжéте —
Кому́ педесетъ, кому́ шесé,
А на моё брато синъ Тудоръ
Да рѣжете сто и педесé:
Че има стока свекаква
Й дрóбна и ядра».
А Тудоръ за́плака и рече:
«Чиче, Тудоре, Тудоре!
Што самъ ти зло направилъ?»
Та па си домо-ка отидé,
И на майтя си продумá:
«Мале, стара — никаква!
Да видышь мале стара,
Чичо Тудоръ предъ село што продумá!»
— «Што е, сине, продумалъ?»
— «На селяне говори:
«Селяне и кметски синове!

[1]) Глашатай.

Редомъ царска вергія рѣжете —
Кому педесеть, кому шесдесетъ,
А на синъ на мой братъ Тудоръ
Да рѣжéте сто и педесé:
Че има стока свекаква
И дробна и ядра».
Стара майтя го научи:
«Ако, сине, чиче тако продумалъ,
Я земи, сине, сертме [1]) севрія [2]),
Па отиды Тунджа, Маруца,
Да ферлишь сертме севрія,
Да фанешь рыба скомрія;
И онъ майти си послуша:
И узе сертме семврія,
Та ферли у Тундже Марице,
Да фане рыба скомрія;
Онъ не фанá рыба скомрія,
Но фана глава човѣчка —
Оште керве течеа.
И онъ е дома занесе,
Па на майтя си продумалъ:
Ела, мамо, моя мила мама,
Каква ти рыба уловихъ:
Не фана ти рыба скомврія,
Но фана ти главá човѣчка».
Тогива майтя продума:
«Я иды, сине, я иды
Я иды у чичины-те слами,
Та заври тая глава човѣчка;
Па да идешь, сине, заранъ одъ зарана,
Да видишь, да ли чиче тая дума продума?
Ако продума па такá,

---

[1]) Мрежа.
[2]) Густой.

А ты тогива да речешь:
«Чичё Лазаре, Лазаре!
Па ты ли си, чичё, харенъ
Харенъ и па вреденъ!
Де-ка-то терговци претычатъ,
Тамъ ги глави-те узимашь, —
И съ-ношка, чичё, терговецъ претече,
И съ ношка му гла́ва одсѣчешь,
И глава́-та му у тво́я-та слама,
У слама иржана турната!»
Чичё му Лазаръ продума:
«Селяне, кметски синове!
Ако има глава човѣчка
У моя́ слама иржана,
Свички мой малъ да е просто
Да е просто на царо—
Ако да идете селяне
И да па намѣрите глава човѣчка
У моя-та слама иржана.
Хайде, селяне, идеме, да видиме».
И отшело́ село-то и намѣри́ло
Глава-та човѣчка у слама-та.
И земало му село мало,
А царь му деца и мало аризалъ

№ 92.

Г. Радоміръ; 30 ноября 1879 г. записана со словъ Таски Моавискаго.

(Споръ двухъ братьевъ объ имѣньи — собственно изъ-за шестокрылаго коня, сивыхъ «загаретъ» и сивыхъ соколовъ.

Два си брата, два са, бре, близна́ка.
Едини Петеръ булюбаша,
А други Павелъ господара

И два-та са ного зендинъ[1]) били
Постаріё Павелъ господарь
Помладіё Петеръ булюбаша.
Продумало Петеръ булюбаше:
«Слушай мене, Павелъ господаро!
Имаме си сто дулума лозье,
Имаме коне́ и гове́да,
Имаме козы пай овцы,
Имаме синиви и ливады,
Имаме сиви гелыбета,
Имаме ситни загаре́та
Имаме сиви соколета»;
—Помладіё Петеръ булюбаша.—
Кога́ бѣше рано одъ зара́но,
Дума дума Павелъ господара;
А Петеръ му дума продумуе:
«Не ти хочу ни козы, ни овцы,
Ни ти сакамъ коне́ и говеда,
Само хочу коня шестокрыла,
И си сакамъ сиви загарета,
И си сакамъ сиви соколе́та
И си сакамъ сиви гелыбета».
Дума дума Павелъ господара —
Дума дума на негове любе:
«Слушай мене, мое первнелюбе!
Кога́ биде рано одъ зарано,
Да ми справишь коня шестокрыла;
Кога́ ойде Петеръ булюбаша,
Кога́ ойде у село́ на церкви,
Кога́ ойде Богу да се мо́ли,
Ты да готвишь той сладки ручко́ве,
И да туришь у сладки ручкове
Да си туришь тоя люты отровъ»;

[1]) Богатый.

Нойна снаха ного умна била,
Ного умна и нόго разумна,
Готвила си той сладки ручкόве.
Продумало Петроёви братόкъ—
Дума дума на негове любе:
«Я че ойдемъ у горá на ловъ;
Ако не би ты това направило,
Че те сѣчемъ мерва по мерва—
Найголемо, враминёкъ што носи».
И него жена дослушала.
Павелъ ойдé у гора на лόва,
А Петеръ ойде у село на церкви,
И си ойдé и си Богу мόли;
И четеа попове, владыки.
Излезна Петеръ булюбаша,
Излезна низъ село, низъ цéркви;
И си ойде дόма на дворόве,
И го срѣтнá негова-та снахá:
«Слушай мене, Петеръ булюбаше,
Я ти готвимъ тоя сладки ручкόве,
Како каже твоё браты Павелъ:
Я че хойдемъ у гора на лόва,
Ты да готвишь Петре-ти юнáка,
Да му готвишь то сладки ручкόве,
У ручкове това люты όтровъ,
Зеръ ка дойдемъ низъ гора, низъ лόва,
Че те сѣчéмъ мерва по мерва—
Найголемо, враминёкъ што носи».
И си дойде Петеръ булюбаша
И си дойде низъ село, низъ церкви
И си земáлъ големо пречесіе,
И го срѣтнá негόва та снáха
И го срѣтна и рáка целива:
«Слушай мене, Петре булюбаше,

Какво каже, твоё браты Па́велъ:
Петеръ ойдé на село у цéркви,
И оно ми вѣрно отказа́ло:
«Ка излезне Петеръ булюбаша,
Да му готвишь тія сладки татліи,
Да туришь у ния то́я люты отровъ».
И Петеръ си дума проду́муе:
«Слушай мене, моя мила снахо!
Моя снахо, моя мила майко!
Я улезны у ладны зевницы,
И и́знеси платно́ бабучéрно
И усучи до три жылты свѣшты,
Я че легнемъ у двори да у́мремъ».
И снаха го нéго послуша́ла,
И изнéла платно́ бобучерно,
И усукла до три жылты свѣшты.
И си легна Петеръ булюбаша,
Та си легна у дво́ры, да у́мре;
Покри́ла го негова-та сна́ха,
И запали́ла три жылты свѣшты,
И си изви той зелены титки;
А ка ошелъ Павелъ господа́ра,
И одкара́лъ коня шестокры́ла,
И си одвелъ си́ви соколéта,
Излезнала бѣльтя златнокрыльтя;
И си пушты Павелъ господа́ра
И си пушты едынъ братъ соко́ла,
И неможé нигде да я стигне:
Пиштъ́ пиле до Бога чуе се;
Кадъ си пушты други братъ сокола,
Ка я стигна́, ка ю душа вади,
И тогай си Павелъ съосети́ло,
Де не може братъ безъ брата да биде;
И уяна́ ко́ня шесторыла,

И го бутна́ негови дворо́ве,
Ега може брата живо да намѣри.
И улезна́ негови дворо́ве:
Ка си виде брата упружена,
Извади́ ноже́ пота́йно,
Да се муне у клето-то серце;
Што-то бѣше негово-то лю́бе
И въеднагъ ему дума продумала:
«Да видишь ты, де не може
Братъ безъ брата да е».
А што-то било на Петеръ булюбаша снаха́
Она била умна и ра́зумна:
«Петеръ не е у дворы поумрелъ,
Живо сѣды́, а у дворъ помре́ло».
Тогай каза Павелъ господа́ро:
«Стани ты-зи Петеръ булюбаше,
Просто да е коня шестокры́ла,
Просто да са сиви гелыбета,
Просто да са ситни загарета,
Просто да са сиви соколета!
Сега́ видо́, де неможе
Братъ безъ брата да е;
Ного била твоя сна́ха —
Мое первне-любе умна и ра́зумна.
И тогай казало Павелъ господара:
Чуешь мене, Петеръ булюбаше
Ты не сакашь делъ да ми делешь;
Не ми сака́ козы и пай овцы,
Ни ми са́ка коне́ и гове́да,
Ни ми сака сто дулу́ми лозье;
Просто да е тебѣ коня шестокры́ла,
Просто до са сиви гелыбета
Просто до са ситни загорета́
Просто да са сиви соколета!

№ 93.

Село Нова-Мала, близъ Пирота; 7 ноября 1879 г. записана со словъ Іоны Кирины.

(Споръ двухъ братьевъ изъ-за коня и сокола).

Прогово́ри дзвездица даница:
Тако м' Бога, тія мѣсяцъ,
Кудъ се било у тре́тью ве́черъ,
Та те не́ма на небу да грѣешь?
— И́зговори тія самъ мѣсяцъ:
Я самъ билъ у тре́тью вечеръ
Я самъ билъ у Русію зе́млю
Тамъ сидѣла два брата роджени:
Све су благо раздѣлили
Саде коня́ су не раздѣлили
И со-съ нега сива соколе́нца;
Па стари сака коня́ да узме,
А по́млади га за свадбину пе даде;
Тега проговори по старіё-тъ брата-тъ
Проговори со свою перволюбу:
«Да отруешь по́младо́га брата,
И я чу са соколемъ идемъ;
Када дойдемъ, бра́та подъ покровъ да найдемъ».
Онъ уше́лъ у ловъ,
Па отише́лъ у сине езерь;
Па си пу́шти сиво соколенце,
Да улови пло́вку златокрилку.
А оне́[1]) би́ле много на родуту,
Та на соколе крила потрошише;
А соколъ пиште, у небу се чуе.
Тагай онъ се тешилъ:
Тай си сиво соколенце!
«Чу те, да те чувамъ до твоё-тъ животъ;»

---

[1]) Т. е. Пловки-утки.

Проговори сиве соколенце:
«Тешко мени, докъ ме ти е чувашь;
Тешко мени безъ брата родженогъ».
Онъ се текъ вернувсе на домъ,
Да се иде, да затéче брата съ душомъ;
Де мине презъ моста каменъ,
Коня-тъ се строши ногу у копиту,
Та и онь се пи́штн — у небу се чуе.
Па онъ нéму говори:
«Тай се коню, немой да се пиштишь,
Чу те: чувамъ до твóя живóта».
— «Тешко мени, докъ ме ти е чувашь;
Тешко мени безъ брата родженогъ».
А онъ остáви коня́ нá путъ;
Скоро търчи дома, да се стигне,
Да се найде брата съ душомъ.
— А снаа-та била много досетница:
А она извéла девера тога на висóки чардакъ,
Прекрила га съ то бѣлó платнó,
И запалила му тее жылте свѣче.
— А онъ презъ дворъ търчи:
«Леле любе, леле перволюбе!
Што ти, рекъ, да ми си створила?
— А она рекла:
«Што ми се казалъ, све самъ завершила».
— Тага онъ и́звади óстри нóжи,
Да убоде своé клетó сéрце,
А тагай вáну свое перволюбе.
— Немой, войно, не семъ завершила:
Обишла, да види, кáку жалъ за брата!
Она брата живога завила,
Не го уморила—
Да ви́ди, кака жалъ за брата!

№ 94.

(Загорье) Берков. окр., с. Гушанци; 13 февр. 1880 г. записана со словъ Герасима Русинова.

(Похвальба болгарина передъ евреями въ г. Солуни въ кофейнѣ, что онъ на своемъ борзомъ конѣ въ одинъ день отправится въ Царьградъ и обратно возвратится).

Дигналъ, ми, се Радойно
У света млада недѣля:
Чарны си очи омыло,
Запáлилъ чибукъ — килибаръ,
Замѣтналъ кужухъ нá рамо —
Големъ го дьяволъ оздýло, —
Та си нейдé на церква,
На си отиде па Солунско кафене;
Шекерно кафе испило.
Таманъ Радойно да си пойде,
Затекоа го мърсна вѣра Еврея;
Големъ са облогъ правúли,
Че има кóнче 'ранено,
За денъ да иде Цариградъ
За денъ да и де и да дойде;
Ако не дóйде, мърсна вѣра Еврея
Кышта-та бѣгликъ да му зéматъ,
Млада Петкана рóбкина
Со-съ това машко детéнце;
И ако си иде и да дойде,
Просто да му са еврейски дутяна
Покрай синё-то море,
Со-съ товá тежко иманье —
Дуръ деветъ дутяна со-съ тія маргаре,[1])
Десята помлада еврейкина».

---

[1]) Монисты.

Тогива шеи-те [1]) фанáль,
Та па отиде на домá;
И негова Петкана на порты стояше,
На рака машко дете держеше.
И заминалъ ю Радойно
И не погледналъ на Петкану;
И детенце бѣше заплáкало,
Че си го башта бѣше наýчило —
Когѝ си идешь изъ цркве,
Онъ си детенце зéмеше,
Та го у кышты унесé,
И когѝ детенце не узе,
Оно заплáкало.
Влезна Петкана по Радойно
И си дума говори:
Либе ми, либе Радойно!
Да ли на детé ядýвашь
Иль я не сéмъ ти ýбава,
Ка'-то первня-та вечера,
Ка'-то двѣ-те та неделя,
Ка'-то первня-та гóдина?»
И онъ тогива дума говóри:
«Я-си на детé не ядувамъ,
И ты-зе си ми ýбава;
На ли одъ заранъ дигнá —
Големъ ме дьяволъ издулъ —
Та си не отидó на церква,
Но си отидó на Солунско-то кафене;
Шекерно кафе испилъ;
Таманъ, бре, да си пойда,
Затéче ме мърсна вѣра Еврея;
Големъ семъ облогъ напрáвилъ:

[1]) Свидѣтель.

Че имамъ кóнче рáнено
За денъ да ида и да дойда
Да дойда у Цариградъ.
И казалъ бѣше Петкани,
Да справи му коня;
А самъ си легналъ та заспалъ.
Петкана си кóня гледáла,
Сребрене гривны разваля,
На коня плёчи правила,
Златены перстени трошила,
На конё пироне [1]) правила;
Та му кракá-та [2]) подкóвала;
Студена го вóда напóила,
Сребрено му сѣдло турнáла,
Деветъ коланé стигнáла,
Златена му юзда турнáла.
Зоря-то трепе-излáзи,
Петкана Радойно бýдеше:
Дигайсе, дигайсе, Радойно!
Зоря ми трепи-излази.
Мърсны еврея покрай порты вардиа,
Тебе да ти испратать».
Дигналъ се дѣте Радойно
Черны́ си очи омилъ,
Шекéрно кофé испило;
Петкана му кóня привéла;
Имъ се сребряна зенгія стапналъ,
Феркнáло коньчé-то, та пошло,
Премéтнало деветъ кадылаци [3]);
Доръ се на него преферли,

---

[1]) Подкова.
[2]) Нога.
[3]) Губернія.

Опште деветъ преметналъ;
Доръ се кракó у зенгія намѣстилъ,
Доръ си е кожуо заметналъ,
Опште деветъ преметналъ,
У Цариграда улѐзналъ —
Таманъ е било нá пладне,
Ка'-то влезнáлъ тамъ;
Конё си на меана верзáлъ —
Тая меана бѣше евреска;
Па, ми, отшелъ на полиція;
Големъ ферманъ четéа,
И му други писáа
И му пи́саа и дáдоа;
Верналъ се бѣше Радойно,
Одверзалъ си конё одъ дирекъ,
Евреинъ му дума — говори:
«Когá дойдешь ты, у назе свернешь»;
А Радойно каза,
Че големъ облогъ прави́лъ;
Тогива евреинъ рекелъ:
«Чекай, дадемъ една чаша ракія́». —
Не било ракія, но било верло отрóва;
Та легнá Радойно, та заспа;
Слънце-то трепе да зайде,
Конё му вишти и кóпа:
«Дигай ми се, Радойно!
Слънце-то трепе да зáйде,
Кышта ти бѣгликъ отидé,
Млада Петкана робкина
Со-съ това машко детенце».
Дигналъ ми се Радойно,
Дребни се сълзи порóнилъ;
Конё му дума говори:
«Студена вóда да ме напóишь,

Бѣла рапсалица[1]) да ми закачешь,
На мене да си укáчишь,
Очи́-те съ кьрпа да си превéржешь,
Да извáдишь дваяна камджія
Со-съ тія златни куршу́мы,
Да ме удáришь три паты;
Доръ се свія, да феркна,
Ни ти ште нá небо,
Ни ти ште нá земи,
Самъ до два тéвна óблака».
И онъ го студéна вóда напоилъ,
И му бѣла рапсалица закачилъ,
И му деветъ колáна постéгналъ
И се на нéго укáчилъ;
Очи се съ кьрпа преверзалъ;
Извáдилъ дваяна камджія,
Та го удáрилъ три патьı́.
Доръ се кончé свило,
Феркнало предъ деветъ кадылаци;
Радойно ферлилъ маздракъ,
Та си забувалъ у нéговъ дворъ.
Тоги́ва Петкана по дворъ одаше,
Зеленъ керчагъ у рака нóсаше,
У него вóда студена —
Не си е била вóда студéна
На е било верло отрова;
Ка'-то слънце трепне да зайде,
Онá да се отрови.
Ка'-то видела маздракъ у дворове,
Она еврея разгóнила:
«Урипете-се, каже, проклеты еврéи!
Радойно си бѣше дошелъ-ка,

[1]) Родъ жита, ярица.

Амо легнáлъ та заспалъ».
Онá това изрéкла,
И конче се свило, паднало,
Радойно одъ него слезнáло.
Излезналъ бѣше на порты,
Подбралъ бѣше еврея,
Та ги завéде на Солунско-то кафене;
Евреи му се молеа:
«Просто да ти са дутя́не
Съ това тежко иманье,
И доръ деветъ дутяне
Со-съ тія маргари,
Амо да ны опростышь
Да опростышь помлада еврейкина».
А Радойно рекелъ:
«Не проштава еврейкина».

№ 95.

Софійск. губернія, село Столникъ; 28 ноября 1879 г. записано въ мѣстечкѣ Радомірѣ со словъ солдатика Волка (Волчё) Гешова.

(Какъ Стояна избрали въ старшину надъ обозомъ въ 500 возовъ).

(Изъ караваннаго обычая).

Големъ се бѣгликъ зачело:
Петъ стотинъ кола софишки
Петъ стотинъ кола загорски,
Па се сабрале фо-фъ долни Лозенъ
На механа червено вино пія
И тая бистра ракія,
И вѣрна дума думале, —
Когó крамаринъ[1]) да туратъ

[1]) Старейшина каравана.

На петъ стотинъ кола софишки,
На петъ стотинъ кола загорски;
Па си турйле Стояна,
Стояна Долно-Лозлянче:
Че знае·Стоянъ, че знае
На дълги патишта кра́ёве,
На Витимъ-вода бродове.
Па си ошéлъ младъ Стоянъ
При стара майтя рождена,
Па си на майтю казува:
«Малеле, мила моя малеле!
Язе се млого измамихъ,
Измамихъ, мале, излагахъ;
Стана си младо крама́рче
На петъ стотинъ кола софи́шки
И на петъ стотинъ загорски —
На ильядо кола крамаринъ,
Крамаринъ язе да бидемъ».
— А майтя си му думаше:
«Сину, Стояне, Стояне!
О ты се, сину изла́га,
О ты се сину изма́ми!
Айде, сину,—ка си ойдете
На Витимъ вода дълбóка,
Та си биволе ра́серди,
Ярми-те да ти потрошатъ
И тія жегли сребряны,
Додé сѣдите, да се напредватъ,
Дружина да си забаватъ,
И млого пари́ поа́рчатъ,
Оште еднащъ тебе-ка крамаринъ
Крамаринъ да си не ту́ратъ:
Ти-зе си млогу а́джамія,
Ти-зе си единъ у майтя,

Може си младо загина».
— Какво́ си они́ отишли
Край Витимъ вода дълбо́ка,
И Димитеръ си на биволе думаше:
«Де д'иды брешко Влаинче
И ты-зе кула Караманъ,
Отука ме извадете
Низъ Вити́мъ вода дълбо́ка,
Я шта коса-та да си о́скуба
Да я про́дада, купи́те
Што ви позлата, рогови,
Рогови што ви по́сребра».
— И биволе го послу́шале,
Извади́ле го низъ Витимъ вода дълбока
И онъ си коса оскуба,
И сичко си прода́де,
На биволе копита позлати,
И ро́гове имъ посребри,
И стара майтя пригледа:
«Небойсе, мале, небойсе,
Ты-зи си майтя, па майтя,
Ты-зи си мене роди́ла,
Язе шта глава́-та да си дамъ,
Иллемъ(-иль емъ) тебе-ка не давамъ;
Ты-зи си мене майчица,
Язе шта тебе-ка да гледамъ,
Какъ двѣ-те очи мои́-те, церни́-те,
И те шта така да гледамъ,
Доде мене очи-те гледатъ;
Одкадъ си язе загина,
И тебе тога́ не гле́дамъ.

№ 96.

Кюст.-Бан. окр., с. Жилинци; 5 дек. 1879 г. записана со словъ дѣвицы Анны Карадановой.

(Заключеніе условій).

(*На праздникѣ св. Николы, 6 декабря*).

Николо, море, Николо!
Дружина си соби́раятъ
У меана вино піятъ,
Тежка кирія пазаратъ
Тежка кирія — олово,
Ногу далече го каратъ —
На Нишъ, на Видинъ, на Бѣлградъ.
И Николо че да иде;
Па на майтя-си гово́ри:
«Малеле, мила майчице!
И я чу, мале, да идемъ —
Волове са ми биволе,
Кола́-та ми желѣзна,
Ярмове са ми среберны,
Жегла-та са ми зла́тени»;
Па на майтя си говори:
Эве, малеле, мила майчице!
Невѣста-та да ми чувашь:
Често ё на паза́ръ во́ды,
Да си видуе другачке,
Да се, мале, не растажи».
Па му майтя набра́ ро́сна китка,
Та я даде на Нико́ла
И на Никола говори:
«Синко, Николо, Николо!
Додека китка цавти,
До тага да а жалѣишь;
Фане ли китка да вене,
Тогай че се она ожени».
Отишелъ младъ Никола.
Фанала китка да вене;
Гово́ри Никола на дружи́на:
«Дружина вѣрна, собрате!
Да ми чувате кола́-та
Колата и волове-те;
Я че си идемъ на свои домове:
Че ми се ожени любне-то.

№ 97.

Село Бабица, Тренскаго окр.; 18 ноября 1879 г. записана со словъ Дěши Тодорова.

(Златокрылая утица помогаетъ юнаку Смиляну пріискать двухъ снохъ-«близнакинь» для его двоихъ сыновей-близнецовъ).

Башта чува́лъ до два ми́ла сына,
До два сына, до два су близнаци.
Дойде време синове да жени,
Че да тражи до двѣ миле сна́е,
До двѣ снае, до двѣ близнаки́не —
Они́ брайтя да су бажанаци,
Оне́ сестре да су етерве.
Наточилъ е двѣ златни здравице,
Па си справи коня Пеливана,
И си узе пу́шка нишанлія,
Па си пойде презъ горе зелене,
Па се виде́ пиле златокрыльку, —
Па на́слони пу́шку нишанлію,
Да убіе пиле златокрыльку;
А она Смиляину дума:
«Немой мене, Смиляине юначе:
Да я зна́емъ, куде́ ты си пошелъ;
Ты си имашь до два мила сына,
До два сына, до два, бра близна́ка,
Па си тражишь до двѣ миле снае,
До двѣ снае, до двѣ близнакине;
Я си знаемъ, де има до двѣ близнакине,
Та су сестре, та си су етерве,
А два брата да су бажана́ци».
Одведе га у града незнана;
Та си найде до двѣ миле снае,
Емъ су сестре, емъ да су етерве;

Утокми Смилянинъ юначе;
Па си пойде Смилянинъ юначе,
Па по тія оговори:
«Остань съ Богомъ, добры домачине!
Да ми справишь до двѣ миле снае,
А я чу да идемъ на моé дворове,
Да си справимъ до два мила сына,
И да зберемъ до триста свáтове».
Отиде юнакъ Смилянинъ,
Отиде на свои дворове,
Па каза на свое любне:
«Я си найдо до двѣ миле снае,
До двѣ снае, до двѣ близнакине,
Да су сестре, да су етерве».
А любе му тія продума».
«Немой да идешь Смилянинъ юначе;
Лошь семъ сенъ гледала:
Долетеше два сива гóлуба—
Ка' дойдоше, со-зъ главе дойдоше,
Ка' отоше, безъ главе отоше».
Онъ не слуша неговей любе:
Собралъ си е до триста свáтове,
Та си ойде презъ гору зелéну;
Отиде си у града незнáна,
Та си узе до двѣ миле снае,
До двѣ снае — до двѣ близнакине;
Па си пойде презъ горе зелене,
И си води до двѣ миле снае;
И напредъ ишелъ Смилянинъ юначе
И са-съ неге снае-си идутъ;
Два дни оде, нема да викаю;
Па лежаше на равне рудúне;
Кога биде рано одъ-зарана,
Пай си иду презъ горе зелéне,

Тагай су снае завикале.
А питаль ги Смиляинъ юначе:
«Што викате до двѣ миле снае?»
А оне су тагай продумале:
«Леле тате да нашъ миле свекре!
За кога ны водишь?
Я пречекай китене сватове:
Дали иду до два твои сыну,
До два сыну, до два младожене»?
Шевнулъ коня Смиляинъ юначе,
Та преброи китени сватове;
Сви сватове подъ брой искочише,
Али нема до два мила сына;
Тога бутнулъ коня́ назадъ,
Та отиде на равне рудине:
Какво спали, такви погинули —
И на два та главе одсѣчене;
Тагай слезе одъ коня доброгъ,
Та си узе до двѣ русе главе,
Та ги тури коню у зобницу;
Па си стиже китени сватове,
Стиже, па ги за́мину,
Саатъ мѣсто до дома-си дойде:
Искочило негови-то любе,
Та питу́е Смиляинъ юначе —
Не питуе за снае — не пита,
Нель питуе за свои сынове:
«Да камо до два мила сына,
До два сына, до два, бра, близнака?»
Онъ си вика, до́ Бога се чуе.
Чуешь, каза, мене, первнолюбе!
«Еве тебѣ до двѣ златне я́буке,
Да ги шожемо, додека смо живи». —

№ 98.

(Загорье) Берков. окр., с. Гушанци; 13 февр. 1880 г. записана со словъ Младена Младенова.

(Храмовой праздникъ въ селѣ).

Собра́ло се село-то
Собра́ло се на Бору́ванска могила —
Сви се селяне сабрали;
Соборъ правяа и Бога мо́ляа:
«Боже мили!
Ага ала не дойде,
Соборъ да не разва́ли».
Тама́нъ това изре́кли,
И ала дойде́ и соборъ имъ развали.

№ 99.

Велескій окр. (въ Македоніи); 2 дек. 1879 г. зеписана со словъ Лазаря Хажіева.

(Неопредѣленнаго содержанія).

Каравело, мори, мала мома:
Оптеди ходышь неженéно?
— Булюкбаши по конаци,
А сеймены по чаршіи,
А сеизи край огнипте;
А ти насъ не насъ изма́ми;
Све измами, све соблече —
И коне-то ны ги зема,
И пары-те ны ги зема;
Дай ми, баре, малко паре,
Да си купамъ Врана коня —
Дружина-та ми се смѣе, —
Да не ходамъ пѣшь».
Одговара Каравéла:
«Кой давало, лудо било,
Кой зимало, паметно би́ло;
Триста дадохъ за мониста,
Двѣсте дадохъ за стары бабти,
Шесъ стотина за дерданы,
Седемъ стотины за желтице;
Што ти земахъ, све поарчихъ;
Когá си ми пары давалъ,
Мартиры ми ты извади».
— «Не ти давахъ на пладнина,
Ни ти давахъ по борина,
Него нóтье на месечина».

№ 100.

Соф. окр., село Кремиковци; 2 февр. 1880 г. записана со словъ крестьянина Стефана Крачуна.

(«Попей ми слуго»).

(*Застольная пѣсня—трапезная*).

Попей ми слуго,
Повесели ми гостье-то:
Да ми е гостье весело,
Да му е течно яденье,
Да му е пивко пиенье;
Слуга му тія оговора:
«Не мога да ти попея,
Тежка е грыжа на мене:
Видышь ли Стара-Планина?
Колко е магла на нея,
Толко е грыжа на мене —
Че имамъ сина да жена;
Това е грыжа на мене.

№ 101.

Г. Паланка (въ Македоніи); 29 дек. 1879 г. записана со словъ священника села Рыла Василія Христова.

(«Яребиче́нце, Препериче́нце»).

(*Мірская слава*).

Яребиче́нце
Препериче́нце!
По пóле шéташь,
По друмье скáкашь,
По друмье скакашь,
Цернъ пи́теръ клю́ешь;
Одъ друмье летнешь,
На кашта ми паднешь;
На кашта ми слáма,
Укашта ми слава.
Ой борье, борье!
Зелены борье!
Тéбе те сѣчатъ деветъ сѣки́ры,
Одъ тéбе лети́ деветъ иверъ,
Па си лети́, лети́
У срѣда ми дворье,
А у двори ми среберни столе;
У столе сѣди Иванъ господаръ,

У рацѣ держи́ среберна чаша,
Пълна е ро́вна това́ руйно ви́по;
Напимисе Иване
Добри домати́не:
Живо ми ти гла́ва
За-длъго ти слава;
Богъ да ти помо́гне
И светы Іоване!

№ 102.

Село Влаи, Мельникскаго окр. (въ Македоніи); 16 дек. 1879 г. записана в селѣ Бобошевѣ со словъ одного слѣпца.

(Банъ Стефанъ строитъ церкви).

(*Поется за трапезой*).

Стефанъ бано церква гради,
Церква гради-светы монастырь,
Церква гради Софіянска.
Омутъ има да покрива, *(стихъ 2 раза повторяется)*
Да покрива со-съ алтына;
Што не стигна со желтица,
Да покрива со-съ кара-грошъ; *(2 раза)*
Што не стигне со-съ кара-грошъ *(2 раза)*
Да покрива съ жёты свѣшты.
Одгово́ра на Стефанъ банъ:
«Немой гради света церква *(2 раза)*:
Не скандисатъ клети Турци *(2 раза)*
Тебе може да клеветатъ» *(2 раза)*.
Ка си дочу Стефанъ бано,
Остависе света церква,
Заградисе едны мосты.
Тебе пе́емъ, Бога славимъ, *(2 раза)*
Да се цавтишь, да се китишь,

Ка то ружа у градина,
Сиви соколъ у высѝна *(2 раза)*
Мрена рыба у длы́бина,
Бѣлъ трендафилъ у градина.

№ 103.

Г. Радомірь; 29 ноября 1879 г. записана со словъ Таски Петрунова.

(Горестное воспоминаніе о Бѣлградѣ).

Бре, Іоване, бѣлиграджанине!
Поверныся — Бѣлиградъ изгóре!
— «Ако гóри, да би пустъ останалъ:
У него семъ три годинъ робу́валъ —
Перва годинъ за добра-та коня,
Втóра годинъ за момá х́убава,
Трета годинъ за свилено руб;
Когá бѣше кóня за язденье,
Тогай ми я други преотеа;
Когá бѣше любе за любенье,
Тогай ми го други преотé;
Когá бѣше руо за носене,
Тогай ми го други преотеа».

№ 104.

Г. Радомірь; 1 дек. 1879 г. записана со словъ Таски Моавискаго.

Поединокъ пастуха Стояна съ медвѣдемъ; его спасаетъ кучка (сучка) «Синджирлика»).

Поселисе мечка-медвѣда,
Та издавѝ невѣсты по кладенци,
А можьé-то по Балканьé-то,
Децá-та по зевницѝ-те.

Собрали са се одъ три, ми, сéла
По триста — деветъ стотины,
Че гонятъ мечка-медвѣда;
И со-съ ни Стоянъ младъ чобáнъ.
Ошли са гора зелéна,
Нашли са мечка-медвѣда,
Нашли е подъ голéмъ камикъ —
Ядеше крава я́лова,
Што-то бѣше одъ деветъ годинъ я́лова;
Избѣгáли Кóсовци голобóсовци,
Што бѣя деветъ стотины,
Салъ останá Стоянъ младъ чобанъ.
И станá мечка мьрсни́ца
И стана и въеднакъ ревнá,
Вана се со Стояна млады чобáна,
Та се боратъ три дни и три ношти:
На Стояна млады чобана
Мечета му на нодзе жили извадия,
А Стоянъ держи мечка-медвѣда;
И на Стояна се досады́:
«Божице, миле Божице!
Имамъ ли родá, я пóродъ,
Или мой мили братóкъ,
Да ме дочуе, да дойде?
Станá три дни и три ношти,
Како се я съ мéчка боримъ,
Мечéта ми жили извадия».
Даде Господъ тоа ладенъ вѣтеръ;
Стоянъ пишти, до Бога се чуе;
Дочула го кучка Симджирлика,
Та извади́ деветъ лакты копье
Та извади́ низъ земи́,
И си търчи презъ гора зелена:
Со-съ нодзе си корене кóпаше,

У со-съ душа бу́ти пова́ляше,
И си найде́ у го́ра зеле́на,
Де се держи Стоянъ млады чобанъ
Держи мечка-медвѣда;
И тогай кучка Симджирлика
Вана си мечка-медвѣда,
Та кина́ мьрва по мьрва —
Найголемо врами́нёкъ да поси,
Та закача́ по гора зелена
Одъ дерво на дерво,
И си носи́ по равни дру́мове,
Та качуе одъ дерва на дерв о.
И тогай Стоянъ проду́мує:
«Кучице Симджирличице!
А че те водымъ на Стамбулъ,
Да ти посре́бримъ нодзе-те,
Да ти позла́тимъ ялаци.

ИСТОРИЧЕСКІЯ — ЮНАЦКІЯ ПѢСНИ И СКАЗАНІЯ.

№ 105.

Г. Радоміръ; 3 дек. 1879 г. записана въ Кюстендель-Банѣ со словъ Милоша Момчилова.

(Что способствовало усиленію Русскаго Царя?)

(*Пересказъ*).

Ка' бѣше Бугаринъ царь — и четвертый той бѣше царь, той Ойде-Русъ, да даде малко му поминокъ. Той му даде еденъ дѣлъ; тамъ имаше ногу рыбы у него, да лови рыби, да продава и да поминуе. И той (Русъ) лови́ еденъ петдесетъ годинъ време; послѣ

помислилъ, да исуши дѐло и да орѐ жито у него. А имаше една планина; прекóпа е подъ земня, и исуши све вода. Ка' исуши вода, найдѐ у дѐлъ три тóпове: перви-светъ Никола, втóрія-светы Петеръ, третіё-светы Рандель. Тія тóпове били нему ногу вредни: кадъ-то има битка на една странъ, тія си сами обраштая; отъ тія топеве ногу земня́ земá и найбогатъ стана. И перви онъ се станá царь.

№ 106.

Соф. округъ, с. Суводолъ; 31 янв. 1880 г. записана со словъ крестьянина Жёты Илкова.

(Царь Петръ (болгарскій) справляетъ свадьбу).

Царь Петаръ свадба правеше;
Се е поканилъ на свадба:
Одъ си-те, каже, крайнины
До седемъ, каже, крáлёве,
И си е деверъ поканилъ
Одъ мила родá негова.
Та па си е свадба прекаралъ,
И деверъ си е испратилъ, —
Та си на дворы отишелъ;
А майтя си го питуе:
«Сине Младене, Младене!
Што си те, царо, пóдари»?
Младенъ си го говóри:
«Малеле, мила майчице».
Млогу ме дарба дариа —
Одъ чисто злато кошуля.

№ 107.

Соф. окр., с. Суводолъ; 31 янв. 1880 г. записана со словъ крестьянина Жёты Илкова.

(Царь Асѣнь (болгарскій) настигаетъ Турокъ, плѣнившихъ его жену и сына).

Царь Ясень служба заслужи;
Та си е собралъ селó-то,
Та си ги вино пóяше.
Проклета да е една бабица:
Она на Турци казала:
«Турци-ле, Турци презморци!
Царь Ясень служба заслу́жилъ,

Та піе винó червенó
Со-съ негови-те селяне
Надъ селó подъ Кукаляне [1]),
На това бѣло каменье;
Подминете си царь Ясень,
Та му на калé ойдéте,
Та му калé-то разбите —
У кале никой са' нема».
И Турци са баба слушали,
Подминаа царь Ясень,
Та му на кале ойдóа,
Та му калé-то разби́а,
Та му царица робія
Со-съ зълва сестра Янинка;
Никой ги ни чу, не виде,
Видѣла си е мома одъ срѣшта
Одъ селó—одъ Панчарево [2]);
Та е окнала мома-та:
«Цару Ясене, Ясене!
Ты піешь, цару Ясене,
Піешь си вино червено
Со-съ чаша, со-съ позлатена,
Со-съ твои добры селяне,
И со-съ твои добры слуги,
Турци кале-то разбія,
И царица робя,
И детé ти погубія,
И сестра ти закарая».
Царь Ясень въеднагъ станало,
Та си у яхыръ улезнá,
Та си е коня извело,
Та си е Турци гонило;
Стигна ги и погуби ги;
Та си е везелъ царица
И зелва сестра Янинка,
И свое мушко дете.

№ 108.

(Соф. округъ; с. Быстрица; 7 февр. 1879 г. записана со словъ Аджи-Іована Славіева въ селѣ Васильевци.

(Турки завоевываютъ Балгарію; царь Асѣнь убѣгаетъ съ одною женщиною въ Россію; женидьба его сына на дочери Русскаго царя).

Когá дошли Турци у Бистрица, срѣшнали една баба, коя рекла: «честито ви царство»; а Турци рекли: «не маме царство, доръ не ванемо царь Ясеня». Рекла баба: «я чемъ царь Ясень лесно да ви ванемъ». Та ги провела низъ вóда ведена тамо, де е

[1]) Село это и теперь существуеть.

[2]) Село это находится по сосѣдству съ первымъ.

царь и царица. У то време царица е излела на оро со-съ тія сельски дреи; а баба казала на Турка: «те, тоа́ царица-та! и ю Турци ванали и закарали. Царь Ясень седѣлъ, та си ручалъ. Дошло аберъ нему: «Ты сѣдишь и піешь, а Турци закараше царицу». Царь рекелъ: «Петре, скоро софра прибирай! — Павле, конь ми изводи». Довели коня, и царь Ясень качилъ се на коню, па не согледалъ, че коню е опайвенъ[1]). Тако миналъ презъ село Кукаляне[2]). Отадъ миналъ презъ село Панчерéво[3]); отадъ миналъ презъ село-градъ Германъ[4]). Ошелъ тогай подъ село Лозенъ[5]). Тамъ пасли двѣ деца овци; онъ ихъ попиталъ: «минади ли туку Турци»? Они рекли «чичу! сега̀ туку заминаха; онъ рекелъ: «далъ че ги стигнемъ»? Они рекли: «какво че стигнешь? коню ти заклопенъ!» Тогай рекелъ царь Ясень: Эй, Кука́ляне, калъ да те біе! — Панчерéво — саде камикъ да е! а градъ Германъ-градушка да те біе — село да те на прави! а Лозенъ безъ коне́ да не са и безъ волове да не са, и жито садé, да имъ е ченица!» — Деца рекли: «чичу! нема по-туку вода»; а онъ рекелъ: «Господъ че даде вода!» — Тогай пресѣкалъ царь Ясень пайване-та и рипналъ коню — излели три кладенци вода. Кога бутналъ царо коня, стигналъ Турци-те и погубилъ ги, а царица-та вернлъ си и одвелъ я у Урвичь[6]) - градъ, со-съ желѣзны порты, а Искеръ заобиколилъ градъ Урвичь. Тогай царь Ясень попиталъ царица: «Кога́ Турци те водиа, имали ли нешто пакосъ?» Она рекла: «влезне вълкъ у овци, онъ си мирно не излезне: единъ ми е беркналъ у пазува»; а царо рече: «они са сета[7]), — тоа́ не е лошо, ка'-то сѣдеше при царо».

Па рече царица цару: «многу ги я аресахъ, кога идатъ да серать, они се міятъ». Царо се расерди, та погуби царицу

[1]) Спутанъ.
[2]) Село въ Софійскомъ округѣ.
[3]) Тоже.
[4]) Тоже, (село).
[5]) Тоже.
[6]) Село въ Софійскомъ округѣ.
[7]) Т. е. псета.

расферли я по единъ камикъ. И била царица доила дете, и отъ това дò днеська излеза вода бѣлá. Тогай царь Ясень со-съ една мома бѣгалъ у Русія. И тамока у Русія бѣше говедарь. Тамо му дали една бабица сельска, коя родила нему едно детенце машко. Дете изучило книга; ка' изучило книга, умрелъ башта-му. Когай детенце разбило сандакъ и нашло тамо царска капа и царските писма; тогай повѣрвало, че неговъ башта былъ царь и че има у Урвичъ закопаны бащины пары́. И натовари оно маски со солъ, та дойде у Софія; ойде у Урвичъ, со-съ писма найде бащины пары, та однесе у Русія[1]).

Преданіе это досказалъ крестьянинъ Филиппъ Мининъ такъ:

«Царь Ясень на Русія бѣше говедарь. Тогашни Руски царь никакву вѣру нéмаше. Царо Руски затражи да жени сина си; и синъ му рече: «че земемъ на говедара черку». Одговорилъ Руски царь: «добре»! — Царь Ясень - говедарь рече на царь Руски: «има ли нешто твой синъ одъ занаятъ»? — Онъ рекелъ: «ништо нема»! Рече царь Ясенъ-говедарь: «почекай, да го учимъ». И учише го царь Ясенъ-говедарь десетъ дни и научише да прави рогоже. Тогай рече царь Ясень-говедарь: «ка'-то може да прави рогóже, че му дадемъ мому́-ту». И му дáде мóму-ту. — И синъ на Руски царь не може да живѣ со-съ своя булка. Тогай сама булка рече: «бре, човѣче! мой баща знае траву самотворку, коя че помогне. И царь Ясень-говедарь соблекелъ синъ на Руски царь, па му ту́рилъ босилекъ, па му светилъ вóду, па го молитви́лъ, па го искупалъ. И оттогай лице-то сину свѣтнало, ка'-то на царь Ясень-говедарь. Па и самъ Руски царь — невѣрны, кадé даде сина на черку царь Ясень, стана ка'-то неговъ синъ, сирѣчь ристянинъ. И сега и Русія и Болгарія се едно — Ристянія.

---

[1]) Въ заключеніе сказитель замѣтилъ, что до настоящаго времени въ Кокалянскомъ монастырѣ «св. Рандела, што надъ самъ Искаръ, има чаша и кратуна одъ царь Ясень».

№ 109.

Г. Джумая; 27 дек. 1879 г. записана со словъ Георгія Емануйлова въ м. Рылѣ.

(Воевода Гедіянъ и царь Іоаннъ Шишманъ).

У торникъ се годы лудо-то Гедиянъ,
У недѣля-та зарани,
Свадба че се прави;
Дойде недѣля заранъ:
И пойдо́а у церква да идатъ;
И ойдоа у церква,
Армасаны — невѣнчаны;
Аберъ му достигна́ одъ царь Іованъ Шишманъ,
Достигна книга на рака-та:
«Та булче остави, Богме, подъ вѣнчило,
Армасано-невѣнчано,
Та си и́ди мени на помошь».
И тадай говори лудо-то Гедиянъ,
И гово́ри на свое-то любне:
«Справля́й коня моя-то Доряна,
Че се одымъ на Сафійско поле,
На Сафійско поле подъ бѣли чадори,
Дурь не е войска разо́рена».
И справи коня Доряна,
Таманъ тури ногу у зенгія;
Докле нога да преферли́,
Прекомъ пречи презъ гора зелена:
И гора-то укори,
И земя-то ископа́,
Докле дойде на Софійско поле.
Кадъ го виде царь Іованъ Шишманъ
Проговори тія милни речи:

«Благодари́мъ Бога за това,
Што имамъ та́кива юнаци!
Што терашь луду-ту Гедиянъ?»
— Што терамъ, цару Іованъ Шишманъ?
Дойде ми аберъ: «булу подъ вѣнчи́ло
Армасано — невѣнчано остави,
Та си иди царю на помошь».
И язе оставихъ булу подъ вѣнчи́ло,
И дойдохъ тебѣ да те видамъ,
Дурь не е войска разо́рена!
— И му проговори царо Шишманъ:
«А се верни, луду Гедиянъ!
На ти сребро, злато, ако искашь!
Иди — прави свадба своя». —
— И го тури у златна кочія,
И го проводи́, свадба́ да си прави. —

Затѣмъ сказитель прибавилъ слѣдующее: этотъ Гедіянъ былъ первый полково́децъ болгарскаго царя Ивана Шишмана; онъ дошелъ на Софійское поле, когда битва съ непріятелемъ была окончена въ пользу царя Ивана Шишмана.

№ 110.

Село Рыло; 30 дек. 1879 г. записано со словъ Димитрія Іованова.

(тоже).

Одкадъ се зоря́ зазори́ла,
Оттогай е войска повервела:
Конь до ко́ня, юнакъ до юнака,
У раце имъ се делги баряци:
Въ едну имать остри муздраци,
Въ другу имать тенки пушки;

Пушки-те имъ, като ясно слънце блештатъ,
Одъ громъ повече трештáтъ,
Сабли-те имъ на-то ясна мѣсечина лештатъ,
На баряци-те имъ написано
Асланува образъ,
Да се показва, че весме берзъ.
Одкадъ е зачýла лудá-та Гедия,
Остави се бульче подъ було,
А себе подъ вѣнчúло;
Скоро берже опаше сабля дамаскина,
Сабля дванадесе педи,
Обсѣдна се кóньче Дорья́на;
Пре́комъ пречú презъ гора зелена:
Гора-то укерни,
Планина-то укóри,
Додéка излéзне на Софійско пóле,
Бой да се біе за Ристово име.
Жалко му станало,
Зашто ненамѣри войска да се біе,
Само што намѣри бѣли-те чадери,
Чадери царь Іоанови-те,
Чадери царь Шишманови-те;
Тутакъ проводилъ го кодъ царь
Кодъ царь Іоанъ Шишманъ;
Поглéдна го царь Іоанъ Шишманъ;
Казва му царь Іоанъ Шишмáнъ:
Тверде ми се виждашь
Жалко и уиленъ:
«Кончé ли те нерабóти,
Сабля ли те несѣче?»
Одговори му Гедия:
«Коньче ми работи, като дукаты,
Сабля́ ми сѣче, каде-то повлечé;
Но ми е дрýга жáлба:

«Зашто не намѣрихъ войска да се біемъ?
Оставихъ булче подъ бу́ло
И себе подъ вѣнчи́ло,
Ка' то ми а́беръ достигна́,
Скоро берже опаса(хъ)се са́бле дамаски́на,
Сабля дванадесе педи,
Обсѣ́дна(хъ) си коня́ Дорья́на,
Гора-то укернихъ,
Планина-то укорихъ». —
И поклони́ го царо Шишмано
Една златна кочія со-съ желтицы. —
Милостиви Богъ всегда есть со-съ мене:
Одкакво я имамъ таквия добри юнаци,
На всека дѣла Богъ тье ми помогне.

№ 111.

Пирот. окр., Суковскій монастырь; 17 ноября 1879 г. записана изъ разсказа одного дряхлаго священника.

(Преданіе о занятіи Турками Болгаріи).

Царь Болгарскій Петръ[1]) не вдругъ потерялъ свое царство, а постепенно, отъ времени до времени уступая натиску Турокъ. Сначала онъ принужденъ былъ оставить г. Виддинъ и утвердилъ свое мѣстопребываніе въ г. Нишѣ, гдѣ правилъ 7 лѣтъ. Преслѣдуемый и здѣсь Турками, онъ бѣжалъ въ г. Пиротъ, гдѣ царствовалъ тоже 7 лѣтъ. Затѣмъ, точно также бѣжалъ въ г. Софію, гдѣ правилъ 7 лѣтъ и наконецъ въ *одинъ монастырь семи престоловъ* откуда затѣмъ перешелъ *въ рай*, гдѣ и донынѣ находится.

Турки, говоритъ это народное преданіе, производили свое давленіе на Болгаръ и по другому пути, направляясь одъ *Самокова*.

---

[1]) Имя не вѣрно обозначено (анахронизмъ).

Идя по этому пути, они достигли окресностей Моглена. Отъ звѣрскаго турецкаго истребленія спаслись въ монастырѣ «*Магличъ*» св. Николая нѣсколько тысячъ болгарскихъ дѣтей и то Божьей волей: Богъ попустилъ великую мглу, въ слѣдствіе которой Турки должны были оставить этотъ монастырь въ покоѣ.

Дальше, затѣмъ, народное преданіе приводитъ все это въ связь съ господствомъ въ Болгаріи *греческаго духовенства*. Турки, говоритъ преданіе, заняли всѣ мѣста въ Болгаріи и Греціи. Нужно было имъ подумать о своемъ управленіи; нужно было назначить вѣрнаго духовнаго пастыря, патріарха (патрика), который бы не вредилъ интересамъ турецкимъ: султанъ Махометъ, назначая цариградскаго патріарха, потребовалъ отъ него ежегодно 300 по дукатовъ, а этотъ, въ свою очередь, выговорилъ себѣ право поставлять въ Болгаріи *греческихъ священниковъ*.

№ 112.

Г. Радоміръ; 1 дек. 1879 г. записана со словъ Іордана Лазарева.

(Сонъ Могленской королевы; убіеніе Турками ея мужа—Могленскаго короля; женидьба ихъ сына Павла юнака).

Де заспáла е крали́ца кмети́ца,
Заспáла е у света недѣ́ля.
Мало спанье, големъ сънóкъ вишла:
«Сво е поле магла нападнало,
Низъ магла-та ели́ пpoникнáли
И ясно слънце у кърви́ утаx́нало,
А ясенъ мѣ́сецъ у злáто окóванъ».
И казуе крали́ца кмети́ца,
И казуе кралю господину:
«Э ты-зе-ка кралю господи́не!
Мало спанье́, големъ сънокъ ви́до:
Свó е поле магла нападнáло,

И ясно слънце у кървь утахна́ло».
И проду́ма краля господи́на:
«Э ты-зе-ка крали́це кмети́це!
Да што си е тая силна ма́гла?»
— «Това́ си е силна турска войска».
— «Да што са си тія тенки е́ли?»
— «Това́ са си́ сабли и ноже́ве».
— «Да што си е това ясно слънце?»
— «Това́ че ни се крайнына отме».
— «Да што си е тоя ясенъ ме́сяцъ,
Да што си е у злато око́ванъ?»
— «Това си е Турски, оле, царь».
Дури краля дума да издума,
Испуни́ла турска силна войска:
И тогай се кра́лё вострашила.
Богъ да біе тія клети Турци!
Та фаная магленскио краля;
Остана́ло него́во-то дѣте́,
Остана́ло на сѣдымъ години;
Имайтя му дума продумуе.
«Айде, Павле, майтя да те же́нитъ».
— Я Павле́ си дума продуму́е:
А я, мале, не чё да се жене,
И ме́не-ми книжеле дооди,
Дооди ми отъ край—одъ крайнина,
Дека че си крайни разми́руе».
А майтя го, богме, не слуша́ла;
Та си ойде у Будима града,
Та утекми будимка девойтя.
Та си собра́ Павле́, добаръ юнакъ,
Та си собра́ триста и три свата,
Та си ойде́ у Будима града,
И си води будимка девойтя,
Та я во́ди дома на двореве:

Оште не е у двори увéло,
И нему е книже достасáло
Достасало одъ край — одъ крайнина:
«Дека са си крайни размирúли,
Да си иде Павлé добаръ юнакъ,
Да си иде на край-на крайнина
Да си иде крайни да си мúри».
И си беркна у свилны джéпове,
Та извади той перстенъ меновникъ,
И си дýма Павлé добаръ юнакъ:
«Э ты-зи-ка, Елено невѣсто,
Да ме чекашь деветъ годинъ дена,
Я че идемъ на край-на крайнина,
Да си идемъ крайни да си миримъ.
И го чека Елена невѣста,
Та го чека деветъ годинъ време.
И е дошелъ Бошка добаръ юнакъ,
И си дума Елену невѣста:
«Э ты-зе-ка, Елено невѣсто!
За што чекашь Павлé-то юнáка?
Павлé си е крайни умирúло,
И Павлé ногу на ќевове —
На ночь люби момá и невѣ́ста».
Тогай станá Елена невѣста,
Та си зема той зелени стовни,
Та си ойдé па шáрены чéшмы;
И продума Бошко добаръ юнакъ:
«Э ты-зе-ка, Елено невѣсто,
Да направишь той сладки вечери».
И направи Елена невѣста,
И направú той сладки вечери.
Ка е било вечеръ да вечера,
Отишéль е Бошко добаръ юнакъ,
Отишель е вечеръ да вечéра,

И е сѣдналь у чесны тарпезы,
Да вечера Бошко добаръ юнакъ;
Не ми́на се ни ного ни малко,
Та си дойде Павле́ одъ крайнина,
Та си чукатъ на ньегови порты:
И излезна Елена невѣста,
Та излезна́ на ша́рены по́рты,
И она си тогай попро́шуе:
«Кой си чука на Павлеви порты?»
И Павле́ си дума продумуе:
«Чекашь ли ме, Елено невѣсто?»
Продума си Елена невѣста:
»Я почекай Павле, добаръ юнакъ,
Да си земемъ одъ порты ключе́ве
Да отво́римъ той шарены вра́ты».
Повернасе Елена невѣста,
Та продума́ Бошко тій юнака:
«Бѣгай, Бошко, низъ мали-те враты,
Эте, иде Павле́ одъ крайнина:
Оче онъ кавга да си пра́витъ».
Ка си бѣга Бошко добаръ юнакъ,
Ка си бѣга́ низъ мали-те вра́ты,
Забовари́ при чесны тарпезы,
Забовари дванаесъ ноже́ве,
Со-съ ножеве, дванаесъ ножни́ци.
Ка улезна́ Павле́ добаръ юнакъ,
Ка улезна́ у ладны одаи́,
У одаи́ у чесны тарпе́зы,
Та си виды Божкови ножеве;
Позналь е Павле добаръ юнакъ,
Дека са си Божкови ножеве.
Нече Павле́ ка́вга да си прави́,
Павле́ се е съ акылъ разумилъ:
Та направи той сладки ручкеве,

Та си собрá брайтя и дружи́на,
И си окнá Божко-те юнакъ.
И тогай си Павлé дума продуму́е:
«Э ты-зе-ка Божко добаръ юнакъ!
Ка си пойдó на край-на крайнина,
Я загради зелена ливáда,
Научиль се еленъ съ дванáес рóгове,
Та прерипалъ у моя́ ливáда,
Ништо не е пáкосъ учини́ло,
Саде ми малко трѣва умьрси́ло;
Ка прерипнá еленъ съ дванáес рогове,
Остави́ло дванáесъ ножеве,
Со-съ ножеве дванáесъ ножници».
И тогай си Бошко продумáло:
«Просты мене, Павле, добаръ юнакъ»;
Това са си, бре, мои́ ножéве,
Бре, ножеве съ дванáесъ ножницъ
И тогай си му простыі Павле добаръ юнакъ.

№ 113.

Кюст.-Бан. окр., с. Жилинци; 5 дек. 1879 г. записана со словъ дѣвицы **Анны Карадановой**.

Рожденіе у влахини Өеодоры «самотворнаго» дитяти Іоанна, который былъ брошенъ царемъ Константиномъ въ темницу, а за тѣмъ наслѣдовалъ его царство).

Тодоро, Тодоро влаино!
Останáла Тодора Влаина,
Останала съ деветъ сирочета;
Чудиласе, со-съ ни што да чини;
Прочула се пуста ėвтинія,
Евтинія у пуста Софія:
Куто жито педесé грошеве,

Ока просо дванáесе гроша;
На си-те по дутянъ купила,
На Димитрія до-два дутяна купила,
Си-те ги я на занаятъ дала —
Кой терзія, кой младъ тюрчія,
Димитрія на два занаятъ дала —
Емъ терзія, емъ младъ патречія.
Прожегнасе церна чума —
Та не біе секаде редомъ,
Но избира кой-де-ка юнака,
Кой-де-ка юнака по единъ у майтя;
Удари деветъ мили сина:
Си-те ги гробишта качала,
Димитрія у дворъ закопала
Одъ заръ: сину «добро итро»!
Вечеръ иде: сину «добро вечеръ»!
«Жешка ли е, сину, земляна постельтя?
Жешка ли е, сину, камена зглавница?
Жешка ли е, сину, штичена завивка»?
И му пали по пóлъ ока свѣшты.
Одъ жалбы е земня продумáла:
«Стига, мале, стига, ми́ло мале!
Со-съ свѣшты покрово изгоре,
Со-съ сьлзи гроби истопи».
Чудилосе сирота влаина,
Чудилосе самá, што да прави;
Па улезнá у нова гради́на,
Та откинá до два, ми, зунбуля,
Откинá ги со-съ лѣва-та рака,
Та ги тури у десна-та пазука.
Одъ занбулё, што че да ю биде?
Пошла е трудна и дебела;
Носила го до деветъ мѣсецы,
Роды́ло се детé самотвóрно:

На́ главу му златна айманлія,
Подъ рацѣ-ты златны крыла трепчатъ»;
Одъ радосты сирота влаина
Направи му сребериа люльчица,
На люльтя-та златены люли́ла;
Пови́ла го у свилны пелены;
Вержа люлька за блага ябука;
Емъ го люля, емъ му пѣсень пѣе:
«Люлюй Нане, дете самотворно».
Покани́ла петина-та попо́ве
И канила пети́на ку́мове,
Та керстила дете́ самотворно,
Тури́ му имя Іованіё.
Емъ го люля, емъ му пѣсень пѣе:
«Люлюй Нане, дете самотворно,
Да пораснешь юнакъ надъ юнакъ,
Да преотмешь на царо царство-то,
Да си станешь найголемъ валіё».
Дочуле я комшіи душмане:
Испишая тая бѣла книга,
На кни́га-та това церно писмо;
Пратия го̀ цару Костадину;
Расчети го царо Костадино,
И извика́ два берза юнака,
Два юнака, како два голака:
«Да идете на Влашка-та земня,
Да идете влаины дворы
Ни е биты, ни е, башь, маче́ты,
Салъ земе́те дете самотворно:
Де е, сага тува да е».
Отидо́а на Влашка-та земня,
На влаины-те дворы:
«Добро итро, влаино невѣсто»!
— «Далъ Богъ добро, два бърза юнаки!

Далъ сте дошле́ лебе да ядите,
Иль сте дошле́ вино да піете?»
А они по тіё говоратъ:
Э, ты-зе-ка влаино невѣсто!
Ни сме дошли лебе да ядеме,
Ни сме дошли вино да піеме.
Но сме дошли дете да зе́меме
Твое дете самотворно».
Однесоа дете́ самотворно,
Однесоа на царска-та земня,
Да́дова[1]) цару Костадину;
Развилъ го царо Костадино:
На главу му златна айманлія,
Подъ рацѣ́ му златны крыи́ла трепчатъ;
Погледа́ го царо Костадино,
Па изви́ка Нико зондаджія:
«Э, ты-зе-ка Нико зондаджіё!
Отвори-си темни-те зондане,
Та да ферляшь дете самотворно,
Да го ферлишь у темніи зондани,
Да го ядатъ зміи и гуштерье».
Отвори́ Нико темни-те зондане,
Та си ферли дете замотворно,
Да го ядатъ зміи и гуштеріи.
Поболѣ се царо Костадино;
Обидоа орье и загорье,
Не могоа лѣкове да найдатъ;
Поболѣ се много царо Костадино:
Изъ кости му трава проникнала,
Изъ очи му муи́ проли́тая,
У уши му поганци матиле.
Проговори́ царо Костадино:
«Э, ты-зе-ка Нико зондаджіё!

[1]) Sic.

Отвори си темни зондане,
Ега найдешь одъ детé косчица —
Белки, ме е майтя му проклела —
Та да носишь на негóва мáйтя,
Да си види детé косчица».
Отвори си Нико темни зондане,
Да си тражи одъ дете косчице,
И виды:
Дете сѣды на свилна постеля;
Света Петка у скутъ го держеше,
Света Недѣля свѣшта му свѣтеше,
Дете чати кни́га вангеліе.
Па си станá детé Іованіе,
Та си дойде при царо Костадино,
И си ѳана царо Костадино:
Изверте му тія церни очи,
Одсѣче му тія бѣли рацѣ;
И му купи́ дервена паница,
Изнéсе го на длеги дру́мове;
Па нему по тія оговóри:
«Аво, цару, аво, Костадину!
Тува, цару, царство да царуешь!
Тува, цару, кральство да кралюешь!»
Па си праты дете Іованіе,
Па си праты два бърза юнака,
Та ги праты на Влашка-та земня,
Да доведатъ нему стара майтя.
Пойдоа два бърза юнака,
Пойдóа на Влашка-та земня,
Доведоа негова-та майтя;
Проговóри негова-та майтя:
«Э, ты-зе-ка дете самотво́рно!
Се ми е млекó-то истекло»;
Я детé по ти оговóра:

«Аво, мале, аво, старо мале!
Мене-ми е млеко доождало».
Детé игра съ лека воздугана,
Лека-лека деведесé ока,
И си сѣды на царскіё столъ.

№ 114.

(Загорье) Берк. окр., с. Чипоровци (Турлаки); 21 февр. 1880 г. записана со словъ Симы Маркова.

(Дитя Маріи наслѣдуетъ Маріино царство).

Родила е Марія мушко детенце;
Па си мáма па детé говóри:
«Нуни ме, сине, Нуни,
Големъ юнакъ да станешь —
На цара царство да узмешь,
На краля кралство да узмешь,
На бана банство да узмешь».
Дочуше селяне комшіи
Селяне верли душмане,
И на цара аберъ занéсоше:
«Де д'иды, цару честиты!
Марія млада невѣста
Мушко е детенце добила,
И си Бога моли:
Големъ юнакъ до стане,
Царство-то да ти узме».
Испрати царь троица Турци гавáзье,
Да донесý Маріино мало детéнце;
И узеше Маріино мало дете
И занéсоше го при цара.
Царь дума говори:
«Де д'иды Ангеле тавничаринъ,
И отвóри дервены тевници

И десети зандалъ желѣзанъ,
Та ферли Маріино детенце,
Де-ка-то зміе и гуштере —
Зміе-те кервь-ту да пію,
Гуштере-те мѣсо да яду́,
Жабе коколе[1]) да погълну;
Ега́ ми царство оста́не».
И отво́ри Ангелъ тевница,
Та ферли дете Маріино;
Деветъ годинъ е лежало,
А Марія майтя по тавницѣ викала,
Дребне сьлзы ронила —
Де-ка-то сьлзе капале,
Тамо рѣки—вербе ницале;
На дете мама́ сеньтю правила
Сеньтю одъ тавнице до сарая,
И правила равны друми.
И се цару много нажалѣло,
И царь продума́лъ е думу:
«Ангеле, мой товничаре!
Отвори доръ деветъ тевне тевнице
И десеты зандаль желѣзанъ,
Та збери кокала на Маріино дете,
И ги дай на майтю,
Ега́ си мама оттуку рине».
Отворило Ангелъ тевничарь
Отворилъ до-деветъ дервене тевнице
И десеты зандаль желѣзанъ:
Света Недѣля дете дои,
Светы Никола дива́нъ сто́и,
Светы Рангелъ изметъ чини;
Ангелъ тевничарь назадъ се по́верну,
Та на цара приказа:

[1]) Кость.

«Де д'иды, цару честиты!
Отидé ти, цару, царство!
Света Недѣля Маріино дете дои,
Дои у деветъ дервене тевнице,
Светы Никола диванъ стои́,
Светы Рангелъ изметъ чини».
Царь дума проговори:
«Тако м' Бога, Ангеле тавничаринъ!
Пóскоро дете да ми донесéшь,
Пóскоро му царство да опростымъ».
Принесé дете тавничаринъ Ангелъ:
Предъ него Света Недѣля,
По него светъ Никола,
Светъ Никола и светы Рангелъ;
Царь дума проговори:
«Да ти е просто, Маріино детé,
Да ти е просто царство то,
И ты мене кабаатъ[1]) опростышь»;
Думу продумá Маріино дете:
«Я чемъ тебѣ кабаатъ да опростымъ:
Да лежишь ты, цару тамо,
Де-ка-то я семъ лежалъ
И лежалъ семъ деветъ годинъ време».
И продума мáлечко дете Маріино
Продума на Ангелъ тавничаринъ:
«Óтвори тевнице, Ангеле тавничаринъ,
Та си буни цара-та голема —
Зміе-те кервь-ту да пію́,
Гуштере-те месо да яду́,
Жабе-те кокале да яду́».
И тогива преземало детę
Дете Маріино царство-то.

---

[1]) Проступокъ.

№ 115.

Записано со словъ одной старушки въ деревнѣ Великій Вербовникъ 9 дек. 1879 г. (на границѣ Кюстенд. и Дупнич. округовъ).

(Какъ царь Константинъ убѣжалъ изъ Кюстендиля).

Када бѣгалъ царь Костадинъ одъ Турка, маска наóпако плоча-та ковалъ, да незнаятъ, на куде ошелъ. Одъ зарану го потерáли—камо царь Костадинъ? Онъ ойде оште съ ноште, когá пéтли поятъ. И когá избѣгналъ царь Костадинъ, Турци заузели Кюстендиль, кой навикалъ *градъ царь Костадинъ*, а туречко—*Кюстендиль*.

№ 116.

Г. Радоміръ; 3 дек. 1879 г. записана со словъ Милоша Момчилова.

(Послѣдняго болгарскаго царя Константина убилъ арабинъ, а не турокъ; значеніе этого факта).

(*Перескаъ*).

Кадъ презимо Турци Бугарско царство, тагай бѣше царь Костадинъ и царица Елена. Имаше оны́ двама юнаци: Марко Кралевичъ и Реля отъ Пазаръ. Та ги испрáти царь Костадинъ, да сѣча Турци, да отимая царство. Тія бѣше у Мóмина клисура; тамъ онá направи́ едынъ лагемъ —и подъ земи два юнака и два коня верви́; та излеза у Софійско поле. Тамъ (на Соф. полѣ они) сѣчá Турци: на двѣ пресѣче (Турка), той двамина стана. Вернесе (юнаки) назадъ на Мóмина клисура, па-й тамъ сѣчá Турци—па-й едынъ сѣчá, двамина стана. Ты видова, дека Богъ не помáга, та ойдóа на царь Костадинъ казоваа. Дойдоа; а царь Костадинъ пержи три рыбы у тава-та. Казую, каквá е работа; а царь Костадинъ каза на юнаци: «Ка' излезнá тія рыбы изъ тава-та, тогай

че ми зема Турци царство»! Той рыби-те пернаа, та излезнаа изъ това-та: и де бѣше оги́не, тамъ во́да искара, и тамъ рыби останаа у вода-та жи́ви. Рыби-те одъ една́ странъ бѣше пержени, а одъ една не бѣше превернеты. И тогай виде́ царь Костадинъ, че му зематъ Турци царство. И онъ самъ яна коньче, ойдо на бой. Тамъ срѣтна Турци на бой: единъ Арапинъ пушти се, та посѣче́ царь Костадинъ.

Да го (царя Константина) бѣа Турци посѣкли, че они да са роби; але Арапинъ посѣче, та за то Турци стана царове, а Арапи стана робье. Ти ги и днесь-ка продавая.

№ 117.

Село Рыло; 29 дек 1879 г. записана со словъ Маріи Павлёвой.

(Черный арапинъ убиваетъ царя Константина, при посредствѣ старой бабы).

Сонъ сони́ла царица Елена:
На сонъ и се небо предвои́ло,
Дробни дзвѣзде по земля паднаа,
А мѣсяцъ у керви утана,
А дзвѣзда е тевно утавна́ла.
— Емъ станува, емъ сонокъ кажу́ва:
«Ой ле, цару, цару Костадину!
Какво язе сонъ видѣла!
На сонъ ми се небо предвои́ло,
А мѣсяцъ у керви утана,
Я дзвѣзди-те на земня-та попадаа,
А власи-те далекъ пребѣгнаа,
Далекъ, далекъ у славна Русія;
Тамъ имъ е дѣдина и стари́на».
Проговóри царо Костадино:

«Э ты-зе-ка царице Елено!
Това те се наше царство узети.
Е-те оттамъ една стáра баба —
Ему дáде дервена калечка:
«На ти, сину, дервена калéчка,
Да побѣ́дишь тія клети Турци»;
Костадино тія лѣпо вели:
«А оттýва стара баба!
Язе имамъ среберна калéчка,
Та неможемъ Турци да побѣдимъ,
А камо ли съ дервена калечка».
Та си слезна тая стара баба,
Та си слезна долѣ на дворове
И тамъ е заплака.
— Е-те отадъ церна Арапина;
На баба се вѣрно покорило:
И си зема дервена калечка,
Та погуби́ царо Костадино
И пороби́ цари́ца Елена;
— Синове имъ далéкъ пребѣгнаа,
Далекъ, далекъ у славна Русія. —
— Два ми сина царство зематъ. —

№ 118.

Берков. окр., с. Вершецъ; 12 февр. 1880 г.; передаемъ буква въ букву мо одного болгарскаго мальчика, списавшаго для меня эту пѣсню, ста лишь свою интерпункцію.

(Король Степанъ женитъ двухъ сыновей-близнецовъ на двухъ сест близнакиняхъ).

(*Записано однимъ болгарскимъ юношею*).

«Затродилъ се кралъ Стефанъ, да жени два близнаки, сина доръ. Кралъ Стефанъ обишелъ сви села и се градов

намери две снаи, двс близкини. Не може да намери. Премина оданакъ дуновъ: у влашка тамъ намери две снаи, две близн(а)кини; верна е дума удумалъ, та се назатъ пов(е)рналъ, та си е домъ ошелъ: те свадба подигналъ: собралъ три ста свати и двести свахи; та отиде оданакъ дуновъ у влашки за снахи; та си венчали два сина, два близнака, та назатъ свадба повернаха. Варвели, що си варвели, те са се синове остали; срѣшнаха ги айдуци, та назатъ повернаха — на гуша петелка да окинатъ; па си пойдоха на пато на кр(е)сто-пато: зла ги стига стигнало — глави ги осекоха. Баща имъ се надалъ, да стигнатъ. Послѣ имъ баща се назатъ повергалъ, та имъ глави нашелъ, та ги у дисаги турналъ. Па си пакъ по свадба пойде и свадба пристигна; па сѝ на кума и старайтю каза: «полекъ свадба!» И тагива ошелъ на свой домъ.

№ 119.

Соф. окр., с. Сливница; 6 февр. 1880 г. записана со словъ крестьянина Тита Николова Адамова.

(Женитьба мисирскаго короля).

Заженисе кралё одъ Мисира:
Обиде х̑ора и градове,
А паланки и брой край нема,
Тражилъ за себе прилика
И за майтю роднина;
Де-ка найде за себе прилика,
Тамо нема роднына за майтю,
Де-ка найде роднына за майтю,
А нема за себе прилика.
Ка' отиде у Роксана града,
Тамо найде за себе прилика,
И найде за майтю роднына,

Амо са засакали млогу —
Сакая му благо три товары,
И сакая единъ златенъ перстенъ,
И што си има рода, да се позве,
Сестриче свои да не позве —
У кавга са кавгами много,
У ракія млогу луділ».
А дете си дойде по свои дворове;
Пушти коня́ по равны дворове,
Па си керши тія бѣле руке,
И си рони тія дробни сълзи;
А майтя га стара согледала,
Согледала и говори:
«Чедо драго, мое мило чедо!
Оты кершишь тія бѣле руке?
Оты ронишь тія дробни сълзи?»
А дете на майтю говори:
«Охъ, старо майтё моя!
Я обидохъ градове и хоры,
Та си тражилъ за себе прилика
И то тражилъ за тебе роднина —
Де-ка найдемъ погода за тебе,
Тамо нема прилика за мене,
Де-ка найдемъ прилика за мене,
Тамо нема погода за тебе;
Ка' отидохъ у Роксана града,
Тамо найдохъ за себе прилика
И за тебе найдохъ роднина,
Амо млого ми засакаше:
Сакая ми благо три товары,
И сакая единъ златенъ перстенъ,
И сакая шесъ стотинъ сватове,
Што си имамъ рода-се да позвемъ,
Да не позвемъ свои сестричиче.

Кажи мене, мале, што да чинимъ?»
Одговара нему майтя:
«Я си земи тоя бѣле книже,
Та испиши баштины достове»[1]).
И онъ земá това бѣло книже,
Та испи́са баштины достове:
Та си писа кралевитя Марка,
И си писа одъ Косово Янка,
И си писа одъ Релёво Релю,
И си писа Сербина юнака;
Буде деверъ одъ Кралево Марко,
А старойтё одъ Косово Янко,
А кумъ че одъ Релёво Реля,
Сербинъ юнакъ баряктарче младо.
Собраша се китени сватове;
Напредъ иде Марко одъ Кралево
И си воды шесъ стотинъ сватове,
И си носи три златна перстена,
На престенѣ[2]) безцѣно каменье;
На найпослѣ иде Сербинъ добаръ юнакъ
Се Сербяци — до Бога юнаци,
Подскацую канъ сури-ѐлене;
Мерки-берки за уши верзую.
И пойдоше китени сватове;
Салъ не ида, бре, сестричиче.
Проговори нина майтя,
Бре, сестра на кралё одъ Мисира;
«Чуешь мене, Вукашине сине!
Чуешь мене, сине Петрушине!
Не идохте уйтѣ си на свадба?»
— «Какó незвани ч' идемо.
— «Ка'? не уйтя поредомъ познава?

---

[1]) Пріятель. [2]) Sic.

Я земете, синку, това бѣло книже,
Та пишете това ситно писмо,
Та пратете на Кочанъ пладнина,
Пратете по пиле соколенце».
Исписаше това́ си́тно писмо
И да́доше на пиле соколе;
И одлете пиле на Кочанъ пладнина:
Ручёкъ руча чобанинче Милошъ,
Ручёкъ руча съ дванаесе кіяи [1]);
Та си падне Милошу у коленце,
Съ крыло тропна и книже отвори;
Ка' прегледа чобанинче Милошъ,
Ка' прегледа това́ ситно писмо́,
На кіяи по́ ти огово́ри:
«Фала вама, дванаесъ кіяи!
Хубаво ми стадо погледайте,
Погледайте, брайтя, почувайте;
Я че идемъ на свои дворо́ве,
Да си видимъ стару майтю мою —
На-злѣ лежи стара майтя моя,
На-злѣ лежи, че да умре;
Не можемъ у животъ затечемъ,
Баремъ, майцѣ на гробнину д'идемъ;
Фапете ми конче троегодче,
Накитете лѣпо, што сакате,
Постегнете твердо, што можете».
Накития лѣпо, што сакаха,
Постигнаа твердо, што могоха.
Па се качи коню на рамена,
Па се качи Милошъ добаръ юнакъ,
Па на пиле низъ гърло гово́ри:
«Лети, пиле, подъ бо́жя небеса,

[1]) Овчарь.

Конь че иде по бѣли друмове —
Кой че може на дворъ да претече?
Писна пиле подъ божё небесье,
Висна коньче по бѣли друмове —
На дворове коньче е претекло.
А стара майтя сина согледала одалекъ,
И одблиза сина посрѣтнала
И у рука здравица держала:
«Млого здравье, чедо мое драго!
Млого здравье одъ уйтя твоéга!
Да си идешь у сватове уйти».
Юнакъ ни се вива, ни се повúва;
Ферли кожухъ-мечетина
И си ферли калпакъ вучетина,
Па облече сермалія руо,
Па облече кожухъ-мечетина,
И си тури калпакъ вучетина;
Па си стега коньче троегодче.
А майтя му поговóра:
«Не карай си коньче троегодче,
Нело карай Кулаша баштина».
И дете е послушало майтю:
Та си стегна Кулаша бáштина,
Та го стегна—одъ земня го дига,
Па се качи на рамена коню.
Сватове бѣ̆ха три дни предъ него.
Оно прави кóня по друмове;
Не ли е будалина овчаръ?
Онъ зáдрема коню на рáмена,
А конь си е млого засилило;
За пладниште сватове пристигна;
Мейданъ гледа, де-ка да замине.
Згледах̆а го трóица юнáци,
Вернах̆а се, конекъ да му узма,

Сви троица заедно ферлиша,
И ферлише и нишанъ ударише —
Удариха тоя добаръ юнакъ;
Юнакъ си е низъ сенъ разбудило,
На конь тергне той златны дизгине
И му шибна четалъ-мамузе [1]):
Три копа у высъ е рыпнало,
А у длъжинъ ни край, ни брой нема;
Па заверте коня по трагове,
Та си тражи три добра юнака;
Па си нашелъ тія троица юнаци:
Охъ, вала Вама, троица юнаци!
Дали мене юначки біете,
Или съ мене шака [2]) правите?
Да видите, коно біе юнакъ!
Па извади огняна камджія,
Та ги шибна тенке половине —
Ка'-но титре играя предъ него,
И настегнаше на Роксанско на край,
И Роксанци ги чекая на край:
И говора Роксанци:
«Кой че може, китени сватове,
Кой че може излезне юнакъ,
Да прерипне три хата [3]) на-съ-поредъ:
На коньче-то това буйно копье,
На копье-то стрѣли шестоперы;
И сватове потернали терномъ [4]),
А кралёкъ у земня погледнало.
Эте иде церна Бугарина
Иде и Кулаша мами,

---

[1]) Шпоры.
[2]) Смѣхъ, шутка.
[3]) Конь.
[4]) Призадумались.

И си ачикъ[1]) дума:
«Богъ вы убилъ, кметове роксански!
И я самъ козарь по Кочанъ-пладнина!
Ночемъ дойде дивá говедина,
Та попуди мое сиво стадо;
Я прекрочимъ по деветъ могилы,
Та соберемъ мое сиво стадо,
Та соберемъ, у терла[2]) накарамъ.
Што е овой три коньче на-съ-поредъ?
Та па крочи юнакъ Милошъ,
Юнакъ крочи и прéкрочи,
Па говóри имъ:
«Али нема крокомъ да крокнемъ,
А камо ли юначки да рипнемъ».
И си зема три коньчета добры,
Та на краля теслимъ[3]) учини;
Па отиде па крадни[4]) меаны
Со-съ вино се пити.
И ошь еднашь игра заиграли:
Изнели деветъ чебра вино
И говора:
«Кой че може вино да испіе,
Той че воды гледа на девойтю».
И сватове потернали терномъ,
А кралéкъ се у колѣно тупна;
Эте иде церна Бугарина,
Иде и Кулаша мами,
И си ачикъ дума:
«Богъ вы убилъ, кметове Роксански!
И това ли е игра че да буде?
Я самъ козарь по Кочанъ-пладнина;

---

1) Свободно.
2) Кошары, хлѣвъ.
3) Подарокъ, даръ.
4) Крайніе.

Кагá бѣше лѣто презъ стружница [1]),
Я измълземъ деветъ ильядъ сагмалъ [2]),
Та па саде питамъ, а нема да дробнемъ:
«Што е овай деветъ чебра вино?»
Па си нави юнакъ, та ги испи —
Лѣвый мустакъ половинъ нáтопи,
А десные аберъ нема.
Па отиде на крадни механы.
Па отиде со-съ винó се пити.
Ошь еднашь се игра заигрáли:
Охъ, вала вама, китени сватове!
«Кой че може юнакъ да излезне,
Да убіе низъ перстенъ я́бука?»
Сви сватове терномъ потернали,
А кралéкъ е дума продумало:
«Оттукъ нечемъ глáва да занесемъ,
А камо ли мома да заведéмъ?!»
Эте иде церна Бугарина
И коня́-си за дезгинъ водеше,
И постеза до деветъ колана,
И си метна коню на рамена,
Та пóкара Кулаша баштина,
Та сва рудина [3]) угаръ [4]) направило,
И терже стрѣла шестопера,
Терже шесъ сааты мѣсто,
Та уби низъ перстенъ ябуко,
И кралю теслимъ учи́нило.
И отиде на крадни механы.
И тергнаха китени сватове,
Налезоа у Роксана грáда;

[1]) Время стрижки овецъ (лѣтомъ).
[2]) Дойная овца.
[3]) Ливада—сѣнокосъ.
[4]) Нива, пашня.

Обтекли Роксански кметове,
Обтекоа китени сва́тове,
И имъ дума продумаше:
«Кой че може юнакъ да излезне,
Да отвори порты желѣзници;
Не че, може, отворите порты,
Редома главы че зи́маме».
Сви сватове терномъ потернали,
А крале́къ подъ-кришома аберъ запратило:
«Да ми дойде церна Бугарина,
Да ми дойде глава куртулише[1]);
Одъ не-братъ, братъ да ми стане».
— Это иде церна Бугарина,
Та си кара коня Кулаша,
Кара презъ тѣсны сокаци:
Одъ копита ясенъ огень сьева,
Та кепенци пали,
И душа духа ганды[2]) обары;
Та си приде́ порты желѣзници,
Па по́верна коня́ Кулаша,
И говори китени сва́тове:
«По-край, по-край, китени сватове!
Да повернемъ я коня́ Кулаша,
Да го вернемъ, да му дадемъ мейданъ,
Да видиме, да ли може, да е».
И по́верна той ко́ня Кула́ша,
Та му мехданъ даде,
И урипна у кале высо́ко;
И тамъ найде́ три добры девойки,
Едноликп у едно лице,
И едноимки на име;

[1]) Отнять, спасти.
[2]) Крыша.

И онъ ферли кожухъ мечетина,
И си стури калпакъ вучети́на,
И извади спрегалія сабля,
И говори на добры́ девойки:
«Кажете си—гледана коя е?»
И двѣ се крадни средне погледна́ли;
И онъ фана́ двѣ крадни девойки,
Та ги тури при дуваръ на края
И говори има:
«И сѣдете, мори, не мердайте[1]),
Да ме нема три дни бѣла дена».
И подрипна порты желѣзници,
Со-съ десна нога подрипна,
И порты низъ темель искрутило.
И налезнаа китени сватове,
И медю себе продумаше дума:
«Да ручамо, брайтя, да піемо,
Вечи нема назаде обло́га».
А ги дочу церна Бугарина,
Та па имъ низъ гърло бесѣди:
«Де знаете, де-ка нема облогъ?
То церва е облога наза́де!
Оште нема Балашинъ войво́да!
И троеглави е̍—да го Богъ убіе!»
И проговори краль Роксански:
«Фала вама, двама таламина!
Я идете, да о́кнете Балашинъ войводу
Да ми дойде, да ми отме чедо,
Кое отишло на обло́га».
И отоше двама таламина,
Па говора на Балашинъ войвода:
«Охъ, фала тебѣ, Балашинъ войвода́

---

1) Не трогаться, не шевелиться.

Млого здравье одъ краля нашега!
Да си идешь, чедо да му отмешь —
Отиде́ му чедо на обло́га».
А говори Балашинъ войвода:
«Фала вама, двама таламина!
«Дали има юнакъ одъ-нѣкуде?»
А они́ му низъ гърло бесѣда:
«Има негде, кажатъ, Бугарина церна,
Амо преди тебе нече може юнакъ да е».
А оно́ е сълзи поро́нило:
«Това, брайтя, не е церна Бугарина,
Нело ми е милю чобанино
Одъ Кочанъ-пладнина;
Преди нега юнакъ нигде нема —
Оде-ка слънце истиче,
Доде-ка сълнце зах̆оды
Предъ нега юнакъ никаде нема;
Чемъ да идемъ, мои мили брайтя,
Не чемъ кралю атеръ[17]) да строшимъ,
Амо тамо главу че потровимъ». —
И поведох̆а гиздава девойтя —
Излезоа низъ Роксана града.
И срѣтна ги Балашинъ войвода:
И дух̆на со-съ вири вѣтрове,
И дух̆на со-съ ясны огнёве,
И прéтури до деветъ кочіи,
И паднах̆а юнаци одъ кони́.
И излезе церна Бугари́на,
И си терже лека буздогана,
И си дигна тежка топузина,
И говори Балашинъ войводу:
«Ферляй, брайле, жалба да немашь».

---

[1]) Милость, благорасположеніе.

И си ферли Балашинъ войвода,
Церна Бугарина дочекало тежка топузина
Су десница рука дочека;
И говори церна Бугарина:
«Держьсе, Балашинъ войводо!
Я че врачамъ твою топузину»;
И ферли тежка топузина —
Деветъ лакти у земь нáкара,
Нáкара Балашинъ войводу.
И оттоа се китени сватове.
Церна Бугарина вернá се у Роксана
Та си зема двѣ добры девойки,
Што ги тури при дуваръ на-края:
Еднá че му ягенци пасе,
А другá-та вода че да носи;
И си стиже китени сватове:
«Добра стижа! мой мили уйтице!
Незванъ дойдохъ, непочтанъ че с' идемъ».

№ 120.

Трен. окр., с. Бабица; 24 ноября 1879 г. записана со словъ крестьянина Дѣши Тодорова.

(Постройка крѣпости королемъ Вукашиномъ).

Заградиле[1]) крале Вукашино,
Заградиле на Дунавъ, на озеръ,
Заградиле кула да се прави —
Три година по триста майсторе,
Па-й неможе темель да си вержи:
Дьнемъ прави, а ночемъ га носи.
Па сбраше негови-те брайтя:

---

[1]) Заградилъ + с.

«Чуешь мене, крале Вукашине!
Ты не можéшь, кула да заправишь,
Ты не можешь темéль да оверждешь,
Доръ ние думе не думамо».
Удумаше, вѣру увѣрише:
«Кагá буде одъ заранъ собалье,
Кoя́ жена ручькъ намъ донесé,
И ню че у темель ту́римо,
Тагай че се темель задержаты».
Па отоше дома, да лéгаю.
Итро било крале Вукашино —
Оно каза на нéгове любе:
«Немой, мори, ручéкъ дá донесешь»;
Па-й каза среднія-тъ брата-тъ
Каза па негове-то любе:
«Немой, мори, ручéкъ да донесешь!»
Наймлади несте да каже,
Несте каже Матруни невѣсти.
Кадá биле зарáнъ собале,
Дойдé време ручéкъ да се нóси.
Думе дума кралево-то любе:
«Айде, море, ручéкъ да нóсите!
Мене нешто глава заболѣла,
Та не могу ручькъ да однесéмъ;
Продумала средня-та етерва:
«И я немогу́ ручéкъ да однесéмъ —
Мене нешто нога заболѣла,
Че да иде Матруна невѣста;
Продумала Матруна невѣста:
«И я немогу́ ручекъ да однесемъ —
Редъ ми е дошелъ, да317 ометéмъ ижу,
И па-ми е Петруна малестна —
Да го окупимъ и да ю повіемъ».
Думе дума найстара етерва:

«Айде, море, ручéкъ да однесешь!
Я чу тебе ижу да изметéмъ
И па-й чу ти Петруну окупéмъ
Чу окупемъ и па-й чу повіемъ»
Узé ручéкъ Матруна невѣста,
Та отидé тамо пре дунгере;
Тамо сѣду троица кралёве:
Наймлади сѣди — сьлзе рони;
Питала го Матруна невѣста:
«Зашто сидишь, зашто сьлзе ронишь?
А онъ си е думе продумало:
«Я си викамъ одъ мое жалове —
Я си имамъ то златна ябука,
И ню че ми вóда однесé»;
А она му тагай продумала:
«Мълчи, море, за това не викай!
Ты я́букy па че си кýпишь».
Па станаше два млада девера,
Уловише Матруну зá руки,
Та турише Матруну у темель;
Она каже, да шала права.
Зазидаше ноге до колѣна,
Тагай си думе продумала:
«Чуйте мене, два млада девера!
Немойте мене у темель тýриты!
Идете ку моя-та майтя —
Моя майтя много пары има,
Она че ме со-съ парé одкýпи»;
Зазидаше Матруну до пóясъ:
Окну-викну, колико што може, —
Туга, леле, до Бога се чуе:
«Кой че мене Петруну да чува?
Петрýна мене мáлечка;
Кой че мене Петруну да кýпе

Да купе и да си повіе;
«Она грче безъ боску[1]) да мине;
Ано мене у дуваръ туристе,
Оставе́те бо́ску на дво́рку,
Донесете Петруну детенце:
Я чу га на дуваръ подо́бимъ,
Она нече безъ боска да мине».
Зазидаше Матруну невѣсту,'
Оставише е боску на дворку,
Доне́сеше Петруну дете́нце;
Три години на дуваръ доила
Доила га и одоила га.
Пораснало Петруно детенце.

№ 121.

Соф. окр., с. **Василевци** (другое названіе Войсиловци); 7 февр. 1880 г. записана со словъ **Іоны Илина**.

(тоже).

Градъ градили три брата родьена:
Едно бѣше кралё Вукашино,
Другій бѣше Углеша войвода,
Третій бѣше Гойковиче младо;
Градъ градили три година дена
Три година со-съ триста майсторы;
Што майсторы за денъ сограднa,
То е вила за ночь оборила;
Па дозива вила низъ планина:
«Фала тебѣ, крале Вукашине!
Не арчисе и не троши блага;
Не мошь, крале, темель поставиты,

---

[1]) Груди-титьки.

Я ди ли града соградиты,
Докъ не найдешь два слична,
Докъ не найдешь Стою и Стояна,
Я найболѣ брата и сестрицу,
Да зазыдешь кулѣ у темелю —
Тогай че се темель задержаты,
Тогай че се града соградиты».
Ка'-то зачу кра́лё Вукашине,
Онъ дозива два брата родьена
И говори кралё Вукашине:
«Фала вие, два брата родьена!
Ние файда[1]) нема, што арчиме».
Па дозива слугу Десимира:
«Фала тебѣ, слуго Десимире!
Вати кони и интове[2]),
И понеси три товара благо,
Те си иды преко бѣла свѣта,
Те си тражи два слична имена».
Ка'-то зачу слуга Десимира,
Вати кони и интове,
И понесе три то́вара благо,
Те си тражи два слична имена, —
Тражи слуга три година дена,
Алъ не найдо два слична имена.
Ка'-то зачу кралю Вукашине,
Кралю викну Раду наймайстора,
Рада викну до триста майсторе,
Те зедаше куле и теме́ли —
Што майсторе за денъ заградиа,
То е вила за ночь оборила.
Па дозива вила низъ планина:

---

[1]) Польза.
[2]) Колесница.

«Фала тебѣ, крале Вукашине!
Не се арчи и нетроши́ блага —
Не мошь, крале, темель поставиты,
Я ди ли града соградиты?
Эво, вие сте три брата родьена,
У свакога има вѣрна люба:
Чiя дойде ютре на Бояна,
И донесе ручéкъ на майсторе,
Да градиме кулѣ у темели:
Тогай че се темель задержаты,
Тогай че се града соградиты». —
И твердо су вѣру завѣрили
И тверду су думу удумали:
«Никой, вечеръ, люби да некаже».
Ка' отóше вечеръ на вечера,
Вечераше господска вечера,
Та отоше сѣкiй у легало.
Али крале вѣру погазило,
И онъ своей люби доказáло:
«Немой дойдешь ютре на Бояна!
Че те градимъ кулѣ у темели»;
И Углеша вѣру погази́ло —
И онъ своей люби доказáло:
«Не мой дойдешь ютре на Бояна!
Че те зедамъ кулѣ у темелѣ»;
Али Гойко вѣру непóгази,
И онъ своей люби не дóказа.
Кà' е било ютре одъ зарана,
Та отоше градекъ да се граду.
Дойдé време-ручéкъ да се носи:
Редъ е било господи кралици;
Она иде помлада етерва
И говори:
«Фала тебѣ, помладо етерво!

Я понеси на майсторе ручекъ,
Мене е главá заболѣла;
Она иде Гойковичи младо
И говори Гойковичи младо!
«Фала тебѣ, Гойковичо младо!
Я понéси на майсторе ручéкъ;
Алъ говори Гойковича млада:
«Фала тебѣ господжо кралице!
Че понесéмъ на майсторе ручекъ;
Али ми е дете некýпано,
Не купано, ни пелены праны»;
Алъ говори господжа кралúца:
«Фала тебѣ танана невѣсто!
Я чемъ тебѣ детé окупáты,
Я етерва пелене опрáты».
Немá кудé Гойковиче младо,
Те понесе на майсторе ручекъ.
Кадъ е било на воду Бояну,
Сегледа ю Гойковиче младо:
Верлá му е жалба нажалѣла —
Рони сьлзи низъ тое бѣло лице;
Упази го Гойковица млада
Па говори Гойковица млада:
«Фала тебѣ, Гойковиче младо!
Што си ронишь сьлзи низъ образи?»
Одговáра Гойковиче младо:
«Имао самъ одъ злато ябълко,
Те ми спаде данесъ у Боя́ну —
Те го жалимъ, преболье не могу».

№ 122.

Село Вербá (Радомірскаго окр.); 29 ноября 1879 г. записана со словъ того же крестьянина.

(Король Вукашинъ затворяетъ въ темницу двухъ родныхъ братьевъ).

Живовали два брата рождены:
Една лика коне яхали,
Една форма руба носили,
Па една вода се мили,
Съ една си кьрпа брисáли.
Каскандисалъ крале Вукашино,
Та затворилъ до два мила брата;
Затвориль и за нино юнаштво,
Затвориль и забовариль;
Та лежали деветъ годинъ врѣме,
Цвилёмъ цвиля до два мила брата,
Цвилёмъ цвиля Стамболъ съобудуе.
А што бѣше краля Капетана:
«Скоро бырже Петеръ жендаджія,
Да опрашашь до два мила брата!».
И си ойде Петеръ жендаджія;
Отвориль тевни зондани:
«Што плачете до два мила брата,
Што цвилете у тевни зондани?»
— «Не знаеме, на кое смо врѣме,
Ни когá е лѣте, ни когá е зиме;
Каде дойде день Іованъ день,
Донесете студенъ ледокъ,
Да знаéме, на кое смо врѣме;
А кога на день на Спасовъ день,
Донесете класóкъ жито,
Да знаеме, на кое смо врѣме;
А когá дойде на день, на Крстовь день,

Донесете чаша благо вино,
Да знаéмо, на кое смо врѣме».
Излезналъ помладій-отъ братóкъ,
Та ойдé на Новопазарье,
Та си найде неговъ стари башта:
Продава това сиви́ волóве;
Онъ му каже:
«Леле дедо, леле татко,
За што держишь сиви вóлове?»
— Онъ му каже:
«Держимъ, да продáвамъ,
Да синове си одку́пимъ:
Затвориль и краля Вукашина,
Затвориль за Божія правнина,
Затвориль и за нино юнаштво».
— А си пошелъ малко по-на-горе,
Тамъ си найде негóва-та майтя,
Де держала тія вранé кони́;
«Чуешь мене, моя стара майко!
На што держишь тіе врáни кони?»
— Я держи́мъ да и продавамъ,
Синове да одкупимъ:
Затвориль и кралё Вукашина,
Затвориль и за Божина правина,
Затвориль и за нино юнаштво».
— Па си пошель оште по-на-горе,
Тамо нашель мили сестры,
Е держали сія тенки ризи,
Держали, та и продавали;
А то имъ говориль:
«Леле моми, леле сестры!
Зашто держитé той тенки ризи?»
«Держимé, да и продáваме,
Братья да отку́пиме:

Затвориль и краля Вукашина,
Затвориль за Божія правина,
— Затвориль и за нино юнаштво».
— Пошель оште по-на-горе,
Тамъ нашель нини люби́-те;
«Чуете ли жены, — сестры!
Зашто держите́ той машки деца?
Да ли держите, тавра́ да чините?»
— А они му по́ тія говоря:
«Держиме́, да ги прода́ваме,
Да имъ башти одку́пиме:
Затвориль и краля Вукашина,
Затвориль за Божія правина
Затвориль и за нино юнаштво».
— Па наточиль чаша благо вино,
Та си ойде при негова брата,
Сичко нему одказа́ло.
— И се тогай братья искомка́ли,
Па се тогай обадва престави́ли. —

№ 123.

Кюстенд.-Бан. окр., с. Жилинци; 3 дек. 1879 г. записана со словъ Стоймена Атанасова.

(Царь Капетанъ (Вукашинъ) затворяетъ двухъ родныхъ братьевъ).

Богъ да біе царо Капетана!
Затворилъ е до два брата родьены,
Затворилъ е за Божя́ правина —
Де-ка са си верно живовали,
Затворилъ е у темна зендана.
Та лежа́ле двана́есе годинъ,
Та изумиле, на кое са време?

Па продума ашикъ Димитріе:
«Тако м' Бога, дели Николáе!
Я повúкай млады зондаджиче,
Да донéсе златны-те ключеве,
Да отвóри темни-те зондани,
Да опушти, баръ, еденъ одъ насъ,
Да вúдиме — на кóе сме време:
Да ли си е товá тóпло лѣто,
Или си е товá ладно зиме,
Да ли си е таа росна прóлѣтъ;
Да ны даде мулетъ за едынъ мѣсецъ».
И отворилъ е зендаджія,
Отворилъ е тіе темни зендане,
Та си пушти дели Николае.
Испрашта го ашикъ Димитріе:
«А со здравье, дели Николае!
Ногу здравье на нашего башта,
Ногу здравье на наша-та майтя!
Ако си е товá тóпло лѣто,
Да допратате единъ класокъ жито;
Ако си е таа росна пролѣтъ,
Да допротате едно росно цвѣтье,
А ако си е таа ладна есень,
Да допрататъ единъ гроздокъ гроздье;
Ако си е товá студно зиме,
Да допрататъ една чáша вино —
Да видиме, на коé сме време?»
Па си пойдé дели Николая,
Па си пойде на рамны дрýмове;
На срѣшта му тая стара майтя,
И си кара сиви, бре, говеда:
«Добра срѣшта, мори, стара бабо!
Кадé кáрашь сиви, бре, говеда?»
— «Че ги карамъ, да си ги продавамъ,

Да си пуштамъ до два ми́ла сина:
Еве, стана дванаесе годинъ,
Какó лежá у темни зендани,
Ни ги знаемъ, ни ги попознавамъ».
Па си пойде оште по-нагоре,
Па си срѣтна неговіё башта:
«Де си карашь, сиви, бре, волове?»
— «Че ги карамъ, да ги продавамъ,
Да си пуштимъ до два мили сина —
Еве, лежатъ дванаесе годинъ,
Лежá у темни зендани,
Незнаеме—да ли са живи,
Или са мертви».
Па си пойде оште по-нагоре,
Та си срѣтна нины-те братя:
«Де-ка карате ергеле-коне?»
— «Че ги караме, да ги продаваме,
Да пуштиме до два свои брата».
Па си пойде оште по-нагоре,
Па си срѣтнá нины свои сестры:
— «Де-ка носатъ свилене дарове?»
— «Че ги носатъ, да ги продаватъ,
Да си пуштатъ до два свои брата».
Па си пойдé оште по-на-горе,
Па си срѣтна снаа-та и невѣста-та:
— «Де-ка водатъ млада-та деча́ца?»
— «Че ги водатъ, да ги продаватъ,
Да си пуштатъ нины-те момчéта».
И продумá едно машко дете:
«Мамо, рече, него тата!
И на башта му дума испаднала.

(не кончено).

№ 124.

Село Верба, Радомірскаго окр.; 30 ноября 1879 г. записано со словъ Мины Стоянова.

(Марко Кралевичъ спасаетъ дочь царя Константина и Елены отъ чернаго Арапина).

Дошлá е церна Арапщи́на,
Де е дошлá изъ Арапска земя:
Дойде у Стамбола града,
Калé прави одъ мермера кáмикъ,
Кули́ гради одъ жълти дукати;
Само нема за себе прили́ка;
Аресáлъ царева-та черка,
И си ойде подъ цара Костади́на
Това му дума издумáло:
«Чуешъ мене, царю Костадине!
Я заправилъ кáле одъ мермéра камикъ,
Кули правимъ одъ жълти дукати,
Амо немамъ за себе прили́ка»,
Та беендисалъ това султана:
«Я салъ дошелъ не я семъ просимъ;
Дойдо, молба да се мóлимъ
Мало со-съ добро, а повече со зло»—
А оно му е черка говори́ль.
Проговори царъ Костадинъ:
Че дадемъ моя мила штерка.
А што-то бѣше Елена царица
И она изговори тая дума:
«Я че дадемъ моя-та мила штерка,
Да ми чекашь петнаесъ дéна»
И она исписа тоя́ бѣла кни́га,
Та я прашта на Марко Кралевичъ:

«Много здравье, Марко Кралевиче!
Да дойдешь чадо да ми отмешь
Одъ това церна Арапщина».
Дофтасала книга до Марко юнакъ;
Онó е книже прегледáло
И го тури подъ колѣно.
Кадъ стануло петнаесъ дена,
И што-то бѣше царева-та штерка
Исписала тая бѣла книга,
Та я прашта Марка на юнакъ:
«Да ли очешь мене за любе да си любишь?
Ако ты имашь любе за любенье,
Некъ ме земи за робинье,
Не ли да ме люби церна Арапштина:
Да не грѣшимъ майчина душа,
Ни да срамимъ цара Костадина.
Ако нечешь, Марко, да си придешь,
Очемъ млада да си тровимъ».
Какъ си приде товá бѣло книже
До Марко-то Кралевича,
Тогай се Марко заплакало;
И посправи Шарца добра коня;
Какъ отидé на Бѣло-то море,
Излезнало царева султана —
Самъ царъ Костадина черка,
Да пооды малку по гезне,
Па че верни се, да си трови,
Отпрашало него Марко юнакъ:
«Де си одышь царево султано?»
Она нему одговóра:
«Я си одинъ, да малко прошетнимъ,
Ште се вернимъ, млада се тровимъ:
За што ме че люби церна Арапщина?
Я праштала до три бѣли книги

На Марко-ти добри юнакъ,
Да дойде мене да ослободи,
Алъ го нема, та и нема».
Одговори нейни Марко добри юнакъ:
«Азъ самъ Марко добаръ юнакъ;
Много здрави цару Костадину!
Да опушти до-седемь телала,
Да си лича по Стамбола грады:
Да си нигде нема дворы отворене,
Салъ е негови сараи отворены,
И да отвори той нови анове,
Да ми готви крава яловица,
И да готви до три фурни леба
И да готви до три бочви вино,
Ште да дойдемъ на нове анове,
Ште да дойдемъ да вечера вечерамъ».
Што-то бѣше цара Костадина,
Нему черка одказала:
«Ете иде Марко Прилѣпче!
«Ты си опушти до седемь телала,
Да си лича по Стамбола града,
Нигде да нема дворы отворены,
Само да е сарай отворенъ
И да се отворены той нови анове».
И оно е ти Марку приготви́ло,
Што е нему зарачи́ло.
Ете дойде церна Арапщина
Со-съ триста души бѣли Ара́пи
И въеднако уйде у цареви дворы,
И земало царева султана —
Самъ царъ Костадина черка,
И по тие приказало:
«Кадъ си предъ нове анове
Никой смѣя дворы да отвори,

Чекъ да отидемъ при новъ анджія».
А Марко везá Шарца добра коня
И го везá за нови диреци,
И го пои вино шербетліё.
Кадъ притьрча церна Арапина
Со-съ та тенка бедовія,
Ферли чифте за чифта
На добра Шарка коня;
Алъ не припушта тенка бедовія.
Излютисе церна Арапина,
Та си рипна тенка бедовія,
Та улези у нови анове,
И тамо е нашелъ Марко добри юнакъ,
И проговори на Марко добри юнакъ:
«Богъ те било Марко Кралевиче!
Да и ты ли си ми на срѣшта пришелъ?»
И извади тая остра сабля,
Да погуби Марко-то юнакъ;
А Марко се подъ диреци проврéло;
Кадъ си удри церна Арапщина
Удрило у новú дирéци
Та си е сабля потрошила.
Па и Марко извади сабля на зглабове,
Та пресѣче церна Арапщина;
Па уяна Шарца добра коня,
Тай стигнало той бѣли Арапи,
Тай погуби си-те триста Арапина,
И повернá царева султана
Самъ царъ Костадина черка,
И одведе я цару Костадину:
Ето тебе твое мило чедо»!
— А онъ си нему одговара:
«Ако сакашь, за любне я води».

А Марко му тія лѣпо дума:
«Я си имамъ любе за воденье;
Я избавилъ твое мило чедо,
Твое чадо, па и мое.

№ 125.

Трен. окр., с. Бабица; 23 ноября 1879 г. записана со словъ Пеши (Петра) Тодорова.

(Качанскій кадія (судья) присуждаетъ дѣвушку въ невѣсту Николаю королю «отъ Кралёва», руки которой добивались Марко Кралевичъ и Янко «отъ Косова»).

Ставишесе тройца дружина,
Ставишесе на поле широко —
Сви-те млады, неженете:
Едно Марко одъ Прилѣпа града,
Друго Янко одъ Косова града,
Третё кралё одъ Кралева града.
Сви-те су млады, неженеты.
Усрѣте ги гиздава девойтя:
Тагай су се дружина закарала —
Да кой че девойтю да узмé.
Проговóри Марко Кралевичъ:
«Да идемо у Качана града».
Та отоше у Качана града:
— «Богъ помáга Качански кадія!»
— «Добрó, добрó, добри юнáци!
Кажéте, каквá е кáвга?»
— «Я пойдóмо пре широко поле,
Усрѣча ни гиздава девойтя;
Сви су дáрба даровали:

Марко даде тая жълта ду́ня,
А Іованъ даде червена ябука.
А Никола пьрстенъ бармулія;
Сега ние сме се судомъ засуди́ли —
Да кой че девойтю да узме?»
Проговори Качански кадія:
«Али, ми, е дуня за меризма,
А ли, ми, е ябука за гри́зенье,
Я ли, ми, е пьрстенъ за вѣнчанье,
И тагай и пресудило Качански кадіе:
Па́десе Николи, девойтю да узме.
И тагай Нико̀ла одъ Кралева града
Марка си е за кума вануло,
А Іована е за де́вера ватило;
Та су свадбу направи́ли.

№ 126.

Соф. окр. (Поле), село Враждебно; 1 февр. 1880 г. записана со словъ крестьянина Донки Гѐлева.

(Марко Кралевичъ освобождаетъ молодыхъ женщинъ и мущинъ, взятыхъ въ плѣнъ Турками).

Марко сака Моровски девойки,
Марко сака, майтя му не дава:
Немой, синку, Моровски девойки,
Зимѣ глава, лѣтѣ половина;
Па си тергна Марко добаръ юнакъ,
Па си стегна коня Шаркалія,
Та отиде у тесны илисуры.
Срѣшта му се три синджира робье:
Единъ синджиръ-млады момчетія,
То́ры синджиръ-млады девойки;
Трети синджиръ-млады невѣсты;
Согледа ги Марко, одгледа ги,

На очи му жалба останало,
На серце му свидно[1]) останало;
Проговори Марко добаръ юнакъ:
«Слава Богу, моя Шаркалія!
Мошь ли аскеръ съ нодзе да погазишь?
И язе-ка со-съ остра-та сабля».
Шарка коня по́ ти огово́ра:
«Ка' неможемъ аскеръ да погазимъ?
Зашь ме зобишь тая чиста зоба,
И ме по́ишь това руйно вино?»
Па си тури Марко добаръ юнакъ,
Па си тури нога у зенгія,
Доде тури Марко и оная,
Онъ отиде у тесны клисуры,
Та затече тоа силенъ аскеръ;
Та разъигра коня Шаркалія;
И разверже Марко остра сабля,
Та погуби тоа силенъ аскеръ,
И свободи три синджира робье;
На секога по дуката даде:
Кое гладно, лѣбецъ да си купи,
Кое голо, дрешка да сиземе,
Кое босо, опинци да си земе.

№ 127.

Г. Радоміръ; 1 дек. 1879 г. записана со словъ Таски Моавискаго.

(тоже).

Марко шета низъ тесны клисуры;
Емъ си шета, емъ си Богу мо́ли:
«Дай ми, Боже, три синджира́ робье —
Едни синджиръ са млады невѣсты

---

[1]) Скучно, сердце ноетъ.

Певѣсты со-сь мъшки дечи́ца;
Други синджиръ се млады девойти;
Третiй синджиръ се млады момчета,
Си-те млады, си-те нежёнены»,
Доде Марко дума да изду́ма,
Далъ му Господъ три синджира роби —
Па синджиро по ильядо души;
И ди кара церна Арапи́на
И Марко му дума продумуе;
«Богъ те уби, церно Арапино!
Каде́ карашь три синджире роби?»
Я Арапинъ дума проду́муе,
Проду́муе па Марка юнака:
«Мълчи, Марко, непознанъ юначе!
И за тебе празна алка има!»
Марко-ти се варло дожалѣло
Дожалѣло и па-й доделѣло,
И Марко си вседнакъ най [1]) проду́ма:
«Богъ те уби, церно Арапино!
Че пущташь ли три синджира роби?
Или нечешь, па-й да си ми кажешь?»
И Арапинъ Марко-ти продума:
«Че те туримъ тебе найнапреде,
Да ди водышь, како тёсёмъ овенъ».
Марко бъркна у десна-та чижма,
Та извади сабля на зглабове,
Што се вие, ка-то люта змiя,
Па си мана на́лѣво, на́десно,
Та погуби церна Арапина,
И опушты́ три синджира роби —
Па синджиро по илядо души:
Едынъ синджиръ со млады невѣсты

[1]) Т. е. на-ѣ й.

Невѣсты со-съ мъшки дечица,
Други синджиръ се младе девойти.
Трети синджиръ се млады момчéта,
Си-те млады, си-те нежéнены
И си ойдé Марко Кралевико,
Та си ойдé церкви Маріицы,
И си ойдé церкви манастырѣ;
Дума дума на попóве-владыки:
«Чуете ли, попóве-владыки!
Да ли ймамъ язе-ка пречесе,
Дека самъ си язе опуштило,
Опуштило три синджира роби —
На синджиро по ильядо души?»
Продумаа попóве-владыки:
«Имашь Марко, не ли да не имашь!
Имашь, Марко, до три пътъ пречесе:
Когу си си добро направило,
Де избави вѣра православна. —

№ 128.

Соф. окр., с. Василевци; 7 февр. 1880 г. записана со словъ **Филиппа Минина.**

(тоже).

Рано рани Марко светы недѣли,
Да си иды церкви Раваницы.
Мина Марко презъ широко поле,
Насталъ Марко презъ гора зелена;
Самъ си Марко гори поговáра:
«Горе-ле горице!
Што си рано повенала?»
Сама гору Марку поговáра:
«Што сама си рано повенала?

Богъ да біе церна Арапина!
Поминало три синджира робье:
Едéнъ синджиръ-се млады юнаци,
Еденъ синджиръ-се млады девойки,
Трети синджиръ-се млады невѣсты,
Со сьлзи ми верши посушише,
Со-съ ноге корень подкопаше;
За това я рано повенала».
Тогай си Марко гори поговара:
«Вала горо, вала зелена!
Дал' е далекъ»?
Одговара сама гора зелена:
«Ни е далекъ, ни е близу,
Салъ у тесны клисуре».
Марко стиже Арапина у тесны клисуре
И му рече:
«Стани, курво, церни Арапине!
Пушти три синджира робье!»
Одговара церна Арапина:
«Мълчи, курво, Марко!
За тебе има една ока вино!»
Я Марко му говори:
«Стани, курво, церни Арапине!
Да си мейданъ біемъ —
Я ферляй, я ли че верлямъ буздогана».
И въеднага верлилъ Марко добаръ юнакъ,
Верлилъ перна буздогана,
И накаралъ Арапина деветъ лакти ý земь.
Осташе три синджира робье;
Поведе ги Марко церкве Раванице;
Ка' дойдоше церкве Раванице,
Сами церкви отворишесе.

№ 129.

Кюст.-Бан. окр., с. Жилинци; 5 дек. 1879 г. записана словъ Маріи Тупаковица и ея дочери.

(тоже).

Горице-ли, горице зелено!
Пойде Марко на церква да иде,
На срѣшта му горица зелена;
Я Марко по тія говореше:
«Горице ли, горица зелена!
То што си, ми, рано повенела?
Дали, ми, те слана попорило,
Или, ми, те снѣжи оснѣжили,
Ели, ми, те сѣкира сосѣкла?»
Горица му тія говореше:
«Море, Марко, море, добаръ юнакъ!
Ни, ти, ме слана попарила,
Ни, ти, ме снѣжи оснѣжили,
Ни, ти, ме сѣкира пресѣкла;
Заминаа тіе клети Турци,
Прекараа три синджира робье —
Со-съ нодзе корень подкопаа,
Со-съ душе ми више полумиа:
Еденъ сенджиръ-се млады невѣсты
Се невѣсты скоро доведены,
Други сенджиръ-се млады девойки,
Трети сенджиръ-се млады момчета;
Невѣсты-те милно-жално плачатъ:
«Аво, Боже, аво, мили Боже!»
Милно-жално за машки-те дѣца;
Я момѝ-те милно-жално плачатъ
Милно-жално-за тенки-те дары:
Тенки дары пусты останали,

Кой че да ви растресé-претресе;
Ергенье те милно-жално плачатъ
Милно-жално-за тенки-те пушки:
Тенки пушки пусты останáли,
Кой че напуны и сверле.
За това я самъ рано повенела».

(не кончена).

№ 130.

Трен. окр., с. Бабица; 23 ноября 1879 г. записана со словъ Пеши (Петра) Тодорова.

(Женитьба Марка Кралевича).

Зáженисе Марко Ќрáлевичъ.
И си óды три дни и три ночи.
Ка' отидé у Земéна града,
Тамо найдé са себе девойтю:
Нишанъ даде три товара благо.
И думалъ си Земенски краль:
«Да си берешь, Марко, китени сватове
Да си берешь за триесé дена,
И да водышь гиздаву девойтю,
И да водышь за триесé дена».
Ка' отидé Марко у Прилѣпъ градъ,
Тамо найдé Янко одъ Косова,
И найдé си крáля одъ Кралева;
И питаю го добри́ юнаци:
«Да найдé ли за тебе девойтю,
А за насъ прилику?»
— «Я си найдó за мене прилику
Найдо Прилику и девойтю,
И нишанъ дадó три товара благо, —

И думаше ми, да за триесé дéнá
Я си водимъ триста и три свата».
Я се диже Янко одъ Косова,
И се диже кралекъ одъ Кралева;
Свеки оди три дни и три ночи;
Ка' отиде Янко у Земена града,
Тамо найде за себе девойтю —
Нишанъ даде два товара благо;
И думаше краль Земенски:
«Да си водышь китены свáтове
Да си водышь двѣстс сватове,
Да си водышь за триесé дена.
Ка' отиде Кралекъ одъ Кралева,
Ка' отиде у Земена града,
Тамо найде за себе девойтю —
Нишанъ дадé. четиръ товара благо;
И дума му краль Земенски,
Да си воды четирстотитъ свата.
Тагай су се поверну у Прилѣпа града;
Тамъ найдоше Марка Кралевича:
И онъ си ги вѣрно питýеше:
«Та найдосте ли за васъ девойтю,
За васъ девойтю, а за мене прилику?»
Сваки каже све по реду.
И собрали се сватове.
Се пойдоше еденъ дьнькъ.
Ставишесе на поле широко,
Стави́шесе до трóи сватове,
До три кума и до три старойтя,
И до три, ми, младе младожени,
И до три, ми, млады байрактары,
И до три, ми, млада девера,
А сватове края броя нема.
Я отóше у Земéна града.

Ка' отоше у Зeме́на града,
Срѣтоше ги кметове Земенчане,
И срѣте ги майтя на девойтю.
Улезоше у златне тарпезы;
Сѣдо́ше до трои́ца младожене.
Прогово́ри Марко Крале́вичъ:
«Да камо вие мое-те слуге?
Я окнете майтю на девойче,
Да опитамъ и да опрашамъ».
И окну́ше девойчину майтю.
— «Бога тебе, девойчина мале!
Да ли имашь три младе девойте?»
— «Една си е, и она́ да не е».
Проговори Марко одъ Прилѣпа града:
«Ако сакашь, мале,
Да ю давашь яко за юнака,
Да ю давашь за Марка Кралевича;
Ако сакашь яко за прилику,
Да ю давашь Янку одъ Косова;
Ако сакашь яко за иманье,
Да ю давашь кралю одъ Кралева».
Майтя му по тія огово́ри:
«Она́ не че боякъ да ми біе,
Да удавамъ яко за юнака.
Она не е китка, да забоде за главу
Да удавамъ яко за прилику;
Че удавамъ за млого иманье».
Тагай си излезла майчина девойтя.
Марко си тада по тія оговори:
«Бога тебе, мое-те слуге,
Я окнете и мо́я-те слуге,
Да збирамо мои́-те сватове».
Окнуше те Маркове сватове;
Собрашесе Маркове сватове;

И Марко имъ по тія оговбри:
«Бога тебе, мои́-те сватове!
За насъ тука девойтя нема».
Тагай Марко низъ тарпезе излезе,
Та си яну коня шаренога,
Та си стане предъ врата,
И си ока девойчину майтю,
Да опита па-и да оправа.
Дойде девойчина майтя;
Па ю пита Марко одъ Прилѣпа:
«Бога тебе, девойчина ма́йтя!
Кой найнапредъ со-съ нишанъ дойде́?»
— «Найнапредъ Марко Кралевичъ».
Сметну́ се Марко одъ добро́га коня,
Та уле́зе у златна тарпе́за;
Та си вану Янка одъ Косова,
Удара́ше му една́ шлякави́ца —
На́кара га три педы у земи;
Я си вану кра́ля одъ Кралева,
Удари му една́ шлякави́ца —
На́кара га три педы у земи.
Тагай сѣ́де у златна тарпеза,
Та си сѣде́ три дни и три ночи.
Што би законъ, се га прекара́ше,
Па подоше друмы да друму́ю;
— «Нема ништа майтя-да поу́чи?»
Бога тебе, дево́йчина мале!»
— «Да немогу ништа да поучимъ:
Кадъ си биде пре сынё-то море
И подувну тія силенъ вѣтеръ,
Да си церсто превезъ держишь,
Че да дувне тія силенъ вѣтеръ,
Та поди́гне на девойтю превезъ».
Я пазила кума господина —

Да га Богъ убіе! —,
Што е майтя продумáла:
Кагá е било преко синё море,
Я си дувне тія силенъ вѣтеръ,
Та подиже на девойтю превезъ:
Синю лицé, како ясно сълнце;
Опазило кума господина:
Вати, та обречé на девере
Та обречé едéнъ товáръ благо,
Да си люби той млада невѣста;
Оны́ молчу [1]), па си снау водé.
— «Бога ви, два ру́сна дéвера!
Да дадете снау да ви любимъ;
Оны мълчу, па си снау́ уводе.
Онъ обрéкоше чéтиръ тóвара благо...
Кагá си е вечеръ на леганье,
Проговóри гиздава девóйтя:
«Я се окни, кумо господино,
Я се окни трои́ца берберы,
Да обриче тую ру́су браду,
Па тага че лицé да ми́ лю́бишь».
И онó óкну трои́ца берберы:
Обричише ту́ю русу браду —
А она имъ свѣтила,
Та-й у превезъ браду верзувала;
Когá се брада обричила,
Она си е свѣ́чи ду́внула;
Та си вати той тéвне тевни́це,
Та си ойдé при Момчилъ
При Момчалъ байрактарче:
«Богъ помáга, Момчилъ байрактарче!»
А онъ си лежи, не смѣ да устáне,
Алъ на срѣдъ е казуе:

---

[1]) Sic.

«Богъ те ýбилъ, той млада невѣста!
Што си тражишь, невѣста?»
— «Тува лéга Марко Кралевиче?»
— «Тýва лéга; презъ вода Ситнúца,
Поды зелёнъ чáдеръ лéга».
И си стану Момчилъ юнакъ,
— Испрати ю до воду Ситнúцу
И говори:
«Бога тебе, той млада невѣсто!
Я си завій тія свилни скуты,
Та преплúвай той вода Ситница,
Та си право иды подъ зелены чадори,
Де-ка спава Марко Кралевиче.
Тамо горѣле двѣ жьлте свѣче».
Та зáсука тія свилны скуты,
Та преплива той воду Ситнúцу.
Ка' отúде на зелени чадоръ,
Тамо спава Марко Кралевичъ;
Она Марка на легола найде
И гȯ, море, замашкала;
А Марко по тія оговори:
«Бѣгай, курво, предъ коне у ясле»!
И она си ишла у ясле,
Предъ коня у ясле лéгла.
Кадъ се рано зазорило,
Я излезла деннúца звѣздица,
Проговóри Марко Кралевиче:
«Ела, курво, сада ми да кáжешь».
И она тагай стаде, та дойдé:
Нема ништо дума да се дума —
Тако си превезъ одверзала
И си тако косу истресала»;
Марко си тагай сетило:
«Лéгай, курво, на мое постéле;

Я че точимъ той сладке здравице,
Че да идемъ, кума да си канимъ,
Да си путомъ путуемъ».
Она́ си лежи на зглáвницѣ.
Марко яна коня́ шаренога,
Па си прейде́ той воду Ситницу,
Па си иде́ предъ Милошь[1]) байрактарче:
«Богъ помáга, Милошь байрактарче!
Айды, да станы, кума да кáнемо».
Я си стану Милошь байрактарче,
Та отоше, кума да си кане.
Ка' отоше при кума Латина:
«Богъ помага куме Латине!»
— «Добро́, добро́, млады младожене!»
— «Бога тебе, кума господине!
Што си верзалъ тую ру́су главу?»
— «Ситни су ми зуби заболѣли»;
— «Я самъ здравице наточилъ,
У здравице лѣкове натурилъ:
Очемъ, Бога, главу да оздравимъ;
Я додай ми тую де́сну ру́ку».
Я си дойде тую десну руку,
Предáде му то́й лѣ́па здравица,
И говори Марко Кралевиче:
«Зашто, куме, главу уверзáлъ?»
— «Ситни су ми зубы заболѣли»;
— «У здравице семъ лѣкове ту́рилъ,
Очемъ, богме, глáву да излѣкуемъ».
Нема, кума Латина да одверза
Да одверза тую русу главу;
Онъ га вану за десну ручи́цу,
Да предаде́ той златне здравици;

---

[1]) Въ началѣ пѣсни онъ названъ «Момчилъ».

Кума господина оговори:
«Ситне су ми зубы заболѣли,
Та не смѣемъ главу да одвержемъ».
— «Я семъ, кумо, синочка чуло —
У здра́вице лѣкове турило,
Очемъ, богме, да оздравимъ;
Я дай, куме, руку десни́цу».
Кумъкъ да́де руку десни́цу;
Марко га за руку вану́,
И одсѣче му той русу главу.

№ 131.

Село Скрино, Дуннич. окр.; 17 дек. 1879 г. записана со словъ крестьянина Ангела Рыбаря.

(Алватаръ воевода уводитъ жену Марка Кралевича; Марко убиваетъ его).

Ойде Марко на Косово поле,
На краль да е младый помохчія;
Тамо сѣделъ Марко три годины.
Дочулъ го е Алватаръ войвода,
Та дошелъ, та му поплѣнилъ дворове,
И залюбилъ му любне-то.
Дочулъ го е Марко одъ Косова,
И се чуди, што да чини,
И попраша чорбаджія си:
«Такова ми е книга дофтасала,
Дека ми е дворове́
Поплѣнилъ Алватаръ войвода
И ми залюбилъ любне́-то».
— И рекалъ му чорбаджія:
«Да си викнешь дванаесе терзіи,
Да сошія руба игуменска,

И да зе́мешь калпакъ игуменски,
Да си я́хнешь конё,
Да си я́хнешь, та да си оти́дешь.
За година бѣше му за мѣсяцъ.
И ойде въ село́-то, па ойде на чешма-та;
Тамо найде моми и невѣсты;
Угледна на една невѣста,
Рече: чія си невѣста?
— Язе Маркови́ца бѣхъ,
А сега на Алватаръ войвода».
— Можемъ ли, да поминемъ я
У ваши-те дво́рове?
— Айде, идеме у наши дворове.
И ойдоа у нойне-те дворове.
И рекла млада Марковица:
«Э ты-зи-ка, церно калу́деро!
Дека найде Маркова-то коня,
Дека найде Маркова-та сабля?»
И рекалъ церно калудеро:
«Марко умре на Косово поле,
Та му земахъ коне́ за опѣ́ло,
Сабля-та земахъ за одгреба».
— Чекай малко, да излезнемъ,
Да прашуемъ Алватаръ войвода:
Можешь ли да поминешь ты тука?
И ойде Марковица да прашуе Алватаръ войвода.
И онъ рече: «нека дойде».
И ойде церна калудера,
Ойде на высоки чардеци. —
И она верза конё у яхе́ро,
И го пригерна и здравува:
«Мило ми коньче, добре́ ми дошло,
Оте нема Марко да ми дойде».
Дури плачеше, конё ока

И потече кервь врезъ нея;
И она викна тогай:
«Алватаръ войвóда испусти вино-то»;
Излезна на высоки чардаци,
Погледна на Алватаръ войвода,
А глава-то отсѣчена.

№ 132.

Соф. окр., село Суводолъ; 30 янв. 1880 г. записана со словъ крестьянина этого села Жёты Илкова.

(Марка Кралевича ищетъ его мать).

Майтя Марко по варошь тражила.
Не найде го у бѣли вароши;
Разбрáла го у ладни меаны́;
Когá бидé у ладны меаны́,
Нема Марко у ладны меаны́;
Разбрала го у суи плáднины,
Де-ка гради деветъ задýжбины,
Кални друми, камени калдерми,
Криви рѣки, те мѣре мостéве,
Вода вóды, одъ деветъ планины,
Чешмы гради по суи планины;
Вода воды, вода не дохóды.
Па говóри нéму стара майтя:
«Фала тебѣ, Марко, моé детé!
Зашто градишь деветъ задужбины?
Даль ги градишь тебе за спомена,
Иль ги градишь мене за проклета,
Иль ги градишь башти за проштенье?»
Одговара Марко добаръ юнакъ:
«Леле мале, леле стара мале!

Ни ги градимъ мене за спомене,
Ни ги градимъ тебе за проклета,
Ни ги градимъ башти за прощтенье;
Нель ги градимъ Арватки девойти.
Ние бѣхме триесе юнаци,
Отидохме на ладна меана,
Пихме вино и пихме ракія,
У дружина си чаша посатукна;
Кога бѣше рано одъ зарана,
Пойдоа си триесе юнаци,
Тесгетаре порты затвориа,
Редомъ реда редомъ по юнаци,
Редомъ реда, та си чаша тража,
Редомъ реда-редъ клетва давае:
Кой се кьлне у брата, у сестра,
А я немамъ у шта да се кьлнемъ;
Я се кьлнемъ у моя-та коня,
И се кьлнемъ у моя-та сабля —
Остра сабля-студено желѣзо,
Врана коня-кучешка нарана, —
Та не хтеа за вѣра да вана;
Турнаа ме у тевни тевницы,
Та си лежа три година време;
Никой нема кодъ мене да дойде;
Научисе Арватка девойтя,
Ката дена подъ мене доожда,
Ката дена и сака недѣля,
На ручка пребѣло погача,
И на вечера пребѣла баница,
На недѣля пребѣла премѣна;
Па си дума Арватка девойтя:
«Вала тебѣ, Марко, доберъ юнакъ!
Хочешь мене за любе да земешь;
Че да лахамъ одъ башта ключеве,

Че отворимъ той тевни тевници,
Че те пуштимъ низъ тежки зендани».
И Марко ю по ти оговбра:
«Вала тебѣ, Арватко девойтё!
Ты ме пушти низъ тежке зендани,
Я чемъ тебе за любе да узмемъ».
Везéла е одъ башта ключéве,
Отворила той тевни тевници,
Опуштила Марко-те юнака,
Пуштила го низъ тежки зендани.
Пойдé Марко, дóма да си иде;
Онá пойде со-съ него да иде.
Пойдé Марко презъ поле широко;
Останáла Арватка девойтя;
Проговори Арватка девойтя:
«Вала тебѣ, Марко, доберъ юнакъ!
Чекай, Марко, я съ тебе д'идемъ;
Ако нечешь за любе да семъ ти,
Ты ме воды робыня да самъ ти;
Ако нечешь-робыня да самъ ти,
Ты си верни, па си ме погу́би»,
А Марко се токо чудомъ чуди —
Да я воды за лю́бе да му е,
Со-съ него чеше га дружина да си бія;
Да я воды-робыня да му е,
Па дружина ше га да си бія:
«Да нéма ли бугарка девойтя,
Та я везелъ арватка девойтя»;
Па се Марко токо чудомъ чуди:
Па си тегна сабля димискія,
Та погуби арватка девойтя,
Погуби е на равни́ дру́мове.
Проговóри Марко доберъ юнакъ:
«Леле мале, леле стара мале!

Ка' ме родишь, што мене поро́ри?
Яли брата, яли мила сестра?»
Я майтя му по́ ти огово́ри:
«Фала тебѣ, Марко, мое дете!
Ка' те родихъ, а я те поро́дихъ,
Породихъ ти брата Андреяша;
Амо дойде Челединъ войвода,
Занесе го на Латина града».
Я Марко го по ти огова́ра:
«Клета да си, моя стара мале!
Клета да си и про́клета да си!
Што не кажешь оште одедавна?
Да си идемъ брата да си тражимъ,
Да си тражимъ брата Андреяша».
Па подко́ва си нодзе у подкови,
Па облече той дервишки дреи,
Направи се лу́да дервишина;
Па си вана Шарга по себе-ка,
Та си хо́ды одъ града на града,
Та оти́де у Латина града;
Па питуе латински читаци:
«Вала вие, латински читаци!
Де-ка има вино за желтица?
Я да піемъ и конё да поимъ».
Я о́ни нему по ти огово́ра:
«Фала тебѣ, лудо дервешино!
Тука нема вино за желтица,
Тука има младо Андреяшо,
Оно́ дава вино на облога:
Ты да піешь и коня да по́ишь».
Я Марко по ти огова́ра:
«Фала вие, латынсци читаци!
Де-ка са си негови дворове?»
Говореа латынсци читаци:

«Фала тебѣ, лудо дервешино!
Негови са яко лични дворы,
Се дуаре одъ юначки глави,
Я подпоры одъ юначки нодзе;
Нему дворы на-срѣдъ на Латина».
Кога́ ойде́ Марко доберъ юнакъ,
Та си найде Андреяши дворы;
Почукналъ е на пребѣли порты;
Излезнала Андреяши либе;
Говораше Марко доберъ юнакъ:
«Фала тебѣ, Андреяши либе!
Да дадете вино за желтица,
Я да піемъ и конё да по́имъ».
Я она́ му по́ ти огово́ри:
«Вала тебѣ, лудо дервишино!
Тува нема вино за желтица,
Тука има младо Андреяше,
Оно дава вино́ на обло́га—
Ты да піешь и конё че поишь».
Улезналъ е Марко у дворове,
Та си сака вино́ за желтица:
«Фала тебѣ, младо Андреяше!
Да ми дадешь вино за желтица».
Андреяша по́ ти огово́ри:
«Да си давалъ вино за желтица,
Сва би града злато позлатило;
А я давамъ вино́ на обло́га—
Ты да піешь и конё да поишь».
Ка' сѣднаа до-двама юнаци,
Направна голѣма облога:
Марко даде ко́ня изъ-подъ себе,
Андреяше свое первнолибе,
Да си піятъ двѣ недѣли дена,
Да си піятъ да си незадрематъ;

Кого́ напредъ дремка че одреме,
Онъ че даде́ голѣма облога».
Ка' се пили денъ-недѣля дена,
Андреяше дремка одремала —
Заспало е младо Андреяше;
Провикна се Андреяши либе:
«Фала тебѣ, лудо дервишино!
Че ме во́дышь у Прилѣпа града,
Тамъ я имамъ, бре, Марка девера,
Онъ че мене одъ тебе да отме».
Прогово́ри Марко доберъ юнакъ:
«Стани, млады Андреяше!
Просто да е голѣма облога;
Днеська пресвета недѣля,
Стани, Бога да молиме,
Стури капа, Бога да мо́лиме».
Кога́ стана́ младо Андреяше,
Па му дума Марко добаръ юнакъ:
«Справи коня Тютурана,
Да идеме на наши дворо́ве;
Да си идешь майтя да си видишь».
Справи коня младо Андреяше.
Уяхнаа два добры юнаци,
Уяхнаа до два добры кони́:
Марко яхна коня Шареяна,
Андреяша коня Тютурана;
Та пойдоа презъ Латина града,
Презъ Латина по тѣсни сокаци,
Калдерме́ изъ темель вертéа,
А терамиды у небеса верча́,
Со-съ колпаци чандiи собаратъ.
Гово́раа Латински читаци:
«Фала вама до двама юнаци!
Не зорете ваши добре кони,

Излезнете у сува планина,
Та шéтайте по сува пла́нина —
Кой понапредъ вода че поса́ка».
Ка' шетали до двама юнаци,
Андреяша вода ожеднѣло,
Па си дума младо Андреяше:
«Фала тебѣ, Марко мили брате,
Че си бодемъ коня изъ-подъ себе,
Млогу са ми жеди зажедѣли,
Че си піемъ конски церни́ керви».
Я Марко му по ти огова́ра:
«Фала тебѣ, младо Андреяше!
Не боди си коня изъ-подъ себе,
Да си піешь конски церни керви,
Нело иди у гора зелена́:
У гори́ца-потайна меáна,
На меани Мара меанджійтя;
Она дава винó за желтица,
Ты да піешь и коня да пóешь;
Ко́га ойдешь у гóра зелена
У горица на ладна меана,,
Ты-зе, младо, одъ коня не слази,
Че е Ммра многу дяволита»,
Бо́га ойдé младо Андреяше,
Ко́га ойдé презъ горы зелены,
Оддалекъ го Мара согледала,
На хайдуци по ти огова́ра:
«Фала вис, шесдесе хайдуци!
Какво лудо презъ горица иде:
На глава му безцано каменье,
И си яхналъ коня Тютурана».
Дори она́ дума продумала,
Пристигнало младо Андреяше.
«Фала вие шесдесé айдуци!

Да фанете незнана делія,
Да земетё безцано ка́менье;
Мене дайте безцано каменье,
Да платите, што сте си испили,
Што сте пили на ладны меаны».
Кога́ приде́ младо Андреяше,
Па си сака вино за желтица:
«Фала тебѣ, Мара меанджійтя!
Да ми дадешь вино за желтица —
Я да піемъ и ко́ня да поимъ».
Прогово́ри Мара меанджійтя:
»Фала тебѣ, непознанъ юначе!
Я да давамъ вино́ за желтица,
Сва би гора злато позлати́ла,
Нело давамъ вино на облога —
Ты да піешь и коня пое́шь;
Да си слезнешь одъ добра-та коня,
Да улезнешь у ладна-та меана,
Пій си вино́, колико си сакашь».
Слезнало е младо Андреяше,
Улезнало у ладна меана:
У меана шесдесе́ х̆айдуци,
Си-те са му на́ нодзе́ станали,
И въеднагъ го у руцѣ фанали
И руса му гла́ва одрѣза́ли.
Пиле пиште изъ-подъ ясно небо:
«Дигъсе, Марко, да бих̆ се не дигалъ»!
Марко заспало у Доспадъ-пла́нина,
Въеднага е на подзе рипнало, —
И уях̆на́ коня Шареяна;
Та си тергна́ огня́на камджія,
Та удари Шарко по гербина:
Литна Шарко презъ гора зелена,
Та одлете на ладна меана;

Верза Шарка на мала-та врата,
Самъ улезна одъ голема врата;
Улезналъ е у ладна меана́,
Извадилъ е сабля зглобовница,
Завортесе налѣво-надесно,
Та погуби шесдесе́ х̆айдуци;
Итра била Марка меанджійтя:
Подврела се Шарку подъ копито,
Та бѣгала у росно ливадье.
Уях̆на си Марко, добаръ юнакъ,
Уях̆на си Шарко узобенъ,
Па си тергна́ огняна камджія:
Ка удари Шарка по censorbina —
«Де? да найдешь Мара меанджійтя!»
Я Ша́рко му по ти огова́ра:
«Цверсто, Марко, на мене-ка держшьсе!
Я че найдемъ Мара меанджійтя;
Э, каже, у росно ливадье».
Литна Шарко презъ поле широко,
Та отиде у росно ливадье;
Фаналъ е Марко Мара меанджійтя,
Тергналъ си е сабля зглабовница,
Да посѣче Мара меанджійтя;
Она́ му се вѣрно примолила:
«Немой мене, Марко, да посѣчешь!
Че оздравимъ младо Андреяше:
Какво́ бѣше, поболье че стане»;
Па отиде́ у го́ра зелена,
Та набрала трѣва лѣковачна,
И наточи вода лѣковачна,
Окепала млада Андреяша:
Какво било, поболье станало.

№ 133.

Трен. окр., с. Бабица; 24 ноября 1879 г. записана со словъ Арангела Дойчинова.

(тоже).

Тражи майтя Марка юнака.
Тражи майтя него у горне мене,
А найде га дольне меане:
Марко піе со-съ брайтя, со-съ дружина;
У дружина чаша погинула,
Меанджійтя чаша тражи у дружина—
Кой се кьлне у брата, у сестра,
Я Марко се кьлне у коня шаренóга,
И кьлне се у сабля ржавúца;
Я Марко дружина невѣрче:
Тако д'[1]) Бога, Марко Кралевиче!
Зашто си кьлнешь у коня шаренóга,
У шаренога коня и у сабля ржавица?
Конéкъ си е пчешко месо,
Сáбля си е желѣзо студéно!
Марко си паде у невѣрось.
Па се Марко зáвика,
И сьлзе рони низъ бѣле образье.
Па си вану коня Марко Кралевиче,
Та си уойде дома на двóрове.
Сеглeда га негова-та майтя:
«Тако д' Бога, сину Марко!
Зашто одышь по дворъ —
Бѣле сьлзе ронишь,
Бѣли персты кьршишь?»
Проговóри Марко Кралевиче:

---

[1]) т. е. тако ти.

«Вала, мале остарѣло!
Ка' ме роди, што ме не породи?»
— «Породи́ ты сина Андрея́ша,
Ама га су Турци закара́ли».
— «Даль е, мало, далекъ, иль е близа?»
— «Ни е, синко, далекъ, ни е близа:
Одъ вечера коня да посправишь,
За́рани рано да подра́нишь —
Да си рано подранишь,
Рано коня да назо́бишь,
Да си отидешь презъ поле широ́ко,
Рано че стигнешь тамо;
Че найдешь Ана меанджійтя,
Она че ты каже, сину, Марко».
И оно си е одвечеръ коня́ посправи́ло,
Зарани си е, рано подрани́ло,
Па си я́ну ко́ня шарено́га:
Тури лѣву ногу у зенгія,
Доръ да тури десна нога у зенгія,
Оно се отиде презъ поле широ́ко,
Та си дойде при Ана меанджійтя:
«Помози Богъ! Ане меанджійтя!»
—«Далъ Богъ добро, непознанъ делiё!»
—«Очешь мене да давашь вино немѣрено?
Да ти давамъ паре неброене».
Она му дала вино немѣрено,
Онъ ю дава паре неброене:
«Тако д' Бога, Ане меанджійтя!
Дали има одъ мене по-юнакъ?»
— «Тако д' Бога, Марко Кралевиче!
Има одъ тебе по-юнакъ-братъкъ Андреяша».
— «Даль е да́лекъ, иль е бли́за?»
— «Да отидешь презъ поле широко,

Че да видишь Андреяшины дворы:
Андреяшины кулé направене со-съ юначке главе,
А негови дворы направены со-съ юначке руке
И омазане со-съ юначке кьрве.

№ 134.

Г. Радомíръ; 2 дек. 1879 г. записана со словъ Таски Петрунова Моавискаго.

(Марко убиваетъ Динче Арнауче, ограбившаго его дворы).

Марко кани ора и грáдове,
И покани до деветъ крáины,
И покани́ до деветъ кралёве,
И покани́ до деветъ крали́цы,
Салъ некани Динче Арнауче.
Дума дума Марково-то любе:
«Како кажатъ тія добры гости,
Млого сладки Маркови-те гозби,
Салъ да има рыба одъ Ори́до
И ракія одъ Демиръ-капія».
И Марко си дума продумуе —
Продумуе на негово любе:
Посправи ми коня Шарговúта,
Че да идемъ, да си донесемъ
Рыба одъ Орида и ракія одъ Демиръ-капія». —
Бутнá ко́ня Марко Кралевико,
Та го бутнá низъ поле широ́ко,
И настана низъ тесны клисуры;
У срѣшта му Динче Арнауче:
«Добра срѣшта, непознанъ делíё!»
— «Далъ Богъ добро, непознанъ юначе!»
И Марко се малко изместило,
И си веднагъ на коню продума:

«Това си е Динче Арнауче.
Како мие сега да прáвиме?»
И прóдума кóня Шарговита:
«Я ме верни мене назаде-къ».
И Марко е кóня послушáло,
И си вернá коня Шарговита;
Какъ си вернá коня Шарговита,
И достигнá Динче Арнауче:
«Добра стиджа, непознанъ делиё!
— «Далъ Богъ добро, незнане юначе!
«Кадé си конё уберзи́ло?
И Динче му тогай продумало:
«Че да идемъ на Марковы дворы»
— Зашто идешь на Марковы дворы?»
— Че да идемъ, дворы да му похарамъ,
И госке да му погубимъ».
И Марко се заплакало;
А коня́ го допитало:
«Зашто платьешь Марко Кралевико?»
И Марко му дума продумуе:
«Какó да не плачешъ?
Че си ойде Динче Арнауче,
Че си ойде на мои дворове
Дворы оче да ми похара,
И госке оче да ми убіе».
И тогай си коню продумуе,
Продумуе коню Шарговиту:
«Слушай мене, Марко Кралевико!
А си верны, да го дости́гнеме».
Бутнá кóня Марко Кралéвико,
И достигна Динче Арнауче:
«Язе не семъ непознанъ деліе,
Нело семъ Марко Кралевико».
Въеднага одъ коня се стурия:

Една́ страна кончета се бія,
Друга странъ юнаци се бія;
И ё одвилъ коня Шарговита,
И накаралъ на Динче Арнауче ко́нё,
Накаралъ го тридеветъ лакти у земи;
А преверналъ Динче Арнауче,
Преверналъ Марко-те юнака;
И си дошелъ коня́ Шаргови́та:
«Леле, Марко, мои́ чорбаджіё!
Я си бьркни у десна-та чижма,
Та извади ноже́ потайниче,
Та го муши у клето-то серце».
И Марко е ко́ня послуша́ло,
Та извади́ ноже́ потайниче,
Та го муна у клето-то серце.
Тогай Марко-ти продума коня,
Продума коня Шарговита:
«Я се ме́тай мене на ра́мена!»
И Марко е ко́ня послуша́ло;
Бутнало го низъ поле широко,
И си ойде до Орида града —
Земало е рыба одъ Орида
И земало е ракія одъ Демиръ-капія,
Па-й се однесе на негови дворы,
И си піе вино одъ три го́динъ,
И си піе лютица ракія,
И казуе негови дружина:
«Што-то бѣше Динче Арнауче —
Бѣше пошло́ на мои́ дворо́ве,
Дворы да ми поара,
И госке да ми убіе;
Алъ него семъ я погубилъ
Со-съ ноже-то пота́йниче.

№ 135.

Вран. окр., на границѣ съ Лековскимъ, с. Мачкатица; 3 марта 1880 г. записана со словъ Иліи Николина.

(тоже).

Темби чини цара Сулеймана:
Да не иду по Стамбола града,
Да не иду ти добры юнаци,
Да не пречу сабле по меане,
Да не пію вина и ракіе.
Той негледа Марко Кралевиче;
Но си иде по нова пазара,
И си пречи сабля по меане,
И си піе вино и ракіе.
Той согледа царе Сулеймане,
Па, ми, вика по нова пазара:
«Кой се найде юнакъ у мейдана
Да погуби Марка Кралевича,
Да дашчю му пóла мое благо».
Никой не би се нашéлъ;
Туй се найде Гине Арнауче,
Та уяне тенко Бедовіе,
Право иде у меана нова
И казуе:
«Чуешь мене, Марко Кралевиче!
«Ты изиды овамо мейдана —
Оче мие мейданъ да дѣлимо».
Ту изиде Марко Кралéвиче,
Па уватии Гине Арнауче —
Обѣ му е руке излóмио,
А ние го свóга погýбио.

№ 136.

Село Верба, Радомірскаго окр.; 30 ноября 1879 г. записана со словъ Мины Стоянова.

(Янко юнакъ освобождаетъ Марка Кралевича, взятаго въ плѣнъ Турками въ Охридѣ).

Поканилъ Марко това добра гость:
Седемь краля одъ седемь крáины
И три владыки одъ три краины;
Си-те крали поканило
Пай си-те дойдó,
А найпослѣ дойде кралица довица.

И сѣднали у чесны тарпéзы.
А кралица маана нашла:
«Добаръ Марко добаръ госба прави,
Добаръ госба за гладны юнаци,
Добро вино за піяны жены;
Оти нема ракія
Одъ Демиръ-капія,
Оти нема рыба
Одъ Орида града?»
И тогай си Марко слютилъ,
И уяна Шарца добра коня,
Та отиде на Орида града,
Да си тражи рыба одъ Орида;
А тамъ го су Турци уловили;
А онъ си лѣпо имъ измолюе:
«Опуштете ми тая десна рака,
Да испишемъ тое бѣло книже,
Да попратимъ на моя-та майтя,
Да се майтя на сына не нада».
И тогай се Турци несвѣстили:
Опуштили тая десна рака;
И исписа Марко тая бѣла книга,
Та я прати на негови шура,
На юнакъ Янко Кóсовче;
И я пратилъ по сиво соколе,
Ошь побърже Янко да приде.
И соколе тамо отúде,
Даде Янку книже да пречати.
Чети книже Янко Косовче,
И него со сьлзи омúло.
И въ еднага Янко яна
Яна коня Пелифана,
И отиде на Орида града.
И тогай се Турци нарипáли,

Та му даю това руйно вино.
А оно си вино не пріима,
Нель извади тόя остра сáбля;
Та погуби Турци янычари
И па Марко думу издумае:
«Да не може ли съ брайтя да піешь,
Нель си піеша съ курви и съ гедіи?»
— И тогай е Марка одвезало. —

№ 137.

Село Верба, Радомірск. окр.; 29 ноября ноября записана со словъ того же крестьянина.

(Король Вукашинъ не зоветъ на пиръ Марка Кралевича и Грую-дитя).

Поканиле[1]) краля Вукашина,
Уканиле[2]) сичке околи́не,
Салъ не кани́ль Марко-то юнакъ
И неканиль Груё малко дѣте,
Дека су се многи пьяници
Вино заодили, у ракія незная́ли,
А на ножéве дюреячіи,
А на конé бинекчіи;
Оттова не хтѣлъ да ги кани.
Аль си иде Груя малко дѣте:
«Леле, уйте, леле Марко!
Поканиль е краля Вукашина,
Поканиль товá добрó госбе,
Салъ не каниль мене и пай тебе;
Айде, д'идемо ни каниты, ни фризены.
А янáли тія добри кони,
Та отишель краля Вукашина.
Излезнало това добро госте,

---

[1]) Т. е. поканилъ е.
[2]) Тоже.

Та срѣшналю Марко-то юнакъ,
Да му земе Шарца добра ко́ня,
Да го земе, да го шетатъ;
А онъ имъ говори:
«Онъ е ученъ-самъ че шета«.
Па си сакая Грую детенце,
Да шетая конче троегодче;
А онъ имъ говори:
«Не ватайте конче троегодче,
Че го учи учива конь».
И сѣднали чесны тарпе́зи:
Слуга имъ е Роселинъ девойтя;
Редомъ чаша служи;
Редъ дойде до Груя детенце,
А него е подминала;
А опо имъ говори́ло:
«Чуете това́ добро́ госте!
Имате ли облокъ за девойка?»
А о́ны му гово́ря:
«Има, та како́ не́ма —
Ту е Біоръ-планина,
Еденъ езеръ има и пай не́ма,
Други езеръ има и пай не́ма,
Трети езеръ дьрво езерливо,
У дьрво-то до три златны ябуки;
Кой то може, да та ябука одкине,
Онъ че земе Руселинъ девойка».
— Въеднагъ рипна Груя детенце,
Да посправя конче троегодче;
А му Марко дума:
«Я си карай моя Шарца
Шарца-добра коня;
Онъ ишель, онъ че те води, —
И што дума, него да слушашь».

Кадъ си ойде на бистро озеро,
Па му-нему дума:
«Леле Шарцо, леле добро коню!
Да ли я ябука да кинемъ,
Ели дерво да ва́димъ»?
И онъ му-нему говори:
«Ако можешь, дерво извади».
И она е де́рво извади́ло,
Извадило-побѣгнало.
Излезнали до три вили-самовили,
Самовили тія яшни ку́чки;
Па ему една́-та ока:
«Я постой Груё дете!
Я ти дадемъ тая златна форма».
А оно си па отбѣ́гло.
Одока го дру́га ку́чка:
«Э, ме чекай, Груё детенце!
Че дадемъ та́я златна тепсія,
У тепсія златне пилишта [1])».
А оно́ си па отбѣ́гло.
Па му третя ока кучка:
«Я почекай, Груё-малко дете!
Я дадемъ та́я златна софра,
На софра́ това безцани камени:
Кадъ вечерашь, сами́ те да свѣта»;
И она му ко́ня позапре́ло.
Стигнаа него три вили-самовили,
Тамъ су мрѣжю упле́ли;
А конёкъ му по́-ти огово́ри:
«Изведъ това остра сабля,
Та ю пушти меджи предни нозе,
Да исѣче тая ситна мрѣежа,

---

[1]) птички.

Умѣри-то у клетно серце,
Да се сетимъ за младиётъ вака-тъ».
— Уритни га у клето серце,
Та излетѣлъ у поле широ́ко
И изнекалъ до три вили-самовили.
Па му конё по́-ти оговори:
«Чуешь мене, Груё дете!
Я си вежи до три самовили,
Двѣ си вежи мени за зенгіи,
Третя вежи мени за опа́шка».
Па одлете у кралевы дворы,
И е побиль[1]) това́ златно де́рво,
И везаль е до три вили-самови́ли;
А они се чудомъ почудили,
Какви юнаци отидоа,
Никой неможе да се пове́рне;
А това е Груё дете:
Довело три ви́ли-самовили
И зема́ло Руселинъ-девойтя,
Та земало си за любе.

№ 138.

(Загорье) Берков. окр. с. Чипоровци (Турлаки); 20 февр. 1880 г. записана со словъ Симы попъ-Маркова.

(Марко отыскиваетъ своего брата Андрея).

А собралисе дванаесе деліе,
А дванаесе деліи-све добры юнаци
А ю Стамбола града голѣма, *(повторяется).*
Ю ладне меане,
А то пію́ а това́ руйно вино;

---

[1]) Т. е. *всадилъ въ землю.*

А наймладо меанджійче
Това руйно вино служише —
А руйно вино служише,
А съ чашка злата, позлащена;
А штукнала е чашка позлатена
А между́ дваная́есе добры юнаци;
А задирало е младо меанджійте
А задирало чашка позлатéна —
А кой, ми, се кьлне у брата,
А у милу сестру,
Я Марко доберъ юнакъ — у коня Шаркалію,
У коня-ки́село месо,
И се кьлне Марко доберъ юнакъ
А ю саблю мегданлію;
Сви добры юнаци Марку подсмиваю,
Че се кьлне Марко у коня Шаркалію
И се кьлне у саблю мегданлію:
«А ю нега е чашка позлатена!
А за товá се Марко кьлне
У коня Шаркалію и у саблю мегданлію»
А Марку, ми, се много нажалѣло:
А изведé кóня Шаркалію
А та па усѣ́де коня Шаркалію́
А та па, ми, Марко отиде,
Отиде кодъ майку дома.
А та па се Марко мóми провúкна:
«А чуешь ли мене, старо майчице!
А кагá мене, мамо, роди,
А заште ме, мамо, не породú —
Я брата, мамо, да имамъ,
Я и сестру, мамо, да имамъ?»
— «А мама те, сине, породила:
И ты, сине, имашь младо Андреяше,
А и си имашь сестру Петкану;

А кога́ бѣше, сине, первня разми́рица,
А тегай су ги мали заробили;
А да диришь, сине, брата Андреяшу
А да диришь у Невенъ града голѣ́ма,
А да диришь сестру Петкану
Ю Дуката града голѣ́ма».
А и оно́ си стегна коня Шарканлія,
А юдари́ му сѣдло позлатено,
А па, ми, оти́де у Невенъ града голѣ́ма;
А ю срѣчу му мла́да девойка;
А Марко си думу продума́ло:
«А де-ка во́да за піенье?
А или да има вино за піенье?»
А она му дума продумала:
«Ту-ка вино за піенье,
Ту-ка нема вода за піенье;
Само има на едно мѣсто
На едно мѣсто вино за піенье,
И оно́ на облогъ да го піешь,
А съ пары нема да го ку́пишь».
А, ми, Марко пита:
«Де-ка е то́ва вино,
Што на облогъ да піемъ?»
А мома дума проговори:
«Ту-ка има вино за піенье,
Ту-ка има младо Андреяше?»
— «Де-ка сѣди младо Андреяше?»
— «Рази́грай коня Шаркалія,
Разиграй низе тевни чаршіе;
Де-ка найдешь порта позла́тена,
Тамо сѣды́ младо Андреяше».
Намѣрило Марко порта позла́тена:
Шь(=съ) чизма біе порта позла́тена,
Порта, ми, се изъ темель круте.

Излезна́ло Андрея̆шево-то либе:
«Што работышь незнаны делїё?
Та, ми, біешь порты со-съ чизмы
И си изъ темель крутешь?»
— Ту-къ ли сѣды́ младо Андреяше?»
— «Тука сѣдь́ младо Андреяше;
Амо ту-ка нема сега».
— «Али има ви́но за піенье»?
— «Има вино за піенье:
За облогъ да піешь,
Съ пары нема да ку́пишь».
Изведе га на висо́ки ча́рдаци,
Па изне́се то́ва руйно вино.
Па си пита Марко добаръ юнакъ:
«Али знаешь дали има Андреяше
Да ли има младо Андреяше брата?»
— «Има брата Марко, доберъ юнакъ,
Амо га незна́е».
Продумалъ е Марко, доберъ юнакъ:
«Я самъ Марко Кралевитье!» —
Марко и неговъ братъ Андреяше
Голѣма́ су весел́ба направи́ли;
Младо Андреяше сака,
Да си иде съ Марко, добаръ юнакъ,
Да иде, майку да ви́ды.
Излезнаше на поле широко.
Продумало младо Андреяше:
«Тако м' Бога, Марко, добаръ юнакъ!
Айде, да правимо юначки юришь —
Да видимо, кой е по-юнакъ?»
Марко, ми, е продумало:
«Да правимо два брата юначкигоришь!
Кой виды, че ны завиды,
Кой чуе, че се зачуды —

Два брата юначки юришь да правя!
Нело чеме настане Димска пла́нина:
Тамо нема вода за пiенье,
Тамо нема вино за пiенье;
Три дни че одымо и три ночи,
Нигде сѣньтя нема за сѣденье;
Тамо че видимо-кой е по-юнакъ».
Настана́ше Димска-пла́нина;
Та си оде три дни и три ночи;
Млого, ми, се Андреяше младо
Млого за воду до́сади:
Извадило влашко ножленце,
Та си коня бодеше,
Та му кервь пiеше.
Продумалъ е Марко добаръ юнакъ:
«Небоды́ коня ранена,
Непiй туя конску кервь;
Нело ту-ка има дълбока падина:
У пади́ну-ту има ладна меа́на,
И тамо има Мара меанджiйтя,
Тамо има вино за пiенье».
Настанаше дълбока пади́на;
Разсѣдлаше тiя добри ко́ни;
Та си леже Марко да по́спи;
Я младо Андреяше отиде на ладне меа́не:
У меане четыресъ юнаци сѣду́;
Како́ улезе мла́до Андреяше,
Така му гла́ву отсѣкоше.
Сънъ сенуе Марко доберъ юнакъ:
«Излезне́ше три люте змiе,
Та уапаше младо Андреяше»;
Ка' се рыпне Марко добаръ юнакъ,
На́ уста му огень ферина́ло;
Та отиде́ на ладну меану:

«Камо младо Андреяше?
Мара меанджійтя думу одговара:
«Ту-ка младо Андреяше не е доодѝло—
Ова е годинъ девета,
Како ту-ка не е минуло».
Ка' улезе Марко, добаръ юнакъ,
Ка улезе ладне меане,
Тамо найде мертво Андреяше;
Та истерже Марко саблю мегданлію,
Та погуби четыресъ юнака.
Останала Мара меанджійтя;
Онъ ю ѳати за русу косу:
«Че ти рѣжвмъ русу гла́ву,
Ако недашь младо Андреяше».
Продумала Мара меанджійтя:
«А почекай Марко, доберъ юнакъ!
Да донесемъ живу во́ду,
Да полѝемъ младо Андреяше,
Да оживѣе младо Андреяше».
Ка' доне́се Мара живу воду,
Та, ми, полье младо Андреяше,
Та оживе младо Андреяше.
Тагай Марко добаръ юнакъ
Одрѣзало ю главу
И па-й приказало:
«Ты си млого юнаци загубила,
Сега я тебе да загу́бимъ».
Та усѣднаше оба брата,
Та усѣднаше тія добры ко́ни,
Та отѝдоше майти на дворо́ве.
И си видѐ майтя млада Андреяша.
И како́ ю майка виде,
Въеднагъ му душа́ испадла.

№ 139.

Трен. окр., с. Бабица; 22 ноября 1879 г. записана со словъ Божиля Янкова (тоже).

Собра́шесе седемдесе́ юнаци,
Собрашесе на ла̀дне меа́не,
Да си пію те ру́йно вино́;
Слуга имъ Дюрде-Еленъ девойтя;
Редома е ча́ша предавала;
Сви юнаци чаша приванали;
У юнаци чаша погинула;
На юнаци кле́тва че давая —
У кога́ е чаша погинула?
Кой се кълне у брата, у сестра́;
Марко нема у што́ да се кълне́:
Онъ се кълне у сабля димескія́
И се кълне ко́ня шарено́га;
Марку си клетва невана́ло —
Марка си беля́ обѣдила;
Марку си върло нажалѣло,
За правину беля́ обѣди́ло.
Марко яха ко́ня шарено́га,
Та че да иде на него́ви дворо́ве,
Да си питуе туя стару майтю —
Дали има, да е породила
Я братъ, я сестру?
Дошелъ Марко на свои дворо́ве
И питуе свою стару майтю.
Я майтя му по тію оговоре:
Да ты имаше брате́ Андреяше—
«Кога́ бѣше първня разми́рица,
Тага́ я младо заробише,
Заробише и га закара́ше,

Закараше га камъ-то истоку».
Че иде́ Марко да си брата тражи.
Отишéлъ е на ладне меáне,
Тамо има Неда меанджійтя:
«Помодзъ Богъ, Неда мéанджійте!
Я изнеси еденъ чеберъ вино —
Я да піемъ, ко́ня да напо́имъ»;
А онá-си ему́ по тія оговáри:
«Слезни, брате, у ладне механе,
Ты да піешь и ко́ня да напо́ишь;
Марко Неди гово́раше:
«Де изнеси́ на дворъ вино —
Я до піéмъ, коня́ да напо́имъ:»
Неда си изнела чéберъ вино́:
Марко пило и коня́ напои́ло.
Па си слезе Марко Kралéвичь,
Та уле́зне у ладне механе:
Ка' улезна у ладне зевници́,
Тамо нáйде шесдесé айду́ци,
Тамо нáйде на брата глáву
На братъкъ Андрея́шь;
Та си айдуци́ игрáю ти́тру;
Айдуци му по тія оговоре:
«Бога тебе, непознанъ деліё!
Сѣди малко, ви́но да піéмо»;
А оно́ си има по тіе оговоре:
«Че ви играмъ калуджерско о́ро».
Поигрáло калу́джерско о́ро,
Завьртело саблю нáлѣво, нáдесно,
Та посѣ́кло шесдесé айду́ка;
Па си вана Неда меанджійтя:
Намаза ю са-съ катранъ
И запали Неду меанджійтю;
И си сѣдé три дни и три по́чи;

Зе си пи́ло и па-и руча́ло,
А Неда му све свѣчь свѣти́ла.
Па си узе Марко Андрея́ши гла́ву,
Та ю тури у зобни́це
И одне́се на негови дворы
При туя стару майтю;
Па исока туя стару майтю:
«Леле майте́, леле старо мале!
Я излезни, да видишь —
Тая ли Андреяшева глава?
И изле́зла тая стара майтя:
Имало Андреяше имало
Златно влакно́ у главу́-ту.
Та познала стара майтя
Тія Андрея́шина глава́.

№ 140.

Село Бабица, Радомірскаго окр.; 22 ноября 1879 г. записана со словъ Божиля Янкова.

(тоже).

Пію́ вино тройца дружина:
У дружину чаша погинула;
На дружина се клятвина пада:
Кой се кьлне у брата, у сестру́,
Яли Марко нема́ ни брата ни сестру́—
Не му се чаша предѣлила;
Та си платиль чашу у дружина,
Па си ойде при негову майтю,
Пи на майтю по ти оговори:
«Ка' ме роди, шта ме породи —
Яли брата, яли милу сестру?»

Одговори майтя на сина-си:
«Леле синко, леле Марко!
Ты си имашь брата Андреяша,
Малечкога ю Турци заробише,
Заробише и па откараше».
— «Леле мале, моя стара мале!
На ку́де га мала закараше?
Да ли откуде сълнце изъоди,
Или одека запада?»
—«Одкараше га мала камъ по истоку».
—«Дали, мале, нешто нишанъ има?»
—«Има, синко, да како́ си не́ма:
На́ ногу га свиня́ уапала:
На главу му до три златна влакна».
Яну коня́ Марко Кралевичъ,
Да си тражи брата Андреяшу;
Та на́стану презъ горе зеле́не:
Два дни оды, воду не набды;
Па си найде́ той ладне меане́
И отиде́ вино́ да си піе́;
Сипа́ вино́ млада меанджійтя —
Вино піе Марко Кралевичъ;
Питала за млада меанджійтя:
«А чуешь мене, непознанъ деліё!
Дали знаешь Марка Кралевича?
Мой стопа́нинъ-онъ е Андреяша,
Онъ си има брата Марка Кралевича,
Одъ нега се юнакъ по-не-мало».
Тагай рипи Марко Кралевичъ:
Тержи чизму, та му съобу —
На но́га га свиня́ уапа́ла;
Тержи калпакъ, та му калпакъ стури —
На главу му до три влакна златна;
— «Да ты се си, брате Андреяшю?»—

— «Да я самъ-си, Марко Кралевичъ».
— «Айде, брале, при майтю да идемо».
Седѣли су, та су вино пили —
Вино пише три недѣли дена. —
Та-й пойдоше предъ майтю да иду.
Андрее водицу ожедненъ:
«Леле, брале Марко Кралевичъ!
Чу да бодѐмъ коня́ съ-подъ себе,
Че да піемъ тіе церни керви»;
А Марко му таде продумало:
«Немой, брате, коня́ да си бо́дешь;
По-тамъ има айдучке меане:
Терчи тамо вино да си піешь».
О̀тидѐ да си піе вино́;
Тамо има до деветъ айдука:
Искочише до деветъ айдука,
Та срѣтнуше брата Андреяша —
Сви-те деветъ по чашу дадо́ше;
Испилъ си е Андреяша до деветъ чаша,
Па улезне у ладне меане;
Посѣкоше брата Андрея́ша;
Почека га Марко Кралевичъ,
Па си нема Андрея да дойде;
Бутну коня Марко Кралевичъ:
Како отиде на ладне меане,
Тамо сѣди млада меанджійтя,
Она сѣди — бѣле сълзѐ ро́ни;
«Помозъ Богъ», младо меанджійтѐ!
Имашь ли си вино, за піенье?»
— «Имамъ, да кудѐ не имамъ;
Слезни да си малко вино піешь,
Люби мене, колико ти драго».
Кадъ си слезе Марко одъ Шарца-си,
Та улезе у ладне меанѐ и види:

Погинулъ е братъ му Андреяша;
Извадиль е тая острá сáбля,
Та посѣче до деветъ айдука;
Па улови младу меанджійтю,
Умаза ю у катрану и у восакъ;
Па си узé глáву и трупину,
Застави си брата Андреяша —
Како си бѣше, пакъ тако станá;
Тагай запалише младу меанджійтю:
Она гори, оны винó пія.
Пише вино три дни и три ночи. —

№ 141.

Село Батеновци, въ 6-ти верстахъ отъ города Радоміра; 26 ноября 1879 г. записалъ со словъ старика Анты (Антона).

(тоже).

Пили вино педесé другара,
Пи́ли вино у ладна меана;
У дружина чаша поштукнала,
Сви юнаци клетва постигнала:
Кой закьлне у брата и у сестра,
На нéга бѣля́ нéма, да ю стиза;
Люты Марко ни то брата,
Ни то сестра има.
Сва дружина на Марко бѣля́ туря;
Онъ закьлне у вѣрна коня,
А дружина го за вѣра не ватая:
За што конёкъ е чешко[1]) месо;
И па се Марко кьлне у остра-та сабля,

---

[1]) Т. е. пчешко—собачьо.

Па нега дружина за вѣра неватая:
Зашто тая сабля студенó желѣзо.
Па се Марко на меана заплакáло,
Па си ойде кодъ негова стара майтя.
Пай на майтя пó ти говори:
«Тако м' Бога моя стара майтя,
Когá мене роди, одъ мене не породи́—
Я братъ бѣше породи́ло,
Я сестрá бѣше породи́ло?
Тагай си Марко майтя измами́ло.
— Та му каза, де е братъ зарóбенъ,
И сестра и она ему зарóбéна.
Тагай рипнá Марко на юначке нóге,
Та нарáни тая врéдна коня́ —
Емъ го рани, ему дума думи:
«Тако м' Бóга, мой доберъ Шарко!
Я ми ру́чай трава детели́на;
Кога бъде рано одъ зарано,
Че ми брата да тражи́мо».
Майтя му се люта лѣпо заплакáла:
«Зашто, синко, мене измами́ло,
Зашто симъ теби брата казáло,
Зашто ти е братокъ одавна заробенъ:
Одкарáли га Турци-Лечане,
Одкарали га су у Лечана града —
Я братокъ ти млада Андреяша».
Ка' е било рано од зарано,
Марко янá тáя вредна коня,
Та га бутна презъ поле ширóко,
Та отидé у Лечана града,
Та отидé на лечански чешмы,
Па затéче девойки-Лечанки;
Кога Марко викна на девойки-Лечанки:
«Добро ютро, Лечанки-девойки»!

Изъикнáла момá,
Та проговори на Марка Кралевича:
«Далъ Богъ теби, Марко Кралевиче»!
Марко тогай по ти говори:
«Тако м' Бога, момé лечáнко,
Да одека знаешь, я самъ Марко Кралевичъ?»
— Па момá по ти говори:
«Я те знаемъ:
Кога одъ люте-те раны лежаше,
Моя майтя тебе мекъ лекъ тураше,
А я ти-тебе вода студена приносйхъ;
За товá тебе знаемъ,
Дека си Марко Кралевичъ».
Па си ойде Марко Кралевичъ
На лечанска джамія,
Та затече Турци-Лечане, —
И Марко у джамія улезнá,
Сви су Турци изъ джамія побѣгнáли,
Самъ остало оджа Мамудъ-ойджа;
Па се чуде оджа,
На-каде побѣ́гне;
А Марко му по ти говóри:
«Фала оджа, фала Мамудъ-оджа!
Зашто си толко уплашила?
Ты си вѣренъ, вѣрно че те прашамъ;
Да ми кажешь:
Дали има тука млады Андреяша?»
— И онъ му казáлъ, дека има
Юнакъ Андреяша найболи.
«И да ми кажешь, дéка има
Винó добро и та лютá ракія?»
— И каза оджа Мамудъ-оджа:
«Тамо има у млада Андреяши,
Тамо има добрó вино и арна ракія».

Тагай исправи Марко,
Та отойде кодъ брата нá госбе.
А на млада Андреяша три девойки
На главу му стоя́;
А млади Андреяша на сънъ заспало;
А Марко му у дворове улезнàло,
А любе Андреяшино на чешмá затéкло,
Пай си любе на Марко те говори:
«Тако м' Бога, непознанъ юнакъ!
Зашто шеташь по наши дворóве?
Андреяша си мало заспало;
Ако си обуди Андреяша,
Може те младо да погу́би».
А Мáрко по ти говóри:
«Тако м' Бога, моя младо снао!
Я ми кажи, дека младо Андреяша,
Я чемъ код нега госъ.

Конца пѣсни сказитель недосказалъ въ точной послѣдовательности, а прибавилъ лишь: «Па послѣ гостовали, здравовали и познали, да су брайтя». При этомъ сказитель замѣтилъ, что сначала, прежде чѣмъ они узнали другъ друга, дѣло доходило до опасной ссоры между братьями; но эту ссору устранило золотое яблоко, которое показалъ Марко Кралевичъ, то самое яблоко, которымъ они въ дѣтствѣ играли. —

№ 142.

Вранскій округъ (въ Серб. княж.) с. Мачкатица; 3 Марта 1880 г. записана со словъ крестьянина Ильи Николина.

(Смерть Андрея, брата Маркова).

Вино пію̀ два брата родьéна,
Вино пію̀ Марко и Андрее;
Па овако Андра проговаѓа:
«Вала тебѣ, Марко Кралевиче!

Е самъ чуо и люды казую,
Да смо мие найдобры юнаци;
Айд' идемо у Рогожь-планине,
Да видимо, кой е болье юнакъ?»
Проговора Марко Кралéвиче:
«Чуешь мене, Кралéвичъ Андрéо!
Немой ити у Ротожь-планины:
Нама че се люды насмѣяты;
Айде, мие жеду да терпимо:
Кой више жеду утерпѣте,
Той е, есте, болій юнакъ бити».
Па терпѣше двѣ недѣли дена.
Проговара Кралевичъ Андреа:
«О, мой брате, Кралевичу Марко!
Отю колемъ Вранца одъ мегдана,
Да тю піемъ тія церни керви:
Млогу ми су жеде надолѣле».
Проговáра Марко Кралевичъ:
Немой, брате, не коли си коня;
Не мой, брате, не чини си штета;
Ели видишь ту суу елу?
Ту има такой нова меана,
У меана Мара керчмарица;
Ты, ми, ѝды, винó да ме піешь»;
Туй отиде Кралевичъ Андреа.
Оддалекъ го Мара согледала;
У меане триесе айдука;
Па овако имъ бесѣдаше:
«Чуете ли, триесе айдука!
Те иде еденъ доберъ юнакъ!
Дайте мене триесе дуката,
Да уватимъ това юнака»;
Дадоше нѣй триесе дуката.
Туй ми дойде Кралевичъ Андреа:

«Помози Богъ Маро керчмарицо́!»
— Богъ помогалъ, непо́знанъ делiё!»
— Чуешь мене, Маро керчмарицо!
Изнесе ми е́денъ чаберъ вино,
Кои вата семдесе́ ока».
— «Ты у́иды у нове меане,
Пiй ми вино, а пiй ми ракiю,
Нетю тебе ни пару узеты:
Эте деветъ годинъ дена,
Како ни самъ юнака видѣла».
Онъ уиде у нове меане;
Видоше га триесе айду́ка —
Смакошесе еденъ до дру́гога,
У версъ мѣсто начинише;
Сви му триесъ наздра́вую —
Сваки шаволь [1]) по двана́есъ ока:
«Пiй, Андро мустатьна накваша!»
Богъ убiе Мару керчмарицу!
Она д'иде длубоке по́друмы,
Изнесе му еде́нъ чаберъ вино,
И на́тури свакояку травку,
Понайвише траву дренбуличе.
Испи Крале́вичъ Андреа;
Па задрема доберъ юнакъ;
Туй, ме, стаде едно туре младо —
Ману саблю, одсѣче му гла́ву.
Сенъ сенио Марко Кралевиче,
Сенъ сенио у Рогожь-планина;
Чимъ се диге, одма го казу́е:
Яо мене! до́ Бога еднога!
Каковъ се сенокъ сенувало
Декъ ми Шарцу грыва опаднула,

[1]) Чаша.

Той по́гину Крале́вичъ Андреа.
Па уяна Шарца добра ко́ня,
Право иде у нове меа́не;
Оддалекъ го Мара согледала
И казуе:
Чуете ли триесе айдука!
Эте и́де еде́нъ добаръ юнакъ!
Отю него вама увати́ты».
Кадъ, ми, дойде Крале́виче Марко,
Па, ми, видо одъ Андрею главу,
Одма верже Шарца за врата,
И улезне у нова меана:
Па извади саблу одъ мейдана,
Одъ трие́се и шесе́ начина,
И посѣче триесе айдука;
Стаде бѣгатъ Мара керчмарица;
Прогова́ра Марко Крале́виче:
«Стани, Маро! живъ те Богъ убио!
Ёште ючеръ да си стала бѣгатъ,
Данасъ би те Марко уватио,
Обѣ бѣ ти очи извади́о».
Па ю стиже Марко Крале́виче,
Обѣва очи извади,
Десну руку одсѣче,
Па даде стотина дука́та:
«Бирай, Маро, по горѣ юнаци.

№ 143.

Соф. окр. (поле), село Сеславци; 3 февр. 1880 г. записана со словъ крестьянина Іованчи Иліева.

(Марко (Кралевичъ) присуждаетъ взять дѣвушку тому изъ юнаковъ, который принесетъ изъ-за Дуная дафиново дерево).

Вино піятъ тридесетъ деліи   У меана подъ Демиръ-капія;
Вино піятъ и ракія   Слуга имъ Деница е девойка,

Служи имъ и редомъ чаша предава;
Све деліи мирно сѣдеха;
Павелъ мирно несѣдеше:
Чаша зима, за персты я лови,
Чаша дава, низъ серце воздыша.
Проговори Марко делія:
«Фало тебѣ, Павелъ добаръ юнакъ!
Така либа не са залибува!
Кой че земе така либа,
Да преплива презъ бѣлъ Дунавъ,
Да отиде у широка Влашка;
Тамо има, бре, сербска градина,
Тамъ си има дерво дафина;
У дерво-то има двѣ златни яболки,
И си има одъ секакво цвѣтье,
И си има цароградско грождье,
И си има дунки и наранки;
Та ги варди ала троеглáва.
Кой се найде премладо юначе,
Да преплива презъ бѣлъ Дунавъ,
Да набере одъ секакво цвѣтье,
Да увіе до три китки цвѣтье,
Да набере цароградско гроздье,
Да откине дунки и наранки,
Да откерши двѣ златны яболки,
Той ште биде найболье юначе,
Той ште либе Деница девойка».
Наелъ си е Павелъ добаръ юнакъ.
Отидé си на сербска градина,
Та си набрá одъ секакво цвѣтье,
Та си ýви до три китки цвѣтье,
И набрало цароградско гроздье,
И оскуба дерво дафиново
Оскуба со сички корене.
Та си пойдé Павелъ добаръ юнакъ,
Та наплива презъ бѣли Дунавъ:
Дунавъ плива на дружина казва:
«Фала вазе, тридесе деліи!
Елате, та ми помогнете,
Да изпливамъ презъ бѣли Дунавъ,
Да изнесемъ дерво дафиново».
Проговóри, башь, делія Марко:
«Пливай, пливай, Павле добаръ юнакъ,
Пливай, пливай, Дунавъ да изпливашь
Ты да либашь Деница девойка»
Таманъ тая дума думаше,
Сабудисе ала троеглава,

И стигнала Павелъ добаръ юнакъ,
На стрѣдъ бѣли Дунавъ стигнала;
Извадилъ е Павелъ добаръ юнакъ,
Извади, бре, остра-та сабля,
Што-то има на канія до деведесе огледала,
Та пресѣче ала на два, на три трупа;
Почервила бѣли Дунава,
Почервила со-съ черни-те керви.
Па исплива Павелъ добаръ юнакъ;
Та отидé на Денипа на порты.
Па си казва Павелъ добаръ юнакъ:
«Излезъ, излезъ, Деница девойко!
Да си видишь Павелъ добаръ юнакъ —
Што зарачи, се ти донесе»;
И на дружина проговара:
«Излезнете, моя дружино!
Си-те тридесетъ деліи,
Што правиме вѣренъ облокъ!
Я си свершихъ тоя облокъ —
Я донесохъ дерво дафиново,
Дафиново со сичко коренье;
Та изгуби нéгова дружина,
Та залиби Деница девойка.

№ 144.

Соф. окр., с. Суводолъ; 31 января 1880 г. записана со словъ крестьянина этой деревни Жёты Илкова.

(Похвальба мадьярскаго короля: убіеніе его Маркомъ Кралевичемъ).

Сѣднá Марко съ майтя да вечера
Суа лѣба и вино цервено;
Па се Марко подъ мустакъ усмива,
Я майтя му пó тиі оговарá:
«Фала тебѣ Марко, мое дете!
Што се Марко подъ мустакъ усмúвашь?
Далъ си смѣешь мене на старость-та,
Иль си смѣешь башта на проштенье,
Иль си смѣешь на сухa вечера,
Иль си смѣешь на вино цервено?»

А Марко ю пó ти оговара:
«Леле мале, леле остарѣла!
Ни се смѣемъ на старость-та,
Ни се смѣемъ на проштенье,
Ни се смѣемъ на суи вечери,
Ни се смѣемъ на винó червено;
Нелъ се смѣемъ Филиппъ Маджарина,
Де са Филипъ по меани фали:
Сви юнаци Филя погубило,
Сви юнаци и си-те кралёве;
Останали троица юнаци:
Останалъ е Марко Кралевикъ,
И останалъ Релё шестокрылецъ,
И останалъ Кобиличъ войвода»;
Па на майтя пó ти оговара:
«Леле мале, леле стара мале!
Рано Шарка вода да напоишь,
Да напоишь и зобъ да назóбишь,
Че да идемъ Филипови дворы,
Че да идемъ, да си ю погубимъ».
— Ка' било рано одъ зарана,
Рано Шарка вода напоила,
Напои́ла и зобъ назоби́ла.
Та е станалъ Марко добаръ юнакъ;
Уяхна си коня Шареяна;
Отидé си у Филибе града,
Отиде си на Филёвы порты:
Извадилъ е лека буздогана —
Лека: съ сто и шесдесé оќа,
Та си біе Филиповы порты:
«Я излезни Филиппъ маджарино!
Я излезни, да си обидеме»;
Немало е Филипъ Маджарина;
Излезнало Филипове либе,

Излезнало, та Марка видѣло,
Видѣло е Марко Кралевиче,
Поверна се, та на майтя дума:
«Леле мале, постара свекерво!
Каковъ дервишь на порты ни чука:
На гербина цала вучетина,
А на глава цала мечетина,
У уста си церна овца носи».
Я проговори нойна стара майтя:
Иды, снао, иды да му речешь,
Да му рѣчешь: оттукъ да с 'иде;
Че да дойде Филипъ маджарина,
И него че младо да погуби».
Излезнала нойна мила снаа,
Па на Марка по́ ти оговара:
«А иды си луда дервишина,
А иды си од пребѣли порты,
Че да дойде Филипъ маджарина,
Че да дойде и че те погуби;
Да видишь ли тоа мермеръ камикъ,
Што е камикъ до пребѣли порты,
Него Филипъ до колена дидза,
Че ю дигне, та че те утепа».
Слезна Марко одъ одъ доброго коня,
Та си везе тоа мермеръ камикъ,
Та го тури на десна-та страна,
Завертесе на́лѣво, на́десно,
Та си ферли тоа мермеръ камикъ:
Исферли го на край-на Филибе;
Па си фана Филино-то либе,
Та му везе отъ гуша желтица;
Па си ойде на ладна меана —
Тамо найде Филипъ маджарина,
Па му дума Марко Кралевичс:

«Богъ те било, Филипъ маджарино!
Ты се, Филипъ, по меаны валишь:
«Сви кра́лёве ты погубило,
Останалъ ти Марко Кралевичъ,
Останалъ ти Релё шестокрыла
И останалъ ти Кобиличъ войво́да»;
Стани, мене да погубишь —
Сега́ семъ ти я на́ но́дзе дошелъ».
Филипъ не смѣялъ е дума да продума.
Извадилъ е Кралевико Марко,
Извадилъ е лека буздогана,
Та удари Филипъ маджарина:
Накара го у церна-та земня —
Деветъ лакти у земни улезе.

№ 145.

Г. Кюстендилъ; 3 дек. 1879 г. записана со словъ Гроздана Костова (пере селившагося сюда изъ г. Радоміра.

(тоже).

Пратилъ Филипъ Маджаринъ писмо
Пратилъ на Марко Кралевиче
На Марко-то Прилѣ́пско-то копеле:
«Я да ми дойде онъ на Будима града,
Да му не идемъ на Прилѣпа града;
Семдесе́ юнака самъ се погубилъ!
Ту да ми дойде Марко на нодзе!»
Сѣдналъ Марко вечера да вечера:
Вачера единъ лѣбъ и червена пипера
И піеше това́ червено вино.
Емъ вечера, емъ подъ мустакъ се усмива;
Праша го майтя стара:
«Синко, што се смѣешь подъ мустакъ?

Даль на моя старосъ си смѣешь,
Аль на добра вечера ми си смѣешь?»
Рече Марко Кралевиче:
Не се смѣемъ на твоя та старосъ,
Ни се смѣемъ на добра вечера,
Но се смѣемъ на Филипъ Маджаринъ,
Де-ка ме пратилъ абаръ,
Да му идемъ на Бу́дима града,
Да му дойдемъ на нодзе».
Рече му стара майтя:
И́ды, синко, до Бу́дима града!
Да не глéда майтя церни кърви».
Марко ойде на Бу́дима града.
Яна Шарка добра коня и го пи́та:
«Дале можемо робота[1]) да заверши́мо?
Или да не идеме?»
Конё Шарацъ му рече:
«Да како не идемо, Марко?!
Ако не идеме, Марко,
Отс срамота каде че се дéнеме?»
Бутна конё Марка, пройде презъ бѣли Дунавъ,
Та ойдé на Буди́ма града:
И тамо срѣтна-семдесé робини
Платно бобошевно бѣля;
Рекоа му семдесе робини:
«Лудо младо! каде одышь тува?
Знаешь, де-ка смо ние семдесé роби́ни!
Наши юнаци погуби́лъ, насъ заробилъ;
И ты каде одышь? и тебе че глава земе!»
И тогай рече Марко юнакъ:
«Ногу ли е юнакъ Филипъ?»
— Товай камикъ дига на конь до дезгиня».
Марко зема камикъ, да го верли у бѣли Дунавъ;

1) Sic.

И ги праша: «де-ка сѣды Филя маджаринъ?»
— «Ваны возъ Будима града,
Че те срѣ́тна желѣзны порты,
На ни семдесé ключеве».
Дойде Марко и почукнá на порты;
Излезнала Филипица, та му рече;
«Што тражишь, лудо младо?
Малко ли семъ кьрви гледáла,
Та и твóи да гледáмъ!
Рече тогай Марко:
«Де е Филя маджаринъ?»
— «На гора зелена, ловъ да лови».
— «Когá дóйде, недъ [1]) дойде на меаны́
На ладне-те меаны́!»
Дойде Филя маджаринъ:
Порты-те му у срѣдъ дворове накараны;
Тогай пита млада кметица:
«Што сá е тія порты у срѣдъ дворóве?»
— Проговори млада кметица:
«Еднá незнана делія дойде».
— «Какóвъ бѣше?«
— «До-двѣ церни овци у заби носи,
Калпако му вучетина,
Кожуо му мечетина,
И конь му шаренъ».
— «Товай Марко прилѣпско копиле!»
— «Че да идешь на ладны меаны!
Онъ мой бисеръ откиналъ одъ гуши,
Та однелъ го на ладны меаны,
И казалъ: когá дойде Филя,
Да го піемо на ладны меаны́ заедно!»
Ойде Филя на ладны меаны:
«Тýва ли Марко Прилѣпско копеле?»

[1]) Sic.

— «Я семъ Марко Кралевиче!»
— «Айде, Марко, Прилѣпско копиле!
Айде, да біемо мейданъ:
Біемъ ти кóня и очи ты вадимъ!»
— «Тува се юнаци не біятъ,
На се біятъ на равны друмове —
На раскьрстье, дуня-та да ги види».
Ойдóа на равны друмове:
Мана Филя своя боздогана,
Удари Марко на конь у зенгія;
Тагай мана Марко Кралевиче,
Мана со-съ своя лека боздогана,
Та накара Филя маджаринъ
Девеуъ лакти у земи. —
Яна Марко Шарца коня,
Та отиде на Прилѣпа града
На Прилѣпа града при стара майтя.

№ 146.

Соф. окр., с. Опій-Цвѣтъ; 6 февр. 1880 г. записана со словъ Стоянова Мильчова Лагарина.

(тоже).

Сѣдна Марко съ майтя да вечéра,
Да вечера сува лѣба и цервено вино;
Па се Марко подъ мустакъ усмива,
А стара го майтя питуе:
Леле Марко, леле, башь, делiё!
За што ми се подъ мустакъ усмивашь?
Далъ си смѣешь мене на старость-та,
Илъ си смѣешь на посна вечера?»
А онъ си ю пó ти оговори:
«Леле мале, леле стара мале!

Не смѣемъ си ти на старость,
Ни се смѣемъ на посна вечера,
Нелъ се ми се малко досѣти́ло:
Съ ноштн вечеръ на ладна меха́на
Повалисе Вилипъ маджарина —
Че погуби́лъ тридесетъ ю́наци,
Оште има троица да губи:
Единъ ми е Марко Крале́виче,
Единъ ми е Муса Кеседжія,
А третіё Релё Крылатиче».
Кога биде ютре одъ зарана,
Марко стегна коня Шареяна,
И обрамчи сабля димискія,
И закачи лыка буздогана;
Па си верли коню на рамена
И отиде у маджарска земня,
Че да тражи Филипъ маджарина;
И отидé на Филиповы порты;
Чукналъ си е Филиповы порты;
Излезнало Филипово льюбе;
Па говори Марко Кралевиче:
«Помози Богъ Филипово льюбе!»
Онó си му пó ти оговори́:
«Што тресишь, непознанъ гедіё?»
А Марко ю питуе:
«Тува ли е Вилипъ, мой побратимъ?»
— Айде, верви, непознанъ гедіё!
Вилипъ съ таквія недума,
А како ли побратимъ да буде?»
Разъигралъ е Марко добаръ юнакъ
Разъигралъ е коня Шареяна,
Па удари Филипицу съ рука перишана [1]),

[1]) Ладонь.

Искара ю обѣ церни очи,
И ю кара на ладни механи;
Узелъ му е кована дердана,
Па си сѣдне у ладны механы,
И си піе вино троегбдско;
Конь се самъ пре дворы шета;
Па говори Марко на Шарко:
«Гездеръ,[1] коню, и на врата гледай,
Да не дойде Вилипъ на измама».
Сѣды Марко у ладна механа,
Та си піе кована дердана.
Эте, иде Вилипъ маджарина.
«На странъ стани, коню, —
Да улезне Вилипъ моджарина».
На странъ стана коня Шареяна.
Улезналъ си Вилипъ маджарина:
Марко піе, а Вилипъ го біе;
Проговори Марко Кралевиче:
«Фала тебѣ, Филипъ маджарине!
Не ме удри по десница-ручица,
Да расипешь една чаша винце,
Што-то ми е деведесе ока»;
Не се одбра Филипъ маджарина:
Расипа му една чаша вино:
Расредисе Марко Кралевиче,
Та извади сабля димискія
И посѣче и Вилипъ и конё.

---

[1]) Прохаживайся (тур. слово).

№ 147.

Паланка (мѣстечко) Брезникъ; 26 ноября 1879 г. записана со словъ Петра Пейчева.

(Разграбленіе «дворовъ» Марка Кралевича Филиппомъ мадьяриномъ).

Съ ношти дойде Марко до три здравы:
Една́, да иде Марко да вѣнчава,
Друга, да иде Марко да кърштава,
Третя, да иде Марко да наплита.
Сина прати Марко да кърштава,
Брата прати Марко да поплита,
Самъ че иде Марко да вѣнчава
Дуръ далеко у Стамбо́ла града.
Тага нема три године време.
Богъ да біе Филя маджарина:
Равны му е дворы оарало,
Младо му е любе залюбило,
Стару майтю заробы́ло.
Четверта е година поступи́ла,
Ете дойде́ Марко Кралеви́че:
Равне дворы у пелинъ урасна́ли, —
Марко се жално заплака́ло,
Марко то си комшійтя одговара:
«Не бо́йсе Марко, милъ комшія!
Богъ да біе Филя Маджари́иа,
Равне ти е дворы оарало,
Младо ти е любе залюби́ло,
Стару майтю заробило,
Одкарало дуръ у Маджара града,
Оно е юнакъ надъ юна́ци —
Негови двори зъ главе оперине,
Оно е юнакъ надъ юнаци —
А подпо́ры одъ човѣци нозе;
Та да идешь Марко Кралеви́че;

Оно направи́се церна калуджера.
Преды дворы двѣ шарены чешмы:
Да приведешь коня,
Вода да напо́ишь;
При тебе че любе дойде».
— Марко си е компійтя послушало.
Направи́се церна калуде́ра,
И си иде у Маджара града.
Тамо найде́ двѣ чешмы шарены,
Та прійде́ да напо́и вода;
И при нега любе дойде́;
И ю пита:
Тако д' Бога, церно калуде́ро!
Дека найде́ Маркова коня,
Дека найде́ пьрстенъ бурманлія?
— И оно́ му вѣрно говори:
«Марко те е Богъ да прости!
Коня се му зе́ло за гробни́на,
Пьрстенъ се му зе́ло за третина».
— Повьрнасе прелѣпа невѣста,
Та си каза Фили Маджарину:
«Пій, ручай Марково иманье;
Туй промина церна калудера
И прове́де Марковога ко́ня,
И пронесе пьрстенъ бурманлія»
— Иды, викны церна калудера,
Да му правимъ голѣмъ зіяветъ.
— Повьрнасе прелѣпа невѣста
Та си викна церна калудера —
Качи́ло се на висо́ке ку́ле,
И оно́ си му вѣрно гово́ри:
«Пій, ручай, церно калудеро!»
— Марко те е — Богъ да га прости —
Та си сѣди три дни и три ночи.

Врѣме дойде́ Марка да си пра́ти.
Напуни́ло коню зобни́ца Марково иманье,
Тури́ло ко́ню на тертія,
Самъ гово́ри Марково-то любе:
«Пій, ручай, церна калудеро,
Да си речешь: Марку Богъ да просты!
То е Марково иманье!»
Богъ да біе Филя Маджарина!
Кьздисало де е рекло Марково иманье,
И си по́шло къ церна калудера.
— Да си оды, само се е досети́ло:
«Чуешь мене, Филе Маджарина,
Да ми простышь,
Да ти играмъ калу́дерско оро.
И оно е опрости́ло.
— Завертѐсе налѣво, пай надесно:
Богъ да прости Филѐ Маджарина!
Просты мене, да ти играмъ калудерско оро.
Дори Фи́ля дума да изду́ма,
И оно́ му главу откинало.
И тегай е любе опозна́ло,
Зашто е Марко Кралевичъ!

№ 148.

окр., село Суводолъ; 30 янв. 1880 г. записана со словъ кмета Георгія Колова.

улка 7 юнаковъ; одного изъ нихъ Секулу-дитя схватываетъ трия змія; освободить его не могутъ его сотоварищи, а освобождаютъ вилы-самовилы). [1])

Збрали́се седмина кра́лёве,
Збрали́се шедбаджія че шетая,
Че шетая по пуста краина.
И си шетатъ редомъ по земни-те.

) Въ этой пѣсни приведены имена вилъ.

Се кра́лёве одъ редоме юна́ци;
Секой юнакъ испитье чини,
Со-съ Марко-то и двѣ и три ида
И найнапредъ Секула детенце:
«Леле Марко, леле мили уйте!
Ты че ходышь и мене да во́дышь;
Сакамъ, уйте, и я да си ходымъ,
Я да ходымъ и да си видимъ;
Чешь ли, уйте, мене да си водышь?
Я обычамъ, уйте, да си одымъ,
Да си видимъ, што юнагство имамъ,
Че и мене майтя е родыла,
Че и я самъ одъ Маркова рода;
Чешь ли, уйте, мене да пріимашь?»
А Марко му ти говораше:
«Э, Секуле, Секуле детенце!
А родъ те знаемъ,
Да те не познаемъ;
Че я самъ одъ юначка рода;
Я че одымъ шедба че да шетамъ,
Не разбирамъ твое-то юнагство;
Ты че ходышь, а назе незнаешь:
Ние ч'име много подале́че,
Че ходыме земни покраины,
Покраины земня Карамъ-Влашка
И са-съ друга земня Арванашка,
И пай друго редомъ по земни-то,
Може, нема вода за піенье;
А ние сме далеко отива́ли,
Отивали три недѣли де́на:
Бѣлтимъ нема вода за піенье,
Ты немо́жешь за вода да траешь».
А Секула Марку не вѣр'вало,
Налъ ходыло, та шедба шетало,

И чинило три недѣли дена;
Седамъ краля за вода траяли,
Одыли са и млогу са траяли,
Нигде нема вода да намѣра;
А Секуло вырло нажели́ло,
Нажелило и е ожеднѣло;
Само дете, само продумало:
«Чиче, виче, мили уйтё, виче!
Ходыли сме редомъ по земня́-та,
По земня́-та, земня по Латинска,
Земня-та Латинска, земня Тала-Туратинска,
И найпослѣ земня Карамъ-Влашка,
Карамъ-Влашка, земня Арванашка,
Арванашка, боме, земня Герчка;
И ходихме редомъ по земни-те,
По си земни, по си краи́ны.
Леле уйте, леле мили уйте!
Ка' ойдохме наши пусты земни,
Дали има негде да ме за́пратъ?
Ты-зи знаешь и ны ги позна́вашь;
Не мой, уйте, лошо да си стане;
Са' семъ, уйте, вода ожеднѣло:
Дали има во́да за піенье?
Я не знаемъ нигде, ни познавамъ,
Ты-зе, уйте, знаешь и че кажешь,
Дека има лёдена води́ца?»
Той му Марко ти оговора́ше:
«Э, Секуле, одъ курва копеле!
Ты-си пошло за мои́ ядове:
Каде́ ходымъ, се за тебе жалимъ;
Нигде нема вода за піенье,
Саде знаемъ на едного мѣсто
Само има батале буна́ре,
У бунаре лёдена водица;

Да ойдыме, можеме да піеме;
Ако да би змія да заспала,
Може се би вода извадила.
Той не бѣше много подалече.
Тергнали се и право ойдоа
И ойдоа на батале бунаре,
Со-съ еднога до седемъ кралёве,
Со-съ едного [1]) одъ добре́-те кони
Изгорѣли за ледена вода;
Никой нема вода да нацерпа;
Говораше Секула детенце:
«Чичо, виче, мили уйтё, виче!
Э, вие несте одъ моя-та рода!
И язе-ка семъ малечко дете́нце,
И я, брате, че съ ваме че хо̆дымъ;
Сапасуйте свилени по́ясе,
Вержете ме прекомъ половина —
Я да слезнемъ у баталъ бунаре;
Бунаре-те са у наша-та земня;
Я да слезнемъ, я че ви напоимъ».
И кралёве дете послушахӑ:
Сапасахӑ свилены поясе,
Верзахӑ го преко половина;
Седемъ пыты у бунаръ слазило,
Седемъ пыты слело и излело;
Изнело е ледена водица,
Напоило седмина кра́лёве;
Каде слезне дете, да се піе,
У бунарѣ вода намалела,
Разбудисе змія трояглава,
На глава ю вода оплетела,
Лежала е, Богъ да ю убіе,

[1]) Sic.

Лежала е и належала се;
Сагледала Секула детенце,
Дигнала нойны е до три глави;
Гълтнала е Секула детенце,
Гълтнала е и погълтнала:
Еднажь гълтна до бѣли колѣна;
Извикна се Секула детенце:
«Леле братя и мой дружи́на,
Е кралёве, е мой мили брайтя,
Да вие сте до седемъ дружина!
Де-ка да сте, се́га тука да сте»!
Дуръ е дете ду́ма да издума,
Гълтнала е а́ла троеглава,
Гълтнала го до свилни по́яси;
Пишти дете и колико може:
«Фала вама, фала вамъ до седемъ кралёве!
Дайте мене моя остра сабля,
Што я чувамъ одъ мое стары башто,
Я и дайте-мене се найде:
Ега́, може, змія да убодемъ».
Дали му тая остра сабля.
Вертело се Секула детенце,
Вертело се и колико могло́,
Не е могло змія да погуби;
Пресѣкло е свилены по́яси,
Паднало е на дно у бунаре,
И змія го до рамена гълтна;
И дете оште ныщто нема.
Дете имъ изъ бунаре каже:
«Уйте́вицы па чичо́вицы!
Вие да сте надалекъ ходите;
Вержете ми ко́ня за бунаре:
Како мене змія че да яда,
Тако коня орли нека ядатъ;

Чичо, виче, мили уйте, виче!»
Тія бѣха надалекъ ойдба,
И шетаха и далекъ ойдоа.
Коня цвили-надалеко се чуе;
Дочуло се млогу надалече,
Дочуло се до више планине;
На планина три ора играя,
До три ора, до три самовилы;
На танецъ е Дюрга самовила;
Продумá Дюрга самовила:
«Вала тебѣ, моя мило сестро!
Што ли се гласъ дочуя,
Дочувая одалекъ-одъ баталъ бунаре,
Гласи са де на наши братенце;
Да ли си у бунаръ слезнало,
Да не са го зміи погълнали;
Млогу ми се гласи дочувая,
Може да е наше мило братé?
Да си идешь, брате, да си видишь».
Пратила ги Вела самовила:
«Иди Гюрго самовило,
Да би могло наше миле брате,
Да би могло у бунаръ да падне,
Да би, може, и намъ да си кажешь».
— «Я че пратемъ Магда самовила;
Она че иде, право че ми каже;
Што м' да каже Вела самовила,
Сама ч' иде, сама че виде».
И ошла Магда самовила;
Право ойде на баталъ бунаре,
Право ойде и право слезнáло,
Право слезна у баталъ бунаро.
Видѣла я Сéкула детенце;
Па си дума Магда самовила:

«Фала тебѣ, змiе троеглава!
О́пушти ми Секула детенце;
Ако дойде Гюрга самовила,
Тебе она младо че погуби».
Гово́ри змiя́ троеглава:
«Ха́йде, верви, оде-ка си дошла!
Я едва́ се со-съ мѣсо насытила».
Литнала е Магда самовила,
Залитѣла у више планина,
Та казуе Гюрди самовили:
«Фала тебѣ, Дюрго самовило!
Не пушта-си змiя троёглава,
Не пушта ни Секула детенце, —
Гълтнала е дете́ до рамена».
Ка' се пушти Гюрга самовила,
Пуштила се више пладнине,
Пуштила се, ка'-то бѣло платно,
Залитѣла у пусты крайнины,
У крайнины, на баталъ бунаре;
Не стѣла е дума да продума,
Въеднага с у бунаръ рипнала,
Та фанала Секула детенце;
Све заедне низъ бунаръ изнесе,
И изнесе змiя́ троёглава.
Погуби си змiя́ троёглава;
Опушти Секула детенце.
И онъ яхна нему добра ко́ня,
Па го стегна по бѣли дру́мове,
Та си гони до седымъ кралёве;
Па си стигна до седымъ кралёве.
Та шетаа редомъ по земни-те.

№ 149.

Вран. окр., село Церна-Трава; 5 марта 1880 г. записана со словъ крестьянина Стамена Стеванова.

(Марко Кралевичъ празднуетъ «Юрьевъ день»).

Вала Божс, вала единому!
Данагъ-Дюрдевъ денъ служи Марко Кралéвичъ,
Ага служи, ага бере три совре:
Едну совру бере люде чорбаджіе,
Другу совру бере люде челепе,
Третю совру бере пуку сиротынья;
Тури свою майку слугу на едну совру,
А негову любу тури слугу,
Слугу на кметове люде,
Само Марко зауза руке до лактови.
Докле пійте и ѣжьте,
Те, присташе Турци янычары;
Докле онъ думу продума
И разговоръ разговóри,
Пристасаше Турци янычарс,
Пристасаше при негови двори.
Проговори Марко доберъ юнакъ:
«Чуешь мене, майко остарѣло!
А извéды мени кóня Шара,
И ми тури перна буздована,
И ми тури топузъ одъ мейдана,
И справи крешимъ-калица на коня;
Я тю да идемъ у Орида града,
Да знамъ, да не дойдемъ».
Ему справи майка коня,
Ему майка оружа коня;
Марко яна и отидс у Орида града,
Да узме рыба одъ Орыда града;

Не може Марко рыба да узме,
Но го притисну Сулеймана цара
Притисну у тѣсне клисуре.
Говори Шарацъ Марку:
«Чуешь мене, Марко юначе!
Мы чемо женски изгинути,
Изгинути у тѣсне клисуре».
Ёщь мало не извикну,
Ёшь мало останало,
И Сулеймана цара прити́сну;
Гово́ри Шара коня Марку:
«Не предавайсе на цара Сулеймана».
— Гово́ри Марко:
«Предавайсе, царе Сулеймане»!
— «Не се предава цара Сулеймана».
— Проговори Марко доберъ юнакъ:
«Чуешь мене, цара Сулеймана!
Метни, царе, перна буздогана —
Ель га ты метни,
Ель га я тю метамъ».
Метну га Марко Кралевичъ:
Ель га метну Марко Кралевичъ,
Накара царь Сулеймана
Седемдесе аршина у церну зевню;
Тага стадоше Шарецъ Марковъ,
Сташе и конь Дебелянъ ца́ревъ,
Та си риваше три дена и три ноти:
Одолѣ се яко Марковъ конь на царева коня.
Тагъ повике Марко:
«Чуешь мене, Шарко коню!
Погледни у ясно сланце,
Какви темо юнаци да се погу́бимо!»
Нель се сѣти́ царевъ коню,
Смлѣ га Шара коня, —

Па тогай Шарецъ доберъ конё
Не могалъ се три дена да се извади,
Да извади се одъ мершу.
Тагъ повиче Марко:
«Чуйте мене, виле-самовиле!
Куде сте? овде сте дойдете,
У невóлю да ми се найдете,
Да извадите Шара добра коня,
Да извадите одъ мершу царева».
Дофтасали виле-самовиле,
Извадише Маркова-та коня Шара,
Извадише одъ мершу царева.

№ 150.

(Загорье) Берк. окр., с. Чипоровци (Турлаки); 20 февр. 1880 г. записана со словъ Симы попъ-Маркова.

(Марко Кралевичъ въ числѣ сватовъ у юнака Полугуна Спечена).

Полугу́нъ Спеченъ добаръ юнакъ
Собралъ е ки́чени сва́тове:
Найболье Марко добаръ юнакъ-старойтя.
Марко му е ду́ма продума́ло:
«Наточи вино и ракія,
Че на тамо не́ма ни вино, ни ракія,
Ни има вода за піенье».
Полугунъ си дума проду́мало:
«Докле ми су желтици у кесію,
Нечу да точимъ вино и ракію».
Отидоше; настана́ше го́ра зеле́на:
Нигде нема вода за піенье,
Нигде не́ма вино за піенье;
Намѣрише длъбока бунара:

Тамо че улезне-Полугунъ
Полугунъ добаръ юнакъ,
Да изнесе вǒду за піенье;
Загъита га ӑла троеглава,
Загъита га до колѣна.
Провикнáсе Полугунъ добаръ юнакъ:
«Тако м̀ Бога, кичены сватове,
Найболье Марко старойтё!
Я пуштете свилни поясы,
Че ме загълта ӑла троеглава,
Че ме загълта до колѣна;
И турете кони за бунара,
Ега могу добры кони тіе
Тежакъ гайлетъ да учина».
Учинише тако добры юнаци;
Учинише кони тіе тежакъ гайлетъ,
Та не могу ӑлу да покруте,
Али юнакá да, ми, извáде;
Марку, ми, се мѣрну áла троеглáва
Мѣрну се предъ саблю мегданлію,
Я Марко тимну [1]) да пресѣче ӑлу,
Да пресѣчс ӑлу троеглаву,
А онъ пресѣче свилни пǒясы;
Та упаде Полугунъ юнакъ надǒлѣ;
Провиче се Полугунъ добаръ юнакъ:
«Я пуштете ситны синджире,
И вержете моéга коня̆ —
Ту-ка конь да пукне при мене:
Я чемъ ту-ка младъ юнакъ да угѝнемъ,
Ту-ка и конь да угине при мéне».
И пуштише ситни синджиры,
И верзаше коню за бунáра.

---

1) Ударилъ.

Конь цвили, до нéбо се чуе,
Та се дóчу презъ деветъ планинъ:
Тамо бѣше Вела-самовила
И тамо бѣше Іона самовила
Полугýнове посестриме:
Та си лѣтнаше презъ деветъ планине,
Та пáдоше на ширóка орница [1]).
Продумала Вела самовила;
«Тако м' Бога, зміе аловито!
Я ми пушти доброга юнакá».
Продумала змія аловита:
«Тако т' Бога, Вело самовило!
Ту-ка сѣдимъ триста години
У тай длъбока бунара,
Триста аршина длъбока,
Досегъ ми е такевъ юнакъ неупáдалъ —
Глáву давамъ, юнакá си не дáвамъ».
А Вела си изступи по орница
По широка орница,
Та си лѣтну, та кáкъ вѣтрокъ,
Та изверну́ бунаръ наóпако,
Та рáсипа змію троеглаву,
Та извáди доброгá юнакá,
Па извади Вела самовила
Па извади саблю мегданлію,
Та си сломи змію чирéкъ по чирéкъ;
Па си на брата проговóри:
«Айде, брате, да идеме
Да идеме по ки́чены свáтове».
— «Не могу, сестро, да идемъ,
Че самъ слóменъ и стрóшенъ».
Иступисе Вела самовила

[1]) Прогалина.

Иступисе по широка орница,
Та сóбра всѣ́каква трѣвка,
Та га нáпои-нáложи:
Какó бѣше юнакъ-пóболѣ стáну.
Па отоше по ки́чены сватове,
Та собраше кичены сватове —
Найболье Марко старойтё,
Та су за девойку отишли;
Та су свадбу направили.

№ 151.

Г. Радомиръ; 1 дек. 1879 г. записана со словъ Іордана Лазарева.

(Марко Кралевичъ вѣроломнымъ образомъ убиваетъ юнака болѣе сильнаго, чѣмъ онъ — дитя Дукатинче).

Та си óды Марко Кралевико
Та си оды одъ града на градъ,
Та си тражи поюнакъ одъ него.
Ка си ойде у Будино село,
Тамо има дѣте Дукадинче;
Оно си е па седымъ годи́нъ,
Седымъ паты поюнакъ одъ него;
Та намѣри три малки дечица,
И Марко си дума продумуе:
Э вие-ка три малки дечица!
Де-ка сѣды дѣте Дукадинче?
Оно си е на седымъ годинъ,
Седымъ паты поюнакъ одъ мене».
Продумá си посреднё-то дѣте:
«Э ты-зе-ка, Марко Кралéвико!
Да язъ семъ дѣте Дукадинче,
Седымъ паты поюнакъ одъ тебе».

И Марко си дума продумуе:
«Э ты-зи-ка дѣте Дукадинче!
А д'идеме на Перинъ-планина,
Да фьрляме камикъ на облога»!
Ка ойдо́а на Перинъ-планина.
Та земаа той мермеръ камика;
Та го зема́ Марко Кралéвико,
Та си ферля той мермеръ камикъ.
И си зема дѣте Дукадинче,
Та си зема той мермеръ ка́мика:
Ка го ферли дѣте Дукадинче —
Де си падна той мермеръ ка́мика,
Та си е изби, ископало,
И надферли́ Марко-те юнака,
Надферли го петъ раскрочи мѣсто.
И Марко си тогай вострашило;
И Марко си ду́ма продумуе:
»Э ты-зе-ка дѣте́ Дукадинче!
Айде, ние брайтя да ста́неме,
Да и́деме у Зе́мена града,
Да уте́пеме земенскіё цара».
Ка си яхна́ Марко Кралевико,
Ка си яхна́ Шарца добра коня,
И со-съ нього дѣте Дукадинче:
Та си яха дѣте Дукадинче,
Та си яха коньче́ седмогодче;
И Марку-те се, Богме, не свидéло,
Та продума Марко Кралевико:
«Э ты-зе-ка дѣте Дукадинче!
Я погледни више у небеса́,
Како трепта́ тія ясни дзвѣзды».
Ка погледна́ дѣте Дукадинче,
Та погледна́ више у небеса,
Како́ трепта тія ясни дзвѣзди.

Богъ да біе Марко-те юнака!
Ка извади сабля на зглабове,
Та пресѣче дѣте́ Дукадинче,
Пресѣче го пресредъ половины;
Минало се е едѐнъ сатъ време,
И дѣте́ си ду́ма продума́ло:
«Э, ты-зе-ко, Марко Кралѐвико!
Ништо мене серце преболѣе».
Я Марко му дума продуму́е:
«Э, ты-зе-ка дѣте Дукадинче!
Наведи си надъ твоя-та коня,
Та си лизни одъ десна зенгія,
И тебе-ка серце че умине».
Навѐде се дѣте́ Дукадинче,
Навѐде се на ньегова ко́ня,
Наведесе зенгія да лизне,
Та му падна половинъ трупи́на;
Ка си стана́ трупи́на безъ гла́ва,
Та си забра́ Марко-те юна́къ,
Та ю гони низъ Перимъ-планина;
Ка достигна́ половинъ трупина,
Та достигна́ Марко-те юна́ка,
Достигна́ у тесны клисуры:
Фаная се у юначке рацѣ,
Та се боратъ три дни и три ношти;
И Марку се, богме, досадило,
И продума Марко Кралѐвико:
Э, ты-зе-ка, Ми́лице Загорко!
Я си сбѐри ви́ли-самови́ли,
Да си ски́на половинъ трупи́на».
И си сбрали вили-самовили,
Сбрали се низъ Перимъ-планина,
Да се кина половинъ трупи́на;
Ка се кина вили-самовили,

Та си падна Марко Кралевико,
Та си падна подъ ньегова мерша;
Па-й се мычи Марко Кралевико,
Та се мыче подъ негова мерша,
Та се мыче три дни и три ношти,
Дуръ да стане подъ ньегова мерша,
Ка си стана́ Марко Кралевико,
Та си стана́ подъ ньегова мерша,
Та си беркна́ Марко Кралевико
Та си беркна́ у де́сна-та чижма,
Та извади ноже́ потайниче,
Та си распра дѣте Дукадинче,
А оно има до три, бре, серце-те:
Едно се с било и пребило,
Друго́-то се туку разбуди́ло,
А тре́тё-то, Богме, и нечуло.
И сбралисе вили-самовили,
Та погребли дѣте Дукадинче.
И Марко си думя продумуе:
«Э вие-ка вили-самовили!
Та што вие дѣте Дукадинче
Та што вие ногу-ле уилилось?»
И продума́я вили-самовили:
«Э ты-зе-ка Марко Кралевико!
Оно́ си едно-ле у майтя,
И е седымъ паты поюнакъ одъ тебе;
За това́ ли ние него че погребе́ме —
Оно́ може светі́я да стане,
Оты си е на седымъ годинн.

№ 152.

Трен. окр., с. Бабица; 23 ноября 1879 г. записана со словъ Божиля Янкова.

(тоже).

Оды Марко узъ тесне клисуре,
Да си тра́жи юнака нады не́га.
Одыло е три дни и три ночи,
Нышто не е Марко намѣрило;
И оно́ си говóръ говóраше:
«Бога тебе, дзвѣзде деновни́це!
Како грѣешь вы́синъ подъ небе́са,
Да ли зна́ешь юна́къ на́ды мене?»
Дзвѣзда си ему по ті́я оговóре:
«И ты ли си ю́накъ надъ юнаци?
Я отиды у Ду́ката гра́да,
Тамъ да си видишь юна́къ!
Тамо има дете Дукати́нче,
Па си има кончé троегóдче».
И Марко си яшилъ коня́ шаренóга:
Та е пошла мъгла и пра́ове,
Та ошло у Дуката града;
Намѣри́ло Дукатске юна́ци
И па и питало:
«Бога и вамъ Дукатске юнаци!
Де-ка си е Дука́то-то дете?»
А они́ си му по тія оговóря:
«Ела! мало камикъ да метамо,
Па тъга че кажемо, де-ка сѣды́
Де-ка сѣды́ дете Дука́то?»
И онó си е узело камикъ
Узело камикъ, та вьрли́ло;
Надвьрлили га Дукатски юна́ци;
Па-й се Марко, па-й-се повьрнало,

Та узѐло ка́микъ, та го́ вьрлило —
Нигде си виделъ, ни с'опрелъ
Па тага си му юна́ци каза́ли,
Дѐ-ка сѣды дете Дука́то:
«Де-ка има дворы среберны подпо́ры,
Тамо сѣды́ дете Дука́то».
И оно́ я́нуло ко́ня шаренога,
Та си ошло́ на него́ви дворы.
Па-й си му Марко гово́раше:
«Я мой брате, мой побратиме!
Я семъ дошѐлъ, да се оби́демо.
Я си яни кончѐ троегодче!
И оно́ си яни кончѐ троего́дче,
Та га ра́зигра по него́ви дворо́ве —
Я него́ви дворо́ве све потресли;
Тага си се Марко уплаши́ло.
— «Яни, брате, конче троегодче;
Мие съ тѐбе братя, побра́тиме,
Че одымо по го́ру зелѐну,
Да тражи́мо юна́ци нады насъ».
Па си га Ма́рко вьрло превари́ло:
«Аде, брате, предъ менѐ иска́рай!»
И дете си искара́ло напредъ;
Тага Марко извадилъ е саблю димискію
Та пресѣче дете прѐко срѣде;
Па-й се Марко на дете гово́ри:
Я, дете! можѐ ли да усетишь?
И оно́ си му детѐ гово́раше:
«Смудна́ си ме пресъ тоньте половине»;
А Марко си му говораше:
«Я разигра́й коньче троего́дче!»
И разиграло оно коньче троегодче,
Та се на двѣ трупи́не одлетѐло.

№ 153.

Джумалійскій окр., с. Панчерево, въ такъ называемомъ округѣ Пьяницѣ [1]); 13 дек. 1879 г. записана со словъ Димитрія Кундева.

(тоже).

Излезналъ е тово витекъ Марко
Излезналъ е вонка на двброве,
Искокналъ е вечеръ предъ вечера,
Та на дзвѣзда вели и говори:
«Мори, дзвѣздо, мори, вечернице!
Кадъ-то грѣешь, дзвѣздо, по са тія земя,
Да ли е видѣла, дзвѣздо вечернице,
Да ли е видѣла неде юна́къ,
Юна́къ, ка'-то мене?»
А дзвѣзда́ му вели и говори:
«Море, Марко, море, хӑджамiё!
И ты ли, Марко, юнакъ броишь?
А да иде́шь у Дука́та града,
Та да видишь дете Дукатинче —
Оште си е дете три годиве,
Три паты поюнакъ одъ тебе;
Порты му самородъ одъ желѣзо».
Полютисе това витекъ Марко.
Кога́ бѣше, море, утре рано,
Яхӑналъ си тая добра конъ,
Та-я ошелъ у Дука́та града;
Кога́ бѣше на по́ле широко,
Тамо срѣтна до три машки дѣца,

[1]) Округъ этотъ въ настоящее время раздѣленъ на части: одна вошла въ составъ Болгарскаго Княжества, а другая осталась во владѣніи Турціи (въ Македоніи).

Де-ка ѳерля това тешокъ каменъ:
Еднó ѳерля, та надѳерля.
Рече Марко добаръ юнакъ:
«Помóзи Богъ, до три машки дѣца!
Али има тука дете Дукатинче?»
— Оно рече: «язе дете Дукатинче!»
— «Айде, да ме водышь на твои-те двóре,
Да ти вида дворы,
Да ти вида-какви́ са?»
— «Айдемо на мои́-те дворы!»
— «Море, дете Дукатинче!
Де-ка бива госто напредъ оды?
Айды, ты-зи напредъ да одышь».
Крена дете Дукатинче,
Да го воды на свои дворы.
Марко бѣше хитра гидія:
Тергна Марко тая остра сабля,
Та удари дете Дукатинче
Та удари преко тенки половины;
Па кренаа на нагóре.
А дете-то вели и говори:
«Море, Марко, море, чичё Марко!
Какво ме е серце нешто пригрызло».
— «Айде, айде, детé Дукатинчé —
Това ни е твое люто серце,
Туку си е моя остра сабля;
Ту́ку си нáкриви на-въ десна рака,
Те ти олекна твóе-то серце».
Ка' се накриви́лъ дете Дукатинче
Ка' се накриви́лъ на-въ десна рака
Накривилъ си, па и изгасналъ.

№ 154.

Трен. окр., с. Бабица; 24 ноября 1879 г. записана со словъ крестьянина Дёши.

(тоже).

Сѣди Марко съ майтю, та вечера
Суво лѣбо и вино цервено;
Па се Марко подъ мустакъ усмива.
Питала негова-та майтя:
«Емъ вечерае(шь) подъ мустакъ се смѣешь —
Даль си смѣешь мене́ подъ старости,
Ель си смѣешь на божя́ вечера,
Ель си смѣешь на твое-то любе?
Любе имашь, а други люби га».
Питалъ си е Марко Кралевичъ:
«Кой ми люби мое первнёлюбе?»
— «Люби га Сънко Дуковита».
— «Леле мале, мое стара мале!
«Даль си чула. съ очи ли видѣла?»
— «Емъ самъ чуло, емъ съ очи видѣло».
Итро било Марко Кралевичъ:
Собрало окóльне комшіи,
Собрало ги, та ги попоило,
И не окало Сънка Дуковита;
Думало-то негово-то любе:
«Чуешь мене, Марко Кралевиче!
Оты не позвашь Сънка Дуковита?
Дуковитъ е найближи комшія
Найближни и понайаранъ».
Думе дума Марко Кралевичъ:
«Забоварилъ семъ, мое первнёлюбе».
Наточиле Марко Кралевичъ,

Наточилъ е та златна здравица;
Та си дадé на негове любе,
Да си позва Сънка Дуковита,
Да га позви, да га докара;
Позвало га, па-й га и забрало.
Яли Марко одъ чардакъ пазило:
Доръ да доду до негови дво〈ры〉,
Три путы обе залюбили.
Тагай дойдé Сънко Дуковито.
Сѣдéли су три дни и три ночи.
Марко прати окóини комшіе —
Емъ ги прати и дарекъ даруе;
Яли Сънка нече да испрáти,
Ни испрача, ни га дарекъ даруе.
Думе дума негове-то любе:
«Зашто нечешь Сънка да испратишь,
Ни испрачашь, ни даръ га даруешь?»
Марко тага на любе продýма:
«По-часъ, нега че испратимъ;
Че му дадéмъ свúлене кошуле».
Испратиле околни комшіи,
Уловиле Сънка Дуковита,
Одсѣче му тýю русу главу;
Уловиле негово-то любе,
Умаза га[1]) у катранъ, у восекъ,
Запалиле то негове любе:
Онó гори́, онъ се винó піе.
Думе дума негове-то любе:
«Ако ни е за мене,
Но ли те за церни те очи!»
— «Нека горý, нека ги Богъ убіе!
Ние любилъ Сънко Дуковитъ.»

---

[1]) Вм. ю.

— «Ако не за мене, не за те церне очи,
Нель за бѣло́-то лице́!»
— «Нека гори, да га Богъ убіе!
Нега се е Сънко любило».
Пропиштало мужко детé,
И она́ е тога́ гродума́ла:
«Ако не е за мене,
Нели ти за мужко-то дете!«
— «Нека гори, да га Богъ убіе!
Сіе Сънково колѣно.

№ 155.

(Загорье) Берк. окр., с. Вериецъ; 10 февр. 1880 г. записана со словъ Елизаветы Іованчиной.

(тоже).

Море, сѣдналъ Марко да вечера
Да вечера съ негова-та майтя;
Емъ вечера, у небо погледа,
Емъ, море, согледа звѣзда вечерница.
И па-й дума Марко Кралевичъ:
«А, море, звѣздо вечернице!
Моя верно посестримо!
Море, ко'-то грѣешь одъ истокъ
Одъ истокъ до западъ,
А ко'-то грѣешь по свичка земня,
А ко'-то видышь Влашка и Богданска,
А дали има негде по-юнакъ одъ мене?»
Продумала дзвѣзда вечерница:
«Леле, варай, Марко доберъ юнакъ!
А нигде нема по-юнакъ одъ тебе,
А туку има у Дукатинъ града
Младо момче Дукатинче».

Море, посердисе Марко юнакъ,
Че имало по-юнакъ одъ него.
Онъ улезло у новы я̒харе,
Изведе си коня Шаркалія,
Со-съ шиница бѣла го наранилъ,
А напоилъ чаборъ вино, —
И си бутна коня Марко юнакъ,
Та отиде у Дукатинъ града;
Край Дукатинъ града—двѣ млады момчета,
Двѣ млады момчеты-млады телчартыта.
Попита ги Марко доберъ юнакъ:
«Леле, варай, двѣ млады момчета!
Море, де сѣди момче Дукатинче,
Де е казва, че е млогу юнакъ»?
Продумали двѣ млады момчета:
«Леле, варай, чиче незнаяны!
Да ли пи́ташь-право да кажеме:
Море, де-ка сѣды момче дете Дукатинче?
Бутны конё возъ новый пазаръ —
Де-ка найдешь калдерма одъ желтици,
Де-ка найдешь порты одъ желѣзо,
Де-ка найдешь камены дворове,
Де-ка найдешь высоке сарае,
Тамо сѣды момче Дука́тинче».
И пойде́ Марко доберъ юнакъ
И отиде возъ тесны сокаци,
И намѣри калдермо одъ желтици,
И намѣри порты одъ желѣзо,
И намѣри камены дворове,
И намѣри высоке сарае;
И него мрьзи порты желѣзны да чука:
Море, бутна коня, презъ дувара прерипна;
Па ми хо̒ды по равны дворове,
По дворове хо̒ды одъ конё не слазе.

Видело го момче Дукатинче:
Та му дума одговбри:
«Леле, варай, чиче незнаяны!
Што ми ходышь по равны дворове,
По дворове ходышь, одъ конё не слазишь?
Дали мислишь пазаръ да правиме,
Пазаръ да правиме-трампа да чиниме,
Или меркашь, бой да се біеме?»
Продума Марко доберъ юнакъ:
«Леле, варай, момче Дукатинче!
Не семъ дошелъ пазаръ да правиме,
Не семъ дошелъ бой да се біеме,
На семъ дошелъ юнатлакъ да правиме,
Зашто семъ те чуло и разбрало,
Че си млогу юнакъ надъ юнака;
Море, ела, малко юнатлакъ да правиме,
Юнатлакъ да правиме,
Да се малко пребориме».
Море, продума момче Дукатинче:
Што-то се, брате, пребориме,
Бельти се убіеме;
Айде, идеме у Косово-поле,
Тамо има тое желты камикъ —
Онъ е мѣренъ триста оки;
Тамо штемо да се обидеме —
Кой юнакъ надъ юнакъ?»
Искочила негова-та майтя,
Та му дума одговбри:
«Леле, варай, момче Дукатинче!
Не е Марко юнакъ со-съ юнатство,
На е Марко юнакъ со-съ курвалство;
Оште, сине, тебе да погуби».
Изведе коня момче Дукатинче
Изведе изъ новы яхары,

Та го шинекъ-бѣлъ орисъ нáзоби,
Напои го чоборъ рўйно вино,
Постигна го съ тридеветъ ҁолане,
Попрегна го съ тридеветъ попрази;
Па бутна конё момче Дукатинче,
Бутна конё изъ Дукатинъ града.
Леко ходы коня Ластавица,
Леко ходы, калдерма-та трошн,
Калдерма-та трошн, дуваре са трясатъ,
Дуваре са тресатъ, пенджере трепéратъ.
И отшели у Косово-поле,
Намѣрили тоя желты камикъ —
Де-ка мѣренъ таманъ триста ока.
Море, подметна го Марко юнакъ,
Та летелъ е ни малко, ни млогу,
Та летилъ три дни и три нощи́;
Дирили го три дни и три нощи,
Дирили го, доде-къ намѣрили.
Та го метне дете Дукатинче;
Него мерзне одъ коня да слази—
Свесе се, одъ коня го узе;
Подметналъ го момче Дукатинче,
А го ферли момче Дукатинче;
Дирили го три дни и три нощи,
А дирили го те намѣрили го —
Чудили́се, кадé камикъ падне?
А дали влете у церна земня,
Или упадна у си́нё-то море.
Море, ка' си пойде момче Дукатинче—
Леко ходы коня Ластавица,
Ка'-то би е ясна зора чини;
А, море, леко ходы коня Ластавица—
Одъ нодзе-то трѣва ферлилá се у небеса.
Тогива продумало Марко доберъ юнакъ:

«Леле, варай, момче Дукатинче!
Постави се коня Ластавица...

Конецъ недосказанъ. Сказитель замѣтилъ, «да е Марко излагалъ момче Дукатинче» и вѣроломнымъ образомъ погубилъ его, (бóльшаго отъ него юнака).

№ 156.

Г. Радомiръ; 1 дек. 1879 г. записана со словъ Таски Моавискаго.

(Ма́рко Кралевичъ вѣроломнымъ образомъ убиваетъ юнака — дитя, семи мѣсяцевъ, имѣющаго коня, семи мѣсяцевъ).

Било́ дете седмомѣшче,
Па има́ло конь седмомѣшче.
Дума дума му уйтя седмомѣшче:
«Я излезны дете́ седмомѣшче,
Изведы коньче седмомѣшче,
Изведы го низъ ладны ях̑еры:
Мие малко бой да правиме съ тебе,
Да ви́деме, кой че поюнакъ,
И дали е коньче седмомѣшче,
Дали ти е ногу берзо би́ло,
Ели си е моя коня Шарговита?»
Излега го уйтя му Марко:
«Я опушти ты коньче твое
Коньче седмомѣшче—
Да видиме, ногу ли е берзо би́ло?»
И оно е уйтя послуша́ло,
Та опушти коньче седмомѣшче;
Я Марко ного х̑итро било:
Не свидесе, де-ка е дете́ седмомѣшче
Де-ка си е одъ Марко-те поюнакъ,

И извади́ сабля димиція —
Дете́ си е напредъ предъ Марко-те—
И зема́ Марко сабля димиція,
Та пресѣче́ дете пре-срѣде-ка;
И де́те си на коньче гово́ри:
«Слушай мене, коньче седмомѣшче!
Нешто ме е серце преболѣ́ло».
И тогай му Марко въеднакъ ока:
«Э, ты-зи-ка дете́ седмомѣшче!
Я си оберны ты-зи-ка наза́де,
Да си видишь ты-зи, коньче
Съ каква ти е чоха покриенъ?»
Дете се въеднакъ обернало
Обернало и въеднакъ паднало:
«Проклетъ да си, уйте, триклетъ да си!
Оты ме мене така́ измамѝ?
Тебе гробъ нигде, уйте, да нема!»

№ 157.

Трен. окр. с. Бабица: 23 ноября 1879 г. записана со словъ Пеши (Петра) Тодоро́ва.

(Марко Кралевичъ захватываетъ Янка «отъ Косова» въ плѣнъ и затѣмъ освобождаетъ его).

Повалисе Янко одъ Косова,
Да не мине турчинъ презъ Косово поле.
Сѣде Марко съ майтю да вече́ра
Да вечера суво лѣбо и церве́но вино;
Я самъ Марко подъ мустаци смѣе;
Майтя Марка питу́еше:
«Бога тебе, Марко Кралевиче!
Даль си смѣешь на суе вечере,

Иль си смѣешь на мое на старосты?»
«Ни се смѣемъ на суе вечере,
Ни се смѣемъ тебе на старосты,
Я са смѣемъ Янку одъ Косова:
Повалилъ се Янко одъ Косова,
Да не мине турчинъ презъ равно Косово;
Дори, мале, Марко повечёра,
Ты да идешь, коня́ да закаляшь —
Шаренъ бѣше, цернъ да стане;
Да донесешь това турско ру́о —
Да облечемъ това турско ру́о;
Чу да идемъ Янку на индаты».
Майтя иде, та коня закаля;
Па се верну, та донесе това турско ру́о.
Па премѣри Марко Кралевиче
Премѣри и пререшисе;
Па си стану Марко, та и отидé,
Та отидé подъ Косова града:
Поби копья, па си ко̀ня вѐрза,
Па се узе турски да се кланя.
Сегледа го Янкова то любе,
Па говори Янку господáру:
«Бога тебе, Янко господаре!
И ты си младо обложи́ло,
Да не мине турчинъ презъ Косово.
Онъ се кланя у Косово града».
Янко по тія оговори:
«Бога тебе, мое—то любе!
Я че окнемъ саизина,
Да си узме коня дебеляна,
Да си иде доле—подъ селó-то,
Да га види—ель е турче, или бугарче?
И онъ я́ну коня дебеляна,
Та отиде доле—подъ село-то:

«Богъ те убилъ, непознанъ деліе!
Даль си турче, иль каурче?»
А онъ си често клани.
Кага́ си е момче приблизило,
И онъ върли лека буздогана,
У́дари га у само́-то серце —
Конёкъ се паде и онъ се по нега;
И вану га, и верза му руке на́опако;
Па-й се узе, да се турски кланя.
Се́гледа га Янко одъ дивне́:
Па си я́ну коня́ Пеливана,
Та отидé доле—подъ село́-то;
Ка отидé доле—подъ село́-то
Проговори Янко одъ Косова:
«Бога тебе, турче саратличе!
Да-ль си турче, иль бу́гарче?»
Марко мълчи и често се кланя.
Кага́ си е Янко приблизи́ло,
Онъ си върля лека буздогана,
Та у́дари лека буздогана,
Та у́дари коня́ изъ-подъ нега;
Конёкъ се пада, и онъ по нега:
Тага ста, та му верза́ руке наопа́къ,
И си верза́ коня́ Пеливана
И си верза́ за коня́ шаренога.
Па Тага́й вати, за баджа пуса-та,
Да си гази той воду Ситницу,
И прикара Янка при воду Ситни́цу;
Тагай Янко по тія огово́ри:
«Бога тебе, незнано деліё!
Да ми пуштишь руку десницу;
Ако не смѣешь руку десницу,
Да ми пуштишь руку лѣвицу;
И додай ми това бѣло книже,

Да испишемъ това цéрно пи́смо,
Да га пра́тимъ на стару́ ту майтю».
А Марко му е пуштилъ десницу,
Та му да́де това бѣло книже;
Янко на́писа това церно́ писмо́;
Не га трати на ста́ру-ту майтю,
Нель га прати Марку Кралевичу—
Па си сви́рну на сиво соколé;
А Марко Янку подсмѣе:
«Бога тебе, Янко одъ Косова!
Деветъ путы низъ давнанъ те пушталъ,
Садъ десеты путы те пуштамъ;
Я самъ Марко Кралевичъ!
Зашто пратишь сиво соколенце,
Да иде на мое дворо́ве?»
Янко си е тага продумало:
«Просто да ти е деветъ кадълька,
Просто да су и мои конаци,
Просто да и то мое любе».
Но е Марко Кралéвиче опросты му
И конаци и любе-то,
И любе-то, што обруча́лъ.

№ 158.

Дупнич. окр., с. Рыло; записана 19 янв. 1880 г. однимъ болгарскимъ школьникомъ по порученію народнаго учителя дьакона Христы Димитріева Куюнджискаго. Передаемъ буква въ букву. [1])

(Янко отъ Косова уводитъ жену Маркову Ирину; Марко убиваетъ его; освобождаетъ свою жену; смерть матери и сестры Марка отъ радости).

Море, Марко, море млады Марко;
Марко шета по Влашка крайнина,
По крайнина шета, та крайни(на) чува.
Кога беше на светіи никола,

[1]) Дѣлаемъ только свою разстановку знаковъ.

Тогай Марко отъ крайни доиде,
Па на слуги́ по ти́ оговори́:
Е виека дванаесе слуги!
Гответе ручокъ, да ручате,
Наточете вино, да пиете,
Изнесете наймалата чаша,
Що то бере дванаесе ока,
Та я дайте на млада шарко́те,
Да си пие и да благосивя.
Слушаа го дванаесе слуги́,
Уготвия ручокъ, да ручая,
Наточия вино, да си пиятъ,
Изнесоха наймалата чаша,
Дадоха я на млада шарко́те—
Ем си пие, ем си благосивя.
Па е Марко на чаша задремало—
Малко дремна, големъ сонокъ виде;
Уплаши се Марко разбудисе,
Та на слуги по ти́ оговори:
«Е виека дванаесе слуги!
Малко дремнахъ големъ сонокъ видохъ:
Де ми двори магла утахнали,
Претъ портите цернъ barякъ побие
У стретъ двори това сухо дерво;
А на яфорово на дервото
До три куковици́:
Една кука вечеръ и па вечеръ—
Като кука веке ичъ неможе;
Друга кука нощи-полуно́щи—
Като кука друга изговара;
Трека кука заранъ та па заранъ
Като кука веке ош окнала.
Да ли е на зло, или е на добро́?»
Слуги́ му по ти оговоратъ:

«Море Марко, море млади Марко!
Ни е на зло, ни то е на добро:
Пленена е робена господна—
Еве сега три година време,
Како си е она запленена—
Пленилъ е Янко отъ Косово;
Това що са до три куковици:
Тай що кука вечеръ та по вечеръ,
Това ти е твое стара майка,—
Що то кука ноштѝ полунощи,
Това ти е твое первнолюбне,—
Що то кука заранъ па та зáранъ,
Она ти е сестра Ангелия».
Ни то стоя Марко, ни то гледа,
Туку яхна тая Шарца кона,
Та си пойде стара манастира;
Тамо седе три месеца време;
Та си пущи коси зá поясъ си,
И направи калугерско рухó,
И си тури калугерьска капа,
Та си яхна, та Шарца кона,
Та си хойде з Косови града;
Та си ходе предъ Янковѝ портѝ;
Претъ порти му тай шарены чешмы:
Тамо наде ери(на) госпожа
Де налие два ибрика вода;
Говори церна калудера:
«Помага(й) Богъ, моя Янковице!
Я ми дода(й) еденъ ибрикъ вода—
Я да пия, коня да поя;
Устата е мене погорелы
Погорелы за студена вода».
Говори му Ерина госпожа:
«Далъ Богъ добро, церна калудера!

Не смею ти водица подати,
Ме Янко отъ чардаци гледа,
Та хоке мене младо да погуби;
Кога бехъ котъ млади Марко,
Секо гладно бех го заранила,
Секо жадно бех го напоило,
Секо гола бех го заоблекло,
А подъ Янко ясъ несмемъ
Не смемъ и вода да дадемъ;
Ене, Янко отъ чардаци гледа!»
Па си зема два златна ибрика,
Та си хойде горе котъ Янкоте
Котъ Янкоте на високи чардакъ.
А Янко и по ти́ огово́ри:
«Е тизека Ерино госпожо,
Що ти збори́ церна калугера?»
И она му казива и доказа,
Що и збори церна калугера;
Туку го е она излагала:
«Е тизека Янко млади Янко!
Конакъ тражи дека да нощева».
Говори Янко млади Янко:
«Е тизека Ерине госпожо!
Ти го викни́, у насъ да нощева;
Язе имамъ дума да му думамъ
Ега Бог да право да ми кажа,
Ясъ на него големъ бакшишъ дада!»
Послуша го Ерина госпожа,
Та повикна церна калугера:
«Тако м' Бога церна калугеро!
Хайде тизе у насъ да нощевашъ,
Тебе зове Янко млади Янко»;
Не ще да праша-послуша я церна калугера,
Та си хойде код млади Янко,

Те говори церна калугера:
«Богъ помага Янко млади Янко!»
— «Далъ Богъ добро, церна калугера!»
Говори Янко млади Янко:
«Е тизе Ерино госпожо!
Я уготви тай слатка вечера
И наточи това руйно вино».
Послуша го Ерина госпожа,
Та уготви тай слатка вечера
И наточи това руйно вино.
Па седнаха да си вечерая;
Принесоха вино да си пиятъ;
Па се они дума задумаха.
Говори му Янко млади Янко:
«Тако м' Бога, церна калугеро!
Богъ ми, душа! нещо ке те прашамъ;
Да би далъ Богъ,
Право да ми кажешь,
Я кю тебе големъ бакши́ да дамъ».
Говори му церна калугера:
«Прашай, Янко, прашай, млади Янко!
Тако м' Бога, право ще ти кажа».
И Янко му ощ еднашъ, говори:
«Е тизека церна калугеро!
Отде ти е марковата кона?»
— Калугер му по ти́ оговори́:
«Е тизека, Янко млади Янко!
Еве, сека три години време,
Како Марко по краини умре,
Та му коня за опело узехъ»;
Дочула е Ерина госпожа,
Поронила тия дробни́ сьлзе;
Согледа я Янко млади́ Янко,
Дека рони тия дробни сьлзи,

Дека жали за млади Маркоте,
Тагъ удри съ рака десница,
Два и заби из глава паднаха.
Говори му церна калугера:
«Тако м' Бога, Янко, млади́ Янко!
Я ми пода́й тая остра сабля,
Да понишамъ твоя остра сабля,
Да поиграмъ калугерско оро;
Да разговара Ерина госпожа,
Да не рони тия дробни сьлзи,
Да не жали Марко млада Марко».
Не сетисе Янко млади́ Янко,
Та е даде тая остра сабля;
Разнишалъ церна калугера
Разнишалъ тая остра сабля,
Та разгралъ е калугерско оро,
И отсѣче Янковата глава;
Остави му глава на софра-та,
Па си фана Ерина за рака,
Та я сведе доле у дворове;
Па улезна у нова яхери,
Та изведе си тая Шарца кона,
Та си яхна тая Шарца кона,
Па си фана Ерина за рака,
Та я ферли кото зат себека.
Расплака се Ерина госпожа,
Та си викна, колко що си може:
«Леле Боже, леле мили Боже!
Останах си без млада Маркоте,
А па сега и без млади Янкоте,
Па сега кю калугеръ да вода».
Говори и Марко млади Марко:
«Не бой ми се, Ерино госпожо!
Язе не самъ церна калугера,

Туку са ти Марко первнолюбне;
Сега ние дома ке идеме,
Да видиме наша стара майка —
Живи ле, или не живи?
И да вида сестра Ангелия —
Дома ли е, или се ожени?»
Па си ойде Марко, дура, дома;
Одалеко иде и си вика:
«Отвори́ ми, моя стара майко!
Отвори́ ми тия нови порти, —
Я излезни сестро Янгелио!
Я излезни да пошетнашь коня».
Дочула го нему стара-майка;
Дочула го сестра Ангелия;
Дури майка стара да подигне
Да подигне тия стари кости,
Да отвори на Марките порты;
Дури сестра гергевъ да остави
На гергево тоа свиленъ яглакъ,
На яглако деведесе игла,
И си на нозе станала,
Удри Марко коня съ зенги́(и),
Та прелете презъ новите по́рты.
Ка' го виде негова-та майка,
Жива го е она пригърнала!—
«Добре дойде Марко, мили сине!»
Още рече она неизрече,
Мертва се она одвоила;
Пригърна го сестра Ангелия:
«Добре доше Марко, мили братко!»
Жива го е она пригърнала,
Мертва се е она одвоила.

№ 159.

Соф. окр. (поле), село Чепинци; 2 февр. 1880 г. записана со словъ крестьянина Николы Мацуковецъ.

(Белё юнакъ увелъ жену Марка Кралевича).

Абаре дошло́ на Марко
Одъ три кралове стигнало:
Да иде Марко да иде,
Да три крайнины да варди.
Мало с млогу е пресѣдѣлъ,
Сѣделъ е деветъ години;
Абаре дошло одъ Марко:
«Марко е дюле[1]) удрило;
Осилилъ се Белё добаръ юнакъ,
Та зароби Марково-то либе
И марково-то дете осмогодче».
И калеса Белё триста села
Триста села и сто града:
Собралисе юнакъ надъ юнакъ,
А Белё се самъ си, бре, пофали́:
«Видете ли Марково боздоганинъ?
Това ми е одъ Марко миразъ[2]);
Юнаци се спогледнаха,
Та вазеа Маркови боздоганинъ —
Кой си може низъ капія да го извади?
Си се гостье редомъ, бре, редили,
Кой се, бре, фана за него,
И кой се не фана;
А марково дете осмогодче
Фанало се со-съ лѣва-та рака,

---

[1]) Пушка.
[2]) Наслѣдство (тур.).

Извади си босдоганъ до стрѣде,
Па се фана со-съ десна рака,
Та извади боздоганъ.
А майтя го, бре, люто кынеше:
«Проклето да си, триклето да си!
Башта ти си глава придáде
Са-съ тая халосія[1]).
Таманъ е, бре, рекла,
Рече-иде церна калудера
И си яха Марку шарголія.
Ка' го видé Белё добаръ юнакъ,
Зеá лица да го пребиватъ:
Нá нодзе го дочекали,
Нá раце го прифанали,
У тарпези го увели,
Да му рече тоя, оня;
Продума му самъ Белё добаръ юнакъ:
«Слава Богу, церна калудера!
Што си яздышь коня,
Приличе на Маркова Шарголія?»
— Одговара Марко церна калудера:
«Слава Богу, Белё добаръ юнакъ!
Згодихсе Марку на опѣло,
Та ми дали Шарка коня».
Тога се Белё ослободи,
Тога се Белё самъ си приказа:
«Слава Богу, церна калудера!
Та това е Марково либе
И негово мошко дете осмогодче»;
Марко пó ти одговори:
«Слава Богу, Белё добаръ юнакъ!
Я ми дай Марковъ боздоганинъ,

[1]) юнакъ.

Да припаша на моя-та танка половина,
Да се кача Маркова-та коня,
Какъ и знае, да играе,
Да играе прилѣпчанско оро».
И Белё му даде боздогана;
Припаса го церна калудера,
Припаса го танка половина,
Па се качи коня Шарголія,
Та заигра прилѣпчанско оро,
Та заигра, бре, налѣво;
Ка' оберна́ на́десно,
Кога погледне на юнаци,
Одъ юнаци нема нышто;
И говори:
Та знаешь ли, Белё чорбаджіё?
Те това́ с Марко добаръ юнакъ
Одъ Прилѣпа града, бре, голѣма!
Тогая се фана Белё добаръ юнакъ,
Та му подви́ лѣва-та рака,
И му изви, бре, руса-та глава,
Па си беркна у десны джепове,
Та извади, бре, влашки ноже́ве,
Одрѣза му, бре, руса глава.

№ 160.

Вран. окр. (въ Сербскомъ княжествѣ), с. Мачкатица; 3 марта 1880 г. записана со словъ крестьянина Иліи Николина.

(Марко Кралевичъ въ испугѣ).

Сѣды Марко да вечера;
На вечеру го питус майка:
«Вала тебе, Марко Крале́виче!
Како дурашь по бѣлога свѣта,

Ели се кад-годъ уплашио?»
— «Нель ме питашь остарѣла майка
Нель ме питашь, право тю ти кажемъ:
Кадъ запресе младе Радивое,
Кадъ запресе надалекъ девойку,
Надалеко-преко Церно море,
Кума куми Дука Латѝнина,
Старогъ свата Релю одъ Пазара,
А прикумка Милошъ Кобиличе,
А мене, майко, за деверство узме;
Па отомо у Латинску земню,
Па-й отомо здраво и вѐсело;
Латини ни лѣпо дочекаше:
Доста пива и доста варива;
Па пойдо́мо изъ Латинску земню,
И узомо тую лѣпу девойку,
Па пойдо́мо горѣ Романлiѣ.
Проклета е гора Романлiя!
Никадъ не е безъ айдука, майко,
Безъ айдука, ель безъ мечка-вука.
Врагъ изнесе трогла́ву Рапину,
Па овако онъ бесѣдеше:
«Чуешь мене, Дуко Латинино!
Чудно ли тешь, лудо ли да погѝнешь?
Своу главу за-лудъ да издаде́шь
И за тудя тай лѣпа девойка».
Онъ побѣже горѣ Романлiѣ.
Па овако, майко, проговóра:
«Чуешь мене, Милошь Кобиличу!
Чудно ли тешь, лудо ли да погинешь?
Своу главу за-лудъ да издаде́шь
И за тудя тай лѣпа девойка,
И за тудя одъ злато ябука»;
Онъ побѣже у горе зелене.

Па овако Рели бесѣдаше:
Чуешь мене, Реля одъ Пазара!
Чудно ли тешь, лудо ли да погинешь:
И за тудя тая лѣпа девойка,
За-лудъ ли тешь да погинешь?»
Побѣгоше сви редомъ сва́тове;
Ёште оста Марко Кралéвиче:
И онъ вóды подъ дéвойку коня.
Туй Рапъ му бесѣдаше:
«Чуешь мене, Марко Кралевиче!
Чудно ли тешь, лудо ли да погинешь?
Своу главу за-лудъ да издадéшь:
А што вóдешь подъ девойку кóня».
Тегъ се майко, я малко уплаши:
Па попу́стимъ шарены дизги́ни,
Па побѣго у горé зелене,
И западо узъ елу зелену;
Девойка ме люто прокленяше:
«Проклетъ да си, Марко Кралéвиче!
Оде вѣре срамóта те било:
А кому се снау поклони́о?
Да е Сербинъ, ни е ни срамóта,
Но на церну троеглаву Рапину!»
Тегъ се, майко, я малко налю́ти:
Па си узмемъ тежку топузину;
Варкалъ одъ елу до елу,
Докле го самъ малко преварио
На довата по церному врату:
Арапъ пади, я му допада,
Па-й отсѣко три айджерске главе;
Па си викалъ до три бѣла дена,
Докле свикалъ редомъ до три сви сватове.
Па и отóмо здраво и вéсело.

№ 161.

Вран. окр. (въ Сербскомъ княж.), с. Мачкатица; 3 марта 1880 г. записана со словъ крестьянина Иліи Николина.

(Похвальба дуки (дожя) Латинскаго Радоя; убіеніе его Маркомъ юнакомъ).

Сѣды Марко вечеръ-та вечера;
На вечеру питуе го майка:
«Што се, Марко, подъ мустати смѣешь?
Даль си смѣешь на божу вечеру,
Иль си смѣешь майка на старости?»
— «Ни се смѣемъ на боже вечере,
Ни се смѣемъ майки на ста́рости,
Но се смѣемъ Дуки Лати́нину —
Како́въ юна́къ! какво́ писмо прати!
«Да ми дойде Марко у мейдана,
Али отю нему отити».
Проговара нему стара майтя:
«Немой да дойде Дука Латинина,
А иды ты —
Вете ми се надолѣло,
Гледаючи свакакви грѣо́ви».
И узъяна Марко Шарца добра коня,
Право иде у дукине дворы;
Кадъ онъ е се добро затво́рио,
Туй, ме, чука Марко на порте:
«Ты излезни, бре, добрый юначе!»
Проговара негова-та люба:
«Айде, иды, непо́знанъ делиё,
Докле не е Раде дошео ми,
Али оче тебе онъ погубити»;
И налюти Марко Шарца добра коня,
Па урипи у него́ви дворы;
Тавай скина кована гердана,

Маку съ рукомъ—изчука ней зуби,
Па поручуй на нёйнога човѣка —
Нека дойде у нове меане,
Да піемо той герданъ заедно.
Кадъ, ми, дойде тай-зи нёванъ човѣкъ,
И она му добрѣ доказуе:
«Ючеръ самъ ти погинула —
Туй, ми, дойде, еденъ доберъ юнакъ,
Преко твое порте, есте, урипио,
И мене ми герданъ изкидао,
И мене ми зуби изчукао;
А што пратешь писмо,
А дома не сѣдышь?»
— «А кудъ се дѣну тоя доберъ юнакъ?»
— «Онъ отиде у нови меане
И поручи—и ты да му идешь».
И онъ оде у нове меане:
«Помозъ Бога, Марко Кралевиче!»
— «Богъ помогалъ, непознанъ деліё!
Оды, вино да піемо,
Да піемо еденъ женски герданъ».
— Каже Дука Латинина:
«Лесно жени сваки бити;
Но излезни юнакъ у мейдану».
— «Оды, кажемъ, вино да піемо,
А у мейданъ съутра излезтемо».
Дука нышто више нете да говори —
Машу сабля и расипа Марку чашу.
Налюти се Марко Кралевиче,
Та му узме тая празна чаша —
Мана чашу-истера му главу;
Съ чашу го погубио —
Нема на што саблю да керяви.

№ 162.

Радом. окр., село Верба; 29 ноября 1879 г. записана со словъ того же крестьянина села «Вербы».

(Марко Кралевичъ уничтожаетъ еврейскую аренду на Св. Горѣ).

Продáвасе чиста света гора.
Закупиль е жълта еврештина;
И наловиль триста кириджіи,
Амо се нема конь-калаусъ;
Беендисаль Марково-то конё,
Да му иде предъ конь напредъ;
Па си ойде при Марко юнакъ:
«Я самъ купиль чиста света гора,
И наловиль триста кириджіи,
И беендисахъ твоя Шарца добра коня,
Да иде калаусъ напрéдъ
И да носе звонéцъ седемдесе óки».
— А слютисе Марко добаръ юнакъ,
Та удри жълта еврештина,
Удри га Марко добаръ юнáкъ;
А она нему говóриль:
«А ме удри, а ме муа уштúпа».
Тага удриль жълта еврештина;
А онъ си му измóлюе:
«Не мой мене повторь повторите!
Айде, карай Шарка добра коня:
Колко сакашь, толко товаръ турай».
— А онъ си ойде та на майтя казува:
«Богъ да біе жълта еврештина!
— Закупиль е чиста света гора,
И ме одкара Шарца добра коня».
— И товá ли, сине, да те учимъ?
«Направисе Божія прошлятина,

Та си иды друми на раздруми,
Та си сѣди шарены на чешмы,
И ты земи тія лѣпи гусли,
Тамъ че мине жълта еврéштина;
Честиты му чиста света гора;
Онъ че дарокъ даруе,
А ты не мой, дарокъ да земешь,
А ты си му измолюй,
Ега че водá да дадé».
— Ете иде жълта евреина.
— «Богъ те било жълто евреино!
Честита ти чиста света гора!»
А оно му дае жълте алтены;
— А оно каже: «не давай жълте алтены,
Додай мени студена водица:
Немамъ я очи, да си придемъ,
Да придемъ, вода да си піемъ».
— А слезнало жълта евреина,
А слезналъ, вода да піе,
Та запишиль деветъ дули чешмы;
А не било Божія прошлятина,
Нелó било Марко, добаръ юнáкъ:
Извади тая остра сабля,
Та пресѣче жълта евреина;
А рекнала половинъ-трупина
Та притисне Марко юнакъ;
— А онъ се лѣпо измолюе:
«Чуете ли, триста кириджіи!
Свинете те триста тоягальни». [1])
Удрише му триста помагáльни,
Па немогли, него да óдма;
А онъ се окá Шарца добра коня:

---

[1]) Палка.

«Скоро бѣжи, мене да отмешь!»
— Тагай му конё поверну́ло,
Та удри со-съ негови копити,
Го нака́ралъ деветъ латы у земи,
А четри у дробно каменё.
Тогай стана́ Марко добаръ юнакъ,
Да е отелъ чиста света гора,
Да не мърси жълта еврешти́на.

№ 163.

Соф. окр. (поле), село Челопечино; 1 февр. 1880 г. записана со словъ крестьянина Стояна Расто̑ва Буелъ.

(Марко убиваетъ треглавую змію, вредившую жителямъ).

Собра́лисе три дружина
У меана дренопольска,
Та си піятъ вино и ракія:
Единъ бѣше Марко юнакъ,
Торы бѣше Павелъ юнакъ,
Трети бѣше Бранко юнакъ.
Прочула се люта змія
Люта змія у Балкана,
Разселила деветъ села
И за́пре̑ла три клисуры.
Проговори Бранко юнакъ:
«Слава Богу, два дружина!
Ка' сѣдете, та пите,
Я то иде, да обиде
Да обиде добра коня.
Па отиде, та обиде добра коня,
Та е посте́гна, та попре́гна,
Та се качи добаръ юнакъ,
Та отиде на Балкана;
Проговори добаръ юнакъ:
«Слава Богу, люта змія!
Де-ка да си, ту́ка да си!»
Ка' го дочу люта змія,
Заехчала-запиштала,
Съ душо гора поломила,
Со-съ нодзе камень обронила.
Согледа го добаръ юнакъ:
Верна конё наназаде,
Едва живъ съ душо утече;
Та отиде при два дружина
И говори добаръ юнакъ:
«Слава Богу, два дружина!
Ка сѣдете, та си пійте,
Не се трепе люта змія
Люта змія троеглава
Троеглава, шестокрыла».

Проговори Павелъ юнакъ:
«Слава Богу, два дружина!
Ка' сѣдете, та си пійте,
Я то идемъ, да обидемъ
Да обидемъ добрá коня,
Да постегнемъ добрá коня».
Стегна, попрегна добрá коня,
Та се качи добаръ юнакъ
И отиде на Балкана;
Проговори добаръ юнакъ:
«Слава Богу, люта змія!
Де-ка да си, тука да си!
Да те вида, ты каквá си?»
Дочу го люта змія:
Заехчала, запиштала,
Съ душо гора поломила,
Со-съ нодзе камене обронила;
Ка' видé Павелъ юнакъ,
Версна кóня на-назадъ,
Едва живъ съ душо утече,
И ойдё при два дружина;
Проговори Павелъ юнакъ:
«Слава Богомъ, два дружина!
Не се губи лю́та змія
Люта змія троёглава
Троёглава, шестокрыла».
Проговори Марко юнакъ:
«Слава Богомъ, два дружина!
Ка' сѣдете, та си пійте,
Я тю идемъ, да обидемъ
Да обидемъ Шарка коня».
Па постегна Шарка коня,
Постегнá го, попрегнá го,
Запáса острá сабля,
Та се качи Марко юнакъ,
И отиде на Балкана;
Проговори Марко юнакъ:
«Слава Богомъ, люта змія!
Де-ка да си, тука да си!
Да ти вида, ты каква си?»
Дочула го люта змія:
Заехчала, запищала,
Съ душо гора поломила
Со-съ нодзе каменье обронила.
Согледа е Марко юнакъ,
Согледа а, дочека а;
Дочекала люта змія:
Фанала люта змія
Фанала Марко юнакъ —
Съ една глава фанала Марко юнакъ,
Съ тóра глава фанала Шáрка кóня,
Третя глава Марко ядé.
Погледалъ Марко юнакъ
Погледалъ и заплакалъ,
Одъ Марка си керви течатъ, —
Па извáди острá сабля,
Та одсѣче змія троёглава,
Па си верна на-назаде;
Проговори Марко юнакъ:
«Слава Богомъ, деветъ села!
Селётесе деветъ сéла;
Я погуби́ люта змія;
И проверветe три клисуры!
Я погуби́ люта змія!

№ 164.

Соф. окр., село Суводолъ; 30 янв. 1880 г. записана со словъ кмета Георгія Колова.

(Марко Кралевичъ строитъ церкви, безъ спроса турокъ; вслѣдствіе чего навлекаетъ на себя злобу султана, который приказываетъ схватить его).

Шета Марко по Косово поле,
Тамо гради церкве, монастыре;
Оттамъ ойде на Скопье высоко,
И тамъ Марко монастырь загради —
Монастырье светы Димитріе;
Се ги гради безъ царева изинъ [1]).
Рѣчь по рѣчь до царо се дочу́.
Царъ се прати до два ми телала,
Личь балича по Стамбола града:
«Чуете ли Турци и Бу́гаре!
Че каковъ е Марко делійбаша!
Кой-то може юнакъ надъ юнаци
Живъ Марка да у руце фана,
Дарилъ бы ги незнано иманье,
Дарилъ бы незнаны градове,
Дарилъ бы и оште што сакатъ,
Салъ Марко живъ ми да доведа».
Никой нема юнакъ надъ юнаци —
Живъ Марко у руце да фана,
Салъ са е церна Арапина;
Па отиде при царъ султанъ Муратъ
И говори:
«Фала, цару, фала е, султане!
Колку, цару, дарба че ме да́решь?
Я самъ болье юнакъ надъ юнаци,

---

[1]) Тур. слово=разрѣшеніе.

Я че фанемъ Марка-те юнака,
Живъ че ти у руке доведе́мъ;
Давай, цару, друго, што че давашь:
Ты ме даришь града Радоміра,
Што извезе стара влахимина,
И ми давашь града Сталатина,
Што извезе стара влахимина,
И ми давашь Босна-Сараева
И у Босна бѣло Сараево,
Той нерагжда ни жито, ни трѣва;
Давай, цару, друго и придавай,
Ако сакашь добро да ти чинимъ —
Живъ Марко ти у руке да фанемъ,
Живъ да те на дворы доведе́мъ».
Той му царо ти'о говореше:
«Фала тебѣ, церна Арапине!
Ако можешь юнакъ надъ юнаци
Живъ Марко у руке да фанешь,
Даричемъ те сва Солуна града
И че дадемъ кральство да кралювашь;
Ако можешь добро да ми чинишь,
Че те даримъ Маркови-те дворы
И са-съ дворы Марково-то лю́бе».
Той се нае церна Арапина;
Тогай тергна возъ тесны сокаци,
Право ойде на ибизданжіи;
Тамъ накрои рухо калудерско,
И направи капа калимавка.
И направи златны нараквицы —
Сышты стана церны калудера;
Направилъ е до седемъ сенджира,
И везелъ дервишко дервеже,
Съ дервеже одъ юнаци варай,
Право тергна по бѣли друмове,

Право ойде града на Прилѣпа:
Тамъ подчукна на марковы порты;
Излезнала маркова-та майтя,
Па му майтя тихо говораше:
«Фала тебѣ, церно калудеро!
Тука нема Марка-те юнака,
Да Марко е на Скопье высоко,
Тамо гради церкви-монастыре,
Заградилъ е светы Димитріе».
Той се тергна церна Арапина,
Право тергна по бѣли друмове;
Ка' е тергна оловна камджія[1]),
Та удари коня изъ-подъ себе;
Каде мина́ по бѣли друмове,
Се друмове óгень утегнаха,
Одъ узда́ му бѣли пѣни теча́;
Одъ гербѝна церни керви теча́;
Право ойде на Скопье высоко,
Тамъ на монастырь светы Димитріе;
Почукналъ е на пребѣли порты:
Излезналъ е Марко доберъ юнакъ,
Излезналъ е и въеднагъ казалъ:
«Фала тебѣ, церно Арапино!
Богъ те біе, Богъ да те убіе!
Зашто идешь на наши монастырь?
Дали идешь-нешто да ми лыжешь?»
А онъ си му тихо говораше:
«Фала, Марко, фала, доберъ юнакъ!
Да я несамъ церна Арапина,
Нело семъ церна́ калудера,
Де я самъ си одъ света горица —
Одъ монастыро одъ Илендараго;

[1]) Кнутъ (тур. слово).

Той самъ чуло и самъ си разбрало,
Зашто градишь церкви-монастире,
И самъ дошелъ на твой монастырь:
Ты че кажешь старѣя да быдемъ».
Той му Марко по ти оговóри:
«Богъ те било, церне Арапине!
Ты си дошелъ, та ме-мене лыжешь».
Арапинъ му тихо говóраше:
«Фала, Марко, фала, доберъ юнакъ!
Óведисе, Марко, и ме слушай:
Я да четимъ книга повангелье;
Ако ли те, Марко, я излыжемъ,
Ты одсѣчи моя церна глава,
Ако ли те, Марко, я не лыжемъ,
Ты постави мене старѣя че быдемъ».
И Марко го младо послушало:
И Арапинъ книга прочетело —
Съ лѣва рака книга се держаше,
Съ десна рака синджиръ си держеше
И на Марко на рамо наметна —
Живъ Марко та у руке улове;
Пишти Марко, ка'-то люта змія,
Никой нема, Марко да се отме.
Дочулъ го е хайдукъ дебелъ Новакъ
Одъ висока Качúнова града:
Справилъ си нему добра коня;
Тергналъ си е по бѣлú друмове,
Право ойде и право ги стигнá,
На Арапинъ тихо говóраше:
«Фала тебѣ, церна Арапина!
Каде карашь Марко-те юнака?
Знаешь ли ме-мене и познавашь?
Кой самъ юнакъ, одъ коя самъ града?»

Слѣдовалъ, вѣроятно, отвѣтъ Арапина; но сказитель опустилъ его. На отвѣтъ Арапина отвѣчаетъ юнакъ Новакъ:

«Не ме викатъ Марко доберъ юнакъ,
Налъ ме викатъ хайдукъ дебелъ Новакъ,
Одъ висока самъ Качина града;
Чемъ да ферлимъ, чемъ да те ударимъ:
Мытна вода какво порой нóси,
Така тебе бѣдá че однéсе».
А онъ си му тихо говóраше:
«Ферляй, ферляй, хайдукъ дебелъ Новакъ!
Ако можешь мене да утепашь,
Харамъ да е кральство, што кралювашь,
Ако немошь мене да утéпашь,
Да ти видимъ, што юначство имашь!»
Тергна-ферли хайдукъ дебелъ Новакъ
Со-съ негово лѣпо шестоперче;
Богъ да біе церна Арапина!
Завертелъ е дервишко дерведже,
Шестоперче на странá отидé;
ферлилъ халка [1]) и него улови.
Тойги стави до два юнаци;
Тія пиштатъ ка'-то люты зміи,
Дочуло ги Новаково детé,
Дете му е Груица-детенце;
Справило нему е добрá коня,
Тергнало одъ свои дворóве,
Право терчи на бѣли друмове,
Право срѣшна и право го пита:
«Богъ те било, церно Арапино!
Каде ходышь и кадé си ходылъ?
И си фаналъ двамина юнаци?
Дошелъ ли си е до моя-та раká,

[1]) Петля.

Да ме видишь, да я кой самъ юнакъ,
Кой самъ юнакъ, одъ коя самъ града?
Не ме викатъ Марко Кралевиче,
Не ме викатъ хайдукъ дебелъ Новáкъ,
Но самъ язе Груица—детенце,
Одъ висока самъ Качина града;
Да видишь ли мое шестоперче!
Мытно вода каде порой носи,
Така ты-зи у бѣдá че ойдешь».
А онъ-ти му по ти оговóри:
Богъ те било, Груице—детенце!
Харамъ, што кральство кралювашь,
Ако немошь Арапинъ утепá».
Ферли дете съ леко шестоперче.
Богъ да біе церна Арапина!
Завертелъ е дервишко дерведже
И буздоганъ нá страна óтиде,
Ферли синджиръ и него ýлови.
Той станаха троица юнаци;
Тія пишта, ка'-то люты зміи.
Дочуха ги Новáкови децá:
Исправиха нихни добри́ кони́,
Излезнаха, и нихъ си е фаналъ,
Фаналъ е церна Арапина.
Той станаха петина юнаци;
Тія пишта, ка'-то люты зміи.
Ка' ги дочулъ Янко доберъ юнакъ —
Той е Янкулъ одъ равно Косово —
Янкулъ дочулъ одъ негови́ дворы,
Че дружина у руке фанеты;
А Янкулъ е юнакъ надъ юнаци,
Че да ида, дружина да отме.
Той е ошелъ, и онъ си е фанатъ.

Той станаха шестина юнаци;
Тія пишта и си са ожаловатъ.
Богъ да біе церна Арапина!
Ни ги пита, ни имъ добрé чини,
Право верви́ по бѣли друмове,
Право д' иде на Стамбола града,
Да ги кара при царъ султанъ Муратъ.
Дочуло е Секуло—детенце
Одъ высока града Іоргáнина;
Седѣло е дете у одаи́,
Одъ врати му гласи достигная,
А дете се чудо му чудило,—
Я вечера, а гласи дости́гатъ;
Той си мои́ братя улóвены,
Мои́ братя и моя дружина;
Може, да са на зло начинеты;
Я да идемъ, егá да ги отмемъ;
Не че можемъ со-съ моя силама,
Я да платимъ деветъ летургіи,
Можемъ тогáй брáтя да одку́пимъ.
И станало и коня стегнало,
И тергнáло и си е отишлó,
И скепо си е летургія плати́;
Право стигнá негóвы-тс дружины:
И тамо е церна Арапина,
Живъ ги фанали [1])
И живъ ги кара,
Тай са близа до Стамбола града;
И надалекъ робье заробены.
Ка'-то стигнá Сéкула—детенце,
Оддалéкъ е онó исокáло:
«Богъ те било, церна Арапина!

[1]) =фаналъ+и

Пуштай ты-зи той моя́ дружина!
Ни се фалимъ—ни юнагство имамъ,
Ако, може, Господъ да помо́гне,
Ты че знаешь и люде че видатъ!»
Тергна, ферли съ лека буздогана;
А е ферли́лъ, а го е удари́лъ,
Исферлилъ го низъ синё-то сѣдло,
И онъ падна на церна-та земня;
Што ми прешло Се́кула-детенце,
Тергнало е са́бля дипленица —
Диплело е дванаесы диплё,
Носило е у десна пазуха;
Отпуштило е шестина юнаци
И дума́ло Се́кула-детенце:
«Айде напредъ, церна Арапине!
Каде ч' идешь, каде че ме водышь?
Да и́машь ли мѣсто, дека д' име,
Дека д' име, дека че ме во́дышь?»
Ара́пинъ му се чудомъ учудило:
Дека д' иде, дека го воды?
Нима д' иде, нима да го воды.
Земало е Секула-детенце,
Везело е на Арапинъ гла́ва
И ошло́ при царъ султанъ Муратъ,
И му тихо гово́раше:
«Фала тебѣ, царъ султанъ Мурате!
Мошь честыти да быдышь!
Ты ми прашташь церны Арапины,
Та да лова насъ по земни́-те,
И да хода и назе да лова,
А ние сме и па оште живи —
Братъ по брата и нече да умре;
Я семъ отелъ шестина юнаци,

Я семъ седми кодъ тебе семъ дошелъ,
Да ми кажешь, далъ ги ты-зе пратышь?
А царь-си му по ти оговори:
«Фала́ тебѣ, Секуло́-детенце!
Я те знавамъ за мое-те чедо
И за тебе нигде душа немамъ;
Ты-си дошелъ, да ми-мене жалишь;
Я не знаемъ церна Арапина,
Ни ме питай, каде́ си хо̀ды,
Ни го знаемъ, ни го попознавамъ,
Дали има негде Арапины;
Я да пойдемъ, я че ги уте́памъ».
Той му дете по-ти оговори:
«Фала, цару, мошь честитъ да быдешь,
Я погледни на мо́я-та коня
И погледни у мои́ бисаджи,
Што ти носимъ глава, да си видишь:
А дали глава за ферлянье?
И дали е, цару, непознавашь?
И дали чешь, цару, да си думашь?
У тебе е дума изпуштена,
Ты чешь, цару, одговоренъ да си́;
Я семъ сраменъ, и срамо загу́бихъ,
Я чемъ сега право да си кажемъ:
Че те губимъ, ако да си са́камъ».
А царь му-се тио говораше:
«Э Секуле, Секуле-детенце!
Мои-те са дарби найголѣми:
Колко сакашь, толко че те даримъ».
А Секула ти оговораше:
«Богъ те било, цару, е честиты!
Ни те знаемъ, на те попознаемъ,
Ни че иштемъ, тебе да погубимъ;
Я избавихъ шестина юнаци,

Избави́хъ ги и ги познавамъ,
Ни ги сакамъ, мене да се кажатъ,
А то нели, царо, да те гу́бимъ».
А царь му е ти оговóраше:
«Э, Секуле, Секуле—детенце!
Ты ме знаешь, язе колко можемъ;
Ты да сакашь, ты чс ме погу́бишь;
Молимъ ти сс, не дѣй да ме погуби».
—«Дарба имашь живóтъ и здравье».

№ 165.

Трен. окр., с. Ба́бица; 28 ноября 1879 г. записана со словъ 10-тилѣтней дѣвушки Христины Стоянчевой.

(тоже).

Марко гради деветъ задужбине —
Ни питуе цара, ни визира.
Па се дочу до честита цара.
Пушти царо до деветъ тала́ле;
Талали виче по Будима града:
«Кой се може юнакъ наванати,
Да си ване Марка Кралевича,
При мене живъ да докара,
Че му даде́мъ Босна-Сарай,
Че му даде́мъ двѣ азнаина».
Богъ да біе церну Арапину!
Наванусе церна́ Арапина
Навануссе—да́ га Богъ убіе!
«Давай цару-што че ми дадешь?
Да я нечу Босну-Сараю,
Што не ража ни дьрва ни камикъ».
Далъ му царькъ три азне иманя.
Богъ да біе церну́ Арапи́ну!

Ка' отиде на нови пазаръ,
Та си купи руо калудерско,
И си купи капу калудерску,
И си земе кни́ге староврем̑ске,
Па си пойде презъ по́ле широ́ко.
О́далекъ га Марко согледа́ло:
«Назадъ, назадъ, церна́ Арапина!»
Арапинъ си Марку гово́раше:
«Тако д' Бога, Марко Кралевиче!
Да я несамъ церна́ Арапина,
Нели самъ церна́ калудера;
Я ме води деветъ задужбине,
Да осветимъ деветъ заду́жбине».
Не сѣ́тисе Марко Кралевичъ —
Излыжи га церна Арапина;
Уведе га у деветъ задужбине.
Проговóри церна́ Арапи́на:
Тако д' Бога, Марко Кралевичъ!
Я наведи ми твою ру́су гла́ву,
Да осветимъ твою ру́су главу,
Па тагая че церкве да осветимъ».
Навело е Марко Кралевичъ,
Навело е ту́ю русу главу;
Богъ да біе церну Арапи́ну!
Вади ключе одъ сенджире,
Та у́кова Марка Кралевича:
На ноге му три ситна синджія,
На руке му деветъ букадія,
На гушу деветъ куладія —
У́кова Марка, Кралевича,
Уковало га и покарало.
Писнуло е Марко Кралевичъ,
Писнуло е, колико се може.

Дочу си Янко одъ Косова;
Янко дума на стару майтю:
«Леле мале, леле стара мале!
Писъкъ иде презъ поле широко,
На гласъ му е побратимъ Марко.
Янко си е коня́ посправило,
Постéгнуло до деветъ колана,
Узело тешка топузина,
Узело лька бугдозана,
Та пристигна церну́ Арапи́ну:
Пуштай, пуштай Марко Кралевичъ,
Че те удри(мъ) меджи церны́ очи,
Че накарамъ три пéды у́ земь!»
Проговори церна́ Арапина:
«Вырляй, вырляй, жалба да не ти е!
Таманъ толко и за тебе алка има».
Таманъ това́ думу издума́лъ,
И нега у алку турило.
Писнали се двамина юнака
Писнали се, колико се може.
Дочу́ ги айдукъ Дебéлъ-Нова́къ;
Айдукъ ду́ма на стару-ту майтю:
«Леле мале, леле стара мале!
Много писакъ преко поле широко —
Едно си е Марко юнакъ,
А дру́го-то Янко одъ Косо́ва».
И оно́ е коня́ посправи́ло:
Постегну до деветъ ко́лана,
И узело тежка топузи́на,
И узело лька бугдозана,
Та присти́гну церну Арапину.
Прогово́ри айдукъ Дебелъ-Нова́къ:
«Тако д' Бога, церна́ Арапина!
Пущай, пущай двами́на юнака,

Че те удри́мъ меджи церны́ о̀чи,
Че накарамъ три педы у земи».
Одгова́ра церна́ Арапина:
«Въряй, въряй, жалба да не ти е»!
Таманъ, това думу издумало,
И нéга у алку ту́рилъ.
Писнали су троица юнака,
Писнали су, колико се може.
Дочу ги Груя вреденъ ю̀накъ.
Груя дума на стару-ту майтю:
«Леле мале, леле старо мале!
Много писакъ презъ поле широко —
Едно си е Марко вреденъ юнакъ,
Едно си е Янко одъ Косова,
Я третье-то айдукъ Дебелъ-Нова́къ».
И оно̀ е коня́ посправи́ло,
Постегнуло до деветъ колана,
И узело тежка топузина,
И узело лька бугдозана;
Пристигну церну́ Арапину:
«Пущай, пущай троица юнака!
Че те удримъ меджи церны очи,
Че накарамъ три педу у земи».
—«Въряй, въряй, жалба да не би ти,
Да не би ти жалба останала:
Таманъ толко и за тебе алка́ има».
Таманъ това́ дума издумало,
Удри нега Груя вреденъ юнакъ,
Та накара три педы у земи,
Та опущи троица юнака.

№ 166.

Вранскій округъ, с. Мачкатица; 3 марта 1880 г. записана со словъ Ильи Николина.

(тоже).

Марко прави триестъ манастира
У Приморьѣ мѣсту питоміѣ;
У ни пóпне деведесé звоне,
И набави триесъ калýдера
И тридесетъ дяка самоука.
Па кадъ буде у петекъ—у ютро,
Онъ обори деведесéтъ звоне,
И пѣвали тридесетъ калýдера
И тридесетъ дяка самоука;
Туй не смѣю ити турци у джаміе;
Тежка тужба на цара отиде:
«Чуешь, царе, самъ честиты царе!
Марко прави триестъ манастира,
У ни попне деведесé звоне,
И набави триесъ калýдере
И тридесетъ дяка самоука,
Па, кадъ бива у петекъ—у ютре,
Кадъ пойдо у джаміе
Онъ обори деведесé дзвóне,
И пѣвау триесъ калýдера
И тридéсетъ дяка самоука;
Туй не смѣю у джаміе ити».
Онъ му прати неколико войско,
Па му рушу триестъ манастыра,
И погубу триестъ калудера
И тридесетъ дяка самоука.
Той, ми, дóчу Марко Кралéвиче;

Па узъяне Шарца добра коня,
Право иде у Приморье добро;
Та, ми, виде негбве-те штете;
Право иде у бѣла Стамбола,
И уиде цару у дворове:
Побѣ шаторъ цару у дворове,
Побѣ коне у ледину;
Па приверже Шарца добра коня,
Па изиде цару честитому —
Бѣле руке до лакти зауезви,
Церны берке на раме набаци:
«Кажи, цару, кудѣ е мое благо?»
Туй се стаде царе измацине,
Али Марко ближе примацине;
Дойде царо до дувара —
Па, ми, беркну у свильни джепове,
Та извади стотина дуката:
«Иды, Марко, у нове меане!
Докле піешь стотина дуката,
Тю ти правимъ триестъ манастира
И у нима деведесѐ дзвоне,
Набавити триесъ калудера
И тридесетъ дяка самоука;
Све тю твое благо такó да наравнамъ,
Какó што е било;
Салъ немой, Марко, цара да погубишь».
Све му царо, есте, направио,
И Марко го не е погубио.

№ 167.

Село Лешко, Джумалійск. окр.; 17 дек. 1879 г. записана въ селѣ Скрино со словъ старушки Авдотьи (Авдоча) Николицы.

(По порученію Гины Латинина, Марка захватываютъ въ плѣнъ).

Канилъ Марко госте Светогорци,
Канилъ съ Никулъ денъ.
Отъ се има Марко, да е гости,
Оште нема рыба моруна.
Креналъ Марко на риба да иде,
На срѣшта му Гина Лятинина
И со-съ нея тройца Лятине;
Оддалекъ му вѣра процураа,
Одблизу му майка споменяла;
Извади се леки боздогана,
Та погуби троица Лятине;
Одбѣгала Гина Лятинина,
Одбѣгала, та отишла цару на индату,
Та пратила за Марко Кралевите,
Да го найдатъ, да го фанатъ,
Те погуби́ мои-те дружи́на;
Па пратиха на Маркови двори,
Та фанаха Марко Кралевите:
Ойдоа цару на индата;
Не го губи царо Марко Кралевите,
Но го тури младо азнатарьче:

№ 168.

Трен. окр., с. Бабица; 22 ноября 1879 г. записана со словъ Божиля Янкова.

(Марко Кралевичъ убиваетъ Мусу кеседжію).

Яши Марко коня шареногa,
Та си шета по люте кра́ине,
Та си тражи Мусу кеседжію́.
Шеталъ си е три́ дни и три ночи,
Та па-й се га дре́мка оборила;
Якъ конь нега изъ-подъ себе везе;
Та говори Шареногa конь:
«Дигъ се, Марко, дигъ се —

Да би се не дигалъ!
Каквá ала у срѣчу не иде;
И Марко си е тагай обудило,
Тагай си е на коня говорило,
И па-й се Марко устрашило:
«Леле коню, леле шаренога!
Напредъ да идемо, млади че ги́немо,
Над-задъ че вратемо, люде че ны смѣю;
Айде, напредъ да и́демо —
Каквó Богъ помáга».
И усрѣче Муса кеседжія.
Марко си е говóраше:
«Добра срѣча, Мусо кеседжіё».
— «Далъ Богъ добро, непознанъ деліё!
Какво шеташь узъ тесне клисуре?
Дали знаешь, Марко де-ка си е?»
— «И ты ли си Марка непознавашь?
Съ Марка думашь, Марка не познавашь!
Я самъ пошéлъ, тебе да се оби́деме;
Де, вьрляме льке буздоане.
Вьрлилъ Марко лька буздоана,
Маркова-та се строшила;
Вьрляли си тежки топузи,
Маркови са строшиль;
Па си се вануше у юнáчке руке:
Борили се три дни и три ночи,
Марко си е оздолье пáдло,
Марко си ока и па-й вика:
«Леле виле, леле самовиле,
Леле мое посестриме!
Дéка сте, тука да сте,
Да видите Марка!»
Долетели виле-самовиле;
И онé му шепнуле на десно-то ушé:

«Да куде су те потайни ножеве?
Та убоди Мусу кеседжію».
И оно́ изва́ди потайне ножеве,
Та убоде Мусу кеседжію;
Та си умре Муса кеседжія;
Па не може Марко да се изверне:
Те, си иду́ млади кириджіе;
О́каю виле-самовиле:
Э, вие, млади кириджіе!
Та се́чете си́рове кюскіе,
Да се дигне Марко Кралéвиче».
Насѣкли су сирове кюскіе,
Отверлили Мусу кеседжію,
Та се диже Марко Кралéвиче.
Та распрало Марко Мусу кеседжію,
И си найде двѣ се́рца у Мусу:
Едно се борило и преборило,
А друго́-то, таманъ, се разгрѣвало.

№ 169.

Соф. поле, с. Чепинци; 2 февр. 1880 г. записана со словъ Атанаса Микинецъ.

(ПЕРЕСКАЗЪ).

(Марко въ адріанопольской темницѣ; его бой съ чернымъ арапиномъ).

Ферлили Марко Кралевича у Ядрена града голѣма;
У апасъ деветъ годинъ сѣдéлъ.
Царь знаялъ, че е Марко поги́налъ.
Излезла церна А́рапина,
Па си посилила—на царь хазни за пира.
Па се чуди царь, што да чини,

Што да чини со-съ а̊рмазанина;
Пушти телалъ по Цариграда:
«Кой се найме а̊рмосанина да погуби,
Царь му царство дава».
Наялъ се турчинъ Мехмедъ барьяхтарь:
Сабралъ петъ стотинъ души млады юнаци,
Та отиде а̊рмаса да погуби.
Онъ бѣше у Ямбола града:
На голѣма диванá высóко сѣдеше;
Ка' виде, да идатъ юнаци да губатъ него —
Онъ бѣше на танки бѣли донове[1]) —
Ка' ги виде, а имъ оддалекъ дума:
«Не пр́идете петъ стотинъ юнаци,
Жалъ ми е, млады ше гинете».
Юнаци това нештеха да слушатъ,
Право кодъ него ойдóа;
Онъ стана на нодзе,
Одкачи сабля френгія,
Па слезна доле на земня:
Та се заверте налѣво, надесно,
Та си погуби петъ стотинъ юнаци;
Туку остана Мехмедъ барьяхтарь,
Него си живъ улóви,
Та го на конъ качи —
Нодзе му заклопи подъ конъ,
Рацѣ му назадъ везá,
Па го на царь запрати,
Да види царь Мехмедъ-юнакъ.
Когá кодъ царо отидé,
Царь Мехмеду дума:
«Фалимъ тебе, Мехмедъ барьяхтарь!

---

[1]) Подштаники.

Камо ти петъ стотинъ млады юнаци?»
А Мехмедъ дума на царь:
«Нели я ти дойдохъ? за юнаци не питай».
Тога се сети царь за Марко Кралевичъ:
Да бѣше Марко оште живъ,
Онъ ште Арапинъ погу́би.
Излезна една баба, та каза,
Че е живъ Марко Кралевичъ,
Ама у Едренѣ апасъ деветъ годинъ.
Царь пушти улакъ[1]), да го доведатъ.
Когá отидоха кодъ него —
Онъ душа има, сила нема;
Аберджіи кажатъ на Марко:
Я хайде, Марко, да станешь!
Че те царь óка».
А Марко нимъ дума:
«Я душа имамъ, сила немамъ,
Сила немамъ да ида»;
И улакъ се вернá кодъ царь и дума:
«Марко душа има, сила нéма
Кодъ тебе да дóйде»;
А царь на улакъ дума:
«Скоро па конъ да го донесете!»
И они се скоро вернаха,
Та го на конъ донесоха.
Царь дума на Марко:
«Знаешь ли, Марко Кралевичъ,
Зашто те на конъ донесóа?
Знаешь, Марко, я те носимъ
Бой да біешь».
Марко на царь дума:
«Цару честиты!

[1]) Вѣстникъ.

Мертва душа ̓бой біе ли?»
Царь на Марко думаше:
«Какво́ да чиниме сега́?»
— «Да ми дадешь мухлетъ еди́нъ мѣсецъ,
И да ме́ хранишь овчё месо,
Ялово отъ три годинъ,
И да ме пои́шь вино троегодско».
И царь го храни́ мѣсецъ време
Овчё месо ялово.
Царь дума на Марко тогай:
«Какво́ да чи́ниме сега, Марко?»
Онъ каже: «я мо́га, ама конъ не мамъ».
Царь каже: я коне́ имамъ;
Влезни у яхаръ, та и́збери».
Марко у яхаръ влезна́, конъ да избере,
За Марко конъ немало;
И́злезна, та на царь ду́ма:
«Цару честиты!
Да пуштишь телалъ по Цариграда,
Че ште Марко да свирне;
Никой да се не уплаши;
Ако ми е конё живъ,
Онъ ште дойде».
И Марко излезна́, та свирна́;
Конё му бѣше у Едрене воданоси,
Ка'-то го конё чу,
Онъ се низъ раце́ отамна́,
Та кодъ Марко отидé;
И онъ бѣше герчавъ [1]) конь.
Марко дума на царо:
«Цару, да ми дадешь двaесе дена,
И конё да ми хранишь ечмикъ троёгодски,

---

[1]) Тощій, исхудалый.

И да го пóишь цеўнó вино».
И царь го храни дваесе дéна
И пой го вино троёгодско.
Тога е Марко на коня качи́,
Та отидé на Ямболъ града,
А Арапинъ а́рмасанъ тамъ не маше;
Него казаха на друга касабá.
Марко пойдé, кодъ него д'иде,
Та го срѣшна на стрѣдъ патъ:
Арапинъ му оддалекъ óка:
«Не иды на срѣшта, курвино копеле!
Че ше младо да загинешь»!
А Марко му думаше:
«Несамъ курвино копеле,
На самъ Марко Кралевичинъ!
Стой на бѣлекъ, курвино копеле!
Я да ѳерлямъ, я да ѳерляшь».
Наѳерли Арапинъ Марко да убіе,
Марко зададе зенгія,
Топузъ у зенгія удари;
Когá ѳерля Марко со-съ топузина,
Марко Арапинъ у рака го улóви;
Тога придоха еди́нъ до единъ,
Па слезнаха съ коне, да се збориха;
Та се три дни бориа;
Па тратна Арапинъ Марко;
Сѣдна Арапинъ на Марко,
Да обчини малко,
Па послѣ да го сѣче;
А Марко се имаше силе
Сила со-съ самовила:
Тогае Марко пословечки засвири:
«Вило-самовило!

Де-ка да си, кодъ мене да си»;
Она бѣше у церно море
У церно море на стрѣдъ, на Ада.
Ка'-то го чу вила-самовила,
Она со-съ силенъ облакъ кодъ нихъ отиде;
Та па на Марко дума:
«Я тебе, Марко, думала,
У света недѣля бой да небіешь;
И сега тю да те куртулиша;
Ты кажи Арапину, облакъ да погледне,
Па извади ножь, та го ра́спори
Одъ гочкуръ до бѣло гърло.
Учинилъ тако Марко Кралевичъ,
И распра́ Арапинъ одъ гочкуръ до бѣло гърло;
Та падна мърша на Марко,
Та три дни не може́ одъ него да излезне;
Па минахa лудье ябанджіи,
Та Марко одъ мерша извадихa.

№ 170.

Село Бабица, Тренскаго окр.; 18 ноября 1878 г. записано со словъ Дёши Тодорова.

(Марко Кралевичъ убиваетъ дѣвушку Арватку).

Юнаци у ловъ пойдоше,
Та отоше у гора зелена;
Настануше презъ поле широко.
У полѣ се нешто побелѣло;
Бутна коня Реля Крылатица;
Ка' оти́де, тамо види:

Што се белѣело,
Оно било перо пауново;
Онъ тада узелъ е перо да забоде,
Алъ едва пéро до колѣна диже.
Ете иде Дена-дзвездалія:
И онъ узé пéро да забодé,
И едва пéро до пóяса диже.
Те стиже Дина-Арнауче:
И онъ узе перо да забоде,
Едва перо до рамена диже.
Кога стиже Марко Кралевичъ,
Онъ е перо за калпакъ забоде. —
Па подоше презъ поле широко.
Пресрѣте га Арватка девойтя,
Та си сверте тіе тріести дружина:
«Зашто мене перо забодоше,
Нели ми се перо оставило?»
Одкара ги у града Маджара,
Затвори ги у кале маджарске.
Затворила се триесъ юнака,
Лежали су три недѣли дана:
Ни имъ дала воду да пію,
Ни имъ дала лѣба да рýчаю.
Па послѣ е продумала.
«Лежте, лежте, триестъ юнáци,
Одъ-заране пресвета недѣля,
Я че са-съ васъ Великъ-день да правимъ.
Уплашисе Марко Кралевичъ:
Та си прейдé презъ кале маджарско;
Онъ пройде и коня си преведé;
Испишташе триестъ дружина:
«Леле Марко, леле Кралевичъ!
Ега Марко и насъ си пренесешь,
Да пренесешь презъ кале маджарско».

Превелъ си е триестъ дружина —
Ни преведе и конѝ преведе́.
Па тагай се на кони качили,
И доръ да се зазоре,
Три конака мѣсто утекли,
Осевнуше на шарены мосты;
И тогай Марко продумалъ:
«Чуйте мене, триестъ юнаци!
Че ме стигне Арватка девойтя,
Че ме стигне, [да ю Богъ убіе!]
Айде вие да бѣгате,
Я че станѐмъ божя прослятина,
Конь ме криви, и я семъ невидимъ,
Та че седи́мъ на шарены мосты:
Кой че мине, за́ Бога че сакамъ».
И отоше си триестъ юнаци;
А остане Марко Кралевичъ,
Остане божя прослятина,
Та си пусти коня кривога:
Конь му криви, а Марко не види.
Ете иде Арватка девойтя,
Па на Марко по ти оговори:
«Добро́ у́тро, божё прослятино!»
А Марко тага одговорилъ:
«Богъ помага, непознанъ делиё!»
Продумала Арватка девойтя:
«Чуешь мене, божё прослятино!
Далъ минаше триестъ юнаци?»
Продумала божа́ прослятина:
«Еве стана три недѣли дена,
Како́ сѣди́мъ на шарены мо́сты,
Ни́ко нема тука да си мине;
Конь ми кривы, а яси невидимъ;
Коня́ пушти(хъ) по желена лужья,

Па немогу коня да се найдемъ,
Да си идемъ, лѣба да се тра́жимъ».
Тагай слеже Арватка девойтя,
Тай му найде́ тогъ кривого [1]) коня;
Укачила божя прослятину.
Па си пойде Арватка девойтя,
И продумала на боже прослятину:
«Карай коня́ кри́вога,
Да те водимъ у града Маджара,
Да ти дадемъ лѣба да си ручашь».
Напредъ кара Арватка девойтя,
А по нёй божя прослятина:
Извадила божя прослятина
Извадила саблю изъ-подъ мишку,
Та пресѣче Арватку девойтю;
Онъ пресѣче, она не усѣче,
Саде си ёй душе продумала:
«Што мене, што серце прогри́зуе».
А Марко тагай-си продумало:
«Разъиграй си коня Пеливана,
Та да си дзенгіё цели́вашь,
Тебе че си серце уздраве́е».
Разъиграла коня Пеливана,
Навела се да цели́ва дзенгію
И тагай се мома раздвоило:
Половина на земи паднала,
Половина на коня́ остала.
Погубилъ така Марко юнакъ
Славну Арватку девойтю.

---

[1]) Sic.

№ 171.

Трен. окр., с. Баба; 7 февр. 1880 г. записана въ селѣ Василевци со словъ Гиги Тричкова Вирьянова.

(Въ поминъ ей Марко строитъ церкви).

Марко шета по го́ра зелена,
Та си гради тежке задушбине,
Церной гори бѣли манастири,
У полѣ церква Раваница,
И надъ воде широке тюпріе,
По друмове чешме шалдерваны[1]).
Питуе га своя стара майтя:
«Кому, синко, тежке задужбине?
Даль ги градишь тебѣ на юнашство,
Ель ги градишь майци и пай башты?»
— Ни ги градимъ мене на юнатство,
Но ги градимъ Арватки девойке:
Затворенъ самъ граду Арватину,
Та самъ лежалъ за деветъ година;
Верло ми си, майко, додеяло,
Лежаючи у тевна зендена;
Тамо сѣды́ Арватка девойка
И говори:
«Узетешь ме, Марко Кралевичу?
Я украднемъ ключе одъ тевнице,
Да бѣгамо у го́ра зелена.
Пай се чуди Марко Кралевичъ,
Што да чини Арватки девойки, —
Па я казалъ: «узечю те, Арватко девойко!»
Па окрадла ключи одъ тевницы;
Та побѣгли у гора зелена.

---

[1]) Пестрый.

Поболѣсе Арватка девойтя,
Та лежа́ла три дни и три ночи,
Па умрела Арватка девойка.
Нѣй си градимъ тежке задушбины:
Церной гори бѣли манастире;
И у полѣ церкве Раванице,
И по длъге воде широке тюпріе,
И по дру́мове чешме шалдерване.

№ 172.

Трен. окр., с. Бабица; 24 ноября 1879 г. записана со словъ Пеши (Петра) Тодорова.

(Марко Кралевичъ убиваетъ Крипу самовилу).

Оде Марко це́ркве Равани́це,
Да си зима чесна почеснина.
Кага́ ойде́ церкве Раванице,
Церква си е затво́рена,
Калуджера пословочке зборую у церква:
«Проклетъ да си Марко Кралевичъ,
Кой-то направилъ церкве-те,
Па назадъ не поверну́лъ,
Кой направилъ той голѣми мосты —
И на мосты сѣды Крипа самовила
Сѣды и баждарла̀къ зи́ма».
Тагай си Марко повернуло,
Та отиде́ на голѣ́мы мо́сты.
Сегледа га Крипа самовила:
«Бога тебе, незнано делі́ё!
Да оштъ отъ тебе баждарлакъ да зимамъ —
Да ли отъ тебе десно око,
Яль одъ коня нога десница».

А Марко мълчи, за пусаке держи;
Па подритне коня́ Шаренога.
— «Бога тебе, Марко Кралевиче!
Та ты ли си, курвино копило?»
Па-й Марко мълчи, за пусаци держи.
— «Бога тебе, Марко Кралевиче!
Я чу тебе три бильтя аризамъ:
Една бильтя—кудъ погледнашь,
Тамо да си видишь,
Друга бильтя—кудъ помислишь,
Тамо да си стигнешь,
Третья бильтя, да те роды
Да те роды мужко дете».
А Марко си по тія оговори:
«Кудъ помислимъ, тамо си стизамъ,
Кудъ погледнемъ, тамо се видимъ;
Ако има одъ Бога даръ,
Че се роды мужко дете.
Да те питамъ-кой ти рече,
Да узимашь баждарлакъ на голѣмы мосты?»
Тамо ю стиже, тамо ю сѣче;
Па си тури главу у зобнице.
Па отидé церкве Раванице,
Та подритна и óтвори церкву-ту.
Тагай улезе у церкве богомолство;
Та си узима чесна почеснина;
И каза си на негóви калуджери:
«Зашто затварате церкву Раваницу?
Како самъ ю направи́лъ,
Не самъ дóшелъ да узимамъ
Да узимамъ чесна́ почеснина;
Кадъ дойдо сега, да си зимамъ
Да си зимамъ чесна почеснина,
Вие сте церкву затвориле?»

Оттагай калуджере Марку говориле:
«Да ты ли си Марко Кралевичъ?»
— «Я самъ Марко Кралевичъ!»
Тагай сега́ Марка причести́ли.
И Марко по тія оговори:
«Бога тебе, церни калуджере!
Имате ли зоба, коня да назо́бите?»
И оны́ идоше—ко́ня назобише:
Та узеше торбу́—зобницу,
Найдоше главу у зобни́цу.
Тагай су се калу́джере освободиле,
Деветъ дена на зіяветъ держали
Держали Марка Кралевича.

№ 173.

Село Ястребецъ (бывшее въ Вран. округѣ) въ Арнаутлукѣ; 5 марта 1880 г. записана со словъ Мили́сава Стеванова Румене въ с. Герделипѣ.

(Чудесное сѣмя двухъ золотыхъ яблокъ, данныхъ юнаку Марку дѣвицею).

Давала мома Марку:
«На ти, Марко, двѣ златне ябуке!
Да ги ѣде́шь у Едрене града,
Сѣмте сушипь на ясно слунце, —
И да̀ ги поса́дышь цару до чадера;
Па те никне и да расне,
Па те расне и берго[1]) порасне;
И царь че се чуди, како́ берго ра́спе;
Порасне и цвѣтье отье да цевти —
Много тье цевти, а мало тье о́держи,
И царь тье се да чуди —
Да одержи двѣ ябуке

[1]) Вм. берзо—борзо, скоро.

Одъ-благе преблáге я́буке;
Царь тье ѣдé мéзе со-съ ракìю,
Па тье чудомъ че се чу́ди,
Што су толко блáге:
Какво благо царь не ѣлъ,
Той найблаго изишло».
Учинило тако Марко юнакъ.
Па си лежи царь да спава:
Мало спая, много сенувая —
Великъ се сенекъ санувалъ,
И сенъ му лѣпо приказалъ:
Да има Марко мóму запрóсену;
Па кадъ пошелъ Марко у войску
У войску цару на пóмоть,
Та му мома те ябуке дала,
И онъ е сѣмте посадилъ.

Сказитель не могъ все въ порядкѣ передàть, и въ концѣ сказалъ: «Щто растеше ябуко, мома радуваше се; а што цѐвтеше, она надаше, да е близу свадба. Амо Марко забавише. У сенекъ царь видѣлъ и дозналъ, да е то чудо голѣмо, и рекалъ: кой има мому запросену, недонесену, да иде домъ, да прави свадбу. И отишелъ Марко да прави свадбу.

№ 174.

Лесков. окр. (въ Сербіи), село Рѣпниште, входящее въ область такъ называемаго Дервена; 5 марта 1880 г. записана со словъ Веселина Маркова.

(ПЕРЕСКАЗЪ) [1]).

(Татаре, посланные матерью Марка юнака, освобождаютъ его отъ янычаръ-туронъ).

Дигасе Марко Кралевичъ Турчина да разбіе; дигаюсе Турци-яны́чары, семдесé Турци-янычары. Рекне онъ: Те, да улазимъ

[1]) Сказитель не могъ передать мнѣ въ стихахъ и со всѣми подробностями.

у васъ. Кадъ улегоа у Турци—яньичары, они го упоили, па верзали и се усмѣнуясе: «Э, Марко юначе! Што те е дóбро нашло!» — «Што е нашло? «Какóвъ юнакъ, како лесно пройдехъ!» — «Э Турке! дали може човѣкъ да се откупе со-съ благо?» — Може: до-двѣ куле блага да дадешь». — Попуштите десну руку, да напишемъ едно ситно писмо, да пратимъ на свою стару майтю. Попуштили десну руку. Марко пише ситно писмо, и праты сокола на побрáтима Милютина и Илію: «Марко Кралевичъ; ютре че га бѣсу; до три кула благо майка да праты, Марка да откупи».

Эво, зеленъ пламенъ изъ кони излази! Што е войска иде, силна войска иде; то е иде майка Маркова: Татары пратила, да откупи мене; благо иде по ни́.—«Добро ютро, Турци—яньичары! Марко ли сте лѣпо верзали?» — «Лѣпо!» — «Айде, атове да играмо— лѣво на десно сабля да завертеме». Извадили Татаре сабле, погу́били Турци-яньичары и извадили Марка Кралевича. — Э, добры юнаци—побратими! мене извадили изъ вѣчне муке!

№ 175.

Кюст.-Бан. окр., с. Жилинци; 5 дек. 1879 г. записана со словъ дѣвицы Домницы Карадановой.

(Сонъ королевы Милицы).

Заспала е кра́лица Милица,
Заспала у света недѣля,
А заспала, е сонъ видѣла,
А стануе, а си сонъ казуе:
«Тако м' Бога, честиты царе!
Каковъ семъ си сонъ сенувало —
Товей сенокъ у добрé да биде:
«Ясно ми се небо раздвоило,
Ясны дзвѣзды по земи паднáли,

Влахци[1]) далекъ пребѣгали,
Деница-та керво огрѣяла,
Я мѣсяцо на наши дворове»;
Проговори́ честитого царо:
«Тако м' Бога, Милице кралице!
Што—то се е небо раздвоило —
Нашо се е царство довершило,
Што—то влахци-те далекъ пребѣгали,
То влахци—наши мили дѣца,
Што деница си е керво грѣяше —
Ты-зи си млада удови́ца,
Што мѣсяцъ на наши дво́рове —
Това́ си е моя́ руса глава».
Дури дума, дума да изду́ма,
Долетѣли тія клети Турци —
Погубили честитога цара.
Останала Милица
Млада удовица.

№ 176.

Село Верба, Радом. окр.; 29 ноября 1879 г. записана со словъ крестьянина Мины Стоянова.

(Султанъ Муратъ вызываетъ на бой сербскаго князя Лазаря; полное пораженіе Сербовъ).

Што-то бѣше сербски кнезъ Лазаре,
Ималъ си до четри штерки;
Оженилъ и на четири краини;
И си те изба поканилъ,
И поканилъ до четыра зета.

---

1) Названіе звѣздъ.

Што покани́, уси те му дойдо!
Постари айдукъ Бранковичъ,
А по́млади Милошъ Кобиличъ,
А третіе Милана Топлика,
А четверты Лютица Богданъ одъ стара Русія;
Си те су собаръ присобрали.
А што бѣше султана Мурата,
Оно́ е кавга́ заправило:
Исписало тая бѣла книга,
Та я прашта на стара Сербія,
«Да му готви воиске наголѣмо,
Да ги готви за три дни;
Ако ти но войски не приготви,
Да одаде ключе одъ Призрена
И даде арачь одъ—седемъ годинъ».
Книге чети кнезъ Лазаре,
Книге четисо сълзи премива:
Капки капа—соври прогоруя.
Какъ го види негово-то любе,
Проговори тія лѣпи думи:
«Чуешь мене, добри кнезъ Лазаре!
Сака денъ книже прегліждашь
И се е подъ мустакъ сміяшь,
А сега́ книге прегліждашь
И со сълзи е премивашь».
А оно ю одговора:
«Мълчи, мълчи, первнолюбице!
Богъ да біе султана Мурата!
Заправиль кавга наголѣмо,
Да собирамъ войски за три дни;
Ако не соберемъ войски за три дни,
Да си дадемъ ключе одъ Призрена
И да дадемъ арачь одъ седемъ годинъ».
Я она́ му тія лѣпо дума:

«Небойсе кнеза Ла́заре!
Я исписи до четири книги,
Та ги прати на четири краины,
Та ги прати на четира зета,
Да соберать до четыресъ илядъ войска,
Да си ида на равно Косово».
И оно пратиль е до четири книги,
Пратиль е на четири кра́ины.
Собрали му до четиресъ илядъ войски,
И ойдо' на равно Косово,
И тамо се битка заправиль.
Што-то бѣше кнеза Лаза,
Прогово́ри кнеза Лаза:
«Чуете ли до четира зета!
Кой-то може да битка заправи?»
Што-то бѣше айдукъ Бранковичъ,
Проговори айдукъ Бранковичъ:
«Я ми дадешь шесъ иляды оклóпника,
Я чемъ тебя земя да воздержимъ».
И нему онъ да́де шесъ иляды оклопника,
А проклети Бранковичъ!
Оно се со-съ Турчинъ сослиза́ло,
Да издаде стара Сербія.
А што бѣше Милошъ Кобиличъ,
Оно му дума продумало:
«Леле дедо, леле мили дедо!
А ты-си, бре, земя издалó:
А това е зетъ одъ герчкіятъ царь;
Оти нему даешь шесъ иляды оклопника?»
Я чемъ, дедо, земя да воздержимъ!»
Облече Милошъ своя оклопница,
И се качи коню на рамено,
И въеднагъ пристигна на туречка войска;
И просѣче турецка война;

Кадъ просѣче турецка война,
Срѣтна него кървь до колѣна;
А кадъ се оно наванъ повернáло,
Срѣтна го кървь у зенгіи;
И на деда по ти продумало:
«Леле дедо, кнезъ Лазаре!
Я самъ турецка война просѣкло!»
А Лазаръ му пó ти огóвори:
«Много ли е турéчка война?»
А оно нему одговорилъ:
«Ни ного, ни малко, кнезъ Лазаре,
Сви су то кокошкари—оризари;
Я чемъ свичко-то погубимъ».
И се качи коню на рамена;
Свичка войска погубило,
Салъ останали шесъ иляды
Шесъ иляды оклопници,
Останали со-съ айдукъ Бранковичъ;
И отишло ние да погуби,
А не могло да погуби све,
Само думу продумало:
«Чуете ли шесъ иляды оклопника!
Кой-то у васъ бѣлъ Мехметъ
Бѣлъ Мехметъ со-съ бѣлъ мустакъ?
Да излезне битка да правиме».
А оно е вечъ сънъкъ видѣло:
Дека чея Турци земя да притиснутъ,
И оно че се само битка прави,
Битка прави со-съ бѣлъ Мехмета,
Бѣлъ Мехмета со-съ бѣлъ мустакъ».
Одокнало бѣлъ Мехмета,
Бѣлъ Мехмета со-съ бѣлъ мустакъ;
Излезнало бѣлъ Мехмета,
Излезнало битка да прави.

И тогáй одказуе Милошъ Кобиличъ:
«Свершавасе наше-то царство,
И ви чете царство да держите!»
И соблека негова-та форма. —
И тогáй земали Турци наше царство,
Преземали всичка Българія,
Преземали и стара Сербія.
Одъ петъ стотинъ годинъ
Еве стана двѣ годинe време,
Одкадъ се е Българія избавила;
Избавиль е царь Алесандрія
Царь на стара Рỳсія.

№ 177.

Самоков. окр.; 9 дек. 1880 г. записана въ г. Дупницѣ со словъ слѣпца Николы Млечанова.

(Косовскій бой).

(Цѣльная эпопея).

Вино піе кнезо Лазаро
Вино піе одъ града Крушево,
На Крушево на негове дворе
Со-съ негове до четири слуги:
Перви бѣше Милошь Кобилите,
Други бѣше Косача Иванъ,
По него Топлица Милано,
По Милано бано Голубано.
Сѣднаа на златна терпеза
Ручёкъ да ручатъ, вино да піятъ.
На кнеза Лазара чаша подадóа;
На чаша книга-то достигна
Одъ Косово пôле одъ царь султанъ Муратъ:
«Вногу тебе здравлье, кнезу Лазаро,
Сербски господару!

Бери войстя да се біеме;
Отъ ни е ти рае́ сиромашна —
Иематъ пари́ лѣбъ на деца да купатъ,
А камо ли на два цара миріе да даватъ»!
Кнезо книга прегледало
Прегледало и на Милошь говорило:
«Богъ те убилъ, Милошь Кобиличу!
Ты си вѣренъ и безвѣренъ;
Ели си ты одъ кобила зацицало,
Одъ ристянски-те законе не разбирашь?
Ты чешь, Милошь, вѣра да изда́дешь
Да издадешь — на Турци да преда́дешь
Да предадешь — вѣра да потурчишь».
Охъ, Милоша вели-говори:
«Господаро, сербски кнезу Лазаро!
Ако баде тая измама одъ мене,
И мене сабля пресѣкла!»
Заклело се Милоша во-ѳъ посты
Во-ѳъ четири посты въ година:
Преви посты Богородичины,
Ѳторы посты Божичевы,
Трети посты Великевы
И четверты посты Петровы,
И туку му и света Неделя,
И туку му и день Великъ-день.
«Ако биде измама одъ мене-ка,
Клетва да ме стигна —
Турци да ме загубатъ».
«Слушай мене, слушай кнезу Лазару!
Не одъ мене тая работа;
Но одъ твое зето Вельчё Бранковичъ —
Той се предалъ се на царь Муратъ
Предалъ се и потурчи́лъ се
Со сто хи́льяды войскы:

Све ги облече у турски дреи,
Се падная Турци янычаре,
А Вельчё стана везире;
Облече го царь со златны дреи.
Ако помогне Царь Небесный,
Со-съ моя сила голѣма
Да ида по Косово-поле,
Да фатаютъ царь султанъ Муратъ —
Тако м' Бога, вѣра ристянска!
Сланина му въ уста туратъ;
И ако фате Вельчё Бранковичъ
Ако го фате тамо́,
Че му одсѣче́ двѣ-те рацѣ
Рацѣ-те до лакти́-те,
Двѣ нозѣ до колѣна,
Отте да издава ристянска вѣра?
Сега, ако семъ живъ,
Въ рацѣ да го фанамъ.
И да стане, да иде на Косово,
Да фати(мъ) царь султанъ Муратъ».
И отиде Милошь добаръ юнакъ.
И рече́ му побратимо Косачё Ивано:
«Леле, леле, побратиме Милошу!
Ка'-то идешь на Косово-поле,
А турски не знаешь,
Како́ зговоръ да зговори́шь?
На турци селямъ да дадешь?
Моле ти се, мой побратиме,
Сѣды ты-зе на пазаде;
Я те се облека у турске дрее,
Та че идемъ у Косово-поле,
Та че се направимъ младо янычерче;
Я знамъ турски ферсія —
На Турци селямъ че дадемъ

И селямъ че земемъ.
Айде, ты сѣды на назáде;
Дай ты ми коня сѣдленá,
Я те вервимъ по Косову полю
И те идемъ по турска-та ордія,
Те идемъ, да видимъ-что има?
Да видимъ — колко войска туречка?
Да ме чекате до шеснаесте дни;
Ако не мога, да се живъ дойде,
Та ме чекайте на осемнаесе дни;
Не мого ли да стигне на двае́сеты —
Ако не мого да стигна,
Поменъ да ми чините:
Да идете, да земете отъ фурне-те
Да земете лѣбъ, за душа да раздáвате».
И стана Косаче Иванъ,
Облече се у турске-те дреи,
Направи се прави янычаринъ,
Та отиде по Косово поле.
Та замина презъ Сазли — тюпрія,
Та флезнá низъ Косово поле;
Ка'-то флезна низъ туречка ордія,
Селямъ дае, селямъ зима,
И никой го непознава
Не познава, те е сербячь;
Всѣкій го вика: «те, х̑енычаринъ!»
Петнаесъ дена оды низъ Косово поле,
Неможе войске да прекоси;
На шеснаестые денъ отиде
Отиде при зеленъ чадéръ,
Отиде при царь султанъ Муратъ;
И тамъ сѣдеше Вельчё Бранковичъ—
На царо везиръ стана;
Со сто х̑ильяды войскя отиде,

Та потурчи се — вѣра погуби;
Сички му̀ се Турци поклониа,
Ка' замина край зеленъ чадѐръ;
Вельчё Бранковичъ Іована не позна́,
А Іованъ Вельчё позна́;
Ама нема какво кавга́ да поди́гне,
Те се сами найдѐ.
Стана Іованъ, замина пре силна ордія.
А кнезо Лазарь думаше на Милоша:
«О Ми́лоше, Ми́лоше моя слуга,
Ты си вѣренъ и безвѣренъ!
Ты издаде земня-та, Милоше,
Те я потурчишь, Милоше;
Ты си прати твой братъ Іована,
Ты го прати́, та загина́ на Косово;
Утре и мене те издадешь —
На Косово и я те погинемъ;
Я, ми, иды на фурни, Милоше,
Та, ми, купи два лѣба семида
За Іована за душа да разда́вамъ».
А Милошь Лазара не слушаше,
Яаше коню изъяхуваше,
По три паты по поли излазаше,
Да гледа на Косово — да гледа,
Дали те дойде Іовано?
На третія пать магла се замагли
Замагли се магла у Косово —
Магла́ идеше и роса́ зароси;
У Милошь се серце зарадува —
Отти Іованъ живъ дойде;
И Милошь съ пусула гледаше —
Дали е живъ иде Іованъ?
И го виде — живъ идеше,
Барьякъ въ рацѣ носеше;

Ка'-то виде го Милошь,
У срѣшта му отиде:
И се срѣтнаха на высока моги́ла —
Два братя се пригернаха,
Чинія здраво, живо!
Милошь викаше на Іована:
«Леле побратиме, какво помина?
По Косово-поле, низъ тіе пусты Турци
Какво́ замина, побратиме?
Дали има внóгу Турци побратиме?»
А Іованъ на Милошь думаше:
«Немой ми пита, побратиме!
Не се чуде, мой побратиме,
Какво Турци са насиле́ли,
Не се чуде цару́, какво рани,
Но земня какво́ е держи́:
Колко листя по гóра, побратиме,
До два ката войстя на земня».
Рече Милошь Кобилитѐ:
«Э, побратиме Іоване, Іоване!
Сакыни немой да кажешь —
Немой да кажешь на кнеза Лазара,
Отти е Лазарь много страшливъ,
Те се уплаши кнезо Лазаро,
Та земня-та на Турци-те я дадé;
А когá и́деме на кнезови-ти дворове,
На Лазарь немой да кажешь,
Немой да кажешь, те има вногу Турци
Внogу Турци по Косову;
Лазарь тебе те попраша,
А ты немой да му кажешь,
Те са внoгу Турци по Косову —
Отти Лазарь те се уплаши,
Те на Турци земня-та те предаде,

Те и вѣра-та потýрчи;
Ами, ако те пита Лазарь,
Ты да речешь побратиме:
«Небой, ми, се Лазаре кнезо!
Ни сме четворица побратима;
Войско ни е за денъ и до пладнине;
Направи ни четѝри дрéи сермини,
Да облечеме юнакъ, да заключиме
Отъ перчикъ конь до копиту, —
Да облечеме юнака и коня;
И когá идеме, ты да речешь,
Да ни даду ракія три паты́ преварена:
Ние юнаци да се напіеме
И коне-те со-съ вино-то
Со-съ вино преварено да напоѝме;
Отти, когá ѝдеме у войстя,
Да не глéдатъ коне-то,
Да не гледатъ, де-ка идатъ».
Дáде имъ царо четири дреи
Четири дреи сермени даде;
Заклопиа юнаци отъ перчикъ коню
Отъ перчикъ коню до копита,
Заключиа сабли за рацѣ,
И се напія ракія три паты преварена,
И коне-то вино напоиа,
И си лѣбецъ въ уста натуриа,
И бутнаа коне ранене:
Напредъ Милушь, по него Іованъ,
По Іованъ Миланъ, по Милано банъ
Бано — Голубано;
Отидóа на Косово-поле презъ Сазли—тюпрія;
Увлезóа у Косово-поле, бре, побратиме,
Ка'-но неке косаче у некосена ливáда;
А Мѝлушь напреде вревеше —

Ка'-но маше саблю налѣво
Маше налѣво — надесно,
Еднашь маше, триесе глава паднеха;
По Милушу Іованъ вревеше —
Ка'-но маше саблю налѣво
Маше налѣво—надесно,
Еднашь маше, двaесе главе паднеха;
По Іованъ Миланъ врвеше —
Ка'-но маше саблю налѣво
Маше налѣво — надесно,
Еднашь маше, петнаесе главе паднеха;
По Милано бано Голубано —
Ка'-но маше саблю налѣво
Маше налѣво—надесно,
Еднашь маше, десеть главе падаха.
Кусїя, ка'-то некои косаче
По некосена ливада;
Косія, косія, отидоа до зеленъ чадеръ,
Отидо́а при царь султанъ Муратъ.
Ка'-то отидоха тамо, бре, побратиме,
И видеха четворица Турци
Четворицы со златны дрехи облечены:
Не се знае, койе царь султанъ Муратъ?
А везиръ бѣше Вельчё Бранковичъ;
Милошь-оно наза́дъ конё поверна,
Да си иде кодъ князо Лазарь,
Да си иде на града Крушево;
Заминаха презъ Сазли-тюпрія;
Собраха се четвори́ца побра́тима,
Да си идать кодъ князо Лазарь;
Еле си Милушь досети:
«Леле Боже, исполай ви!
Какво́ си бѣше клетва заклела,
На цару сланина фъ уста да тури(мъ),

А язе заборавихъ!
Те се вернемъ надира,
Отъ клетва да не мина»;
А Іованъ побратимъ му думаше:
«Поверштантя проклята бива!
Немой се поверштаты!
Клетва те ни стигне!
Та те, ми, загинешь
Те загинешь, побратиме Милушь!
Та нема тебе да прежалиме,
Отты ние, братку, безъ сабля
Безъ сабля останеме».
А Милошь Іованъ неслуша:
«Дури не иде, да се вернемъ;
Да идемъ на чадеру — кодъ царь султанъ,
На цара сланина-та въ уста да туримъ!
Оты да се невернемъ?
Оты одъ клетва те останемъ?
Мене князо нете, да ме вѣрува,
Нете, да ме има вѣра».
Па стана Милушь, назадъ се верна́.
Отиде на зелене чадеры;
— Видеа га риджале-те и рекоа:
«Цару честиты Мурату!
Иде Сербячу, сербячу иде!
Иде, да се молба моли,
Да му простышь Сербія,
Да му простышь Булгарія,
Иде рака да те цалува;
Амо немой рака да му давашь,
Е му дай одъ нога чижма да цалува».
Дойде́ Милошь Кобилите;
Наклони се да цалува нога,
Та извади остра сабля

И убоде царь султанъ Мурата,
И му тури въ уста сланина[1]).
Амо одъ Милоша отишло юнатство,
А одъ царь султанъ Мурата царство.
Повернá си Милошь Кобилите;
Поверна се, да си иде презъ Косово
Да си иде на Крушева града,
Да си иде при князо Лазаро;
И си иде, и си сѣче Турци.
Та замина на Сазли-тюпрія.
Немогоа Турци да уфану
Да уфану Милошь Кобилите;
Посрѣшнали една стара баба
Стара баба булгарка;
Дадоа два фéса желтици:
«Кажи, бабо, научи не,
Каквó да фатиме то-зи юнака
Того юнака Сербяка;
Него фанемъ, да погубимъ:
Те доста маки расплака,
И доста жены довицы останаха,
И доста дѣца безъ башти,
Безъ майти-сираци остаха;
Кажи, научи ны, старо бабо!»
И баба булгарка за пары
За пары бѣше лакома;
Отъ Турци пары земá,
Та юнака на Турци издаде:
«А, бре, Турци, Турци янычаре!
Товá ли искате, да вы научимъ?
Я идете, соберете одъ Косово

---

[1]) Въ обнародованныхъ доселѣ пѣсняхъ съ этимъ сюжетомъ этой черты не встрѣчается; въ первые она является въ издаваемой мною цѣсни.

Одъ Косово сабли половины,
Соберете, наредете по Сазли-тюпрія,
И земéте слама ержаница,
Та покрійте со-слама-та отъ-горе,
Да си не гледа сабля по тюпрія;
Кодъ-то иде Милошь серба̀ка,
Кодъ-то иде одъ Косова силенъ
И не види, што има подъ слама-та,
Кодъ-то премине по тюпрія,
Те си кóню пресѣчé нозе-те;
Коню те паднé на тюпрія,
А Милошь одъ коню на земя те падне;
Вие тога изъ-подъ тюпріи излезнете,
Та фанете Милошь сербляка,
Та го фанете, та него погубете.
Ваша воля да се напу́лни!»
И Турци това нея послушаа:
Направиха́, наредиха́ сабли по тюпріи,
И со слама ги покриа,
И подъ мосту си се скриа,
И чекаа, Милушь да ми́не.
И отамъ идеше Ми́лушь,
Таманъ, да мине презъ тюпрія;
Силно идеше и невидеше,
Што има предъ нéго;
Таманъ, на тюпрія да мине,
Коню се нозе пресѣче до колѣ́на,
Падна коню на калдерма,
И по него Милошь по земя се полужи.
Тогай Турци излезнаа
Излезная изъ-подъ тюпрія,
Та фанаа Милуша Сербляка,
Та го прикараа при цару

При цару на мизличу [1]):
«Каковъ изетъ да му дадéме?
Дали на колъ него побіеме,
Или со сáблю да го посѣчéме?
И мизличу имъ рекоа:
«Немойте го на колъ побивáты,
Отти е онъ царски измичія,
Отти е го князъ пратúло,
Пратило да му земя утúма;
Идете, со сабля глава му земéте»,
И отидоха Турци янычаре
Та го турна на Сазли-тюпрія
На Сазли-тюпрія—на краю,
Тамо го турна, со сабли мачна:
Три дни мачна, глава да му земать,
Еле бѣше пандзуръ на него заключенъ;
Еле се на Милошь ногу досадú,
Ногу досадú, тешко додея:
— «Подигнете ми десна мустака,
Та извадете ключе одъ мустака,
Та отключете пандзуръ одъ глава,
Та одъ мене го соблечéте,
Тога лесно те мене погýбите».
Послушали него пусты Турци,
И мустакъ му подигнаха,
Извадиа ключе одъ мустака,
Та отключиа пандзуръ одъ глава-та,
Та соблекоха Милуша сербляка,
И земаха сабля туречка,
Та на Мúлуша глава отрѣзаха.
И тога царь султанъ Муратъ умре.
Одъ десна страна Милуша погребаа,

[1]) Собраніе, совѣщаніе (тур.).

Одъ лѣва-та страна царь Муратъ
Царь султанъ Муратъ погребоха;
Та направиа темеръ,
Да се знае—кой е гробъ Милушевъ,
Кой е гробъ на царь султанъ Муратъ.
Па тога станаха Турци
И аберъ прáтиа на княза Лазара
На Лазара—на Крушеву граду:
«Вногу здравье, князу Лазаре!
Тебе-ти слýга погина —
Погина те Милуше серблячe;
Ние го погребаме.
Ты имашь ли време, князо Лазаре,
Земня-та на ни предáвашь,
Или оште имашь борба да се боришь,
Или съ молба да се молишь,
Иль съ кавгá земня предавашь.
Ако имашь куветъ, князо,
Бери войстя да се біеме».
И тогá отúде кнúга-та
Отиде на града Крушево
На князъ Лазарово дворъ.
И Лазарь бѣше излезнáло
Излезнало—по двори се шéташе
А за ручёкъ чекаше, —
И книга-та на него достигнá
Достигнá на рацѣ-те;
Лазарь на стрѣдъ дворы сѣдна
На стрѣдъ дворы на камикъ сѣдна,
И си книга на колѣно разви;
Та си книга прегледа и пречети,
И се силно расплака —
Слызи по суратъ поруни́:
Леле Боже! што да правимъ?

Како на Турци на срѣшта да излеземъ?
Да излеземъ, Сербія да отъемемъ,
Да отъемемъ отъ туречке ра́цѣ?
А царица-та Лазарица на Лазара гово́раше:
«Небойсе, князе Лазару,
Князе Лазару, честиты наши князу!
Да пратиме до четири, до петъ книги
Да пратиме на града Услика
До оной-ги (у) Услика Стефана
И до слуга му Первозбра,
Да калезатъ, да соберать
Сички народъ ристянски:
Што е одъ майтя родьено
Да потечетъ, ка'-то вода,
Какво́-то Дунавъ иде на море,
Такво́ наро́де да иде на Косово,
Да се біятъ за родъ-вѣра,
Вѣра да курту́лисатъ,
Да куртулисатъ Сербія и Булгарія».
Князо книга пи́са,
Та я прати́ на Услика града
До оной-ги у Услика Стефана,
Де-то Крайна чу́ваше,
На Мушата[1]), на Немція.
Таманъ бѣше сѣдна́лъ Стефанъ —
Сѣдналъ на златна-та тарпеза
Вечера да вечера,
И на вечера-та кни́га-та достигна́:
«Айде, Стефане, стегай ко́не
Стегай твое берзе ко́не,
Айде, да идешь на Ко́сово;
Ка'-то вода иде на море,

---

[1]) Непонятно намъ это слово; не Молдавія ли?

И ние така да идеме на Ко́сово,
Да се біеме съ Турци за-радъ вѣра».
Распрати книги по сичке градове
До сичке-те нашіе начельници,
Да збиратъ наро́до —
Да идеме на Ко́сово-поле.
И потекоа сичке млады сербячи,
Потекоа, ка’-то вода на море;
И се проштваю дѣца со-съ майти
Со-съ майти и со-съ башты,
Прошка зи́маю одъ майти и одъ башты,
Отты идатъ на кервь
Идатъ на Ко́сово кервь те проли́ватъ,
А башты-те и майти-те плачатъ,
Плачатъ и на дѣца-та думаа:
«О чедо, моя рожба!
Ка’-то идете на Ко́сово,
Какъ е живи да се видеме,
Какъ е васъ да прежа́лиме?
Вие, ка’-то идете на Ко́сово,
Кервь проси́пате тамо,
А кой те гле́да насъ на старо време?»
И потекоа Сербяци юнаци на Ко́сово,
Поте́коа, ка’-то вода на море,
И си дофтасаа Ко́сово, та се бих̆а;
И се бих̆а три години,
Вногу кервь се проліяше:
Конче пли́ваше у кервь до сѣдло́-то,
Юнаци се заруних̆а по поле,
Ка’-то снопе по нива;
Кервь текна́, ка’-то рѣка голѣма.
И Стефано одъ Усли́къ стана́
И стана́ со слу́га си Первозора:
Ях̆наа си свои два берза коня,

Та заклопи́а пандзуръ за себе
Одъ перчика коню до купиту,
И заключиа сабля за рацѣ,
Та пойдоа на Ко́сово;
Та пойдоа по вечерно време
А придоа зоря́ че зазори́
На се́ло Реплянову; на чешма Бѣгличка
Слънце ги изгрѣя тамо;
Тамъ найдо́а на чешма-та,
Тамъ найдоа триесе мо́ми
И найдоа педесе́ невѣсты,
Каде бѣля бѣло платно;
Невѣсты-те платно бѣляха̑,
А моми-те келпаци кервави міяха̑;
И юнакъ Стефанъ одъ коню слезна,
Ко́ню да̀ си проше́та, вода да напо́и
Да напо́и на чешма студена;
И виде Стефанъ тридесе девойти,
Како міяха̑ тридесе калпаци господарски,
И ту виде князови калпакъ
Со златны-те челенкове
И съ безцаны-те каменье;
Позна го Стефанъ одъ Усли́ка,
Позна го по ка́ме-то,
И позна го по писмо́-то,
Позна и се сильно заплака́;
И на мо́ми-те говори:
«Ойле, моми̑, мои сестры!
Ойле, невѣсты, мои снаи!
Де-ка найдохте̑ тія калпаци
Та ги тука на чешма доне́сохте,
Да ги міете одъ керви-те?
Чеда да ми сте! право да кажете!»
И моми-те на него казу́ва:

«Ние отидо́ме на рѣка Сазлица [1]),
Да бѣлеме това бѣло платно;
А рѣка-та бѣше кервава —
Еденъ катъ вода, а три катъ кервь имаше —
Люде носаше, ка'-то снопе по ни́ва;
Не може́ме у рѣка платно да убѣ́лиме,
И си вернали на чешма Бѣгличка,
Да обѣлиме платно-то,
Да уміяме одъ кервь калпаци».
—«Де́-ка ги мо́ме найдо́хте?»
—«Найдоме ги край рѣка Ситница —
Тамо ги ми намѣриме,
Та`ги донесеме, да уміеме одъ кервь».
Види юнакъ Стефанъ види,
Да юнаци на Косову изгина́ли —
Изгинали седемдесе краля
Со-съ ни́на сичка рожба:
Юговите Богданъ одъ града Крушево
Изгина со-съ деветъ сина,
Бано изгина со-съ дванаесъ побратиме,
И загина Косаче Іовано
Со-съ десетъ побратиме,
И загина́ Топлица Милано
Со-съ дванаесе брату́чеда
И четыри ильяды народъ,
Што со-съ него водеше,
Сичке тамъ погинаха,—
И калпаци у рѣка ушли.
И Стефанъ си коне яхна́
И по него слуга Первозоръ;
Отидоха презъ Сазли-тюпрія,
Та отидоа на Ко́сово-поле

[1]) Такъ въ этомъ мѣстѣ назвалъ эту рѣку сказитель.

И улезнаа низъ турска-та ёрдія;
Ка'-то влезнаа у турска-та ёрдія,
Слуга Первозоре излезе напреде,
Та извади саблю одъ ножници,
И по него Стефанъ одъ Усликъ;
Та влезнаа, ка'-то нѣкои косаче
По нѣкоа ливáда зелена, у турска ёрдія;
Какво́-то косаче трѣва-та косаха,
Тіе со сабли човѣци гу́беа:
Ка'-то маше сабля слуга Первозора
Ка'-то маше на лѣво, на десно,
Еднашь маше, триесе главе паднаха;
Ка'-то маше сабля одъ Усликъ Стефанъ
Ка'-то маше на лѣво на десно,
Еднашь маше дваесъ петъ главе паднаха.
Отидоа до зелени чедеры,
А на тама-го Вельчё Бранковичъ,
И той Сте́фана позна́:
И дигна стрѣла шестоперка,
Одъ чадеръ стрѣлá ферли,
Та удáри слуга Первозора,
Про серце него пронижа:
Падна слуга Первозоре одъ конь
И загина тамо — у Ко́сово.
Ка'-то виде́ Стефанъ одъ Усликъ,
Та се уплаши́, и назадъ се поверна́,
Та побѣгне, у Сербія отиде́
Отиде́ на града Крушево
Отиде на Лазарове дворы,
Та приде́ и извика се:
«Охъ, леле, майко, царице Лазарице!
Загина нашь царо, твой господаро!
Турци уземаха Сербія и Булгарія!
Айде, царице, да бѣгаме!

Стегни дванаесе кучіи,
Напани ги со златни минцеве,
И да земешь одъ Лазарь корона-та
И да земешь двѣ-те свои дѣца,
Да бѣгáме у Немечка-та земя;
Немой, да препаднеме на туречке рацѣ,
Оты, ка'-то зематъ корóна-та,
Ка'-то зематъ и дѣцá-та,
Ни те сме робье до вѣкъ».
И зема царица дванаесе кучіи,
Натовари ги съ иманье,
Та бѣга со-съ дѣца-та
Та бѣгá у Немечка земя.
И дѣца-та тамо израснаха̑
Педесé годинъ тамъ живѣяха̑
И акылъ научиа на школѣ;
Па се излезба изъ Немечка земя
У Турци се отемнаха̑
И си Сербія земаха̑.

Въ заключеніе сказитель замѣтилъ, что онъ знаетъ досказать, какъ продолженіе этой объемистой пѣсни, дальнѣйшую исторію борьбы Сербовъ съ Турками до новѣйшаго времени. Но время не дозволило ему передать мнѣ эту пѣсню цѣликомъ; онъ спѣшилъ съ своими товарищами въ странствованіе по селамъ.

№ 178.

Трен. окр., с. Бабица; 23 ноября 1879 г. записана со словъ Дёши Тодорова.

(Прекращеніе общенія между юнаками послѣ Косовской битвы).

Рано ми е сълнце огрѣяло.
Марко слезалъ одъ доброга коня,
Та го шета по Косово-поле.
Дружина му по тія оговóри:

«Бога тебе, Марко Кралевичъ!
Дали ты не можешь,
Или конь не може,
Али самъ-си Господъ не дае?»
Тагай си Марко по тія оговори:
«Кадъ си бише у Косово поле,
Та газише кьрви по зенгіо,
Самъ си Господъ пошелъ,
Виделъ и рекалъ:
«Нема инатъ! да бѣгамо!»
Тагай си рипнали та побѣгли!
Тагай изайде Реля Крылатичъ,
Тагай изайде Муса кеседжія,
И изайде Момчило доберъ юнакъ,
И изайде дете Груяничъ,
И изайде дете Міяильче —
Тагай су се дружина раздвоили.

Замѣч. При этомъ сказитель прибавилъ, что этотъ бой на Косовомъ полѣ вели Болгаре.

№ 179.

Село Бабица, въ 6-ти верстахъ отъ мѣстечка (паланки) Брезника; 24 ноября 1879 г. записана со словъ крестьянина Дёши Тодорова.

(Женитьба Милоша юнака на Маріѣ «Бѣлоградкѣ»).

По двору оды Милошъ добаръ юнакъ,
Емъ си оды, емъ уильно гледа.
Питала га та негова майтя:
«Зашто одишь и уильно гледашь?»
—«Леле, мале, стара мале!
Зашто нечешь, да мене оженишь?

— «Еве стана деветъ година дена,
Како тражимъ за тебе прили́ка,
Пай не можемъ прилику да найдемъ:
Дека найдемъ за тебе прилика,
Тамо нема за мене роднина́,
Да ми дойду, и па да оти́демо;
Таманъ отидо у Бѣлградъ,
Тамо найдо́ за тебе прили́ку,
И пай найдо за мене роднину.
Проклетъ е Ма́рко Кралевичъ!
Надкупи ми Мару Бѣлоградку,
Надкупи ю и уводи».
— «Леле, мале, старо мале!
Даль е близа, иль е далеко?»
— «Леле, синко, Милоше юначе!
Ни е далекъ, ни е яко близа:
Оде вече́ру коня́ да поранишь,
Одзарана коня́ да уянешь,
Че да ойдешь на Бѣлиградове,
Че си видишь Мару Бѣлоградку.»
И оно́ е майтю послуша́ло:
Одвечеру коня нарани́ло,
Отзарану рано уяну́ло,
Емъ га яна, емъ си говори:
«Леле коню, леле Пилатицу!
Ситно скачи, далеко упружи,
«Да идемо на Бѣлиградове,
Да види́мо Мару Бѣлоградку».
Та отоше на Бѣлиградове,
Отидоше на Марины двори:
Моминъ дво́ръ пълнъ си сватове,
У сватове той чесна́ тарпеза,
У тарпезу кумъкъ и старойтя,
Яли Мара меджи два девера,

Два девера, два перья оката.
—Отишель е Милошъ добаръ юнакъ,
Отидé си предъ млада девера:
«Помозъ Богъ, два млада девера!
Привéдете вашу милу снау,
Егаби ми у руку цунула,
И я чу даръкъ даруемъ,
Чу дадемъ двѣ жълте желтице».
— Девере се тага одговорили:
«Чуешь мене, непознанъ делiё!
Е неможемо снау приведéмо; (Sic)
Е си слезни о(д) доброга коня,
Та си сѣдни у чесне тарпезе,
Редомъ че невѣста да нелива».
—«Я не могу одъ коня да слазимъ,
Я на цара поцту нóсимъ».
Привели су Мару Бѣлоградку:
Пружи руку, она га целива;
Онъ е даде двѣ жълте желтице,
Па си бъркне у свилне пазуке,
Та извади кърпа и бришима:
У кърпу-ту ситьнъ бисеръ вéрзанъ,
Та расипа тiя ситанъ бисеръ.
Навели се два млада дéвера,
Да си беру тiя ситанъ бисéръ.
Тадъ се суна Милошъ добаръ юнакъ,
Та докача Мару Бѣлоградку,
Та утури коню на тертiю.
Подигне се два млада девера:
Нима юнáкъ, нима мила снаа;
Отърчаше Марку и казáше:
«Е си дойде непознанъ делiя,
Та оте Мару Бѣлоградку,
Оте си ю, па и однесе».

Марко рипи низъ чесне тарпезе;
Яну коня́ каписески,
Терчи саблю тесиджиски,
И по Марка кумокъ и старойтя,
Я по кума деветъ стотинъ свата.
А онъ си е далека утекалъ,
Чакъ утекалъ у ситне р̓ѣке,
Извадилъ е ногу низъ зенгію.
Питала га Мара Бѣоградка:
«Зашто вадишь ногу низъ зенгію?»
—«Върло ми се жеде додіяше,
Чу да слезнемъ, воду да се піемъ».
А Мара е Милошу дума́ла:
«Немой, море, одъ коня́ не сла́зи,
Че ни стигне Марко Кралевичъ,
Тебе че си младо погубити,
Али мене наза́дъ че верне,
Твой си конекъ робъ че му буде;
Еве имамъ той блага ябука:
На ти той блага ябука;
Она че ти жеди растурити».
Милошъ узе́ той блага ябу́ка,
Та си руча презъ поле широко.
Обьрнусе наза́дъ на трагове,
Пристигълъ га Марко Кралевичъ,
И по Марка кумекъ и старойтя,
Я по кума деветъ стотинъ свата.
Развикасе Милошъ, добаръ юнакъ,
Па си беркну у свилне па́зуке,
Та изва́ди двѣ бѣле́ ма́раме,
Та ги даде Мари Бѣоградки:
«На ти-тебѣ двѣ бѣле́ ма́раме,
Са-съ една́ ти очи преверза̀ти,
А са-съ друге преко тебе, па за мене,

Чу да пуштамъ коня́ Пилатицу,
Ега пренесе преко Дунавъ;
Марко нече Дунавъ да прега́зи».
Узело тага двѣ бѣле́ ма́раме —
Са-съ едну очи преверзала,
А са-съ друга преко него, та за ню;
Онъ извади коня́на камджія,
Та удари коня Пилатицу,
Та прелете́ преко бѣли Дунавъ;
Нигде нема ногу да уда́ри,
Та си прейде отудъ преко Дунавъ;
Тагай слезе Милошъ добаръ юна́къ
И па слезе Мара Бѣлоградка,
Самъ се конекъ по край Дунавъ шета.
Яли Марко до Дунаво опре́ло,
Па не може да Дунавъ прегази.
Па си стане Милошъ добаръ юнакъ,
Та целива коня́ крылатога;
Яли Марко одовуда ока:
«Богъ те било, Милоше юначе!
Зашто си со-съ коня целивашь,
Не целивашь Мару Бѣлоградку?»
— «Я чу со-съ коня и Мару целивамъ,
А ма та(д) съ кога че си ойдешь,
Съ кога́ че си кума одведешь,
Съ кога́ че си сватове одведешь....»

№ 180.

Джумал. окр. (въ Макед.), с. Селиште; 10 дек. 1879 г. записана въ Дупницѣ со словъ Николы Іованова.

(Смерть Милоша юнака на Косовомъ полѣ).

Ранилъ Милошъ коня Маркушана
Ранилъ пребрана пшеница,
И го поилъ вино тригодишно.

И проговóри царо Стефано;
«Э, Милоше, Милоше капетане!
Турци са усилія, земя те ны зематъ».
Я Милошь вели-говóри:
«Небой, ми, се, цару Стефану!
Што имамъ конче раненo,
Я земя-та не давамъ,
Турчинъ да ти земе;
Да си премѣна, да си нареда,
Да сѣднамъ товá сино сѣдлó,
Да сѣднамъ сѣдлó на кона,
Да му стегна деветъ колана
Деветъ колана люты смоци,
Я на зенгіи двѣ люты зміи,
И да си зéмамъ мое потайно оружіе!»
Па премѣнилъ се Милошь,
Па нарединъ се Милошь,
Сѣдналъ на кона сино сѣдло,
Коланьé му турилъ деветъ смока,
На зенгіи двѣ люты зміи,
Па си яхна кона Маркушана,
Па си ойде кодъ царо кодъ Стефана,
Та на царо вели-говори:
«Погледай, цару, погледай —
Прилега ле ми?
На сѣдло деветъ смока,
На зенгіи деветъ люты зміи!»
Я царо му вели-говори:
«Постой, Милоше, постой!
Да те погледамъ!
Што ти прилега, деветъ коланы-смоци
На зенгіи—двѣ люты зміи!»
И Милошь му вели-говори:
«Я подай ми вино тригодишно,

Кóна да си напоя».
Царо му подáлъ вино тригодишно;
И Милошь кóна напоилъ,
Та си я̆хна кона Маркушина,
Я̆хна низъ пóле широко,
Та си ойдé у Косово пóле:
Та си изводы лека воздогана,
Та завертé на лѣво, на десно,
Та исѣче клеты Турци.
Па си ойдé кодъ царо, кодъ Стéфана
Та на царо вели-говори:
«Видишь ли, цару, што самъ юнакъ!»
Я царо му вели-говори:
«Ште е пусто Косово-полé,
Ште е турчинъ утахнало».
И Милошь я̆хна кона Маркушина
Я̆хна низъ поле широко:
Та си заверте на лѣво, на десно,
Та исѣчé клеты Турци;
Па си я̆хна кона Маркушина,
Та си ойде кодъ царо кодъ Стефана;
Я царо му вели-говори:
«Каквó Милоше? каквó направи?
И Милошь му вели-говóри.
Я царо му вели-говори:
«Погледни, Милоше, погледни!
Пусто е све Косово-поле,
Што е турчинъ утахнало,
Доде-къ е кервь проперснала,
Се турчинъ утахнало.
И Милошь па я̆хна кона Маркушина,
Та си я̆хнá да иде низъ пóле широко;
Я царо му вели-говóри:

«Стой, милоше, стой!
Самъ не иды, заръ те погинешь».
Товá си е Милошь не слушалъ:
Па си ойдé у Косово поле,
Та погиналъ Милошь.

№ 181.

Г. Радомiръ; 2 дек. 1879 г. записана со словъ Таски Петрунова Моавискаго.

Момчило юнакъ задолжался.

Момчиль си е борчокъ заборчи́ло —
Запраило девéтъ воденицы,
И запраило деветъ валя́вицы;
Си-те деветъ у бѣдá дало́,
Па-й не може бѣдá да одбѣди.
Дума дума Момчи́лова майтя:
«Эй, Момчиле, Момчиле юначе!
Когá биде рано одъ-зарано,
Изведы ме на нови пазаре,
Егáби цанá учинило,
Та егаби борчо́къ одборчи́ло»;
Тогай дума дума Момчи́лово любе
Дума дума Момчилу юнака:
Та што че ти майтя учини́ти?
Я мене кáрай на нови пазаре,
Егáби ты ништо цанá учинило».
И Момчиль си тога дума продумало:
«Я се оми и о́плеты,
Че те кáрамъ на нови пазаре
Че те карамъ, да те препродáемъ».
Извель е Момчиль вреденъ юнакъ

Изведе низъ тесне чаршіи,
Одвéде я на нови пазаре.
Богъ да біе церна Арапина!
Запраша си Момчи́ла юнака:
«Кадé вóдышь Элена невѣста?
Даль е водышь, саиръ да гледа,
Иль е водишь, да я препродавашь?»
И Момчилъ му дума продýмуе:
«Не я водымъ, саиръ да гледа,
Но я водымъ, да я препродавамъ».
Сказалъ тогай церна Арапина:
«Ніойна цанá колко че биде?»
Тогай сказалъ Мóмчилъ вреденъ юнáкъ:
«Ніойна цанá дванáесе и́льяды».
Богъ да біе церна Арапина!
Извишисе више надъ дивани,
И си бка Момчи́ла юнáка:
«Момчиле! одведы Е̑лена невѣста!»
И Арапинъ колко брои, толко заброи.
И Момчиль, кадъ дало Элена невѣста,
Излезнало низъ-срѣдъ, низъ чаршіи,
Излезнало и въеднакъ заплакáло;
И верна се дванáесъ и́льядъ,
И си зема Элéна невѣста,
Па я вóды низъ тесны чаршіи;
У срѣшта му турчé саратли́че —
Дума дума Момчило юнáка:
«Эй, Момчиле, Момчиле юначе!
Кадé водышь Элена невѣста?
Даль я водышь, саиръ да си гледа,
Иль я вóдышь, да я препродáвашь?
Ни я водымъ, саиръ да си гледа,
Ель я водымъ, да я препродавамъ».
Прашáло е турче саратличе:

Ніойна цана колко че биде?»
Момчилъ юнакъ казалъ:
«Ніойна цана дванаесе и́льядъ».
Извиши я више на дивана́ —
Колко брои, толко заброи,
И си гледа Элена невѣста;
Одведе я турче саратли́че
Одведе я на него́ви дворы;
И си ду́ма турче саратличе:
«Тако м' Бога, Элено невѣсто!
Ка огрѣе това ясно сълнце,
Напредъ удри у мои́ дворе́ве;
Како́ ты дойде у мои дворeве,
Ни ми грѣе това ясно слънце,
Ни ми е одъ дервье слана опадатъ».
Тогай сказа Элена невѣста:
«Ела, брате, да те попоштемъ!» [1])
Легнало турче саратличе,
Легнало на Элена на скуты,
И она зема́, да го поште,
И у косма-та му намѣри
Намѣри три златна вла́кна, —
И му сказа Элена невѣста:
«Слушай мене, турче саратличе!
Че те прашамъ, право ми кажешь —
Немой, да ме лажешь! —
Да се кажешь—имашь ли нишанъ?»
Продума́ му турче саратличе:
«Кога бѣше моя́ стара майтя,
А я било дете у пе́лены,
И остави́ла моя́ стара майтя
Оставила майтя вретено,
И я самъ паднаъ, та се самъ у̀билъ,

[1]) Искать въ головѣ вшей.

Одъ тѳ́ва нишанъ имамъ».
И тогай сказа́ Элена невѣста:
«Да се скажешь, одъ коя си рода́?»
Оно́ сказа́, одъ коя е рода́.
Какъ се сказа́, одъ коя е рода́,
Тогава Элена невѣста привернала
Него си вѣрно привернала,
Де-ка си е ноенъ вѣренъ брато́къ;
И тогай-си продума́ на турче саратличе:
«Да пра́тиме за Момчила юнака —
Оно се ного у борчокъ заборчило»;
Тогай дума турче саратличе:
«Ты си била моя́ мила сестра,
Я че окнемъ до деветъ таляла,
Че товаримъ до деветъ мьски иманье
И десеты пайтонъ со-съ тебе,
Ега си Момчилъ юнакъ,
Што-то е борчокъ заборчилъ,
Ега си борчокъ одборчи».
Дума продума́ Элена невѣста:
«Чуешь мене, братичко!
Ты-зи иманье испрати́
До деветъ мьски иманье,
Десета жьлты желтици».
Продума турче саратличе:
«Сестроле, сестро Элено!
Ка ойдешь твой́ двореве,
Да сѣдышь ни малко, ни ного —
За́берешь твой́ дечи́ца, сестро,
Послѣ да гледашь, сестро-ле,
Какво че ми ясно слънце огрѣе,
А найрано роса че ми опадне
Опадне одъ мои дворове.

№ 182.

Г. Радоміръ; 29 ноября 1879 г. записана со словъ Таски Петрунова Моавискаго.

Жена Момчила юнака измѣнница; ее за измѣну наказываетъ самъ мужъ.

Дума дума Момчилово любе:
«Ей Момчиле, Момчиле, юначе!
Ты-зи спишь у ла́дны ода́й,
Сви дружина лова уловили,
Сви са дру́жки курбанъ износили».
И Момчилъ му дума продумуе:
«Чуешь мене, мое первнёлюбе!
Ты-зи, ста́на три дни и три ношти,
Како́ съ мене ты-зи се играешь,
Неси дало́ малко сенъ да земемъ»;
Па-й Момчилъ опетъ продумуе:
«Я по́справи моя коня шестокрыла,
И ми тури пушки и ножеве».
— Богъ да біе Момчилово любе!
Оно си е итро и о́пако;
Кога́ било рано одъ зара́но,
Пойде любе, ко́ня да му спра́ви:
Подъ колане́ раны развертѐло,
И на ко́ня кры́ла оперли́ло,
У пушке му вода насипа́ло,
А ножи му кены заканило.
И си ойде́ Момчилъ добаръ юнакъ,
И си ойде́ при сини е́зера;
Поби́ копье, та си коня верза,
И си чека той сура елена.
И се мина ни малко, ни млого,
Та-й убилъ той сура элена;
И го качи коню па тертія;

Па си бутна презъ поле широко;
Оддалекъ се гласи зачуюя,
И Момчилъ си дума продумуе:
«Бѣгай, коню, какó-што бѣгашь!
Пуцай, пушко, какó-што пýцаше!
Сѣчи, саблё, какó-што сѣчеши!»
И Момчилу конё продумáло:
«Ей, Момчиле, ей вреденъ юначе!
Богъ да біе твое первнёлюбе!
Кагá биде рано одъ зарано,
Онó ми е крылá оперлúло,
И ножи тіе кьни закаляло,
Пушки тіе вода насипáло».
Доде конё дума да издума—
Богъ да біе церна Арапина!
Эте иде со-съ три хильяды души,
И си гóня Момчúла юнака;
Па-й си Момчилъ на коню говорú:
«Бѣгай, коню, какó-што бѣгашь!»
Достигналъ е на неговы дворы,
И си óка сестрá Перусія:
«Чуешь мене, сестро Перусіё!
Отвори ми той порты желѣзны!»
Я сестра му дума продýмуе:
«Слушай мене, Момчиле юначе!
Богъ да біе твое первнёлюбе!
Излега ме оно, да ме плетé —
Заплетé ми косы за темель дирéци»;
Я братокъ ю дума продумуе:
«Скуби, сестро, косы че ты никне,
А брата дека че намѣришь?»
И она е брата послушáла,
Та си свое косе оскýбла.
И тогай си Момчилъ продума:

«Слушай мене, сестро Перусіё!
Я улёзни у ладни зевницы,
Та извади платно́ бабучерно,
Та го ферли презъ върхъ
Презъ върхъ-презъ кале то».
— Богъ да біе Момчило́во любе!
Оно си е па-й пресѣкло
Това́ платно́ бабучерно,
Да не мине Момчилъ вреденъ юнакъ.
— Богъ да біе церна Арапина!
Оно си е Момчило стигна́ло:
И си вана церна Арапина
Та си вана Момчи́ла юнака.
Што-то бѣше Момчи́лово любе
Што че нему [1]) дарба да даруе:
Што-то бѣше Момчилови кълпакъ
На Момчило на връ—на глава,
А на Арапинъ до саме рамена;
Што-то бѣше Момчи́лови кожувъ
На Момчила надъ колѣна,
На церна Арапина до церна-та земя.
И тогай му Момчилъ дума проду́муе:
«Чуешь мене, це́рна Арапина!
Каковъ юнакъ онай издава?!
Та тебе ли добро че поминемъ?
И Момчилъ му тагай дума продума:
«Слушай мене, церна Арапина!
Я ме пушти малко мегданъ да земемъ;
Я си ка́чи висока дивани,
Та си и́ды при сестра Перусія».
И Арапинъ е Момчило пустило.
Па си зема Момчилъ вреденъ юнакъ

[1]) Т. е. Арапину.

Та си зема сабля на зглабове,
Што се віе, ка-то люта змія,
Па си вана Момчилъ вреденъ юнакъ,
Та си вана сабля на зглáбове,
Развертесе налѣво надесно,
Та обори до три хильядъ Турци,
И си вана церна Арапина
Со-съ два перста душа му извади.
И си ванá негóве-то любе:
Ископало дупка до поясъ,
И намаза лой и катрáнъ,
Па запали негóво-то любе;
Момчиль піе вино одъ три годинъ
И си піе лютица ракія,
А любе му борина[1]) свѣтеше

№ 183.

Трен. окр., с. Бабица; 24 ноября 1879 г. записана со словъ крестьянина Дёши Тодорова.

Жена Момчила спозналась съ Релей Крылатицей, который, съ ея помощью, убиваетъ юнака Момчила.

Момчило има то любе убаве.
Често, често на пазаръ иде.
Кагá иде на голѣмы пазаръ,
Се се найде съ Релю Крилатицу,
Са-съ Релю оба се додýмаю,
Да затрію Момчúла юнака,
Да се узму съ Рели Крилатúца.
Па си дойде Момчúлово любе.

---

[1]) Лучина.

Питалъ ю Момчилъ добаръ юнакъ:
Чуешь мене, мое первнёлюбе!
Какó идешь на пазаръ голѣмы,
Дали нешто ты за мене чуешь?»
—«Чуемъ, Момчилъ, да како не чу́емъ:
Е се бія у деветъ краля
Деветъ краля одъ деветъ краине,
Е се бія за твоя-та сестрá,
Па не смѣю ко тебе да дойду.
Еве стане деветъ година дена,
Како смо се са-съ тобо узели,
Ручéкъ прави сестра Ангелина,
Онá че тебе лесно измами;
Айде, да ти правимъ той сладке вечере».
Уготви му той сладке вечере,
Е су сѣдли, та су вечерáли,
Вечерали и думу думáли:
«Отъ-заранъ пресвéты Илинъ денъ,
Кагá буде на денъ на Илинъ денъ,
Ты си лови сурога елена,
Е си лови да како ли курбанъ
Курбанъ на Илинъ денъ;
Айде легни, да малко поспишь,
Я че справимъ коня крылатóго».
Момчилъ лежé, та си и заспáло.
Тагá станало негове любе,
Та улезне у ладне я̆хары,
Та му справи коня́ крылатога,
На коня́ му крыла изгори́ла,
Што остало, подъ коланъ тури́ло,
У пушке му воде насыпало,
Я и саблю му съ кану канусáло,
Я маждракъ одъ воре строши́ло,
Па улезне у ладне одае,

Исокале Момчи́ла юнака:
«Дигъ се Моимчилъ, дигъ се,
Да бихъ се не дигалъ!
Бѣле́ зоре зазори́ле,
Кадъ че идешь елена да ловишь?»
Рипи Момчилъ на тенке кошуле,
Станало е и любе питало:
«Справи ли ми коня крылатого?»
— «Справила са́мъ коня крылатого,
Натура́(ла) пушке у пабуре,
Закачи(ла) саблю на тертію,
И га стегну(ла) до деветъ кола́на».
— Уяну Момчилъ коня крылатого,
Та си ойде́ у го́ре зелене,
Та си сверну на длубоки езеръ,
Тамо чека сурога елена,
Тамъ че дойде воду да се піе;
Пуче пушка у горе зелене:
Зачудисе Момчилъ добаръ юнакъ;
Дори да се Момчилъ начуди,
Склопила га та силна войска;
Терже пушке, да съ пушке біе,
А у пушке му вода наси́пана;
Терже саблю, да се съ сабля сѣче,
А му сабля съ кану коносано;
Терже маждракъ, да са-съ маждракъ боде,
А маждракъ му одъ вори истрошено;
Бутна, са-съ коня́ да бѣга,
На коня му крыла изгорѣла;
Што е могла, са-съ ноге бѣгало,
Чекъ утече на негови двори,
Сахатъ мѣсто одалека ока:
«Чуешь мене, сестро Ангелино!
«Отворь двора вратъкъ, да утече́(мъ)»

А она брату си одговара:
«Клето твое первнёлюбе,
Заплете ми коси за диреци,
Та немогу, брале, да отворимъ».
А Момчилё тага проговориль:
«Тегни, сестро, косе-те искуби:
Коса ти че ютре пороcтé,
А братокъ нече да поростé».
Искубла е косе низъ главу-си:
«Леле, брале, Момчиле юначе!
Ключи нема, да двори отворимъ».
— «Я улезни, сестро Ангелино,
Я улезни у ладне одае:
Тамо има платнó бабучерно,
Та га верли презъ бѣли дувари,
Ягаби се конекъ довануло,
Ягай би ме презъ дуваръ пренéло».
Изнéла е платно бабучéрно,
Върлила га презъ бѣли дувари:
Таманъ се конекъ довануло;
Она кучка тага искочило,
И носила той остри нóжници,
Прерѣзала платнó бабучерно
Пай се юнакъ назадъ повернуло;
Достиже га тáя силна войска,
Уловила Момчила юнака,
Уловише и пай посѣкóше га;
Сѣчена глава зборувáла:
«Леле, сестро, леле Ангелино!
Да си миешь на студни кладенци,
Дека има три тополя дервья,
Тебе че косица порасте».
— Отворише Момчилове двори,
И дадоше Рели момчилову кожувъ;

Загърну га Реля Крылатица:
Што Момчилу плечи-те держало,
А Рели се по земли влачи́ло;
И дадоше му момчилове чизме;
Убулъ е Реля Крылати́ца:
Што Момчи́лу една́ нога́ стои́,
А Реля и двѣ-те тури́ло,
Пай не може чизму да испълни;
Дадоше му Момчи́лову саблю:
Што Момчило на персъ вьртѣло,
А Реля не може одъ земли да подигне,
А то не-ли на персъ да уве́рти.
Продумалъ е Реля Крылатица:
«Вала Богу за чудо голѣмо!
Овай юнакъ зашто е погину́ло?
Ка не може онъ да се чардоши,
А то не ли я да се чардошимъ».
Улови́лъ е то Момчилову любе,
Посѣкло е Момчи́лову любе,
Дека си е Момчи́ла истро́ви.

№ 184.

Село Бабица Трен. окр.; 24 ноября 1879 г. записана со словъ шестидесяти-лѣтняго старика Божила Янкова

Груя юнакъ убиваетъ Момчила юнака и его жену Милицу.

Эй Милице, Милице Загорко!
Одкадъ се мие се-съ тебе узели,
Не си ойдо́мо у тя́я мила роднина,
Ни си ойдо́мо у тая мила тесни́на;
Да си се младо омиешь,

Да главу да си оплетѐшь,
И да си омѣсишь тія виты колачи,
И да си наточишь жьлте здравице,
И да си туришь семдесе́ стрѣла,
Па да си идémo у тая ми́ла ро́днина,
И у тая наша т'снина.
Пай си су пóшли презъ горе зелéне;
Пай си е Момчи́ла вьрло дремка одремало.
Момчи́лё Милици говоре:
«Я окни, Милице, та запой».
А Милица му говоре:
«Не смѣемъ, Момчи́лё, несмѣемъ;
Че ме дочуе Груя, младъ юнакъ,
Че ны млади погуби».
— «Не бойсе Милице, не бойсе,
Де окни та запо́й».
Милица окнула та запояла,
Одъ гора е шума опадала;
Дочулъ е Груя добаръ юнакъ,
Та е стигалъ Милицу младу господжу
Са-съ семдесе́ дружина.
Фьрляле стрѣлé-те Момчи́ле,
Та истепалъ семдесе́ дружина,
Та самъ си осталъ Груя добаръ юнакъ.
Тай се вануле у юначне руке,
Па се борили три дни и три ночи;
Я Груя по тія оговори:
«Приди Милице Загорко,
Я приди, я при́ступи,
Я мене помогни,
Я Момчила помогни».
И она-та пришлá,
Та приступилá,
Та помогну́ла Момчилу,

Та се на Грую гачникъ скинулъ;
Пай си Груи вързо нажалѣло,
Та се на Момчило надвило,
Па и Милицу погубило,
Па се верна на негове доми.

№ 185.

Кюст.-Бан. окр., с. Жилинци; 3 дек. 1879 г. записана со словъ Стоймена Атаносова.

(Дойчинъ больной юнакъ поражаетъ чернаго арапина, повелѣвавшаго въ г. Солуни).

Поселисе, поселисе церна арапина,
Поселисе по Солуна града:
На денъ руча крава яловица,
И си руча по двѣ фурни лѣбъ,
И піе по двѣ бочви вино
И третя-та люта ракія;
Ношкемъ любе мома и невѣсты
Ношкемъ люби, денеска ги губи.
Редомъ реда по Солуна града,
Се редомъ редокъ изредило,
Редъ е дошелъ до Дойчинова сестра.
Дойчинъ лежи младъ-боленъ-юнакъ,
Дойчинова сестра по дворове-ходы,
По дворове ходы, дробны сълзы роны,
Дробне сълзы рони, бѣли рацѣ троши;
Я Дойчинъ-тъ тія разговара:
«Тако м' Бога, сестро Ангелино!
Дали си те, сестро, досадило,
Ели ты си, сестро, ядно додіяло,

Мои злавья често тураючи,
Мои керви често переячи?»
И одговори́ сестра Ангелина:
«Поселила се церна Арапина,
Поселиласе по Солу́на града —
На день яде́ по крава яловица,
И яде́ по двѣ фурни лѣбъ,
И піе по двѣ бочви вино
И третя-та люта ракія,
Ношкемъ люби мома́ и невѣсты
Ношкемъ люби, денеска ги губи;
Редъ е дошло до твоя́-та сестра́,
А ты лежишь триде́ветъ годины:
Низъ очи ти муи пролитале,
Низъ кокале-то трава проника́ла».
И проговори́ Дойчинъ боленъ юнакъ:
«Набери гайле́, сестро Ангелино,
Улезны си у ладны яхары,
Та извади́ моя добра коня,
Деветъ годинъ тимаръ не чинена,
Деветъ годинъ вода непо́ена,
Деветъ годинъ коня некована,
И улезни шарены одая́,
Та си земи сабля димискія;
Па си пойды низъ Солуна града,
Конё воды Петеръ налбатино,
Да ти кове конё вересія,
Ако станемъ, скапо че му пла́тымъ,
Ако умремъ, алалъ да ми чини, —
И однесы сабля димискія,
Однесы я на Ангела ковачь,
Да подостры сабля димискія,
Да я остры божя́ вересія,

Ако станемъ, скапо че му платымъ,
Ако умремъ, алалъ да ми чини».
Отишла сестра Ангелина.
Налбатъ, ковачь тія проговори́:
«Ако давашь твое бѣло лице,
Я че ковéмъ Врана коня
Че ковéмъ божя́ вересія, —
Ако давашь твое бѣло лицé,
Я че подострымъ сабля димискія
Я че подострымъ божя́ вересія».
— И заплакасе Дойчинова сестрá,
И ошла се Дойчиновы дворове,
Па си верза коня ладны, бре, яхере,
Тури сабля на Дойчинова глáва;
И проговори́ Дойчинъ боленъ юнакъ:
«Иды, сестра у Солунска чаршія,
Ойды си при млады чифутинъ,
Донесы триста латы платно,
Да постегнемъ мои гнили косты».
И ойдé Дойчинова сестра
Ойдé си у Солунска чаршія,
Ойде при млады éврéинъ,
Та зема триста латы платно —
Она сака триста латы,
Онó дадé триста и триесе.
Стегна Дойчинъ, бре, гнили-те косты,
Па си яна негова-та коня,
И си земá сáбля димискія,
И си земá лека буздугана —
Ногу лечка — деведесе ока.
Па си пойдé низъ Солу́на града:
Огинь свѣтини низъ солунска калдерма
Отъ шта? коня, коня ковáна.
И проговори Дойчинъ боленъ юнакъ:

«Я излезни церно Арапино!
Церно Арапино, биволешко лайно!»
И говóри церна Арапина:
«Назадъ, назадъ, суо сушенице!
Немашь кервь, сабля да напбишь,
Немашь месо, коршумъ да наранишь».
Проговори Дойчинъ боленъ юнакъ:
«Не тужи Бога, церна Арапино!»
Излезнáла церна Арапина.
Проговорѝ Дойчинъ боленъ юнакъ:
«Я ты ферляй, церна Арапино!
Я ты ферляй, я че да ферлямъ»!
Ферлило е церна Арапина,
Ферлило е съ лека буздогана —
Дойчинъ го дочекá со-зъ зенгія;
И проговори церна Арапина:
«Чекай, Дойчино, ошь еднашь
Ошь еднашь да гаджамъ»;
Проговори Дойчинъ боленъ юнакъ:
«Чекай, церно Арапино!
Ты си ферлялъ, па я че фéрлямъ»;
Ферлилъ е Дойчинъ боленъ юнакъ,
Удари го съ лека буздогáна,
Удари го у пéрво-то серце:
Падна Арапинъ одъ Врано-то коне,
И проговори церна Арапина:
«Удри, Дойчине, удри, оште душа има»;
И проговорѝ Дойчинъ боленъ юнакъ:
«Еднешь мріемъ, еднешь семъ родилъ»;
Тогай пукнá церна Арапина.
Па си ях̆на Дойчинъ боленъ юнакъ,
Па си ях̆на тая Врана коня;
Та си ойде при Петеръ налбатинъ:
«Я излезни, Петеръ налбатинъ!

Ковалъ си ми конё вересія!
Излезни, скапо да ти платимъ»!
Излезна́ си Петеръ налбатинó,
Одсѣче му Дойчинъ тая руса глава;
И ойде Дойчинъ при Ангела ковача:
«Излезни, Ангеле, ковачу!
Подострилъ си сабля димискія!
Излезни, да ти платимъ»!
Излезна си Ангелъ ковачъ,
Одсѣче му Дойчинъ тая руса глава.
Па си зема́ до двѣ руси главы,
Па си яхна тая Врана коня,
Та си ойде при млады евреинъ:
«Я излезни, млады евреине!
Давалъ ми си триста латы платно,
Ко́лко сакашь одъ мене да платымъ?»
Проговори́, бре, млады евреинъ:
«Э, Дойчине, млады, бре, юначе!
Колко любишь, толко че ми платышь»;
Дойчинъ му платы́ двойно
Платы двойно, што му чини.
Па си ойде́ Дойчинъ на дво́рове.
Разверза си Дойчинъ бѣло платно,
И душа му на-часъ излезна́ла.

№ 186.

Трен. окр., с. Бабица; 22 ноября 1879 г. записана со словъ Божиля Янкова.

(Дойчинъ больной юнакъ поражаетъ чернаго арапина, повелѣвавшаго въ г. Будимѣ,

По́селисе церна Арапина,
По́селисе по Будима града;
На́ да(нъ) руча по вурнія лѣба
И си піе по една бъчва люта ракія,

И си піе по е́дна бъчва вино;
Посили се по Бу́дима града:
На́ ночь люби по една́ гиздава девойтя.
Редомъ реди по Бу́дима града,
Редъ си дошло́ до болнога Дойчина:
Болны Дойчино имало
Имало едну́ добру сестру;
Она́ по дво́ры оды,
По дворы оды бѣле руке кърши
И си рони дробне сълзе;
И сгледа ю боленъ Дойчинъ:
«Леле сестро, леле мила сестро!
Зашто си по двору одышь,
Дробне сълзе ронишь,
Бѣле руке кьршишь?»
— «Да какво дробне сълзе не ронимъ?
И какво́ да не кьршимъ руке?
Поси́лисе церна Арапина,
Та си люби на́ ночь по една девойтя,
Редомъ реди по Бу́дима града,
Редъкъ се дошелъ до насъ —
Дошелъ до болнога Дойчина».
Проговори Дойчинъ боленъ юнакъ:
«Да улезнешь, сестро, у ладны зевници́,
Да изнесешь бобучерне платно
Бобучерне платно деведесе аршина,
Да увертемъ мои болне косты;
Да улезнешь у добре яаре,
Да изведе́шь коня босатина,
Да га во́дишь Петру албá́тину,
Божья вересія да га кове,
Да улезешь у ладне дзевницы,
Да узмешь саблю рджави́цу,
И да носишь на мо́ега побратима,

Да подостри божья вересія.
Ютре чѐ я се вратити
И че имъ платити.
Послушала мила добра сестра.
И носила му сабля-та
На негова побратима;
Онъ не стѣлъ да подостри сабля
Да подостри божья вересія,
Но рекалъ:
«Ако дашь свое-те бѣле лице,
Да подостримъ саблю рджавицу».
И водила му коня Петру албатину,
Да укове коня босатина
Да укове божья́ вересія,
И албатинъ рекалъ:
«Ако давашь бѣле лице,
Че ти ко́ве конче вересія».
И она тогай назадъ поверну́ла,
Повернула и на брата се казала;
Заплакала мила добра сестра.
Рекалъ тогай Дойчинъ боленъ юнакъ:
«Изве́ди ми коня́ босати́на,
Дай ми саблю рджавицу,
При́веди коня́ на бѣлъ камикъ».
Довела коня добра сестра.
—«Держь коня, сестро, да, се качимъ!»
Укачилъ се Дойчинъ на доброга коня,
Па-й тогай разигра до́брога коня
Разигра низъ Бу́дима града
И рекалъ: камо-тъ церна Арапина?
Айде, на старе бѣлеге,
Айде, бой да правиме сеги!»
И станули на старой бѣлегъ.
Рекалъ Дойчинъ: церно Арапино»!

«Врьляй на Дойчина болнога
Врьляй лька бъздованя,
Што-то има деведесе ока».
Вьрлилъ церна Арапина
Вьрлилъ тежка бъздованя,
Бо́ланъ Дойчинъ го у руке дочека́лъ.
— «Па се чекай, церна Арапино!»
Я вьрля́мъ тежка бъздованя!»
Овьрлилъ Дойчинъ бо́ленъ,
Та га накаралъ у земи
Накаралъ деветъ а́ршина;
Тага́ е пришéлъ Дойчинъ юнакъ,
Та му отсѣкалъ ру́су главу,
И ю турилъ ко́ню у зобнице.
Па тага разигралъ коня
Низъ Бу́дима града,
И ошéлъ на Петра албатина:
«Излезъ, излезъ, Петеръ албатинъ!
Да ти платимъ, Петре албатине,
Што ми си кова́лъ коня!»
Петеръ не смѣе да излезне;
Па излезнелъ Петеръ албатинъ.
— «Ела, да ти пла́тимъ!»
Излезнелъ е Петеръ при́ нега,
Дойчинъ извади свою-ту саблю,
Та му осѣче русу главу.
Па тага отиде на Павла побра́тима:
— «Излезъ, излезъ, Павле побра́тиме!
Да ти платимъ саблю,
Што си ми подострилъ».
Излезнелъ е Павелъ побратимъ:
Мане Дойчинъ со-съ саблю,
Та му главу осѣче.

Па тага отиде дома Дойчинъ,
Та размо́та деведесе лакта платно,
Што-то бѣше на негове болны косты,
И се съ душо растави́ло.

№ 187.

Село Жабленъ, Радом. окр.; 24 ноября 1879 г. записана со словъ болгарскаго солдата Ивана Дмитріева.

(тоже).

Боленъ лежи́ Дойчинъ добаръ юнакъ;
Тай лежалъ деветъ годинъ време:
Веч му се кости разлежале.
Богъ да біе церна Арапина!
Редомъ реди по Буди́ма града:
На ношь люби гиздави невѣсты,
На денъ люби гиздаве девойти.
Дочула е Дойчинова сестра,
Па си рони тія дребни сле́зы.
Съопазилъ е Дойчинъ добаръ юнакъ,
Па пращуе дильберъ Ангелина:
«Дали те се досадило, мене чуваючи,
Та си толко жално ты заплачешь?»
А она му по тія оговори:
«Не ми се досадило, тебе чуваючи,
Но Богъ да біе церна Ара́пина!
Редомъ реди по Будима града,
Редъ са̀ дойде́ на наши дворы,
Та за това я толко жално плачемъ:
На ношь люби по моми гиздави,
И си яде́ кра́ва ялови́ца,
И си піе деветъ бочви вино».
И е брато́къ по́ ти оговори:
«Я ми дай, сестро, платно́ бабочерно;
Умотамъ това́ кле́то серце,

И да справимъ това́ добаръ конь».
Кога́ додала́ му платно бабочерно,
Опаса се юна́къ, отегна́се,
Па си ста́на, та си справи́ своя добра конь,
И си зема́ своя тьнка сабля,
Па си яна́ своя добра коня,
Па излезна́ на росна ливадя.
Съопази́ га церна Арапи́на:
Па си рипна церна Арапи́на,
Па си я́на своя добра коня;
Оддалекъ се юнаци поздравія.
Побѣгналь е Дойчинъ добаръ юнакъ;
Ферлилъ се церна Арапинъ,
Удариль е Дойчина добра юнака
Удариль е у десно у зенгія;
Поверна́се Дойчинъ добаръ юнакъ,
Та у́дари церна Арапина,
Удари га меджи двѣ-то очи—
Въеднакъ се очи испьрснали.
Па си ойде Дойчинъ добаръ юнакъ,
Па си ойде́ до́ма на дворо́ве,
Па слезна́ одъ своя́ добра коня,
Па си улезна́ на своя постельтя:
Съопасаль е платно́ бабочерно,
И въеднакъ се съ душо раставило.

№ 188.

Г. Радоміръ; 30 ноября 1879 г. записана со словъ **Таски Петрунова Моавискаго.**

(Тоже, съ перемѣной имени Дойчина на Демьяна).

Лежи Демьянъ деветъ годинъ време
Та си лежи се на едно мѣсто:
Низъ очи му муи пролетели,
Низъ косты, му трѣва проникнала

У чамбасъ [1]) му зміи изводили;
И при него ядна Яна, мила сестра.
И говори Демьянъ, боленъ юнакъ:
«Леле, Яно, леле, моя мила сестро!
Я си ӧйды при Петре младо симичиче,
Да ми земешь три жешки симида,
И ми зе̍ми моя добра коня,
Та го води на Петре налбатинъ,
Да го кове, Богме, вересія:
Ако стане братокъ, че ти пла́ти;
Ако у̍мре, че му простышь»!
Продума си Петре младо налбаче:
«Нему ковемъ коня вересія,
Ако дадешь твое бѣло лице...»
И она с коня поверна́ло,
Па си ойде при младо симичиче,
Та си сакатъ три жешки сими́да:
Ако стане братокъ, че ти плати,
Ако у̍мре, Богме, че му простышь».
Я си сака младо симичиче,
Оно сака церни́ очи на зало́га.
Повернасе негова-та сестра
Сестра ядна-та Яна,
Повернасе въеднакъ наза̍де-ка,
И си верна́ коня некована,
И не земало той жешки симидо.
«Што-то бѣше той младо налбаче,
Оно сака бѣле лицѐ на зало́га,
Што-то бѣше младо симичиче,
Оно́ сака церни очи на зало́га».
Дума дума Демьянъ, боленъ юнакъ:
«Чуешь мене, моя ми́ла сестро!
Я улезны у ладны зевници́,

[1]) Волосы.

Та изнеси платнó бобучéрно,
Да увіемъ тія гнилú кóсти».
И она е брата послушáло:
Изнела е платнó бабучерно,
Та увúло тія гнилú кости,
И се метна на рамена,
Деветъ годинъ коня некóвана,
Ни'кована, ни зоба зобúло,
Ни м', Богме, ни вода пóено;
И си метнá коню на рамена
И си земá та остра сабля,
Што не е деветъ годинъ острена,
Запаса си Демьянъ, вреденъ юнакъ
Запаса си сабля не острена,
Не острена, ни па-й брисана;
Бутнá коня низъ тесне клисуры;
Ý срѣшта му цернá Арапúна:
«Э Демьяне, э боленъ Демьяне!
Я кадé си коня уберзúло?»
А Демьянъ му дума продумáло:
«Што ме прашашь, церно Арапúно?
Че да идемъ, да си я поплáтимъ,
Што ми е Петре коня ковáло,
И што ми е пратило младо симичúче
Пратúло ми жешки симида».
И си ойде, та си ока Петре налбаче:
«Чуешь мене, бре, Петре налбаче:
Я излезни, язе да ти платимъ!
Язе прати моя добра кóня,
И я ти прати тія подковалія».
А оно му сказало:
«Не семъ я подковалъ».
А Демьянъ му дума продýмуе:
«Язе прати Яна ядна сестра,

Ты-зи сакашь бѣло лице на залóга;
И си окна́ младо симичиче:
«Ела ты-зи! тебе да си платимъ!
Што ми прати́ три жешка симида —
Ты-зи сакашь церня очи на залога».
И тогай си боленъ Демьянъ
Извади си сабля неострена,
Тай погуби той младо налбаче,
И погуби той младо симичи́че,
Де-ка му коня нековали,
И дека му нее пратили
Не пратили той жешки симида.
Бутна ко́ня, въеднагъ се на заде верна́ло,
И си срѣтна церна Ара́пина:
Продума́ му въеднагъ боленъ юнакъ:
«Богъ те уби церно Арапи́но!
Што ми-мене ты-зи гово́раше?
Очешь съ мене ты бой да пра́вишь?»
И Арапинъ му ду́ма проду́муе:
«Очемъ» (рекалъ Арапинъ).
Продума му Демьянъ, боленъ юнакъ:
«Богъ те уби, церно Арапи́но!
Я семъ увилъ тія гнили́ косты;
Ты-зи ферли съ ле́ка воздогана».
Арапинъ е ферлило съ лека воздогано,
Демьянъ пружи́ та́я десна но́га,
И поверна́ лека воздога́на.
И тогай-си въеднакъ оно проду́муе:
«Богъ те уби, церно Арапи́но!
Я ми стани ты-зи на белѣга,
Я че ферлямъ съ лека воздогана»;
И си ферли, и си го нака́ра
Тридеветъ лакти у́ земи;
Пай си ойде при негова сестра

И му каза: «Яно, ядно сестро!
Я погуби той младо налбаче
И погуби младо симичиче,
И погуби церна Арапи́на;
Я одверти платно́ бабуче́рно,
Та ми одвій тія гнили́ косты,
И размоты ми до осемдесе раны,
Та на точи тія церни кърви,
Та белѣжи дервье и камене;
Та си слезни у гора зелена,
Та наточи вода у руменче,
Та донеси да си се напіемъ».
Даде Го́сподъ тоя силенъ дъждокъ,
Та си одмій дьрвье и камене,
И тогай се Демьянъ съ душа расстави́ло.
Тогай ока негова-та сестра:
«Леле Боже, леле мили Боже!
Я не можемъ брата да си найдемъ;
Я ме створи пиле ку́ковица,
Да си лети́мъ одъ дьрво на дьрво,
Егай би си брата погоди́ла».
Гарванъ гаче у гора зелена:
«Ела вуче, месо да яде́ме!
Ты да ядешь това люто месо,
Я да піемъ тія церни очи».
И тогай го сестра намѣрило,
Намѣрило и съ душа раставило.

№ 189.

Соф. окр., село Сливница; 6 февр. 1880 г. записана со словъ крестьянина Ангелка Тончина.

(Визирь Тодоръ поручаетъ Лютицѣ Богдану доставить ему жену и коня легенскаго короля и ключи отъ города Легена).

Пише писмо Тодоре визире,
Пише писмо на Лютица Богдана,
Та го прати у Легена града:
Да донесé ключи одъ Легена,
Да доведé любе Авионче,
Да докáра коня со-съ три чуда.
Ка' дойде Лютица Богдана,
Каже:
«Фала тебѣ, Тодоре везире!
Што ме окашь, Тодоре везире?»
— «Я те окамъ, Лютица Богдане,
Че те пратимъ у Легена града:
Да донесешь клю́чи одъ Легена града,
Да деведешь любе Авионче,
Да докарашь коня со-съ три чуда;
Че ти давамъ три товары благо».
Не сте много да мисли Лютица Богданъ,
Токо въеднага пойдé;
Отидé у Легена града:
Оды́ три дни по Легена града;
Срѣте га Легенскова краля
И каже:
«Фала тебѣ, Лютица Богдане!
Што шеташь по Легена града?»
Рекалъ Лютица Богдана:
«Младо си млого засиромашило,
Тражимъ да се цѣнимъ».
Одговáра легенски краля:

«Тражишь млады да се цѣнишь?
Д' очешь мене слуга да будешь?
Очемъ тебе младо да цѣнимъ».
И за пазаръ запазарили:
Засака му Лютица Богдана
Засака му триста и дваесе дуката,
А пазаръ направили
Триста и дванаесе дукаты;
Три дни дена са керчма пили,
На четверти дена отишли са,
Да слугуе Лютица Богдана.
Слугувалъ е деветъ годинъ време;
По́ступи десе́та година,
Не може да виды ключи одъ Легена града,
И не може да виды коня со-съ три чуда;
Ра́сердисе Лютица Богдана:
Запали Легена града,
Запали го одъ деветъ страна;
Легенски краль се уплаши́,
Уплашисе—уя́хна коня Голешава[1]),
Та побѣже изъ Легена града.
Тагай се верну Лютица Богдана;
По дворъ оды любе Авионче,
По дворъ оды, бѣли руке керши.
Проговори Лютица Богдана:
«Вала тебѣ, любе Авионче!
Кажи, де-къ су ключе одъ Легена града?
Кажи, де-къ е конё со-съ три чуда?»
Она тіе одгова́ра:
«Я си узми деветъ ключе
И отвори деветъ желѣзници,
Десета е врата одъ близница,

1) Голый (объясненіе сказителя).

И изведешь коня со-съ три чуда,
И тамо су ключи одъ Легена града».
И рекелъ Лютица Богдане
Рекелъ на любе Авионче:
«Премѣнисе у невѣстичко руо;
Изгреби бисеръ и ма́гаре,
Укачисе на конё со-съ три чуда».
Учинила това́ любе Авионче.
И ука́чисе Лютица Богдана,
Укачисе на конё со-съ три чуда.
Дочули троица юнаци:
Едно бѣше Релё одъ Релёво,
Други бѣше Янко одъ Косово,
Трети бѣше Марко одъ Кралéво;
Та збрали три силне войске,
Егá узма любе Авионче,
И по нéга коня со-съ три чуда,
И по нега ключе одъ Легена,
Салъ да не отиду при Тодора везира.
Тагай дочуло е Лютица Богдана—
Пристигли га три силни войски;
Ритну коня Лютица Богдана,
Вéркну конё подъ небеса;
Кагá се собудише три силни войсти—
Една бѣше на Релё одъ Релёво,
Друга бѣше на Янко одъ Косово,
Третье бѣше на Марко одъ Кралéво,
Се се чудомъ учудише:
Де-къ се дено тóе вреденъ юнакъ?
Чекало го Тодора везиро
Чекало деветъ годинъ време
Чекало го на свои дворове:
«Декъ се забави Лютица Богдана?
Че го манемо да го чекамо,

Да го чекамо десета година»;
Тамъ, мануше го и онъ достиже.
Тогай викалъ е Лютица Богдана:
«Вала тебе, Тодоре везире!
Како мене чекашь деветъ годинъ,
Оти мене не чекашь десета?»
И кога́ го виделъ Тодора визира,
Въеднага го у руке приватилъ:
«Вала тебе, Лютице Богдане!
Како цернеа [1]) по Легена града?
(Слѣдовалъ отвѣтъ Лютицы, опущенный сказителемъ).
«Да ми давашь любе Авионче,
Да ми давашь ключе одъ Легена,
Теби коня, коня со-съ три чуда» [2]).

№ 190.

Дуннич. окр., с. Бобошево; 13 дек. 1879 г. записана со словъ Хаджи Михаила Бѣлобрадовича.

(Страхиля, страшный воевода; его смерть).

Страхиля страшна войво́да!
Што си посеҳналъ и повеҳналъ?
Далъ ти е пушка дотеѓнала,
Иль те сабля омерзнала,
Далъ ти е конче постанало,
Иль ти е булче домилѣло?
—«Акмаджакъ кучюкъ, барьяктаръ!
«Ни ми е пушка дотеѓнала,
Ни ми е сабля омерзнала,
Ни ми е конче постанало»,
Ни ми е булче домилѣло;

---

[1]) Служилъ.
[2]) Слова визиря.

Акмаджакъ кучюкъ барьяктаръ!
Вчéра семъ миналъ—проминáлъ,
Презъ Рылска страшна планина,
Презъ хайдучки долины,
Презъ темны-те стервины;
Спадналъ семъ доле въ рѣка-та
При зелéна-та ливада,
Подъ дебела-та сѣнка:
Одкачилъ семъ рухо юначко,
Одкачилъ семъ сабля огнана,
Одкачилъ семъ пушка танкана,
Заспалъ семъ тамо въ ливадѣ —
Страшенъ сънъ сенилъ семъ:
«Страшно «потера» по менъ верви́
И тыя ми черны манафи«.
Проговорилъ Акмаджакъ кучюкъ барьяктаръ:
«Страхило, страшно войводо!
И тó ли да те учимъ?
Соблечи рухо юначко,
Извади оружіе страшно,
Облечи рухо прóстячко,
Сѣдни си на патъ
На керстопатъ;
Зéми си дервено пани́че;
Дека че мине «потера»,
Сѣки ште дарува те по гологанъ» [1]).
Сички «потера» изверве́
И дариха го по гологанъ.
Черно циганче казáло
Казало на сильна «потера»:
«Вие когó дарихте?
То е самъ Страхиль,

[1]) Турец. мелкая монета = 3 коп.

Самъ страшна войвода!«
И тогай се вернала «потера»:
Одрѣ́зали му глава́-та.
Страхилъ си загналъ[1]) безъ глава
И това циганче, што казало,
Онъ му одралъ кожа со-съ креми́къ.

№ 191.

Самоков. окр., с. Студеница; 8 февр. 1880 г. записана со словъ Банки Титева въ селѣ Клисурѣ, что близъ г. Берковицы.

(Груя юнакъ получаетъ дѣвушку Виду на пиру у юнака Янка «отъ Косова»).

Зачинисе Янко одъ Косова
Зачинисе госба да си чини:
Та покани́ седемдесе́ краля,
И покани́ Марко Кралевича—
Емъ го кани, емъ му дума дума:
«Ты да дойдешь, Груе недовбды;
Доде бѣхме старо побратимче,
Да не станемъ младо свакоштино;
Язе имамъ Вида малка мома».
Я Марко му по ти оговораше:
«Безъ се мога, безъ Груе не мо́га—
Оно ми е арна служба».
И си піятъ седемъ краля вино,
И си го пié Марко Кралеви́че,
Не пié го малко дете Гру́е;
Слуга имъ е Вида малка мома;
Вида малка има голѣма облога:

---

[2]) Побѣжалъ.

У бѣло дерво—абланево дерво,
У дерво-то три златныябуки,
Кой откине три златны ябуке,
Той че земе Вида малка мома.
Я си рипне дете младо Груё,
Та си рипна на юначки нозе,
Та си улезна́ у высоке яхере,
Та си справи коньче троего́дче.
Согледа го Марко Кралевиче,
Та па му по ти оговори:
«Тако м' Бога, дете, бре, Груице!
Зашто не справишь коня́ газибара?»
Па си яна дете, бре, младо Груё
Па си яна коня газибара
И отиде до една готока;
Тамъ е излезнала ала троегодска:
Ала рыпа коня да погълне,
Коне рыпа ала да погази
И говори на дете Груё:
«Клето да си и проклето!
Не ли видишь, де-ка младо че погинешь?
Што не ва́дишь сабля, да се бранишь»?
Послушало дете младо Груё,
Извадило сабля, та посѣкло ала.
Па си ойде до друга готока;
Тамъ излезна ошь пострашна ала:
Ала рыпа коня да погълна,
Коне рыпа ала да погази;
Проговори коня газибара:
«Клето да си и проклето, дете Груё!
Не-ль видишь, че да си младо погинешь?
Што не вадишь сабля да се бранишь?»
Послушало дете младо Груё,
Извадило сабля, та посѣкло ала.

Отиде си до третя готока:
Тамъ излезна ошь пострашна ала;
Ала рыпна коня да погълна,
Коне рыпа ала да погази;
Проговори коня газибара:
Клето да си и проклето!
Не ли видишь, че си младо да погинешь?
Што не вадишь сабля димискія?
Послушало дете младо Груё,
Извадило сабля, та посѣкло ала.
Отиде си у бѣло-то море,
Па си дете Груё по ти оговори:
«Тако м' Бога, коня газибара!
Да искубемо дерво низъ корене»;
Я конéкъ му по ти оговори:
«Да откинемъ три златны ябуки».
Откинáли три златны ябуки
Отъ той абланево дерво,
Та отишли дома-ка.

№ 192.

Село Верба, Радом. окр.; 28 ноября 1879 г. записана со словъ того же крестьянина.

(Жена Груи юнака измѣнница).

Сѣди Груя на Юрушъ-пладнина;
А што лети живо че проминé,
А што оды, подъ сабля че тури;
Па го дрéмка одремáло,
Па на любне пó-ти говори:

«Чуешь мене, млада Ангелина!
Очешь, карау́лъ да чувашь»?
А она́ му проговори:
«Очемъ, да оти да нечемъ;
Я ми дай твое ору̂жіе,
Я че сѣдамъ, карaулъ да чувамъ:
Э што лети живо че промине,
А што оды подъ сабля че ту́римъ».
И оно́ му додаде́ него́во-то оружіе́,
Та го зема млада Ангелина.
А сѣднала Груица войвода,
Тога легна́ та заспа.
Эте одатъ петъ стотинъ турчета;
А гово́ри млада Ангели́на:
«Чуете-ли петъ стотинъ турчета!
А вежите́ Груица войвода;
А они́ нёй говоря:
«Несмѣме него да вежемо;
Ако очешь кадана да бидешь,
Ты че вежешь Груица войвода».
И она зема диремли гайтани —
А гайтани отъ зелена еви́ла,
Та увеза Груица войвода.
Тога се го Турци разъокали:
«Айде, стани, Груицо войводо!»
—И оно се тогай свѣстило,
И тогай се чудомъ почуди:
«А како мене веза́а»?!
Покарали га.
Заплака него́во-то дете,
Заплакасе дете Міалаче:
«Леле тате, леле ми́ли та́те!
Я неможемъ, тате, да си одымъ».
А онъ му одка́зуе:

«А си иды кодъ твоя-та майтя,
Ега оче на конь да те каче».
И оно кодъ майтя отишло;
А она му говори:
«Назадъ, назадъ, юначко купело!»
И търнала сабля, да го уби;
И оно се кодъ башта вернало:
«Леле тате, леле мили тате!
Нече мама на конь да ме каче!
А онъ го зема на рамена;
Та слезнало доле у ливаде,
У леваде кодъ големи бути,
А при бути студени кладенци;
Тамъ се Турци разоблекли,
Тамо се сички заспали;
А што-то е Груица войвода
Та си прашта дете Міалатя,
Та го прашта при негова майтя:
«Украднало потай ножеве,
Та си изсѣче тія диремли гайтани».
— Леле тате, леле мили тате!
Я неможемъ гайтанъ да пресѣчемъ.
— Леле дете, леле Міалате!
Я ми рачете тоя бѣла меса.
— Немой, тате, жили да не сѣчé.
Тогай е рипнало на юначко ноге
На юначко ноге Груица войвода;
Та земало негово оруже,
Та посѣче петъ стотинъ турчета.
Побѣгнала млада Ангелина,
Побѣгнала въ Юрушъ-пладнина;
А Груица ёй говори:
«Я постой, курво! каде че бѣгашь?
Не утекло петъ стотинъ турчета—

Си самъ редомъ погубило,
Да ты ли, курво, утечешь?»
И оно е тогай уловило,
Уловило—погубило.

№ 193.

Дуппич. окр. мѣстечко Бобошево; 15 дек. 1879 г. записана со словъ Маріи Гёргевой.

(Груица юнакъ освобождаетъ дѣвушку отъ арапина).

(ХОРОВОДНАЯ).

(поется на оро(хороводъ), въ рождеств. святки).

Море Марко, море младый Марко!
Марко гради деветъ монастыра,
Десета е церква Маріица,
Та ги гради на друми широки;
Ете отадъ гиздава девойка
На Марка-те тія оговораше:
«Богъ помогналъ, Марко, младый Марко!
Честиты-те деветъ монастыра,
Десета ти света Маріица;
Вѣрувашь ли Бога Единого,
Пріимашь ли светого Іована,
Да ме отешь одъ церна Арапина».
А Марко тія оговораше:
Э ты-зе-ка, гиздаво девойче!
Та вѣрувамъ Бога Единого
И пріимамъ светого Іована;
Я си иди ōште по-на-горе,
По-на-горе зелено ливаде,
Тамо има Груица дѣтенце:

Прострелъ си е той бѣли чадори,
Та си пасé деветъ враны кóни;
Ты си сѣдни подъ бѣли чадыри,
Оно тебе че да те оты».
Ни слушало, мори, ни чекáло,
Но си ойдé опте по-на-горе,
Ойде у зелено ливáде;
Тамъ найде тое бѣле чадыре,
Подъ чадыръ Груица-дѣтенце;
Девойче му тія оговораше:
«Богъ помогналъ Груица дѣтéнце!
Да прати ме Марко, младый Марко,
Да ме отешь одъ церны Арапинъ».
Груица и по тія оговóраше:
«Э ты-зе-ка, гиздаво девойче!
Я си сѣдни подъ бѣли чадыри,
Та препридашь тоя бѣли ибришимъ [1]),
И ми подай лека буздогана,
Че пресрѣтна церна Арапина».
Па си станá Груица-дѣтенце,
Та пресрѣтна церна Арапина,
Та на нея тія говóраше:
«Э ты-зе-ка, церни Арапина!
Постой малко на бѣлега!
Та си ферли Груица дѣтенце,
Па си ферли съ лека буздогана,
Па си ферли фъ церна Арапина,
Накара го деветъ лакти у земя.
Та си станá Груи́ца дѣтенце,
Па си ойдé подъ бѣла чадера,
На девойче тія говóраше:
«Э ты-зе-ка, гиздаво девойче!

---

[1]) Шелкъ (свила).

Дали че идешь при млады Марко,
Иль че сѣдышь подъ бѣли чадери?»
Проговори́ гиздава девойче:
«Э ты-зе-ка, Груица дѣтенце!
Не̥ то ч' идемъ при млады Марко,
Ни че сѣда подъ бѣли чады́ри,
Но че ида фъ церква Маріица».
Па стана́ло гиздаво девойче,
Та си ойде фъ церква Маріица,
Па си ойде, фъ церква флезна,
Прекерстисе и Богу се помо́ли:
«Леле Боже, леле мили Боже!
Язе нечу на земля младене́цъ,
Язе сакамъ небеса́ младене́цъ».
Прати Господъ той Божи Ангелъ,
Та и тури той златенъ вѣне́цъ,
Та и тури на нойна-та глава;
Пресѣдело гиздаво девойче́,
Пресѣдело два дни и двѣ ношти
Пресѣдело фъ церква Маріица;
Та си слезна светый апостолъ Петеръ,
Та си слезна светый апостолъ Павелъ,
Та земахa гиздаво девойче,
Та земахa изнесохa го у небеса.

Посветилосе.

№ 194.

Джумалійск. окр., с. Панчерево (въ Пьяницѣ); 13 дек. 1879 г. записана со словъ Димитрія Кундева.

(Женитьба Янкола—Зеленъ-гора).

Заженилъ се Янколъ-зеленъ-го́ра,
А никаде си при́лика не найде́; *(повторяется стихъ).*
При́лика нашелъ въ Капетанска земя
При́лика нашелъ у Русійска земя;

Тамъ е нашелъ капетанска мома *(повторяется)*.
Крена Янкулъ презъ гора зелена,
Та накани китены сватове;
Проговори кума господи́на:
«Не пойте ми китены сватове,
Турска гора безъ айдуци не е *(повторяется)*;
Кога́ придеме у Русійска земя,
Кога́ придеме кодъ Капетанска мома,
Че се скара Русійско царо Капетано:
Зашто пояхмо презъ гора зелена,
Презъ гора зелена, презъ турска-та гора?
Турка има и ю Русійска земя!
Тамо шеташе Адеръ арамлія.
И дойдоа китены сватове
И дойдоа у Русійска земя,
И земаа Капетанска мома;
И кренаа Янколъ-зеленъ гора
Со-съ твои-те китены сватове
И кренаа презъ Церна-та гора.
Срѣтналъ ги Адеръ арамлія,
Та повреди́ китены сватове;
Янколъ-зеленъ гора напра́ви си
Самъ си направи боленъ и умре;
Ойде му китена невѣста
Та ойде́ на Адеръ арамлія.
Беркна́ китена невѣста
Беркна́ му у десна-та пазвука
И му каже: Адеръ арамлія!
Еле жена пуста да остане?
Я ми дай твое́ оружіе,
Да повреда Янкулъ-зеле́нъ гора».
И ю даде Адеръ арамлія
И ю даде свое оружіе.
Руска мома Капетанка хи́тра била

Не повреди Янкулъ-зеленъ гора,
Та повреди Адеръ арамлія
Та повреди и го уби́.
Тогай рече Янколъ-зеленъ гора:
«Я семъ живъ, а ты ли си жива?»
И стана Янколъ-зеленъ гора,
Та повреди со-съ своя сабля
Та повреди деветъ дулюма гора.

№ 195.

Село Драгоданъ, Дупнич. окр; 16 дек. 1879 г. записана со словъ Василія Бѣлобраскаго.

(Жена юнака Янка взята въ турецкій плѣнъ).

Сонъ сони́ла Янкулица млада
Предъ Великъ-день—бѣла сабота;
Емъ стану́е, емъ си сонъ казу́е:
«Э Янкуль, Янкуле чорбаджіе!
Двори ти са вода потана́ли;
Та пливнаа три дзегворе биволе
И пливнаа деветъ враны кони».
Проговори Янкулъ чорбаджія:
«Э ты-зе-ка, Янкулице младо!
Това не е тая матна вода,
Туку си е тіе клети Турци;
Язе ч' идемъ у церква Марія.
Па оти́де у церква Марія;
Турци му са двори поплѣни́ли:
Товари́а три коне иманье,
Товариа деветъ враны коне,
Заробиа Я́нкулица млада;

Што излезне Янкулъ чорбаджія
Излезне низъ церкве Маріица,
Извикна се Янкулица млада:
«Э ты-зе-ка, Янкулъ чорбаджія!
Я се верни назадъ ко́ня,
Дворы ти се Турци поплѣни́ли:
Товариа три кола иманье,
Товариа деветъ враны коне,
Заробиа Янкулица млада».
Проговори Янкулъ чорбаджія:
«Э ты-зи-ка, Янкулице младо!
Каде тія потайно оружіе»?
— Проговори Янкулица млада:
«Найнапрежь оружіе земаа,
Та по-тогай двори поплѣниа;
Я си иды у Стара-Планина,
Да си фанешь стара кобылица,
Што-то воды дванаесе ждребци».
Па отиде Янкулъ чорбаджія,
Посегна се, да си лови стара кобылица:
Дигна глава, она́ не дава́се.
Па гово́ри Янку́лъ чорбаджія:
«Э ты-зе-ка, стара кобылице!
А што не жалишь мое-то иманье?
Ако не жалишь мое первнолюбне,
Не жалишь ли твои деветъ сына,
Дека са ги Турци поплѣни́ли?»
Сложи гла́ва стара кобыли́ца,
Та я фана́ Янкулъ чорбаджія,
Та си крена презъ по́ле широ́ко —
Замаглисе магли праове.
Проговори Янкулица млада:
«Ви-е, клеты Турци!
Я си сто́йте, малко почекайте;

Язе имамъ до доветъ пау́на,
Ега́ стигнатъ и оны́ да дойдатъ».
Запреасе малко клеты Турци,
Достигна ги стара кобыли́ца,
Съ устъ имъ главы покина́,
И съоте Янкулица млада,
И съоте сичко иманье.

№ 196.

Трен. окр., с. Божица (на границѣ Вран. окр.); 4 марта 1880 г. записана со словъ Павла Лазарева.

(Янко юнакъ схватываетъ хитростью юнака Ивана Поповича).

Пойде Іованъ у шура на гостье да иде.
И съ него любе Станиславе.
Три дни оды презъ поле широко,
А четыре презъ горе зелене;
Іована се верло дремке одремале,
Па си моли люби Станислави:
«Я си викни, любе Станиславе,
Я си викни тенко, гласовито»!
— «Не смѣемъ Іоване, бре, стопане!
Тува има Курунъ кеседжія,
Онъ е верло мене пизманлія».
— «Што се боишь, кадъ се юнакъ о́дышь?»
Па се виче любе Станиславе;
Колко бѣше леко повикнуло,
Одъ гора листье опадну́ло;
Дочулъ Курунъ кеседжія:
«Кой ми, може Іована увати
Да увати и да го уверже,
Чю да му даемъ благо,

Што му е драго,
И чю му даемъ воеводлакъ
На седемдесе́ другала,
Што е мой билъ».
Избралъ се Янко одъ Косово:
Додайте ми гусле яворове,
Додайте ми седемдесе́ аршина ременя
Седемдесе́ аршина цервена ременя,
Я семъ ти Іована Поповича уватимъ
И семъ ти го увезамъ».
Па си дочулъ Курунъ кеседжія.
Па си допадне Курунъ кеседжія
Со седемдесе́ друга́ра,
И си верза, бре, Іована.
Па си говори любе Станиславе:
«Дай ми, Іоване, саблю,
Да ти я главу посѣчемъ,
Да знаешь, женски да поги́нешь».
Узме она саблю о́стру;
Не сѣчс она́ Іовану гла́ву,
Но одсѣче́ яко ременье;
Па си даде Іовану у десну руку
Па си даде остру саблю.
Па си оберну Іованъ наде́сно,
Па се оберну на́лѣво,
Нигде, нигде отъ айдука глава не остане,
Салъ остане любе Станиславе.
Па оти́де Іованъ со свое-то любе
И си стигна у тесне клисуре,
Та пречека Янка одъ Косова;
Па си беркне Іованъ у свилне джепове,
Да даруе прошляка голема дарба;
И говорн Янко—прошлякъ:
«Нечю мене голема дарба да даруешь,

Но ме баци Шарцу у тертіе,
Та ме носи на Битоле града —
Тамо има много мои прошляци,
Тамо има да се ранимъ».
И го баци Шарцу у тертіе,
Па си пойде поле широко.
Много се Янка дремке обориле:
Ка' си буде презъ горе зелене
Янка Іованъ веже со-съ червена ременя.
Тагай викне Янко, што-годъ може:
«Де-си да си Курунъ кеседжія,
Тува да си!»....

(Не кончена).

№ 197.

Село Бабица, Радом. окр.; 24 ноября 1879 г. записана со словъ Дѣши Тодорова.

(Женитьба Ѳедора юнака).

Заженисе Тодоръ юнакъ;
Одалекс[1]) девойтю затеклилъ;
Таманъ, дойде на майтю се каза,
Я си токлимъ Негритску девойтю;
Дори майци дума да издумалъ,
Достиже това ситно писмо;
Писмó читé—бѣлé сълзи рóни,
Ронилъ е Тодоръ доберъ юнакъ:
«Да си води деветъ стотинъ сватове;
Декъ че найде деветъ стотинъ сватове?»
А майтя си Тодора поучи:
«И това ли, сúнко, да те учимъ?
Да си позвешь Марка Кралевика,
Да ти кумокъ буде,

---

[1]) Т. е. одалекъ+е.

И да позвешь Янка одъ Косова,
Да ти деверъ буде,
И да позвешь Релю Крилатицу
Да го позвешь, старойтя да биде;
Отъ три града три юнака
Че доведу по триста сватове,
Че ти стану деветъ стотинъ сватове».
И оно е майтю послушало —
Позвало е тіе три юнака́ —
Станоше му деветъ стотинъ сватове;
Справляше се дванаестъ дьна
И справише дванаестъ кола;
Че караю воду студе́на,
Че да иду презъ Перимъ-планину,
Тамо нема воду да се найду;
А Марко нестѣлъ да покара воду;
Оставиле дванаестъ кола,
Оставиле и продумали:
«Кага идемъ у ловъ големъ,
Три недѣли воду се не піемъ».
А продумалъ Марко юнакъ:
«Па за вода ништа не би биде».
Оставише—воду не караше,
Та пройдоше презъ Перимъ-планину;
Отидоше у градъ-тъ Негрита,
Изведоше Негритску девойтю,
Па пойдоше презъ Перимъ-планину;
И спиташе китени сватове:
«Чуешь, Тодоръ младожене!
Върло жеде намъ е додеяше,
Че сла́зимо, кони да бодемо,
Да піемо тіе церни́ креви́».
А Тодоръ е дума продумало:
«Стойте малко—кони́ не бо́дете;

Потамъ има длубоки бунаръ—
Ни е длубокъ, ни е яко плитакъ,
Саде има семдесе́ лакти».
Отидоше тамо на бунари,
Погледаше воду да се виде;
Сви дружина воду тричи потьрнаше,
Кой че слази воду да издада;
Али Марко кумъ-тъ продумало:
«Че да слази Тодоръ младоженя —
Онъ се жени, воду че издае».
Ситне сълзе рони Тодоръ юнакъ,
И соблачи руо младоженско;
Връзаше га со-съ свилни по́ясы.
Пустише га у длубоки бунаръ;
Писну юнакъ, како люта змія:
«Леле куме, леле Марко Кралевиче!
Поголема змія яловита,
Поголема змія до колѣна»;
Па си пишти—то́нки гласи до Бога се чую:
«Поголема змія до пояса!»
Тьрже Марко добри юнакъ,
Тьрже да извади Тодора юнака,
Али змія Тодора непушта;
Притрьчалъ Янко одъ Косова,
Да помага Марку Кралевичу—
Па не може юнака да извади;
Притрьчалъ Реля Крилатица—
Па-й не може юнака да извади;
Привелъ си Марко Кралевичъ,
Привелъ си коня до буна́ра:
Тамо́ вьрза свилни поясы на груди,
Па извади огняна камжія,
Та у́дари коня шареного,
Удари го одъ бедра до бедра;

Разлютисе конь шареяны,
Та закопа ноге у землю,
Та закопа до ки́чице,
Та изнесе Тодора юнака,
Изнесе змію яловиту;
Марко тържe тай острá сабля,
Да пресѣче змію яловиту—
Онъ погрѣши, та поясъ просѣчи:
Па се юнакъ у бунаръ вернасе—
Пишти юнакъ—до Бога се чуе:
«Леле Марко, да мой миле куме!
Ако Марко ты да си отидешь,
Немой мене да си коня одведешь,
Поби конья, та ми конья вержи!»
И тогай си Марко конья побило,
И му конья верзало.
Кой че мине, самъ да види,
Да види, самъ да завиди.
Пишти Тодоръ юнакъ у бунари,
А конь-тъ му на бунара вишти;
Башка вика Негритска девойтя:
За кого ме Марко водишь?
Тодоръ юнакъ у бунари оста».
А дочула га вила-самовила,
Дочула га изъ-подъ ясна неба,
Па си паднáла дóле на бунари,
Та си пита Тодора юнака:
«Зашто лежишь у длубоки бунаръ?»
Одговори Тодоръ добри юнакъ:
«Погълнула ме змія ялови́та».
Тагай слезе вила-самовила,
Та распрала змію́ яловиту,
Извадила Тодора юнака,
Изнéла га горе на бунари;

Дума продумала вила-самовила:
«Тодоре млады младежене!
Викни, колко што можешь,
Тонки гласи до Бога да се чу́ю».
А Тодоре е тага продумало:
«Дерманъ немамъ—гласи да ишпуштимъ;
Викни-окни ты, моя посестримо,
Ега може Марко да дочуе,
Ега би се назадъ повернуло».
Викну—окну вила-самовила;
Доръ да ойду гласи до Ма́рка,
Деведесé кола дърва поломи́ло,
Дочулъ си Марко Кралевичъ:
Тагай Марко назадъ повернуло
И са-съ нега Негритска девойтя,
Та отоше та́мо на бунаръ;
Тамо сѣди вила-самовила
И при ню е Тодоръ младоженя;
Те иде Марко Кралевичъ,
Одалекъ се малко поклонило,
Одблизу руку целивало,
Аризалъ той желте жьлтице;
Те иде Негритска девойтя—
Аризала свилену кошулю.

№ 198.

Тренск. окр., с. Бабица; 25 ноября 1879 г. записана со словъ 10-тилѣтней дѣвушки Христины (Ристены) Стоянчиной.

(**Женитьба Ивана Черногорца**).

Заженисе Иво Церногоре;
Одалекъ затражи си девойти,
Одалекъ у Смедера града;

Тамо найде малена девойтя—
Емъ малена, емъ дарове нéма.
Аберъ прати малена девойтя
Аберъ прати на Иво Церногорце:
«Много здравлье, Иво Церногорце,
Да ме чека до двѣ, до три годиие—
Една година тенка да порастемъ,
Една година дары да наготвимъ,
Една година уми да позберамъ».
Аберъ прати Иво Церногорче:
«Много здравлье, малена девойтя!
Не чека ми не два дни, не три дни,
А то нели три године чека»;
Збрало е ки́тене сва́тове,
Та пойдоше на Смедера града,
Та придоше на Церно-то море—
Церно море одъ брегъ до брегъ біе,
Сегá, море све е пресенуло;
Околъ моря цвѣтье наницало
Найвече модра перу́ника;
Сви сватове по китку набраше,
Иванъ набралъ до двѣ, до три китке:
Една китка на милу балдазу,
Друга китка Иви Цорногорчи,
Третя китка малена девойтя;
Што-то китка на милу бáлдазу
Подъ китію со-съ церна мониста,
Што-то китка малену девойтю
Подъ китію жълте желтице,
Што-то китка Иви Церногорчи
Подъ китію со-съ кара-гроше.
Ка одоше на Смедеръ градъ,
Вѣнчаше ги, армасаше ги—
Што би законъ се прекарáше.

Дойдé время девойтю да воду.
Проговори Ива Церногорче:
«Да камо ви, млады кочіяши?
Докарайте ви, сремски кочіяше—
Накачимо малену девойтю».
Укачише мáлену девойтю;
Та и отидоше у Церно-то море—
Церно море одъ брегъ до брегъ біе;
Проговори кумъкъ и старойтя:
Назадъ, назадъ, китене сватове!
Назадъ, назадъ, море не газите—
Кой се жени, онъ че да го гази»;
А загази Ива Церногорче:
Ка' загази еднý зáтоку,
Вануло кóню до зенгіи,—
Ка' загази другу зáтоку,
Иву вати до равнá рамена,—
Ка' загази третю зáтоку,
Токо му се перо віе.
Проговóри малена девойтя:
«Назадъ, назадъ, Ива Церногорче!
Назадъ, назадъ, младо да не гинешь».
Па загази младена девойтя:
Сви сватове у скутъ запрегнула—
Кумъ, старойтю у лѣву пазуку,
Младоженю у десну пазуку,
Два девера на окато перо,
Си-те одъ-еднушь пренело.
Проговори кума господина:
«Тако т' Бога, малена девóйтя!
Са недѣля премлада невѣста,
До друга-та млада-та удовица,
До третя-та кума залюби́ла».
Богъ да біе кума господина!

Што думало, све се завршило:
Са недѣля премлада невѣста,
До друга-та млада-та удовица,
До третя-та кума залюбила.

№ 199.

(Загорье) Берков. окр., с. Клисура; 8 февр. 1880 г. записана съ словъ Тодора Найденова.

(Похвальба бана Петра).

Петеръ бано вино піе
Вино піе на ладны-те керчми;
И си пилъ и се пофалйлъ,
Што ю мене—у цару нема:
Я имамъ деветъ синове
Деветъ синове и деветъ снаи,
Една черка и деветъ унуци.
Дочулъ го царь Костадинъ,
И му прати това ситно писмо:
«Да си дойде то-зи Петеръ бано;
Че се онъ пофалилъ на ладны-те керчми,
Че у него што има, у мене го нема».
И си дошелъ Петеръ бано.
Та го пита царо,
Царь Костадинъ пита:
«Ты си, Петре, пилъ си,
И се тамо пофалилъ се —
Што у тебе има—у мене го нема?»
Царо го питува,
Петеръ му казува:
«Цару, царь Костадинъ,

Вишь, я имамъ деветъ синове
Деветъ синове и деветъ снаи,
И деветъ унуци и една мила
Една дащерчица мила».
Царо му казу́ва:
«Право имашь—у мене го нема».

№ 200.

Соф. округъ село Бутуне́цъ; 4 февр. 1880 г. записана со словъ Стоила Недѣлькова Кадиска́го.

(Банъ Петровитинъ успѣшно дѣйствуетъ въ пользу раи, при султанѣ Муратѣ).

Царъ султанъ земня біе,
Земня бье да утамне,
Да утамне, рая да преземе;
И си біятъ мижду Сава и Морава,
Та си біятъ деветъ годинъ дена,
Па неможе султанъ да надвіе,
Да надвіе, земня да утамне;
Той си пушти телалъ,
Пушти телалъ низъ Турска ордія,
Да му ли два дни, та па три дни:
«Кой се найме премладо юначе,
Да премине Дунавъ оданаде,
Да отиде въ града Масарева,
Да излаже Петровитинъ банинъ,
Да го фанемъ, глава да му埋ъ».
— Обадисе турче потурняче
Алилъ-бегъ войвода:
«Фала тебѣ, царъ султанъ Мурате!
Я да личишь оште два дни и па три дни,

Да намѣришь оште двѣ турчета
Двѣ турчета на моя прилика,
Што-то три дни и три ношти,
Што-то сѣдатъ дремка не задрематъ,
Што-то піятъ вино и ракія,
Што-то піятъ, а се не опиватъ».
— Та си личи царъ султанъ Мурато
Личилъ е два дни оште три дни,
Та намѣри оште два турчета.
Преминаха Дунавъ оданаде,
Отидоха въ града Масарева,
Па спаднаха на шарены чешмы,
Па си віятъ, ка'-то люты зміи,
Гласи пуштатъ до си́нё-то небо.
Што-то бѣше Петровитинъ банинъ,
А той бѣ легналъ, та бѣ заспалъ.
Зачула ги Петровица млада
Па си буди Петровитинъ банинъ:
«Стани, либе, да би да нестанешь,
Турци ти са градо испълнили».
— Сабудисе Петеръ, разбу́дисе,
И той дочу тія ясни гласи,
Той си влезна у новы ягъры,
Та изве́де коня Карамана,
И изнесе сабья димискія,
Што я правилъ майсторъ Димитрія,
Што се віе ка'-то люта змія,
Тія си сѣче дервья и камене;
Конъ воседна и сабья наметна,
И конъ бутна низъ града—возъ града:
Нема ништо, нигде да се гледа,
Метна очи край Масыръ-капія,
Тамъ согледа три млады турчета;
Той побутна коня Карамана,

П потегли сабья Димискія
И потегли сабья, да ги губи;
Клето да с турче потурняче!
Одалекъ е поклонъ поклонило,
Одблизу се молба помолило:
«Фала тебѣ, Петровитинъ банинъ!
Просты назе, Гбсподъ да ти просты,
Че бѣгаме одъ турска ордія,
Та идеме тебе-ка на индатъ[1])».
Саборъ стори Петровитинъ банинъ,
Та си спушти сабья у ножница,
Па ги викна на негова дома,
Та се Петеръ со-съ нихъ братимилъ;
Та сѣдели три дни и три ношти,
Та си ядатъ и си піятъ;
Што-то бѣше Петровитинъ банинъ,
Той подпи со-съ нихъ и се напи;
Клета да си три млады турчета!
Три дни сѣдатъ, а си не задремватъ,
Вино піятъ, а се не опіятъ;
А што бѣше Петровитинъ банинъ,
А той легна Петеръ, та си заспа;
Па го буди Петровица млада:
«Стани, либе, д' идешь,
Д' идешь, да си легашь».
— Петеръ дума продума:
«На ли ми свои побратими?
Та шта язе при нихъ да си легамъ»;
Остави го Петровица млада.
Клето да е турче потурняче!
Че си фана Петровитинъ банинъ,

---

[1]) Турецкое слово, значитъ помощь.

Та си везá Петровитинъ банинъ,
И го веза, и го обкóва:
На нодзе-те три чифта букиджіи,
На раце-те деветъ билезици,
На гърло-то десетъ синджиры;
Па го рита турче потурняче:
«Калканъ, калканъ, Петровитинъ банинъ!
Да піемо вино и ракія!»
Сабудисе Петеръ, разбýдисе,
Нам̀ѣрисе укованъ-увезанъ.
Што-то бѣше турче потурняче,
Той изведе коня Карамана,
И се верза Петеръ коню за опашка,
Па го забра по равны друмове,
Закáра го укованъ—увезанъ,
Закáра го на Стамбола града;
Тамъ излезне царь султанъ Муратъ,
И на Петеръ дума дýмаше:
«Фала тебѣ, Петеръ, добаръ юнакъ!
Зазнаяли, Петеръ, запазили;
Кога ние со-съ васъ біехме
Мижду Сава и мижду Морава,
Та се бихме деветъ годинъ време;
Кажи сега, Петеръ, добаръ юнакъ,
Кой-то бѣше одъ васъ найпервіё кралъ,
Што си язды коня Шаркалія,
Конь си язды и сабья си верты,
Дека мине низъ турска ордія,
Дека мине, сокаци отвори»?
— А Петеръ му дума думаше:
«Фала тебѣ, царъ султанъ Мурате!
Товá бѣше Марко Кралевитинъ,
Той си язды коня Шаркалія,
Той си язды и сабья-та верты».

Царь султанъ му думу думаше:
«Чуй ме, Петеръ, оште да те пи́тамъ —
А кой бѣше одъ васъ повторнїё кралъ,
Што-то язды коня Кулалія,
И той носи сабья димискія,
Дека мине, сокаци направи?»
— А Петеръ му думу думаше:
Това бѣше Хилванъ добаръ юнакъ,
Оданаде одъ града Дебелова»;
— Чуй ме, Петре, оште да те питамъ:
«А кой бѣше третїё кралъ,
Што-то язды коня Доралія,
Той ми-мене войстя нама́ли?»
— Одговара Петеръ добаръ юнакъ:
Това бѣше Дойчинъ добаръ юнакъ,
Той си язды коня Доралія,
Той ти-тебе войстя намали».
А чуй ме, Петре, оште да те питамъ:
«А кой ли бѣше штвертїё[1]) кралъ,
Што си язды коня аджамія,
И той бѣше самъ аджамія,
Той ни гледа, войстя да ми губи,
Само гледа со-съ конь да ги трепе,
Што не може со-съ конь да утрепе,
А той ги живи въ Сава изнакара,
Та си живи въ Сава издавіа?»
А Петеръ му тія одговара:
«Това бѣше Груйче мла́до дете́,
Той си язды коня аджамія,
И той бѣше младо аджамія,
Той си войстя въ Сава издави».

---

[1]) Присутствующіе слушатели-крестьяне той же деревни замѣтили сказителю, что лучше будетъ сказать «*четверты*».

— Чуй ме, Петеръ, оште да те пи́тамъ:
«А кой бѣше петыё кралъ,
Што-то язды коня Карамана
И си носи сабья-та голема,
Той ми-мене войстя-та битиса[1]),
Той погуби триесе риджале,
Той погуби дванаесе паши,
И погуби мое машко дете,
И да би джанамъ[2]) и мене фаналъ,
Да бѣхъ спадналъ у юначки раце,
Господъ знае, и съ мене
Што би штеше да стане?»
Проговори Петровитинъ банинъ:
«Фала тебѣ, царъ султанъ Мурате!
Въ раце ти самъ, право тю ти кажа:
Язе язда ко́ня Карамана,
Язе носа сабья-та голема,
Я ти-тебе войстя битисахъ,
Я погубихъ триесе риджале,
Я погу́бихъ дванаесе паши,
Я закла́хъ твое машко дете,
Да би джанамъ[2]) и теб' да бѣхъ фана́лъ,
Само не можехъ тебе да намѣра,
Че се скри подъ камилски самаръ,
Штехъ да дроба мѣ́рвка по мервка[3])
Найголема—што-то мравка носи»;
— Обадисе царъ султанъ Муратъ:
Фала вазе, триесе риджале!
Я фанете Петровитинъ банинъ,
Искарайте го на кра́ё,

[1]) Тур. слово, знач. совершенно уничтожить.
[2]) Тоже, знач. можетъ быть, вѣроятно.
[3]) Греч. слово, знач. часть.

На край-на калны чаире[1]),
Закопайте му нодзе у земня-та,
Потеглéте триесе сатыре[2]),
Здробнете го мервка по мервка,
Найголема—што-то мравка носи».
Извели го на калны чаире,
Закопаха́ му нодзе у земня,
Потеглиха́ триесе сатыре, —
Се се сатыре истрошили,
Нема сатыръ-Петеръ да порѣже,
Яли сатыръ-Петеръ да погу́би.
Помо́лисе Петровитинъ банинъ:
«Фала вазе, триесе риджале!
Тю се мола, молба ли пріймайте:
Стига мака толко на мене-ка;
Нема сатыръ у Стамбола града;
Я ѳанете коня Карамана,
Отидете въ града Масарева,
Та земете сабья димискія,
Што я правилъ майсторъ Димитрія,
Што се віе ка'-то люта змія,
Тія[3]) сѣче дервье и камене,
Тія ште и мен' да погу́би».
Што-то бѣше турче потурняче
Алилъ-бегъ войвода,
Той си ѳана коня Карамана,
Па го бутна презъ поле широко,
Турски дума, булгарски се моли:
«Леле Боже, леле мили Боже!
Ега́ да би Боже—да помогнешь,
Да погине Петровитинъ банинъ,

---

[1]) Тур. слово, знач. ливада, сѣнокосъ.
[2]) Тур. слово, знач. книжалъ.
[3]) Вм. то́я.

Да остане коня Карамана,
Конь да язда и конь да се наязда».
Па отиде въ града Масарева;
Одалекъ се турче провикнало:
Излезъ, излезъ, Петровица младо,
Изнеси ми Петрова-та сабья,
Да я носа на Петеръ добаръ юнакъ,
Че го прати царъ султанъ Муратъ,
Че го прати на бой да се біе,
Па си нема у Стамбола града,
Нема сабья за-ради него».
— Петровица му тія одговáра:
«Клето да си турче потурняче!
Когó лажешь, когó штешь да излажешь?
Я ли незнамъ, я ли незнамъ,
Че си нема у Стамбола града,
Нема сатыръ—Петеръ да погýби,
Та ште тая[1]) него да погýби».
Па е влела[2]) Петровица млада,
Та е зела сабья, та износи —
Емъ я носи, емъ се Богу моли:
«Леле Боже, леле мили Боже!
Егá да би Петру да помóгнешь,
Да отиде сабья у Петрови,
У Петрови рачицы,
Ега да би Петеръ да не погине»;
Изнеса я па я ферли насердыто.
А што бѣше турче потурняче,
Той не може самъ да я кáчи,
На се моли Петровици младо:
«Леле, варай, Петровице младо!
Помогни ми на конь да я качимъ».

---

[1]) Т. е. сабля.
[2]) Вм. *влезла*.

Помогна му Петровица млада,
Качи я коню Караману;
Па го' бутна турче потурняче,
Па го бутна презъ поле широко —
Турски дума, булгарски се моли:
«Леле Боже, леле миле Боже!
Ега да би Боже да помогнешь,
Да погубимъ Петровитинъ банинъ,
Да остане кóня Карамана,
Конь да язда, конь да се наязда».
Па отиде на калны чаире;
Срѣшнахa го триесе риджале;
Та се зема сабья димискія:
Наловатъ се петнаесе души —
Петнаесе души за черенó теглатъ,
А петнаесе души за ножницы теглатъ,
Па не можатъ сабья да извадатъ —
Извадатъ я педа и половина,
Па я пуштатъ, пуштатъ —
Тiя́ се въ ножници влезне.
— Помóлисе Петрови́тинъ банинъ:
«Чуйте мене, триесе риджале!
Кю се мола—молба ми прiймате:
Стига мака толку на мене-ка:
Нодзе ми се въ земи закóпаны,
На нихъ имамъ три чифта букагiи,
На раце-те имамъ билезици,
На гърло-то имамъ десетъ синджире;
Ако мене оште не вѣр'вате,
Фанете ме петнаесе души.—
Петнаесе-те души одъ лѣва-та страна
И петнаесе души одъ десна-та страна,
Одвежете ми саде десна-та рака
И ми дайте сабья у рака-та,

Да извада сабья низъ ножница,
Да я поклана на ваши-те раце, —
Вие мене съ нея погубе́те».
Излага ги Петровитинъ банинъ:
Наловія се триесе риджале,
Одверзах̌а Петру десна рака;
Што-то бѣше турче потурняче,
Той привлече сабья, та му даде;
Ка' я фана́ Петровитинъ банйнъ —
Што фана́ и Богу се помоли:
Фала, Боже, фала, вишни Боже!
На ли дойде сабья у рачица?
Помогни ми, Боже, да излезна,
Да излезна низъ турски-те раце,
Да отвора земня затво́рена»;
Па отферли со-съ палецъ ножница,
Та подигна сабья на лѣво,
Та посѣче триесе риджале,
И исферкна низъ черна-та земня.
А што бѣше турче потурняче,
Той си фана коня Карамана,
Па го бутна презъ поле широко,
Па го бутна—со-съ конь да бѣгна:
А разгледа Петровитинъ банинъ,
Та си виде коня Карамана, —
Превйкна се Петровитинъ банйнъ:
«Фала тебѣ, коню Карамане!
Шта те стигна на поле широко
И одъ теб' да керви се напія»;
Ка' го зачу коня Карамана,
Закопа си подзе у земня́-та;
Што-то бѣше турче потурняче,
Той му тегли талатинъ [1])—дизгине

[1]) Тур. слово—удила.

И го біе съ махмузъ [1]) чарклія [2]),
А одъ коня черни керви течатъ,
Само не штс напредъ да верви;
А што бѣше турче потурняче,
А той слезна—пѣшій да си бѣга;
А што бѣше Петровитинъ банинъ,
Той потегли сабья димискія,
Та одрѣза три чифта букагіи,
И одрѣза деветъ билезици,
И одрѣза десетъ синджиры —
Расковасе Петеръ—развезасе;
Па си стигна коня Карамана,
И нему се поклонъ направилъ;
Па се качи коню Карамано;
Па погледна нагоре, надоле,
Та согледа турче потурняче;
Провикна се Петровитинъ банинъ:
«Бѣгай, бѣгай Алилъ-бегъ войводо!
Да те вида, кой си юпакъ на земня-та»;
Па го стигна́ на поле широко;
Поверна се турче потурняче,
Поверна се—Петру да се моли:
«Леле, варай, Петровитинъ банинъ!
Просты мене, Господъ да ты просты».
А Петеръ му тія одгова́ра:
«Я да проста, сабья не проштава;
Ты я носишь одъ града Масарева»;
Па го фана Петровитинъ банинъ,
Та му одра раце до рамена,
И му одра нодзе до колѣна;
Па му Петеръ тія одгова́ра:
«Стани, стани, Алилъ-бегъ войводо!

---

[1]) Тоже=шпоры.
[2]) Тоже=кольца въ шпорахъ.

Да те гледамъ—какво ти прили́ча:
На раце-те алене кожуве,
На нодзе-те морови[1]) тузлуци[2]), —
Да те вода у Стамбола града,
Да те види царъ султанъ Мурата;
Па го забра по равны дру́мове,
Та отодатъ у Стамбола града;
Тамъ излезна царъ султанъ Муратъ,
И на Петеръ тія продумаше:
«Аферамъ тебе, Петре, добаръ юнакъ,
Аферамъ ти на твое юнагство,
Че погуби триесе риджале —
Просто да са, Петре, и одъ мене,
Просто да ти е и Стамбола града»;
А Петеръ му дума дума:
«Я излезъ, излезъ, царъ султанъ Муратъ,
Да да срѣшнашь Алилъ-бегъ войвода,
Да го видишь, колку му прилéга:
На раце-те алены кожуве,
На нодзе-те морови тузлуци».
Па излезна царъ султанъ Муратъ,
Одалекъ се Петру помóли,
О́дблизу му метанія направи:
Просты назе, Петровитинъ банинъ,
Просто да ти е и Стамбола града».
А Петеръ му тія одговáра:
«Я да проста, сабья непроштава —
Когó прашташь на калны чаире,
Кому теглишь триесе сатыре?»
Па го фанá Петровитинъ банинъ,
И нему одра нодзе до колѣна,

---

[1]) Т. е. валашскіе, цинцарскіе.
[2]) Особаго рода одежда, прикрывающая ноги отъ колѣнъ до ступни.

Па ги тури на чесна тарпеза,
Да си піятъ вино и ракія;
Па си пили три дни и три ношти.
Па си фана коня Карамана,
Та отиде въ града Масарева,
Та отвори земня затворена.
Кога Петеръ бѣха закарали,
Тогава се свѣто затворило;
Ка'-то стигна Петровитинъ банинъ,
Тогава се сички отворили.

№ 201.

Г. Радоміръ; 2 дек. 1879 г. записана со словъ Таски Моавискаго.

(Туре Арнауче грабитъ дворъ бана и уводитъ его жену; банъ настигаетъ его и убиваетъ).

Твои дворы, Бане, оплѣнеты!
Оплѣни́ и Туре Арнауче—
Деветъ мъски той бѣло иманье
И десéто той жълты желтицы,
Одкáрана Елена невѣста,
Твоя майтя-она зарóбена,
Мъшко детé подъ конь удáрено.
Дума дума баневіо коня:
«Слушай мене, бане чорбаджіё,
Ты-зи піешь у ладны меаны́
Та си піешь съ братя и дружина
И си піешь товá руйно вино,
И си піешь лютица ракія;
Твóи дворы, бане, оплѣнеты!
Оплѣни́ ги Туре Арнаýче,
Деветъ мъски той бѣло иманье
И десето-то жълты желтѝци,

Одвéдена Елéна невѣста,
Заррóбена твоя стара майтя,
Мъшко дѣте подъ конь ударено».
Тогай станá Бане чорбаждія,
И дума дума на негова кóня:
«Оче ние него да гониме?»
И коня му дума продумуе:
«Я ми тури два кутла белія;
Дури язе зоба да изббамъ,
Ты ми стегни дванаеса колана,
И ми тури сѣдло самостворно,
И тури ми тринаéсе кускуне,
И ми тури дзвѣзда дзвѣздоглава,
Што-то е со-съ дванаесе дизгине,
Приведы ме на бинекъ камикъ,
Тури нóга у зенгія,
Да гониме Туре Арнауче!
Бане тури нога у зенгія,
И се метна коню на рáмена;
Настаналъ е презъ пóле широко;
Задáдесе тая тевна магла,
Низъ маглá-та ситна росá рóси,
Низъ росá-та огинь просьявуе.
И тогай дума дума Туре Арнауче,
Дума дума Елени невѣсти:
«Чуешь мене, Елено невѣсто!
Задáдесе тая тевна магла,
Низъ маглá-та тая ситна рóса,
Низъ росá-та огинь просьявуе».
Елена му дума продумуе:
«Не е товá тая тевна магла,
И не си е тая ситна роса,
И не е това тоя ясенъ огинь;
Товá си е банева страія;

А што-тó тая ситна роса,
Кóня пеня ферля, та си роса иде,
А што-то тоя ясенъ огинь,
Она си е на конь одъ подкóвки».
Доде она ду́ма да изду́ма,
Достигналъ и Бане вреденъ юнакъ
Достигналъ и у поле Кóсово,
И въеднега на Туре говóри:
«Богъ те уби, Туре Арнау́че!
Кадé кáрашь Елéна невѣста?
Кадé кáрашь моя стара майтя?
Мъшко дѣте под конь си ударнлъ?
Девстъ мъски тія бѣли пáри
И десéта той жълты желтицы?»
И си бъркна Бана чорбаджія
Та си бъркна у десна-та чижма,
Та изва́ди тáя остра сабля,
И си вана Туре Арнауче
И го вана, и го накара
Три девстъ лакти у́ земи;
И си земá турéвіо коня,
И си вернá тегобно иманье,
И си вернá Елена невѣста,
И изроби негова стара майтя
И опушти́ товá мъшко дѣте.

№ 202.

Трен. окр., с. Бабица; 22 ноября 1879 г. записана со словъ Божиля Янкова.

(Невыполненіе юнакомъ Иваномъ своего намѣренія).

Лежи́ Иванъ бóленъ юнáкъ,
Лежи та три годинe дена:
Кързъ косты му трава проницала,
Кързъ очи муе пролитале.

Заправи́ль е де́веть че́шме',
Заправиль е де́веть мо́ста,
А си не еденъ не доправилъ —
Ни е чешме доправи́лъ,
Ни е мостове доправи́лъ;
Че си и́де це́ркве Раванице.
Покара́ли га камъ-то церкве Раванице;
Опази́ле га церкве Раванице,
Саме су се затвори́ле:
«Надъ-задъ, Иване юначе!
Кързъ костъ ти тра́ва проница́ла,
Кързъ очи ти му́е пролитале:
Не си се чешме доправи́ло,
Ни па-й си си мосты доправи́ло,
Нема време церкве да си дойдешь;
Да си чешме допра́вишь,
И да си мосто́ве доградишь,
Тегая у церкве да дойдешь —
Саме си че це́ркве отворитыı».
Иванъ се назадъ повернало,
И па-й-се съ душу раставило.
Оста́ле се чешме недопра́вене,
Остали су мосто́ве не догра́дены.
Иванъ си съ душо раставило —
Това тага́й така́ остана́ло.

№ 203.

Соф. окр., с. Сливница; 7 февр. 1880 г. записана со словъ Иліи Стамбуліи.

(Черный Арапинъ убиваетъ барьяктара Бана).

Што е чаде́ръ—поле побелѣло,
Подъ него е. еденъ чаде́ръ
Самъ одъ себе зеленъ;
Подъ нега е Бана барьяктара;

Бана свири—сва войска игра,
Бана пое—сва ордія слуша.
Посвиде се на церна Арапина:
Верли пушка низъ густа ордія,
Та удари Бану баръяктару,
На зло га е мѣсто удари́лъ,
На зло мѣсто меджи церни о́чи.
Проговори Бана баръяктара:
«Тако м' Бога дванаесе слу́ги!
Дове́дете ко́ня одъ лива́да,
Та беркнете у свилни бисаци,
Изведете одъ бѣлъ макъ мараму,
Та пребриште мои́ церни ке́рви;
Я ги пратимъ на моя-та стара майтя:
Ако не че менс да си види,
Да си види мои церни керви.

№ 204.

Велесксій окр. (въ Макед.); 2 дек. 1879 г. записана со словъ г. Лазаря Хаджіева.

(Дѣвушка воевода).

Де-ка се чуло-видело,
Мома булюкъ-баша да биде
Со сто и педе́се деліи,
Со тристамина се́ймени,
Со кадифе фыстанъ до земня́,
Со тьнка пушка на́ рамо,
Чифте-пиштоли на́ поясъ;
Сеймени-те и зави́деле,
Силна поплака дадо́ва:
«Нейкеме мома булюкъ-башъ!»
Мома булюкъ-башъ гово́ри:
«Месете пресна по́гача,
Турете алтенъ во нея,
Скършите парче по́ парче,
Кому ке паднетъ алтыно-тъ,
Той булюкъ—баша да биде».
Месива пресна погача,
Турия натре алтено-тъ,
Скършия парче по́ парче;
Па ней-зе алтыно-тъ падна;
Деліи-те завидова,
Па силна поплака да́дова:

«Нейтеме мома булюкъ-башъ!»
Мома булюкъ-башъ говóри:
«Ай на нышанъ да фы́рляме—
Кой ке ми погоди,
Той да ми биде булюкъ-башъ»;
Никой нышанъ не погоди,
Мóма ми нышанъ погоди.
Остане мóма булюкъ-башъ.

№ 205.

Г. Радомiръ; 1 дек. 1879 г. записана со словъ Таски Моавискаго.

(тоже).

Де се чуло, де видѣло,
Момá войвóда да биде
На семдесé дружина
И на седми́на родни́на!
Ишли са гора зелéна
Тури́ли пърстень на бу́ка,
Си-те си рéдомъ реди́ли,
Никой не можé да удри;
Окная момá румéна:
«Ела си, момá румена!
Ты-зи си млада войвода,
Та згодышь пърстень у бука».
И земá момá румена,
И земá си пушка филинта:
Не стои́ пушка да ферля,
Нело е онá клекнáла,
И ферли пушкá филинта,
Въеднакъ низъ пърстéнь прокарá.
Думаю въеднакъ думая,
Думая вѣрни дружина:
«Чуешь ли мóма румена!
Ты-зи ни бидé войвóда
До деветъ годинъ войвóда,
Опте деветъ да одишь,
Ты че ни бидешь войвода;
Каде ни ты-зе попратишь,
Ногу чесъ че ти и́маме».
И румéна имъ продума:
«Дружина, вѣрни дружина!
Очемъ да самъ ви войвóда:
Деветъ годи́ны я воды́,
Вие по мене, како пи́ленца;
Че одымъ и опте деветъ гóдины,
Че одымъ гора зелéна,
Да сѣдымъ сентя зелена,
Да пiемъ вóда студéна,
Да ядемъ вакли́ ягнéнца,
Да пiемъ вино червено
И тая люта ракiя.

№ 206.

Г. Радоміръ; 1 дек. 1879 г. записана со словъ Таски Моавискаго.

(Турецкіе жандармы отыскиваютъ гайдука Милена).

Та што мѝ се лелѣе—белѣе?
Да ли хиле, или бѣло кохиле,
Или самѝ нишéвски сегмéне?
Не е било хиле и кохиле,
Нело били нишéвски сегмéне,
И си тража Милена айдука;
И ванаа негова-та сестрá:
«Казуй, морѝ, Милена айдука!»
А сестра му дума продумуе:
«Я незнáемъ Милена айдука,
Че вертыме тыя цéрны очи,
Че сѣчеме рацѣ до рáмена,
Че сѣчеме нозѣ до колѣна».
Па-й си біе Милева-та сéстра:
«Казуй, курво, Милене айдука!»
Я она имъ пó-ти оговóри:
«Я не знáемъ Милена айдука!»
Извертеа тыя церны очи,
Па-й не каза Милене айдука;
Одсѣко рáцѣ до рáмена,
Па-й не каза Милене айдука;
Одсѣкоя нозѣ до колѣна,
Па-й не каза Милене айдука.
Ванаа си милево-то любе,
Дважь го, трижь го по пóле шибнáа:
«Казуй, курво, Милене айдýка!»
—«Че го кáжемъ, та грыжа ли ме е?»
И си каза Милена айдýка—

«Сестра му го у ковчадзи крие
У кавчадзи, у сви́лни дарове».
И ойдо́а нишенске сегме́не,
Ванаа си Милене а́йдука;
И сестра му по́ ти огово́ри:
«Немамъ, брате, очи, да те
Да те жално опла́камъ,
Немамъ, брате, рацѣ, да те
Да те пригърнемъ,
Немамъ нозе да те испратимъ».
И Тогай си нимъ дожале,
Дожалесе нишевски сегмене,
Опуштия Милене а́йдука:
«Просто да е твоё кабаатъ,
Да си ойдешь у гора зеле́на,
Да одсѣче́шь дерво я́хорове́,
Да напра́вишь гусле я́хорови,
Да си ранишь твоя́ ми́ла сестра»;
И тогай си вана́ли нишевски сегмене,
Ванали са милево-то любе:
«Зашто́, морѝ, ты-зе-ка неказа,
Што неказа́ Миле́на а́йдука,
Нело чека на негова сестра?
Извертеме тія церны очи
И одсѣкоме рацѣ до рамена,
Одсѣкоме нозе до колѣна,
Ты тогай каза Милена а́йдука?
Нему ние каба́хатъ простиме».
И погуби́ли миле́во-то любе.

№ 207.

(Макед.) Солун. округъ, городъ Девгелія; 29 января 1880 г. (въ Софіи) записана со словъ Лазаря Хаджіева.

(Разспросы турокъ про гайдуковъ).

Дейды, Милко, море, дервенджико;
Все си сѣдышь дервенъ чувашь,
Все си сѣдышь дервенъ чувашь
И си зимашь дервенджелыкъ;
Не видѣлъ ли, мори, Милко,
Кой помина, кой замина?
Право да ми кажешь,
Мене да не лажешь.
— Дейды, Исо, море, булюкъ-баша,
Лели питашь, право те ты кажемъ,
Тебе, Исо, не те лажамъ:
«Поминаа, Исо, море, заминаа,
Заминаа лоши лудье[1]),
Лоши лудье араміи,
Араміи Боймичани»[2]).
— Дейды, Милко, мори, дервенджико;
Колко ли бѣа дружина,
Дали млого, или малко?
— Дейды Исо, море, булюкъ-баша:
Оны бѣа многу дружина —
Седумдесе и седумъ друга,
Седумдесе 'вакви—такви,
А седумъ-те лоши лудье;
Накачиха планина-та,
Планина-та Боймія-та,
Па слегнаа у средъ село,

---

[1]) Вм. Людье.

[2]) *Боймица*—названіе села и планинѣ.

У село-то у Мерзинци:
Тамо бѣа мали моми,
Я грабнаа есмеръ[1]) Яна,
Я грабнаа и одведоа.

№ 208.

Софійскій окр., село Столпникъ; 28 ноября 1879 г. записана въ м. Брезникѣ со словъ солдатика Волка Гешова.

(Вѣроломный поступокъ турокъ съ молодцомъ Димитріемъ).

Сину Димитре, Димитре!
Не ли ти майтя думаше:
«Не мачи, сину, рая-та
Рая́-та и райца-та—
Одъ седе́мъ годинъ деца́-та,
Скуты камене да носатъ,
На гърбе де́рве да влачетъ,
Високи кули да градатъ,
И тія ханы широки;
Имашь ты, сину, душмане
Фо-фъ Врачанска-та наія:
Лютъ-Бродъ Лало джелеппинъ
И одъ Скървена Нено касапинъ —
Червено вино да піятъ
И тебе мезе да ядатъ,
Ште да те, сину, издадатъ».
Димитеръ майци думаше:
«Не бойсе, мале, не бойсе!
Да ми е живо турче-то
Турче́-то и пашинче-то
И пашиница аныма».
Кога́ е било́ са́бота срѣшту недѣля,
Димитеръ санъ сануваў,
И сино майтя думаше:
«Малеле, старо малеле!
Страшенъ семъ санъ санувау
Са́бота—срѣшта нѣделя:
Алено чубе на мене,
Аленъ се фесъ накривилъ,
Чифте пиштове зата́кналъ,
Руси мустаци засукалъ».
А майтя му се досети —
Пороны селзы, пороны,
Поро́ны селзы до́ земи,
Съ мермерги кърпе тріеше,

[1]) Тур. слово, знач. черный.

Емъ си отъ сина кріеше,
Па си на сина думаше:
«Небойсе, сину, небойсе!
Това е, сину, нахарно:
Чубе-та ти е кулá-та,
Фесьле-то ти е добрó-то,
Пиштоле ти са конче-то,
Мустаци ти са винó-то».
Когá е било сáбота—срѣшта недѣля,
Ето гавазе стигнаха,
И на Димитеръ думаха:
«Димитре, кара-Димитре!
Стегни коня куласта,
Д'идеме, море, д'идеме
Во-фъ Врачанска та наія,
Во Враца града голѣма,
Че си те пашá викаше,
Да ти теслимы ключеве
Одъ тія царски áмбаре».
— Димитеръ послушалъ тія гавазе:
Стегнá си коня куласта,
Ошелъ си въ Враца града голѣма;
Излезна си паша-та,
Па на Димитеръ думаше:
«Димитре, кара-Димитре!
Стегни си коня кýласта,
Иды си въ тія равни́ друмове».
И Димитеръ си го послуша,
Та си конче-то восéдна,
А конче си го уапа,
А Димитеръ се почуди:
«Божеле, мили Божеле!
Девстъ години шта стáне,
Ка яхамъ коня кýласта,
Не бѣ ме конъ уапалъ,
Сегá ме конче уапа;
Дали е на зло—на добро.»
— Димитеръ си верве
Верви по тія равни́ друмове;
Когá се назáдъ повéрна,
По негу иде ви́рушка;
Не си е билó ви́рушка,
Но си е билó джелаче;
И тамо си га пристигна,
И Димитеръ му думаше:
«Брелеле, варай джалаче!
Пушти ме, язъ да идемъ
Во-фъ мое село голѣмо
У тія мехени́ ладовны,
О дружина да се óпросто,
Лицé-то да си преміе,
Душа-то да си пре́чиста».
— А джелаче му думаше:
«Димитре, карá—Димитре!
Я шта те дружина опросте,
Лицé-то, што ти преміе,
Душа-то, што ти пре́чиста?»
Извади сабля—лютица,
Извади па махана,
Та му глава одсѣче;
А главá-то му скáчаше,
И язи́ко му дýмаше:
«Брелеле, варай гаваче,
Да си ме земешь, гаваче,

Да си ме носишь во-фъ Лютъ-Бродъ
На Лало джелéпинъ
И одъ Лютъ-Бродъ
На Нено касáпинъ:
Червено вино да піятъ
И мéне мезé да ѣдáтъ,
Че оны́ мене изъѣдó
И оны́ мене издадоа
На тія турци мьрсници,
Одъ турчинъ да ми е ѣджело;
Язъ самъ младо заги́нуло,
И стара майтя остáла,
Да вика за мéне, да плаче
За пьрвно чедо рождено—
Нема си нигде никого
Ни сина, ни то па щерка.

№ 209.

Соф. окр., село Суводолъ; 31 янв. 1880 г. записана со словъ крестьянина Жёты Илкова.

(Послѣдствія похвальбы раи передъ турками).

Павалилъ се младъ Стоя́нъ
Въ Едренъ-узунъ чаршія,
Предъ Селимъ-султанъ джамія,
На пашинó-то кавене,
Де има Стоянъ, де има,
Де има кончé рането
И како кончé хубаво!
Конче му чини три града,
Три града, колко Софія
И Софійска-та нахія;
Яко кончé му чинеше
Три града, колко Видина
И Видинска-та нахія.
— Аберъ си прати паша-та:
Да дойде Стоянъ, да дойде,
Кончé-те да си доведé,
Облога да си прáвиме;
Ако ме варне младъ Стоянъ,
Просто да му е Видина,
И Видинска-та нахія,
И Видинске-те конаци;
Ако ли варнемъ Стояна,
Че да му земемъ кончé-то,
Кончé-то и попонче-то»[1]).
Когá отиде младъ Стоянъ
На тія равни дру́мове,
Тамо затече паша-та;

---

[1]) Жена.

Направили са облога,
Та са пуштили кошія
По тія равни друмове;
А Стоянъ-си му говори;
«Пашо Видински, Ви́дински!
Пуштай си ты-зе кошія,
Я на-по-радъ тебе че идемъ».
И о́нъ-си пушти кошія,
Та си утече паша-та
До-три саты напреде;
Кога́ си ях̌на младъ Стоянъ
Ях̌на коня ранета.
Дигна си мъгли правове
И тія вири вѣтрове,
Та си стигна паша-та
На тія ровни друмове,
Стигна го и замина го,
Та си уте́че младъ Стоянъ
До-три саты напреде,
Та си отиде Стоянъ
На Видински те конаци;
Кога́ си ойде́ паша-та,
Та на Стояну ду́маше:
«Море Стояне, Стояне!
Просто да ти е Видина
И Видинска-та нах̌ія,
Саде́ ми не мой аре́мо
Аремо со-съ анеми-те»;
А Стоянъ си му говори:
«Пашеле, пашо Видински!
Ни сакамъ, пашо, Видина,
Ни сакамъ, пашо, конаци,
Ни сакамъ, пашо, анеми;
Да пратишь вѣрни дружина,
До дома да ме заведатъ».
Прати паша вѣрни дружина,
До дома да го заведатъ —
Дваесе души джалате
На друми да го изведа,
Па Стояна да си погу́ба.
А Стоянъ си коньче разведе
И на джалате говори:
«Бре, фала вама, дружино!
Айдете вие напреде,
Я че ви стигнемъ, дружина.
Па ях̌на коньче рането,
Та бутна коньче рането,
Та си на дворы отиде.
Кога́ джелате дойдо́а,
Та те Стояну говора:
«Бре, вала тебѣ, Стояне!
Насъ си е пратилъ паша-та,
Тебе-ка да погу́бимe,
А ты-си, море, утечи;
Сега́ че насъ погу́би»;
А Стоянъ-си имъ говори:
«Айдете, море, джелате!
Че земемъ сабля острена,
Та си-те че ви посѣчемъ»;
А они́ си му гово́ра:
«Море, Стояне, Стояне!
Губи ны, Стояне!
Што че ны губи паша-та,
Ты-зе да ны погубишь.
И Стоянъ си ги погуби:
Па имъ глави-те изрѣза;
Та ги на паша занесе,
На тоя паша Видински,

Та те му Стоянъ говори:
«Пашо Видински, Видински!
Я простихъ тебѣ облога,
Ты прати вѣрни дружина
Дваесе души джалате,
Мене-ка да се погуба,
А я ти носимъ глави-те
Одъ тія вѣрни дружина;
Подай си, пашо, главица
Че махнемъ съ остра бричница,
Че сѣчемъ тебѣ главица,
Да не кервавимъ постильтя».
Махналъ е съ остра бричница,
Одсѣче пашу главица,
Посѣче паша Видински.

№ 210.

Трен. окр., с. Бабица; 25 ноября 1880 г. записана со словъ 10-тилѣтней дѣвушки Христины Стоянчиной.

(Бѣгство раба и рабыни изъ турецкаго рабства).

Кадъ се била перв̑ня размирица,
Ка' вервею голе арнауте,
Пушки носе на голи раме,
Со-съ голе се сабля подпираю,
Што би старо, све су загубили,
Што би младо, све су заробили—
Заробише двѣ дѣцȁ близнста,
Закараше долѣ—дольню землю:
Едно си Витанъ младоробче,
Друго-то Мара, бре, робиня,
Та седѣше до дьнь до Великъ-дьнь;
Ка' би на дьнь на Великъ-дьнь,
Сви-те Турци у джамію отидоше,
Све-те буле тевериче чину,
Салъ остаде Мара, бре, робиня
И остаде Витанъ младоробче.

Проговори Мара, бре, робиня:
«Леле брале, Витанъ младоробче!
Стига, брало, ты сейще би́ло;
Стига, брало, я ащійтя била;
Айде, брале, ние да бѣ́гамо!
Тебе се ключи одъ яары,
У мени су ключе отъ съндыци;
Кажи, брало, што да грабе́мо?
— «Награбемо жьлте жьлтице—
Оны су льки за носенье,
Амо су тешке за броенье;
Да грабемо одъ бѣли́ гроше́—
Оне су тешки за носенье,
Ама су льки за броенье».
— «Да не карамо одъ врани́-те кони—
Они су си, брале, многолични,
Они, брале, насъ че да изда́ду
Че издаду, брале, да гинемо».
Загребли жьлте жьлтице,
Та бѣгали, та майтю тражили.

№ 211.

(Заг.) Берков. окр., с. Слатино; 10 февр. 1880 г. записана со словъ Лазаря Гергина.

(Турецкая расправа съ Димитріемъ, построившимъ укрѣпленіе для своей защиты отъ села Кунина).

Широко поле край нема,
Дребно каменье брой нема,
Хубава мома́ родъ нема.
Сине Димитре, Димитре!

На ли ти майтя думаше:
«Не прави кула камена
У това село Кунино —
Че са Кунинци душмане
Душмане и са верли а̀йдуци;
Та штатъ они да те излажатъ,
Та шта(тъ) послѣ да те побѣдатъ,
Та штатъ послѣ да те обѣсятъ».
Онъ майти си не послушалъ:
Та градѝлъ кула̀ ка̀мена
Са-съ седемдесѐ мазгале[1]),
Са-съ седемдесѐ пенджере.
И фанали послѣ една битка да біятъ.
Онъ се влезналъ въ кула камена,
И молилъ Бога тогива:
«Дай Боже Іовановски-те мразове
И дай Боже Петровы-те пекове,
Та кула да се распукне
И я тогива да искочимъ», —
Че е одъ-надворъ заключенъ бѣше,
Чекали го троица гавазе;
Допратилъ ги Генче паша одъ Орсово,
Та глава-та да му зематъ.
И фанали го троица гавазе,
Та привели при Генча-паша
Привели го у Орсово,
Джуапо[2]) да си предаде:
— «Зашто правилъ кула камена?»
— «Правилъ самъ кула камена,
Да се вардимъ отъ душмане —
Отъ тія Кунинчане,

---

[1]) Отверстіе.
[2]) Отвѣтъ.

Што са верли айдуци».
Рече му Генча-паша:
«Ты не си правилъ кула камена,
Да се вардишь отъ душмане-Кунинчане,
Нало си правилъ кула камена,
Отъ Генча-паша да се одтавнешь!»
Искарали Дмитра троица гавазе,
Та му главу посѣкли.

№ 212.

Г. Радоміръ; 30 ноября 1879 г. записана со словъ Таски Петрунова Моавискаго.

(Расправа юнака Николы съ Идрисъ-бегомъ).

Э Николо, Николо юна́че!
Не знаешь ли, Нико́ло юначе?
Кога́ бѣше первна размири́ца,
За́бѣгна́ме со-съ це́рни татары,
Та ойдоме мале, та ойдо́ме,
Та ойдо́ме у́ гора зеле́на;
Тамъ найдо́ме, мале, козарчета
И найдоме, мале, овчарчета;
Накара́ме у нове поя́та,
Запали́ме мале, ко́зарче́та,
И запали́ме, мале, овчарчета;
Ка пиштеа, мале, козарче́та,
Распукна́се земня на срѣде-ка,
Ка пиштеа, мале, овчарче́та,
Распукна́се небо на срѣ́де-ка;
И отаде, мале, побѣгна́ме,
Па ойдоме, мале, у Едреня града;
Сви кме́тове побѣга́ли
И ягаляры побѣгали,
Салъ остана́ у Едренѣ града

Салъ останá Идрисъ бегъ-войвода, —
И онъ со-съ иманье поуздáлъ.
Ка си ойде Никола юнáко,
И го видé Идрисъ-бегъ войвóда:
По дворъ óды, машко дете носи;
Дума дума Идрисъ-бегъ войвóда
Дума дума негова х̓анема —
Негова х̓анема и негова кадена:
«Слушай мене, х̓анемо, кадено!
Я готви той сладки яныи,
И той сладки татліи».
Дума дума Никола юнака:
«Я не очу той сладки яныи,
И не очу той сладки татліи,
Само х̓очу това мъшко дéте;
Продума си Идрисъ-бегъ-войвóда:
«Глава дáвамъ, детé си не дáвамъ».
Што-то бѣше Нúкола юнака,
Истергнá сабля димиція,
Да му сѣче негова-та глáва:
И онъ дава товá мъшко дете;
И заклá това мъшко дете;
Накладоя тоя ясенъ óгень,
Наклáдоя насрѣдъ на дворóве;
Майтя му со сльзы исчисти,
И дете се на рьженъ натéли,
И го печа на ясныё огень;
Само детé одъ ръженъ продума:
«Верты, тате, плешти изгорѣа,
Мажи, мале, глава ми изгоре».
«И отаде, мале, побѣгнáме».

№ 213.

Трен. окр., с. Бабица; 23 ноября 1879 г. записана со словъ Ристы Стоянова.

(Бракъ (христіанина) сына Будимскаго короля съ (мусульманкою) дочерью визиря.

(*Нельзя смотрѣть на лицо новобрачной*).

Дойде́ си паше Вериза,
Да си дойде́ при краль Будимъ-Видински.
Дойде, па-й говори паша Вериза:
«Чуешь мене, краль Будимъ-Видински!
Што че, да ти дума думамъ:
Жéны сина, да ти дамъ девóйтя».
Е си чуди драль Будимъ-Видински:
«Дали сину вѣра да промѣни,
Или паша атеръ растури?»
— «Болье, че си сину вѣра да промѣны,
Негли паша атеръ растури».
Собрашесе света неделя,
Собрало се деветъ стотинъ сваты—
Собраль е краль Будимъ-Видински;
Отоше у пашины дворы:
Што бие свѣтъ анетъ, све прекарáли,
И вѣнчали млады младéнци.
Пойдоше си китени сватове,
А остаде млады младоженя,
Остаде пеклю да кине.
Па си стиже китены сватове.
Пай-й говóри млады младоженя:
«Леле Боже, леле мили Боже!
Я подовни вѣтеръ ладовине,
Та подигни на невѣста прéвезъ».
Само е си Богу нажалѣло,
Та пóдуно вѣтеръ ладови́не,

Та подиже на невѣста превезъ:
Сина́ лице, како́ ясно сълнце,
Бѣло гърло-ясна мѣсечина;
Невѣста ошь преванала,
Па-й говори гиздава невѣста:
«Чуйте мене, два млади деве́ра!
Заставете свирке и тупане,
Заставете тои сремске кочіи,
Да надзерне на бѣло́ видѣло;
Нешто му е мука припаднала».
Заставише свирке и тупане,
Заставише той сремски кочіи;
Надзернало на бѣло видѣло:
Што надзерна́, веднекъ падна́ла,
Паднала и веднекъ умрела;
Младоженя пѣсань напо́яли.

№ 214.

Охрида; 29 янв. 1880 г. записана со словъ г. Лазаря Хаджієва.

(Турецкій способъ усмирять возмутившуюся раю).

Ми, собралъ Муратъ, ми, набралъ
Педесе́ и петъ Латыни,
И дервишь Муша одъ Дебра
Ми, дошелъ у села-то охридски,
Големъ зулумъ, ми, направилъ:
Села-та, ми, ги похаралъ,
Рая-та осиромашилъ.
Се собрале селани-те
Голема жалба сториле
До охридскія-тъ бегъ Джеладинъ:

«Аманъ, до Бога едного!
Муратъ и Османъ Дебранци
Живи, голи не соблекова».
Големъ се мезличь[1]) пособралъ:
Си-те бегови охридски,
И тія чорбаджіи охридски,
И улема-та битольска,
И кадія-та прилѣпски,
Кого мунасипъ[2]) да найдатъ
Кырь булюкъ-баша да ставатъ —
Села-та да ги умири,
Рая-та да я уложи.
Големъ, ми, мезликъ сториа:
Кузмана мунасипъ найдова,
Кузманъ кырь сердеръ да биде
Джеладинъ беговъ капетанъ.
Па, ми, пратиа сейменче
До това село Верблянн,
До кутя Кузманъ[3]) каримана;
Писмо-то му однесе,
И му проговори:
«Дейды, Кузманъ караманъ,
Джеладинъ-беговъ капетанъ;
Бего те вика на диванъ:
«Тебе тье ставя кырь сердарь —
Села-та да ги умиришь,
Рая-та да ся уложишь».
Кузманъ, ми, вели-зборува:

---

[1]) Совѣтъ, совѣщаніе.

[2]) Возможный.

[3]) Кузманъ былъ гайдукъ; онъ укралъ изъ имѣнія Джеладина-бега 12 коней. Назначеніемъ этого гайдука на должность булюкъ-баши Джеладинъ-бегъ думалъ поймать его. Кузманъ былъ изъ села «*Дольни Верблянив*», по сосѣдству съ которымъ находится село «*Горни Верблянии*».

«Де д'иды, турче будала!
Лисица на пазаръ иде ли,
И Кузманъ бегу на конакъ?»
Кузманъ, ми, писмо испея:
Виде подписъ на владыка-та;
Тогай, ми, Кузманъ вѣрува.
Стана си Кузманъ—отиде
Со-съ чифъ пиштоли нá поясъ
И танка пушка на раму,
Крыва-та сабля на плешка [1]),
Отидé въ града Охрида
Джеладинъ—бегу на конакъ:
До земя Кузманъ се поклóни;
Кузманъ, ми, вели—зборува:
«Де д'иды, бего Джеладинъ!
Да ти се много годины,
Што си за мене хитро пописалъ
И мене си повикалъ».
Джеладинъ—бего збóруе:
«Гей, иды Кузманъ кариманъ,
Джеладинъ—беговъ капетанъ!
Ние мупасипъ найдохме —
Кырь сердарь тебе стáвихме:
Села-та да ги умиришь,
Рая-та да я уложишь,
Османа, Мурата да ги фанешь,
Глави-те да имъ ги донесешь;
Него кефила [2]) да дадешь,
Оты вѣренъ те бидешь».
Тогай, ми, Кузманъ испадна
По чардакъ се прошета,

[1]) Бедро.
[2]) Тур. поручительство, гарантія.

И персти-те си кыршеше
И со-гласо-тъ, ми, викаше:
«Де д'иды мене до Бога!
За харамія кефилъ кой бива?»
Тогай, ми, чула була[1]) одъ харемъ;
Па си дойде на чардакъ,
Со машко си дете на раци;
На Кузмана була зборуе:
«Де д'иды Кузманъ кариманъ,
Джеладинъ-беговъ капетанъ!
Што ти е, море, што плачешь?
Што кыршишь пьрсты на раци?
Язъ те ты, будала, кефалъ за тебе».
У мезличь, ми, влезуе була-та
Влезуе и па ми зборуе:
«Де д'иды бего Джеладинъ!
Я сумъ кефилъ за Кузмана
Со мое-то машко дете!
Села-та те ты умири,
Рая-та те ты уложи,
Хараміи-те те ты исфатя»;
Джеладинъ-бего зборува:
Е, д'иды, Кузманъ кариманъ!
Ты си одъ-сега мой капетанъ;
Си-те кабате[2]) ты прошгевамъ;
Хайде си, сега, излези,
Дружина да си намѣришь,
Хараміи-те да си исфатяшь,
Глави-те да ми донесешь».
Кузманъ, ми, радо, подскокна,
По чаршіи, ми, си испадна,

---

[1]) Эта була была украдена Кузманомъ.
[2]) Тур. грѣхъ, преступленіе.

Дружина, ми, си насобра,—
Двасее и петъ момчиня́,
Одъ двасее и петъ години—
Кой нема майка, ни татко,
Кой носи крвава кошула,
Кой може да стигне и да утекне.
Отидоа въ село Верблянии [1]),
Сѣднаа да вечератъ;
Али, ми, си жалосенъ гласъ преѣстигна:
Де, д'иды Кузманъ кариманъ!
Харамъ [2]) да ти е вечера-та, .
Отровъ да ти е вино-то!
Османъ и Муратъ Дебранци
Вербляни горную запалиа,
И попо-тъ однесоа».
Тогай си Кузманъ поскочи,
Одъ амбаро-тъ се извикна:
«Де иды моя дружина!
Кой вечералъ-да вечералъ,
Кой не вечералъ—лѣба-тъ въ чанта-та [3]),
Нека стега на опинци ременье-то,
И на пушки кременье-то;
Бергу [4]) да сте предъ мене».
От-тамо си пойдо́а,
У Верблянe ойдо́а,
На Мурата дира-та [5]) зедова,
По него отидова
У тая пуста планина
У планина-та Гюлянска
До тая чешма студена

[1]) Т. е. *долніе* Верблянe.
[2]) Проклятъ (тур.).
[3]) Сумка на хлѣбъ (тур.).
[4]) Берго (Вр. окр.)=берзо=борзо.
[5]) Слѣдъ.

До Трайково-то бачило [1]);
Кузманъ, ми, праша овчаротъ-тъ:
«Де, д'иды, море, овчаре!
Не виде ли некои хараміи
Одевде да поминатъ?»
Овчаро-тъ право зборуватъ:
«Османъ и Муратъ Дебранци
И педесе и петъ Латыни
Денеска те дойдатъ на ручёкъ;
Осумъ овны сумъ приготвилъ;
До чешма-та те ручаатъ;
Вие метери [2]) фанете,
И тука гу удрите».
Кузманъ ми заповѣда
На свои-те дружина;
Си-те метери фанаа;
Оште имъ Кузманъ зборуе:
«Моя-та пушка дури не пукне,
Ваши-те да не пукаатъ;
Чуешь, ми, Митре търновче!
Ты да нишанышь Османа,
Я те нишанамъ Мурата;
И послѣ вие всичке-те
По еденъ да гледате».
Таманъ метери фанаа,
Хайдуци-те, ми, дойдова,
По край чешма-та сѣднаа.
Муратъ, ми, зеде тамбура,
Малко да, ми, се попее,
И си пее тако:
«Де д'иды Кузманъ кариманъ,
Джеладинъ-беговъ капетанъ!

---

[1]) Мѣсто, гдѣ приготовляютъ овечье масло.
[2]) Мѣсто, пунктъ.

Де си посранъ кауринъ?
Камо си? сега да излезнешь:
Бечви-те ти се на страна,
Гати-те ти се посраны».
Тога одговара Кузманъ:
«Бечви-те, ми, се на страна,
Пушки, ми, тенки на право».
Дваестъ и петъ пушки пукнаа,
Дваесе и петъ души кутнаа;
Друзи-те, ми, побѣгнаа;
Кузманъ и дружина му потерчи—
На рѣка-та мосто-тъ го фанаа;
И тамо метерисъ фанаа:
Дълго време не помина;
Эве-те, озгора хайдуци-те
Преко мосто-тъ вервеятъ:
Дваесе и петъ пушки пукнаха,
Дваесе и петъ души кутнаха,
Седумъ-мина побѣгнаа;
Кузманъ глави-те имъ ги пресѣче
У Охридъ ги однесе,
Предъ Джеладинъ-бегъ ги ферли:
«Эво, ти, бего Джеладино!
Глави-те одъ хараміи-те!»
Джеладинъ-бегъ бакшишь имъ даде
По едынъ конь на свички-те.

№ 215.

Село Рыла, Дупнич. окр.; 29 дек. 1879 г. записана со словъ Христины Стойчевой.

(Турецкіе жандармы отыскиваютъ Дима джелепина, семь лѣтъ неплатившаго бѣглика).

Димоле, Димо джелéпинъ.
Заптисалъ Димо заптисалъ
На цара бѣгли́къ да недáва
Одъ сѣдемъ годинъ на овáмо.

Царь му запраштa, запрашта
До седемдесе сеймени
И седемъ булюкъ-баши:
«Идете, Димо найдéте,
Я му глава земете,
Яли живъ го докарайте».
Станаа сеймени ойдóа;
Минаа поле широко,
Влезнаа у гора зелéна;
Провикнаа се сеймене:
«Димоле, Димо джелéпинъ!
Дека си, да се обадишь?
Ние сме млады тергóвци
Стóка-та ти ку́пиме».
Димо на планина сѣдеше,
Свое стадо пасéше;
Кадъ то рече: «млады тергóвци»,
И Димо се обади:
«Язе Васъ познáвамъ,
Какви́ сте тергóвци,
Каквá стóка те ку́пите!
Сеймене, млады левене!
Айде назадъ верныте,
Што-то сте пóмлады,
Нежалите младóсть-та,
И постаріи—децá-та!»
Сеймене му говоратъ:
«Жалеме, Димо, жалеме,
Одъ цара мира нéмаме:
Царь ни запрашта, запрашта,
Я глава да ти земемъ,
Я живъ да те кáраме».
— Айде се назадъ вернете,
Я да си посправимъ кончé-то,
И да се облéчемъ контóшо,
Што ми е контошь до пóясъ,
И на контóше каплама,
Одъ седемъ мечки кóжи-те
А одъ седемдесе мечéта».
И стана Димо, та ойде;
Додекъ сеймени да ойдатъ,
А Димо ги превари;
Одалекъ иде и вика:
«Цару-ле, цару чести́ты!
Отвори царски капіи!»
Какво е го царо видѣлъ,
Па на Димо вели-говори:
«Верни се, Димо, нетю те»;
А Димо му говори:
«Почекай, цару честиты,
Да піе кафе-петъ пáри».
Пай проговóри цáро:
«Вернисе, Димо, вернисе,
Зеръ не можемъ, да те гледамъ:
Оти ми е сéрце плашли́во;
Товари азнá петъ товары,
Само назадъ се пóверни».
И товари Димо петъ тóвары,
И се назадъ поверна,
И се верна при стадо си.

№ 216.

Г. Радомiръ; 2 дек. 1879 г. записана со словъ Iордана Лазарева.

(Руснакъ король Степанъ попался въ плѣнъ султану Бреязизу; притворно принимаетъ мусульманство и вмѣстѣ съ тѣмъ получаетъ руку дочери султана; затѣмъ, онъ убѣждаетъ послѣднюю принять христiанство, и вмѣстѣ убѣгаютъ въ Россiю къ цару Александру).

Ка си пойдé Руснакъ краль Стефане,
Та си пойдé презъ поле широко,
Та нападна у гора зелéна.
И ошелъ е султанъ Бреязизе,
Отишéлъ е со-съ петъ стотинъ души,
Та си ойдé у гóра на лóва;
Тамъ намѣри Руснакъ краль Стефана:
И си фана султанъ Бреязиза
Та си фана Руснакъ краль Стефана;
Продумá си султанъ Бреязиза:
«Е ты-зе-ка Руснакъ краль Стефане!
Ай д'ѝдеме на Стамбóла града;
Че ти готвимъ той сладки вечеры
И че давамъ султанка девойтя».
Продума си Руснакъ краль Стефана:
«Е ты-зе-ка султанъ Бреязизо!
Я не мога на Стамбола да д'идемъ».
Продумá султанъ Бреязиза:
«Е ты-зе-ка Руснакъ краль Стефана!
Ако ты-зи вѣра си промѣнишь,
Че ти дадéмъ половинъ Стамбола
И че дадéмъ двѣсте валявицы,
Што валяа тая чиста чоа,
Што валяа той сѝнё кадифе,
И че дадéмъ триста воденѝцы,
Што-то меля червенá ченица,

И че ти дадémъ султанка девойтя;
Ако нечешь вѣра да промѣнишь,
Че те туримъ у тевны тевни́цы,
Да си лежишь дванáесе годины».
Продумá си Руснакъ краль Стефана:
«Че да лежи́мъ дванáесе година,
Але нечемъ вѣра да си мѣни́мъ».
Затвори го султанъ Бреязи́зо
Затвори си Руснакъ краль Стефана
Затвори́ го у тевни тевницы.
У тевни́цы вода изви́раше,
Низъ вода жабреницы много,
Низъ дувара́ мишке излаже,
Оче нему чамбазъ да искубатъ.
И си прашта султанъ Бреязиза
И си прашта султанка девойтя;
Та си ойдé султанка девойтя,
Та си ойдé при тевни тевни́цы,
Та си ока Руснакъ краль Стефана:
«Я излезны Руснакъ краль Стефане!»
И и́злезна Руснакъ краль Стефана.
И продума султанка девойтя:
«Е ты-зе-ка Руснакъ краль Стефана!
Айде, ты-зе вѣра да си мѣнишь!
Че ти дадémъ половинъ Стамбола,
И че дадémъ двѣсте валявицы,
Што валя таа чиста чоа
И што валя тоа синё кадифе,
И че дадémъ триста водени́цы».
Продумá си Руснакъ краль Стефана:
«Е ты-зе-ка султанко девойтё!
Язе нечемъ вѣра да си мѣнимъ:
Я вие-ка никаковъ законъ, бре, немате;
Имате еденъ Мухамеда,

И вие си него истéпате
И со-съ пушки више со-съ тóпове;
Я у насъ ного добаръ законъ има:
Ка ни дойдé день, бре, Дюрдёвъ день,
Ние си него со-съ добро срѣтнеме;
Ка ни дойдé день, бре, Великъ-день,
И него си со-съ добрó срѣтнеме;
Ако очешь вѣра да си мѣнишь,
Да те водымъ у добрá Русія».
И продумá султанка девойтя:
Е ты-зе-ка Руснакъ краль Стефана!
Очемъ язе вѣра да си мѣнимъ».
И продума Руснакъ краль Стефана:
«Е ты-зе-ка султанко девойтé!
Я си ойды при твоя бабáя,
Та украдны до два добры конé,
Да бѣгаме у добрá Русія».
Отишла е султанка девóйтя
Отишла е при ноенъ бабáя,
Та украдна до два добри́ кóне,
Одведе ги Руснакъ краль Стефане;
И си качи Руснакъ краль Стефане,
Та си качи султанка девойтя —
Та я качи на врáна-та коня,
Я другия онó уяхнало.
Та пойдоа презъ поле широко,
Та придóа при бѣли́ Дунавье —
Дунавъ си е ного, бре, дотекло —,
И продума султанка девойтя:
«Е ты-зе-ка Руснакъ краль Стефане!
Ногу си е Дунавъ, бре дотекло»;
Продума си Руснакъ краль Стефана:
«Е ты-зе-ка султанко девойтё!
Айде ты-зе-ка, Богме, по мене-ка».

И загази Руснакъ краль Стефана
И загази презъ бѣли Дунавье,
И по него султанка девойтя;
Та минаятъ отадъ бѣли Дунавъ.
Ка придо́ при добра́ Русія,
И си пра́шта Руснакъ краль Стефана,
Та си пра́шта това́ бѣ́ло книжс,
У книже́-то това́ церно пи́смо,
Та го прашта цару Александру,
Да посрѣтна Русна́ краль Стефа́на,
Де-ка иде одъ Стамбола града,
И си во́ды султанта девойтя.
Провикна си ца́ра Александра:
«Е вие-ка два бързи юнака!
Я ойде́те церкви манастирье,
Запалете по церкви кандиле
И удрите той лѣпы дзвоно́ве».
И дочула султанка девойтя
Дочула е той лѣпы дзвонове,
И она́ си ду́ма продума́ла:
«Е ты-зе-ка Руснакъ краль Стефана!
Што е това̀, што си бія по ваша Русія?»
Продума́ си Руснакъ краль Стефана:
«Е ты-зи-ка султанко девойтё!
Това са си по церкви дзвоно́ве;
Я си прати́ това бѣ́ле кни́же
Та го прати ца́ру Алекса́ндру,
Дека идемъ одъ Стамбола града,
И си водымъ султанка девойтя;
И испрати цара Александра,
Та испрати тая добра война,
Та срѣтнаа Руснакъ краль Стефа́на».
Право иде Русна краль Стефа́на
Право иде на ца́реви дворы:

Качие се више на чардаци
И си сѣдна у ладны одаи.
И излезна̀ цара Александра,
Та прашуе Русна краль Стефана:
«Е ты-зи-ка Русна краль Стефана!
Еве стана̀ три година време,
Како̀ тебѐ на домъ-ле те нѐма».
И онъ си му дума продумуе:
«Е ты-зе-ка, цару Александру!
Затвори́ ме султанъ Бреязиза,
Затвори́ ме у тевне тевнице:
У тевнице вода извираше,
Низъ дуваре мишке излазеа —
Мишки низъ глава косъ ми оскубаа;
И си прашта султанъ Бреязиза —
Праштало си султанка девойтя, —
И она ми думу продумуе:
«Е ты-зе-ка Русна краль Стефана!
Како̀ каже, моё, бре, бабае:
Айде ты-зи вѣра да си мѣнишь,
Че ти дадѐ половинъ Стамбо̀ла,
И че дадѐ двѣсте валя̀вицы,
Што валяа тоа чиста чоа
И што валяа той синё кадифе,
И че дадѐ триста водени́цы,
Што-то меля цервена ченица,
И язе-ка дума си проду̀ма:
«Е ты-зе-ка султанко девойтё!
Я вие-ка никаковъ законъ, бре, немате,
Имате си еденъ Мухамеда,
И него си, Богме, истѐпате
И со-съ пушки више со-съ топове».
И исказа Русна краль Стефана
Та исказа̀ ца̀ру Александру.

И продума́ цара Александра:
«Е ты-зе-ка Русна краль Стефана!
Я покани ора и гра́дове».
И покани Русна краль Стефа́на
И покани хо̆ра и градове;
Сички-те се, Богме-ле, собрали;
Три недѣли, Богме, свадба-ле правило;
Четверта-та ги, Богме, испратило,
Да си идатъ до́ма на дворе́ве.
Минало се еденъ мѣсяцъ време,
И си пращта султанъ Бреязиза,
Та си пращта това́ бѣло книже,
У книже́-то това́ цѐрно писмо,
Да си иде Русна краль Стефана,
Да си иде на ца́ра на го́стье,
И да воды султанка девойтя.
И е ошелъ Русна краль Стефа́на,
И си ойде́ на ца́ра на гостье,
И одведе́ султанка девойтя.
Та си нареди си цара Бреязиза,
Нареди си два бързы юнака:
«Я фане́те Русна краль Стефана,
Та му-нему глава одсѣче́те».
И продума́ си Русна́ краль Стефана:
«Бога тебе, султанъ Бреязизу!
Немой мене млада да погубишь,
Да я семъ си еденъ у майтя
И у майтя, па-й ли у баштa».
Богъ да біе султанъ Бреязиза!
Не е тео да си го пожали:
Одсѣче му та́я руса глава;
Провикна се султанка девойтя·
«Леле Боже до милого Бога!
Ка ми бидо мома и невѣста,

Кога си семъ младá удови́ца»,
И я дочу Господъ одъ небéса,
Та си праты́ шарена змiица,
Со змiица шарена боклица,
У боклица вино троегóдско,
У винó-то зелена трѣвица;
И продума Господъ одъ небéса:
«Е ты-зе-ка шарена змiица!
Ка' си слезнешь доле на земня́-та,
Да си видышь, што е тоя пи́сокъ?
Ако си е ного одъ жалосты,
Скоро бърже душа да му свернешь;
И ако си е ногу, бре, одъ милосъ,
И ты-зе-ка душа да му земешь».
Ка си слезна шарена змiица,
Слезнáла е доле на земня́-та
И прашуе прелѣпа невѣста:
«Е ты-зе-ка прелѣпо невѣсто!
Зашто пиштишь, у Бога се чуе?
Да ли пиштишь ногу, бре, одъ жалби,
Или пиштишь ногу, бре, одъ милосъ?
Продумá си прелѣпа невѣста:
«Не пишти́мъ си ногу, бре, одъ милосъ,
Нель си пишти́мъ одъ голѣма жáлба».
И продума шарена змiица:
«Я ты-зе-ка прелѣпа невѣста!
Я си земи шарена боклица,
У боклици има вино троегодско,
У вино́-то зелена трѣвица,
Та си запой Русна краль Стефана:
Оче оно съ душа да си стáне».
И си земá прелѣпа невѣста,
Та си земá шарена бóклица,
Та запои́ Русна краль Стефана,

И оно́ си съ душу, бре, станало.
И е било у света недѣля:
Прекрести се Русна краль Стефа́на,
И си керсти, та Бога се моли:
«Леле Боже, леле мили Боже!
Што се чиня тыя клеты Турци?
Зима ми моя́ млада младо́е».
И провикна́ си Русна краль Стефана:
«Леле Боже, до милого Бога!
Я ми до́дай крыла пауно́ве
Да си бѣгамъ у добра́ Русія».
Пожали́ го Господъ милостивенъ,
Та му даде крыла́ паунове,
Та си бѣгна́ у добра́ Русія,
И си падна на ца́реви дворы.
Согледа го цара Александра
Согледа го више одъ дивана,
И онъ си е дума продума́ло:
«Е вие-ка два бързы юнака!
Излезне́те у равни́ дворе́ве,
Да фанете два лѣпы пауне».
Излезнаа два бързы юнака,
Да си фана два лѣпы пауне.
И тогай си оно продумало
Продумало Русна краль Стефана:
«Та не сме си той лѣпы пау́не,
Та я семъ си Русна краль Стефана,
Я други́-то султанка девойтя».
Вернаа се два берза юнака
Вернаа се, Богме, назаде-ка
И казуя цару Александру:
«Бога тебе, цару Александру!
Та не са си два лѣпы пау́не,
Нело си е Русна краль Стефана

И друго-то султанка девойтя».
И окна́ и цара Александра
Окна́лъ е више на ди́ваны;
Улезна у ладны одаи,
Та ги тури на сладки вечеры,
И си сѣда и си, ле, думая.
Продума́ е цара Александра:
«Бога тебе, Русна краль Стефана!
И си ручай и си кажи».
— Богъ да просты Русна краль Стефана! —
И онъ си му дума продумуе:
«Е ты-зе-ка, цару Александру!
Какъ да кажемъ, цару Александру?»
— Богъ да просты Русна краль Стефана! —
«Де си сѣдышь живо при мене-ка».
И продума́ цара Александра:
«Е ты-зе-ка, Русна краль Стефану!
Де си мине презъ мене-ка мрешка».
И казуе Русна краль Стефа́на,
Та казуе цару Александру,
Какъ го мачилъ султанъ Бреязиза,
Како́ му се лѣпо-ле молило:
«Нę мой мене, султане Бреязизо!
Да я семъ си еденъ, бре, у майтя
И у майтя еденъ и у башта;
Нете оно́ да мене лѣпо жали,
Та ме оно мене младо-ле
Младо-ле погуби;
Але Господъ ме-мене избави».

№ 217.

(Заг.) Берк. окр., с. Вершецъ; 11 февр. 1880 г. записана со словъ Николы Бѣлёва.

(Чудо надъ англійскимъ царемъ).

Писмо пише царо Ангелиски,
Запрашта го на Светá Гора
На Свста Гора-Илиндарь монастырь,
На стары игуменъ Саву:
«Да ми допратышь икуны и керстеве
И сребрено-то евангелье
И позлатены кандила;
Ако не допратишь,
Шта да пратымъ войска,
Да изгора Илиндарь и семдесе монастыра».
И новика Сава седемдесе игумена,
И повика двѣсте калудере,
И повика триста дякóне,
И повика петъ стотинъ магяре[1]),
И ги питаше:
«Ко'-то праты царо Ангелиски писмо
За икуны и керстеве,
Стояте ли кабумъ, да дадемо?
Да не запали монастыре!»
И сви-те казва: «неможемо
Неможемо да дадемо!
Нека запали, нека изгоратъ».
И тогива Сава запраты писмо
Писмо на царо Ангелиски:
«Не можемо да дадеме!»
Ка'-то зема царо Ангелиски

[1]) Послушники, занимающіеся кухней; отсюда магерница=кухня.

Ка'-то зема тое писмо
И прочети тія слова,
Допрати семдесе гемін войны,
Да изгоратъ Света́ Гора.
И запалиа Илиндарь монастырь,
И запалиа се семдесе монастыре,
Запалиа и обраа,
И пойдоа да си верватъ домо-ка.
И тоги́ва стары игуменъ Сава
Четеше едно писмо:
«Сбирайтесе седемдесе стары игумене,
Сбирайтесе двѣсте калудере,
Сбирайтесе триста дяко́не
Сбирайтесе петъ стотинъ магяре,
Да се молиме на Богу,
Единъ други да си исповѣдаме,
И дванаесеви литургіи да служиме,
Да ни би се на Богу смилѣло,
Да угаси тія седемдесе монастыре».
И се сбраа седемдесе стары игумени,
И се сбраа двѣсте калудере,
И се сбраа триста дякóне,
И се сбраа петъ стотинъ магяре
И се Богу мо́леа,
Единъ други исповѣдаа,
И служиа дванаесе литургіи.
И се на Богу думиле:
Издасе инъ теменъ облакъ
Облакъ изъ Бѣло-то море,
И удари единъ буенъ дажь,
Та угаси тія седемдесе монастыре;
Па си тресна одъ Бога,
Та погуби седемдесе ангилиски гемія.
Ка'-то дочу царо Ангилиски,

Прати едно писмо
На стары́ игуменъ Сава:
«Ты си единъ праве́денъ чове́къ!
Да се молишь Богу за-радъ мене;
Ако Господъ извади изъ море
Мои гемiи и мои-те войны,
Тогива че вѣрвамъ, че има Господъ;
И шта посребримъ сребрени евангели,
И позлатны кандила че направимъ,
И Светая Гора че заверда».
Ка'-то четеше стары́ игуменъ Сава,
Ка'-то четеше писмо и прочетеше,
Пакъ казваше:
«Сбирайтесе седемдесе игумени,
Сбирайтесе двѣсте калудере,
Сбирайтесе триста дяконе,
Сбирайтесе петъ стотинъ магяре,
Бо́гу да се молиме —
Единъ други да си испове́даме,
И дванаесе литургiи да служиме,
Да ни би се на Богу смилѣло,
Да извади седемдесе гемiи,
Да извади со-съ тiи войны».
И се сбраа седемдесе игумени,
И се сбраа двѣсте калудере,
И се сбраа триста дяко́не,
И се сбраа петъ стотинъ магяре,
И свалиа капи калимавки
И се Богу молеа,
Единъ други си исповѣда,
И дванаесе литургiи служиа.
И се на Богу думилѐ:
Та испраты светы́ Николая;
И си влезна Светы Николая

И си влезна у Бѣло-то море,
Та извади седемдесе геміи царски
Со-съ тія войны барабаръ
И дочу то царь Ангилиски:
И позлаты икуны и керстеве,
И посребри сребрены евангеля,
И позлаты кандила.

№ 218.

Село **Жабленъ** (Радом. округа) 27 ноября 1879 г. записана со словъ солдата Ивана Димитріева.

(Сербинъ юнакъ поражаетъ арапина).

Сербинъ зоби коня за Кра́ина:
Да га зоби жълта ечмена,
Вода пои вино одъ три годинъ;
Пуста се Краина размири́ла,
Сви су Турци на Ќраине пошли́;
Напредъ иде Сербинъ добаръ юнакъ,
Напредъ иде, бѣли барякъ носи.
Ка отойде на пуста Краина,
Краина се умери́ла;
Сѣдели су деветъ годинъ време,
Сви су Турци коне́ испрода́ли,
Сербинъ юнакъ ошь боле ко́ня узобилъ,
И продалъ е половина руа;
Па си стана́ юнакъ, па си пойде́,
Пойде да види Краина, како си умирилъ;
Вечь нема пари́ да си а́рчи,
Па на ко́ня по́ ти огово́ри:
«Леле коню, леле мое добро!
Вси су Турци коне́ испродали́,

Я самъ тебе оште боле узобило,
Продало́ самъ половина руо,
Вечи нема пари́ да си а́рчимъ».
А конь му по тія оговори:
«Постигны ми деветъ колана,
Ега́ би те изнелъ низъ тая Кра́йна».
И юнакъ му постегна́ до деветъ колана,
Па си яна тая добра коня,
Та си излезна́ низъ тая пуста земя;
Вечь се су нопти померкна́ли,
Па залежа́ Сербинъ добаръ юнакъ;
Па си стана́ рано одъ зарано,
На шарене-те чёшмы,
Да си пою тая добра коня;
Тамо найде гиздава девойтя,
Де си рони тія дробни слезы;
Запрашае Сербинъ, добаръ юнакъ:
«Зашто плачешь, гиздава девойко?»
— А она му по ти огово́ри:
«Язъ имамъ еденъ ми́ли братъ,
И сега́ го тато зажени́ло,
И мене облокъ дава;
Богъ да біе церна Арапина!
Оно че ме облокъ зёме».
— А Сербинъ по тія огово́ри:
«Вечь се самъ коня утраши́ло—
Язъ би тебе младо изроби́ло.»
—Беркна́ла девойтя у свилне джепове,
Та извади едны шати жълтици,
Та си даде на Сербина юнака—
Онъ да пія, и ко́ня да рани,
Кога́ пойде, за девойтя да иде,
Кой превари, онъ че земе гиздава дево́йтя;
Па си стана́ юнакъ, па си бйде,

Та си арчи неделя време,
Вечьемъ си е пари́ поарчи́ло;
Па си пошли рано одъ-зарано
У света неде́ля,
Да си иде на Прилѣпа града;
Сербинъ юнакъ оште спие,
Коня фи́шти, та Сербина буди:
«Стани, стани, Сербине юначе,
Не знаешь ли, каковъ обло́къ фата́ло».
— Съобудисе Сербинъ добаръ юнакъ:
Сълнце иде вечьемъ на заода,
Кога стана юнакъ, та погледна,
Сълнце ошло, вечь е на заоду.
Па си стана юнакъ,
Та си спра́ви та́я добра коня:
Тури юна́къ но́га у зенгія,
Дурь да тури юнакъ и она́е,
Стигналъ си е церна Арапина,
Стигналь го е юнакъ,
Миналь го е юнакъ,
Та право иде на момины дворы:
Нема кого на капи да иде́;
Бутна ко́ня, презъ кале прелетне́ло,
Дури ко́ня душа да ута́фри;
Пообо́ри тія високи чарда́ци,
Па си сѣдна́ кодъ гиздава дево́йтя;
Отадъ иде церна Арапина:
Нема што да чини на Сербина юнака,
Нель си тергна тая тенка са́бля,
Та уда́ри коня у клето-то се́рце.
— Проговори Сербинъ добаръ юнакъ:
«Што не дойдешь,
Да си съ мене біе́шь?»
Тергна юнакъ тая тенка сабля,

Та удари церна Арапина,
Удари го, на двое пресѣче:
Та пресѣче церна Арапина
И си зема гиздава девойтя.

№ 219.

Дупнич. окр., с. Бобошево; 13 дек. 1879 г. записана со словъ Димитрія Радова Бурова.

(Сравненіе сербскаго войска съ русскимъ).

Каква ми е Сербска гора!
Сербска гора Турка поцернéла!
У сербска-то гора малка мома плаче:
«А што нема никой да ме жали
И да оправа такó, да е право;
Немамъ майтя и што нема?
Кой-то мене да ме тажи».
Ой брайтя наши, брайтя Сербе!
Висóко вѣнóкъ цавтеше!
А што е Турка поцернела } *повто-*
У наша-та сербска гора, } *ряется*
Яко низко вѣнóкъ цавтеше.
А што нема зоря да зазори? (*повторяется*)
Каква че ми зоря зазори́?
Изъ Влашка-та, мамче, земля
Яко низко вѣнóкъ цавтеше —
Яка ми е, мамче, Руска войска,
Яко силна, мамче, иде войска,
И вѣнокъ яко низко предъ нихъ цавтеше:
А конь до коня, юнакъ до юнака.
Яко низко, мамче, яко низко
При Руска войска вѣнокъ цавтеше;
А што низко, мамо,
А што низко Руска войска —
Се е православна.

№ 220.

Тренск. окр., с. Баба; 7 февр. 1880 г. записана со словъ Гиги Тричкова Вирьянова.

(Изъ войны Турокъ противъ Сербовъ).

Виче вила съ Авале планина:
«Вама, Турци, у глави ви било —
Обметнусе една церна тица,
И обметну половинъ Шумадію,
И обметну Южичку наію,
И обметну Валевску наію;
Стара Влашка нему поручуе:
«Бре, не бойсе, Дёко одъ Тополе!»
Дочули се четри идаіе,
Редомъ че Сербію гореты,
Али не че Сербію даты.
Па имъ рече Воча мали паша:
«Не мойте си Сербію гореты —
Пойде ядна сиротыня;
Но опременете бико одъ Рудника,
Да отиде стойну Београду,
И дайте му зелена дурбисна[1]),
Да окрене преко Шумадію».
Ка' окрене преко Шумадію,
Ка' погледне у село Вербице —
У Вербице каквá сила сбила?
Се е конякъ до коняка,
Се е пѣшакъ до пѣшака,
И при ние Дёко одъ Тополе.
Одтамъ иде Воча, мали паша:
«Óды, Дёко, óды побрáтиме!
Да ти давамъ благо, колико ти драго,

---

[1]) Бинокль.

Да не блудишь ядну сиротыню»;
Дёко нему одговара:
«Имамъ благо, колко тебе».
Тогай Воча вели:
«Айде, Дёко, айде, побратиме!
Да те водымъ стойну Београду —
Ты да судишь, Турци да гле́да»
Дёка вели:
«Я не идемъ Стойну Београду.
Воча вели:
«Да опростышь, Дёка одъ Тополе!»
Дёка вели:
«Я да простымъ, на́родъ не че да опросты:
Млого те сте зулумъ починили —
Постави́сте бико одъ Руднико,
Та си о́ды по земю Сербію:
Куде́ има го́дена девойтя,
Бико люби годену девойку;
Постависте до-триста спаіе,
Та ны любе триста попадіе. —
Че се біе ядна сиротыня,
Че се біе, доде-ка си може.
Остана е сиротыня ядна,
Остана е безъ зако́нъ и безъ при́чесъ.

№ 221.

Соф. окр., с. Бояна; 30 янв. 1880 г. записана со словъ крестьянина тойже деревни Стоянча Величкова.

(Какъ болгаринъ одержалъ верхъ надъ туркомъ?)

Сведоа се два млады юнаци,
Сведоа се на бистро́ езе́ре,
Де си поятъ добри коне вода:
Еди́нъ Янче Капетанче,

Я другій Шадай Наячи́бро;
Коня пôи Янче Капетанче,
Я приведе Шадай Наячи́бро,
Я приведе коня дебелага;
Проговори Янче Капета́нче:
«Фала тебѣ, Шадай Наячибро!
Тегли Дёга—не моти ми вода:
Боле ми е Вранчина одъ Дёга,
А я по-юнакъ одъ тебе».
— Проговори Шадай Наячибро:
«По-добро мой конь одъ твой,
А язека по-юнакъ одъ тебе!»
Янче нышто му непродума;
Та си яхна коня Вранчина,
Та си ойде на негова до́ма,
Та си писа книга на-сердито:
«Фала тебѣ, Шадай Наячибро!
Я ти праштамъ книга на-сердито,
Да си дойдешь на стары боишта».—
Книга ошла му на вечера
И стигнала Шадай Наячибро;
Книга чети Шадай Наячибро,
Книга чети — не вечера —
Имъ я чети, грозно се смѣе;
Питала го него́ва-та майтя:
«Фала тебѣ, Шадай Наячибро!
Да какви ти радости стигнаха,
Книга четишь, а грозно се смѣешь.»
Одговори Шадай Наячибро:
«Мале мило, моя мале!
Сведоме се два млады юнаци,
Сведоме се на бистро езере,
Де си поятъ добри коне вода,
Язе со-съ Янче Капетанче;
(*Повторяется до конца ихъ столкновеніе*).

Янче нышто ми не продума;
Яхна ко́ня, та си ойдé,
А до мене книга проводило:
Да си дойдемъ на стары боишта».
— Проговори негова-та майтя:
«Леле сино, леле Шадай Наячибро!
Зъ добра си е змія закачила:
Ты си ималъ до деветъ амиджіи[1])
И си-те деветъ одъ него умреа,
И ты чешь одъ него да умрешь;
Я си иды на стары боишта,
Да не дойде на твои-те дворы,
Да не гледамъ я твои жалове».
Послуша я Шадай Наячибро:
Та си ойде на стары боишта,
(Тамъ го чека Янче Капетанче) —
Да се бора два млады юнаци;
Проговори Шадай Наячибро:
«Фала тебѣ, Янче Капитанче!
Я си ферляй перна буздогана»;
— Проговори Янче Капетанче:
«Ты си турчинъ, ты напредъ че ферляшь».
Та си везе Шадай Наячибро,
Та си везе перна буздогана,
Везе да удари Янче Капетанче;
Зачувасе Янче Капетанче.
Та си фана Янче Капетанче,
Та си фана перна буздогана,
Та я фана у десна рѫка,
И гово́ри Янче Капетанче:
«Держьсе, курво, Шадай Наячибро!
Какво че те біе болгаринъ!»

---

[1]) Тур. слово, знач. дядя.

Та заверте перна буздогана,
Та си удри Шадай Наячибро:
Накара го девеtъ лакти у церна-та земня,
Я четыри у дребни камени.

№ 222.

(Заг.) Берков. окр., с. Чипоровци (Турлаки); 21 февр. 1880 г. записана со словъ Сима попъ-Маркова.

(Генералъ Киша измѣннически передалъ туркамъ мадьярскій лагерь).

(СКАЗКА).

Проклетъ да е, триклетъ да е
Киша Генералинъ,
Шта издаде, шта издаде
Логурь на Маджара.
А и издаде, и издаде
Една школя ситны деца
И издаде и издаде
Янче Капетанче.
Това дочу, това дочу
Тія люты Рачко:
«Тако м' Бога, мое деветъ слуге!
Я стегнете сива Бедалія,
Я ударете сѣдло позлатено
Дори деветъ колана;
И ударете аша посребрено;
Те да идемъ, да си диримъ
Да си диримъ Кишу Генералинъ».
Излезналъ е люты Рачко,
Стегналъ е Сива Бедалія,
Запасалъ е сабля мегданлія,
И посѣдналъ е сива Бедалія;
Па улезе поле широко:
У срѣчу му иде Киша Генералинъ —
«Тако м' Бога, Кишо Генералинъ
Е..-тю твою-ту стрѣтю!
Шта издавашь логурь на Маджара?
И издавашь школя со-съ деца,
А издавашь Янче Капетанче?»
Ка' потегнулъ тія люты Рачко,
Ка' потену саблю мегданлію,
Та погуби Кишу Генералинъ.

№ 223.

Кост.-Бан. окр., с. Певѣстино; 9 дек. 1879 г. записана со словъ Стояна Митріева Бикъ.

(Сказка про богача и сына бѣдняка, наслѣдовавшаго все имѣніе перваго, по Божьей волѣ).

(СКАЗКА).

Ишелъ еденъ големъ чорбаджія; водилъ си со-съ него измитярье; одылъ три дни, село да си найде. Нашелъ една колиба, и у нея се невѣста растоварила[1]); рекелъ доматинъ: не можешь, да поминешь ту́ва, — эве́ се невѣста растоварила, та срамота е! И чорбаджія тогай рекелъ: си-те сме отъ жена, си-те сме на той редъ бивали дѣца; и тука че поминемо, на друго мѣсто не найдемо конакъ.—И сѣднали, вечера́ли си. И кога́ да легна́ли да си спіятъ, чорбаджія тогай говорилъ на негови измитярье: «спите! да спіеме! что че сонъ да видиме, и заютре да ми кажете». И спали, и ютре стана́ли; си-те си кажали свой сонъ; еденъ си трае не кажуе, и чорбаджія-та го прашуе; и онъ тогай си кажу́е: «срамота си е, да ти кажу́смъ». — «Кажи». И тогай онъ сонъ кажуе: «това детé мало тебе да ти ядé». — И той чорбаджія пойдé си, да си иде; и дете-то си искупи отъ башта и майтя, та го носи́ до една пештера—до камикъ носи́. И тогай на измитярье говори: «Това ли мене мало че ме яде?» и го ферли отъ камикъ доле. И имало тамо мечка, мечка со-съ меченца; та си прибера она дѣтенце, да е чува. И пойдатъ ловджіи на ловъ да идатъ; идатъ сви кодъ пéштера-та; спаднато си дѣтенце и меченца да си играятъ; погнаха ловджіи, да ги фанатъ, тія си скріятъ—и меченца и дѣтéнце у дупка-та; и ловджіи не могли да ги фанатъ. Па си ойдатъ ловджіи кодъ една ба́ба, па си кажатъ на баба: бабо! найдомо си мечéнца и еднó дѣтенце; погнаме си, да си фанемо дѣтенце-то, и оно́ рипна́, та си скри у дупка-та. Како че ни кажешь, да го фанемо?» И баба-та рекла: «идете, сино, у папук-

[1]) Разрѣшилась отъ бремени.

чіе-те; да си земéте едны кондуры, да си турете до ду́пка-та; ка' че излезнатъ меченца-та и дѣтенце-то, че обуе дѣтенце ко́ндуры-те, онъ со-съ кондуры-те не може да се улезне у дупка-та. Учинили тако ловджіи и тогай го фана́ли, и го одвели на еденъ х́анъ. И го е тогай х́анджія одъ нихъ зема́лъ; и имъ далъ, што испили, што изъѣли, а они́ го тогай на х́анджія дали́. И слушало дѣтенце дваесе годинъ у тое х́анджіе. И тогай си чорбаджія па-й намѣрилъ на той х́анъ, и тогай беендисовалъ[1]) момчето; и тогай той чорбаджія прашалъ той х́анджія: «оты го викате мечкарь?» И тогай му х́анджія кажалъ: «ловджіи го фанали одъ тая пештеры тамо; мечка го е издои́ла съ мечета; та го ловджіи донéсоа, та се семъ язе земалъ одъ нихъ».—И тогай се той чорбаджія сетилъ, дека го е онъ ферли́лъ, и на мысли, да го во́ды, да го-воды, да го сотрее па. И го зема отъ х́анджія-та, та му исписа книга, та го прати́ на неговъ домъ; и писа у книга: «многу здравье на доматинка-та! това момче—да го пратышь у овни-те, и да кажешь на овчарьé-то, да го съкнатъ со-съ псета-та, да го удаватъ псета». И товá момче пойде, че иде. На срѣшта му овчарь (самъ Господь) пладнувалъ си подъ верби до дру́мъ; и мечкарь рекéлъ: «помози Боже, дедо!»—Далъ ти Богъ добро, синко! «И тогай рекелъ деда: «кадé че идешь, синко?» — «Мене еденъ чо́рбаджія уцани́лъ, и ми книга даде, запечатилъ е». Рекелъ деда: «дай ми, синко, да поглéдамъ тая кни́га». И тогай погледалъ одъ тая книга, та му пише старецъ одъ дру́га кни́га. У друга-та книга пише: «многу здравье на доматинка-та! Това язе момче пратихъ; когá дойдé товá момче, да викашь кумъ и старойтя, и сватове, и момá-та да му вѣнчашь; а кадé дойдемъ, това, кадъ сте не заверши́ли, живе́тъ одъ васъ нéма».

Три дни по свадба-та, дойдé той чорбаджія, и погледнá, та си видé-негова-та штерка вѣнчана, вѣнчана за момче-то. И чорбаджія на доматинка-та си нышто не кажуе. И вечеръ, се стемнило; и си ошли, та си легнали момче и момá-та. И тогай чор-

---

[1]) Вспомнилъ.

баджія говбри на негова-та доматйнка: «Э, вие свадба провихте, и я тува се незгодихъ. Идьí ода-ранъ да раскарашь зето, да докáра одъ овнйте три овна. И си тогай чорбаджія напредъ си пратйлъ абаръ на овчарье-то: «когá дойде човѣкъ, вие да секнете со-съ псета-та да го псета удаватъ».

И тогай стана доматинка-та, да раскара зéто. Па зето си и мома легнáли и се призернáли; баба-та не могла да ги развйка. Па си ойде, та си вика нéйны-те синъ, та си го пратьí него за три овна да докáра, и башта му да зіяфетъ прáви. И тогай ойде сино и та набка на овчарье-то; и овчарье-то него секнали, та го псета-та удавили.

И тогай стане собалье чорбаджія та и си праша доматинка-та: «пратила си момче, да докара одъ овни-те? И она рекла: «пратйхъ наше-то момчé». И тогай се чорбаджія загне, та си отерчй кодъ овчарьé-то, и си тогай найде неговие си синъ, дéка го псéта удавйли, раскинали. И тогай жечка пукне на чорбаджія, та си умре.

И тогай на мечкарь стока остапала. Онъ мало на чорбаджія ручалъ.

№ 224.

(Нѣсколько пословицъ).

Дойдé ми умъ, ама бѣгá кумъ (Пирот. окр.).
Жени мóма да не дóма (с. Бобошево Дупн. окр.).
На чій возъ возишь, тóму пѣсень поéшь (Пирот. окр.).
Свакій петелъ пее на свое бунипште (Пирот. окр.).

ПРИБАВЛЕНІЕ.

---

1) Млечный путь носитъ у Болгаръ въ Пиротскомъ округѣ названіе «Слама». Названіе это народъ объясняетъ такъ: былъ случай, что кумъ у кума укралъ солому; путь кума-вора пролегалъ по тому пути, который виднѣется на небѣ; когда онъ несъ украденную солому, то отдѣльные стебли ея упадали на пути, и оттого виднѣющійся на небѣ путь называется «Слама».

2) Въ Радомірѣ говорятъ, что юнакъ Марко живъ; его гроба нѣтъ нигдѣ; въ настоящее время онъ сидитъ въ планинѣ Балкана «Ада», которая находится среди моря.

3) Близь деревни «Извора», Радомірскаго округа, на пути отъ Радоміра въ Кюстендиль-Баню находится городище (= градиште), гдѣ, говоритъ народное преданіе, былъ городъ, во время Болгарскаго царства. Близь этой мѣстности тянется планина Слива, соединяющаяся съ По́логъ-планиною.

4) Сёла въ Радомірскомъ округѣ по правую сторону шоссейной дороги, если ѣхать изъ Радоміра въ Кюстендиль-Баню, извѣстны подъ однимъ общимъ названіемъ «Пьяница»[1]), а по лѣвую сторону — «Кра́иштa». Краишта начинается отъ села Лобошъ вверхъ. Сёла, идущія внизъ отъ села Лобоша, съ городомъ Радоміромъ извѣстны подъ однимъ общимъ названіемъ «Мрака». Послѣднее названіе обязано своимъ происхожденіемъ тому, что здѣсь бываетъ частый туманъ (= мракъ).

---

[1]) Часть «Пьяницы» осталась за Турціей по берлинскому договору.

Считаемъ необходимымъ сдѣлать замѣчаніе о выговорѣ употребленныхъ въ этомъ сборникѣ нѣкоторыхъ новыхъ знаковъ.

Знаки *а̔* (а̔рмосана), *е̔* (е̔зеро-182), *и̔* (и̔ня), *о̔* (о̔ды) должны быть произносимы съ придыханіемъ, на подобіе латинскаго h, т. е. ha, he, hи, ho.

Въ произношеніи другихъ гласныхъ читателя можетъ затруднить произношеніе *е* въ такихъ случаяхъ, какъ нéбо и голéмъ, наряду съ голѣ́мъ. При неустановившемся болгарскомъ правописаніи[1]), составитель сборника не могъ избѣжать непослѣдовательности, которую онъ и отмѣчаетъ, и въ настоящемъ мѣстѣ предлагаетъ вниманію читателя имѣть въ виду разницу въ произношеніи такихъ случаевъ, какъ небо и големъ: въ первомъ *е* твердое, приближающееся къ *э*, во второмъ оно мягкое, приближающееся въ произношеніи къ к и *ѣ*. Произношеніе перваго случая извѣстно всякому ознакомленному съ болгарскимъ нарѣчіемъ, гдѣ звукъ *н* имѣетъ всегда твердое произношеніе; но относительно втораго случая этого сказать нельзя, такъ какъ произношеніе звука *л* въ однихъ мѣстностяхъ мягкое, а въ другихъ твердое.

Осторожный читатель, надѣюсь, всегда будетъ имѣть въ виду основныя особенности произношенія звуковъ въ болгарскомъ нарѣчіи. Разница произношенія *е* въ различныхъ мѣстностяхъ Бол-

[1]) Какъ объ этомъ пишетъ (14 апр.) мнѣ проф. М. С. Дриновъ.

гаріи условила и подобное правописаніе въ этомъ «сборникѣ», какъ еté и этé, въ первомъ случаѣ *e* мягкое, во второмъ твердое.

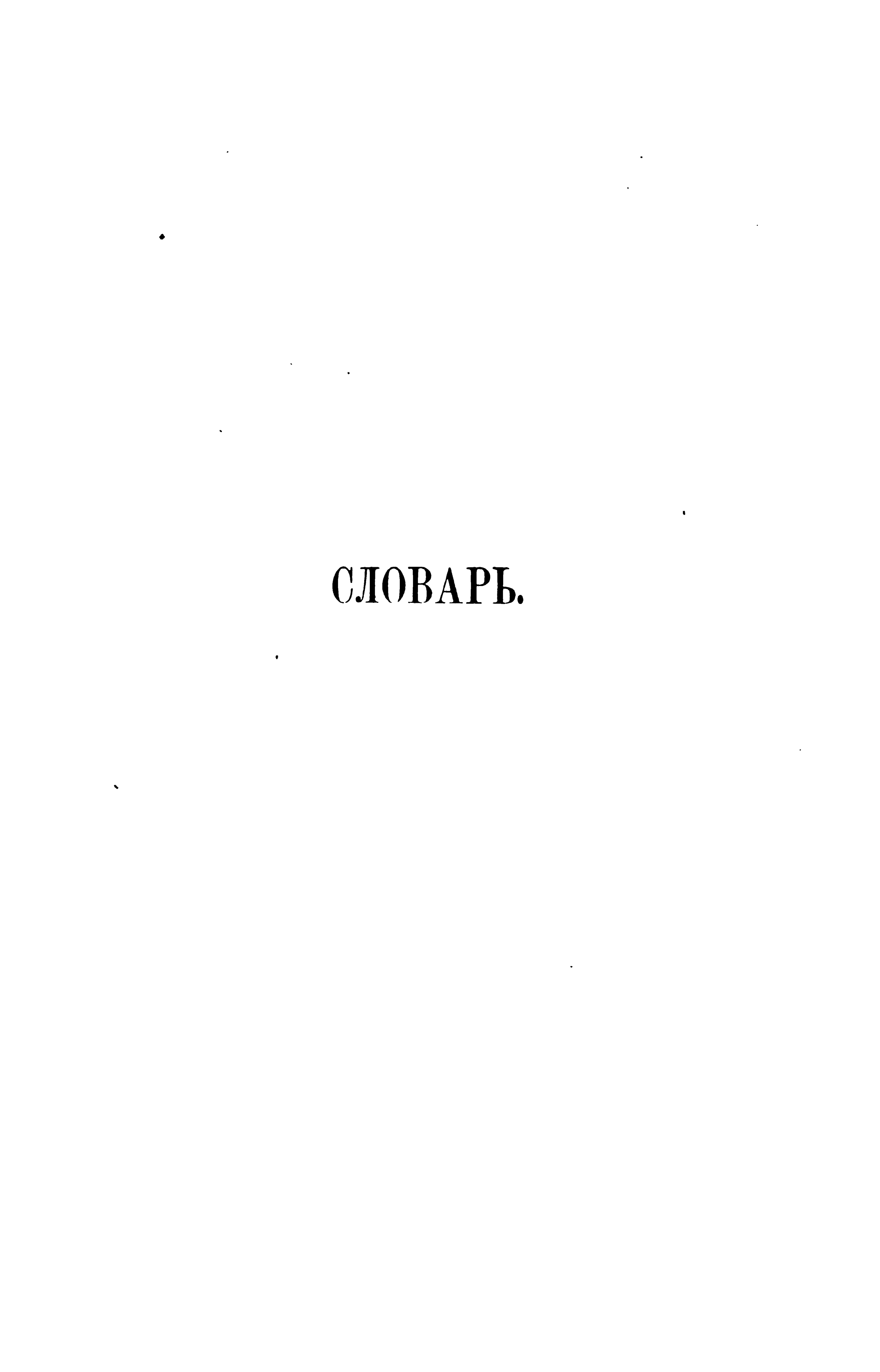
Въ отдѣлѣ согласныхъ звуковъ отмѣчаемъ начертаніе *x́*, которое по своему произношенію соотвѣтствуетъ латинскому *h*.

Въ прилагаемомъ словарѣ удержано правописаніе «сборника». Въ словарь внесены и такія слова, которыя не находятся въ сборникѣ, какъ напр. слово слънце въ различныхъ его видоизмѣненіяхъ по говорамъ и др. Составитель словаря нашелъ возможнымъ сдѣлать это на томъ основаніи, что онъ такимъ образомъ желалъ представить пробные листы задуманнаго имъ обстоятельнаго болгарскаго словаря по говорамъ, отсутствіе котораго сильно чувствуется въ наукѣ. Знатоки дѣла будутъ имѣть возможность сдѣлать ему свои замѣчанія, которыя послужатъ къ болѣе удачному выполненію его задачи. Въ данную минуту онъ заручился уже обѣщаніями М. С. Дринова, А. Л. Дювернуа и И. В. Ягича на полнѣйшее содѣйствіе полезному дѣлу.

Полагаясь на содѣйствіе другихъ лицъ, составитель считаетъ долгомъ выразить свою признательность болгарскому офицеру А. Ѳ. Бендереву, обучающемуся въ нашей Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба, который уяснилъ ему значеніе нѣкоторыхъ словъ, и знатоку турецкаго языка В. Д. Смирнову, который съ величайшею готовностью исполнилъ не легкій трудъ — проставилъ транскрипцію турецкихъ словъ. Составитель питаетъ себя надеждою, что и впредь они будутъ помогать выполненію задуманнаго имъ плана.

В. К.

С.-Петербургъ, 20 апрѣля 1882 г.



СЛОВАРЬ.

А.

Абе́ръ, а́бе́ръ (тур. хабэ́ръ), вѣсть, извѣстіе.

А́бсанъ, а́бсенъ (тур. хабсханэ́), арестъ, заключеніе (Пал. № 84).

Абсанджія (тур.), тюремщикъ (ibid.)

Ага́, если, пока (Заг. 49).

Аджамія(т. аджемѝ), неопытный (Соф. о. с. Суводолъ, № 12).

Азна́ (тур. хазинэ̀), казна.

Айва́ръ (тур. хавьяръ, возникшее изъ французскаго caviar), икра.

Айде, а́йде (тур. гайдэ̀), идемъ, пойдемъ.

Айманлія (на главу му златна айманлія), золотая монета, какъ принадлежность головного убора (К.-Б. ок. с. Жилинци, 113); быть можетъ въ сравненіе идетъ тур. айналы, зеркальный.

Айнаджія (тур. яланджи), обманщикъ (Трен. окр. 60)

А́кълъ, (Радом.) акы́лъ (тур. акылъ), умъ, смекалка.

Ала́лъ (тур. халàлъ), прощеніе К.-Б. окр. 185).

Алка (тур. халка́), петля, узы (Радом.).

Ама. (тур. амма) но, а.

Амиджія (тур. амуджа), дядя.

Аму́тъ (тур. хаму́дъ), хомутъ (г. Радоміръ).

Анъ, а́нъ (тур. ханъ), гостинница.

Анджія (тур. ханджи), содержатель постоялаго двора.

Ане́ма (тур. ханымъ), гаремная женщина, жена.

Анетъ(тур. а̄дэтъ), обрядъ (анетъ прекарали). (Трен. окр. 213).

Апати, апнути = хапати, хапнути (Дупн. окр.).

Арамлія (тур. харамѝ), разбойникъ (К.-Б. окр. с. Жил).

Ара́чъ, а́рачъ (тур. хараджъ), подать.

Аре́мо (тур. харэмъ), гаремъ.

Аренъ, а́ренъ, на, но, добрый, хорошій.

Аре́сати, (греч. ἀρέσκω, ἀρέσω) нравиться, выбрать, высмотрѣть дѣвушку, женщину, (Рад. 124), обыкнуть (Бр. о.).

Аржа́, рожь (Кюст. о. с. Невѣстино).

Ари́звамъ (греч. χαρίζομαι), дарить.

Армо́самъ (греч. ἁρμόζω, ἁρμόσω), обручить.

Арти́шка (греч. χαρτίον), ли-

сточекъ (Турлаки, с. Чипоровци).
Арчимъ, арчи́мъ се (т. харджъ), расходовать, тратить.
Аске́ръ (тур. аскэръ), регулярное войско.
Атеръ (тур. хатыръ), благорасположеніе, милость.
Атѣлъ, лавка (Брезн. окр. с. Бабица).
Ачи́къ (тур. ачыкъ), свободно. (Соф. окр. 119), открытый.
Аціїйтя, (тур. эси́ръ?) рабыня (Стига, брала, я аціїйтя била) (Трен. окр).

Б.

Баба́я (тур. баба) (= бапіта), отецъ.
(да) Ба́де, да будетъ (Заг.).
Баджа́ (тур. баджа), дымовая труба.
Бадни вечеръ, сочельникъ.
Баднякъ, полено, горящее въ праздникъ «бадняго вечера».
Базе, особенная вонючая трава (Заг. 48).
Бакши́шъ (тур. бакшишъ), даръ за услугу (=рус. на чай).
Бала́, блоха (Пир. о. Темско).
Ба́ра, небольшая рѣчонка, потокъ, ручей (Вр. о. Прекодѣльци,— Заг. Слати́на).
Барабаръ (тур. бэрабэръ), вмѣстѣ (217).
Баремъ, бари (тур. бари), даже, по крайней мѣрѣ.
Бармулія (тур. бурмалы), спираль, буравъ (перстенъ бармулія) (Трен. о. 125).
Барья́къ (тур. байракъ), знамя.
Ба́та, старшій братъ.
Ба́тя, въ обращеніи младшаго къ старшему (Джум.).
Бачи́ло, мѣсто, гдѣ приготовляется овечье масло (214).
Бачія (кога́ мълзу овце, викасе бачія, Брезн. окр. с. Бабица).
Башъ (т.), точь въ точь.
Ба́шка и башка́ (тур. башка́— башка́), различно, порознь.
Башти́ца, батюшка (Брезн. о.).
Бегли́къ (т. бейликъ), подать, состоящая въ взиманіи десятой части съ овецъ и козъ.
Бегли́чки, прил. (тур. бейликчи), относящійся къ этой подати.
Бегличія (тур. бейликчи́), собиратель беглика.
Бедовія (тур. бедави́), арабская лошадь.
да Беендисовамъ, вспомнить (223).
Белки (т. бэль-ки), вѣроятно, быть можетъ. (К. Б. окр. с. Жилинци 113).
Бе́льтимъ, развѣ.
Бельчу́га, бельчу́гъ (тур. бэлэзикъ), кольчуга, кольцо съ гвоздемъ (Пир. о. Темско, Мосра).

Белѣ́гъ, знакъ.

Белюва́ (Пал. о. Церноклиште), бѣленье.

Берберъ (тур. бэрбэръ), бородобрей (Трен. окр. 130).

Бербо́й, картофель (Джумая).

Берго (= берзо) (Вран. окр. Дервенъ).

Беритéто, беритéтъ, (тур. бэрэкэ́тъ), урожай, плодородіе, изобиліе. (К.-Бан. о. с. Жил. 37).

Беритéтни (тур. бэрэкэ́тны), урожайный.

Берло́гъ, берлогъ (Пир. окр. Темско).

Бетяръ, бетяринъ (тур. бикяръ), холостякъ (о. Пир. Берк.) (Турлаки, Чипоровци).

Бéчви-те (бечви те ти се на страна—214, бочки).

Би́волъ, буйволъ самецъ.

Биво́лица, буйволъ самка.

Би́къ, быкъ (Джум. Пирот. о.).

Билюръ (тур. биллю́ръ), рюмка, стаканъ.

Бинéкъ-ками́ко (тур. бинѐкъ-даши́), камень, къ которому подводятъ лошадь, для того чтобы сѣсть на нее.

Бинекчія, множ. бинекчіи (тур. бинекчи́), ловкій при всѣданіи на лошадь съ камня «бинекъ».(Радом. окр. 137).

Бисáдзи, бисáги, подорожные сумки.

Бити́самъ (тур. битирмэкъ), совершенно уничтожиться.

Близнáкъ, близнецъ.

Близнáкиня, ж. п. близнецъ.

Близни́ца, сталь (Соф. окр. 189).

Божи́чъ, Рождество Христово.

Божурéкъ, піонъ, Марьинъ корень.

Бозáти, сосать, высасывать (деньги).

Боздогáнъ (тур. боздогáнъ), дубина.

Боймія названіе горы въ Македоніи, близъ г. Девгеліи, гдѣ деревня Боймица.

Бо́ленъ, больной (язе бѣхъ бо́ленъ, с. Врабчé, Джум. окр., — с. Верба, Радом. окр.).

Больняи́въ, а, о, болѣзненный (Трен. о.).

Бояринъ, бояринъ (К.-Б. о. с. Невѣстино).

Боля́чка, рана (Джумая).

Боръ, сосна (Пир. о. Темско).

Борна, борина, лучина (Джум. окр.).

Босилёкъ, василёкъ.

Боска, титька, (Заг.).

Боски, двойств. ч. род. п. боску, титьки (Трен. о. 120).

Ботни́че, (кучета са ботничста Стар. Пл. 47), боченокъ.

Браби́някъ, брави́някъ, муравей (Пир. о. Темско).

Брава, замокъ (Пир. Джум. о.).

Брембáръ, шмель, трутень.

Брéхамъ, лаять, брехать (Джум.).

Брисáтиси, утираться (Радом. окр. 122).

Брични́ца, сабля (Соф. окр.).

Брояни́ца, четки (Пир. окр. с. Сопотъ).

Бубрéкъ, печонка (Заг. с. Вершéцъ).

Будала́, дуракъ, безтолковый.
Будзоганъ см. бодзоганъ.
Буздоанъ, буздоганъ см. боздоганъ.
Бу́ло, покрывало, фата.
Булулéа, сова (Пир. о. Темско).
Бульбуль (тур. бульбуль), соловей (Макед. окр. Монастыр.).
Булюкъ-баша (тур. булюкъбаши́), начальникъ отряда, капитанъ.
Буна́ръ (тур. буна́ръ), колодезь.
Буни́ште, куча гноя (Брезн. о.).
Бурма́, шлюбка (Радоміръ).
Бурунджу́къ (тур. бюрюмджу́къ), родъ матеріи, изготовляемой изъ шелку и шерсти.
(да) Бу́тнемъ, ударить въ бокъ.
Бутъ множ. бути (тур. бутъ), окорокъ (Радом. 104).
Буха́лка, валёкъ для катанья бѣлья.
Бъкълъ, боченокъ (Брезн. о. Бабица).
Бъкле (тоже).
Бъчва, бочка (Ак. Пал. окр. с. Ореовци).
Быде, будетъ (Соф. о. с. Суводолъ).
Бѣга́лецъ, бѣженецъ (Джумая).
Бѣгли́къ, бѣгликчія (тур. см. бегли́къ, бегликчія).
Бѣлото́къ, бѣлокъ въ яйцѣ (Заг. с. Вершéцъ).
Бѣ́льтя, бѣлокъ (Дупн. окр. Бобошево.

В.

Важé, веревка (Джум.).
Вакли́ (овнове), бараны, имѣющіе черные кружки около глазъ.
Ваклоши́на, ягненокъ (Заг. 38).
Вали́мъ, падать въ изобиліи (снѣгъ вали́, (Джумая).
Ва́ма, (тур. ва́мъ «долгъ»?) торговая пошлина за право въѣзда въ городъ съ товаромъ. (Заг. г. Берковецъ).
Ва́нгеліе, евангеліе (Кюст.—Б. окр. 42).
(да) Ва́рам, обращать вниманіе,
(да) се Варам, остерегаться.
(да) Ва́рдим, стеречь, охранять.
Варошь (венгер.-тур. варóшь), городъ.
Варъ, известь (Бр. о. Бабица).
Васу́ль (фр.-тур. фасу́лія) фасоль (Тр. окр.).
Вата́ти, хватать (Пир. окр.).
Вгемія см. гемія. (Дупн. о. 68).
(да) Вéлим, говорить.
Вéнеръ (тур. фэнэ́ръ), фонарь (Соф. окр. Сливница).
Веръ, вéрове, верхъ (Соф. о. Сливница).
Вервѣти (тур. вармòкъ), идти, направляться (Загорье).
Вергія (тур. верги́), подать, пошлина.
Вересія (тур. вэрэси́), кредитъ.
(да) Вéрзам, вязать, привязать.
Верига, цѣпь, узы (Пиротъ).
Версъ, возрастъ (Заг. Турлаки, с. Чипоровци).

Вертни́ко, ворота (Заг. 70).
Верши́тба, молотьба лошадьми (Заг. Берков.).
Верши́ти, молотить лошадьми.
Вѣ́штица, мотылекъ, летающій ночью (Пир. окр. с. Ореовицъ).
Вешть, вещь (Р. окр. с. Верба).
Ви́довати, видывать (не самъ видовалъ (Р. окр. с. Верба).
Вие, вы.
Ви́кам, звать, кричать.
Ви́рушка (по негу иде вирушка — Соф. о.), завируха, вихоръ.
(да) Викна, позвать.
Вита́лъ, заклопка (Пир. окр. Темско).
Вишли́, видѣли (Радом. 46).
Взалка́ти, (Вр. окр. с. Прекодѣльци на Сурделич. полѣ).
Вла́жно, влажно (Р. о. с. Верба).
Вне́тра, внутри (внетра не бѣше влезохъ, Джум.).
Вно́гу, много (Самоков. окр.).
Воздоганъ, воздоанъ см. боздоганъ.
Войстя, войско (Самок. окр.).
Во́ло, волъ (Джумая) множ. ч. волови́ (Заг. Аджійска-Маала).
Вора́ (а маждракъ му одъ вори истрошено—Трен. о. 183.)
Ворýна (тур. фурýнъ) форуна, печь (Пир. о. с. Сопотъ).
Воскра́й, въскрай (Джум. о.).
Вошта́нъ, множ. вошта́не, жандармъ (Радом.).
Врануша́ты, черноватый, черпаго цвѣта (Соф. окр. с. Суводолъ № 10).
Враби́къ, врабче́, воробей (Кюст. о. Невѣстино).
Врами́некъ, муравей (Радом. о.).
Вредъ, вредъ (Пиротъ).
Врезъ, поверхъ (Дупн. окр. 131).
Врѣти, варить (Рыло), за-врѣти, заврѣло (ib.).
Всѣки (Знепольск. жупа с. Калне), всѣ́кій, всѣко, всякій (Джум.).
Вузда́, узда (Пиротъ).
Вýлна, во́лна (Турл. с. Копиловци).
Вурка (т. öрэкэ́), прялка (Радом.).
Вче́ра, вчера (с. Жилинци, Кюст. окр.).
Вчера́шни, вчерашній (Джумая, (с. Керджево).
Въкъ, волкъ, но «много во́лци» (Джумая).
Вълкъ, множ. ч. вълци (Загорье с. Слатина); но волко́ (ib.) волкъ.
Вълна́, волна́ (Пир. окр. Темско).
Въслѣдъ, тотчасъ, послѣ (Дупн. окр. с. Бобошево).
Выме, вымя (К. — Б. окр., Вербникъ).
Вьрляти (тур. фырлатма̀къ), бросать.
Вѣ́джа, множ. ч. вѣдже́, бровь (Пир. о. Суково).
Вѣжди ц-слав. вѣ́жди. (К.—Б. окр. 88).
Вѣтеро́, вѣтеръ (Кюст. окр. с. Вербовникъ).
Вѣтеръ (вѣтеръ па иска да дуне, Кюст. окр. с. Невѣстино).
Вѣ́трокъ, вѣтерокъ (Загорье, Берков. окр. 150).

Г.

Гава́зъ (т. каввасъ), жандармъ.
Газка и гызка, гуска (Джум.).
Гайда́ (тур.), волынка.
Гайле́ (тур. галлэ), печаль (Кюст. окр. с. Жилинци).
Га́лабъ, голубь (К.-Бан. и Берк. окр. 30).
Га́ля, глезе, баловство (Тырнов. и Филип. окр.).
Ганды (тур. ханэ дамы), крыша (Соф. окр. 119).
Гарванъ и гavранъ (гавранъ гащи (Брезн. окр. с. Бабица), воронъ.
Га́ска (Кюстенд. окр.), см. газка.
Га́че, гати (Брезн. о. Бабица).
Гезде́ръ (тур. гездэръ = проводи), прохаживайся.
Гези́е (тур. гезмэ), прогулка (да пооды малку по гезие Радом. о. 124).
Гемія (тур. гэми́), корабль, судно.
Гемиджія (тур. гэмиджи́), перевощикъ, матросъ.
Ге́рменье, громъ; народное объясненіе грома слѣдующее: «Св. Илія прека́ра бачію» (см. бачія). (Брезн. окр. с. Бабица).
Ге́рчавъ, тощій, исхудалый (169).
Гидія (тур. йнги́тъ), удалецъ.
Гидра, о, хитрая, ое (Радом. 82).
Главина, центръ колеса (Пир. окр. Темско).
(да) се Главимъ, наняться.
Гласъ, голосъ, эхо.
Глето́, долото (Дупн. окр. с. Бобошево).
Глистъ, множ. ч. гли́сты (Лесков. окр.), червь.
Гове́до, скотина.
да се Го́димъ, сдѣлать сговоръ (о бракѣ), условиться (Заг. 70).
Го́лубъ, голубь (Лесков. и Вр. о.).
Гороли́лякъ, летучая мышь (Пир. о. Темско).
Господна, госпожа, хозяйка. (Дупн. о. с. Рыло).
Гочку́ръ, см. учку́ръ (169).
Градушка, ум. отъ градъ, градъ (Соф. окр. 108).
Грегу́рица, горлица (Пир. о. с. Ореовицъ).
Греда́, млрс. гря́да (въ потолкѣ дома) (Пир. окр. с. Сопотъ).
Гри́вна, часть руки въ изгибѣ рукояти (Пир. о. Темско), обхватывающій «главину» обручъ (ibid.).
Гри́жа, забота, безпокойство.
(да) се Грижи, опечалиться, озаботиться.
Гримна, гривна (Ак.-Пал. окр. с. Топольница).
Гро́здье, виноградъ.
Гугу́тка, голубь съ бѣлыми перьями (Дупн. окр. Бобошево).
Гугущи́ка (тур. гёгерчинъ-голубь?), горлица (Заг. Берков.).
Гулемъ (= големъ), большой (Радом.).
Гу́ня, гунька, одежда широкихъ размѣровъ (Заг. с. Вершецъ).
Гунька, башлыкъ, капишонъ (Брезн. о.).
Гурка, см. вурка (Заг. 48).

Гусáкъ, гусь самецъ (Пир. окр. Темско).
Гýша, горло, глотка, (Заг. Слатина).
Гýштерица, ящерица (Соф. о. с. Бутунецъ).
Гърдыти, хрюкать (свыня́ гърды́ (Брезн. окр.).
Гърманъ, кустъ (тур. урмáнълѣсъ?), Пир. окр. Темско).
Гърсница, конопля (Пир. окр. Темско).
(да) Гъ́лтамъ, глотать (Тр. окр. Баба).
Гърстъ, конопля (Заг.).
Гъ́рчавъ, плоховатый, негодный (Соф. окр.) см. герчавъ.
Гысты, густой (Заг. 25).
Гяуринъ (тур. гявръ), невѣрный (т. е. христіанинъ).

Д.

Дабъ, дáбово дéрвье, дáбови дервéта (Джум.),—дубъ.
Дъбъ, см. дабъ (Джум.).
Давнáнъ (= тавнанъ), темница (Тр. окр.).
Далéчино, дальнес (Заг. 48).
Дали, или.
Даль, или.
Дажь, дежь, дъжь (Пир. окр., с. Берлогъ); дашь, даждь (Заг. ѐ. Слатино, Панчевци); дужь (Стар. план.); дошь, дышь (Джум. о. Копиловци),—дождь.
Двама, двамина, двоица, двое.
Двáяны, а, о, двойной, ая, ое, (Заг. 94).
Дели-баша (тур. дели-баши), сержантъ.
Дено, день (Дупн. о. Рыло).
Дерводѣ́лецъ, плотникъ (Джумая).
Дёрдáнъ (тур. гердáнъ), ожерелье (Бр. о. Бабица).
Дéржка, рукоятка (Заг. Турлаки).
Дéтко, дитя (Радом. о. с. Верба).
Джамíя (тур. джáми), мечеть.
Джанáмъ (тур. чунáнъ = такъ?), можетъ быть, вѣроятно.
Джелéпинъ (тур. джемебъ, «живой товаръ»), торговецъ скотомъ, правительственный счетчикъ овецъ и козъ.
Джепъ (тур. джебъ), карманъ.
Джуáпо (тур. джевабъ), отвѣтъ.
Джуракъ (тур. чайлàкъ), польск. szulak), ястребъ (Заг.).
Дзверь, ове (Брезн. о. с. Бобица, Пир. о. Церноклиште), звѣрь.
Дзевни́ца см. зевница (Трен. о.).
Дзенгíя (дур. ӱзенгѝ), стремя въ въ сѣдлѣ (Пир. о. Темско).
Дзвѣздá, звѣзда (Джум., Заг.).
Дивáнъ (тур. диванъ), совѣтъ.
Дизги́нь (тур. дизги́нъ), поперечный ремень въ уздѣ (Радом.).
Дирá-та, слѣдъ (214).
Дискусъ, множ. ч. дискузьé (греч. δίσχος), подносъ (Джум.).

Дисáдзи (Ак.-Пал. о. с. Топольница), см. бисáдзи.

Длань, долонь, ладонь (Темско).

Длъгъ, а, о, долгій (Соф. о. с. Суводолъ и Джум. № 12), — дълги (Зал. с. Слатино), — дългъ, долгій (Пир. о. Темско).

Дълбóки, глубокій (Заг.).

Длыби́на, глубина (Македон. Мельник. окр. № 9).

Доби́токъ множ. ч. добици, скотина, (Радом. окр. Верба).

Довóлно, довольно (К.-Б. о. с. Вербникъ).

Догáнъ (тур. догáнъ), соколъ изъ малыхъ; ихъ дѣлаютъ ручными (Заг.).

Дождéцъ, дождикъ (Заг. Берк. о.)

(да) Докара, пригнать.

Домóска, домой (К.-Б. окр. 43).

Домъ, домъ (Лесков. и Вран. о.).

Дóнове, (тур. донъ) подштаники (169).

Досегá, донынѣ (Пир. о. Ореовицъ).

Досéтница, находчивая, толковая, (Пир. окр. 83).

Достъ (тур. достъ), множ. дóстове, пріятель, преданный, расположенный, (Соф. о. 119).

Дрешка deminut., дреха, дрея, верхняя одежда (Соф. о. 126).

Дрóпле, дропъ (птица) (Соф. о. Бутунецъ, Сливница).

Другаквó, иначе (другаквó четúмо, поéмо — Дуп. окр.).

Дубáрь, дубъ и вообще дерево, негодное на постройку (Пир. окр. Темско).

Дýбье (собир. слово), множество дубовъ (Вран. окр.).

Дувáръ (тур. дуваръ), каменный заборъ въ родѣ стѣны, стѣна.

Дугмé (т. дöвмэ́), пуговица (Заг.).

Дугонджія (тур. dugondji), слуга, служитель.

Дудýкъ (тур. дӱдӱкъ), свистёлъ (Пирот. окр. Темско).

Дулгéръ (тур. дюльгеръ), множ. ч. *и*, мастеръ, каменщикъ, плотникъ (Соф. о. Челопечино).

Дума, слово, рѣчь.

(да) Дýмамъ, говорить.

Дунгéръ, каменщикъ (Трен. о. 120); см. дулгеръ.

Дурбисна, (тур. дурби́нъ) бинокль (220).

Дурь, дуръ (тур. доврý), прямо, лишь только.

Дутя́нъ (тур. дуккя́нъ), множ. тя́ны (Турл. с. Желѣзна), лавка, магазинъ.

Душéкъ (тур. дӱшэкъ), матрацъ.

Душманинъ (тур. дӱшмэ́нъ) непріятель.

Дъскá, доска (Тр. о. Бабица).

Дѣлъ, дёлъ, предѣлъ, горный хребетъ, отдѣляющій одну мѣстность отъ другой.

Дю(=ню), ее.

Дю́бре (тур. гюбрэ́ греч. κόπρος), навозъ (Радом.).

Дюгéнъ (тур.), см. дутянъ.

Дюреячія (тур. дерьяджэ?) (на ножеве дюреячіи — Радом. окр. 187).

Е.

Ебанджія (тур. ябанджи́), иностранецъ (Заг. с. Вершецъ).

Егаби, егайби, если бы.

Е́ли, или, если.

Емъ — емъ, (тур. гемъ... гемъ?) какъ — такъ (емъ почукалъ, емъ повикалъ, Заг. Берков. о. с. Вершецъ).

Емъ (тур. гэмъ), и.

Енджи́къ (тур.), котомка, сумка.

Ергень (тур. эргéнь), ергенинъ, множ. ергенье, парень.

Ёргáнъ (тур. ёргáнъ), одѣяло (Брезн. окр.),

Ере, ерь, потому что.

Ери́лье, (Радом. 83), **ерина** (Тырнов. окр.), шерсть изъ молодыхъ козлятъ, **эрина** (Филип. ок.) вообще шерсть.

Есмеръ (тур. эсмéръ), черный.

Етé, вотъ.

Е̔тъ, вотъ тамъ (Самоков. о.).

Е́фтинъ а, о, (румын.), дешевый.

Ж.

Жáлба, жалоба (Пирот. окр. Ореовицъ).

Жалю́докъ, зобъ у птицы (Дупн. окр. Рыло).

Жегли́, дышло (Заг. 70).

Желéни, а, о, **желéнъ**, а, о, зеленый (Тр. окр.).

Желнá, дятелъ (Темско).

Жéлтя, черепáха (Самоков. о.).

Жендаджія (тур. зинданджи́), начальникъ тюрьмы. (Радом. окр. 122).

Жеровъ, (Берков.), **жерáвъ** (Соф. окр. Бутунецъ), журавль.

Жеръ, множ. **жéрове**, журавль (Пир. окр. Темско).

Жеты, желтый (Макед. 102).

Жи́вью, живьемъ (К.-Б. окр. с. Жил. 52).

Житó (Тр. о.), жито, ум. **житцé** (Пир. окр.), жито, рожь.

Жмурéцъ воденъ, птица, ныряющая въ воду для ловли, рыбы (с. Пастра, близь Рыла) см. **гмурецъ**.

Жълтóкъ, желтокъ (Заг. Вершецъ).

З.

За, на (**три черика иска за деветъ**, три четверти на девятый часъ—Джумая).

Забъ, зубъ (Кюст. окр.).

Забоварити, забыть (Пир. о. Темско).

Зáбора, (= забориха), забыли (Дупн. о. 31).

Зави́тисе, зависе, взвиться (Заг. Берков. о. Вершéцъ).

Зага́ра, (тур. зага̀ръ) охотничья собака. (Радом. окр.).

да Заглависе, волъ заглависе, т. е. волу, запряженному въ ярмо, положено подъ горло желѣзо, которое его слегка колетъ и заставляетъ скорѣе ходить въ плугѣ. (Соф. о. с. Сливница).

Заглéла, завидѣла (Заг. 48).

(да) Загонясе, побѣжать (Дупн. окр. 190).

За́йчера, завчера (Турл. с. Чипоровци, с. Копиловци).

(да) Закачи́м, дать кормъ лошади (бѣла рапсалища да ми закачешь—Заг. 94).

(да) Зали́бим, взять въ жену (Соф. окр. 143).

За́логъ, кусокъ, сколько можно откусить (Ак.—Пал. о. с. Ор.).

Зало́гъ, залогъ (тамъ же).

(да) Замашкамъ, дотронуться, коснуться (и го, море, замашкала — Пир. окр. 130).

Занаятъ (тур. санаа́тъ), ремесло.

Заръ, развѣ.

Зашь, зачѣмъ (Соф. окр. 126).

За́яцъ, заяцъ (Лесков. окр.).

Зборити, зборáвити разговаривать (Брезн. о.).

Звій, змій (Брезн. окр.).

Звонцé, Звончéнце } Радом. о с. Верба.

Зглабъ, сгибъ руки (Пир. о. и др.

Згоды́мъ, попасть въ цѣль (Радом. окр.).

Здра́вецъ, родъ растенія.

Здра́вица, водка (Радом.).

Зéвня, земля (Вр. окр. Дервенъ, с. Преденъ).

Зевни́къ, погребъ (Брезн.).

Зеерé, зерно (Загорье, Слатино).

Зелва и зълва, золовка (Трен. окр. 29).

Зембелéкъ, (тур. зембер̀екъ) щеколда (Дупн. о. Бобошево).

Земня́ (Лесков. о. с. Герделица).

Земни́ца, погребъ (Кюст. окр. с. Невѣстино).

Зендаджія, зондаджиче (тур. зиндандджи) начальникъ тюрьмы (К. Б. окр. 123).

Зенди́нъ (тур. зенги́нъ), богатый (Заг. 42).

Зéрно, зерно (Пир. окр. Темско).

Зеръ, (тур. зира́) такъ какъ, потому что. (К. Б. окр. 81).

Зерпче, зернышко (Заг. 26).

Зетлéнце, ум. отъ зетъ, зять (Соф окр.).

Зифéтъ (тур. зыяфетъ), угощеніе (Заг. 22).

Зіявéтъ, (тур.) угощеніе (Рад. окр. Верба); см. зифéтъ.

Зла́вье, множ. зла́вья подушка (мои злавья често тураючи— К. Б. окр. с. Жил. 185).

Злиня́, злое мѣсто (Заг. Берков).

Змі́йна ры́ба, угорь (Пир. о. Темско).

Зобчи́це ум. отъ зобъ, ячмень (Пир. окр.).

Зо́лва (Кюст. с. Жил. 50) см. зелва.

Золо́та, монета въ 30 паръ (Макед. 54).

Зо́ръ (тур. заръ), неволя, бѣда (Пал. 84).

Зори́ти (одного корня съ предъидущ.), принуждать, утруждать (не зорете ваши добре коне, Соф. о. 132).

Зьяяты, зевать (Джум.).

И.

Игралія, играющій (К.-Б. о. 50).

Идаръ, и́даръ, а, о, хитрый.

Ижа, хижина (Трен. окр. 120).

Изва́ра, творогъ.

(да) Изва́димъ, вынять.

(да) Изго́римъ, быть поверхъ, выше чего (и мое коне Дорушано не може да изгори трава дѣтелина № 35, К.-Б. окр. Невѣстино).

Изетъ (тур. аза́бъ?), наказаніе (Самок. о.).

Изле́тятисе, (=излютитисе), разсердиться. (Пир. окр. 64).

(да) Изма́мимъ, обмануть, провести.

Изма́ма, обманъ, измѣна.

(да) Изместимсе (и Марко се малко изместило (Радом. окр. 134), испугаться.

Изметъ (тур. хызметъ), служба.

Изметчія (тур. хызметчи), наемникъ, слуга.

Измитяринъ, Измитя́ръ, (тур. хызметкя́рь) множ. ч. измитярье́ (Джум.), наемникъ.

Измитярка, наемница.

да Изуми́, забыть (та изумиле, на кое са време? К.Б.о.123).

Изца́димъ, выцѣдить (Кюст. о. с. Невѣстино).

(да) Изчу́камъ, (тур. чакма́къ?) выбить, выколотить.

Икиндія (тур. икинди́), молитва передъ захожденіемъ солнца).

Икра́мъ (тур. икра́мъ), угощеніе (Брезн. окр. с. Бабица).

Ила́мъ (тур. иля́мъ), рѣшеніе, приговоръ судьи.

Ила́чъ (тур. ыла́джъ), лекарство.

И́ленъ, (тур. эле́мъ — печаль?) а, о, печальный (К. Б. о. Невѣстино).

Иляда, и́ляда (гр. χιλίας, ἄδος), тысяча.

Имовитъ, зажиточный.

Ина́тъ (т. хымайѐтъ), спасеніе, милосердіе.

Индатъ (тур. имда́дъ), помощь.

И́не, и́ней (Соф. о. Сливница).

Интове (вен.-т. гинтовъ), множ. ч. колесница (Соф. окр. 121).

Иржь, рожь (К. Б. о. Жилинци).

Исе́ркатисе, высморкаться. (Рад. о. с. Баби́ца).

Искомкати се, причаститься (Радом. окр. 122).

И́со́камъ, закричать, огласить.

Испустъ, выгонъ (Пир. окр. Ореовицъ).

Исцерити (куче́ исцери зу́бы), оскалить (Рад. о. Бабица).

Итаръ см. идаръ.

Ичь, и́чь (тур. гичъ)=ничь, совсѣмъ нѣтъ, ничего.

К.

Кабáтъ, кабаатъ (тур. кабахáтъ), грѣхъ, преступленіе (114, 214).

Кабаница (тур. капаныча), одежда, въ родѣ сюртука.

Кабадаія (тур. хоппá), франтъ.

Кабахатлія (тур. кабахатлы́), виновный.

Кагá, когда (Радом. окр.).

Кадé, куда (нима на кадé свиня́ му излéзне, Кюст. о. Вербовникъ).

Кадéна (тур. кадынъ), главная жена турка.

Кадéльтя, кудель (Заг. Клисура).

Кадія (тур. казы́), судья.

Кадылáкъ, áци (тур. казылыкъ) (Заг. 44), **Кадълькъ**, **кадылыкъ** (Трен. окр. 157), судебный округъ.

Кажувати (Кюстендиль) = казувати, сказывать, говорить.

Казáнъ (тур. казáнъ), чугунный горшокъ (Радом. 41).

Каикъ (тур. каикъ), каикъ, лодочка (Соф. ок. Сливница).

Калабалъкъ (тур. гэлэбеликъ и калабалыкъ), толпа.

Калай (тур. калáй), олово.

Калé (тур. калчá), крѣпость, укрѣпленіе.

Калéзамъ (греч. καλέω), звать.

Калиште, грязь (Брезн. окр.).

Калкáнъ (тур. калкынъ = встаньте), встань, поднимись.

Камо, камъ, гдѣ (К.-Б. окр., Вербовникъ).

Камъ-то, къ (камъ-то дома, къ дому—Пир. окр.).

Кáня, цапля (Заг. Берков.).

Капа, шапка.

Капія (тур. капы), калитка.

Караджа (тур. караджà), чернаго цвѣта.

Карамфилъ (гр. καρυόφυλλον), гвоздика.

(да) **Кáрамсе**, спорить (Заг. Берков.).

Карвáне, скоро (Заг. 70).

Кардашъ (тур. кардáшъ), сотоварищъ.

Каресъ (тур. гарáзъ=злое намѣреніе, ненависть), месть.

Касабá (тур. касабá), городъ.

Касáпинъ (тур. кассáбъ), мясникъ.

Касмéтъ (тур. кысмэтъ), рокъ, счастье.

Кáтерица, родъ большой мыши, съ длиннымъ хвостомъ (Пир. окр.).

Като, ка-то, какъ-то, словно.

Катрáнъ (итал. catrame тур. катрàнъ), деготь, смола (Рад.).

Катыръ (тур. катыръ), мулъ, лошакъ.

Кау́лъ, закладъ (Заг. Берков.).

Кау́ринъ (тур. гявръ), невѣрный (т. е. христіанинъ) см. Гяуринъ.

Кахыръ (тур. агыръ), печаль, скорбь.

Качамáкъ, хлѣбъ изъ кукурузы (Брезн. и др. окр.).

Ка́шта (Р. о. с. Верба,—К.-Б. окр. Вербовникъ), Къшта (Брезник. о.), см. ку́шта.

Кевъ, кефъ (тур. кэйфъ), раздолье (Радом. 112).

Кемеръ (тур. кеме́ръ), поясъ для ношенья денегъ.

Ке́ра (гр. κυρία), дама, госпожа.

Керезъ (= черезъ), за край, внѣ (керезъ те да ги искарашь Ст. Пл. 47).

Керзъ, черезъ, среди (на керзъ поле калешете—Соф.о.Враждебно).

Кёравъ (тур. кöръ), слѣпой.

Керста́ты, а, о, вѣтвистый.

Кеседжія (тур.), разбойникъ, воръ.

Кесимъ (тур. кеси́мъ, цѣна, такса?), гуртомъ, огуломъ.

Кефи́ла, кефиль, (тур. кефи́ль), поручительство, гарантія (214).

Кефъ (тур.), см. кевъ.

Кеха́я (тур. кяхья́=староста), главный пастухъ.

Кехія́ты, глашатай (Заг.).

Кеширъ (тур. джезе́ръ), морковь (Брезн. о. с. Бабица).

Кили́мъ (тур. кили́мъ), коверъ (Загорье, Пирот. окр.).

Кирджа́лія (тур. хуру́джъ, мятежъ), разбойникъ изъ янычаръ, турецкій бунтовщикъ.

Кирія (тур. кира́), наемъ въ извозъ.

Кириджія (тур. кираджи́), человѣкъ, нанимающійся въ извозъ.

Кіяй, овчарь (Соф. ок. 119). см. кехая.

Кламбалъ, множ. кламбале (греч. κύμβαλον, τό), колоколъ, звонъ (Врач. окр. Турл. 47).

Клабе́, клубе́, клубокъ (Джум. Вуково).

Клепня́, рѣсница (Заг. Берков.).

Клюви́дьрво, дятелъ (Пир. о. Темско).

Клюскати (конь клюска), прыхать (г. Тернъ).

Кни́ги, карты (Джум. с. Вуково).

Книжне, письмецо (Заг. Берк. окр. с. Вершецъ).

Ковна, сажа (може ковна густо сади́ло — Брезн. ок.).

(за) Когачь, на когда же? (Джум. с. Вуково).

Коги́,—откоги, когда,—съ котораго времени (Заг. Слат.).

Коджа́, много (Турл. с. Чипоровци).

Кодко́дити, кудахтать (Пир. о. Темско, кокошка кодко-ди́че).

Коза́рче, пастухъ козъ (Рад. о.).

Ко́й, когда, какъ только (Дж. 69).

Коиль, ковыль трава (Джум).

Кока́лъ множ. кока́ле (греч. κόκκαλος), кости, остовъ животнаго и человѣка.

Кокошка́рь, кушающій курицъ.

Коку́шка, названіе одной рыбы (Турл. Чипоровци).

Ко́ле, ко́лья (Рад. о. Бабица).

Колера, холера (Брезн. окр. с. Бабица).

Ко́лея, чередъ (Джумая).

Колко, сколько (Алекс. о.).

Комадъ (греч. τὸ κομμάτιον), кусокъ.

Коминъ, труба (Рад. о. Бабица).
Комшія (тур. комшу́), сосѣдъ.
Комшійтя, сосѣдка.
Коно́стасъ (гр.), иконостасъ (Рад. о. Бабица).
Ко́нь, род. п. коня́ (Вран. окр. с. Мачкатица).
Кона́рь, пастухъ коней.
Конче́нце, ум. конь (Радом.).
Копа́чка, зв. чко, копатель (Заг. 70).
Копеле, копиле, незаконнорожденное дитя.
Коприва, кропива́ (Пир. окр. Темско).
(да) Корди́самъ (есть тур. выраженіе «урдусу́нъ курма́нъ» = разбить свой лагерь; есть тоже «чады́ръ курма́нъ» = разставить шатеръ), поставить шатеръ.
Коре́мъ (тур. карынъ), брюхо (Радом. 82).
Коршу́мъ, крошумъ (тур. куршу́нъ), пуля, см. куршумъ.
Котле́нце, ум. котелокъ (Соф. о. Сеславци).
Коча́нъ (т. кочанъ?), кочанъ (Заг. Берков. о. с. Клисура).
Кошаръ, улей (К.-Б. окр. 88).
Кошъ, улей (ib).
Кошары см. Поя́ты, сарай, скотный дворъ.
Кра́ка, (Заг. Берков.), — Кракъ (Заг. с. Котеновци), нога.
Крама́ринъ, ум. крама́рче, старѣйшина каравана (Соф. о. 95).
Кришкомъ, тайно (Лесков. о. Копашница).
Крышма, тайно (Рыло).

Ку́бе, (тур. куббэ́), куполъ (Соф., Дупн. о.).
Кубу́ръ (тур. кубу́ръ), пистолетъ.
Ку́ка, отдѣльный гвоздь въ вѣшалкѣ, — Ку́ке, вѣшалка (Рад. о. Бабица).
Кукуме́вка, птица, издающая вечеромъ звукъ «кукумевъ»; особый родъ кукушки.
Ку́ла (тур. куллэ́), башня въ крѣпости, монастырѣ.
Кула́стра, молозиво (Пир. окр. Темско).
Курба́нъ (тур. курба́нъ), жертва.
(да) Куртули́самъ (тур. куртулмакъ = спасаться), защищать (вѣра да куртулисатъ — 177).
Куруджія (тур. куруджу́), лѣсной сторожъ.
Куршу́мъ (тур. куршу́нъ) множ. — мы, пуля, наконечникъ нагайки (Заг. 94), см. коршу́мъ.
Ку́со, кафтанъ (Дпн. окр. Бобошево).
Ку́телъ, деревянное ведро, вмѣщающее 22 оки (Кюстенд. окр. с. Вербникъ, с. Жилинци, а въ Радом. окр. ку́тло, мѣра въ 40 окъ.
Кутія (тур. кӱтӱ), ящичекъ (Брезн. окр.).
Ку'-то, какъ, словно (Заг. 49).
Кутре, собака (Кюст. ок. Жилинци).
Ку́шта, см. кашта (Дупн. окр. с. Бобошево), домъ.
Кълнъ, кленъ (Пир. о. Темско).
Кълчишта, кудель не отборная (Заг. с. Клисура).

Кърчма, корчма, магарычь (Рад. окр.).
Кырстымъ, крестить.
Кыша (Соф. окр. с. Суводолъ),
Кышта(Рад.о.Верба),см.кашта.
Кършимъ, ломать руки.
Кю, хочу (Дупн. окр. с. Рыло).
Кяръ (тур. кяръ), прибыль, барышъ, выгода.

Л.

Лагéмъ (тур. лагы́мъ), туннель (Радом. окр. 116).
Лайнó, конскій и коровій навозъ, говно (Заг.).
Лакардія (гр. λαλερός, болтливый, тур. лакырды́), рѣчь, слово (Брезн. окр. Бабица, лакардія по лакардія=слово въ слово).
Лакъ, род. п. лакта, локоть (Пир. окр. Темско).
Лáстра, жесть (Пир. о. Моера).
Лели, если (Солун. окр.) см. ели.
Лéля, (тур. ляля́=няня (?), или халя́=тетка (?), тетка (Соф. о. Сливница).
Леснувáти, быть свободнымъ, (Дупн. окр.).
(да) Ли́бамъ, цѣловать, любить (Соф. окр. № 143).
(да) Зали́бимъ, (ib) см. выше.
Ли́бе, супруга, уменьш. ли́беле, жена, мужъ (возлюбленный, ая) (Заг. 49).
Липá, липа (Пир. окр. Темско).
Ли́ченъ, знатный, извѣстный (Турлаки въ Ст.-Пл.).
Ложи́ца (Брезн. Пир. и Вран. окр.), ложка.
Ломáка, сухая вѣтвь (Лесков. окр. Копашница).
Лóпенъ, чертополохъ, млрс. лопухъ (Дупн. окр. Бобошево).
Лъжля, шутниха, сваха, (Ак.-Пал. окр. Топольница).
(не че) Лы́жемъ, не буду лгать (Соф. о. Суводолъ).
Лѣ́бо, хлѣбъ.
Лѣсъ, лѣсъ (када турци заузели Българско царство, народъ бѣгалъ изъ полé въ лѣ́си,*) Кюст. окр. Невѣстино).
Лѣ́са (тур.), неводъ (Пирот. окр. Темско).
Лѣ́тось, нар. прошлаго лѣта (Рад. окр. Верба).
Лэпо (=лѣпо), прекрасно (Соф. окр. Опій-Цвѣтъ, 36).
Лэси, лѣстница (Радоміръ).
Любе см. ли́бе.
Любовни́ца, жена (Заг. 70).
Лю́ска, скорлупа (Стар. План. и Заг. Копи́ловци).
Ляница, пчельникъ, ячейка (К.-Б. ок. 88).
Лятисе, литься (Заг. 26).

---

*) Въ то время, прибавлено, были въ Болгаріи лѣса.

М.

Ма (Заг. Моера), Махъ (Заг. с. Спанчевци), мохъ.

Маанá, недостатокъ (Радом. окр. 136).

Магарецъ, магаре, ум. магарче (тур. хымáръ?), оселъ.

Магданосъ (тур. магданóсъ), названіе травы (Пир. о. Суково).

Магéсница (греч. гл. μαγεύω), волшебница, чародѣица.

Маглá, туманъ (Соф. о. Сливница).

Магéрница (греч. μαγειρεῖον), кухня (217).

Магя́ръ, р. п. *а* (греч.) поваръ (217).

Мажь, множ. мажá, мужь, мужья (Соф. Креми́ковци).

Мазгáле (тур. мэдхáль), отверстіе.

Маздракъ, маждракъ (тур. мызрáкъ), штыкъ (Трен. 183, 66).

Макъ (=мука), мученіе (Соф. о. Челопечино).

Малестны, маленькій (Трен. окр. 120).

Маличекъ перстъ, мизинецъ палецъ (Заг. 39).

Малко, мало, немного (Брезн. и др. окр.

Мáлкочко, малехонько (Бр. о.).

Мало, малъ, помолъ (Заг. Бер. окр. 91).

Мáлцина, малое, небольшое число.

Мáнджа (тур. манджá, съ итальянск.), кушанье.

Марама (тур. макрамá), платокъ.

Маргаре, мòнисты (Заг. 94).

Мáтя, мать (Джум.).

Маха̀ла (тур. махаллá), кварталъ, часть.

Маха̀лко (гр. τὸ μοχλίον) тур. маньолá), рычагъ въ ручной прядильной машинѣ (Заг. 48).

Маха̀музъ (тур. магмýзъ), шпора.

Мáча, мать (Заг. 48).

Мачета̀ (тур, мачи́=кошка), котята (Рад. о. Верба).

Маштея, мачиха (К.-Б. о.).

Машь (=мѫжь) (К.-Б. о. Жилинци), мужь.

Меáна (тур. мейханэ́), кабакъ.

Меанджія (тур. мейханеджи́), содержатель кабака.

Меанджійтя, содержательница кабака.

Медвѣдъ, медвѣдь (Пир. окр. Темеко).

Медя́ (=междá), межа (Лесков. о.).

Меду, между (Алексинацъ).

Между, между (Турлаки, Врач. окр. 47).

(на) Мезá (тур. мезáдъ), съ молоткá.

Мезликъ, мезли́чь (тур. меджли́съ), совѣщаніе, совѣтъ.

Мейдáнъ (тур. мейдáнъ), площадь, открытое пространство.

Мендюша (тур. мэнкýшъ), серьги (Рад. окр.).

Мéрва, уменьш. мéрвка (греч. τό μέρος), кусокъ, часть.

(да) Мердамъ, шевелиться, трогаться (Соф. окр. 119).

Мéртвецъ (Брезн. окр. Бабица), мертвецъ.

Мертéци, лѣсá (П. о. д. Моера).

Мерудія, названіе травы (П. о. Суково).

Мéрша, трупъ (Радом. окр.).

Метаніе (греч. μετάνοια), поклонъ, поклоненіе (Заг. 39).

Метери (т. медáръ?), мѣсто, точка отправленія (214).

Мецъ, зовъ кошки (Рад. окр. Верба).

Мечка, медвѣдь самка (Пир. окр. Темско).

Мешина, мѣшокъ (д. Моера).

Мизли́чъ (тур.), см. мезли́къ.

Милосты́вня, милостыня (Соф. окр. 15).

Минувамъ, пройти (оно си е па-й пресѣкло товá платнó бабучерно, да не мине Момчилъ вреденъ юнакъ,—Рад. о. 182).

Младéнци, новобрачные (Трен. окр. 213).

Млѣкó, молоко (Пир. о. Темско).

Млѣ́ти, молоть (Пир. о. Темско).

Можъ, множ. можьé, мужъ (Рад. о. 104).

Молчу = молчать (Трен. окр. 130 стихъ 132, а въ 135 ст. мълчу).

Момчé, мальчикъ, юноша.

Момá, дѣвица, дѣвушка и замужняя женщина.

Мóровъ, *а*, *о*, валашскій, цинцарскій (Соф. окр.).

Мору́за, кукуруза (Пир. окр.).

(да Мóчимъ, мучить (Соф. окр. Бояна).

Мóшно, очень, много (К.-Б. окр. 81).

Мроби́нецъ, муравей (Стар. планина, Копиловци).

Мумуру́зъ, му́мурузъ (Леск. окр.), кукуруза.

Мунаси́пъ (тур. мюнаси́бъ), возможный.

Мурава (трава) (на зелена мурава улетили—с. Котеновци Заг.).

Мурýзъ, кукуруза (Пир. окр. Берлóгъ).

Мутъкъ, яйцо незасиженное (Пир. окр. Темско).

Мустáкъ, множ. мустáци и мустáти, усъ, усы.

Мустáтьни, прилаг. усастый.

Мулéтъ (да ны даде мулетъ за едынъ мѣсецъ — Кюст. окр. 123), мухлетъ (169), время поправленія послѣ слабости, отдыхъ.

Муха, муха (Джумая).

Мушá, сосѣдъ (Джум., Дупн. о. Бобошево).

Мъглá, мгла (Пир. окр. Суково Бабица, Брезн. окр.).

Мъжь(=мѫжь)(К.-Б. Жил. 42).

Мълзети, доить молоко (Ак.-Пал. окр.).

Мълчи, молчи (Соф. окр. Суводолъ).

Мьрмóрити, бормотать (Рад. окр. Бабица).

Мьскá, оселъ (Радом. окр.).

Мышки, *а*, *о*, мужескій, мужескаго пола (Софійск. окр. Бояна).

Мѣсарія, человѣкъ мѣсящій хлѣбное тѣсто (Джум.).

Мѣсте́нце, мѣстечко (Радом. окр. Верба).

Мээ́э (тур. мезэ́), легкая закуска при водкѣ и винѣ.

Мя́сто, мѣсто (Тырнов. окр.).

Н.

На, но.

(да) Наведемъсе, нагнуться, наклониться.

(да)Нага́зимъ, вступить въ воду.

Нади́ра (тур. гирӯ), назадъ (Самок. окр.).

На́-длъго, вздолжь (Заг. 25).

Наима́йсторъ, главный мастеръ, начальникъ мастеровыхъ (Соф. окр. 121).

Найускорбенъ *а*, *о*, самый печальный (Ст. Пл. 71).

(да) Накани́мъ, пригласить.

Накитимъсе, украситься, нарядиться.

Налба́тинъ (тур. надалбэндъ), кузнецъ (Радом. окр.).

На ли (Заг. 49), нали, если (Соф. окр. Враждебно).

(да) Наму́зимъ, надоить (Соф. окр. 16).

(да)Напа́нимъ,наполнить(Самок. окр. 177).

Напо́лни, наполнь (Брезн. окр.).

На́-преко, въпоперекъ (Заг. 25).

Напу́лнити, наполнить (Пир. окр. с. Хресовци).

Напу́щеница, жена, разведшаяся съ мужемъ.

Наракви́ца, рукавицы, перчатки.

Нара́нка, помера́нецъ (Соф. окр. 143).

(да) Натова́римъ (отъ тур. даварь, животное вьючное?), навьючить (Соф. окр. 15).

На́тре, внутрь (Мак. Велес. о.).

Ная́тка, канунъ Рождества Христова, коляда. (Джумая).

Невата́ти, нехватать, не принимать въ разсчетъ.

Невесту́льтя (с. Рыло), Невестулька (Пир. о. с. Ореовицъ), ласица.

Невидимъ, слѣпой, невидящій (Трен. окр. 170).

Него, но.

Недъ (=некъ), пусть.

Неко́лцина, нѣкоторое число.

Нело, но.

Не́мой, не моги.

Непозна́нъ, *а*, *о*, неизвѣстный, незнакомый.

Не́ська (=днеська), теперь. (Радом. 72).

Ни́вочка (Тр. окр.), нивка.

Ние, мы.

Низа́мъ (тур. низа́мъ), войско резервное.

Ниша́нъ (тур. ниша́нъ), знакъ для обозначенія пути, для стрѣльбы.

Нишанлія (тур. нишанлы) бьющій, ая въ цѣль (К.-Б. ок. 50).

Ноготь, множ. ч. ногти (Герделица, Леск. окр.), нохти (Пир. окр. Темско), ноготь.

Ногу, много (Джум. окр. и др.).

Ногъ, ноготь (Пир. окр. Темско).

Нóфтукъ, множ. нофти, ноготь (Джум.).

Ношь (=ношть) (Заг. Слат. и друг.), ночь.

Нýжникъ, множ. ици, нуждающійся, щіеся (Турлаки, Желѣзна).

Нѣ́ма, нема, нѣтъ.

О.

(да) Обади́мсе, отзываться, откликаться.

Оби́чамъ, мнѣ нравится, люблю.

Облечитисе, облачиться (Брезн. окр.).

Облóгъ, закладъ (Заг. Берков.).

Обложи́тисе, биться объ закладъ.

Обóръ, мрс. обóра, сарай для скота и лошадей.

Обрáчъ, обручъ на бочкѣ (Заг.).

Обри́шитисе, утереться (с. Бабица, Тр. окр.

Обрýчъ, обручъ (Пир. о. Сопотъ).

(да) Обчи́немъ, опочинуть, отдохнуть (№ 169).

Обѣ́дъ, обѣдъ (Заг. Слатина).

Оги́нь, огонь (Радом. окр. Верба).

Одити, оды́ти, óдити, ходить.

Одтавнитисе, отдѣлиться (Заг.).

Одкарáти, угнать, увесть.

Одъеднь́гъ, въ одну минуту, тотчасъ (Заг.).

Одьръ, одръ (Рад. окр.).

Озгóре, сверху.

Ойдохте (=ойдосте) (Самок. о.).

Окá, (тур. óка), мѣра въ три фунта.

Окати, отрыгаться (Брезн. ок.).

Окепати (=окапать), окропить (Соф. окр. 132).

Омайница, чародѣица.

Опайвамъ, спутать лошадь (Соф. окр.).

Опáшка, хвостъ.

Опи́нёкъ, опинци, опанци, опонци, лапоть, лапти.

Опь́рлимъ, опь́рленъ, обжечь, обожженный.

Опѣ́ло, отпѣванье, отходная.

Орéлъ (Пир. о. Темско), орóлъ (Лесков. окр. Стройновци), орелъ.

Оризáрь, купающій рисъ.

Орни́ца, нива вспаханная, но не засѣянная, прогáлина (Заг. Берков. 150).

Оро, хороводъ; 1) оро покрупно; 2) оро ситно; 3) оро крива; 4) оро маджáрица; оно состоитъ въ томъ, что одинъ разъ тупаютъ на одномъ мѣстѣ и затѣмъ дѣлаютъ скачки; 5) оро петепуты: 6) оро

влашко; оно называется старымъ оро; 7) оро глупавъ (Заг. с. Чипоровци).

Ортáкъ (тур. ортàкъ), сотоварищъ по дѣлу, занятію.

Ортáшки, *а*, *о*, (тур.), принадлежащій къ компаніи.

Óсъ, осá.

Осóе, мѣсто, несогрѣваемое солцемъ.

Осоевнúца, осойница, осойца, лютая змѣя.

Отвóръ, ключь (Джумая).

Оти, отти, отты, (греч. ὅτι, ὅττι) почему, что.

Отúвамъ, уходить, отправляться.

Отóкъ, мѣсто на рѣкѣ, кругомъ загороженное, гдѣ ловятъ рыбу; подобный способъ ловли рыбы бываетъ лѣтомъ.

(да) Отріемъ, утереться (Джумая).

Отсудé, отовсюду (Турлаки, Желѣзна).

Оцéтъ, уксусъ (Турлаки, Чипоровци).

Ошелъ = отшелъ (Рад. окр. Верба), ушелъ.

П.

Па, пай, па-и, па-й, и, опять, затѣмъ.

Пабу́ре (тур. кубу̀ръ), чехолъ (натурала пушке у пабуре— Тр. 183).

Павéтъ, дикая жигучка.

Пазáръ (тур. пазàръ), базаръ.

Пайвано (тур. пабѐндъ), множ. áне, путо (Соф. 108).

Пáметъ, високъ (Заг. Клисура).

Пáнго, чертъ.

Пандзуръ, панцырь (Самок. о.).

Паперу́га, мотылекъ (Джум. с. Вуково).

Парú (тур. парà), деньги.

Пáрче (тур. парчà), кусокъ.

Парцéлякъ (тур. пачаврà?), тряпка (Заг. 48, ст. 79).

Пастермá (тур. басдырмá), сушеное мясо (Брезн. о.).

Пастúрь, пастухъ (Пир. окр. Темско).

Пáтё, путь (на патё студенъ кладенце,—Заг. Берков. окр. Вершецъ, 19).

Пáтища, дороги, пути (Заг.).

Пáтъ, путь, дорога (Соф. о.).

Пáтъ, разъ.

Патонóги, имѣющій бѣлый значекъ на ногѣ (Радом.).

Пáша, пастбище (Лесков. о.).

Пеклú, петля (Стар. Планина Турлаки).

Пéкъ, множ. пекове, жара (Заг.).

Пéнджеръ (тур. пенджерѐ), окно.

Пеню́га, пень (Макед.).

Пергéль (тур. пергѐль), циркуль (Дупн. окр. с. Бобошево).

Перó, перо (Пир. о. Сопотъ).

Перпелúца, перепелка (Дупн. о.).

Перушúна, множ. ч. перу-

шине, птичья перья (Пир. окр. Темско).

Перчемъ (тур. перчèмъ), космыкъ волосъ на верхушкѣ головы.

Пестéрва (Пир. окр. Темско), Пáстерва (Дупн.о.), стерлядь.

Петáкъ, пять грошей.

Петлé, множ. ч. петлетія, пѣтушекъ (Пир. окр., д. Моера).

Печалба, жалоба (Пир. о. Ореовицъ).

Пилавъ (тур. пилàвъ), рисовая каша съ жиромъ, мясомъ, или рыбою.

Пипéръ (тур. биберъ, гр. πίπερι), перецъ.

Пирона и пиронъ, множ. оне, подкова (Заг. 94).

Питá, кислый хлѣбъ.

Пишманъ (тур. пешимàнъ), раскаявшійся, измѣнившій мнѣніе.

Пишталька, пищалка (Рад. о. Верба).

Пиштóлѐ, пистолетъ (Рад. о. Верба.

Плéшка, бедро (Охрида, 214).

Плѣ́вна, сарай, отдѣльно стоящее строеніе, въ которомъ хранится кормъ (сѣно и проч.) для скота (с. Рыло). Съ такимъ же значеніемъ это слово употребляется и въ старославянскихъ памятникахъ — плєвьница (тѣло же єго въ плѣвьници ськрыкше отидоше. дѣлатєл же, єгова же бѣше плѣвныца въшь вьзєти плѣвы своємѹ скотѹ —См. Прологъ, принадлежавшій прежде церкви села Рыла, а съ 1879 г. библіотекѣ Рыльскаго монастыря, подъ 25 февр. «житіе Ипатія епископа гангрскаго).

Плѣ́вникъ (Заг. Чипоровци Стар. Планина), см. плѣвна.

Плакнувамъ, пополоснуть (Соф. окр. Войсилевци), Плакни, всполосни (ib.).

Плáнина, планѝна, гора, горный хребетъ.

Плугъ, плугъ (К.-Б. о. Невѣстино — «семдесе плуга сиви вола», — с. Вербникъ и Турлаки (Стар.—План); въ Ак-паланкъ. округѣ слово это употребляется въ такомъ значеніи, что въ соху впрягается четыре вола.

По, за, по.

(да) Поарчимъ (отъ тур. харджъ - расходъ), истратить, издержать, израсходовать.

Побрáтимъ, названный братъ.

(да) Повáлимсе, похвалиться, похвастаться.

Поверштáнтя, возвращающійся (Самок. окр.).

Повивъ, переплевшіяся вѣтви.

Погáча (итал. fogaccia, тур. богаджà), прѣсный пирогъ, лепешка.

Погрѣ́шка, ошибка.

Подбрáти, собрать (подбралъ бѣше еврея (Заг. 94), начаться (деветъ годины поминали и десета му подбрала (Заг. 49).

По́ди (множ. ч.), исподница. (Заг. 49).
Поди́ръ (отъ тур. гиру̂?), потомъ, послѣ.
Подко́ва, каблукъ (Пир. окр. Темско).
Подколе́нки, голени (Пир. о.).
Подпла́то, боковой карманъ (Брезн. о. Бабица).
Подпла́тити (оплотить), воскресить (Заг. 48).
Поды, подъ (Трен. о. 130).
Пожи́ва, нажива.
(да) Покани́мъ, пригласить.
Покла́да, заговины (Трен. окр.).
Поле́ка, поле́къ, потихоньку, слегка.
По́лно, полно (Брезн. окр.).
Поля́къ, полевой сторожъ (дер. Моера).
Помале́чку, помаленьку (Рад. окр. Бабица).
По́моть, помощь (Вран. окр.).
Попла́ка, жалоба (сеймени-те силна поплака дадо́ва: нейкеме мома булюкъ-башь—Макед.).
Попонче́-то (гр. κοκώνα и тур. коко́на), жена (Соф. окр.).
Попра́къ, ци, подпруга (Ст. Пл. 71).
По́ръ, млр. тхуръ (Дуп. окр. Рыла).
По́рты (множ.), ворота, двери.
По́скупо, очень дорого (Пир. о. Ореовицъ).
(да) Поста́пимъ, вступить (Заг. 70).
Посте́га, множ. дзи, подпруга (Ст. Пл. 71).
По́тека (Стар. Планина), По́течка (Копиловци), стезя, тропинка.
Потерна́ти те́рномъ, призадуматься (Соф. окр. 119).
Потроши́чка, понемножку (Рад. окр. Бабица).
По́-юнакъ, поюнакъ, бо́льшій юнакъ.
Поя́ты, скотный дворъ (Заг. Котеновци и др. окр.; но въ селѣ Костенци, сосѣднемъ съ Котеновцами это понятіе выражается словомъ кошары).
Пра́вове (= прахове), отъ прахъ, пыль (Соф. окр.).
Пра́тимъ, послать съ порученіемъ.
Прачка, пучекъ (К. о. Жилинци).
Превáра, обманъ.
Презъ, чрезъ.
да Прека́рамъ, перегонять, переправлять.
Пре́коръ, прозваніе (Заг.).
Премѣ́на, переодѣва́нье въ праздничную одежду.
(да) Премѣни́мсе, переодѣться въ праздничное платье.
Пре́паска, радужная дуга (Бр. окр. Бабица).
(да) Препи́рамсе, спорить, препираться.
Препи́цати (два пута препицана ракія,—Алексинацъ), пережигать.
Пресо́лъ, квашеная капуста (Соф. окр.).
Пресолярски села, села, гдѣ капуста растетъ (ibid).
При́кія (греч. προικίον), приданое, вѣно.

Принови́ти, родить (жена́ прнови́ла, жена родила (Ак. Пал. окр. Топольница).

При́шта, притча (Пир. окр. Суково).

Продлу́жити, продолжить (Вр. окр.).

Прокленя́ти, проклинать (Вран. окр. 160).

Пропу́димъ, прогнать (Соф. о.

Пропѣдити, прогнать (Рад. 67).

Прослу́зъ, течь у животныхъ (Загорье).

Producer Прося́къ, нищій (Джумая).

Про́чка, прощеніе (Турл. Чипоровци).

Про́шка, прощеніе (Загорье).

Пру́тя, прутья (Рад. о. Бабица).

Псувамъ, ругать, порицать, поносить.

Пусата (тур. пуса́тъ =посуда), оружіе, амуниція, приборъ, которымъ острятъ оружіе.

Пустелія, пустошь (Мак. Мельник. окр. Малешево).

Пустылія, пустыня (К.-Б. окр. Невѣстино, 43).

Пустыня́къ, пустошь (Пиротъ).

Путъ, путь, дорога.

Путъ, разъ.

Пу́шка, ружье.

Пълно, полно (Соф. о. Суводолъ).

Първазъ, перевязь, перекладина, связущая двѣ доски (Пир. ок. Темско).

Р.

Раатъ (тур. раха́тъ), удобство, спокойствіе.

Раа́тно, удобно, привольно.

Ра́ботникъ, работникъ (Пир. окр. Ореовицъ).

Ражби́ца, дитя (Дупн. окр. 61).

Разби́рати, понимать.

Разбра́ти, понимать, найти (разбра́ла го уладни меаны (Соф. о. 132).

Разсо́лъ, квашеная капуста (Брезн. окр.

Рака́, рука (Рад. окр. Верба).

Рака́въ, рукавъ (Загорье).

Ракія (тур. ракы́), водка.

Ра́ло, соха (Ак. Пал. окр.).

Ра́нимъ, кормить.

Ра́неникъ, питомецъ, воспитанникъ (Пал. 84).

Рапсали́ца, родъ жита, ярица (Заг. 94).

Раскро́чь, шагъ (Радом. окр.).

(да) Растажимсе, разстужиться, сильно скучать (К.-Б. окр. 96).

Рата́йче ум. отъ ратай (К.-Б. окр.), пахарь.

Рахатъ см. раатъ.

Рачу́нъ, счетъ.

(да) Раца́пимъ, разцѣпить (Дуп. окр.).

Working Рая́, (тур.), христіане-подданные турокъ.

Редъ, стихъ (Джумая).

Редъ́къ, очередь (Трен. окр.).

Ренке, ноздри (Пир. окр.).

Рентя, ноздря (Брезн. о. Бабица).

Рóбити, работать (доста самъ рóбилъ—Пир. о. Ореовицъ).
Робы́ня, рабыня (Соф. о. 132).
Рога́ти, рога́ятъ, ругать, ругаютъ (Заг. Берков.).
Рогóжа, рогожа (Брезн. окр.).
Роду́ля, родильница (Пиротъ).
Рóжба, плодъ, потомство (Заг. 22).
Рóтитисе, спорить (Ст. Пл. Турлаки, Чипоров.).
Ртія (гр. χάρτης), хартія (Бабица).
Ру́ба, рубашка (тур. робá?) (Соф. окр. Суводолъ).
Ру́дина, сѣнокосъ (Соф. о. 119).
Ру́йно вино, быстрое, изкристое вино.
Рука перишáна, ладонь (Соф. окр. 146).
Руфо см. руо.
Ручéкъ, ручóкъ, обѣдъ.
Ручни́къ, головной покровъ женщины, имѣющій форму феса; употребляется онъ въ округахъ Враньскомъ, Лесковскомъ и отчасти Нишскомъ; въ Алексинскомъ, Княжевскомъ, Бѣлградчицкомъ округахъ онъ имѣетъ форму утиральника.
Ръдеква, редька (Рад. о. Бабица).
Рыджалъ (тур. риджаль), слуга (Заг. 70).

С.

Сá, теперь.
Сáбота, суббота (Соф. и Джум. о.)
Сагмáлъ (тур. сагмáлъ), дойная овца (Соф. окр. 119).
Садáти (откуда досадить), укорять (Господъ си чума садеше (и садаше).—Врач. окр. Турлаки, Стар. План. 47).
Саде (тур. садé), только (Пир. окр. 93).
Сапзинъ, полиціантъ (№ 157).
Сáкати, искать (Лесков. окр. Чукленица).
Салъ (тур. салтъ), только (Соф. окр. Суводолъ).
Салтáнъ (тур. султанъ), султанъ (г. Паланка, по близости г. Кюстендиля).
Самáръ, передняя часть сѣдла (Трен. Брезн. и др. окр.).
Сáмецъ, одинокій (Вран. окр. Мачкатица).
Сáмо, только.
Самокóвъ, желѣзо (Турл. Чипоровци).
Саму́ръ (тур. саму́ръ), куни́ца, куній мѣхъ.
Сандáкъ (тур. санду́къ), сундукъ (Пир. окр. Темско), ум. санды́чекъ (Заг. Берк. окр.).
Санувати, видѣть во снѣ; см. сьнувати.
Саты́ръ (тур. саты́ръ), кинжалъ, ножь.
Сахатъ (тур. саáтъ), часъ (Трен. окр.).
Сáчма (тур. сачмá), свинцовая пуля для стрѣлянья дичи.
Свекій, свекоа, всякій, ая (Заг. Берков. окр. Вершецъ 70).

Свайга, свой (Заг. 49).

Свердельче, свердель (Дупн. окр. Бобошево).

Свидно, скучно, непріятно, сердце ноетъ (Соф. окр. 126).

Свинька, свиньтя ум. свинчé, свинья (Рад. окр. Верба).

Свра́ка (свраках кречоты), сорока (Брезн. окр. Бабица).

Свурка, см. вурка (Радоміръ).

Свърделъ, см. свердельче, (Дупн. окр. Бобошево).

Свѣтарія, ж. р., та, которая свѣтитъ (Радом. 83).

Свѣтія, свѣча (свѣти свѣтія (Заг. № 39, ст. 116).

(да) Свѣтини́, свѣтить, блистать (огинь свѣтини низъ солунска калдерма—Кюст.-Бан. окр. 185).

Свеча́ (Пир. о. Темско), свѣча.

Свѣчта́, свѣча (Брезн. о.).

Севда́, всегда (Бабица Бр. о.).

Севрія, густой.

Се́га, теперь (Турл. Чипоровци).

Сега́, сейчасъ (ibid.).

Сеги́, теперь (Загорье), см. се́га.

Седе́въ (тур. садэфъ), перломутръ, жемчужина.

Седумъ-мина, семь (Охрида, 214).

Сейме́нинъ (тур. сеймэнъ), турецкій жандармъ.

Сейръ (тур. сейръ), дѣло курьезное, скандальное.

Сейще, рабъ, плѣнникъ (стига, брало, ты сейще било,—Тр. о).

Селвія (тур. сельви̇), кипарисъ.

Селе, зв. п., сестрица!

Сельви (тур. сельви̇), кипарисъ. Радом. 83).

Сельце́, уменьш. село (Пир. о.).

Сенеська, осенью (Заг. Слатина.

Сербати, сербнемъ, млрс. сёрбати.

Се́ртме, мрежа, неводъ (91. Заг. и др.).

Се́рчано, скоро, быстро (Пир. о. Темско и др.).

Симидъ (тур. семи̇дъ), бѣлый хлѣбъ (во всѣхъ округахъ).

Сини́гаринъ, синица.

Синоръ (греч. σύνορος) (тур. сыны̇ръ), пастбище.

Си́паница, оспа (Брезн. окр. Бабица).

Си́ракъ, сирота (К.-Б. окр. Жил. 50).

Сирома́, сирота́ (ib.).

Ситенъ, а, о, мелкій.

Скамлія (тур. эскемлэ́), скамья (Ак-пал. о. Мала).

Скапъ, а, о, скупъ, (Знепольская жупа, Престибъ).

Скепо (=скупо), дорого (Радоміръ, Кюстендиль).

Скити́чь, че, кочевникъ (Заг. Турлаки).

Скитня́, охота (не́быдмо на скитня́—Загорье).

Скрипо́цъ, грибъ (Пир. окр. Темско).

Скутъ, множ. ску́ты, ляжка, лядвіе.

Сла́вей (Дупн. окр. Бабошево, Заг. Берков.), Славе́й (Пир. о. Темско, Вран. окр. с. Прекодѣльци). Сла́віі (Заг. Бер-

ков. окр. с. Боровци), Сла́вой (Велесъ. Славой пиле не пой рано, не ми буды господара; сва нoть съмъ го успавало), Сла́вія (Заг. Берков. с. Боровци, 48), Славякъ, ум. славяче (Джумая), сла́вяйче (Тырнов. о.), соловей.

Слама, млечный путь (Пир. о., д. Моера).

Сла́мникъ, (Заг. Слатино), см. плѣ́вна.

Слани́нецъ, тоже что снигаринъ (Вр. о. с. Прекодѣльци).

Слободія, свобода (Рад. окр. Верба).

Слугарія ж. р., служанка, слуга (Радом. 83).

Слънце (Самок. 177 Рад. окр., Пердопъ, Знепольск. жупа, Дупн. окр. Бобошево).

Сълнце (Пир. окр. д. Моера, Дупн. окр. Бобошево),

Слунце (Лесков. окр.),

Сонце (Брезн. окр. Бабица),

Солнце (Пир. о. Темско), солнце.

Сълнчегле́дъ, подсолнечникъ (Заг. Берковецъ).

Слѣпо куче, хорекъ (д. Моера).

(да) Слюша, слушать (Дупн. о.), повел. накл. слю́шай.

Смо́ля, смола, варъ.

Сми́рка, можжевельный кустъ (Трен. окр. Джум. и др.).

Сока́къ (тур. сокàкъ), улица.

Со́колъ, соколъ (Заг.), см. дога́нъ.

Соколю (=соколе), соколъ (Загорье, Берков. ок. Вершецъ).

Сопо́лъ, сморкъ (Загорье, Слатина).

Спана́къ, (тур. испанàкъ=шпинатъ), трава шпинатъ (Пир. окр. Суково).

Спа́стрити, убить (Заг. 49).

Спечали́ти, пріобрѣсть (Заг. 49).

Спро́ты, соразмѣрно (спроты наши кони, соразмѣрно съ нашими лошадьми—Дупн. о.).

Сра́мъ, срамъ (Вран. ок. Губеровци).

Срамота́, стыдъ (Трен. окр.).

Старе́йшиница, жена старѣйшины (Кюст. ок. Невѣстино).

Ста́сати (греч. φϑάνω), пристигнуть (Вран. окр.).

Стена́, стѣна (Пир. о. Темско).

Сте́пка, слѣдъ (Радом.).

Сте́рвина, млрс. сте́рвино, уединениое мѣсто, гдѣ волки скрываются (Дупн. окр. Бобошево).

Сти́га, довольно, достаточно.

Стиза́ти, взять (Рад. окр. 141, стр. 310.

Стихъ, цѣлый періодъ (Джумая).

Сто́вна, особый родъ кувшина.

Столоваты, *а*, *о*, развѣсистый (66).

Сто́мна (Ак.-Пал. Топольница). см. стовна.

Стопа́на, хозяйка (Ст. План. Соф. окр. 71).

Страія, страхъ (Радом.).

Стружница, время стрижки овецъ (Соф. о. 119).

Стрѣа, стрѣха (Турл. Копиловци).

Стрѣ́ля, стрѣлокъ, (Дупн. окр. Скринó, Доброво).

Студó м. р. (=студъ), холодъ (Заг. Слатино).

Студъ, ж. р. (на таквá студъ— Рад. окр. Верба), холодъ.

Стьрмъ, млр. стерня́ (Пир. окр. Темско).

Стъ́ркъ, аистъ (Соф. окр. Бояна, 2).

Суджу̀къ (тур, суджу̀къ), колбаса (Брезн. окр.).

Суйца, сойка (Брезн. о. Бабица).

Сулиндáрь, ледяная сосулька (Соф. окр. Сливница).

Сурáтъ (тур. сурэтъ), лицо (слызи по суратъ поруни́,— Самок. окр. 177).

Су́режъ, клыкъ у дикаго кабана (Заг.).

Су́ровосъ (тур. сурэтъ-бàзъ), скоморохъ, человѣкъ переодѣтый въ медвѣдя, козу и т. п., въ рождественскіе святки).

Сългáти, обмануть (Тр. о. 29).

Сънъ, сонъ.

Сънувáти, тоже что санувати.

Сычье, сучье (Заг. Котеновци).

Сѣдéньтя, посѣделки.

Сѣдлó, сѣдло (Пир. о. Темско).

Сѣя́нье, сѣянье (Вран. окр.).

Сякій, всякій (Джумая).

Т.

Табакéра, табакерка (Пиротъ).

Тавáнъ (тур. табàнъ), потолокъ.

Тавá-та (тур. табàкъ), особаго рода сковорода (Рад. о. 116).

Таврá, баловство (тавра да чините—Радом. окр. 122).

Такá, такъ точно (така-онака, такъ и сякъ-, Рад. о. Бабица).

Тáкмо, только (Дупн. о. Скрино, Заг. Берков. окр. Вершецъ).

Таламинъ, талями́нъ (изъ тур. тутулмутъ?), арестованный (Пал. 84).

Талати́нъ (тур.), удила.

Таралешь, ёжъ (Загорье).

Тарпéза, трапеза.

Тати́ца, тятя (Брезн. окр.).

Татлія (тур. да̀тлы̀— сладкій), особый родъ кушанья изъ пшеничной муки (Заг. 92).

Тачити, ткать (Заг. 70).

Тевери́че (све-те буле тевериче чину — Трен. окр. 210), обѣдъ на собраніи ремесленниковъ.

Тегá, тогда (Пал. 84).

Тегáя, тоже (Трен. окр.).

Теки, такъ (Кюстендиль см. тáко, такá.

Текмо (=токмо), только (Соф окр. Сливница).

Телé, теля́ (Пир. окр. Темско).

Тéмба, (тур. тэнбигъ), множ. темби, распоряженіе, приказъ (Вран. окр. 135).

Теме, темя (Брезн. окр. Бабица); а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ тепе= темя (т. тэпэ — верхушка), а теме=челó.

Темéль (греч. θεμέλιον), основаніе, фундаментъ.

Темéръ (греч. θέναρ, θέμα),

надгробный памятникъ (Самок. окр.).

Тенджу́ра (тур. тэнджерэ), кострюля.

Тенете́, водосточная труба (дер. Любатовица).

Тепсія (тур. кафэсъ), клѣтка (Радом. 137).

Тёравъ, а, о, (тур. кӧръ), слѣпой (Трен. окр. 60).

Терзія (тур. тэрзи̇), портной.

Тѐрла (у терла накарамъ (Соф. о. 119), хлѣвъ, скотный сарай.

Тертія, задняя часть сѣдла.

Тесгетаръ, множ. тесгета́ре (тесгетаре порты затвориа) (Соф. окр. 132), слуга; срав. съ турец. дизда́ръ, комендантъ крѣпости.

Тесли́мъ (тур. тэсми̇нъ—передача), подарокъ, даръ (Соф. окр. 119).

Теслими́ти (тур. тэсли̇мъ этмѐкъ), доставить (Заг. 70).

Тефтере́ (тур. дефтѐрь), паспортъ.

Тешчасъ, сейчасъ (Брезн. ок.).

Тёше́ (Джумая, Брезн. о. и др.), Тёшъ (Пир. окр. Сопотъ) уголъ (тур. гӱшеэ).

Ти́ка, индѣйка (Брез. о. Бабица).

Ти́мнути (греч. τέμνω), ударить.

Тифти́къ (тур. тифти̇къ), длинный кусокъ полотна, употребляющійся вмѣсто пояса.

Тлысты (польск. tłusty), жирный (Заг. 22).

Това́, то.

Тоги́, тогда (Лесков. окр.).

Тогива, тогда (Загорье, Слатина).

Токмена, отъ гл. то́кмити, дѣвушка, руки которой добивается мущина (Радом. 55).

То́ко, только (Соф. окр. 132).

Толко, только (Алекс. окр.).

Топка, снѣжный валунъ, (Заг. Слатина).

Топу́къ, каблукъ (Пиротъ, Джумая).

То́пъ (тур. топъ), пушка.

Тояга, тояска, (тур. дая̇къ), палка (д. Моера).

Трасигази́ца, трясигузка (Заг. Берков.).

Тра́ска, лихорадка (Рад. окр. Верба).

Тра́яти, тра́яты, терпѣть, ожидать, тра́йте, постойте.

Тре́ка, третья (Дупн. о. Рыло).

Трендафиль (греч. τριαντάφυλλον), розовый кустъ.

Трепетлюга, осина (Радоміръ).

Тре́пка, ресница (Пир. окр. Темско).

Тресве, тросникъ (Брезн.).

Треска́, лихорадка (Брезн. окр. Бабица).

Трети́на, третья часть (дер. Моера).

(да) Тро́памъ, топать, стучать (кой тро́па озго́ре, Джумая).

Тро́я, множ. тро́и, кроха, (Бр. окр. Бабица).

Тру́по, трупъ (Заг.).

Трѣва (Соф. о. Суводолъ), (трѣва расковъ—Джумая) трава.

Ту́гла (тур. туглà), кирпичъ (Соф. окр. Суводолъ).

Тузлукъ (тур. дызлыкъ), особаго рода одежда, прикрывающая ноги отъ колѣнъ до ступни (Соф. окр.).
Туй, тутъ, тогда (Лесков. окр.).
Тýкашній, здѣшній (Джумая).
Тýку, только (К.-Бан. ок. Жилинци, 32).
Тýкъ, только (Пал. 84).
Тумрýкъ (тур. гўмрюкъ) множ. тумрýци, таможня (Заг.).
Тупáнъ, барабанъ.
Турúти, положить.
Тучъ (тур. туджъ—мѣдь?), чугунъ (Заг. Берков.).
Ты-зи, ты.
Ты-зи-ка, ты.
Тюнаци, труба (Моера).

У.

У=къ (у васъ ишли, къ вамъ пошли, К.-Б. ок. Вербовникъ).
Убавъ, ýбавъ, а, о (тур. хубъ), красивый, я, ое.
Ýгаръ, нива, пашня (Соф. окр. 119), поле, отдыхающее послѣ жатвы (Бр. окр. с. Бабица).
(да) Углавúмсе, обручиться (углавилъ се Павелъ доберъ юнакъ—Джум. окр. 73).
Ýгленъ, уголь (Пиротъ, Темско).
Увлéзти, влезть (Заг, 48).
Улакъ (тур. улàкъ), вѣстникъ.
Ýлица (на ýлицѣ Лесков. окр. Чукляница, Пир. о. Темско), улица.
Уловúца, сова (Заг. Спанчевци, Берковецъ).
Ýмо, умъ (Соф. окр. № 9).
Уплáшитисе, испугаться.
Уранúти, встать рано.
Ýрка, см. вурка (Заг. Костенци).
Урóкъ, урóци, сглазъ.
Усú, всѣ (Рад. окр. 176).
Усойня, Усорлúца см. осоевница.
Устрѣ́ти, пройти насквозь, прострѣлить.
Утéпати, убить.
Учинúти, сдѣлать.
Учкýръ (тур. учкýръ), снурокъ, которымъ подвязываются штаны.
Уште, еще (Макед. 54).

Ф.

Файда (тур. фаидэ), процентъ (Заг.), польза (Соф. ок. 121).
Фергáти, бросать, раскидывать (Заг.).
Фидáнъ (тур. фыдàнъ), маленькое деревцо.
Филія (гр. φυλία—дикая олива), тонкій ломоть хлѣба.
Фризúти (греч. φρονέω), д'идемо ни каниты, ни фризены—Радом. окр. 137), желать.
Фтáсати см. стасати.

Фудулинъ (тур. фодулъ), франтъ.
Фурня (итал. forno, тур. фурунъ), печь (Кюст. и др. окр.).
Фьрляти, см. вьрляти.
Фыстанъ (тур. фыстанъ), женская одежда (№ 204).

Х.

Хаберъ (тур. хаберъ), см. аберъ.
Хазна (тур. хазинэ), казна (Соф. окр. 169).
Хайръ (тур. хэйръ), богоугодное дѣло, спасеніе.
Хакъ (тур. хаккъ), право, подать, плата.
Ханема см. анема.
Ханъ см. анъ.
Харачъ, см. арачъ.
Харамъ (тур. харамъ), проклятъ (214).
Хара (греч. ἡ χαρά), радость.
Харенъ, см. аренъ.
Хатъ, хатъ (тур. атъ), жеребецъ (Соф. окр, 119).
Хесапъ (тур. хысабъ), счетъ.
Хитаръ, а, о, хитрый.
Хлавъ, хлѣвъ для овецъ (Соф. окр. Сеславци).
Хлябъ, хлѣбъ (Тырн. окр.).
Хубавъ *а*, *о* (тур. хубъ), см. убавъ.

Ц.

Цалъ, цѣлъ (цалъ лебъ, Дупн. окр. Шатрово).
Цало, рукоятка (Заг. Врач. о.).
Цалувати, цѣловать (Заг. 70).
Царевица, кукуруза (К.-Б. ок. Жилинци).
Цвилба, вопль.
Цевтѣти, цвѣсти (Враня).
Цекленица, стклянка, чашка (Брезн. окр. Бабица).
Целнути, поцѣловать (Дж. 69).
Черница, шелковичное дерево (К.-Б. Жилинци).
Церноцренъ, съ чернымъ черенкомъ (К. Б. окр. 88).
Церсто (да си церсто превезъ державишь — Трен. окр. 130) Цверсто (Соф. окр. 132), крѣпко, тщательно.
Цигулка, скрыпка.
Цинцигаринъ, см. синигаринъ (Пир. окр.).
Црева, колбаса (Брезн. окр.).
Цунити, цѣловать (Вран. окр. Киржанци).
Цырцорити, вытекать понемножку (Ак. Пал. окр.).

Ч.

Чавка (чавка кречоты), галка (Брезн. окр. Бабица).

Чадáръ (тур. чадыръ), шатеръ (Джум. 69).

Чаи́ръ (тур. чаиръ), пастбище, сѣнокосъ.

Чакъ (тур. чакъ), вплоть, до.

Чамбасъ, волосы (Рад. 188).

Чандія (тур.) (со-съ колпаци чандіи собаратъ—Соф. о.) холодное оружіе.

Чáнта, чантá (тур.), дорожная сумка (214).

Чарáпи (тур. джорàбъ), чулки.

Чардóшитисе (тур. чарэ шудэнъ?), уберечься (Трен. 183).

Чарклія (тур. чарклы̀), кольца въ шпорахъ.

Чарны, черный (Заг. Берк. ок. Гушанци, 94).

Чаршія (тур. чарши̇̀), рынокъ, рыночная площадь.

(на) Чáси, иногда (Джумая).

Чебáбъ (тур. кэбàбъ), жареное на вертелѣ.

Чеверлюга, (тур. чаиръ кушу̀), жаворонокъ (Соф. окр. Заг.) см. чиверлюга.

Чегерте, подмастерье (Соф. ок. Кремиковци).

Чéкати, ожидать.

Челá, пчела (Джумая).

Чело́вѣкъ, человѣкъ (Радом. и Джум. оо.).

Челя́тъ, плохой (Заг.).

Чемши́ръ (тур. чимши̇̀ръ), буксъ.

Черами́да (=керамида) (греч. κεραμίς), кирпичъ (Рад. окр. с. Верба).

Черви́лце, бѣлила, румяны.

Чéрга, (тур. іоргàнъ?) одѣяло.

Чéрква, церковь (Дупн. ок. Бошево).

Четалъ—мамуза (тур. чатáлъ-магму́зъ), шпора (Соф. о. 119).

Чехълъ, женская туфля.

Чехлáрче, башмачникъ.

Чиверлюга, жаворонокъ (Леск. и Вран. окр.), см. чеверлю́га.

Чивія (тур. чиви́), винтъ.

Чивте (тур. чифтъ), пара.

Чіé, чьё (Пир. окр. Сопотъ).

Чи́жма (Самоков. окр.), чи́зма, (тур. джизмэ̀), башмакъ, туфля, сапогъ.

Чи́рево, чрево, кишки, внутренности (Загорье).

Читáкъ множ. читаци, страшный человѣкъ, ругательное слово (латынсци читаци, Соф. окр. 132).

Чиферлюга, жаворонокъ (Заг. Берковецъ, Спанчевци), см. чеверлюга, чиверлю́га.

Чи́чо! дядя! (такъ, обыкновенно, Болгаре называютъ старшихъ особъ).

Чобáнъ (тур. чобàнъ), пастухъ.

Човѣ́чикъ, язычекъ (д. Любатица).

Чо́рба (тур. чорбà), супъ

Чорбаджія (тур. чорбаджи̇̀), зажиточный хозяинъ.

Чубе (тур. джуббэ), длинная одежда изъ драпа на мѣху (алено чубе на мене,—Соф. окр. 208).

Чува́тисе, скрываться, прятаться.

Чу́кати, стучать.

Чулъ (тур. чулъ), коверъ.

Чу́накъ, челнокъ (Тр. о. Баба).

Чурити (титунъ чуришь, Трен. окр.) курить.

Чуру́пка (тур. чуру́фъ), скорлупа (Заг.).

Чучуля́пка, птица подорожникъ (Загорье).

Ш.

Шака (тур. шака̀), шутка, смѣхъ (Соф. окр. 119).

Шалва́ры (тур. шальва̀ръ), шаровары (Джум.).

Шалдерваны, пестрый, размалеванный (Трен. окр. 171).

Шали́тра, селитра (Ак.-Пал. о. Ореовицъ).

Шаренъ, *а*, *о*, узорчатый, пестрый.

Шербе́тъ (тур. шербѐтъ), напитокъ изъ меду.

Ше́га (тур. шака̀), насмѣхаясь, шутка.

Шегуване (тур. шекавэ́тъ), шутка.

Шейте (тур. шаги́дъ), свидѣтели (Заг. 94).

Шекеренъ (тур. шекэрлы́), сахарный.

Шиба, лѣсъ (Пир. окр. Темско).

Шипо́рка, кранъ (Заг. 24).

Шише́ (тур. шишэ), графинъ.

Шляковица (удари му една шляковица—Трен. о. 130) пощечина.

Шмо́ркати, нюхать (Соф. окр. Суводолъ.

Шта́вля, щавель (Загорье).

Штеркъ, см. стъркъ, (Лесков. и Вран. окр.).

Штерколъ (Соф. окр.), см. штеркъ.

Ште́та, несчастіе, убытокъ.

Штица, доска (К.-Б. окр. Жилинци).

Штра́пка, слѣдъ (Пир. окр. Темско).

Штре́коль, аистъ (Соф. окр. Бутенецъ).

Штъркъ (Заг. Бер. Пир. окр. Темско) см. штеркъ.

Шугавъ, чесоточный (Турл. окр. Копиловци).

Шума, лѣсъ.

Шупелія (тур. сучлу̀), виноватый, виновный.

Шутъ, *а*, *о*, безрогій, ая, ое.

Шь, съ (Заг. Берков. окр.).

Щ.

Ще́рка, дочь (Соф. о. Столпинъ).

Ы.

Ыржь, рожь (Дупница).

Ѣ.

Ѣ́стіе, (Макед. Велесъ), Ѣсте́ (Тырнов. окр.), см. ястіе.

Э.

Эзере Охридско (Джум.).
Эребица, куропатка (Заг.).
Эсень, осень (Джум.).
Эсе́тръ, осетръ (Джум.).
Эте́, вотъ.

Ю.

Юзъ (тур. юзъ, сто), мѣра въ четверть оки.
Юловити (=уловити), поймать (Заг. Берков. окр. Вершецъ).
Юнакъ, герой, богатырь.
Юне́цъ, волъ не впрягаемый въ плугъ (Джум.),—Ю́нецъ, молодой волъ (Вран. окр.) ум. юнче́ (Заг. Берк. окр.).
Юче́ра, вчера (Брезн. окр. Бабица, Трен. окр.), одъ-юче́ръ, отъ вчерашняго дня (ib).

Я.

Я, (союзъ) а.
Я(=е), есть (Заг. 21).
Ябу́ко, яблоко (Брезн. окр. Бабица).
Я́балка, яблоня (Заг. Слатина), множ. я́балки, яблоки (ibid).
Яболка́рь, продавецъ яблокъ.
Ябълка, яблоня и яблоко (Пир. окр. Темско).
Яболково древо, яблоня (Соф. окр. Сливница).
Яга́би, ягайби (=егда бы), только бы, если бы, какъ бы (Трен. о. 183).
Ягаля́ръ (тур. агала̀ръ), ага, (и ягаляры побѣгали, — Радоміръ).
Ягенецъ, ягенци, ягненокъ (Заг. 38).
Ядры, *а*, *о*, крупный (Заг. 91).
Язъ (тур. язъ и язы̀, поле), болото.
Язе=язъ, азъ, я.
Язико, языкъ (Соф. окр.).
Яка́ (тур. яка̀), воротникъ (Бр. о.).
Яле (=але) (Заг. о., 48), — Яли, но.
Ялъ, ѣлъ (К.-Б. о. Невѣстино).

Яныя, особаго рода сладкое кушанье.

Ядрье (тур. ахоръ), яхеры, конюшня.

Яра, возмущеніе, бунтъ, ссора.

Ярдамъ (тур. ярдымъ), помощь, пособіе.

Ястіе, кушанье (Качаникъ).

Ястребъ ястребъ (Пир. окр. Темско).

Яшмакъ (тур. яшмакъ), бѣлая фата, которою турчанки покрываютъ голову.

Яшни, *а*, *о* (отъ ядны), сердитый (Радом. окр. 137).

ОПЕЧАТКИ.

	№ пѣсни.	стихъ.	Напечатано.	Должно быть.
стр.	V	26	по мѣрѣ возможности—,	по мѣрѣ возможности,
	VI	14	заимствованонимъ	заимствовано нмъ
	4	22	Жребчинка	Ждребчинка
	6	6	посѣщяющія	посѣщающія
	10	4	поставлено	поставлена
	21	2	обратять	обратятъ
	—	3	вниманія	вниманіе
стр.	—	14	кутей	кутьей
	61	16	магнентію	магнентію
	11	43	прѣстолъдае	прѣстолъ да е
	16	4	ни есме	ние сме.
	19	98	ӷиня	ӈня
	—	111	остапали	останали.
	20	29	Ерения	Евреина.
	22	27	гонаци	юнаци.
	—	59	Чста	Уста.
	29	16	клоче	ключе.
	33	1	Здравче	Здравче.
	35	43	О ты	Оты.
	37	22	поня	коня.
	46	2	Развпласе.	Развиласе
	47	18	тофтере	тефтере
	—	55	па	на
	48	16	Лезаря	Лазаря
	49	9	Зяпалилъ	Запалилъ
	—	35	десята	десета
	—	78	ипило	и пило
	55	1	мамá	момá
	59	33	неши	испи
	61	—	зеписана	записана
	61	7	булна-та	булка-та
	—	32	Олавица	Главица
	64	16	Іеркокъ	Іерковъ
	65	—	Трент.	Трен.
	—	—	слобъ	словъ
	—	14	девойна	девойка.
	—	20	дугмеета	дугмета
	66	26	тарнеза	тарпеза
	—	127	О ти	Оти
	67	49	Онн	Они

№ пѣсни.	стихъ.	Напечатано.	Должно быть.
68	27	Дунаева	Дунава
70	80	са	за
71	10	войнинъ	войникъ
—	37	стоп	стоѝ
72	20	х̔уильно	у̔ильно
—	101	ми	ли
74	8	оевѣста	невѣста
—	10	капита	копита
81	3	да	до
—	23	бѣ̆гаме	бѣ̆гаме.
—	42	виде виде	виде
82	7	До	Да
—	81	ели	е ли
83	15	пшитишь	пиштишь
—	63	окнна́ли	окпа́ли
—	71	Я зе	Язе
—	101	Тодорища	Тодорица
84	11	по	но
85	8	ты зека	ты-зе-ка
86	38	зопоило	запоило
89	7	вериче	вериге
—	20	на пойвани	напойвани
—	31	бочве	бъчве
91	189	5—57	60—83.
92	99	пиштѝ	пишты́
—	130	булюбаше	булюбаше!
—	136	до	да
—	137	до	да
—	—	загорета	загарета
93	71	Што ти, рекъ.	Што ти рекъ,
94	9	па	на
—	16	и де	иде
—	35	идешь	идеше
—	51	На ли	Нали
—	140	предъ	презъ
95	29 и 30	О ты се спну	Оты се, сину,
99	—	зеписана	записана
—	6	пе	ке
101	14	деветъ	деветы
—	20	ви́по	вино
102	12	Не	Ке
104	39	душа	гуша
—	46	поси	носи
105	—	зяписана	записана
стр. 214	6	топеве	топове
106	14	го	ю

№ пѣсни.	стихъ.	Напечатано.	Должно быть.
107	33	робя	робі.
108	—	Балгарію	Болгарію
112	32	Имайтя	И майтя
113	—	зиписана	записана
—	98	замотворно	самотворно
114	15	до	да
—	43	товничаре	тавничаре
116	—	арабинъ	арабъ.
стр. 235	2	това-та	тава-та
118	—	пѣсню,	пѣсню;
120	40	го	ю
122	37	За што	Зашто
124	8	подъ	кодъ
—	52	гезне	гезне
—	57	одинъ	одимъ
126	7	илисуры	клисуры
127	14	Босъ	Богъ
129	7	попори́ло	попари́ла
130	4	са	за
—	37	четпрестотитъ	четирестотинъ
132	41	подъ	кодъ
—	54	лахамъ	лагамъ
—	89	поро́рн?	поро́ди?
—	97	го	ю
—	213	Мира	Мара
—	214	Бога́	Кога́
—	253	подзе	нодзе
—	263	Завортесе	Завертесе
—	265	Марка	Мара
133	2	мене	меане
—	10	невѣрче	невѣруе
134	9	Ори́до	Ори́да
—	44	плачешъ	плачемъ
135	—	Лековскимъ	Лесковскимъ
137	53	озеро	езеро
—	84	мрѣежа	мрѣжа
138	105	юначкигоришь	юначки юришь
—	145	годинъ	годинъ
—	154	рѣжвмъ	рѣжемъ
139	42	до	да
—	63	почи	ночи
—	64	Зе	Се
140	6	Не му	Нему
—	9	Пи	Па
—	15	ю	го
—	21	камъ по	камъ-то

№ пѣсни.	стихъ.	Напечатано.	Должно быть.
—	34	за	га
—	51	ожедненъ	ожеднелъ
141	66	ойджа	оджа
142	11	Ротожь	Рогожь
—	26	такой	та
—	39	керчмарицо́!	керчмарицо!
—	48	ни самъ	нисамъ
143	11	Фало	Фала
—	61	Денипа	Деница
144	30	ю	го
—	66	колена	колѣна
—	67	ю	го
—	68	одъ одъ	одъ
145	9	Вачера	Вечера
146	—	Стоянова	Стояна
147	40	ю	го
149	28	Орыда	Орида
150	6	виво	вино
—	54	самовила;	самовила:
151	58	ты-зе-ко	ты-зе-ка
152	29	па-й-се	на-й се
153	21	Та-я	Та я
154	14	чула.	чула,
—	38	оконни	околни
—	65	гродума́ла	продума́ла
—	61	буздогаца	буздогана
—	68	Тагай	тагай
158	28	стретъ	стрѣтъ
—	37	добрб?	добро?
—	103	нощевашъ	нощевашь
—	134	сека	сега
159	—	ссло	село
—	26	босдогапъ	боздоганъ
161	29	Маку	Ману
162	20	Не мой	Немой
163	20	юнакъ	юпакъ
164	284	на	ни
169	5	за пира	запира
177	17	раб́	рая
188	84	на заде	назаде
198	2	девойти	девойтя
201	63	ударилъ	ударилъ.
206	39	Тогай	тогай
221	32	смѣешь.	смѣешь?
стр. 567	13	(*снизу*) Бобица	Бабица.